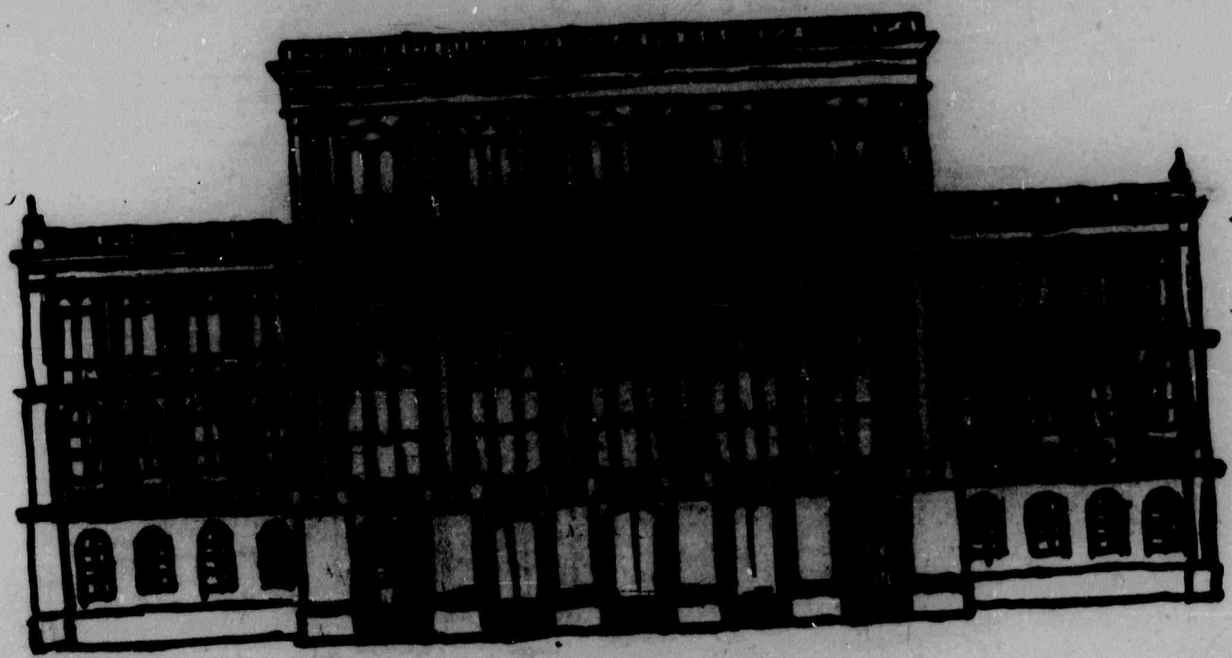
A

135

$\bar{Y}$

A MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA KÖNYVTÁRA

MIKROFILMTÁR



BUDAPEST

BIBLIOTHECA ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

1959

FOTO

J. K.

BAZINER, OSZKAR

LUDI SAECULARES.

DREVNERIMSZKIJA

SZEKULJARNÜJA IGRÜ.

VARSAVA, 1901. 326, CXV p.

LUDI SAECULARES.

ДРЕВНЕРИМСКІЯ СЕКУЛЯРНЫЯ ИГРЫ.

Историко-филологическое изслѣдованіе

О. Базинера

Профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ проф. *Г. К. Ульяновъ.*

BIBLIOTEKA NARODOWA

II. 137.217

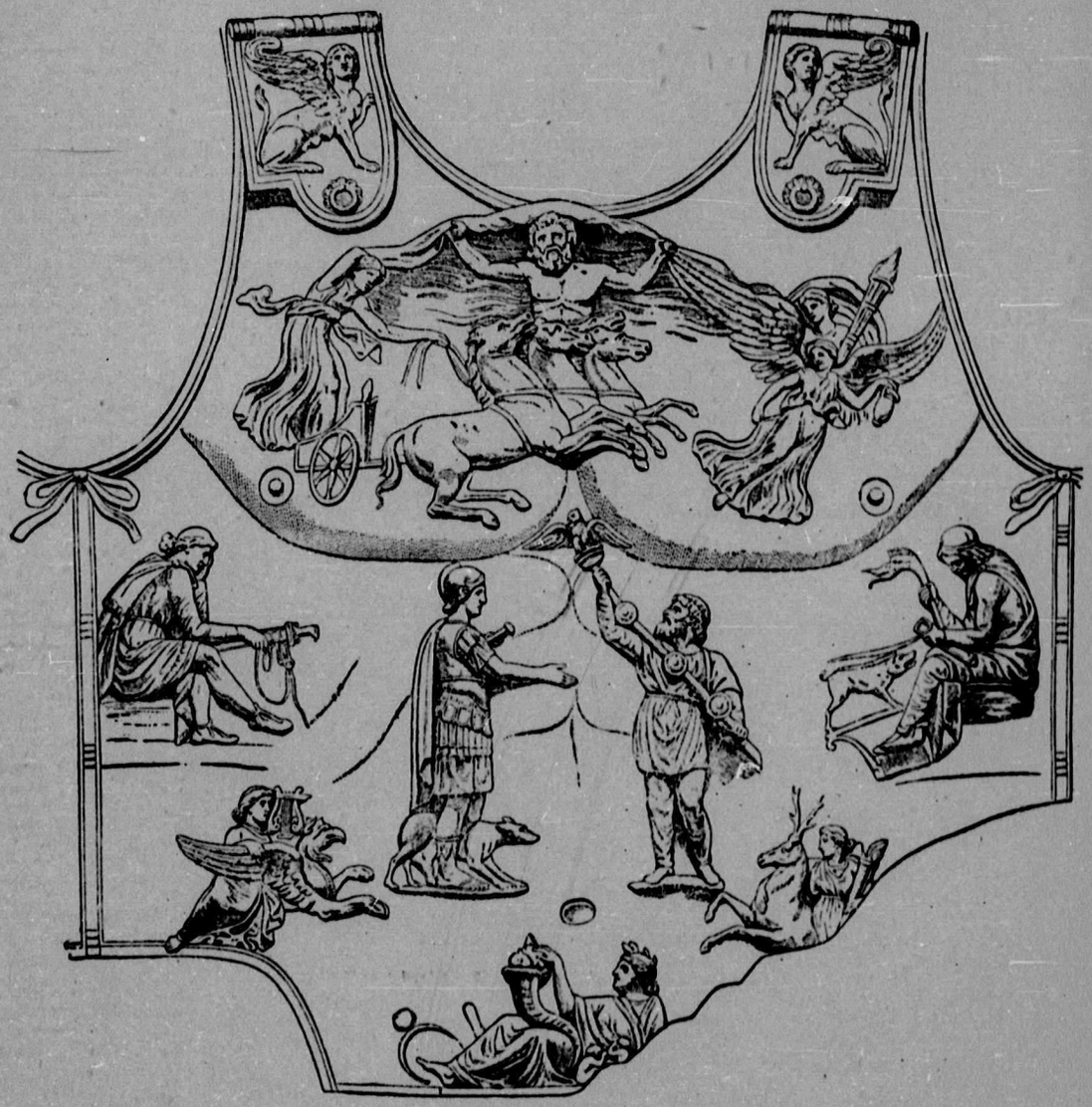
Статуя Августа изъ Равенны

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ проф. [illegible].

II 137.217

Статуя Августа изъ Primaporta.



Панцырь Статуи Августа изъ Primaporta.

FRANCISCO BUECHELER

S.

Καὶ τὸ μὲν οὖν σαφὲς οὔτις ἀνὴρ γένετ' οὐδέ τις ἔσται
εἰδώς, ἀμφὶ θεῶν τε καὶ ἅσσα λέγω περὶ πάντων·
εἰ γὰρ καὶ τὰ μάλιστα τύχοι τετελεσμένον εἰπών,
αὐτὸς ὅμως οὐκ οἶδε· δόκος δ' ἐπὶ πᾶσι τέτυκται.

Xenophanes.

Quoi dono lepidum hunc novum libellum
Insigni decore artium expolitum?
B u e c h e l e r, tibi: namque litterarum
Templi antistitem et optimum magistrum
Te pie colui secutus ultro
Iam tum, cum tibi nondum eram propinquus,
Caro nunc socero alterique patri.
At non sanguinis haec larumque iura
Sola vincula sunt, quibus tenes iam
Proximum tibi me, vir ut benigno
Et clementi animo es, sed unum idemque
Museum studium quoque aestuantem
Me vult foedera tecum inire docta
Et custodem operis te habere summum.

Quare habe tibi quicquid hoc libelli,
Qualecumque, quod, o patrone, per te
Plus uno maneat perenne saeclo.
Nam ipse hoc saeclo ineunte prodit alte
Pressus, ut decuit, novem per annos
Et, quod nunc fieri potest, celebrat
A Roma celebrata saecla prima.
Atque, ut Aeneadum urbi in orbe sacrae,
Qua nil pulchrius ulla vidit aetas,
Hoc libro totidem ominor novanda
Saecla, quot iam abiere in Orcum, ita usque
Saecla fausta precor tibi recurrant,
Mi Francisce, neque ut pater Vitelli,
Qui per blanditias, cum in urbe princeps
Saeclum conderet, „hoc identidem", inquit,
„Claudi, iam facias, supreme Caesar".
Humanam sed enim scio esse vitam
Somnii similem, biforme tamquam
Pignus huic generi datum ad lucrandum,
Nec potesse hominem nisi alta agentem
Virtute ingenii ac labore magno
Aeviternam animam sibi excitare
Corpore ex fragili ruente ad ima
Ac remittere sedi Olympiorum,
Praemium ut patrium ferat laborum.
Hic per saecla viget valet neque umquam
Totus mentibus excidet, nepotes
Grati eius benefacta prosequentur.
Ergo, ut Herculis athla sunt in ore,
Credo sic etiam tuos labores
Saeclorum memorum manere grates
Pro claris studiis, quibus magister
Ardens Italiae prope omnis omnem
Cultum scriptaque copiosa Graia
Pertractas pariter suprema et ima.
Immo, si a populis, ut olim in urbe,
Optime meritis viris agentur
Saecularia, tum tibi quoque ista
Festa agent aliqui, socer, tuarum
Curarum, quibus insenescis, ergo,
Fruges distribuens potentiores,
Quam aurum est, verbi ope publici stilique.
Quas spectans ego neutiquam periclum
Tempore hoc facerem tibi dicandae,
Dilectissime, disputationis
Huius, ni prius ipse tu cohortans
Vel tuo ingenio iuvans acuto,
Librum ut perficeremque promeremque,
Firmasses animum mihi paventi.
Et tamen vereor, ne opusculum hoc iam
Non satisfaciat tibi, peraeque
Si non omne nitet, severe censor,
Neve multa tibi parum probentur,
Quae de origine fontibusque ritus
Saecularis in urbe dis sacrati
Exprompsi dubia eruique nocte.
Ignoscas precor his, simul memento
A nostris studiis abesse prorsus

Quare habe tibi quicquid hoc libelli,
Qualecumque, quod, o patrone, per te
Plus uno maneat perenne saeclo.
Nam ipse hoc saeclo ineunte prodit alte
Pressus, ut decuit, novem per annos
Et, quod nunc fieri potest, celebrat
A Roma celebrata saecla prima.
Atque, ut Aeneadum urbi in orbe sacrae,
Qua nil pulchrius ulla vidit aetas,
Hoc libro totidem ominor novanda
Saecla, quot iam abiere in Orcum, ita usque
Saecla fausta precor tibi recurrant,
Mi Francisce, neque ut pater Vitelli,
Qui per blanditias, cum in urbe princeps
Saeclum conderet, „hoc identidem", inquit,
„Claudi, iam facias, supreme Caesar".
Humanam sed enim scio esse vitam
Somnii similem, biforme tamquam
Pignus huic generi datum ad lucrandum,
Nec potesse hominem nisi alta agentem
Virtute ingenii ac labore magno
Aeviternam animam sibi excitare
Corpore ex fragili ruente ad ima
Ac remittere sedi Olympiorum,
Praemium ut patrium ferat laborum.
Hic per saecla viget valet neque umquam
Totus mentibus excidet, nepotes
Grati eius benefacta prosequentur.
Ergo, ut Herculis athla sunt in ore,

Credo sic etiam tuos labores
Saeclorum memorum manere grates
Pro claris studiis, quibus magister
Ardens Italiae prope omnis omnem
Cultum scriptaque copiosa Graia
Pertractas pariter suprema et ima.
Immo, si a populis, ut olim in urbe,
Optime meritis viris agentur
Saecularia, tum tibi quoque ista
Festa agent aliqui, socer, tuarum
Curarum, quibus insenescis, ergo,
Fruges distribuens potentiores,
Quam aurum est, verbi ope publici stilique.
Quas spectans ego neutiquam periclum
Tempore hoc facerem tibi dicandae,
Dilectissime, disputationis
Huius, ni prius ipse tu cohortans
Vel tuo ingenio iuvans acuto,
Librum ut perficeremque promeremque,
Firmasses animum mihi paventi.
Et tamen vereor, ne opusculum hoc iam
Non satisfaciat tibi, peraeque
Si non omne nitet, severe censor,
Neve multa tibi parum probentur,
Quae de origine fontibusque ritus
Saecularis in urbe dis sacrati
Exprompsi dubia eruique nocte.
Ignoscas precor his, simul memento
A nostris studiis abesse prorsus

Vim mathematicae probationis
Ac nos res veterum sitas sub umbra
Sola cernere cogitatione,
Dum mens conicit hoc et illud, umbram
Tamquam lumine Cynthiae minuto
Lustrans aut male fumida lucerna.
Neu mirere igitur, quod hic libellus,
Ut pandat tenebris operta sacra
Commonstretque, quid illa primo ab ortu
Antiquis fuerint suopte iure,
Sidera auxilio advocat libenter,
Profert numina solis atque lunae
Festis carminibus sacrisque castis
Olim culta prope universo in orbe
Illasque esse fere docet scatebras,
Unde et fluxerit iste in urbe ritus.
Nec pol nescio nunc apud peritos
Rerum mythologos perarduarum
Numina illa quasi in situ iacere
Nec multum valuisse iudicari
Ad cultum amplificandum et excolendum
Prae divis aliis, sed ex profundo
Manes et tumulis dei citantur,
Nostri qui fuerant prius gemelli.
Hosne adducar ut exstitisse credam
Genti numina primitiva nudae
Obversaeque minis potissimum horum,
Quae stant ante oculos et institerunt,
Caeli prodigia et stupenda signa?

Immo prorsus ab his deorum oborta
Prima relligio anxiis piisque
Quondam pectoribus mihi videtur,
Tum, credo, variata fortuito
Aut vana vitiata mente volgi
Conversa est facile ad minora mundi,
Magnorum simulacra ficta divum
Delibataque opinione, voce,
Usu, quae libuere, pro se ab illis.
Hac ergo ratione et obsecutus
Paucis mythologis sacra illa Romae
Ordine explicui integro novoque
Nec, primordia dum referre conor,
Morem praeterii patritum avitum,
Caeli quo coluere clara signa.
Iam si quod liquido poeta dixit,
Soles occidere et redire posse,
Nec minus meministi alacriorem
Vocem illam „ex oriente lux“ corusca,
Non miraberis hercule integrari
Hoc libro rationem ab occidentis
Doctis mythologis fere relictam.
Excusabis enim, quod ipse magni
Rossici imperii inclutique civis
Eoas habito plagas latusque,
Quod primum exoriens videt diurni
Sideris iubar aureumque Phoebum,
Quodque idem reliquis plagis planetae
Huius iam tribus et decem diebus

Cedit posterius morante freno
Ritus relligiosi et obstinati.
Haec ergo patria atque dulcia arva
Sortitus dubitemne ego immorari
Et constare modo tenebricosa
Casca aenigmata mythica explicandi
Tali, qui mihi sit magis probatus,
Quam quos Hesperii modos secuntur?
An censes nova quaeque digniora
Adsumi atque alia omnia emovenda?
Sed quid plura? iocosa abite dicta
Et severa simul. tuum est, magister,
Iam decernere, quanta vis fidesque,
Siqua est, haereat huic novo libello,
Num doctus sit idoneusque, saeclo
Qui nunc incipiente te salutet
Et felix spatium tibi auspicetur,
Quo pergas aliis in artis aede
Doctrinaeque focus parare lucem.

O. Basiner.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Планъ настоящаго изслѣдованія о секулярныхъ играхъ древнихъ римлянъ возникъ въ моемъ умѣ еще десять лѣтъ тому назадъ, когда во время моего пребыванія въ Римѣ зимою 1890—91 г. благодатная почва вѣчнаго города подарила міру новые замѣчательные эпиграфическіе памятники давно минувшихъ временъ, содержащіе въ себѣ оффиціальные акты секулярныхъ игръ Августа и Септимія Севера. Присутствуя самъ почти ежедневно при раскопкахъ этихъ памятниковъ, продолжавшихся съ 20 сентября 1890 г. до 4 марта 1891 г., я имѣлъ возможность тогда же изучать и отчасти даже списывать выходившіе на свѣтъ фрагменты актовъ, а это изученіе не могло не навести меня на мысль приступить къ новой обработкѣ труднаго вопроса о древнеримскихъ секулярныхъ играхъ вообще. Этотъ вопросъ, несмотря на давнишній интересъ, возбуждавшійся имъ въ представителяхъ классической филологіи и вызывавшій немало цѣнныхъ изслѣдованій съ ихъ стороны, все еще продолжалъ и продолжаетъ нуждаться въ дальнѣйшемъ разборѣ и разъясненіи многихъ загадочныхъ сторонъ его сложнаго характера. Образцовыя комментированныя изданія новонайденныхъ надписей, вышедшія еще въ 1891 и 1892 г. изъ рукъ геніальнѣйшаго изслѣдователя римской исторіи Теодора Моммзена, не могли удержать меня отъ предпринятой работы, а послужили мнѣ только для поощренія къ продолженію ея. Съ одной стороны, намѣченная мною задача была отчасти гораздо шире цѣли, которую преслѣдовалъ великій Несторъ исторической науки въ указанныхъ изданіяхъ; а съ другой стороны—я могъ теперь облегчить свою работу, опираясь на такой спеціальный комментарій къ этимъ надписямъ, какой на первыхъ порахъ едва-ли могъ бы быть данъ другимъ ученымъ съ бо́льшимъ умѣніемъ и съ бо́льшей полнотою.

Стараясь по мѣрѣ силъ дополнить акты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ фрагментарное состояніе ихъ наиболѣе вызывало конъектуральную критику изслѣдователя, я счелъ нужнымъ по отношенію къ этимъ актамъ довольствоваться въ своемъ изслѣдованіи по возможности связнымъ и цѣльнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, а зато обратить свое главное вниманіе на изученіе древнѣйшей исторіи секулярныхъ игръ. При этомъ я задался цѣлью разъяснить происхожденіе и первоначальный смыслъ религіозныхъ культовъ, изъ которыхъ эти игры возникли, чтобы такимъ образомъ восполнить пробѣлъ, который до сихъ поръ былъ оставленъ изслѣдователями при ихъ изученіи исторіи этихъ игръ. Въ виду трудности такой задачи, обусловленной скудостью дошедшихъ до насъ изъ древности свѣдѣній, я, конечно, не могу имѣть притязанія на то, что высказанныя мною по этому поводу предположенія будутъ признаны вполнѣ достовѣрными, но я тѣмъ не менѣе льщу себя надеждою, что мнѣ удалось доказать по крайней мѣрѣ правдоподобность нѣкоторыхъ изъ нихъ и такимъ образомъ положить не совсѣмъ зыбкое основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій, которыя другіе ученые не преминутъ посвящать этой сложной и загадочной сторонѣ исторіи секулярныхъ игръ и вообще древнеримской религіозной жизни.

Въ 1897 г. моя работа, представляющая собою попытку дать полный очеркъ какъ происхожденія и развитія культовъ секулярныхъ игръ, такъ и позднѣйшей исторіи и хронологическихъ датъ этихъ празднествъ, была доведена почти до конца, и я приступилъ къ ея изданію въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но πολλὰ μεταξὺ πέλει κύλικος καὶ χείλεος ἄκρου. Различныя обстоятельства помѣшали мнѣ продолжать печатаніе, начатое въ майской, іюньской и ноябрской книжкахъ названнаго журнала за 1897 г., а пріостановивши его, я въ послѣдующіе годы, помня Гораціево слово nonum prematur in annum, подвергъ всю свою работу новому тщательному пересмотру и вмѣстѣ съ тѣмъ старался по мѣрѣ силъ раскрыть изслѣдуемый мною предметъ еще съ большей полнотою и разносторонностью. Благодаря разрѣшенной мнѣ въ 1899—1900 г. заграничной командировкѣ мнѣ удалось наконецъ довести это дѣло до конца, и въ январѣ текущаго года я приступилъ къ печатанію всего труда, выходящаго такимъ образомъ теперь отчасти (главы 1 и 2) вторымъ изданіемъ.

Къ самому изслѣдованію я присоединилъ въ обширныхъ приложеніяхъ критическое изданіе всѣхъ находящихся въ древнихъ источникахъ свѣдѣній о секулярныхъ играхъ, а кромѣ того снабдилъ свою книгу двѣнадцатью таблицами, на которыхъ воспроизведены какъ статуя Августа изъ Primaporta и ея панцырь, имѣющіе нѣкоторое отношеніе къ секулярнымъ играмъ (Августа), такъ и карта древняго Рима конца имперіи, съ особымъ обозначеніемъ его мѣстностей, гдѣ происходили секулярныя игры, далѣе новонайденные остатки жертвенника Дита и Прозерпины, служившаго центромъ культовъ этихъ игръ, а также фрагменты эпиграфическихъ актовъ игръ Августа и Септимія Севера, нѣкогда украшавшихъ воздвигнутые въ память этихъ игръ мраморные столбы, и, наконецъ, важнѣйшія секулярныя монеты. Питаю надежду, что изданіе этихъ памятниковъ, собранныхъ мною въ полномъ и критически провѣренномъ видѣ, послужитъ другимъ ученымъ прочнымъ основаніемъ какъ для оцѣнки моей книги, такъ и для дальнѣйшихъ изслѣдованій по исторіи секулярныхъ игръ.

Подробный указатель содержанія моего изслѣдованія, помѣщенный въ концѣ книги, облегчитъ пользованіе ею.

При составленіи моего труда я пользовался любезными услугами нѣкоторыхъ ученыхъ. Директора Берлинскаго и Лондонскаго нумизматическихъ кабинетовъ гг. Dressel и Head предоставили мнѣ превосходные гипсовые оттиски хранящихся въ названныхъ кабинетахъ секулярныхъ монетъ; Dr. Walther Otto въ Мюнхенѣ прислалъ мнѣ краткій обзоръ значеній слова saeculum въ римской литературѣ, составленный имъ на основаніи богатаго лексическаго матеріала, собраннаго для издаваемаго нынѣ Thesaurus linguae Latinae; Dr. Georg Karo сличилъ для меня въ Римѣ текстъ оригинала эпиграфическихъ актовъ секулярныхъ игръ Августа и Септимія Севера, а г.г. Holder въ Карлсруэ и Keller въ Прагѣ предоставили мнѣ весь критическій аппаратъ схолій къ carmen saeculare и carmen IV, 6 Горація, собранный ими для новаго изданія полнаго сборника схолій этого поэта.

Извѣстный издатель и патронъ классической филологіи B. G. Teubner въ Лейпцигѣ съ большой предупредительностью прислалъ мнѣ изготовленное для изданной имъ Strena Helbigiana клише́, которое представляетъ воспроизведеніе панцыря статуи Августа изъ Primaporta, и кромѣ того позволилъ мнѣ воспользоваться для уменьшенной репродукціи одною изъ картъ древняго Рима, помѣщенныхъ въ изданномъ имъ же трудѣ A. Schneider'a Das alte Rom.

Какъ этимъ лицамъ, такъ, въ особенности, моему коллегѣ, профессору Варшавскаго Университета Н. И. Новосадскому, помогавшему мнѣ любезнѣйшимъ образомъ при чтеніи корректуры бо́льшей части моего труда, я выражаю здѣсь свою искреннюю благодарность.

Наиболѣе же я обязанъ какъ нравственною, такъ и научною поддержкою моему тестю Францу Бюхелеру. Во время моего послѣдняго пребыванія въ Боннѣ я имѣлъ возможность постоянно черпать изъ неизсякаемаго источника знаній и остроумія этого главы современной классической филологіи, бывшаго моимъ учителемъ еще въ то время, когда я былъ студентомъ въ Боннѣ; въ особенности я могъ изучить вмѣстѣ съ нимъ фрагменты эпиграфическихъ актовъ секулярныхъ игръ Августа и Септимія Севера. Онъ не отказался взять на себя также трудъ чтенія послѣдней корректуры всѣхъ приведенныхъ въ моихъ приложеніяхъ литературныхъ и эпиграфическихъ источниковъ, содѣйствуя такимъ образомъ возможно тщательному изданію ихъ.

Кому, поэтому, если не ему, я долженъ посвятить всю свою книгу, какъ маленькій знакъ моей благодарности за оказанную имъ мнѣ помощь?

Да явится это скромное приношеніе хотя отчасти достойнымъ такого великаго филолога вкладомъ въ классическую науку, и да послужитъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ того, что и у насъ въ Россіи эта наука, несмотря на слабый интересъ, встрѣчаемый ею теперь въ обществѣ, способна развиваться и съ своей стороны содѣйствовать уразумѣнію исторіи человѣчества, т. е. человѣческому самосознанію, этой высшей задачѣ и цѣли нашего существованія!

О. Базинеръ.

Варшава, 12 сентября 1901 г.

LUDI SAECULARES.

ДРЕВНЕРИМСКІЯ СЕКУЛЯРНЫЯ ИГРЫ.

Roma, fave, tibi surgit opus, date candida, cives,
Omina et inceptis dextera cantet avis.

Propertius.

Nos, qui sequimur probabilia nec ultra id, quod veri simile occurrerit, progredi possumus, et refellere sine pertinacia et refelli sine iracundia parati sumus.

Cicero.

Относительно немногихъ вопросовъ, касающихся сакральныхъ учрежденій римскаго государства, господствовало уже въ древности такое разнообразіе противорѣчивыхъ мнѣній и показаній, какъ относительно значенія римскихъ saecula и хронологіи связанныхъ съ ними секулярныхъ игръ. Хотя Варронъ и посвятилъ, по свидѣтельству Сервія [1]), въ первой части своего обширнаго энциклопедическаго сочиненія объ Antiquitates rerum humanarum et divinarum цѣлую, какъ доказалъ Группе [2]), пятнадцатую книгу (rerum humanarum liber XV) изслѣдованію вопроса о римскихъ saecula и ludi saeculares, но и послѣ этого, къ сожалѣнію, не дошедшаго до нашего времени изслѣдованія упомянутое разнообразіе противорѣчивыхъ мнѣній продолжало господствовать среди римлянъ: еще Цензоринъ въ написанномъ имъ въ 238 году по Р. Х. трактатѣ De die natali, въ 17-й главѣ котораго онъ спеціально говоритъ объ этихъ вопросахъ, жалуется на это разнообразіе, указывая, что съ одной стороны римскія saecula опредѣлялись то въ 100, то въ 110 лѣтъ, а съ другой стороны обусловленная уже этимъ обстоятельствомъ путаница въ хронологіи секулярныхъ игръ увеличивалась еще другими, противорѣчивыми свѣ-

---

[1]) Ad Verg. Aen. VIII, 526; Varro de saeculis.

[2]) Gruppe, Ueber die Bücher XIV—XVIII der Antiquitates humanae des Varro, въ Hermes X (1876), 51 sqq. Ср. также Mirsch, De M. Terenti Varronis Antiquitatum rerum humanarum libris XXV (въ Leipziger Studien zur klass. Philol., vol. V (1882), p. 122.

дѣніями о годахъ празднованія ихъ, сохранившимися у древнѣйшихъ анналистовъ. Если теперь принять въ соображеніе, что не только текстъ трактата Цензорина, въ которомъ приводятся эти свѣдѣнія, вѣроятно, почерпнутыя имъ преимущественно изъ сочиненій Светонія, въ свою очередь, опиравшагося особенно на изслѣдованія Варрона и Фенестеллы [1]), но и текстъ экскурса о ludi saeculares, находящагося въ исторіи Зосима, дошелъ до насъ отчасти въ испорченномъ и неполномъ видѣ, а встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ данныя о ludi saeculares отличаются, большею частью, случайнымъ и отрывочнымъ характеромъ, если принять все это во вниманіе, то станетъ понятнымъ, почему исторія римскихъ секулярныхъ игръ не переставала возбуждать интересъ ученыхъ филологовъ [2]) со временъ возрожденія, и почему, съ другой стороны, она и теперь еще должна считаться далеко не вполнѣ разъясненною въ своихъ деталяхъ и даже въ нѣкоторыхъ основныхъ пунктахъ.

[1]) Ср. Reifferscheid въ его изданіи Светонія (Lpz. 1860), p. 434. — О хронологическихъ вопросахъ Светоній трактовалъ въ 8-й книгѣ своихъ „Prata“ (см. Reifferscheid, l. c., p. 149—192), а о римскихъ зрѣлищахъ и играхъ въ особомъ сочиненіи „Historia ludicra“ (см. Reifferscheid, l. c., p. 332—346). — Скудныя указанія древнихъ на тѣ изслѣдованія Фенестеллы, которыя касались римской хронологіи и римскихъ игръ, собраны наиболѣе тщательно у Peter'a, Historicorum romanorum fragmenta (Lpz. 1883), p. 272.

[2]) Болѣе древнія изъ спеціальныхъ изслѣдованій о ludi saeculares отчасти приводятся Mitscherlich'омъ въ его изданіи Горація, vol. II (Lips. 1800), p. 643 sq. Большинство изъ нихъ устарѣло, и лишь немногія, какъ, напримѣръ, сочиненія Онофріо Панвиніо (Onuphrius Panvinius, De ludis saecularibus liber, написанный въ 1558 г., въ Венеціи) и Таффинуса (Petrus Taffinus, De veterum Romanorum anno seculari eiusq ue potissimum per ludos seculares celebritate, Tornaci 1641), помѣщенныя въ Graevii Thesaurus Antiquitatum Romanarum, первое въ IX томѣ (1699, p. 1061—1094), а второе въ VIII (1698, p. 467—640), представляютъ еще нынѣ нѣкоторый интересъ. Исторіи секулярныхъ игръ коснулись также Ios. Scaliger (De emendatione temporum. Colon. 1629, p. 182—184), Ideler (Handbuch der Chronologie. Berlin 1825—26. II, p. 82 sqq.) и Niebuhr (Römische Geschichte I, 304). Наиболѣе капитальными изслѣдованіями о ludi saeculares мы, однако, обязаны новѣйшимъ ученымъ, а именно Roth'y („Ueber die Römischen Säcularspiele“, въ Rhein. Museum N. F. VIII (1853), p. 365—376), Schoemann'y („De Romanorum anno saeculari“, Greifswald 1856, въ его Opuscula academica, I (Berlin 1866) p. 50—60) и въ особенности Th. Mommsen'y (Römische Chronologie, 2 ое изданіе (Берлинъ 1869), p. 172—194). Слѣдуетъ далѣе указать еще на статью O. Hirschfeld'a („Das Neujahr des tribunicischen Kaiserjahres“, въ Wiener Studien III (1881), p. 99 sqq.) и на трактующія о ludi saeculares главы сочиненій Greswell'я (Origines Kalendariae Italicae, vol. II. (Oxford 1854), p. 608—669), Matzat'a (Römische Chronologie, vol. I (Berl. 1883), p. 238; 255 sqq.; 288 sqq.; 324 sq. и 338 sqq.), Holzapfel'я (Römische Chronologie (Lpz. 1885), p. 174—178 и 181), Soltau (Römische Chronologie (Freiburg i. Br. 1889), p. 386—394), затѣмъ Marquardt'a (Römische Staatsverwaltung, III², p. 385—393) и Preller-Jordan'a (Röm. Mythologie, II³, p. 82—92). Наконецъ, Mommsen наиболѣе содѣйствовалъ разъясненію исторіи секулярныхъ игръ своимъ образцовымъ комментированнымъ изданіемъ недавно открытыхъ надписныхъ актовъ ludorum saecularium quintorum et septimorum, сперва въ Monumenti antichi, pubbl. per cura d. R. Accad. dei Lincei, Vol. I, punt. 3-a (Milano 1891), p. 617—672, а затѣмъ въ Ephem. epigr. vol. VIII, fasc. 2 (Berl. 1892), p. 225—309. О новѣйшей литературѣ, касающейся секулярныхъ игръ особенно Августа и вызванной открытіемъ указанныхъ актовъ, см. ниже въ VI-ой главѣ, въ которой я трактую объ этихъ играхъ.

Въ виду всего этого я намѣренъ въ настоящемъ трудѣ подвергнуть исторію этихъ игръ новому тщательному и всестороннему разсмотрѣнію, полагая, что такой трудъ въ виду важности недавно найденныхъ надписей, содержащихъ оффиціальные акты о ludi saeculares quinti и septimi, явится вполнѣ умѣстнымъ и своевременнымъ даже послѣ образцоваго изданія этихъ надписей Моммзеномъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію главной и непосредственной задачи своего труда — изслѣдовать вопросъ о возникновеніи и первоначальномъ характерѣ римскихъ секулярныхъ игръ, прослѣдить затѣмъ исторію ихъ позднѣйшаго развитія и постараться вмѣстѣ съ тѣмъ установить хронологію

ихъ съ древнѣйшихъ временъ ихъ существованія,—я считаю необходимымъ притти прежде всего къ окончательному рѣшенію вопроса объ этимологіи и значеніи слова saeculum, отъ котораго и получили свое названіе ludi saeculares.

ГЛАВА I.

О значеніи, этимологіи и происхожденіи слова saeculum.

Разбирая вопросъ о значеніи и этимологіи слова saeculum, слѣдуетъ, во-первыхъ, имѣть въ виду, что древнѣйшіе римскіе писатели, въ особенности Плавтъ и Лукрецій, употребляли это слово только въ формѣ saeclum, не имѣющей соединительнаго гласнаго звука, и что только впослѣдствіи, то-есть начиная съ классической эпохи римской литературы, стала употребляться также форма saeculum, имѣющая соединительный гласный звукъ [1]); во-вторыхъ, слѣдуетъ исходить изъ того установленнаго Флекейзеномъ и другими факта [2]), что слово saeculum (saeclum) съ двугласною ae встрѣчается въ лучшихъ и древнѣйшихъ рукописяхъ и надписяхъ на камняхъ и монетахъ, а съ гласною ē—sēculum (sēclum)—встрѣчается гораздо рѣже и притомъ лишь въ позднѣйшихъ рукописяхъ и надписяхъ. Въ виду этого факта сами собою опровергаются тѣ встрѣчающіяся у древнихъ авторовъ или современныхъ филологовъ этимологическія объясненія слова saeculum, въ которыхъ оно сопоставляется съ sĕnex и sĕnescere [1]), или съ sĕqui [2]), или съ sĕcare [3]), или съ sĕcus и sĕxus [4]), то-есть съ такими словами, съ которыми оно и по свойственнымъ ему въ римской литературѣ значеніямъ, послѣдовательно и логично развившимся одно изъ другаго—„родъ“ или „раса“, „поколѣніе“, „вѣкъ“ (человѣческій). „время“, „столѣтіе“, „нравы вѣка“ или „духъ времени“, „человѣчество“ (живущее въ опредѣленномъ вѣкѣ и вообще) и „міръ“ или „свѣтъ“ [5])—не имѣетъ ничего общаго.

Но и тѣ новѣйшіе ученые филологи, которые при объясненіи этимологіи и первоначальнаго значенія слова saeculum исходили изъ его правописанія съ двугласною ae, не могли до сихъ поръ притти къ соглашенію. Такъ, напримѣръ, Моммзенъ, усматривая въ saeculum слово, произведенное отъ латинской глагольной основы, и полагая, что оно, подобно vin(c)culum, po(t)-culum и др., потеряло согласную передъ суффиксомъ, сопоставилъ его съ saepire, корень котораго, съ временнымъ значеніемъ, послужилъ, какъ онъ полагалъ, также

---

[1]) Cp. Osthoff, Forsch. im Gebiet d. indogerm. nominalen Stammbildung I (Jena 1875), p. 103. Lindsay, Diminutives in-culus, въ Classical Review VI (1892), p. 89.

[2]) Fleckeisen, Fünfzig Artikel aus e. Hülfsbüchlein für latein. Rechtschreibung (Lpz. 1861), p. 27. — Corssen, Ueber Ausspr., Vokal. u. Beton. d. lat. Spr. I² (Lpz. 1868), p. 325 и 377.—Wagner, Kurzgef. latein. Orthogr., p. 36.—Brambach, Hülfsbüchlein für latein. Rechtschreibung. 3. Aufl. (Lpz. 1884), p. 59.—Cp. также Georges, Lexikon der latein. Wortformen (Lpz. 1890), p. 608 sq. s. v. saeculum. Здѣсь указаны также другія формы этого слова, встрѣчающіяся въ позднѣйшей латыни (saecolum, secolum, saculum, saecullum).

[1]) Varro, De l. L. VI, 11 Müller: Seclum spatium annorum centum vocarunt, dictum a sene, quod longissimum spatium senescendorum hominum id putarant.

[2]) Isidorus, Orig. V, 38: Secula generationibus constant et inde secula, quod se sequantur. Abeuntibus enim aliis alia succedunt.

[3]) См. Forcellini, Totius latinitatis lexicon, s. v. saeculum, и Corssen, Ueber Ausspr., Vokal. u. Beton. d. lat. Sprache, I² (Lpz. 1868), p. 377.

[4]) См., напримѣръ, Georges, Ausführl. lat.-deutsches Handwörterb. 7. Aufl. (Lpz. 1879—80), s. v. saeculum. Существительныя secus и sexus, означающія „полъ“, этимологически производятся отъ той же основы sac-, sec-, („разсѣкать“, „рѣзать“), отъ которой произведенъ глаголъ secare. Съ ними слово saeculum не имѣетъ ничего общаго, такъ какъ оно нигдѣ и никогда не означало „разрѣзъ“ или „отдѣлъ“.

[5]) Ниже я подробнѣе докажу, что развитіе отдѣльныхъ значеній слова saeculum шло въ указанномъ порядкѣ.

для образованія нарѣчія saepe [1]). Это объясненіе, принятое Флекейзеномъ [2]), Гагеномъ [3]) и Л. Мюллеромъ [4]), но отвергнутое Швейцеръ-Зидлеромъ [5]), безъ сомнѣнія, ошибочно. Во-первыхъ, ясно, что производное отъ saepe, saepire (sepire) существительное должно было бы гласить не sae(p)-culum, а saepiculum,—[сравни архаическое нарѣчіе saepicule („довольно часто"), произведенное отъ saepe, и существительное sēpicula („маленькая ограда"), произведенное отъ sepire (saepire)],— а во-вторыхъ, невозможно объяснить, какимъ образомъ производимое отъ saepire существительное могло бы получить приписываемое ему Моммзеномъ, но собственно нигдѣ не встрѣчающееся значеніе нѣмецкаго выраженія „Kette von Jahren" („цѣпь", то-есть рядъ лѣтъ), и какимъ образомъ изъ этого послѣдняго значенія могли бы развиться всѣ другія значенія, которыя слово saeculum имѣетъ въ латинской литературѣ.

Столь же неудачнымъ является предложенное Форчеллини и другими сопоставленіе слова saeculum съ αἰών и aevum [6]), такъ какъ, хотя и нельзя отрицать возможности того, что saeculum сокращено изъ saeviculum, какъ aetas сокращено изъ aevitas, не можетъ однако подлежать сомнѣнію, что какъ корни, такъ и первоначальныя значенія словъ saeculum и aevum (греч. αἰών) совершенно различны [7]).

Еще болѣе неосновательнымъ и фантастическимъ, чѣмъ упомянутыя до сихъ поръ этимологическія объясненія слова

---

[1]) Mommsen, Röm. Chronologie, 2. Aufl. (Berlin 1869), p. 172 sq.

[2]) Fleckeisen, Fünfzig Artikel etc., p. 27.

[3]) Hagen, Das Wesentlichste aus d. n. Ergebnissen auf d. Gebiete d. lat. Orthogr. u. Orthoëpie (Bern 1868), p. 5.

[4]) L. Müller, Orthographiae et prosodiae summarium (Petrop. 1878), p. 62.

[5]) Schweizer-Sidler, въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch., vol. XVIII (1869), p. 304.

[6]) Forcellini, Totius latinitatis lexicon, s. v. saeculum (extr.). Ср. также Müller, Die Etrusker II², 309 nota 30a init.

[7]) Почти всѣ ученые нынѣ согласны въ томъ, что aevum и αἰών производятся отъ корня i—(„итти"): ср. Vaničck, Griech.-lat. etymol. Wörterb. p. 81.

saeculum, слѣдуетъ считать то производство его, которое было предложено Энманномъ [1]) въ связи съ объясненіемъ имени божества Consus. По мнѣнію названнаго ученаго имя этого божества и слово saeculum представляютъ собою composita, въ которыхъ содержатся два одинаковыхъ элемента, расположенныхъ только въ противоположномъ порядкѣ, а именно: во-первыхъ, индоевропейскій корень sav-,sev- („жечь"), имѣющій, по своему значенію, какъ полагаетъ Энманнъ, прямое отношеніе къ дѣятельности солнца и встрѣчающійся, по мнѣнію этого ученаго, не только въ глаголахъ греческаго языка αὕω, ϝεύω, но и въ тѣхъ существительныхъ какъ греческаго, такъ и латинскаго и готскаго языковъ, которыя обозначаютъ солнце (ἠέλιος, ἥλιος, ἀβέλιος, sol, sauil), и во-вторыхъ, латинскій глаголъ condere. Такимъ образомъ Энманнъ полагаетъ, что Consus образовано изъ Cond-sev-us, а saeculum изъ save-cond-lum. Было бы слишкомъ долго опровергать оба эти производства, а потому, указавъ относительно перваго изъ нихъ только на то, что оно идетъ совершенно въ разрѣзъ съ общепринятымъ производствомъ имени Consus отъ conserere, я ограничусь лишь опроверженіемъ предложеннаго Энманномъ производства интересующаго насъ слова saeculum изъ save-cond-lum. Прежде всего надо замѣтить, что суффиксъ cŭlum съ краткимъ ŭ никоимъ образомъ не могъ образоваться изъ cond-lum, и что приводимый Энманномъ, какъ аналогія, примѣръ образованія scala „изъ scad-la" совершенно не подходитъ къ данному случаю, именно потому, что въ scala имѣется долгая гласная ā (благодаря сокращенію этого слова изъ scantsla [2]), точно также, какъ и въ другихъ подобныхъ словахъ, напримѣръ āla (изъ ac-sla [3]) и māla (изъ mac-sla [4]). Не можетъ подлежать

---

[1]) Enmann, Kypros u. d. Ursprung des Aphroditekultes (St.-Pétersb. 1886, изъ Mémoires de l'Acad. Impér. des sc. de St.-Pétersb. 7-e série. Tome 34, № 13), p. 52.

[2]) См. Brugmann, Grundriss d. vergl. Gramm. d. indogerm. Sprachen I, 177 и 429.

[3]) См. тамъ-же I, 219, 371 и 429.

[4]) См. Vaničck, Griech.-lat. etym. Wörterb. p. 689.

затѣмъ сомнѣнію, что суффиксъ слова saeculum (saeclum)—culum (clum)—совершенно сходенъ съ суффиксомъ такихъ словъ, какъ, напримѣръ, po-culum, peri-culum, obsta-culum, pia-culum, и представляетъ собою, какъ доказали это въ особенности Бугге [1]), Асколи [2]) и Остгоффъ [3]), одну изъ латинскихъ формъ весьма употребительнаго въ индоевропейскихъ языкахъ древнѣйшаго суффикса -tra, означающаго, главнымъ образомъ, орудіе или мѣсто дѣйствія, при чемъ первоначальная латинская форма этого суффикса—clo-m, clu-m,—посредствомъ анаптиксиса развилась въ форму cŭlum вслѣдствіе того, что ее смѣшали съ двойнымъ уменьшительнымъ суффиксомъ cu-lu-m [4]). Что касается начала слова saeculum, то предложенное Энманномъ этимологическое объясненіе его и сопоставленіе съ индоевропейскимъ корнемъ sav-,sev-, обозначающимъ будто бы дѣятельность жгучаго солнца, совершенно недопустимо какъ потому, что мы ничего не знаемъ о такомъ значеніи этого корня, такъ въ особенности и потому, что невозможно объяснить себѣ, какимъ образомъ встрѣчающіяся въ латинской литературѣ значенія слова saeculum могли возникнуть изъ предполагаемаго Энманномъ первоначальнаго значенія „солнечный циклъ“. Если при этомъ Энманнъ какъ на доказательство ссылается на осское слово zicolom, обозначавшее „день“, то-есть, какъ объясняетъ Энманнъ, „самый краткій солнечный періодъ“, то эта ссылка совершенно ошибочна въ виду того, что осское zicolom (винительный падежъ) ничего общаго не имѣетъ съ латинскимъ saeculum, и согласно звуковымъ законамъ осскаго и латинскаго языковъ соотвѣтствуетъ только латинскому слову diecula, какъ давно уже было доказано знатоками италійскихъ нарѣчій [1]).

Отвергнувъ производства слова saeculum, предложенныя Моммзеномъ и Энманномъ, я долженъ разсмотрѣть теперь двѣ этимологіи этого слова, которыя заслуживаютъ болѣе серьезнаго вниманія. Одна изъ нихъ была предложена Корссеномъ въ сочиненіи Ueber Ausspr., Vokal. u. Beton. d. lat. Spr. I² (Lpz. 1868), p. 377 sq. и подробнѣе, чѣмъ тамъ, изложена имъ въ Beiträge zur italischen Sprachkunde (Lpz. 1876), p. 26. Названный ученый производитъ первую часть слова saeculum отъ корня si-, означающаго „связать“ и встрѣчающагося въ нѣсколькихъ индоевропейскихъ языкахъ, а вторую часть отъ индоевропейскаго корня kar—,означающаго „дѣлать“, „производить“. Согласно этому производству, принятому также Швейцеръ-Зидлеромъ [2]), saeculum означаетъ собственно „производящее связь“, то-есть „связанное“, „соединенное“, или „связь“, „соединеніе“, а изъ этого значенія, какъ полагаетъ Корссенъ, возникли значенія „совокупность живыхъ существъ или лѣтъ“, то-есть „поколѣніе“ и „столѣтіе“ или „вѣкъ“. Какъ ни заманчиво на первый взглядъ это производство, однако правдоподобность его умаляется двумя обстоятельствами, говорящими не въ пользу его, а именно, во-первыхъ, тѣмъ, что корень si- болѣе не встрѣчается намъ въ латинскомъ языкѣ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что предполагаемое Корссеномъ развитіе значеній даннаго слова несовсѣмъ естественно [3]). Кромѣ того, предложенное Корссеномъ, а еще раньше его Боппомъ, производство суффикса culum отъ корня kar—теперь отвергнуто всѣми, и вмѣсто него, какъ мы уже видѣли,

---

[1]) Bugge, Bemerk. über d. Urspr. d. lat. Suffixe clo, culo, cro, cla, cula, cra—,въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachf. XX, 134 sqq.

[2]) Ascoli, Die lat. Formen des urspr. Instrumentalsuffixes tra, въ Krit. Stud., p. 123 sqq.

[3]) Osthoff, Die mit d. Suff. clo-culo-cro-gebildeten nomina instrumenti des Lateinischen—въ Forsch. im. Geb. d. nomin. Stammbildung I, 1 sqq.

[4]) См. Lindsay въ Classical Review VI (1892), p. 87 sqq., и Giles, Vergl. Gramm. d. klass. Spr. Deutsche Ausg. von Hertel (Lpz. 1896), p. 149 (§ 215).

[1]) См. Aufrecht und Kirchhoff, Umbrische Sprachdenkmäler I, 107, примѣч. ***. Ср. также Corssen, Beiträge zur ital. Sprachkunde, p. 205, примѣчаніе, и Brugmann, Grundriss d. vergl. Gramm. d. indogerm. Spr. I, 64 и II, 194.

[2]) Schweizer-Sidler, въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch. XVIII (1869), p. 304.

[3]) Ср. Bugge въ Kuhn's Zeitschr. XX (1871), p. 138.

общепризнана его связь съ индо-европейскимъ инструментальнымъ суффиксомъ -tra.

Не вызываетъ только что изложенныхъ сомнѣній и возраженій этимологія слова saeculum, предложенная Бюхелеромъ [1]), согласно которой это слово такъ же, какъ и имя бога посѣвовъ и земледѣлія вообще, Saturnus, Saeturnus, производится отъ глагола sero, sēvi, satum, serere, или отъ индоевропейскаго корня sa-, означающаго „сѣять“. По мнѣнію Бюхелера, saeculum означаетъ собственно „посѣянное“, „сѣмя“, „посѣвъ“, каковое значеніе еще нынѣ присуще родственному литовскому слову sėkłà [2]), а это значеніе легко могло перейти въ значеніе „родъ“, „поколѣніе“, греч. γενεά, такъ какъ сравненія ἐπ' ἀρότῳ παίδων и тому подобныя уподобленія, вызванныя весьма естественнымъ переносомъ растительной жизни на животную и человѣческую, весьма обычны у древнихъ грековъ и римлянъ и являются, между прочимъ, также въ словахъ σπόρος или σπορά (=родъ), seminium (=раса), σπαρτός и satus (поэтически=сынъ) и др. И дѣйствительно, подобно тому, какъ уже у Гомера (Ил. VI, 146) говорится οἵη περ φύλλων γενεή, τοίη δὲ καὶ ἀνδρῶν, а въ готскомъ языкѣ слово mana-sêths, означающее собственно „посѣвъ людей“, получило значеніе „міръ“ [1]), у римскаго поэта Лукреція, языкъ котораго такъ обиленъ архаическими словами, слово saeclum, большею частью соединенное съ зависимымъ отъ него родительнымъ падежомъ какого-нибудь существительнаго, какъ animantum, hominum, virum, scriptorum, ferarum, leonum, pavonum и другихъ, или съ какимъ-нибудь аттрибутивнымъ прилагательнымъ, какъ muliebre и vitale, встрѣчается болѣе 30 разъ [2]) въ значеніи „родъ“ или „раса“ [3]), и „поколѣніе“ [4]). Изъ этого первоначальнаго значенія только впослѣдствіи возникло другое значеніе, указывающее на время или продолжительность жизни человѣческаго „рода“ или „поколѣнія“ и соотвѣтствующее нашему слову „вѣкъ“. Эта связь между двумя указанными значеніями слова saeculum лучше всего явствуетъ изъ того обстоятельства, что согласно ритуальнымъ книгамъ этруссковъ, какъ сообщаетъ намъ Цензоринъ [5]), продолжительность такъ наз. есте-

---

[1]) Buecheler (согласно съ намеками, сдѣланными еще раньше Ritschl'емъ—см. Opuscula philol. послѣдняго, томъ IV, стр. 271 сл.) въ изслѣдованіи Polle, De artis vocabulis quibusdam Lucretianis (Dresd. 1866), p. 57 sq. Эта этимологія, кажется, принята большинствомъ новѣйшихъ филологовъ: ср. Müller-Deecke, Die Etrusker. II², 309 nota 30a. Vaničcek, Griech.—lat. etymol. Wört., p. 977, и Lat. Etym. p. 166 Brugmann, Morphol. Unters. auf d. Geb. der indogerm. Sprachen I (Lpz. 1878), p. 33. Fick, Vergl. Wörterb. d. indog. Spr. I³, 789 и III³, 312. Leo Meyer, Vergl. Gramm. d. griech. u. lat. Spr. I² (Berlin 1884), p. 618. Bréal et Bailly, Dictionn. étymol. latin, 2-e édit. (Paris 1886), p. 317, s. v. saeculum. Stolz, Histor. Gramm. d. lat. Spr. I, 1 (1894), p. 209 и I, 2 (1895), p. 524. Schöll, въ Deutsche Rundschau, за январь 1897 г., стр. 55.

[2]) На то, что латинское saeculum, какъ по своей основѣ, такъ и по своему суффиксу, тождественно съ литовскимъ sėkłà, впервые указалъ Lottner въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Spr. VII (1858), p. 49. Ср. Osthoff, Forsch. im Geb. d. indog. nom. Stammbild. I, 148 sq.

[1]) Ср. Leo Meyer въ Kuhn's Zeitsch. f. vergl. Spr. VIII (1859), p. 249.

[2]) См. Polle, l. c., p. 58 sqq.

[3]) Ср. особенно I, 19 sq: Omnibus incutiens blandum per pectora amorem efficis (sc. Venus) ut cupide generatim saecla propagent и V, 849 sq.: multa videmus enim rebus concurrere debere ut propagando possint procudere saecla (ср. V, 856: propagando procudere prolem), далѣе V, 967: saecla ferarum, V, 805: mortalia saecla, V, 866: bucera saecla, и т. п.

[4]) Ср. особенно II, 77 sqq.: augescunt aliae gentes, aliae minuuntur inque brevi spatio mutantur saecla animantum et quasi cursores vitai lampada tradunt.

[5]) Censorinus, De die natali c. 17,5 (ed. Cholodniak, Petropoli 1889): in unaquaque civitate quae sint naturalia saecula, rituales Etruscorum libri videntur docere, in quis scriptum esse fertur, initia sic poni saeculorum. Quo die urbes atque civitates constituerentur, de his, qui eo die nati essent, eum, qui diutissime vixisset, die mortis suae primi saeculi modulum finire eoque die qui essent reliqui in civitate, de his rursum eius mortem, qui longissimam aetatem egisset, finem esse saeculi secundi. Sic deinceps tempus reliquorum terminari. Въ совершенномъ согласіи съ этимъ касающійся секулярныхъ игръ оракулъ Сивиллы

ственнаго (naturale) saeculum'а опредѣлялась наибольшею продолжительностью жизни родившихся въ первый день этого періода людей; изъ того затѣмъ, что Цензоринъ самъ (De die natali, c. 17,2) опредѣляетъ saeculum какъ „spatium vitae humanae longissimum partu et morte definitum", и что поэтому естественная продолжительность saeculum'а не мало могла колебаться и у древнихъ, дѣйствительно, опредѣлялась весьма различнымъ количествомъ лѣтъ [1]).

Не принимая во вниманіе указанія древнихъ на логическую связь между упомянутыми выше значеніями слова saeculum, Корссенъ совершенно неосновательно полемизируетъ въ своемъ посмертномъ сочиненіи [2]) противъ предложенной Бюхелеромъ этимологіи слова saeculum, утверждая, что это слово во всей латинской прозѣ означаетъ преимущественно „столѣтіе" и лишь изрѣдка и только у поэтовъ встрѣчается въ значеніи „человѣческій вѣкъ", или „родъ", или „поколѣніе". Для всякаго человѣка, не имѣющаго предвзятаго мнѣнія, ясно, что несравненно легче объяснить себѣ переходъ значенія „человѣческое поколѣніе", „человѣческій вѣкъ" въ значеніе „столѣтіе", чѣмъ наоборотъ. Притомъ приведенные Корссеномъ изъ римской литературы древнѣйшіе примѣры употребленія слова saeculum не могутъ служить доказательствомъ того, что первоначально saeculum дѣйствительно означало „столѣтіе" или „люди одного столѣтія", какъ утверждаетъ Корссенъ. Напротивъ, не только въ стихѣ Плавта (Mil. glor. 1079) Quin

(приведенный у Флегонта, Macrob. c. 4, и у Зосима II, 6) требуетъ празднованія этихъ игръ тогда, ὁπόταν μήκιστος ἢ χρόνος ἀνθρώποισι ζωῆς (ст. 1—2), и на этотъ срокъ, назначенный Сивиллою, указывается также въ одномъ испорченномъ мѣстѣ актовъ ludorum saecularium septimorum (fragm. I, v. 20), смыслъ котораго несомнѣнно вѣрно возстановленъ Моммзеномъ такъ: Teneo [memoria quod cecinit Sibylla: longissimum, i]nquit, humanae vi[tae te]mpus и т. д.

[1]) См., напримѣръ, у Цензорина, De die natali, c. 17, 2—4.—Философъ Сенека употребляетъ слово saeculum въ одномъ мѣстѣ (Epist. ad Lucil. 74, 34) для обозначенія пятидесятилѣтняго срока.

[2]) Corssen, Beiträge zur italischen Sprachkunde, p. 24 sq.

mille annorum perpetuo vivont ab saeclo ad saeclum, гдѣ съ выраженіемъ ab saeclo ad saeclum—[сравни выраженіе a saeculo in saeculum въ Itala (Psalm. 9, 27)],—очевидно передающимъ греческое ἀπὸ γενεᾶς εἰς γενεάν, встрѣчающееся въ Septuaginta (ср. Vulgata: a generatione in generationem), „отъ одного поколѣнія къ другому", можно сравнить Платоновское ἐπὶ πολλὰς γενεάς [1]), и Лукіановское ἐς γενεὰς ἄλλας [2]), но и въ стихѣ Цецилія Стація (Synephebi, fr. 2) [3]) Serit arbores quae alteri saeclo prosint, и во фразѣ Цицерона (Divinat. I, 18, 36) Hos mentiri iudicemus nec saeculorum reliquorum iudicium, quod de ipsis futurum sit, pertimescere, всего естественнѣе и проще приписать слову saeculum одно и то же значеніе, а именно значеніе „поколѣніе", или „люди одного поколѣнія", каковое оно, какъ мы уже видѣли, имѣетъ и у архаическаго поэта Лукреція [4]). Наконецъ, я не могу не указать на то обстоятельство, что и возникновеніе позднѣйшихъ значеній слова saeculum—„человѣчество" (живущее въ опредѣленномъ вѣкѣ, или человѣчество вообще) [5]), и „міръ" или

[1]) Plato, Critias c. 7, p. 114 C и c. 12, p. 120 D, и Timaeus c. 3, p. 23 C.

[2]) Lucianus, Hermotimus c. 67, p. 808 extr.

[3]) Ribbeck, Comicorum Romanorum fragmenta, p. 70: Caecilii fragm. v. 210.

[4]) Кромѣ приведенныхъ мѣстъ изъ Плавта и Цецилія можно указать еще другія, почти столь же древнія мѣста, въ которыхъ saeculum имѣетъ упомянутое нами первоначальное значеніе. Яснѣе всего это значеніе выступаетъ въ стихѣ Теренція (Eunuchus 246), гдѣ про шутовъ говорится, что этотъ родъ людей только въ былое время и у прежняго поколѣнія могъ имѣть хорошій заработокъ: Olim isti fuit generi quondam quaestus aput saeclum prius. Далѣе я укажу на приведенный уже выше (прим. 4 на стр. 11) стихъ Лукреція (II, 78) и на слова Варрона (De l. L. V, 5): tertium seculum non videt eum hominem, quem vidit primum.

[5]) Ср., напр., Livius III, 20, 5: nondum haec, quae nunc tenet saeculum, neglegentia deum venerat.—Seneca rhetor, Exc. contr. 4, 1: proiectus in omnia gulae libidinisque flagitia, omnibus notandus censo-

BIBLIOTEKA NARODOWA

„свѣтъ“ [1])—, а въ особенности возникновеніе того особаго оттѣнка этого послѣдняго значенія, въ которомъ saeculum сплошь и рядомъ употребляется у христіанскихъ писателей [2]), противопоставляющихъ „человѣческій временный міръ“ или „свѣтъ“ божеской, т. е. или неземной, загробной, вѣчной, или же духовно-церковной христіанской жизни, совершенно невозможно объяснить естественно и легко, если держаться того Корссенова мнѣнія, что saeculum первоначально означало „столѣтіе“. Только при предложенной Бюхелеромъ этимологіи слова saeculum развитіе всѣхъ встрѣчающихся въ римской литературѣ значеній его является логичнымъ, и значеніе его „міръ“, „свѣтъ“ имѣетъ полную аналогію въ указанномъ уже выше значеніи готскаго слова manasêths.

Защитивъ, такимъ образомъ, противъ Корссена предложенную Бюхелеромъ этимологію слова saeculum и принявъ ее какъ наиболѣе правдоподобную [3]), мы не можемъ не спросить

---

ribus, saeculo praecepta conponit.—Florus, Epit. II, 19, 2: Antonius.... omnia expertus ambitu et luxuria primum hostes, deinde cives, tandem etiam saeculum terrore liberavit.– Apuleius, Metamorph. X, 6: in pace placida tam dirum saeculo proderetur exemplum.

[1]) Ср., напр., Augustus, Res gestae II, 18: saeculi pulchritudo.—Vulgata, Iudith 11, 6: indicatum est omni saeculo (=πάσῃ τῇ γῇ).—Nov. Theodos. II, 4 § 2: (milites) in extrema parte Romani saeculi (=римской имперіи) sacramentorum legibus amandatos.—Liber generat. p. 36, 6 Frick: filiorum igitur Noe tripartitum saeculum divisorum.

[2]) Въ этомъ значеніи употребляется saeculum (и saecularis, „преходящій“, „свѣтскій“, „мірскій“, „языческій“, „временный“) впервые около 200 г. по Р. Х. у Тертулліана, напр., De spect. c. 15: saeculum dei est, saecularia autem diaboli.

[3]) Кромѣ этой этимологіи можно было бы предложить, по моему, только еще одно производство слова saeculum, а именно, какъ, повидимому, хотѣлось уже Nettleship'y (Contributions to latin lexicography, Oxford 1889, p. 581), отъ индоевропейскаго корня su- (усиленнаго sav-), означающаго „производить“, „рождать“, отъ котораго нѣкоторые ученые (Schweizer-Sidler въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch. IV, 68, а также XVI, 139 и XVIII, 305. O. Meyer, Quaest. Homer., p. 8. Nissen, Das Templum, p. 130. Pauli, Altital. Stud.

теперь, какимъ образомъ слѣдуетъ объяснить то явленіе, что, хотя имя божества Saturnus такъ же, какъ и слово saeculum, несомнѣнно произведены отъ одного и того же корня, этотъ корень тѣмъ не менѣе въ первомъ словѣ является намъ въ

IV, 4[illegible] sqq. и Stolz, Lat. Gramm., въ Iw. Müller's Handb. der. klass. Alt. II², p. 272) уже прежде хотѣли производить имя бога Saeturnus, Saturnus, сопоставленное ими съ санскритскимъ именемъ „все производящаго“ бога солнца Savitar. Въ такомъ случаѣ пришлось бы, по моему, предположить, что изъ усиленнаго глагольнаго корня sav- и суффикса настоящаго времени (ja-) je-, съ одной стороны, помощью номинальнаго суффикса tar-, tor-, означающаго дѣйствующее лицо, образовалось имя божества Sāturnus (Sav-je-tor-n-us, Sav-i-tor-n-us, Sa-tur-n-us) или Saeturnus (Sav-je-tor-nu-s, Sav-i-tor-nus, Sai-tor-n-us и Sae-tur-n-us), а съ другой стороны помощью номинальнаго суффикса (tra-), clo-, означающаго, главнымъ образомъ, средство или мѣсто дѣйствія, образовалось saeculum (sav-je-clo-m, sav-i-clo-m, sai-clo-m, sae-clu-m, sae-culu-m). Послѣднее слово, производимое такимъ образомъ, означало бы, собственно, „служащее средствомъ произрожденія“ или „произрождаемое“, „произрожденіе“, и получило бы значеніе „родъ“, „поколѣніе“, подобно тому, какъ и латинское слово generatio, означавшее первоначально „произрожденіе“, въ позднѣйшей латыни (напримѣръ у Амвросія, De off. ministr. 1, 25, § 121, и у Исидора, Origines V, 38 [см. выше стр. 5, примѣч. 2]), а также и въ новѣйшихъ романскихъ и другихъ языкахъ, сохранявшихъ его, получило значеніе „поколѣніе“, „генерація“. Полную аналогію съ производимымъ такимъ образомъ словомъ saeculum представляло бы собою также и греческое слово γενεά, производимое отъ основы γεν- („производить“, „рождать“) и означающее, какъ и saeculum, „родъ“, „поколѣніе“, „вѣкъ“. Какъ бы правдоподобнымъ, однако, ни казалось, въ виду такихъ аналогій, предложенное мною производство слова saeculum (какъ и имени Saeturnus, Saturnus) отъ корня su- (sav-), я самъ предпочитаю ему Бюхелерово производство отъ sa- („сѣять“), главнымъ образомъ потому, что въ другихъ словахъ латинскаго языка, произведенныхъ отъ индоевропейскаго корня su- („производить“, „рождать“), этотъ корень встрѣчается только въ формѣ su-, а не въ формѣ (sav-i-), (sa-i-), sae-, sā- и sē-. Впрочемъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что оба индоевропейскіе корня sa- и su- стоятъ весьма близко другъ къ другу, и одинъ изъ нихъ представляетъ собою только побочную форму другаго (ср.

формѣ sa-, а во второмъ въ формѣ sae-. Наиболѣе правдоподобнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ мнѣ кажется слѣдующій: имѣя въ виду тотъ фактъ, что на одномъ изъ найденныхъ въ

Corssen, Ueber Aussspr., Vokal. u. Beton. d. lat. Spr. I², 418, прим. *).— Что касается нѣмецкаго слова Seele, которое Kluge (Etymol. Wörterb. d. deutschen Sprache, 5 изд., s. v. Seele) сопоставляетъ съ латинскимъ saeculum, не приводя, однако, никакихъ данныхъ въ пользу такого сопоставленія, то, несмотря на голословное одобреніе, съ которымъ Stolz (Histor. Gramm. d. lat. Spr. I, 2, p. 524) принялъ это предположеніе Kluge, я полагаю, что оно невѣрно, и что между словами saeculum и Seele (въ средне-верхне-германскомъ нарѣчіи sêle, въ древне-верхне-германскомъ sêla и (рѣже) sëula (вм. sêwla), въ готскомъ saiwala) существуетъ только кажущееся и случайное сходство. На самомъ дѣлѣ древнѣйшая общегерманская форма этого слова, *saiwalô, образовалась, правда, какъ я думаю, тоже изъ индоевропейскаго корня su-, усиленнаго sav-, но не изъ того, который означаетъ „производить“, „рождать“, и отъ котораго, можетъ быть, произведено латинское saeculum, а изъ того, который означаетъ „двигать“. Къ этому корню присоединился суффиксъ настоящаго времени ja. *Saiwalô (вмѣсто еще болѣе древняго *sawjalô) означаетъ поэтому, вѣроятно, „двигательницу“, „двигательную силу“.— Что касается вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ объяснить то, что отъ корня sa-, на ряду съ Saturnus, могли образоваться формы Saeturnus и saeculum (и sēculum), то на этотъ вопросъ можно отвѣтить двоякимъ образомъ: или мы должны видѣть (ср. Stolz, Historische Grammatik der lat. Sprache I, 1, p. 209) въ ae графическое изображеніе этимологическаго ē, фонетически близко подходящаго къ ā, какъ въ заимствованныхъ изъ греческаго языка словахъ scaena (или scēna)=σκηνή (дор. σκανά) и saepes (или sēpes)=σηκός (дор. *σακός, ср. σακίτης), или же—и это предположеніе мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ греческимъ, а съ латинскимъ словомъ, и на ряду съ латинскимъ saeculum встрѣчается фалисское seiclio (и этрусское siclie(s)) [см. ниже, стр. 17, прим. 4], мы должны предположить, что двугласная ae въ saeculum (и Saeturnus) образовалась изъ болѣе древняго ai (sai-clom, каковой формѣ предшествовала форма sa-je-clom, состоящая изъ глагольной основы sa-, суффикса настоящаго времени (ja-) je-, и номинальнаго суффикса clo-m—ср. Osthoff, Forsch. im Geb. d. indog. Stammbild. I, 104) и въ свою очередь, въ простонародномъ произ-

южной Этруріи сосудовъ [1]) имя латинскаго божества Saturnus встрѣчается въ формѣ Saeturnus [2]), и что эта форма, образовавшаяся, должно быть, изъ Saiturnus, принадлежитъ, по всей вѣроятности, какъ думалъ уже Корссенъ [3]), провинціальному нарѣчію латинскаго языка, а именно фалисскому нарѣчію, нѣкогда распространенному въ южной Этруріи и подвергшемуся сильному вліянію этрусскаго языка, я полагаю, что и слово saeculum (въ болѣе древней формѣ saiculum) возникло у фалисковъ [4]) и отъ этихъ латинскихъ жителей южной Этруріи перешло къ родственнымъ имъ римлянамъ. Въ пользу этого предположенія говорятъ два обстоятельства, а именно во 1) то, что культы римскихъ секулярныхъ игръ, праздновавшихся въ честь новаго saeculum'а или человѣческаго поколѣнія, заключали въ себѣ, какъ я постараюсь доказать ниже, сабино-фалисскіе элементы, а во 2) то, что понятіе о наидлиннѣйшемъ вѣкѣ человѣческомъ, то-есть о наибольшей продолжительности

ношеніи, концентрировалось въ ē (sēculum), какъ это случилось во многихъ другихъ словахъ (ср., напримѣръ, quaistor, quaestor, questor.—Seelmann, Die Aussprache des Latein (Heilbronn 1885), p. 224 sqq.

[1]) C. I. L., I, n. 43—50 (n. 48: Saeturni pocolom). Ephem. epigr. I, p. 8 n. 5—6. Cp. Wordsworth, Fragm. and spec. of early Latin (Oxford 1874), p. 162 sq.

[2]) Эту же форму имени бога посѣвовъ возстановилъ Ричль и у Феста, гдѣ рукописное преданіе гласитъ (p. 325 M=476 Th.): qui deus in Saliaribus Sateurnus nominatus, videlicet a sationibus.

[3]) Beiträge zur ital. Sprachkunde, p. 315 sqq. Cp. Stolz, Latein. Gramm. (Iw. Müller's Handb. d. klass. Alt., vol. II²), p. 271. И Lattes (въ Archiv f. latein. Lexikographie VIII (1893), p. 499) усматриваетъ въ Saeturnus форму, возникшую подъ вліяніемъ этрусской провинціальной латыни.

[4]) Въ одной фалисской надписи (приблизительно III столѣтія до P. X.) встрѣчается мужеское имя (praenomen) seiclio (C. I. L., XI, n. 3162, c., 4), которое такъ же, какъ и этрусское родовое имя *siclie(s), дошедшее до насъ въ родительномъ падежѣ sicles (Fabretti, C. I. L. 1791), по мнѣнію Deecke (Die Falisker, p. 144), должно быть сопоставлено съ латинскимъ словомъ saeculum и прозвищемъ Saeclaris и возникло изъ болѣе древняго saiclio (и *saiclie(s)).

жизни людей, родившихся въ одинъ и тотъ же день, чисто этрусскаго происхожденія [1]). Цензоринъ [2]), по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ, что въ ритуальныхъ книгахъ этрусковъ (rituales Etruscorum libri) это понятіе было подробно объяснено и въ ихъ анналахъ примѣнено къ исторіи этого народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ [3]), что, когда древніе римляне опредѣлили гражданское (civile) saeculum въ сто лѣтъ, то они въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ, подражали этрускамъ, первые четыре вѣка которыхъ, по опредѣленію ихъ анналъ, продолжались по сто лѣтъ. Такъ какъ это послѣднее опредѣленіе, какъ указали Ризе и Гельбигъ [4]), по всей вѣроятности, возникло около 600 года до Р. Х., то-есть въ то время, когда греческая письменность уже проникла къ этрускамъ, давъ этому религіозному народу возможность записать

---

[1]) Ошибочно полагаетъ Gardthausen (Augustus u. seine Zeit, I, 2 (Lpz. 1896), p. 1004), что и само слово saeculum этрусскаго происхожденія.

[2]) Censorinus, De die natali c. 17, 5—6. См. выше на стр. 11, съ примѣч. 5.

[3]) Censorinus, De die natali c. 17, 13: Sed nostri maiores, quod naturale saeculum quantum esset exploratum non habebant, civile ad certum modulum annorum centum statuerunt.... ut hunc annorum numerum constituerent nostri, non nihil causae fuit, ... quod Etruscos, quorum prima saecula centenum fuerunt annorum, etiam hic ut in aliis plerumque imitari voluerunt.

[4]) Riese, Ein Beitrag zur Gesch. der Etrusker, въ Rhein. Mus. N. F. XX (1865), p. 295 sqq., и Helbig, въ Annali dell' Inst. arch. 1876, p. 228. Въ основаніи предложеннаго здѣсь исчисленія лежатъ два дошедшихъ до насъ у Сервія (ad Verg. Ecl. 4, 47) и у Цензорина (c. 17, 6) древнихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что изъ X вѣковъ, которые этрусскому народу суждено было существовать, первые IV вѣка продолжались по 100 лѣтъ, пятый вѣкъ 123 года, шестой и седьмой по 119 лѣтъ, а девятый кончился въ 44 г. до Р. Х. Нѣсколько различное отъ этого, но, по моему мнѣнію, произвольное исчисленіе этрусскихъ saecula предлагаетъ d'Arbois de Jubainville, Sur la chronologie étrusque, въ Comptes rendus de l'Académie d. inscr. et b. lettres IV, 16 (1888), p. 345 sqq.

прежде всего то, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ столь почитаемой имъ жреческой наукѣ, то становится весьма вѣроятнымъ, что этрусское понятіе о saeculum'ѣ черезъ посредство фалисковъ сдѣлалось извѣстнымъ римскому народу именно въ это время, то-есть, въ эпоху царствованія въ Римѣ этрусскихъ Тарквиніевъ, и еще до того времени, какъ этруски опредѣлили продолжительность своего пятаго вѣка въ 123 года, отнеся его конецъ приблизительно къ 530 г. до Р. Х.

Такимъ предположеніемъ легче всего объясняется, почему римляне, перенимая у этрусковъ понятіе о saeculum'ѣ и сами не давая себѣ труда узнать естественную продолжительность послѣдняго, опредѣлили его гражданскую продолжительность, какъ свидѣтельствуетъ Цензоринъ, въ 100 лѣтъ, то-есть во столько лѣтъ, во сколько этруски опредѣлили естественную продолжительность каждаго изъ своихъ первыхъ четырехъ вѣковъ [1]). Какъ бы однако ни было, и въ какое бы время ни проникло этрусское понятіе о saeculum'ѣ къ римлянамъ, несомнѣнно то, что оффиціальнымъ образомъ этотъ народъ первоначально обозначилъ имъ столѣтній періодъ времени, признавъ, повидимому, это круглое число лѣтъ, какъ сдѣлали и позднѣйшіе римскіе юристы [2]), за ту среднюю наибольшую продолжительность жизни, которая всегда могла быть достигнута хотя бы однимъ только лицомъ изъ даннаго не слишкомъ малаго числа лицъ, составлявшихъ одно поколѣніе [3]). Это доказывается не только приведеннымъ уже выше свидѣтельствомъ Цензорина (c. 17, 13), но и другими свидѣтельствами [4]), а также тѣмъ обстоятельствомъ, что учрежденные по по-

---

[1]) Censorinus, De die natali 17, 13. См. выше на стр. 18, примѣчаніе 3.

[2]) Ср. Gaius, который въ Dig. 7, 1, 36 говоритъ: centum annos finem vitae longaevi hominis esse.

[3]) Ср. Mommsen, Röm. Chronol.², p. 174 n. 339.

[4]) Варронъ, De l. L. VI, 11 говоритъ: Seclum spatium annorum centum vocarunt. Тоже самое училъ и Веррій Флаккъ — ср. Festus, p. 329 M. s. v. Saeculares ludi, и въ особ. Paulus Diac., p. 328 M.,

воду конца стараго и начала новаго saeculum'a ludi saeculares первоначально праздновались или же должны были праздноваться каждые сто лѣтъ [1]). Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ

гдѣ мы читаемъ: Seculares ludi apud Romanos post centum annos fiebant, quia seculum centum annos extendi existimabant. Древность опредѣленія saeculum'a въ сто лѣтъ доказывается далѣе тѣмъ, что жившій въ первую половину седьмаго вѣка по основаніи города анналистъ Пизонъ, какъ свидѣтельствуетъ Цензоринъ (c. 17, 3), седьмую книгу своихъ анналъ началъ слѣдующими словами (ed. Cholodniak): Roma condita anno DC septimum saeculum occipit his consulibus. Особенно важное свидѣтельство о томъ, что saeculum первоначально опредѣлялось римлянами въ сто лѣтъ, я вмѣстѣ съ Цензориномъ (c. 17, 9) усматриваю въ слѣдующихъ словахъ Тита Ливія, приведенныхъ первымъ писателемъ (l. c.) изъ 136 книги исторіи послѣдняго: Eodem anno [737/17] ludos saeculares Caesar ingenti apparatu fecit, quos centesimo quoque anno – (his enim terminari saeculi *) fieri mos *, ut *. Какъ бы мы ни исправили порчу, кроющуюся въ послѣднихъ изъ этихъ словъ,—о предложенныхъ новѣйшими учеными и мною эмендаціяхъ всего этого мѣста см. въ приложеніяхъ, въ концѣ книги—несомнѣнно то, что опредѣленіе saeculum'a въ 100 лѣтъ Ливій или сознательно и въ опредѣленныхъ словахъ, или безсознательно противополагаетъ здѣсь, какъ болѣе древнее опредѣленіе, тому опредѣленію saeculum'a въ 110 лѣтъ, которое, какъ мы увидимъ ниже, было принято Августомъ при празднованіи секулярныхъ игръ въ 737/17 г.

[1]) Ср. ниже на стр. 22 сл.—Если въ греческомъ текстѣ такъ называемаго Monumentum Ancyranum или Res gestae divi Augusti (ed. Mommsen²) латинская фраза (4, 36—37) [Pr]o conlegio XV virorum magis[ter conl]e[gi]i colleg[a] M. Agrippa lud[os s]aecl[are]s C. Furnio C. [S]ilano cos. [feci] переведена слѣдующимъ образомъ (12, 9—12): Ὑπὲρ τῶν δεκαπέντε [ἀνδρ]ῶν, ἔχων συνάρχοντα Μᾶρκον Ἀγρίππ[αν, τὰς θ]έας [δ]ιὰ ἑκατὸν ἐτῶν γεινομένας ὀν[ομαζομένα]ς σ[αι]κλάρεις ἐπόησα Γαΐῳ Φουρνίῳ κ[αὶ] Γαΐῳ Σε[ι]λανῷ ὑπάτοις, то взаимное противорѣчіе, въ которомъ находятся здѣсь слова δι' ἑκατὸν ἐτῶν и тотъ фактъ, что Августъ при своихъ играхъ придерживался не 100-, а 110-лѣтняго saeculum'a, можетъ быть объяснено только тѣмъ предположеніемъ, что греческій переводчикъ Августова отчета, будучи, повидимому, римлянином и не владѣя вполнѣ греческимъ языкомъ (ср. Kaibel въ изданіи Моммзена Res gestae divi Augusti², p. 197 sqq.) при своемъ переводѣ пользовался ка-

послѣднемъ фактѣ и не смущаться нѣкоторыми противорѣчивыми хронологическими данными, которыя, какъ мы увидимъ, сообщаются древними писателями относительно первыхъ ludi saeculares, мы должны подробно изслѣдовать характеръ этихъ игръ и постараться установить время ихъ возникновенія.

ГЛАВА II.

Происхожденіе римскихъ секулярныхъ или тарентинскихъ игръ.

Если мы внимательно разсмотримъ всѣ дошедшія до насъ отъ древности хронологическія данныя о ludi saeculares,—а эти данныя цѣликомъ приводятся нами въ приложеніяхъ къ этому изслѣдованію [1]),—то мы убѣдимся въ томъ, что первы-

---

кимъ-то латино-греческимъ глоссаріемъ или словаремъ, составленнымъ еще задолго до Августа и вѣроятнѣе всего въ Сулланскую эпоху, и изъ него почерпнулъ переводъ выраженія ludi saeculares, соотвѣтствовавшій прежнему опредѣленію saeculum'a въ сто лѣтъ, и указывающій, что секулярныя игры первоначально праздновались каждые сто лѣтъ. На это послѣднее опредѣленіе saeculum'a, какъ на болѣе древнее и обычное, указываетъ также тотъ фактъ, что въ схоліяхъ Псевдо-Акрона къ Гораціевой одѣ IV, 6, сочиненной, какъ и carmen saeculare, по поводу предполагавшагося Августомъ 110-лѣтняго saeculum'a, не взирая на это обстоятельство и въ безсознательномъ противорѣчіи къ нему, приводится объясненіе, что секулярныя игры праздновались черезъ сто лѣтъ. Этимъ первоначальнымъ обычнымъ представленіемъ о saeculum'ѣ, какъ о 100-лѣтнемъ періодѣ времени, вызвано, наконецъ, также то ошибочное чтеніе denos deciens per annos, которое, вмѣсто правильнаго чтенія undenos deciens per annos, представляется нѣкоторыми изъ рукописей одъ Горація въ томъ мѣстѣ секулярнаго гимна этого поэта, гдѣ онъ въ опредѣленныхъ словахъ указываетъ на нововведенный Августомъ 110-лѣтній срокъ секулярныхъ игръ.—Равнымъ образомъ еще Непоціанъ, позднѣйшій эпитоматоръ Валерія Максима, знаетъ только столѣтнее saeculum, говоря (c. 11, 7): Saeculares ludi, qui post annum centesimum veniunt и т. д.

[1]) Смотри въ концѣ этой книги.

ми по времени секулярными играми, извѣстія о которыхъ уже a priori могутъ возбудить къ себѣ довѣріе критическаго историка, оказываются тѣ ludi saeculares, которыя отнесены древними къ 505 г. ab urbe condita (=249 г. до Р. Х.). Въ этомъ году, когда первая пуническая война была въ полномъ разгарѣ,—такъ разсказываетъ намъ вполнѣ достовѣрная традиція, провѣренная самыми добросовѣстными и свѣдущими антикваріями Рима Варрономъ и Верріемъ Флаккомъ [1]),—въ Римѣ случились различныя предзнаменованія и, между прочимъ, въ городскія стѣны ударила молнія. Чтобы узнать значеніе этихъ предзнаменованій и, если окажется нужнымъ, умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, испуганный сенатъ поручилъ жреческой коллегіи децемвировъ вопросить отданныя ей на сохраненіе сивиллины книги. Отвѣтъ этихъ послѣднихъ гласилъ, что, если римляне хотятъ успѣшно вести войну съ Карѳагеномъ, то они должны отпраздновать Тарентинскія игры на Марсовомъ полѣ въ теченіе трехъ ночей и трехъ дней сряду въ честь Дита и Прозерпины и повторять эти игры каждыя

[1]) Разсказъ Варрона сохранился у Цензорина (De die natali 17, 8; ср. 17, 10), а разсказъ Веррія въ Scholia Cruquiana ad Horat. carm. saec. и въ мастерски исправленномъ филологомъ Roth'омъ („Ueber die Säcularspiele“, въ Rhein. Mus. 1853, p. 374) мѣстѣ Феста (p. 329 M. s. v. saeculares ludi. Cf. Paulus Diac. p. 328 M.). Хотя разсказъ Варрона не содержитъ никакого хронологическаго показанія, но въ виду его полнаго согласія съ разсказомъ Веррія, показывающимъ 505/249 г., не можетъ подлежать сомнѣнію, что и онъ относится къ этому году. Главнымъ источникомъ Варрона, которымъ въ свою очередь воспользовался Веррій, служили, повидимому, анналы Валерія Анціата (ср. Censorinus 17, 10). Непосредственно или посредственно зависятъ отъ послѣдняго также другія извѣстія о предписанныхъ сивиллиными книгами въ 505/249 г. секулярныхъ или Тарентинскихъ играхъ, дошедшія до насъ у Ливія (Epitome 49; cf. Censorinus 17, 10), Августина (De civ. Dei III, 18 init.) и Зосима (II, 4, 1—2). Всѣ эти свѣдѣнія читатель найдетъ въ приложеніяхъ къ этому изслѣдованію, помѣщенныхъ въ концѣ нашей книги.

сто лѣтъ [1]). Это предписаніе сивиллиныхъ книгъ было исполнено самымъ добросовѣстнымъ образомъ, и консулъ 505/249 г. П. Клавдій Пульхеръ отпраздновалъ игры „въ Тарентѣ“, причемъ въ честь божествъ не только принесли въ жертву черныхъ животныхъ, но и спѣли торжественный гимнъ.

Весьма странно, что всѣ ученые, писавшіе до сихъ поръ

[1]) Если по словамъ Варрона, приведеннымъ Цензориномъ (c. 17, 8), Тарентинскія или секулярныя игры, введенія которыхъ въ 505/249 г. потребовали сивиллины книги, должны были праздноваться „tribus noctibus“, а по словамъ Веррія Флакка (l. c.) „triduo, id est tribus diebus et tribus noctibus continuis“ (ср. также и слова его эпитоматора Феста (съ дополненіями Roth'a): „[tribus diebus totidem]que noctibus“), то это противорѣчіе между двумя одинаково свѣдущими писателями-археологами, изъ которыхъ второй, притомъ, свои свѣдѣнія о ludi saeculares несомнѣнно позаимствовалъ или у перваго или у послужившаго и этому источникомъ Валерія Анціата, можетъ быть только мнимое и объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что подобно тому, какъ впослѣдствіи Авзоній (Idyll. XI, 34 (ed. Peiper, p. 202)) говоритъ о „trina Tarentino celebrata *trinoctia* ludo“, хотя и имѣетъ въ виду позднѣйшія празднованія Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, бывшія въ эпоху императоровъ и продолжавшіяся, безъ сомнѣнія, три ночи и три дня, такъ точно и Варронъ въ цитованномъ Цензориномъ мѣстѣ своего сочиненія „De scaenicis originibus“ преимущественно обращаетъ вниманіе на ночныя празднества Тарентинскихъ игръ, придавая имъ наибольшее значеніе, и упомянутыя имъ tres noctes, также какъ и упомянутыя Авзоніемъ trinoctia, заключаютъ въ себѣ и лежащіе между ними и, такъ сказать, принадлежащіе къ нимъ дни. Ниже, когда я буду говорить о приведенной Валеріемъ Максимомъ (II, 4, 5—6) и Зосимомъ (II, 1 sqq.) легендѣ Валеріевъ, касающейся „древнѣйшаго“ возникновенія Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, мы увидимъ, что и употребленныя Валеріемъ Максимомъ (и его эпитоматоромъ Парисомъ, II, 4, 5—6) и Зосимомъ при повѣствованіи объ этой легендѣ выраженія—ludi nocturni fierent; ludosque.... continuis tribus noctibus... fecit; ludis trinoctio factis; -τρεῖς ἐπαλλήλους ἄγειν παννυχίδας -, по всей вѣроятности, должны быть объяснены въ томъ же смыслѣ, какъ и слова Варрона. Совершенно согласно съ этимъ и Commentator Cruquianus ad Horat. carm. saec., initio говоритъ: Ludi autem saeculares... celebrabantur *trinoctio*, *id est* tribus diebus et tribus noctibus.

о римскихъ saecula и ludi saeculares, кромѣ одного Ѳ. Ф. Зѣлинскаго [1]), не обратили должнаго вниманія на эту традицію о секулярныхъ играхъ 505/249 г., признанную всѣми вполнѣ достовѣрною, и упустили изъ виду нѣсколько подробностей ея, правильное уразумѣніе которыхъ въ высшей степени важно и одно только въ состояніи бросить болѣе яркій свѣтъ на характеръ и происхожденіе секулярныхъ игръ. Эти подробности, подтверждаемыя, какъ мы увидимъ ниже, также другими свидѣтельствами о ludi saeculares, состоятъ въ слѣдующихъ фактахъ: 1) секулярныя игры учреждены жрецами-децемвирами по особому предписанію вопрошенныхъ ими сивиллиныхъ книгъ; 2) онѣ посвящены божествамъ Диту и Прозерпинѣ; 3) онѣ празднуются въ мѣстности Марсова поля, называемой Тарентомъ, то есть, внѣ собственнаго города, и потому 4) онѣ называются также Тарентинскими играми (ludi Tarentini).

Если принять во вниманіе прежде всего первые три изъ этихъ четырехъ фактовъ, то изъ нихъ слѣдуетъ тотъ несомнѣнный выводъ, что ludi saeculares заключаютъ въ себѣ чуже-

[1]) См. его Quaestiones comicae, напечатанныя первоначально въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1886 г., на стр. 144—154 (декабрьская кн., отдѣлъ классической филологіи). Въ этомъ чрезвычайно остроумномъ и замѣчательномъ изслѣдованіи, на которое, къ сожалѣнію, какъ русская, такъ и иностранная филологическая наука не обратила должнаго вниманія, профессоръ Зѣлинскій вкратцѣ излагаетъ такое же мнѣніе относительно происхожденія секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ, какое я подробно излагаю на слѣдующихъ страницахъ. Сохраняя за изслѣдованіемъ Зѣлинскаго литературное первенство, я однако считаю нелишнимъ отмѣтить, что я самостоятельно дошелъ до изложенныхъ мною ниже результатовъ и только послѣ написанія ихъ познакомился—благодаря указанію проф. Э. Р. фонъ-Штерна—съ ускользнувшимъ до тѣхъ поръ отъ моего вниманія изслѣдованіемъ Зѣлинскаго. Я упоминаю объ этомъ не изъ авторскаго самолюбія, а потому, что научные выводы, установленные двумя изслѣдователями независимо другъ отъ друга, этимъ самымъ получаютъ бо́льшее значеніе и бо́льшую правдоподобность.

странный, а именно греческій культъ. И въ самомъ дѣлѣ, давнымъ давно, какъ извѣстно, доказано иностранное, т. е. греческое или азіатское происхожденіе всѣхъ вообще религіозныхъ праздниковъ и культовъ, предписанныхъ сивиллиными книгами и затѣмъ учрежденныхъ децемвирами (decemviri, раньше duoviri sacris faciundis) и праздновавшихся внѣ собственно городского округа, extra pomoerium [1]); затѣмъ имена божествъ Dis и Proserpina являются, по всей вѣроятности, латинскими переводами или передѣлками именъ греческихъ божествъ Πλούτων и Περσεφόνη [2]) и, наконецъ, мы знаемъ, что на этихъ играхъ устраивались также селлистерніи, о чемъ Валерій Максимъ свидѣтельствуетъ уже относительно древнѣйшихъ секулярныхъ игръ, учрежденныхъ, по его словамъ, еще въ царскій періодъ нѣкіимъ Валезіемъ [3]),—обычай же этотъ,

[1]) Ср. Marquardt-Wissowa, Römische Staatsverwaltung III², 42 sqq. и 358 sqq.

[2]) См. Preller-Jordan, Röm. Myth. II³, 50, и Peter въ Roscher's Lexicon d. griech. u. röm. Mythol. s. v. Dis. — О происхожденіи латинскаго имени Proserpina изъ греческаго Περσεφόνη трактуютъ въ особенности Jordan, Kritische Beiträge, p. 68—72; Keller въ Rhein. Mus. XXX (1875), p. 128 sq.; Bugge, Altitalische Studien, p. 74; Huschke, Die neue oskische Bleitafel etc., p. 89; Weise, Griech. Wörter im Latein., p. 62; Saalfeld, Tensaurus Italograecus, s. v. Proserpina, p. 940 sq., и Der Hellenismus in Latium, p. 21.—Ниже мы увидимъ, что Dis и Proserpina сдѣлались извѣстными римлянамъ еще до 505/249 г., и что еще до этого времени въ Римѣ существовалъ справлявшійся родомъ Валеріевъ культъ ихъ, къ которому въ 505/249 г. были приноровлены „Тарентинскія игры“.

[3]) Ср. Valerius Maximus II, 4, 5, вмѣстѣ съ эпитомами Париса (II, 4, 5) и Непоціана (c. 11, 7). Изъ первой эпитомы, а также изъ изданныхъ Моммзеномъ (въ Ephem. epigraph. vol. VIII, p. 225-309) оффиціальныхъ commentaria ludorum saecularium quintorum (v. 71; 102; 109; 138) et septimorum (fr. IV, v. 4 и fr. V, v. 8) видно, что у Валерія Максима (и у Непоціана), вмѣсто рукописнаго чтенія lectisternia, надо читать sellisternia, каковое чтеніе предлагается также въ замѣткѣ на поляхъ рукописи A. Само собою разумѣется, что приведенная Валеріемъ Максимомъ (и его эпитоматорами) датировка древнѣйшихъ ludi saeculares должна считаться легендар-

нужно замѣтить, чисто, какъ кажется, греческаго происхожденія: въ Греціи онъ практиковался, между прочимъ, въ особенности въ культѣ подземныхъ божествъ [1]). Правда, въ болѣе позднихъ и подробныхъ описаніяхъ секулярныхъ игръ, составленныхъ на основаніи наблюденія тѣхъ игръ, которыя праздновались при Августѣ и позже, въ особенности при Септиміи Северѣ [2]), упоминается не столько о тѣхъ жертвахъ, которыя, согласно древнѣйшимъ описаніямъ игръ, приносились Диту и Прозерпинѣ, сколько о тѣхъ, которыя приносились другимъ божествамъ, а именно Аполлону, Діанѣ, Паркамъ, Илиеіямъ, Землѣ (Tellus), далѣе Юпитеру и Юнонѣ [3]); но, во-первыхъ, и эти послѣднія жертвы, какъ мы ниже увидимъ, отличаются несомнѣнно греческимъ характеромъ, состоя, между прочимъ, изъ лепешекъ, приготовляемыхъ по-гречески, и обозначаемыхъ чисто-греческими названіями, popana (=πόπανα) и pthoeis (=φθόεις) [4]), причемъ о нихъ такъ даже и говорится [5]), что онѣ приносились Achivo (или Graeco Achivo)

ной. Это слѣдуетъ не только изъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ мнѣ придется говорить ниже, но въ особенности изъ того, что иностранный обычай пиршествъ боговъ, по опредѣленному свидѣтельству древнихъ (Livius V, 13, 6, Dionys. Hal. XII, 9 и Augustinus, De civ. Dei III, 17), въ первый разъ былъ введенъ въ Римъ въ 399 г. до Р. Х.

[1]) Ср. Marquardt-Wissowa, Römische Staatsverwaltung III², p. 45 sqq., и Wackermann, Ueber d. Lectisternium (Wiss. Beil. z. Progr. d. K. Gymnas. zu Hanau, 1888), p. 14 sqq.

[2]) Эти описанія содержатся въ изданныхъ Моммзеномъ (l. c.) commentaria ludorum saecularium quintorum et septimorum, въ carmen saeculare Горація и въ исторіи Зосима (II, 5). Ср. также относящійся къ секулярнымъ играмъ сивиллинъ оракулъ, который приводится Флегонтомъ (Macrob., c. 4) и Зосимомъ (II, 6).

[3]) Только Зосимъ (II, 5), кромѣ этихъ божествъ, упоминаетъ также о Дитѣ и Прозерпинѣ и сверхъ того называетъ еще Латону.

[4]) Ср. Comment. lud. saec. quintorum, v. 115 и 140.

[5]) Comment. lud. saec. quintorum., v. 91, и Comment. lud. saec. septimorum, fr. IV, v. 6. Если греческая коллегія дуовировъ (позднѣе децемвировъ, и наконецъ квиндецимвировъ) sacris faciundis, какъ

ritu, а во-вторыхъ, уже a priori весьма вѣроятно, что позднѣйшія секулярныя игры отличались отъ древнѣйшихъ несущественнымъ образомъ, и что тѣ и другія вообще произошли изъ одного и того же источника.

Если мы теперь спросимъ, какой это былъ греческій источникъ, то-есть откуда введены были въ Римъ тѣ греческія культы и обряды, которые соблюдались при секулярныхъ играхъ, то изъ выше указаннаго нами факта, что ludi saeculares первоначально назывались также ludi Tarentini, и изъ засвидѣтельствованнаго всѣми нашими источниками обстоятельства, что эти игры во всѣ времена праздновались въ мѣстности Марсова поля, называвшейся Тарентомъ, на нашъ вопросъ можетъ послѣдовать только одинъ, весьма простой отвѣтъ: изъ расположеннаго въ южной Италіи греческаго города Тарента.

Чтобы убѣдиться въ правильности этого отвѣта, необходимо прежде всего рѣшить, каково въ дѣйствительности было имя той мѣстности Рима, въ которой праздновались такъ называемые ludi saeculares или Tarentini, и такимъ образомъ положить конецъ колебанію мнѣній современныхъ ученыхъ, говорящихъ то о Tarentum и о ludi Tarentini, то о Terentum и о ludi Terentini [1]). Для этого вполнѣ достаточно указать

извѣстно, вообще справляла свои культы согласно греческому обряду, Graeto ritu—(ср. Varro, De l. L. VII, 88: Dicimus XV viros Graeco ritu sacra, non Romano facere, и Livius XXV, 12, 10: decemviri Graeco ritu hostiis sacra faciant)—, а соблюдаемый ею при ludi Tarentini или saeculares обрядъ жертвоприношеній называется не просто Graecus ritus, а Achivus ritus или даже Graecus Achivus ritus, то это обстоятельство едва ли лишено особаго значенія и указываетъ, какъ мы ниже увидимъ (ср. стр. 46 сл., съ прим. 2), на дѣйствительно ахейское (тарентинское) происхожденіе культа, справлявшагося при названныхъ играхъ.

[1]) Первую форму имени защищаютъ въ особенности Becker (Röm. Alt. I, 628 n. 29), O. Gilbert (Gesch. u. Topogr. d. St. Rom im Alt. I, 288; II, 108 sqq; III, 67), Schwegler (Röm. Gesch. II, 46, пр. 1), а въ новѣйшее время также Mommsen (въ Ephem. epigr. VIII, p. 253 sq.) и Kiepert und Huelsen (Formae urbis Romae antiquae—Berol.

на тотъ краснорѣчивый фактъ, что, хотя обѣ эти другъ другу противоположныя формы и встрѣчаются уже у древнихъ писателей [1]), но авторитетъ тѣхъ изъ нихъ, съ одной стороны, которые свидѣтельствуютъ въ пользу первой изъ названныхъ формъ, и тѣхъ, съ другой стороны, у которыхъ находимъ вторую изъ этихъ формъ,—весьма неравенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ форма Terentum съ достовѣрностью читается только у двухъ писателей,—и притомъ писателей значительно позднѣйшаго времени—, у Псевдо-Акрона [2]) и Павла Діакона [3]), и затѣмъ, за исключеніемъ этихъ авторовъ, встрѣ-

1896—p. 74). Другая же форма, Terentum, нашла гораздо большее число защитниковъ; къ нимъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, Schoemann (Opusc. I, 58 sq.), Preller (Röm. Myth. II³, 82 sqq.), Jordan (Topogr. d. St. Rom I, 1, 181 n. 49), Marquardt-Wissowa (Röm. Staatsverw. III², p. 387), Friedländer (въ примѣч. къ Martialis Epigr. I, 69), Peter (въ Roscher's Lexicon d. griech. u. röm. Myth., s. v. Dis, p. 1181), Mommsen (Röm. Chronol.², p. 191) до открытія оффиціальныхъ комментаріевъ секулярныхъ игръ, въ которыхъ данная мѣстность Рима называется Tarentum, и другіе ученые, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напр., E. Hoffmann (Die tarquinischen Sibyllen-Bücher, въ Rhein. Mus. N. F. vol. L (1895), p. 98 sq.) употребляетъ форму Terentum (и ludi Terentini) даже послѣ открытія указанныхъ комментаріевъ. Schneider (Das alte Rom—Lpz. 1896) называетъ указанную мѣстность Рима то Terentum—на первыхъ 9 планахъ своей книги, изображающихъ городъ съ древнѣйшихъ временъ до эпохи Флавіевъ, т. е. до 69 г. по P. X.—, то Tarentum—на трехъ послѣднихъ (10—12) планахъ Рима, изображающихъ городъ начиная съ эпохи Флавіевъ до пятаго столѣтія по P. X. Заключающійся въ этомъ произволъ очевиденъ (ср., однако, также конецъ ниже слѣдующаго примѣчанія 3, на страницѣ 30.

[1]) Ср. объ этомъ въ особ. Merkel'я въ praefatio его изданія Овидіевыхъ Fasti, p. CXLVI, и Kempf'a въ его первомъ изданіи Валерія Максима (въ примѣчаніяхъ къ II, 4, 5).

[2]) Pseudo-Acro, Ad Horatii carm. saec., v. 5 ed. Hauthal: Cum Roma pestilentia laboraret, ex libris Sibyllinis iussum est, ut Diti patri ad Terentum stipes mitteretur.

[3]) Paulus Diaconus, p. 350 Müller: Terentum locus in campo Martio dictus, quod eo loco ara Ditis patris terra occultaretur.—Чтобы рѣшить, какое значеніе при нашемъ вопросѣ слѣдуетъ приписать при-

чается весьма рѣдко и только въ видѣ чтенія худшихъ руко-

веденному свидѣтельству Павла Діакона, представляющемуся, на первый взглядъ, весьма важнымъ, мы должны сопоставить его съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ словаря Феста, которое тотъ эксцерпировалъ. Правда, къ сожалѣнію, это мѣсто дошло до насъ въ неполномъ, испорченномъ видѣ, и предложенныя новѣйшими учеными (Урзиномъ, Скалигеромъ и др.) реконструкціи его противорѣчатъ другъ другу, но изъ всѣхъ этихъ реконструкцій, что касается ихъ начальныхъ словъ, я считаю вполнѣ правдоподобными только тѣ, въ основаніи которыхъ лежитъ убѣжденіе, что Фестъ, а также Веррій Флаккъ, котораго онъ эксцерпировалъ, исходною точкою своего объясненія названія данной мѣстности Рима или явно или молча взяли и должны были взять форму Tarentum, бывшую тогда, какъ я докажу ниже, въ общемъ употребленіи, но казавшуюся обоимъ грамматикамъ не соотвѣтствующею предлагаемому ими этимологическому производству этого названія отъ terra (и terere?—ср. Servius ad Verg. Aen. VIII, 63: (Tiberis) in aliqua etiam urbis parte Tarentum dicitur, eo quod ripas terat). Эти реконструкціи, предложенныя Merkel'емъ (въ Prolegomena его изданія Фастовъ Овидія, pag. CXLVII) и Müller'омъ (въ его изданіи Феста), гласятъ слѣдующее: 1) [Tarentum] in campo Martio loc[um Terentum ait ab eo] dicendum fuisse, quod. и т. д., и 2) [Terentum] in campo Martio loc[um Verrius ait ab eo] dicendum fuisse, quod и т. д. Которой изъ этихъ двухъ реконструкцій, являющихся тождественными по существу и различными только по формѣ, мы должны дать предпочтеніе, я не берусь рѣшить, хотя и думаю, что мысль, лежащая въ основѣ реконструкціи, предложенной Меркелемъ, по латыни лучше была бы выражена слѣдующими словами [Terentum] in campo Martio loc[um, non Tarentum ait]dicendum fuisse, quod и т. д. Въ пользу второй реконструкціи, предложенной Müller'омъ, говоритъ, по моему, то обстоятельство, что при такомъ чтеніи испорченнаго мѣста Феста легче всего объясняется, почему Павелъ Діаконъ въ своемъ эксцерптѣ приводитъ только форму Terentum и, повидимому, совсѣмъ не знаетъ формы Tarentum. Но какую бы изъ приведенныхъ реконструкцій мы ни приняли, несомнѣннымъ представляется намъ выводимое изъ нихъ всѣхъ заключеніе, что Павлъ Діаконъ довольно небрежно эксцерпировалъ здѣсь объясненіе Феста, и что приведенная имъ форма Terentum является лишь результатомъ этого поверхностнаго отношенія автора къ своему источнику, а кромѣ того, можетъ быть, еще и результатомъ того обстоятельства, что въ позднѣйшія вре-

писей [1]) или въ видѣ сдѣланной позднѣйшею рукою коррек-

мена, т. е. приблизительно съ начала эпохи имперіи, вмѣсто первоначальной, правильной формы Tarentum простонародье стало употреблять также форму съ ослабленною гласною—Terentum—, т. е. ту форму, которая, какъ я укажу ниже, кромѣ схолій Псевдо-Акрона и словаря Павла Діакона, встрѣчается иногда также въ позднѣйшихъ и худшихъ рукописяхъ различныхъ сочиненій римской литературы, и существованіе которой, можетъ быть, послужило даже причиною тому, что Веррій Флаккъ сопоставилъ это названіе съ словомъ terra (и terere?). — Въ виду всего изложеннаго я считаю въ высшей степени неправдоподобною ту реконструкцію испорченнаго мѣста Феста, предложенную Зѣлинскимъ (l. c., p. 148), которая гласитъ слѣдующее: [Terentum]in campo Martio loc[um Terrentum putat]dicendum fuisse, quod и т. д. Эта реконструкція съ одной стороны исходитъ изъ слишкомъ высокаго мнѣнія о точности, соблюдаемой Павломъ Діакономъ въ эксцерпированіи своего источника, а съ другой стороны навязываетъ Фесту, или, точнѣе говоря, его источнику Веррію Флакку такое невѣроятное и ничѣмъ не оправдываемое измѣненіе обычной формы названія данной мѣстности Рима, какого этотъ выдающійся грамматикъ ни въ какомъ случаѣ не могъ предложить. — На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, форма Terentum основывается только на весьма шаткомъ авторитетѣ двухъ позднѣйшихъ писателей, и намъ пришлось бы попрать всѣ законы критики, если бы мы хотѣли принять эту форму какъ первоначальную и вмѣстѣ съ тѣмъ предположить (какъ это дѣлаетъ, напр., Georges въ своемъ Ausführl. lat.-deutsches Wörterb., s. v. Terentum, и, повидимому, также Schneider, Das alte Rom (Lpz. 1896), на планахъ 1—9 и 10—12.—ср. конецъ нашего примѣчанія 1 на стр. 27 сл.), что форма Tarentum представляетъ собою позднее искаженіе упомянутой формы, и что это искаженіе случилось подъ вліяніемъ умничанія народной этимологіи, которою названіе данной мѣстности Марсова поля произвольно приводилось де въ связь съ именемъ греческаго города Тарента.

[1]) Такъ, у Папинія Стація (Silv. I, 4, 18—см. ниже на стр. 31, прим. 3) позднѣйшіе codices даютъ „Terenti“, а древнѣйшій (codex S[angallensis]) давалъ „Tarenti“, и это чтеніе принято новѣйшими издателями. Что касается чтенія Terentus въ комментаріи Сервія ad Verg. Aen. VIII, 63, то оно основывается лишь на конъектурѣ Masvicius'a (въ его изданіи 1717 г.). На самомъ же дѣлѣ всѣ рукописи Сервіева сочиненія читаютъ Tarentum (одинъ лишь F(loriacensis): Tarrentum),

туры первоначальнаго рукописнаго чтенія Tarentum [1]), послѣдняя форма (Tarentum или Tarentus или Tarentos, съ произведеннымъ отсюда прилагательнымъ Tarentinus) является чтеніемъ всѣхъ хорошихъ рукописей не только произведеній поэтовъ Авзонія [2]), Папинія Стація [3]), Марціала [4])

и это чтеніе по справедливости было принято въ текстъ новѣйшимъ издателемъ Сервія Thilo, такъ что все указанное мѣсто теперь гласитъ: (Tiberis) in aliqua etiam urbis parte Tarentum dicitur, eo quod ripas terat.

[1]) Это встрѣчается въ хорошихъ рукописяхъ Фастовъ Овидія, I, 501. См. ниже на стр. 32, прим. 1.

[2]) Ausonius, Idyll. XI, 34 (ed. Peiper, p. 202):

Trina Tarentino celebrata trinoctia ludo.

[3]) Papinius Statius, Silv. I, 4 18 sq. Baehrens:

Nec tantum induerint fatis nova saecula crimen,
Aut instaurati peccaverit ara Tarenti.

Худшія рукописи читаютъ здѣсь „Tarenti“ (см. выше, въ началѣ прим. 1 на стр. 30). У того же поэта мы читаемъ (Silv. IV, 1, 37 sq.):

mecum altera saecula condes,
et tibi longaevi renovabitur ara Tarenti.

Вмѣсто Tarenti рукописи даютъ здѣсь parentis. Но уже Turnebus и затѣмъ Becker (Röm. Alterth., I, 628 nota 29) видѣли, что это чтеніе испорчено, и предложили исправить parentis въ Tarenti. Эту несомнѣнно вѣрную поправку приняли всѣ новѣйшіе издатели Стація, за исключеніемъ Vollmer'a, который въ защиту рукописнаго чтенія приводитъ вполнѣ ошибочное объясненіе его (ср. приложенія въ концѣ нашей книги).

[4]) Martialis, Epigramm.

I, 69, 1 sq.: Coepit, Maxime, Pana qui solebat,
Nunc ostendere Canium Tarentos.

IV, 1, 7 sq.: hic colat ingenti redeuntia saecula lustro
et quae Romuleus sacra Tarentos habet.

X, 63, 3 sq.: bis mea Romano spectata est vita Tarento
et nihil extremos perdidit ante rogos.

Греческое окончаніе на — os, которое Марціалъ I, 69, 2 и IV, 1, 8 даетъ имени находившейся на Марсовомъ полѣ мѣстности, въ связи съ эпитетомъ Romano, который онъ ему даетъ X, 63, 3, также указываетъ на греческое происхожденіе этого имени, то-есть на

и Овидія [1]), но и сочиненій грамматиковъ Сервія [2]) и Варрона [3]) и историковъ Зосима [4]), Валерія Максима [5]) и Ливія [6]), а наконецъ также оффиціальной надписи, commentarium ludorum saecularium septimorum [7]), и имѣетъ такимъ образомъ за собой авторитетъ особенно тѣхъ писателей (Варрона и Ливія), на которыхъ, какъ на наиболѣе древніе и до-

---

его происхожденіе изъ греческаго города Тарента.—Нельзя не указать здѣсь также на то, что въ то время какъ IV, 1, 8 Марціалъ несомнѣнно употребилъ имя Tarentos въ мужескомъ родѣ, въ другомъ мѣстѣ (I, 69, 2) онъ, можетъ быть, употребилъ его въ женскомъ родѣ, такъ какъ нѣкоторыя рукописи, по свидѣтельству Flach'a (въ его изданіи первой книги Марціала, Tübingen, 1881, стр. 69), тамъ даютъ quae вмѣсто qui, а употребленіе названія Tarentos въ женскомъ родѣ само по себѣ возможно и даже болѣе правильно, чѣмъ употребленіе его въ мужескомъ родѣ. Что касается третьяго изъ вышеприведенныхъ мѣстъ Марціала, то дательный падежъ Romano Tarento не позволяетъ намъ рѣшить, исходилъ ли здѣсь Марціалъ отъ именительнаго падежа Tarentos (Tarentus, мужескаго рода) или же, что менѣе вѣроятно, отъ Tarentum.

[1]) Fasti, I, 501 sq.: fluminis illa latus, cui sunt vada iuncta Tarenti,
aspicit et sparsas per loca sola casas.

[2]) Ad Verg. Aen. VIII, 63: „Tarentum dicitur“ (см. на стр. 28 сл., примѣч. 3 въ серединѣ).

[3]) У Цензорина, De die natali 17, 8: „ludi Tarentini“ (см. приложенія).

[4]) Zosimus, II, 1—3 (см. приложенія). Тутъ встрѣчаются обороты εἰς Τάραντα (II, 1, 3), ἐν τῷ Τάραντι (II, 2, 1 и 3, 2) и κατὰ Τάραντα (II, 2, 3, согласно предложенной Мендельсономъ поправкѣ рукописнаго чтенія κατὰ τάραντον), а „учредитель“ тарентинскихъ или секулярныхъ игръ называется Ταρεντῖνος (II, 3, 2).

[5]) Valerius Maximus (II, 4, 5) употребляетъ это имя только въ винительномъ (Tarentum = „въ Тарентъ“) и въ родительномъ, то-есть, собственно, локативномъ падежѣ (Tarenti = „въ Тарентѣ“). Его эпитоматоръ Paris (II, 4, 5) имѣетъ форму „Tarentus“. Объ этой формѣ см. ниже, на стр. 35, прим. 1 въ началѣ. Тексты Валерія Максима и Париса цѣликомъ приводятся нами въ приложеніяхъ.

[6]) Epitome 49: „ad Tarentum“. См. приложенія.

[7]) Fr. III, v. 15 (Ephem. epigr. VIII, p. 284): Tarentum lustravit. (См. прилож.).

стовѣрные источники, мы болѣе всего имѣемъ право положиться. Сверхъ того Зосимъ подтверждаетъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, что названіе находившейся въ Римѣ на Марсовомъ полѣ мѣстности, о которой здѣсь идетъ рѣчь, совершенно согласно (ὁμώνυμος) было съ названіемъ греческаго города южной Италіи Tarentum (Τάρας) [1]). То же самое слѣдуетъ съ несомнѣнностью изъ основаннаго цѣликомъ на смѣшеніи этихъ двухъ мѣстностей легендарнаго разсказа о происхожденіи секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ, который мы находимъ какъ у Зосима, такъ и у Валерія Максима, и критическую оцѣнку котораго мы ниже постараемся дать. Если поэтому единственною хорошо засвидѣтельствованною, первоначальною и правильною формой имени данной мѣстности Марсова поля должна быть признана форма Tarentum (или Tarentos или Tarentus) [2]), а Terentum оказывается позднѣйшею формою, въ которой первоначальная краткая гласная *a* была ослаблена въ краткую *e* [3]), то въ виду совершенной тождественности

---

[1]) Zosimus, II, 2, 1: ταύτην [т. е. Τάραντα] γὰρ εἶχεν ὁ τόπος προσηγορίαν, τῷ κατὰ τὴν ἄκραν Ἰαπυγίαν ὁμώνυμος ὢν Τάραντι. См. приложенія.

[2]) Именительный падежъ Tarentum встрѣчается только у Сервія (ad Verg. Aen. VIII, 63. См. выше, на стр. 30 сл., въ концѣ прим. 1), Tarentos у Марціала (I, 69, 2 и IV, 1, 8. См. выше, на стр. 31, прим. 4) и Tarentus у Париса (II, 4, 5. См. выше, на стр. 32, прим. 5). Во всѣхъ другихъ мѣстахъ имя мѣстности приводится въ косвенныхъ падежахъ.

[3]) Совершенно ошибочно, поэтому, исходить изъ этой формы Terentum для этимологическаго объясненія названія римской мѣстности. Къ тому же всѣ предложенныя новѣйшими учеными этимологіи формы Terentum весьма проблематичны съ реальной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ указаніе на упомянутый одной только легендою (ср. Valerius Maximus II, 4, 5 med.) вулканическій характеръ той мѣстности, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не можетъ быть приведено въ согласіе съ производствомъ ея имени отъ глагола terere, предложеннымъ не только древнимъ грамматикомъ Сервіемъ (ad Verg. Aen. VIII, 63—см. выше на стр. 28 сл., прим. 3 въ серединѣ), но и новѣйшими учеными, какъ Jordan'омъ (Topogr. d.

первой изъ этихъ формъ съ именемъ греческаго города Тарента, а также въ виду доказаннаго нами греческаго происхожденія праздновавшихся при римскихъ „Тарентинскихъ“ или секулярныхъ играхъ религіозныхъ культовъ, мы обязательно

St. Rom I, 1, 181 n. 49, и у Preller'a, Röm. Myth. II³, 82 n. 1), такъ нельзя доказать и того, что „Terentum“, при всемъ своемъ болотистомъ характерѣ, обнаружившемся при недавнемъ открытіи находившейся на немъ „ara Ditis et Proserpinae“ (см. Lanciani: L'Itinerario di Einsiedeln etc., въ Monumenti antichi, pubbl. p. c. d. R. Accad. d. Lincei, Vol. I, punt. 3, Milano 1891, pag. 547 sq.), было *„мягкое* прибережье“, какъ полагаетъ Preller (Röm. Myth. II³, 82), сопоставляющій это названіе съ сабинскимъ словомъ terenum, которое, по свидѣтельству Варрона (см. Macrobius, Saturn. III, 18, 13), означало „molle“. Если далѣе римскій риторъ Фаворинъ, какъ разсказываетъ Макробій (l. c.), полагалъ, что отъ этого сабинскаго прилагательнаго, которое, по мнѣнію Варрона, послужило для образованія родоваго имени Terentius, произведено было также прилагательное terentinus, которымъ обозначались какіе-то мягкіе орѣхи (ср. также Апиція, который 4, 172 говоритъ о кушаньи, а 8, 372 объ ингредіенціяхъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ (тарентинскихъ) орѣховъ: minutal terentinum и impensa terentina; послѣднія ингредіенціи онъ обозначаетъ 8, 339 простымъ субстантивированнымъ „Terentina“), а также овцы, отличавшіяся „мягкою“ шерстью, то мы самымъ рѣшительнымъ образомъ должны отвергнуть такую этимологію, такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что засвидѣтельствованное тѣмъ же Фавориномъ другое названіе этихъ орѣховъ и овецъ – nuces и oves Tarentinae, — въ виду указаннаго многими писателями (Plinius, Nat. Hist. 15, § 93 и 94; Palladius, De re rust. II, 15; Varro, De re rust. II, 2, 18; Columella, De re rust. 7, 2, 3 и 7, 4, 1; Petronius, Satir. c. 38 и Plinius, Nat. Hist. 8, § 190 и 191 и 29, § 33) происхожденія ихъ изъ города Тарента, должно быть признано первоначальнымъ и правильнымъ названіемъ ихъ, изъ котораго лишь позднѣе, вслѣдствіе ослабленія гласной, образовалась форма terentinae. То же самое надо сказать и относительно греческихъ формъ Ταραντῖνος и Τερεντῖνος, которыя обѣ служили для обозначенія какого-то сорта пирожныхъ, происходившаго изъ города Тарента: Τερεντῖνος (πλακοῦς) упоминается Хрисиппомъ Тіанскимъ (у Аѳинея, Deipnos. XIV, c. 57 init., p. 647 c.), а Ταραντῖνα (πόπανα) Іоанномъ Лидомъ (De Mensibus 4, 5). Кромѣ этихъ двухъ формъ производимаго отъ названія греческаго города прилагательнаго, встрѣ-

должны притти къ заключенію, что эти игры были дѣйствительно ludi Tarentini, то-есть, что онѣ произошли изъ греческаго города Тарента [1]).

чается еще третья форма Ταρεντῖνος (см. Anthol. Palat. VII, tit. 198 и 295). Точно также, кромѣ обыкновенной формы имени греческаго города Тарента, ὁ или ἡ Τάρας, попадаются формы Τάραντον (отсюда Ταραντῖνος), Τάρεντον и Ταρεντός (отсюда (Ταρεντῖνος). Ср. Pape-Benseler, Wörterb. d. griech. Eigennamen, 3-е изданіе, s. v. Τάρας.— Подобное ослабленіе гласной ă въ ĕ, какъ въ греческомъ языкѣ, можно наблюдать и въ латинскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, на ряду съ формами Tarracina, Dalmatia, Dalmatae, Sarranus, Sarapis, Mageddo, Mataurus, Mataurum, Vataranehae matronae, далѣе sarracum, lavatores (ср. Pseudo-Acro ad Horat. epist. I, 16, 60), tarmes, mataxa, встрѣчаются также формы Terracina, Delmatia, Delmatae, Serranus, Serapis, Megeddo, Metaurus, Metaurum, Veteranehae matronae, далѣе serracum, levatores (ср. Petronius, Satir. 140 Buecheler), termes (ср. Isidor. Or. 12, 5, 10 и Servius, ad Verg. Georg. I, 256), metaxa. Perinde возникло, должно быть, изъ первоначальнаго parinde, и т. д. Объ этомъ ослабленіи гласной ă въ ĕ, происходящемъ чаще всего передъ r или нѣсколькими согласными въ слогахъ, не имѣющихъ ударенія, ср., напримѣръ, Corssen, Ausspr. Vocal. u. Beton. d. lat. Spr. II², 26 sqq. и Leo Meyer, Vergl. Gramm. I², 222.

[1]) Какъ имена греческихъ городовъ Ὕδρους, Ὑδροῦντος и Ἀκράγας, Ἀκράγαντος, далѣе Μαλόεις (древн. Μαλοϝεις), Πυξοῦς, Πυξοῦντος по латыни передавались формами Hydruntum, Agrigentum, Mal(e)ventum и Buxentum, такъ и имя города Тарента, Τάρας, Τάραντος, по латыни передавалось обыкновенно формою Tarentum. Эта форма соотвѣтствуетъ греческой побочной формѣ Τάρεντον (ослабленной изъ болѣе древней формы Τάραντον), какъ латинское talentum соотвѣтствуетъ греческому τάλαντον. Кромѣ того, однако, существовала еще другая латинская форма названія греческаго города Тарента, именно форма Tarentus (femin. gen.), вполнѣ соотвѣтствующая греческой формѣ Ταρεντός (ἡ). — Если мы теперь за исходную точку нашего разсужденія примемъ выше доказанный нами греческій характеръ римскихъ ludi Tarentini или saeculares, праздновавшихся въ Tarentum на Марсовомъ полѣ, а также ниже доказываемое нами сходство этихъ игръ съ греко-тарентинскими Гіакинѳіями, и при этомъ обратимъ вниманіе на то, что названіе находившейся въ Римѣ на Марсовомъ полѣ мѣстности приводится въ тѣхъ же

Такое происхожденіе ихъ не представляетъ собою ни-

различныхъ формахъ Tarentum (или Terentum), Tarentos и Tarentus, какъ и названіе греческаго города; что оно при опредѣленіяхъ мѣста подлежитъ тѣмъ же правиламъ, какимъ подлежатъ названія городовъ, и что на греческомъ языкѣ, какъ греческая, такъ и римская мѣстность „Тарентъ“ обозначается однимъ и тѣмъ же названіемъ Τάρας, то въ указанной омониміи двухъ мѣстностей едва-ли можно будетъ усмотрѣть случайное совпаденіе, а почти несомнѣнно, что одна изъ нихъ получила свое названіе отъ другой, то-есть, римскій Тарентъ отъ греческаго, и поводомъ къ этому послужило случившееся въ 505/249 г. введеніе въ Римъ Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ. Только въ томъ случаѣ, если дѣло обстояло такъ, слова самаго достовѣрнаго изъ римскихъ антикваріевъ Варрона (у Цензорина 17, 8), согласно которымъ Сивиллины книги требовали, „uti Diti patri et Proserpinae ludi Tarentini in campo Martio fierent“, имѣютъ вполнѣ разумный и естественный смыслъ: не по мѣстности Марсова поля, называвшейся Tarentum, прозваны были ludi Tarentini, а наоборотъ, только вслѣдствіе введенія въ Римъ Тарентинскихъ (или секулярныхъ) игръ та мѣстность, гдѣ онѣ справлялись, получила свое названіе, и получила его именно отъ того греческаго города, откуда онѣ были введены. Этому содѣйствовало, по всей вѣроятности, еще слѣдующее обстоятельство, которое мы имѣемъ полное основаніе предположить въ виду весьма оживленныхъ торговыхъ сношеній, издавна существовавшихъ между Римомъ и Тарентомъ, именно возникновеніе въ то время (или раньше) эмпорія или даже цѣлаго посада тарентинскихъ поселенцевъ въ данной мѣстности Марсова поля, расположенной на берегу рѣки Тибра вблизи позднѣйшихъ римскихъ navalia.—Болѣе или менѣе сходныя аналогіи съ такимъ случаемъ обозначенія мѣстности чужестраннымъ топографическимъ названіемъ, какой мы усматриваемъ въ названіи римской мѣстности Tarentum, представляютъ собою, напримѣръ, слѣдующія названія, пріуроченныя также къ различнымъ мѣстностямъ Рима или его окрестностей: vicus Tuscus, гдѣ этрусскій богъ Vortumnus имѣлъ свой культъ (ср. O. Gilbert, Gesch. u. Topogr. d. St. Rom im Alt. II, 101 sqq.), caput Africae (ср. тамъ же III, 348 прим. 1) и въ особенности Sicilia (т. е. мѣсто въ портикахъ дворца Домиціана (ср. тамъ же III, 180 sqq. прим. 3), а также Canopus и Tempe, т. е. части Тибуртинской виллы императора Адріана (ср. Spartianus, vita Hadriani c. 26, 5), и др. Еще болѣе подходящую аналогію представляетъ названіе Fregellae, данное какой-то мѣстности Рима.

чего поразительнаго и необыкновеннаго. Вѣдь подобно греческому городу Кумамъ, находившемуся издавна въ весьма

По словамъ Павла Діакона (p. 91 M. s. v. Fregellae) это случилось вслѣдствіе того, что тамъ обитали переселившіеся граждане вольскаго города Fregellae; но также возможно, что такое обозначеніе римской мѣстности возникло вслѣдствіе заклинанія (evocatio) фрегелльскихъ божествъ, которое, по свидѣтельству Макробія (Sat. III, 9, 13), соотвѣтственно съ древнимъ обычаемъ Римлянъ (Macrob., Sat. III, 9, 1 sqq.), было произведено во время ихъ войны съ названнымъ городомъ. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ разсказъ Діонисія Галикарнасскаго (IV, 60) объ аналогичномъ дѣйствіи, которымъ однажды этрусскій жрецъ хотѣлъ заклинать Капитолійскаго Юпитера, хранителя Рима, вызывая его на свою родину и предлагая ему тамъ, какъ мѣсто почитанія, такой же „Тарпейскій холмъ“ (Ταρπήιος λόφος), какой въ Римѣ служилъ мѣстомъ почитанія этого божества. Немало подобныхъ аналогій можно было бы привести также изъ исторіи топографіи другихъ древнихъ и новыхъ (особенно американскихъ) городовъ; одной изъ наиболѣе подходящихъ является названіе Китай-городъ, которымъ обозначается та часть г. Москвы, гдѣ сосредоточились первыя начала русской торговли китайскими товарами. Нѣкоторую аналогію, взятую изъ древней исторіи, представляетъ собою далѣе слово seplasium, обозначавшее у Римлянъ лавку для мелочной торговли (=παντοπωλεῖον, согласно Gloss. Lab.) и возникшее изъ названія Seplasia (род. Seplasiorum) или Seplasiae (род. Seplasiarum) или Seplasia (род. Seplasiae), которое, по свидѣтельству Цицерона (De leg. agr. II, 34, 94) и другихъ, носила одна улица города Капуи, славившаяся своей торговлею мазями. Само это названіе было произведено, какъ я полагаю, отъ древне-италійскаго слова seplom (ср. Abl. plur. seples у Умбруевъ въ Tabulae Iguvinae III, 17—у Buecheler'a, Umbrica (Bonn 1883), на стр. 8), сходнаго по формѣ и значенію съ латинскимъ simpulum, обозначавшимъ жертвенную чашу.—Будучи почти убѣжденъ въ достовѣрности моего предположенія, что названіе римской мѣстности Tarentum возникло подъ вліяніемъ имени греческаго города Тарента, т. е. послѣ того, какъ съ содѣйствіемъ переселившихся изъ этого города въ Римъ купцовъ и другихъ жителей, или вслѣдствіе произведенной Римлянами evocatio тарентинскихъ божествъ перенесены были въ Римъ „тарентинскія игры“, я, однако, для полноты и безпристрастія разсужденія укажу здѣсь еще на возможность объяснить происхожденіе даннаго названія другимъ предположеніемъ,

близкихъ культурныхъ сношеніяхъ съ Лаціумомъ, вообще южно-италійскіе и сицилійскіе города не разъ служили Риму

которое первоначально мнѣ пришло на умъ, а именно тѣмъ предположеніемъ, что римская мѣстность Tarentum и греческій городъ этого названія—только по случайности одноименны, другими словами, что оба эти топографическія названія возникли совсѣмъ самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Въ пользу этого предположенія можетъ говорить то обстоятельство, что какъ основа названія Tarentum (Τάραντον)—индо-европейскій корень tar-, съ его видоизмѣненіями (ср. Vaničck, Griech.-lat. etym. Wört. p. 286 sqq.)—, такъ въ особенности и его суффиксъ, возникшій изъ причастія (ср. особ. Bechstein, De nominibus latinis suffixorum ent-et mino-ope formatis, въ Studien zur griech. u. lat. Gramm., hrsg. von G. Curtius, vol. VIII (Lpz. 1875) p. 337 sqq.), составляютъ общее достояніе латинскаго и греческаго, а также другихъ индо-европейскихъ языковъ и встрѣчаются въ нихъ весьма часто. Изъ области распространенія латинскаго языка можно привести цѣлую массу топографическихъ названій, образованныхъ помощью этого причастнаго суффикса и оканчивающихся, какъ Tarentum, на ent-um. Сюда относятся, напр., Laurentum—въ Лаціумѣ, Terev-ent-um—въ области самнитовъ, Surr-ent-um—въ Кампаніи, Urs-ent-um, Bux-ent-um и Gru-m-ent-um—въ Луканіи, For-ent-um—въ Апуліи, Uz-ent-um въ Калабріи, Luc-ent-um—въ Hispania Tarraconensis, Lucurg-ent-um — въ Hispania Baetica и др. Еще болѣе подходящимъ къ „Tarentum“ примѣромъ является названіе пицентскаго города Tru-ent-us (нынѣ Tronte), такъ какъ оно образовано не только помощью одного и того же суффикса, но, вѣроятно, также изъ одной и той же основы (tar-, tra-, tru-), означающей „переправляться“ – (ср. G. Curtius, Grundz. d. griech. Etymol⁵., p. 221 sq., Vaničck, Griech.—lat. etym. Wörterb., p. 291, а также Doehle, Geschichte Tarents (Strassb. 1877), p. 20 sq.)—, какъ названіе Tarentum и, какъ это послѣднее, представляется именемъ, вполнѣ подходящимъ для обозначенія расположенной на берегу рѣки или моря мѣстности, которая, такъ сказать, служила для переправы (ср. разсказъ Валерія Максима и Зосима о поѣздкѣ сабинянина Валерія къ римскому „Таренту“, а также свидѣтельство Сервія (ad Verg. Aen. VIII, 63), согласно которому (Tiberis) in aliqua etiam urbis parte Tarentum dicitur, eo quod ripas terat. Признавая такимъ образомъ возможнымъ, хотя и менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ раньше изложенное мною мнѣніе, то предположеніе, что топографическое названіе Tarentum возникло самостоятельно какъ на греческой,

въ качествѣ посредниковъ въ передачѣ ему греческихъ культовъ [1]), и самъ Тарентъ, этотъ богатѣйшій и изобиловавшій

такъ и на латинской почвѣ и представляетъ собою одно изъ многочисленныхъ словъ, элементы которыхъ созданы были еще въ ту отдаленную эпоху, когда греки и италики жили совмѣстно, и допуская, вмѣстѣ съ этимъ, возможность того, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ примѣровъ существованія у грековъ и у италиковъ одноименныхъ мѣстностей (ср., между прочимъ, Τροία (въ Малой Азіи) и Troia (въ Лаціумѣ, а также въ области Венетовъ на Адріатическомъ морѣ—ср. Livius I, 1, 3 и 5); [другіе примѣры указаны у Lewis'a, Untersuch. über d. Glaubwürdigkeit der altröm. Gesch. (übers. von Liebrecht) II, 350 adn.], я, однако, полагаю, что и въ томъ случаѣ, если дѣло обстояло такъ, какъ я только-что изложилъ, мое предположеніе о греко-тарентинскомъ происхожденіи римскихъ „Тарентинскихъ“ или секулярныхъ игръ должно считаться непоколебимымъ. Можно даже утверждать, что, если дѣйствительно одна римская мѣстность по случайности носила одноименное съ греческимъ городомъ Тарентомъ названіе, то это обстоятельство еще скорѣе должно было побудить римлянъ временъ первой пунической войны приписать своему Tarentum греко-тарентинское происхожденіе и, съ цѣлью большаго уравненія того и другаго, перенести изъ Тарента къ себѣ „Тарентинскія“ игры, какъ празднество, долженствовавшее служить къ вящшему прославленію религіознаго культа, который, какъ мы увидимъ ниже, издавна совершался въ данной мѣстности Марсова поля и нѣсколько напоминалъ собою родственный по характеру тарентинскій культъ Гіакинѳій. — Въ пользу нашего предположенія о греко-тарентинскомъ происхожденіи римскихъ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ можно привести, наконецъ, и то обстоятельство, что извѣстный подъ названіемъ рорапа (πόπανα) особый сортъ греческихъ лепешекъ, который приносился въ жертву богамъ при секулярныхъ играхъ (ср. Comment. lud. saec. V, v. 115; 118; 140; 142; 143), повидимому, игралъ выдающуюся роль въ тарентинскомъ священнослуженіи, такъ какъ Ταραντῖνα πόπανα особо упоминаются древними писателями (ср. въ концѣ примѣчанія 3 на стр. 33 сл.).

[1]) Такъ, напримѣръ, культъ Аполлона навѣрное проникъ въ Римъ изъ Кумъ, откуда римляне получили также сивиллины книги (ср. Livius 25, 12, 11 sq. и Dionys. Halic. 4, 62.—Marquardt-Wissowa, Röm. Staatsverw. III², 360). И съ культомъ Геркулеса римляне познакомились, по всей вѣроятности, благодаря посредничеству этого

религіозными и другими праздниками [1]) городъ „Великой Греціи“, съ которымъ Римъ издревле находился въ дружбѣ [2]) и въ весьма живыхъ торговыхъ сношеніяхъ, повидимому, не мало вліялъ на различныя стороны римской жизни [3]), въ особенности послѣ того, какъ въ 482/272 г. онъ былъ покоренъ Римомъ. Между прочимъ, онъ далъ, безъ сомнѣнія, римлянамъ образецъ празднества Damium, справлявшагося у послѣднихъ въ честь богини Bona Dea [4]), и отъ него же, по

греческаго города южной Италіи (ср. Preller-Jordan, Röm. Myth. II³, 279 sqq.). Что касается культа Діоскуровъ, введеннаго въ Римъ послѣ битвы при озерѣ Региллѣ, то весьма вѣроятно, что онъ проникъ сюда черезъ посредство города Тускулума изъ южно-италійскаго города Локровъ или же изъ Тарента, гдѣ Діоскуры весьма почитались (ср. Livius 2, 19 sq. и 42 и Dionys. Hal. 6, 13, далѣе Iustinus 20, 3,4, Suidas, s. v. ἀληθέστερα τῶν ἐπὶ Σάγρᾳ и Festus p. 313 M. s. v. stroppus. О тарентинскомъ культѣ Діоскуровъ ср. Lorentz, De rebus sacris et artibus veterum Tarentinorum (Elberf. 1836), p. 16).— Изъ Неаполя или Веліи, какъ свидѣтельствуетъ Цицеронъ (pro Balbo § 55 и De leg. II, 9, 21; cf. Verrin. V, § 187), римляне приглашали греческихъ жрицъ, которыя въ Римѣ должны были имѣть попеченіе о культѣ Цереры. Культъ Афродиты Ардейской былъ перенесенъ изъ Сициліи въ Лацій и Римъ (ср. Strabo V, p. 193 и Schwegler, Röm. Gesch., I, 327), а въ 217 и 181 г. до Р. Х. въ Римѣ были освящены два храма въ честь Эрицинской Венеры (Venus Erycina), происходившей изъ сицилійскаго города Eryx (ср. Livius 22, 9, 10 и 23, 31, 9 и Ovid., Fasti IV, 875).

[1]) Ср. Θеопомпа у Аѳинея, IV, 61 и Страбона, VI, p. 429.

[2]) Ср. Zonaras, VIII, 2 init.

[3]) Ср. изслѣдованія Lorentz'a, De civitate vet. Tarentinorum (Lpz. 1833) и De rebus sacris et artibus vet. Tarentinorum (Elberfeld 1836), а въ особ. E. Pais, Storia d'Italia dai tempi più antichi alla fine delle guerre puniche. Parte I. Storia di Sicilia e di Magna Grecia, Vol. I (Torino 1894), p. 155; 286 и 587 sqq. Parte II. Storia di Roma, Vol. I, 1, p. 384 sqq. и I, 2 p. 487 sqq.

[4]) Объ этомъ празднествѣ, существовавшемъ, насколько намъ извѣстно, только въ Тарентѣ (ср. Hesychius, s. v. Δάμεια· ἑορτὴ παρὰ Ταραντίνοις) и въ Римѣ (ср. Placidus, p. 32, 10 и 33, 1 Deuerling =Corpus glossar. lat., ed. Loewe-Goetz, V, 16, 8=V, 60, 16, и особенно Paulus Diac., p. 68 M: Damium sacrificium, quod fiebat in operto

всей вѣроятности, римскій rex sacrorum Л. Постумій въ 272 г. до Р. Х. перенялъ усовершенствованный способъ жертвонаблюденія (haruspicina), практиковавшійся съ тѣхъ поръ у Римлянъ [1]). Изъ Тарента же римляне перевезли къ себѣ изображеніе богини Victoria (Νίκη), которое до начала имперіи помѣщалось въ древней куріи римскаго сената, а при Августѣ было перевезено въ curia Iulia [2]). Изъ того же города Тарента, наконецъ, происходилъ и отецъ римской художественной поэзіи, Ливій Андроникъ, который, прибывъ въ Римъ, вѣроятно, въ 504/250 г. [3]),

in honorem Bonae Deae, dictum a contrarietate, quod minime esset δαμόσιον, id est publicum. Dea quoque ipsa Damia et sacerdos eius damiatrix appellabatur), ср. Preller-Jordan, Röm. Myth. I³, 402 sq. nota 4; Gilbert, Gesch. u. Topogr. d. St. Rom II, 208; Peter въ Roscher's Lexicon d. griech. u. röm. Myth., s. v. Damia и Bona Dea; Wissowa въ Pauly-Wissowa's Realencyclopaedie der klass. Alterth. III, 1 p. 690, s. v. Bona Dea. Такъ какъ римское празднество въ честь Bona Dea, по опредѣленнымъ свидѣтельствамъ древнихъ, составляло „publicae caerimoniae“ (Sueton., Caes. 6), „publica sacra“ (Juven. 6, 335 sq.) и справлялось „pro populo“ (напр. Cic., De leg. II 9, 21, и Juven. 9, 117), „ὑπὲρ τοῦ δήμου“ (Cassius Dio XXXVII, 35), то, несмотря на противоположное мнѣніе, приведенное Павломъ Діакономъ (l. c.), не можетъ подлежать сомнѣнію, что греческое названіе этого празднества, Damium = Δάμεια, произведено отъ слова δᾶμος (=δῆμος) и означаетъ „народное празднество“, а damiatrix, какъ называлась жрица богини Bona Dea или Damia, означаетъ „врачевательница народа“ согласно врачебной дѣятельности, которая приписывалась самой богинѣ и проявляема была женщинами въ посвященныхъ ей collegia Bonae Deae – ср. Wissowa, l. c. Уже одною формою своею названія Damium и damiatrix указываютъ на дорійское (или эолійское) происхожденіе культа, а Тарентъ, гдѣ, кромѣ Рима, мы встрѣчаемъ празднество Damium, былъ, какъ извѣстно, дорійской колоніею.

[1]) Ср. Plinius, N. H. XI, 37, 186: L. Postumio L. f. Albino rege sacrorum post CXXVI Olympiadem, cum rex Pyrrhus ex Italia decessisset, cor in extis haruspices inspicere coeperunt.

[2]) Cassius Dio, LI, 22. Ср. Zonaras, VIII, 1.

[3]) О возможности предположенія, что учрежденіе въ Римѣ въ 505/249 г. „Тарентинскихъ“ игръ находилось въ нѣкоторой связи съ прибытіемъ туда тарентинца Ливія Андроника, см. ниже въ

т. е. за годъ до учрежденія здѣсь „Тарентинскихъ“ или секулярныхъ игръ, уже въ 11 г. послѣ этого, т. е. въ 514/240 г., согласно свидѣтельству Аттика (у Цицерона, Brutus § 72), поставилъ на сценѣ въ Римѣ первую драму, передѣланную съ греческаго [1]).

Теперь является вопросъ, что за празднество было то празднество тарентинцевъ, которое римляне, какъ мы только-что доказали, перенесли въ 505/249 г. на свою почву, учредивъ у себя „Тарентинскія“ или „секулярныя игры“. Дать на этотъ вопросъ можно двоякій отвѣтъ, смотря потому, допустимъ ли мы тождество даннаго празднества тарентинцевъ и римлянъ только для древнѣйшихъ (т. е. республиканскихъ), или также и для императорскихъ временъ. Въ первомъ случаѣ дошедшія до насъ немногія свѣдѣнія древнихъ о Тарентинскихъ или секулярныхъ играхъ, согласно которымъ эти игры были посвящены божествамъ Диту и Прозерпинѣ и, продолжаясь три ночи и три дня, состояли въ принесеніи въ жертву черныхъ животныхъ въ устройствѣ селлистерній и бѣговъ на колесницахъ, а также въ пѣніи гимна, позволяли бы намъ притти только къ тому заключенію, что соотвѣтствовавшее этому римскому празднеству тарентинское празднество было посвящено Плутону и Персефонѣ. Такое заключеніе, однако, вполнѣ удовлетворить насъ не могло бы, такъ какъ, хотя и нельзя сомнѣваться въ томъ, что выше названныя подземныя божества почитались въ Тарентѣ [2]), мы ничего тѣмъ не менѣе не слы-

главѣ III. Ср. также Zielinski, Quaestiones comicae (въ Журн. Мин. Нар. Пр., за декабрь 1886 г., стр. 155 сл.).

[1]) Смотри ниже въ главѣ III, а также Zielinski, l. c.

[2]) Это можно заключить уже изъ того обстоятельства, что на тарентинскихъ вазахъ нерѣдко встрѣчаются изображенія подземнаго царства, въ центрѣ которыхъ мы видимъ мрачнаго Плутона, сидящаго на тронѣ, и его супругу Персефону, стоящую рядомъ съ факеломъ въ рукѣ. Ср. Wiener Vorlegeblätter, Serie E, Tafel I—V, и Winkler, Darstellung der Unterwelt auf unterital. Vasen (Breslauer-philol. Abhandl., vol. III, Heft 5 (1888), p. 42 sqq.). Но и другія обстоятельства, какъ, напримѣръ, упомянутый Полибіемъ (VIII, 30, 6 sq.)

шимъ о какомъ-либо особенномъ культѣ и чрезвычайномъ, трехдневномъ празднествѣ, посвященномъ этимъ божествамъ въ Тарентѣ. Въ виду этого намъ остается только разсмотрѣть вторую изъ выше указанныхъ возможностей и предположить, что для отысканія греческаго, то-есть тарентинскаго прототипа римскихъ ludi Tarentini (или saeculares) намъ необходимо имѣть въ виду не только древнѣйшія празднованія этихъ ludi, бывшія въ эпоху римской республики, но и позднѣйшія, бывшія при императорахъ, и на эти послѣднія обратить даже наше главное вниманіе, такъ какъ о нихъ до насъ дошли болѣе подробныя свѣдѣнія. Сдѣлать это и такимъ образомъ предположить существенную тождественность древнѣйшихъ и позднѣйшихъ ludi saeculares мы уже a priori считаемъ возможнымъ въ виду того строгаго консерватизма, который римляне соблюдали какъ въ другихъ областяхъ жизни, такъ въ особенности въ сферѣ религіи. Считаемъ это возможнымъ тѣмъ болѣе, что въ нашихъ источникахъ ни однимъ словомъ не указывается на различный характеръ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ секулярныхъ игръ, и что, напротивъ, тѣ и другія разсматриваются въ нихъ какъ однородныя празднества; въ самихъ актахъ секулярныхъ игръ, отпразднованныхъ Августомъ, говорится, что ихъ собирались справлять more exsemploque maiorum (comment. lud. saec. V, v. 26); а Светоній [1]) и Зосимъ [2]) даже положительно свидѣтельствуютъ, что, когда Августъ въ 17 г. до Р. Х. отпраздновалъ секулярныя игры, то онъ этимъ *возобновилъ* только *древнюю* религіозную церемонію; точно также и Горацій въ торжественномъ гимнѣ, со-

обычай тарентинцевъ хоронить своихъ покойниковъ среди городскихъ стѣнъ, указываютъ на то, что культы подземныхъ боговъ имѣли немалое значеніе въ Тарентѣ. Ср. Lorentz, De rebus sacris et artibus veterum Tarentinorum, p. 17 sq.

[1]) Sueton., Div. Aug. 31: Nonnulla etiam ex antiquis caerimoniis paulatim abolita *restituit*, ut... ludos saeculares.

[2]) Zosimus II, 4, 2: ἀνενεώσατο τὴν ἑορτὴν Ὀκταβιανὸς ὁ σεβαστός.

чиненномъ имъ по поводу этого возобновленія древней церемоніи, призываетъ, въ числѣ другихъ почитавшихся тогда божествъ, прежде всѣхъ Аполлона и Діану, какъ божества, „которыхъ *всегда* будутъ чтить и *всегда* чтили“ (o colendi *semper* et culti). Совершенно согласно съ этими свидѣтельствами въ Августовомъ празднествѣ встрѣчаются обряды и молитвы, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ глубокой древности. Принимая сверхъ этого во вниманіе тѣ различные пункты, въ которыхъ позднѣйшія игры несомнѣнно сходились съ древнѣйшими, а именно ихъ продолжительность, опредѣленную въ три ночи и три дня, далѣе—, устройство селлистерній, а также бѣговъ на колесницахъ, и, наконецъ, пѣніе гимна, мы не можемъ приписывать особаго значенія тому обстоятельству, что при позднѣйшихъ играхъ почитались не столько Дитъ и Прозерпина, сколько Мойры, Илиѳіи и Земля (Tellus), затѣмъ Аполлонъ и Діана и, наконецъ, Юпитеръ и Юнона, и что приносимыя этимъ божествамъ жертвы не были тѣ же самыя, какія нѣкогда приносились Диту и Прозерпинѣ. Напротивъ, эти различія найдутъ свое объясненіе какъ въ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ я подробно буду говорить ниже, такъ и въ слѣдующихъ двухъ фактахъ: во 1) въ томъ, что въ дошедшихъ до насъ слишкомъ краткихъ и поверхностныхъ свѣдѣніяхъ о древнѣйшихъ секулярныхъ играхъ 505/249 г. совсѣмъ не упомянуты нѣкоторыя подробности продолжавшагося три ночи и три дня празднества, и во 2) въ томъ, что съ теченіемъ времени, въ особенности при Августѣ, игры получили болѣе богатое развитіе вслѣдствіе болѣе глубокаго пониманія связанныхъ съ ними культовъ, пониманія, которое соединено было съ естественнымъ желаніемъ придавать имъ все большее разнообразіе и все большее общее значеніе, а также, можетъ быть, и вслѣдствіе болѣе точнаго подражанія оригинальному тарентинскому празднеству. Конечно, мы теперь не можемъ рѣшить, какое изъ этихъ двухъ обстоятельствъ наиболѣе содѣйствовало тому, что позднѣйшіе и древнѣйшіе ludi Tarentini или saeculares въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, повидимому, отличались другъ отъ друга, но только предположеніемъ объ

основной тождественности этихъ игръ, заключающейся въ существенно одинаковомъ содержаніи и характерѣ ихъ, можетъ быть объясняемъ тотъ фактъ, что изъ всѣхъ греческихъ религіозныхъ празднествъ только одно почти совершенно соотвѣтствовало римскимъ ludi Tarentini или saeculares какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ временъ. Это празднество были Гіакинѳіи, справлявшіеся первоначально только въ Амиклахъ и пользовавшіеся тамъ величайшимъ почетомъ со стороны всѣхъ лаконянъ, а впослѣдствіи сдѣлавшіеся обще-дорическимъ празднествомъ [1]) и справлявшіеся, между прочимъ, также и въ Тарентѣ. Послѣднее явствуетъ съ несомнѣнной достовѣрностью не только изъ засвидѣтельствованнаго Полибіемъ существованія въ Тарентѣ могилы Гіакинѳа или Аполлона-Гіакинѳа [2]) и изъ дошедшихъ до насъ тарентинскихъ монетъ, на которыхъ Аполлонъ-Гіакинѳосъ изображенъ въ видѣ юноши, держащаго въ рукѣ „гіакинѳо“-образный цвѣтокъ [3]), но и изъ

---

[1]) На это указываетъ существованіе въ календаряхъ многихъ дорическихъ колоній (напримѣръ, эгейскихъ острововъ Родоса, Коса, Ѳеры и Калимны и сицилійскихъ городовъ Сиракузъ, Гелы и Эрикса—ср. Греве въ Roscher's Ausführl. Lexikon d. griech. u. röm. Myth., s. v. Hyakinthos p. 2762 sq.) особаго мѣсяца Ὑακίνθιος, прозваннаго по имени почитавшагося въ немъ божества Ὑάκινθος.

[2]) Polybius VIII, 30, 2: ἐπὶ τοῦ τάφου τοῦ παρὰ μέν τισιν Ὑακίνθου προσαγορευομένου, παρὰ δέ τισιν Ἀπόλλωνος Ὑακίνθου. Безъ всякаго основанія Hultsch въ своемъ изданіи Полибія заподозрилъ послѣднее прозвище Ὑακίνθου и, какъ мнимую вставку, заключилъ его въ скобки. Что это прозвище дѣйствительно существовало и притомъ отличалось глубокою древностью, слѣдуетъ не только изъ характера Амиклейскаго культа, о которомъ мы подробнѣе будемъ говорить ниже, но и изъ того, что поэтъ Нонн (Dionys. 11, 330) влагаетъ богу Діонису въ уста желаніе быть такъ же прозваннымъ по имени своего любимца Ἄγγελος, какъ Аполлонъ былъ прозванъ по имени Гіакинѳа (Ὑακίνθιος ὥσπερ Ἀπόλλων).—Безъ сомнѣнія упомянутый Полибіемъ τάφος въ Тарентѣ представлялъ собою копію Амиклейскаго сооруженія: здѣсь и тамъ былъ изображенъ Аполлонъ, стоящій надъ могилою Гіакинѳа.

[3]) См. Duc de Luynes, въ Annali dell' Inst. archeol. II (1830), p. 3 7 sqq. (и tav. M. 1, 2) и Welcker, Griech. Götterl. I, 472.

слѣдующаго обстоятельства: такъ называемые Парѳеніи, миѳическіе основатели Тарента, въ традиціи древнихъ приводились въ самую тѣсную связь съ городомъ Амиклами и справлявшимся тамъ празднествомъ Гіакинѳій [1]) и происходили во всякомъ случаѣ, какъ это нынѣ признано всѣми [2]), отъ перво-

[1]) Если, съ одной стороны, Діонисій Періигитъ (v. 376: ἣν [i. e. Τάραντα] ποτ' Ἀμυκλαίων ἐπολίσσατο καρτερὸς Ἄρης) и другіе, зависящіе отъ него писатели (Rufus Festus Avienus, Descriptio orbis terrae, v. 323; Евстаѳій, Ad Dionys. Perieg. v. 376, ср. paraphr. 375; наконецъ, Никифоръ Влеммидъ, p. 7), слѣдуя, по всей вѣроятности, Эратосѳену, прямо утверждаютъ, что основатели Тарента были амиклейцы, то, съ другой стороны, и въ легендарной традиціи Антіоха (у Страбона VI, 3, 2 p. 278) о Парѳеніяхъ празднество Гіакинѳій играетъ большую роль, такъ какъ именно во время этого празднества долженъ былъ вспыхнуть заговоръ „Парѳеніевъ" противъ властелиновъ страны дорянъ. Даже названіе основателей Тарента, οἱ Παρθενίαι, о происхожденіи котораго въ древности существовали весьма фантастическіе разсказы, а новѣйшими учеными предлагаются различныя гипотезы (ср. Lorentz, De origine veterum Tarentinorum, p. 21 sqq., и Doehle, Geschichte Tarents, p. 12), по моему мнѣнію, скорѣе всего вызвано культомъ Гіакинѳа и находится въ связи или съ сестрою его παρθένος Πολύβοια, которая, навѣрное, почиталась въ Амиклахъ совмѣстно со своимъ братомъ (ср. Pausanias III, 19, 4) или же съ дочерьми Гіакинѳа, такъ называемыми παρθένοι Ὑακινθίδες, которыя особенно почитались въ Аттикѣ (ср. Apollodor. 3, 15, 3 и Photius, ed. Pors. p. 397 s. v. παρθένοι; также Suidas s. v. παρθένοι Ὑακινθίδες). Посредствующее звено между этими παρθένοι Ὑακινθίδες или παρθένος Πολύβοια и названіемъ „Парѳеніевъ" мы должны, по всей вѣроятности, усмотрѣть въ тѣхъ дѣвичьихъ хорахъ, которые выступали на празднествѣ Гіакинѳій (ср. Athenaeus IV, 139 f.) и главнымъ образомъ, должно быть, прославляли παρθένος Πολύβοια.

[2]) Ср. Lorentz, De origine veterum Tarentinorum (Berol. 1827), p. 38 sqq. E. Curtius, Griech. Gesch. I⁶, 197. Holm, Gesch. Griech. I, 236. Studniczka, Kyrene (Lpz. 1890), p. 189 sqq. Maass, Kallimachos v. Kyrene, въ Hermes 25 (1890), p. 405 прим. 3 и Geffcken, Die Gründung v. Tarent, Jahrb. f. Philol. 1893, p. 177 sqq.—Кромѣ множества приведенныхъ этими учеными данныхъ, въ пользу предположенія объ ахейскомъ происхожденіи основателей Тарента, такъ называе-

начальнаго додорическаго населенія Пелопоннеса, то-есть отъ ахейцевъ, покоренныхъ дорянами лишь незадолго до первой Мессенской войны [1]); поэтому при своемъ переселеніи въ Тарентъ они не могли не перенести туда изъ родины и искони свойственнаго этимъ ахейцамъ культа Гіакинѳа съ посвященнымъ какъ этому божеству, такъ и Аполлону празднествомъ Гіакинѳій [2]).

Если теперь это празднество Гіакинѳій, перенесенное, какъ мы видѣли, изъ Амиклъ въ Тарентъ, будетъ сопоставлено и сравнено нами съ справлявшимися въ Римѣ Тарентинскими или секулярными играми, то мы увидимъ, что оба эти празднества согласуются другъ съ другомъ во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, они приходились на одно и то же

мыхъ Парѳеніевъ, и ихъ культовъ, говоритъ еще то обстоятельство, что при римскихъ ludi Tarentini или saeculares, которые, какъ я ниже постараюсь доказать, были учреждены по образцу тарентинскихъ Гіакинѳій, жертвы приносились по ахейскому обряду: Achivo или Graeco Achivo ritu (ср. выше, стр. 26 сл., съ прим. 5).—Также и Busolt (Griech. Gesch. I², 405) считаетъ весьма вѣроятнымъ, что „Парѳеніи" принадлежали къ додорическому населенію Пелопоннеса. Ср. далѣе Rohde, Psyche, p. 131, и Sam Wide, Lakonische Kulte (Lpz. 1893), p. 290.—Только Döhle, Gesch. Tarents, p. 9 sqq., и E. Pais, Storia d'Jtalia. Parte I: Storia della Sicilia e della Magna Grecia, vol. I (Torino 1894), p. 208 sqq. и 609 sqq., стоятъ за дорическое происхожденіе Парѳеніевъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могутъ не признать, что доряне весьма скоро переняли у ахейцевъ ихъ древніе культы, и что, поэтому, и тарентинскіе культы, по крайней мѣрѣ отчасти, были ахейскаго происхожденія.

[1]) Ср. Pausanias 3, 2, 6 и 3, 12, 7.

[2]) Новое доказательство существованія въ Тарентѣ амиклейскаго культа Аполлона-Гіакинѳа Maass (De Lenaeo et Delphinio, Greifswald 1891, Index lectionum, prooem., p. XIX sq.) усматриваетъ въ нелѣпой исторіи, которую Павсаній X, 10, 6–8 разсказываетъ о легендарномъ основателѣ Тарента Фалантѣ: исходя отъ встрѣчающагося въ этомъ разсказѣ слова ἔβρεχε (l. c. § 8), Maass приводитъ толкованіе Гесихія βαχίζει· βρέχει и на основаніи его отождествляетъ Фаланта съ Гіакинѳомъ (Аполлономъ-Гіакинѳомъ въ Тарентѣ).

время года, на лѣто, и именно на ту пору его, когда хлѣба начали созрѣвать и можно было начатки полей приносить въ жертву богамъ. Относительно римскихъ секулярныхъ игръ мы это узнаемъ не только отъ Зосима, разсказывающаго [1]), что онѣ справлялись κατὰ τὴν ὥραν τοῦ θέρους, когда ἀπαρχαὶ τῶν καρπῶν уже имѣлись, и отъ Клавдія Клавдіана, который въ 404 г. по Р. Х. время празднованія игръ, долженствовавшаго, по его мнѣнію, состояться тогда, характеризуетъ словами iam flavescentia centum messibus aestivae detondent Gargara falces [2]), но и изъ комментаріевъ ludorum saecularium quintorum et septimorum, согласно которымъ эти игры—по крайней мѣрѣ при Августѣ и, повидимому, также при Септиміи Северѣ—приходились въ первые дни іюня мѣсяца [3]). Что касается Гіакиноій, то, правда, нельзя отрицать, что время спартанскаго мѣсяца Ἑκατομβεύς, въ который они приходились [4]), и которому, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовалъ встрѣчающійся у другихъ дорянъ мѣсяцъ Ὑακίνθιος [5]), прозванный по имени почитавшагося въ немъ божества, нынѣ не можетъ быть нами опредѣлено съ полною достовѣрностью, такъ какъ дошедшія до насъ изъ древности хронологическія свѣдѣнія о Гіакинеіяхъ недостаточно ясны и точны; но изъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ по этому поводу современными учеными хронологами, я, вмѣстѣ съ Греве и другими, не могу не признать наиболѣе убѣдительнымъ и правдоподобнымъ мнѣніе Унгера, согласно которому спартанскій Ἑκατομβεύς (или южно-дорическій Ὑακίνθιος, 5-го числа котораго на островѣ Θерѣ при-

[1]) Zosimus, II, 5, 1 и 4. Сравни также Сивиллинъ оракулъ, v. 28 (у Флегонта, Macrobii c. 4, и у Зосима, II, 6).

[2]) Claudius Claudianus, XXVIII Panegyricus de VI consulatu Honorii Augusti, v. 388 sq.

[3]) Ephem. epigr. VIII, p. 253. — Передъ самымъ же празднествомъ, 29, 30 и 31 мая, происходила „*frugum* acceptio“ (см. тамъ же, p. 250 sqq.).

[4]) Hesychius, s. v. Ἑκατομβεύς· Ἑκατομβεὺς μὴν παρὰ Λακεδαιμονίοις, ἐν ᾧ τὰ Ὑακίνθια.

[5]) Ср. выше, на стр. 45, прим. 1.

носилось въ жертву матери боговъ нѣсколько мѣръ свѣжаго, но, вѣроятно, не совсѣмъ еще созрѣвшаго ячменя и пшеницы—см. C. I. G. II, 2465) соотвѣтствовалъ аттическому мѣсяцу Θαργηλιών, прозванному по начаткамъ полей, — приблизительно второй половинѣ юліанскаго мая и первой половинѣ іюня мѣсяца, когда, какъ мы знаемъ, и въ Пелопоннесѣ и въ южной и средней Италіи плоды начинали созрѣвать [1]).

[1]) Если прежде въ наукѣ господствовало мнѣніе, защищенное, главнымъ образомъ, Германномъ (Ueber griechische Monatskunde, p. 57 и 79 sq.), что спартанскій мѣсяцъ Ἑκατομβεύς и по названію, и по мѣсту соотвѣтствовалъ аттическому Ἑκατομβαιών, то-есть приблизительно второй половинѣ юліанскаго іюля и первой половинѣ августа, то послѣ появленія въ 1877 г. статьи Унгера „Der Isthmientag und die Hyakinthien“, напечатанной въ Philologus, vol. XXXVII (1877), p. 1–42, это мнѣніе должно считаться опровергнутымъ, и можно только удивляться тому, что Ниссенъ въ статьѣ своей „Ueber Tempelorientierung“ (Rhein. Mus., vol. XLII (1887) p. 46 sqq.) снова возвратился къ нему. Нѣсколько удачнѣе, чѣмъ Ниссенъ, полемизировали съ Унгеромъ Латышевъ, Bischoff и Busolt, которые всѣ три сопоставляютъ Ἑκατομβεύς съ аттическимъ Σκιροφοριών, то-есть со второй половиною юліанскаго іюня и первой половиною іюля—первый въ превосходномъ изслѣдованіи своемъ „О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ“ (С.-Петербургъ 1883), стр. 133—143, второй въ своей книгѣ De fastis Graecorum antiquioribus (Leipz. Studien z. klass. Philol., vol. VII), p. 369 sqq., а третій въ статьѣ „Zur Chronologie u. Gesch. der Perserkriege“, напечатанной въ Jahrb. f. klass. Philol. 1887, p. 36. Однако, мнѣніе и этихъ ученыхъ, исходящее главнымъ образомъ изъ предложеннаго Германномъ, но весьма сомнительнаго и даже невѣроятнаго исправленія имени мѣсяца Jathios въ Ὑακίνθιος, упомянутаго въ глоссахъ Папія, мнѣ кажется менѣе убѣдительнымъ и правдоподобнымъ, чѣмъ основанное, главнымъ образомъ, на разсказахъ Ксенофонта (Hellen. IV, 5, 3 и 11) и Павсанія (III, 10, 1), а также Θукидида (V, 49 sq. и 23) мнѣніе Унгера, въ особенности послѣ того, какъ послѣдній еще разъ защитилъ это свое мнѣніе въ статьѣ „Der Hyakinthienmonat“, напечатанной въ Jahrb. f. klass. Philol. 1885, p. 529—544, и къ нему присоединился также Греве въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth., s. v. Hyakinthos, p. 2762. Кромѣ этихъ ученыхъ, Ἑκατομβεύς сопоставили съ нашимъ маемъ-іюнемъ мѣсяцемъ уже Rink (Religion der Hellenen II, 190), Grote, History of

Приходясь приблизительно въ одно и то же время года, Гіакинѳіи и секулярныя игры сходились между собою и въ томъ отношеніи, что оба эти празднества продолжались три дня. Относительно Гіакинѳій это засвидѣтельствовалъ самымъ опредѣленнымъ образомъ Поликратъ, который цитуется Дидимомъ у Аѳинея [1]), и большинство новѣйшихъ ученыхъ вполнѣ вѣритъ этому свидѣтельству [2]). Только Унгеръ, имѣя въ виду девятидневную продолжительность празднества Карнеи (ср. Athen. IV, 19), пришелъ къ заключенію [3]), что, такъ какъ празднество Гіакинѳій было однимъ изъ самыхъ крупныхъ или даже самымъ крупнымъ празднествомъ лаконянъ (ср. Theodoret., episc. Cyr., Graec. affect. cur. VIII, p. 115 l. 34 sqq. ed. Sylburg=VIII, c. 28 ed. Gaisford, и Herodot. IX, 7), то и оно должно было продолжаться болѣе трехъ дней, а именно, какъ можно заключить изъ разсказа Геродота (IX, 6—11), по крайней мѣрѣ 11 дней (со включеніемъ будней, могущихъ лежать промежду нихъ). Говоря о трехдневныхъ Гіакинѳіяхъ, Поликратъ-Дидимъ, по мнѣнію Унгера, имѣлъ въ виду только ту часть празднества, посвященную Гіакинѳу, во время которой оплакивали смерть послѣдняго; Гіакинѳіи же въ болѣе широкомъ смыслѣ состояли, по мнѣнію Унгера, не только изъ этихъ скорбныхъ дней, а обнимали также посвященные Аполлону радостные дни и, вѣроятно, носили общее названіе Ἑκατόμβαια.

Противъ этого мнѣнія Унгера, принятаго также Гревe (см. Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth, s. v. Hya-

Greece V, 154 (New York 1864), Curtius (Griech. Gesch. III[2], p. 187 и примѣч. 88 на стр. 759) и др.

[1]) Athen. IV, 139 d: Πολυκράτης, φησί, ἐν τοῖς Λακωνικοῖς ἱστορεῖ, ὅτι τὴν μὲν τῶν Ὑακινθίων θυσίαν οἱ Λάκωνες ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας συντελοῦσι κ. τ. λ. и дальше (IV, 139 e): τῇ δὲ μέσῃ τῶν τριῶν ἡμερῶν κ. τ. λ.

[2]) Cp. Müller, Dorier I[2], p. 357. Schoemann, Griech. Alterth. II, 436. Hermann, Gottesdienstl. Alterth. 53, 36. Preller-Robert, Griech. Mythol. I[4], p. 249. Schwalbe, Ueber die Bedeutung des Päan, p. 25. Rohde, Psyche 1, 130 sq. и др.

[3]) Unger, die Isthmien und Hyakinthien, въ Philologus XXXVII (1877), p. 29 sqq.

kinthos p. 2762), можно возразить, что въ данномъ Поликратомъ-Дидимомъ описаніи Гіакинѳій явно проглядываетъ радостный характеръ торжества, справлявшагося во второй день и состоявшаго не только въ музыкальныхъ и хорагическихъ представленіяхъ и процессіяхъ верхомъ и на колесницахъ, но и въ жертвоприношеніяхъ и пиршествахъ, при чемъ „весь городъ“, какъ утверждается прямо, „былъ на ногахъ и охваченъ радостью“ [1]). Если уже изъ этого обстоятельства

[1]) Вотъ описаніе Гіакинѳій, сдѣланное Поликратомъ, какъ оно приводится Дидимомъ у Аѳинея (IV, 17 p. 139 d—f): τὴν μὲν τῶν Ὑακινθίων θυσίαν οἱ Λάκωνες ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας συντελοῦσι καὶ διὰ τὸ πένθος τὸ γενόμενον περὶ τὸν Ὑάκινθον οὔτε στεφανοῦνται ἐπὶ τοῖς δείπνοις οὔτε ἄρτον εἰσφέρουσιν οὔτε πέμματα καὶ τὰ τούτοις ἀκόλουθα διδόασι καὶ τὸν εἰς τὸν θεὸν παιᾶνα οὐκ ἄδουσιν, οὐδ' ἄλλο τι τοιοῦτον εἰσάγουσιν οὐδέν, καθάπερ ἐν ταῖς ἄλλαις θυσίαις ποιοῦσιν, ἀλλὰ μετ' εὐταξίας πολλῆς δειπνήσαντες ἀπέρχονται. τῇ δὲ μέσῃ τῶν τριῶν ἡμερῶν γίνεται θέα ποικίλη καὶ πανήγυρις ἀξιόλογος καὶ μεγάλη· παῖδές τε γὰρ κιθαρίζουσιν ἐν χιτῶσιν ἀνεζωσμένοι καὶ πρὸς αὐλὸν ᾄδοντες πάσας ἅμα τῷ πλήκτρῳ τὰς χορδὰς ἐπιτρέχοντες ἐν ῥυθμῷ μὲν ἀναπαίστῳ, μετ' ὀξέος δὲ τόνου τὸν θεὸν ᾄδουσιν, ἄλλοι δ' ἐφ' ἵππων κεκοσμημένοι τὸ θέατρον διεξέρχονται, χοροί τε νεανίσκων παμπληθεῖς εἰσέρχονται καὶ τῶν ἐπιχωρίων τινὰ ποιημάτων ᾄδουσιν, ὀρχησταί τε ἐν τούτοις ἀναμεμιγμένοι τὴν κίνησιν ἀρχαϊκὴν ὑπὸ τὸν αὐλὸν καὶ τὴν ῳδὴν ποιοῦνται. τῶν δὲ παρθένων αἱ μὲν ἐπὶ καννάθρων, καμαρωτῶν ξυλίνων ἁρμάτων, φέρονται πολυτελῶς κατεσκευασμένων, αἱ δ' ἐφ' ἁμίλλαις ἁρμάτων ἐζευγμένων πομπεύουσιν. ἅπασα δ' ἐν κινήσει καὶ χαρᾷ τῆς θεωρίας ἡ πόλις καθέστηκεν, ἱερειά τε παμπληθῆ θύουσι τὴν ἡμέραν ταύτην καὶ δειπνίζουσιν οἱ πολῖται πάντας τοὺς γνωρίμους καὶ τοὺς δούλους τοὺς ἰδίους· οὐδεὶς δ' ἀπολείπει τὴν θυσίαν, ἀλλὰ κενοῦσθαι συμβαίνει τὴν πόλιν πρὸς τὴν θέαν.— На первый взглядъ можетъ показаться, что въ самомъ началѣ этого описанія Гіакинѳій (IV, 139 d) ἡ τῶν Ὑακινθίων θυσία представляется какъ торжество, носившее скорбный характеръ въ теченіе трехъ дней διὰ τὸ πένθος τὸ γενόμενον περὶ τὸν Ὑάκινθον, и что это показаніе находится въ противорѣчіи со слѣдующимъ затѣмъ описаніемъ второго дня празднества, который, очевидно, представляется какъ радостный день; но это кажущееся противорѣчіе можетъ быть устранено только предположеніемъ, что образъ выраженія Поликрата-Дидима въ началѣ не совсѣмъ ясенъ и точенъ, и что все то, что говорится о серьезномъ и печальномъ характерѣ празднества, „обусловленномъ скорбью о Гіакинѳѣ“, относится, какъ и сама эта

слѣдуетъ, что второй день Гіакинѳій былъ посвященъ не столько Гіакинѳу, сколько Аполлону, то такое заключеніе еще болѣе подкрѣпляется словами τὸν θεὸν ᾄδουσι, встрѣчающимися въ Поликратовомъ описаніи второго дня и могущими относиться только къ пэану, который, по свидѣтельству Ксенофонта [1]), пѣли въ честь бога (τῷ θεῷ), то-есть Аполлона. Въ виду этого не можетъ подлежать сомнѣнію, что Поликратъ-Дидимъ при своемъ описаніи Гіакинѳій имѣлъ въ виду не только часть этого празднества, какъ полагаетъ Унгеръ, но и все празднество, посвященное Гіакинѳу и Аполлону, и что послѣднее, поэтому, согласно оффиціальному и первоначальному опредѣленію, продолжалось только три дня. Весьма возможно однако, что къ этимъ тремъ торжественнымъ днямъ, которые собственно составляли празднество Гіакинѳій, и въ которые божества почитались жертвоприношеніями (θυσία), прибавились еще другіе праздничные дни полу-оффиціальнаго характера, исполненные различныхъ увеселеній. Какъ велико было число этихъ дней, и чѣмъ они отличались отъ другихъ, мы, конечно, теперь не можемъ въ точности знать; но не безъинтересно будетъ указать здѣсь на то, что при римскихъ ludi saeculares, по крайней мѣрѣ при тѣхъ, которые праздновались при Августѣ, къ тремъ оффиціальнымъ праздничнымъ

скорбь, только къ первому дню празднества, и что, слѣдовательно, послѣ словъ συντελοῦσι καὶ мы должны мысленно прибавить болѣе точное опредѣленіе времени, то-есть слова τῇ πρώτῃ ἡμέρᾳ.

[1]) Xenophon, Hellen. IV, 5, 11 и Agesil. II, 17.—То же самое вытекаетъ изъ начала приведеннаго выше описанія Поликрата-Дидима, согласно которому въ первый день Гіакинѳій по поводу скорби о смерти Гіакинѳа не пѣли гимна, посвященнаго „божеству“ (т. е. Аполлону): τὸν εἰς τὸν θεὸν παιᾶνα οὐκ ᾄδουσιν. Что въ пэанѣ первоначально прославляли только Аполлона, или, на ряду съ нимъ, также Артемиду, и что лишь впослѣдствіи значеніе пэана было расширено и отнесено также къ другимъ божествамъ, доказывается многочисленными свидѣтельствами, собранными у Schwalbe, Ueber die Bedeutung des Päan, als Gesang im Apollinischen Kultus—Magdeb. Programm 1847 – p. 7 sqq. и неосновательно оспариваемыми въ новѣйшее время Fairbanks'омъ, A study on the greek Paean—New York 1900.

днямъ, назначеннымъ, главнымъ образомъ, для приношенія жертвъ божествамъ, послѣ пропуска одного только будничнаго дня, примыкали еще восемь другихъ праздничныхъ дней полу-оффиціальнаго характера, назначенныхъ спеціально для народныхъ увеселеній, и что вслѣдствіе этого продолжительность секулярныхъ игръ увеличилась до 11 дней; а столько же дней, по мнѣнію Унгера, основывающемуся на разсказѣ Геродота IX, 6 – 11, продолжались Гіакинѳіи.

Взаимное сходство греческихъ Гіакинѳій и римскихъ секулярныхъ игръ обнаруживается дальше въ слѣдующихъ особенностяхъ: а) оба эти празднества заключали въ себѣ какъ дневныя, такъ и ночныя торжества [1]); в) кромѣ жертвоприно-

---

[1]) О ночныхъ торжествахъ, происходившихъ при Гіакинѳіяхъ, свидѣтельствуетъ Еврипидъ (Helena 1465 sqq.):

ἦ που κόρας ἂν ποταμοῦ
παρ' οἶδμα Λευκιππίδας ἢ πρὸ ναοῦ
Παλλάδος ἂν λάβοις
χρόνῳ ξυνελθοῦσα χοροῖς
ἢ κώμοις Ὑακίνθου
νυχίαν εὐφροσύναν,
ὃν ἐξαμιλλησάμενος
τροχῷ ἀτέρμονι δίσκου
ἔκανε Φοῖβος, ὅθεν Λακαί-
να γᾶ βούθυτον ἀμέραν
ὁ Διὸς εἶπε σέβειν γόνος κ. τ. λ.

и Іеронимъ (Adv. Jovinianum, 1, 308 Migne): Aristomenes Messenius, vir iustissimus, victis Lacedaemoniis et quodam tempore nocturna sacra celebrantibus, quae vocabantur Hyacinthia, rapuit de choris ludentium virgines quindecim etc.—Согласно Павсанію (IV, 16, 9), правда, это похищеніе спартанскихъ дѣвушекъ было совершено Аристоменомъ во время хоровой пляски, которую послѣднія исполняли въ честь богини Артемиды, почитавшейся въ Каріяхъ, но если бы и оказалось, что разсказъ Павсанія заслуживаетъ больше довѣрія, чѣмъ разсказъ Іеронима, и что послѣдній писатель (или его источникъ) разсказываемое имъ событіе отнесъ къ Гіакинѳіямъ потому, что это празднество было гораздо болѣе извѣстно, чѣмъ празднество Артемиды Карійской, то этимъ, все-таки, не опровергалось бы свидѣтельство Іеронима (или его источника) о томъ, что на Гіакин-

шеній, въ нихъ играли весьма видную роль, во-первыхъ, религіозные гимны, которые пѣлись въ честь божества или божествъ [1]), во-вторыхъ—хоровыя пляски, въ которыхъ участвовали юноши и дѣвушки [2]), и, въ-третьихъ, состязанія, въ осо-

---

οἷαιχ происходили ночныя торжества. Къ послѣднимъ, можетъ быть, относится также, какъ полагаетъ Sam Wide (Lakonische Kulte, p. 288, прим. 1), разсказъ Плутарха въ Amat. narr. p. 775 D: παντα-χόθεν δ' ἡ Δαμοκρίτα περιελαυνομένη ἐτήρησέ τινα πάνδημον ἑορτήν, ἐν ᾗ γυναῖκες ἅμα παρθένοις καὶ οἰκείοις καὶ νηπίοις ἑώρταζον, αἱ δὲ τῶν ἐν τέλει καθ' ἑαυτὰς ἐν ἀνδρῶνι μεγάλῳ διεπαννύχιζον· ξίφος τε ὑποζωσαμένη καὶ τὰς κόρας λαβοῦσα νυκτὸς ἦλθεν εἰς τὸ ἱερὸν καιρὸν παραφυλάξασα, ἐν ᾧ πᾶσαι τὸ μυστήριον ἐπετέλουν ἐν τῷ ἀνδρῶνι.

[1]) Что касается секулярныхъ игръ, то наши источники говорятъ то объ одномъ carmen (ср. Schol. Cruq. ad Horatii carm. saec. и commentarium lud. saec. quint., v. 149, а также само carmen saec. Горація), то о нѣкоторыхъ гимнахъ (ср. carm. Sibyll., v. 18—20, дошедшее до насъ у Флегонта, Macrob. c. 4, и у Зосима II, 6 и упоминающее о Λατῖνοι παιᾶνες; съ этимъ согласуется и разсказъ Зосима, согласно которому въ первую ночь празднества ὕμνος ᾄδεται νεωστὶ πεποιημένος (II, 5, 3), во второй день γυναῖκες... λιτανεύουσι τὸν θεὸν καὶ ὑμνοῦσιν ὡς θέμις (II, 5, 4), а въ третій день ὕμνους ᾄδουσι τῇ τε Ἑλλήνων καὶ Ῥωμαίων φωνῇ καὶ παιᾶνας (II, 5, 5)).—Относительно Гіакиніой ср. вышеприведенный разсказъ Поликрата-Дидима (у Аѳинея IV, 139 e), согласно которому не только τὸν θεὸν (то есть τὸν εἰς τὸν θεὸν παιᾶνα) ᾄδουσι, но и τῶν ἐπιχωρίων τινὰ ποιημάτων ᾄδουσιν.

[2]) О хоровыхъ танцахъ, исполнявшихся при ludi saeculares, упоминаютъ и oraculum Sibyllinum, v. 20 sq. (Phlegon, Macrob. 4 и Zosimus II, 6) и commentarium ludorum saec. quintorum, v. 3 и 21; о хоровыхъ же танцахъ, исполнявшихся при Гіакиноіяхъ, упоминаютъ, какъ мы уже видѣли (ср. прим. 1 на стр. 53 сл. и прим. 1 на стр. 51 сл.), Еврипидъ (Helena v. 1468), Аѳиней (IV, 139 e) и Іеронимъ (Adv. Iovinianum, I, 308 Migne), и къ нимъ-же, по всей вѣроятности, относятся также встрѣчающіяся у древнихъ авторовъ выраженія χῶροι Ὑακίνθου (ср. Eurip., Helena v. 1469 и Macar., Proverb. 8, 64) и Ὑακίνθια παίζειν (Herodot. IX, 11 и Plutarch., Aristides c. 10).—Упомянутая въ нѣсколькихъ надписяхъ (C. I. Gr. 1440; Ἐφημ. ἀρχαιολ. 1892, p. 19, и др.—ср. нижеслѣдующее прим. 1 на стр. 55) ἀρχηὶς καὶ θεωρὸς τοῦ σεμνοτάτου ἀγῶνος τῶν Ὑακινθίων стояла, по всей вѣроятности (ср. Sam Wide, Lakonische Kulte, p. 292 sq.), во главѣ жен-

бенности конныя ристанія [1]); c) выступавшіе при секулярныхъ играхъ хоры мальчиковъ и дѣвушекъ состояли каждый изъ трижды девяти лицъ, каковое священное число, о первоначальномъ значеніи котораго я скажу ниже (на стр. 84 слл., въ серединѣ примѣчанія 1), особенно часто встрѣчается на родинѣ культа Гіакинѳа, въ Лаконіи [2]); d) празднество Гіакиноій было ахейскаго происхожденія, а обрядъ, по которому

щинъ, принимавшихъ участіе въ празднованіи Гіакиноій и почитавшихъ тогда, какъ кажется (ср. ниже на стр. 79 сл.), особенно сестру Гіакинѳа Полибею, а также, быть можетъ, сестру Аполлона Артемиду (ср. примѣчаніе 1 на стр. 52, и ниже на стр. 79 сл.).

[1]) Относительно Гіакиноій ср. Strabo VI, 3, 2: ἐν τοῖς Ὑακινθίοις ἐν τῷ Ἀμυκλαίῳ συντελουμένου τοῦ ἀγῶνος. Lactantius, Ad Stat. Theb. IV, 223: Amyclae Laconiae civitas Apollini sacra, in qua Hyacinthus in *agone* celebratur. Къ этому ἀγών относятся, повидимому, также слова Овидія (Metam. X, 217 sqq):

> Nec genuisse pudet Sparten Hyacinthon, honorque
> durat in hoc aevi, celebrandaque more priorum
> annua *praelata* redeunt Hyacinthia *pompa*.

Далѣе ἀγὼν τῶν Ὑακινθίων упоминается и въ нѣкоторыхъ надписяхъ: C. I. G. 1440 (Ἡ πόλις Μεμμίαν Ξενοκρατίαν Δεξιμάχου, τέκνων δίκαιον [ἔ]χουσα[ν], Ἑστίαν πόλεως, [ἱ]έρ[εια]ν κατὰ γένος ἀρχηίδα καὶ — — — — τοῦ σεμνοτά[του] ἀγῶνος τῶν Ὑακιν[θ]ί[ω]ν κ. τ. λ. и Ἐφημ. ἀρχαιολ. 1892, p. 19 (Ἡ πόλις Πομπηίαν Πώλλαν Θεοξένου τὴν ἀρχηίδα καὶ θεωρὸν διὰ βίου τοῦ σεμνοτάτου ἀγῶνος τῶν Ὑακινθίων σωφροσύνης τε καὶ σεμνότητος καὶ τῆς ἄλλης πάσης ἀρετῆς ἐν γυναιξὶν ἕνεκα κ. τ. λ.); ср. также Ἐφημ. ἀρχ. 1892, p. 22 и Le-Bas-Foucart, Peloponn. Inscr. 211 a.—При секулярныхъ играхъ состязанія состояли, главнымъ образомъ, въ бѣгахъ на колесницахъ (quadrigae, equi quadrigarii — ср. Festus p. 351 s. v. Tarentum, и commentaria lud. saec. quintorum (v. 154; 165) et septimorum (fr. VIII B v. 5: circum (?)), а также Sueton., Claudius 21, и Capitolinus (Script. hist. Aug.), Gordian. 33, 3 и др.). Весьма знаменательно, наконецъ, и то обстоятельство, что въ commentarium ludorum saecularium quintorum (v. 164) встрѣчается то же выраженіе pompa praelata, какое Овидій (Metam. X, 219), какъ мы выше видѣли, употребляетъ при описаніи Гіакиноій.

[2]) Весьма любопытно, что рельефы, помѣщенные на амиклейскомъ жертвенникѣ Аполлона-Гіакинѳа (см. Pausanias III, 19, 4 sq.), состояли также изъ 27 фигуръ, которыя раздѣлены были на три

совершались жертвоприношенія при римскихъ ludi Tarentini или saeculares, самымъ опредѣленнымъ образомъ, какъ мы уже видѣли [1]), называется въ нашихъ источникахъ ахейскимъ или греко-ахейскимъ обрядомъ.

Еще болѣе важнымъ, однако, представляется сходство обоихъ празднествъ въ основномъ характерѣ и существенномъ значеніи вызвавшаго ихъ религіознаго культа, то-есть въ томъ обстоятельствѣ, что они заключали въ себѣ соединеніе почитанія подземныхъ божествъ съ почитаніемъ небесныхъ божествъ.

Всѣ предложенныя новѣйшими миѳологами толкованія первоначальнаго смысла Гіакинѳій и служившаго имъ основаніемъ миѳа о любимцѣ Аполлона Гіакинѳѣ, котораго первый нечаянно убилъ дискомъ, сводятся, по существу своему, къ слѣдующимъ четыремъ различнымъ положеніямъ [2]): 1) Гіакинѳъ есть олицетвореніе грозовыхъ явленій неба. Таково мнѣніе Шварца [3]); 2) Гіакинѳъ есть олицетвореніе гибнущей при лѣтнемъ солнечномъ зноѣ весенней растительности. Таково мнѣніе большинства новѣйшихъ миѳологовъ, въ особенности К. О. Мюллера, Швенка, Шёманна, Гергарда, Преллера, А. Моммзена, Швальбе, Рошера и многихъ другихъ [4]); 3) Гіа-

---

группы, заключавшія въ себѣ по 9 фигуръ (ср. Furtwängler, Meisterwerke der griech. Plastik. Lpz.—Berlin 1893, p. 689 sqq., Reichel, Ueber vorhellen. Götterkulte. Wien 1897, p. 91, и др.).

[1]) См. выше стр. 26 сл., съ прим. 5, и стр. 46 сл., прим. 2.

[2]) Ср. Greve въ Roscher's Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Mythol. I, 2, p. 2763 sq., s. v. Hyakinthos. Греве, однако, упоминаетъ только о первыхъ трехъ толкованіяхъ.

[3]) Schwartz, Die poetischen Naturansch. d. Griechen, Römer u. Deutschen Band I: Sonne, Mond u. Sterne (Berlin 1864), p. 99. Впрочемъ, Шварцъ самъ не увѣренъ въ правильности своего толкованія миѳа о Гіакинѳѣ и допускаетъ возможность усматривать въ этомъ лицѣ солнечнаго бога.

[4]) См. K. O. Müller, Die Dorier I², 357 sq. Schwenck, Mythol. I, 121. Schoemann, Griech. Alterth. II², 437. Gerhard, Griech. Mythol. I, 329 sq. Preller, Demeter u. Persephone, p. 253 и Griech. Mythol. I⁴, p. 249. A. Mommsen въ Verhandl. d. Kieler Philologenvers. 1869, p. 154.

кинѳъ есть солнечное существо, какъ и Аполлонъ. Таково убѣжденіе не только Велькера и Унгера, но, повидимому, также и Энманна [1]). При этомъ первые два изъ названныхъ ученыхъ считаютъ Гіакинѳа олицетвореніемъ оживляющаго или весенняго солнца, а Аполлона олицетвореніемъ губящаго, или лѣтняго и осенняго солнца; Энманнъ же, исходя изъ предложенной имъ новой этимологіи имени Гіакинѳа и усматривая въ немъ „двигателя солнца“, приводитъ его въ связь съ лѣтнимъ солнцеворотомъ и называетъ его двойникомъ Аполлона или хтоническимъ Аполлономъ, „во власти котораго, по вѣрованію древнихъ, находился старый, умирающій годъ“; 4) Гіакинѳъ есть мѣстный (амиклейскій) подземный духъ или демонъ, культъ котораго былъ затемненъ культомъ Аполлона. Это мнѣніе въ новѣйшее время было высказано Роде [2]).

Не считая ни возможнымъ, ни нужнымъ останавливаться здѣсь на подробномъ критическомъ разборѣ каждаго изъ этихъ четырехъ положеній, изъ которыхъ съ первыми двумя и съ четвертымъ я никакъ не могу согласиться, я ограничусь относительно ихъ лишь немногими замѣчаніями и прежде всего указаніемъ на то, что первое мнѣніе, какъ отличающееся совершенно очевидною произвольностью, никѣмъ не было одо-

---

Schwalbe, Ueber d. Bedeutung des Päan, p. 25. Roscher, Studien z. vergl. Mythol. I. Apollon und Mars, p. 58. Murr, Die Pflanzenwelt in d. griech. Mythologie (Innsbruck 1890), p. 256 sqq. и Die Gottheit der Griechen als Naturmacht (Innsbruck 1892), p. 71 и др.

[1]) См. Welcker, Griech. Götterlehre I, p. 472. Unger, Die Isthmien u. Hyakinthien, въ Philologus XXXVII (1877), p. 22 sqq. Enmann, Kypros u. d. Ursprung d. Aphroditekultes, p. 35 и 51. О Шварцѣ, допускавшемъ возможность усматривать въ Гіакинѳѣ солнечнаго бога, см. выше стр. 56, прим. 3. Подобно Энманну, и Зѣлинскій въ своей обстоятельной рецензіи на книгу послѣдняго (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за августъ 1888 г., стр. 433 и 440) называетъ Гіакинѳа двойникомъ или гипостазою Аполлона, то есть хтоническимъ Аполлономъ, но подробнѣе и опредѣленнѣе не высказывается о первоначальномъ значеніи его.

[2]) Rohde, Psyche. Seelencult u. Unsterblichkeitsglaube der Griechen, p. 129 sqq.

брено [1]), а второе настолько основательно опровергнуто Унгеромъ [2]), что можно только удивляться попыткѣ Грева [3]) снова защитить и возстановить его. Что же касается четвертаго мнѣнія, высказаннаго въ новѣйшее время такимъ крупнымъ авторитетомъ, какимъ является Роде, и исходящаго изъ излюбленной нынѣ, но едва-ли всегда согласной съ законами логики и психологіи, теоріи Спенсера, которая выдвигаетъ на первый планъ такъ называемую низшую миѳологію, то-есть вѣрованія о разныхъ мелкихъ демонахъ, а также культовую сторону религіи, особенно культъ умершихъ: то оно еще менѣе первыхъ двухъ изъ вышеизложенныхъ мнѣній въ состояніи объяснить *возникновеніе* миѳа о Гіакинѳѣ и Аполлонѣ [4]). Считая этотъ миѳъ произвольнымъ и лишеннымъ всякихъ основаній вымысломъ поэтовъ позднѣйшей эллинистической эпохи, Роде находится въ явномъ противорѣчіи не только съ сохранившеюся до нашего времени древнѣйшею монументальною традиціею о тѣсной связи Гіакинѳа съ Аполлономъ и съ Зефиромъ [5]), но и съ опредѣленными словами Еври-

---

[1]) Ср. Greve въ Roscher's Lexikon, I, 2, p. 2763, s. v. Hyakinthos.

[2]) Въ вышеупомянутой статьѣ Die Isthmien u. Hyakinthien, въ Philologus XXXVII (1877), p. 20 sq.

[3]) l. c. I, 2, p. 2764.

[4]) Къ мнѣнію Роде о Гіакинѳѣ присоединились въ новѣйшее время также Sam Wide (Lakonische Kulte, p. 94 sq. и 290 sq.), далѣе Wernicke въ обстоятельной статьѣ объ Аполлонѣ, напечатанной въ Pauly-Wissowa's Real-Encyclopaedie (vol. II, p. 5 sq.), и Gruppe, Griech. Mythol. (въ Müller's Handb. d. klass. Alt., vol. V, 2), p. 165 sq. Но и они не объясняютъ *возникновенія* миѳа о Гіакинѳѣ и Аполлонѣ и вообще не приводятъ никакихъ новыхъ доводовъ въ пользу мнѣнія Роде.

[5]) Эта древнѣйшая монументальная традиція, какъ доказалъ Hauser въ статьѣ Hyakinthos, напечатанной въ Philologus LII (1893), p. 209 sqq., представляется, главнымъ образомъ, одной тарентинской терракоттою и двумя вазами, изготовленными въ началѣ V вѣка въ мастерскихъ Дуриса и другаго, сходнаго съ нимъ, художника, а также, можетъ быть, одной тарентинской монетою VI вѣка и

пида [1]), доказывающими намъ, что сказаніе о смерти Гіакинѳа, пораженнаго дискомъ Аполлона, принадлежало къ числу общеизвѣстныхъ и старыхъ народныхъ сказаній. Въ особенности же Роде не принимаетъ въ соображеніе одного обстоятельства, на которое его вниманіе долженъ былъ бы обратить слѣдующій фактъ: на одной изъ сторонъ, а именно, вѣроятно, на передней сторонѣ жертвенника или базиса статуи амиклейскаго Аполлона, въ древнѣйшемъ видѣ своемъ сооруженнаго надъ „могилою“ Гіакинѳа еще въ такъ называемую микенскую эпоху [2]), т. е. задолго до шестаго вѣка до Р. Х., и вновь украшеннаго, вѣроятно, тѣмъ же Баѳикломъ, который въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. окружилъ этотъ жертвенникъ или базисъ своимъ знаменитымъ тропомъ, изображена была сцена [3]), какъ Гіакинѳъ и умершая въ дѣвиче-

---

нѣкоторыми другими произведеніями ремесленнаго искусства. Всѣ эти произведенія изображаютъ Гіакинѳа молодымъ юношею, то сидящимъ на лебедѣ, священной птицѣ Аполлона, и держащимъ въ рукѣ или лиру, или дискъ, то носящимся, вѣроятно, по воздуху вмѣстѣ съ любовно обнимающимъ его Зефиромъ. Ср. также Hartwig, Griech. Meisterschalen (Stuttgart u. Berlin 1893), p. 210 sq. (tab. XXII, 1) и p. 659 sq. (tab. LXXII, 1).

[1]) Euripides, Helena 1474 sqq: ὃν [i. e. Ὑάκινθον] ἐξαμιλλησάμενος
τροχῷ τέρμονι δίσκου
ἔκανε Φοῖβος κ. τ. λ.

[2]) Находки, сдѣланныя недавно Цунтою (Τσουντας) при его раскопкахъ на мѣстѣ древняго Ἀμυκλαῖον (ср. Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική 1892, p. 1 sqq.), служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что культъ этого святилища восходитъ къ самой глубокой древности, обозначаемой нынѣ общимъ именемъ „микенской“ эпохи.

[3]) Pausanias III, 19, 4: πεποίηται δὲ ἐπὶ τοῦ βωμοῦ καὶ ἡ Δημήτηρ καὶ Κόρη καὶ Πλούτων, ἐπὶ δὲ αὐτοῖς Μοῖραί τε καὶ Ὧραι, σὺν δὲ σφισιν Ἀφροδίτη καὶ Ἀθηνᾶ τε καὶ Ἄρτεμις· κομίζουσι δ' ἐς οὐρανὸν Ὑάκινθον καὶ Πολύβοιαν Ὑακίνθου, καθὰ λέγουσιν, ἀδελφὴν ἀποθανοῦσαν ἔτι παρθένον. Изъ всѣхъ (указанныхъ Jessen'омъ въ Pauly-Wissowa's Real-Encycl. I, 1998, s. v. Amyklaios, и Robert'омъ, тамъ же III, 125, s. v. Bathykles) археологовъ, комментировавшихъ Павсаніево описаніе какъ этой сцены, такъ и другихъ сценъ, изображенныхъ на

ствѣ сестра его Полибея изъ подземнаго царства, представленнаго Деметрою, Корою и Плутономъ, въ присутствіи или, вѣрнѣе, въ сопровожденіи Мойръ и Горъ, возносятся на небо, гдѣ ихъ встрѣчаютъ олимпійскія богини Афродита, Аѳина и Артемида. Если бы миѳъ о Гіакинѳѣ во всѣхъ своихъ версіяхъ, въ какихъ онъ дошелъ до насъ, не возникъ въ древнѣйшія времена, а представлялъ бы собою, какъ полагаетъ Роде, довольно позднюю выдумку поэтовъ, основанную на позаимствованныхъ отовсюду и общеизвѣстныхъ миѳологическихъ мотивахъ, то слѣдовало бы ожидать, что между этими мотивами, съ одной стороны, и вышеуказаннымъ весьма древнимъ изображеніемъ на почитаемомъ всѣми дорійцами амиклейскомъ жертвенникѣ и соблюдавшимися на Гіакинѳіяхъ церемоніями культа Гіакинѳа, съ другой стороны, существовала самая тѣсная связь, указывающая на зависимость первыхъ мотивовъ отъ вторыхъ и на очевидное взаимное согласіе обоихъ; ибо только въ такомъ случаѣ упомянутые поэты могли бы разсчитывать на то, что читатели, знакомые съ пользовавшимся столь большою извѣстностью и популярностью амиклейскимъ культомъ, отнесутся къ ихъ разсказамъ съ участіемъ и довѣріемъ. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что эти разсказы не имѣютъ ничего общаго ни съ находившимся на амиклейскомъ жертвенникѣ изображеніемъ Гіакинѳа, ни съ данными самаго культа его, а отчасти даже находятся, повидимому, въ противорѣчіи съ ними. Такъ, въ приведенныхъ греческими и римскими писателями разсказахъ о Гіакинѳѣ послѣдній предста-

амиклейскомъ жертвенникѣ, Trendelenburg (въ статьѣ Sull' altare di Giacinto in Amicle, напечатанной въ Bulletino dell' Inst. di corr. archeol. 1871, p. 124 sqq.) и, вслѣдъ за нимъ, Furtwängler (Meisterwerke der griech. Plastik, p. 689 sqq.) предложили, по моему, наиболѣе правдоподобное и обстоятельное объясненіе Павсаніева описанія. Съ ними соглашаются въ главныхъ пунктахъ также Robert (l. c.), Reichel (Ueber vorhellenische Götterculte. Wien 1897, p. 94) и Fitzig und Blümner (ср. ихъ примѣчанія къ Pausanias III, 19, 3 въ комментированномъ изданіи этого писателя, vol. I, pars post. (1899), p. 831 sqq.).

вляется какъ весьма красивый и совсѣмъ молодой юноша [1]), котораго любитъ то Аполлонъ [2]), то Зефиръ (или Борей) въ соперничествѣ съ Аполлономъ [3]), то ѳракійскій пѣвецъ Ѳамиридъ [4]), то, наконецъ, муза Эрато [5]); на амиклейскомъ же жертвенникѣ, по опредѣленному свидѣтельству Павсанія [6]), Гіакинѳъ былъ изображенъ бородатымъ мужиною [7]), а вмѣстѣ съ тѣмъ названное художественное произведеніе не содержало ни малѣйшаго намека ни на любовныя отношенія Гіакинѳа къ одному изъ только-что названныхъ лицъ греческой миѳологіи, ни на особый родъ смерти юноши, случившейся, согласно литературнымъ разсказамъ, вслѣдствіе того, что брошенный Аполлономъ во время игры или состязанія дискъ или

---

[1]) Такимъ онъ былъ изображенъ и на картинѣ знаменитаго живописца Никія, жившаго въ IV вѣкѣ до Р. Х., (Pausan. III, 19, 4), и на другихъ болѣе древнихъ предметахъ греческаго искусства (ср. выше на стр. 58 сл., прим. 5).

[2]) Apollodor. I, 3, 3 и III, 10, 3 (cf. Euripides, Helena 1471 sqq.); Nicander, Ther. 902 sqq.; Commodian., Instr. 1, 11 v. 19 sqq.; Ovid., Metam. X, 162—219. Schol. ad Nic. Ther. 902; Hyginus, Fabul. 271. Martialis, Epigr. XIV, 173.

[3]) Palaephatus 47. Lucian., Dial. deor. 14 и De salt. 45. Pausanias III, 19, 5. Philo Jud. 14. Philostratus maior, Imag. I, 24. Philostratus minor, Imag. 14. Libanius, Narrat. p. 855. Theodorus Prodromus 6, 306. Nicetas Eugen. 4, 250 sqq. Nonnus, Dionys. 3, 155 sqq., 10, 255 и др. Philolaus rhet. у Westerm. app. narr. 78 и Tzetz. Chil. 1, 239.—Вмѣсто Зефира упоминается Борей только Сервіемъ, Ad Verg. Ecl. 3, 63.—Подобно только что названнымъ писателямъ, и нѣкоторыя художественныя произведенія, указанныя выше (стр. 58 сл., прим. 5), приводятъ Гіакинѳа въ связь съ Зефиромъ.

[4]) Apollodor. I, 3, 3.

[5]) Scholia in Euripid. Rhesum, v. 346.

[6]) Pausanias III, 19, 4.

[7]) Совершенно взрослымъ мужиною представляло себѣ Гіакинѳа и аттическое сказаніе, считавшее его отцомъ почитавшихся въ Аттикѣ (въ Ὑάκινθος πάγος) παρθένοι Ὑακινθίδες (ср. Photius, s. v. παρθένοι, Apollodor. III, 15, 8, 3 — 4, и Philoch. schol. Soph. Oed. Col. 101).

случайно и противъ воли бога попалъ въ Гіакинѳа [1]), или же нарочно былъ отклоненъ и направленъ на него ревнивымъ Зефиромъ (или Бореемъ) [2]). Даже относительно судьбы, постигшей Гіакинѳа послѣ смерти, литературные миѳы объ этомъ лицѣ, разсказывающіе то о возникновеніи изъ его крови одноименнаго цвѣтка „гіакинѳа“ [3]), то о возвращеніи Аполлономъ „прекраснокудраго“ юноши къ жизни [4]), болѣе или менѣе рѣзко отличаются отъ того миѳа, который, какъ мы уже видѣли, послужилъ основаніемъ художественной сценѣ, изображенной на древнемъ амиклейскомъ жертвенникѣ, и церемоніямъ культа, не имѣвшимъ никакого отношенія къ цвѣтку „гіакинѳу“ [5]).

---

[1]) См. писателей, названныхъ въ примѣчаніи 2 предыдущей страницы.

[2]) См. писателей, названныхъ въ примѣчаніи 3 предыдущей страницы.

[3]) Такъ разсказываетъ большинство названныхъ выше (прим. 2 и 3 предыдущей страницы) писателей.

[4]) Nonnus, Dionys. XIX, 102: εὐχαίτην Ὑάκινθον ἀνεζώγρησεν Ἀπόλλων.

[5]) То обстоятельство, что на амиклейскомъ жертвенникѣ Гіакинѳъ былъ изображенъ бородатымъ мущиною, главнымъ образомъ приводитъ Роде къ заключенію, что этотъ Гіакинѳъ не былъ тождественъ съ любимцемъ Аполлона; но такое заключеніе должно считаться, по моему, совершенно произвольнымъ и несогласнымъ съ основными законами образованія миѳовъ. Не только самъ Аполлонъ, съ представленіемъ о которомъ обыкновенно были неразлучны понятія о молодости и красотѣ, въ древнемъ искусствѣ нерѣдко изображался бородатымъ (ср. Preller-Robert, Griech. Mythol. I⁴, 293 n. 1, и Hauser въ Philologus LII (1893), p. 26), но и многія другія миѳическія существа представлялись, сообразно съ обстоятельствами,—какъ излагаетъ, напримѣръ, Макробій (Saturn. I, 18, 9—10) по отношенію къ миѳическимъ олицетвореніямъ солнца,—то дѣтьми, то юношами, то совершенно взрослыми, а въ качествѣ παιδικά, то-есть молодыхъ мальчиковъ или (безбородыхъ) юношей, которыхъ любилъ какой-нибудь ἐραστής, нерѣдко выступали, подобно Гіакинѳу, такія миѳическія личности, которыя обыкновенно принимались за пожилыя, ср., напримѣръ, Радаманѳа, любовника Талоса (см. Suidas, s. v. Θάμυρις).

Въ виду всего этого мнѣ кажется несомнѣннымъ, что упомянутые различные миѳы не только возникли самостоятельно и независимо другъ отъ друга, но и относятся по своему существу къ болѣе или менѣе глубокой старинѣ и представляютъ собою почти одинаково важныя и заслуживающія нашего вниманія формы чисто-народнаго преданія. Объясненіе этихъ различныхъ формъ одно только и можетъ раскрыть намъ первоначальную роль Гіакинѳа, тѣмъ болѣе, что самое имя послѣдняго остается до сихъ поръ загадочнымъ по своей этимологіи и по своему значенію, или, по крайней мѣрѣ, не нашло еще общепринятаго толкованія [1]).

---

[1]) Ср. Greve въ Roscher's Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Myth. I, 2, p. 2765, s. v. Hyakinthos, гдѣ приводится большинство предложенныхъ до сихъ поръ этимологій имени Гіакинѳа, производящихъ его то отъ глагола ὗειν, то отъ ὗς и ἄκανθα, то отъ корня σϝαχ— („пахнуть“), то отъ корня ϝιο—(ἴον=фіалка). Отвергая, вмѣстѣ съ Греве, первыя двѣ изъ этихъ этимологій, какъ несомнѣнно ошибочныя, а послѣднія двѣ, какъ весьма мало вѣроятныя, и считая еще болѣе произвольнымъ хитросплетеніемъ предложенную Энманномъ (Kypros u. d. Urspr. d. Aphrod., p. 51) этимологію, согласно которой Гіакинѳъ есть „двигатель солнца“ (Ὑάκινθος изъ *Σϝα—κινθjος), я не могу не признать сомнительнымъ также то производство имени Гіакинѳа, которое недавно было предложено Brugmann'омъ (въ его Grundriss d. vergl. Gramm. II, 237) и одобрено Greve-Roscher'омъ (l. c.) и другими (ср., напримѣръ, Maass въ Hermes XXV (1890), p. 405), и согласно которому имя Ὑάκινθος, сопоставленное съ латинскимъ iuvencus, означаетъ „adulescentulus“. Съ такой этимологіей не согласуется уже тотъ фактъ, что на амиклейскомъ жертвенникѣ, представлявшемъ собою древнѣйшій памятникъ, относившійся къ миѳу о Гіакинѳѣ, это лицо, какъ мы уже видѣли, было изображено не молодымъ юношею, а бородатымъ мущиною, и что точно также древнее аттическое сказаніе представляло его совершенно взрослымъ, пожилымъ человѣкомъ, имѣвшимъ нѣсколько дочерей, такъ называемыхъ παρθένοι Ὑακινθίδες. Въ виду этого уже Solmsen (въ Zeitschr. f. vergl. Sprachf., vol. XXXII, p. 289, nota) и Kretschmer (Einleitung in d. Gesch. d. Griech. Sprache. Göttingen 1896, p. 404) отвергли эту этимологію, и послѣдній ученый не безъ основаній указалъ на то, что слово Ὑάκινθος, имѣющее чуж-

Приступая, поэтому, къ объясненію вышеупомянутыхъ миѳовъ о Гіакинѳѣ, мы исходимъ изъ того мнѣнія, что высокое божественное значеніе Гіакинѳа въ древнѣйшей греческой миѳологіи, въ противоположность приписываемой ему Роде низ-

---

дый индоевропейскимъ языкамъ суффиксъ—νθ—, который такъ часто встрѣчается особенно въ древнихъ названіяхъ мѣстностей Греціи и Малой Азіи (объ Ὑάκινθος πάγος въ Аттикѣ ср. Photius, s. v. παρθένοι, ed. Naber II, p. 64), можетъ быть, представляетъ собою слово, принадлежавшее или цѣликомъ, или отчасти языку до-греческаго населенія Эллады, то-есть языку каровъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ, по моему, и то обстоятельство, что въ историзованныхъ генеалогіяхъ, составленныхъ древними логографами и приведенныхъ у Павсанія (III, 1, 1—4 и IV, 1, 1; 2, 2—4) и Аполлодора (III, 10, 3 sqq. и I, 9, 5), Гіакинѳъ является (каромъ-) лелегомъ по происхожденію (ср. Deimling, Die Leleger, p. 124, и Welcker, Griech. Götterl. I, p. 473). Не должны ли мы, въ виду этого, искать объясненія имени Ὑάκινθος скорѣе всего въ сопоставленіи его съ именами ѳракійскаго бога Діониса Σαβάζιος или Ὗης или Ὑεύς или Ὗας, которыя такъ же, какъ и названіе вакханокъ Ὑάδες и другія имена, согласно справедливому замѣчанію Узенера (Götternamen, p. 43 sqq.), скорѣе всего должны быть произведены отъ корня su-, sav- („быстро двигаться“)? Не означаетъ ли, поэтому, слово Ὑάκινθος, образованное изъ того же корня съ прибавленіемъ уменьшительныхъ суффиксовъ ακ- и νθ- (о послѣднемъ суффиксѣ, какъ уменьшительномъ, ср. Döhring въ Progr. d. Friedr.-Kolleg., Königsb. 1888, p. 15), или „быстро двигающееся“ (при игрѣ въ дискъ) лицо, о миѳологическомъ значеніи котораго мы будемъ говорить ниже, или „быстро растущее“ растеніе „гіакинѳъ“, то-есть, вѣроятно, какъ доказалъ Bissinger (Welche Blume hat man sich unter dem ὑάκινθος der Alten zu denken? Erlangen 1880), современный ирисъ или касатикъ? [Мнѣніе Murr'a (Die Pflanzenwelt in d. Mythologie. Innsbruck 1890, p. 256 sq.), что ὑάκινθος древнихъ тождественъ съ современнымъ гіацинтомъ, я считаю невѣроятнымъ какъ по другимъ причинамъ, такъ въ особенности потому, что гіацинтъ есть весенній цвѣтокъ, ὑάκινθος же, по сказанію древнихъ, возникъ изъ крови любимаго Аполлономъ Гіакинѳа, смерть котораго оплакивалась при Гіакинѳіяхъ, праздновавшихся, какъ мы видѣли, въ началѣ лѣта, вѣроятно, въ іюнѣ мѣсяцѣ около времени лѣтняго солнцеворота]. Не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь и о томъ, что

кой роли мѣстнаго демона, доказывается какъ выдающимся значеніемъ обще-дорійскаго праздника Гіакинѳій, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что на Амиклейскомъ жертвенникѣ не только изображеніе самого Гіакинѳа, помѣщенное, вѣроятно, на передней сторонѣ его, было окружено изображеніями верховныхъ божествъ, но и помѣщенныя на другихъ сторонахъ жертвенника художественныя сцены относились всѣ безъ исключенія къ такъ называемой высшей миѳологіи (ср. Pausanias III, 19, 3—5). Исходя изъ этого мнѣнія, мы прежде всего должны остановиться на слѣдующемъ фактѣ, который на первый взглядъ не можетъ не показаться намъ страннымъ: между тѣмъ какъ Гіакинѳъ во всѣхъ литературныхъ разсказахъ о немъ и въ Амиклейскомъ культѣ является отличнымъ, повидимому, отъ Аполлона лицомъ, въ Тарентѣ, куда, какъ мы уже видѣли, культъ этого миѳическаго лица былъ перенесенъ „Παρθενίαι“ изъ Амиклъ, посвященная ему гробница, походившая, безъ сомнѣнія, на Амиклейскій образецъ, называлась то гробницею Гіакинѳа, то гробницею Аполлона-Гіакинѳа [1]).

Придерживаясь мнѣнія, обоснованнаго впервые Ушольдомъ [2]) и подробнѣе развитаго въ новѣйшее время Узенеромъ [3]), что большинство именъ греческихъ божествъ возникло изъ эпитетовъ, которыми первоначально, какъ я полагаю, прославлялись самыя очевидныя и выдающіяся явленія или

„дочери“ Гіакинѳа, παρθένοι Ὑακινθίδες, отождествленныя съ дочерьми Эрехѳея, назывались также Ὑάδες (ср. Servius, Ad Verg. Aen. I, 748), то-есть „быстро двигающіяся“, и что Гіакинѳъ самъ, какъ мы увидимъ ниже, первоначально былъ миѳологически тождественъ съ Діонисомъ Ὗης.

[1]) См. Polybius VIII, 30, 2—3: ἐπὶ τοῦ τάφου (въ Тарентѣ), τοῦ παρὰ μέν τισιν Ὑακίνθου προσαγορευομένου, παρὰ δέ τισιν Ἀπόλλωνος Ὑακίνθου.—Неосновательно и противно миѳологическимъ представленіямъ Hultsch въ своемъ изданіи Полибія заключилъ имя Ὑακίνθου послѣ Ἀπόλλωνος въ скобки, считая его за глоссему. (Ср. Lorentz, De reb. sacr. Tarent., p. 7 и Nonnus, Dionys. XI, 330: Ὑακίνθιος ὥσπερ Ἀπόλλων).

[2]) Uschold, Vorhalle zur Griech. Geschichte u. Mythologie I, p. 158; II, p. XVII sq. et passim.

[3]) Usener, Götternamen (Bonn 1895), p. 216 sqq.

силы природы, въ особенности солнце и луна, и количество которыхъ въ древнихъ священныхъ гимнахъ и сказаніяхъ отдѣльныхъ племенъ греческаго народа было безчисленно, мы двоякимъ образомъ можемъ объяснить тотъ выше указанный фактъ, что одно и то же миѳическое лицо, почитавшееся дорійцами на ряду съ Аполлономъ и называвшееся обыкновенно Гіакинѳомъ, называлось иногда и Аполлономъ-Гіакинѳомъ. Послѣднее двойное имя или является остаткомъ возникшаго среди одного лишь племени древнѣйшаго религіознаго преданія, въ которомъ Аполлонъ, на ряду съ другими эпитетами, имѣлъ также прозвище Гіакинѳъ, или же должно быть признано результатомъ ранняго смѣшенія и соединенія двухъ отличныхъ другъ отъ друга по названію, но тождественныхъ другъ съ другомъ по значенію миѳическихъ существъ, которыя первоначально принадлежали къ религіи двухъ различныхъ племенъ. Въ первомъ случаѣ мы должны предположить, что возникновеніе отличнаго отъ Аполлона и уступающаго ему въ значеніи миѳическаго существа Гіакинѳа было вызвано тѣмъ, что прозвище Гіакинѳъ со временемъ отдѣлилось отъ имени Аполлона и сдѣлалось собственнымъ именемъ, при чемъ обозначаемое имъ лицо превратилось въ такъ называемаго „героя“. Во второмъ же случаѣ мы должны предположить, что, на ряду съ упомянутымъ смѣшеніемъ и соединеніемъ Гіакинѳа и Аполлона, каждое изъ этихъ лицъ продолжало существовать также въ качествѣ отдѣльнаго существа, при чемъ первое изъ нихъ, Гіакинѳъ, стало уступать въ значеніи второму, Аполлону, вслѣдствіе того, что оно принадлежало къ религіи племени, порабощеннаго другимъ племенемъ, почитавшимъ Аполлона.— Не имѣя возможности и надобности разбирать здѣсь въ высшей степени сложный и трудный вопросъ о томъ, какое изъ только-что приведенныхъ двухъ предположеній, объясняющихъ какъ взаимную связь Аполлона и Гіакинѳа, такъ и раздѣленіе ихъ, должно считаться наиболѣе правдоподобнымъ [1]), и

[1]) Въ пользу втораго предположенія говоритъ, по моему, то обстоятельство, что не только имя, но и историзованная генеалогія

на какія аналогичныя взаимныя отношенія другихъ божествъ, героевъ и тому подобныхъ миѳическихъ существъ греческой миѳологіи можетъ указать то или другое предположеніе [1]), мы ограничиваемся здѣсь выводомъ изъ каждаго изъ нихъ несомнѣннаго заключенія, что Аполлонъ и Гіакинѳъ по своему значенію были первоначально тождественны, и что второй, такимъ образомъ, являлся лишь двойникомъ перваго.

Гіакинѳа, какъ мы уже видѣли (стр. 63 сл., прим. 1 въ сред.), дѣлаютъ въ высшей степени вѣроятнымъ каро-лелегское происхожденіе этого существа, которое первоначально, безъ сомнѣнія, играло роль божества. Аполлонъ же, повидимому, не былъ извѣстенъ древнѣйшему догреческому населенію Эллады, то-есть карамъ, лелегамъ и др. (ср. въ особенности K. O. Müller, Die Dorier I², p. 201 sqq., которому безъ основанія возражаетъ Gerhard, Griech. Mythol. I, p. 285 sq.), а является чисто греческимъ божествомъ, почитаніе котораго уже съ древнѣйшихъ временъ распространено было у всѣхъ греческихъ племенъ, въ особенности у ахеянъ, дорійцевъ и іонійцевъ, и началомъ своимъ относится, безъ сомнѣнія, еще къ отдаленной, доисторической эпохѣ ихъ единства (ср. въ особенности Roscher, Stud. zur vergl. Myth. d. Gr. u. Röm. I. Apollon u. Mars, p. 16, и въ Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Myth. I, 1 p. 422, s. v. Apollo, гдѣ приводится также остальная литература вопроса).

[1]) Не можетъ подлежать сомнѣнію, что тѣ изъ именъ героевъ и героинь, которыя по своему производству и значенію оставались всегда прозрачными и понятными, въ большинствѣ случаевъ—но едва-ли во всѣхъ, какъ нынѣ, повидимому, принято думать (кромѣ Uschold'a, Vorhalle z. griech. Gesch. u. Myth., passim, и другихъ, сравн. въ особенности Deneken въ Roscher's Ausf. Lexikon d. gr. u. röm. Myth. I, 2, p. 2448 sqq., s. v. Heros, Roscher, Ueber Selene u. Verwandtes, p. 126 sqq. и Usener, Götternamen, p. 218 sqq.)— представляютъ изъ себя первоначальныя прозвища божествъ, отдѣлившіяся со временемъ отъ ихъ собственныхъ именъ. Что же касается другихъ именъ героевъ и героинь греческой миѳологіи, и въ особенности тѣхъ изъ этихъ именъ, производство и значеніе которыхъ уже рано сдѣлалось темнымъ, то я не могу не признать возможности того, что они первоначально означали самостоятельныя божества, которыя по своему характеру были сходны или тождественны съ тѣми божествами, къ которымъ они впослѣдствіи присоединились, какъ ихъ гипостазы. Къ этимъ послѣднимъ именамъ я больше всего склоненъ причислить и имя Гіакинѳа.

Въ чемъ же состояло *первоначальное* значеніе названныхъ двухъ существъ?

На этотъ вопросъ можетъ послѣдовать, по моему, только одинъ отвѣтъ: и Аполлонъ и Гіакинѳъ суть солнечныя божества.

Что касается Аполлона, то большинствомъ новѣйшихъ миѳологовъ, разсуждавшихъ о немъ, и въ особенности Велькеромъ, было приведено столько разнообразныхъ, вѣскихъ и неопровержимыхъ доводовъ въ доказательство указаннаго первоначальнаго значенія его, что сомнѣваться въ его достовѣрности, по моему, больше уже не представляется возможнымъ, и мы спокойно можемъ сослаться на разсужденія названныхъ ученыхъ [1]). Въ миѳѣ о Гіакинѳѣ Аполлонъ характеризуется какъ солнечное божество уже тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ здѣсь выступаетъ съ дискомъ. Миѳологическое значеніе этого круглаго метательнаго орудія уже давнымъ-давно было признано такими миѳологами, какъ Крейцеръ, Ушольдъ, Норкъ, Велькеръ, Купъ, Зонне, Шварцъ, Рошеръ и др. [2]). Подобно шару,

[1]) Ср. въ особенности Uschold, Vorhalle zur griech. Gesch. u. Myth., passim. Schwenck, Mythol. I, p. 109 sqq. Gerhard, Griech. Myth. I, p. 306 sqq. Welcker, Griech. Götterl. I, p. 457 sqq. Preller-Robert, Griech. Myth. I⁴, p. 230 sq. Roscher, Stud. z. vergl. Myth. d. Gr. u. Röm. I. Apollon u. Mars, p. 16 sqq. и др. — Совершенно не могу я согласиться со взглядами, изложенными въ новѣйшее время въ пространной статьѣ Wernicke „Apollon“ въ Pauly-Wissowa's Real-Encyclopaedie II, 1, p. 8 sqq.

[2]) Creuzer, Symbolik u. Mythol. I, 285. Uschold, l. c. I, 323 sq. II, 79 sqq. Nork, Etym.-symbol.-myth. Real-Wörterb., s. v. Ball, p. 204 sq. Его же Andeutungen e. Systems der Mythol., p. 270 sq. Welcker, l. c. I, 474 nota 8 и Kleine Schriften, I, p. 24 sq. Kuhn, Myth. Stud. I. Die Herabkunft des Feuers², p. 45 sqq. Sonne, „Charis“ (въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachf. X (1860), p. 176 sq. Schwartz, Die poet. Naturansch. d. Gr., Röm. u. Deutschen. I. Sonne, Mond u. Sterne, p. 6—9. Roscher, Selene u. Verwandtes, p. 20, и Nachträge zu m. Buche Ueber Selene u. Verwandtes (Wurzener Gymn.-Programm 1895), p. 20. Ср. также Rapp въ Roscher's Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Myth., I, 2, p. 1997, s. v. Helios, и др.

колесу и щиту, и дискъ въ древнихъ греческихъ сказаніяхъ означаетъ преимущественно солнце, круглая форма котораго еще въ позднѣйшія времена культуры грековъ и другихъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ вызываетъ сравненіе съ только-что названными предметами [1]). Извѣстно, что обитателями пэонійской области Македоніи Геліосъ почитался подъ видомъ маленькаго диска, прикрѣпленнаго къ концу длиннаго шеста [2]), и что при ѳиванскихъ дафнефоріяхъ, издавна праздновавшихся въ честь исменійскаго Аполлона, мальчикъ въ торжественной процессіи носилъ украшенное лавровыми вѣтвями и пестрыми цвѣтами оливковое дерево, къ верхнему концу котораго прикрѣпленъ былъ мѣдный шаръ, означавшій олицетворяемое Аполлономъ солнце, между тѣмъ какъ ниже его висѣли другіе, меньшіе по размѣрамъ, шары, означавшіе звѣзды, и 365 вѣнковъ, соотвѣтствовавшихъ числу дней года, а другой конецъ древка окруженъ былъ состоявшимъ изъ колецъ дискомъ (κρίκοτόν), представлявшимъ собою луну съ ея отдѣльными фазами [3]).

Не одинъ Аполлонъ, однако, являлся въ культѣ и въ миѳѣ обладателемъ упомянутаго круглаго диска или солнца. Не говоря о многочисленныхъ другихъ миѳическихъ лицахъ, какъ Аресъ [4]), Эетіонъ [5]), Язонъ [6]), Ахиллесъ [7]), Одиссей [8]), Персей [9]), Пелей и Теламонъ [10]) и др., которые въ древнихъ

[1]) См., напримѣръ, Plutarch., Moral. p. 891 A, B (De plac. philos. II, 24 sq.) и Alexander Aphrod., Probl. 2, 46.

[2]) См. Maximus Tyrius, Or. 8, 8 ed. Dübner.

[3]) См. Proclus у Photios, Bibl. p. 321 ed. Bekker. Ср. Creuzer, Symbolik u. Mythol. II, 559 sqq.

[4]) См. въ особенности Hymn. Homer. VII, 6 и Apollonius, Argonaut. III, 1366 ed. Merkel.

[5]) Ilias XXIII, 827.

[6]) Apollonius, Argon. III, 1365 sq.

[7]) Ilias XXIII, 826 sqq.

[8]) Odyss. VIII, 186 sqq.

[9]) Pausanias II, 16, 2—3 и Apollodor. II, 4, 4, 2.

[10]) Apollodor. III, 12, 6. Tzetzes, In Lycophr. 175. Diodor. IV, 72 и Pausan. II, 29, 7; X, 30, 2.

сказаніяхъ выступаютъ съ этимъ метательнымъ орудіемъ, и первоначальное солнечное значеніе которыхъ доказывается еще многими другими чертами, мы видимъ, что обладаніе дискомъ приписывается миѳомъ и Гіакинѳу, какъ миѳическому существу, состязающемуся въ метаніи его съ Аполлономъ [1]), согласно чему и въ произведеніяхъ древняго искусства это лицо часто изображалось держащимъ дискъ въ рукѣ [2]).

---

[1]) Такъ какъ дискъ въ миѳахъ и въ культѣ иногда означаетъ, кромѣ солнца, и луну, то можно было бы также предположить, что Гіакинѳъ первоначально былъ луннымъ божествомъ, и что сказаніе о томъ, какъ Аполлонъ нечаянно убилъ его дискомъ, относится къ исчезновенію (или смерти) луны во время ея „конъюнкціи" съ солнцемъ и къ новому нарожденію ея послѣ этой „конъюнкціи". Такое предположеніе, однако, я считаю неосновательнымъ, какъ по другимъ причинамъ, изложеннымъ мною ниже въ текстѣ, такъ и потому, что во всѣхъ греческихъ миѳахъ, которые относятся къ солнцу и къ лунѣ и представляютъ эти свѣтила антропоморфическими существами, луна является всегда лицомъ женскаго, а солнце лицомъ мужескаго рода. (Въ Богѣ Μήν, составляющемъ, по мнѣнію новѣйшихъ миѳологовъ (ср. Drexler въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth. II, 2687 sqq., s. v. Men), исключеніе изъ этого правила и принимаемомъ ими за лунное божество, я усматриваю первоначальнаго луннаго бога, властителя луны и звѣздъ и главнаго *измѣрителя* времени).

[2]) Такимъ образомъ изображаютъ Гіакинѳа, во 1) одна мраморная группа, находившаяся прежде въ коллекціи Норе и приведенная въ политипажной репродукціи, напримѣръ, въ Roscher's Lexikon d. Myth. I, 2 p. 2765, s. v. Hyakinthos; во 2) одна гемма (находящаяся нынѣ въ Британскомъ музеѣ), которая украшена надписью Ὑάκινθος (см. C. I. Gr. IV, n. 7050 и Catalogue of engraved gems in the British Museum № 742 [ср. также № 498]: здѣсь Гіакинѳъ изображенъ, подобно дискоболу Мирона, смотрящимъ обратно на дискъ, который онъ держитъ въ правой рукѣ, собираясь метать его); въ 3) по всей вѣроятности, одна статуэтка изъ терракотты, описанная, напримѣръ, Overbeck'омъ, Griech. Kunstmythologie. Vol. III. (Lpz. 1877) Apollon, p. 150, № 8 (ср. Hauser въ Philologus LII (1893), p. 214).—И на описанной Филостратомъ Младшимъ картинѣ (Imag. XIV: Ὑάκινθος) Гіакинѳъ имѣетъ дискъ какъ аттрибуты.—Объ изображеніяхъ Гіакинѳа вообще подробнѣе трактуетъ Overbeck l. c. p. 510—518.

Я глубоко убѣжденъ въ правильности воззрѣнія, защищаемаго нынѣ, къ сожалѣнію, лишь немногими миѳологами [1]), того воззрѣнія, что солнце, имѣющее столь очевидное, все-

---

[1]) Въ числѣ этихъ миѳологовъ, придерживающихся приблизительно тѣхъ же принципіальныхъ воззрѣній, какія были высказаны, напр., I'schold'омъ (Vorhalle zur griech. Gesch. u. Mythologie. Stuttg. u. Tübingen, 1838—39), Максомъ Мюллеромъ (Essays. Lpz. 1869—76; Einleit. in d. vergl. Religionswissenschaft. Strassb. 1874), Schirren'омъ (Die Wandersagen der Neuseeländer u. d. Mauimythos. Riga 1856, въ особ. стр. 141 сл. и 169 сл.) и др., я упомяну здѣсь въ особенности Л. Воеводскаго, интересное сочиненіе котораго, „Введеніе въ миѳологію Одиссеи", часть I, (Одесса 1881), къ сожалѣнію, не было оцѣнено по заслугамъ, и Seecke (De Niso et Scylla in aves mutatis. Berlin 1884; Beiträge z. gen. Erkenntniss d. Mondgottheit bei d. Griechen. Berlin 1885; Die Liebesgeschichte des Himmels. Strassburg 1892; Ueber die Bedeutung der Grimm'schen Märchen für unser Volksthum. Hamburg 1896; Die Urreligion der Indogermanen. Berlin 1897, а также отчасти A. Hillebrandt (Vedische Mythologie I. Soma u. verwandte Götter. Breslau 1891, особ. стр. 455 слл.). — Къ нимъ присоединились въ новѣйшее время особенно Otto Gilbert, Griechische Götterlehre (Lpz. 1898), особ. на стр. 268 и слл., и Otto Seeck, Die Bildung der griech. Religion, въ Neue Jahrb. f. d. klass. Alt. 2. Jahrg. 1899, особ. въ главѣ II: Der Sonnenglaube (III и IV Bandes 5. Heft), p. 305—327.—О значеніи, которое издревле существовавшій у грековъ религіозный культъ солнца и луны имѣлъ для установленія греческой хронологіи, прекрасно разсуждаетъ A. Schmidt, Handb. d. griech. Chronol., hrsg. von Rühl (Jena 1888), p. 22 sqq. и 47 sqq.). Генезисъ греческаго времясчисленія возводится имъ къ четыремъ древнѣйшимъ періодамъ культа эллиновъ: во 1) къ періоду Сабеизма, въ который поклонялись особенно солнцу и лунѣ, Μήν и Μήνη, Φοῖβος и Φοίβη, и въ который возникъ, напримѣръ, тридцатидневный ἔνιαυτός и тридцатидневный календарь празднествъ, согласный съ лунными кругами; во 2) къ періоду культа Геліоса и Селены, благодаря которому возникъ двѣнадцатимѣсячный лунный годъ и годовой лунный календарь съ празднествами, отнесенными къ опредѣленнымъ временамъ года; въ 3) къ періоду культа Діониса и Зевса-Посейдона, съ двух-

объемлющее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, загадочное значеніе для жизни природы и людей, вмѣстѣ съ луною (и звѣздами) играло первенствующую роль въ древнѣйшемъ религіозномъ культѣ грековъ, а также большинства другихъ народовъ, и что къ этимъ небеснымъ свѣтиламъ и ихъ взаимнымъ отношеніямъ принадлежитъ несмѣтное количество разнообразныхъ миѳовъ, возникшихъ вслѣдствіе того, что солнце и луна (и звѣзды) прославлялись безчисленными эпитетами, изъ которыхъ одни были тождественны съ названіями похожихъ на нихъ въ какомъ-нибудь отношеніи предметовъ или животныхъ, а другіе со временемъ превратились въ названія особыхъ, болѣе или менѣе антропоморфическихъ существъ, боговъ, богинь, героевъ и героинь и т. под. Поэтому я полагаю, что, какъ скоро это послѣднее случилось, напримѣръ, съ названіями „Аполлонъ“ и „Гіакинѳъ“, служившими первоначально для обозначенія солнца, то возникшія изъ нихъ особыя божества, изъ которыхъ послѣднее понизилось со временемъ до роли героя, должны были считаться виновниками движенія этого солнца и, между прочимъ, представляться воображенію людей какъ существа, метающія (солнечный) дискъ или состязающіяся другъ съ другомъ въ этомъ метаніи (солнечнаго) диска [1]).

При этомъ метаніи диска или состязаніи въ такой игрѣ какъ названныя, такъ и другія солнечныя существа неминуемо должны были выступать въ сказаніяхъ побѣдителями или

лѣтнимъ (дізтерическимъ или трізтерическимъ, такъ называемымъ діонисійскимъ) календаремъ, основаннымъ на чередованіи двѣнадцати- и тринадцати-мѣсячныхъ лунныхъ годовъ и заключавшимъ въ себѣ трізтерическія празднества Немей, Исѳмій и Діонисій, и далѣе съ возникшимъ изъ двухлѣтняго четырехлѣтнимъ (тетраэтерическимъ или пентаэтерическимъ) календаремъ (Зевсовымъ), къ которому примыкало празднество Олимпій; наконецъ, въ 4) къ періоду культа Аполлона и Артемиды, въ который возникъ восьмилѣтній (октаэтерическій или эннаэтерическій) аполлоновскій календарь съ восьмилѣтними Пиѳіями, Дафнефоріями и другими празднествами.

[1]) О подобныхъ процессахъ въ образованіи миѳовъ ср., напр., Uschold, Vorhalle I, 283 sqq.

побѣжденными, смотря по тому, приводились ли они въ отношеніе къ восходу или къ заходу солнца, изъ которыхъ первый, какъ извѣстно [1]), представлялся побѣдою дневнаго свѣтила надъ ночнымъ мракомъ, а второй пораженіемъ или смертью его [2]). Если теперь предположить, напримѣръ, что въ какомъ-нибудь весьма древнемъ гимнѣ совершающее свой путь по небу солнце прославлялось приблизительно слѣдующимъ образомъ, согласно столь употребительной у древнихъ многоименности (πολυωνυμία) боговъ: „Аполлонъ появляется, дискъ летитъ, Гіакинѳъ падаетъ, Аполлонъ помрачается, Гіакинѳъ встаетъ, Аполлонъ сіяетъ“,—то мы имѣемъ на лицо всѣ данныя, изъ которыхъ впослѣдствіи, когда первоначальный смыслъ этихъ словъ былъ уже утерянъ, благодаря раціонализаціи ихъ возникли вышеприведенные разсказы о томъ, что при состязаніи въ метаніи диска Гіакинѳъ нечаянно былъ убитъ Аполлономъ и послѣ смерти оплаканъ имъ, какъ его любимецъ,

---

[1]) Ср. Uschold, Vorhalle II, 25 и 100 sq.

[2]) Какъ Аполлонъ убиваетъ дискомъ Гіакинѳа, такъ убиваетъ этимъ-же метательнымъ орудіемъ Персей Акрисія (ср. Pausan. II, 16, 2—3. Apollodor. II, 4, 4, 2. Schol. Apollon. Rh. IV, 1091. Hygin., fab. 63), а Теламонъ (или Пелей) Фока (см. Pausan. II, 29, 9 sq. Apollodor. III, 12, 6, 11. Diodor. IV, 72. Tzetzes, In Lycophr. 175). Солнечное значеніе всѣхъ этихъ миѳическихъ лицъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Но и немало другихъ миѳовъ, разсказывающихъ объ убіеніи одного миѳическаго лица, мужескаго или женскаго, другимъ—напр. объ убіеніи Керкафа, потомка Геліоса, т. е. солнца, его братомъ Алфеемъ (см. Pseudo—Plut., fluv. 19) — проще и естественнѣе всего объясняется такимъ же предположеніемъ о первоначальномъ солнечномъ (или лунномъ) значеніи этихъ лицъ. Они возникли вслѣдствіе того, что солнце каждаго дня разсматривалось какъ новое солнце, являвшееся причиною смерти солнца предыдущаго дня. Такое воззрѣніе находило отголосокъ даже у просвѣщенныхъ греческихъ мыслителей, какъ, напр., у Гераклита и позднѣе у Эпикура—ср. Usener, Götternamen p. 288 sq.—Еще Катуллъ говоритъ (5, 4): soles occidere et redire possunt, а подобнымъ образомъ Горацій, carm. saec. 9 sq., восклицаетъ: Alme sol... aliusque et idem nasceris.

а затѣмъ возвращенъ имъ къ жизни и вознесенъ къ небу, или, что миѳологически то же самое, превращенъ въ равноименный цвѣтокъ.

Такимъ образомъ мы должны предположить, по моему убѣжденію, что Гіакинѳъ, явившись первоначально олицетвореніемъ солнца вообще, уже рано сталъ олицетворять собою преимущественно заходящее или зашедшее и скрывшееся подъ землею солнце [1]) и изъ небеснаго или надземнаго божества сдѣлался хтоническимъ, подземнымъ, подобно тому, какъ и Зевсъ, представлявшій собою первоначально, по моему убѣжденію, солнечное божество, дифференцировался въ Ζεὺς οὐράνιος или Ὀλύμπιος и въ Ζεὺς καταχθόνιος [2]). Лишь при та-

[1]) Этимъ объясняется, почему Гіакинѳъ въ нѣкоторыхъ разсказахъ (ср. выше стр. 61, съ прим. 3, и стр. 62), нашедшихъ отголосокъ и въ произведеніяхъ искусства (ср. выше стр. 58 сл., съ прим. 5), приводился также въ связь съ Зефиромъ. Это божество, какъ можно заключить уже изъ его названія, производящагося, по всей вѣроятности, отъ корня ζεφ- и означающаго, поэтому, „темный, затемняющій“ (ср. Sonne въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachf. X (1860) p. 123), первоначально, кажется, само олицетворяло собою заходящее (на западѣ) солнце и только впослѣдствіи сдѣлалось божествомъ дующаго съ запада вѣтра.

[2]) Извѣстно, что то же самое случилось и со многими другими солнечными или лунными божествами, напр., съ индійскимъ Іамою (Yama), съ божествомъ новоостровитянъ Mayu (Maui), съ Миносомъ, съ Персефоною, съ Перо и др. Ср. Uschold, Vorhalle II, 55 и 73. Sonne, „Charis“ въ Kuhn's Zeitschr. f. vergl. Sprachf., X (1860), p. 131 sq. H. D. Müller, Mythologie I, 160 sq. Siecke, Beiträge z. gen. Erkenntniss d. Mondgottheit bei d. Griechen, p. 13. Его же, Liebesgeschichte des Himmels, p. 108; 115; 124 и 126 nota *. Ehni, Der vedische Mythus des Yama (Strassb. 1890), въ особ. стр. 94 слл. — И владыка подземнаго царства Πλούτων или Ἅιδης, Ἀΐδης (=Невидимый) первоначально представлялъ собою ничто иное, какъ солнце, а именно зашедшее, невидимое солнце (ср. Sonne, l. c., и Воеводскаго, Введеніе въ миѳологію Одиссеи, стр. 10).—Чрезвычайно интереснымъ является въ этомъ отношеніи также названіе этрусскаго божества Sulsle nexse, въ которомъ Lattes (Saggi e appunti intorno all'iscrizione etrusca della Mummia, p. 128, и въ Rhein. Mus. N. F. vol. 49 (1894), p. 319) усматриваетъ „хтоническое солнце“ (буквально по латыни = „Solicula necisia“), получавшее, на ряду съ Zelvθ murś ś (=„Trivia mortuaria“), которая, какъ я полагаю, была первоначально лунною богинею, жертву (spurta) для мертвыхъ.

комъ предположеніи, нѣсколько модифицирующемъ мнѣнія Унгера и Эйманна о первоначальномъ значеніи Гіакинѳа, становится понятнымъ какъ соединеніе этого послѣдняго съ Аполлономъ вообще, такъ, въ особенности, то обстоятельство, что посвященный спеціально Гіакинѳу первый день Гіакинѳій отличался печальнымъ характеромъ, а слѣдующій непосредственно затѣмъ второй день этого праздника, посвященный Аполлону, носилъ на себѣ явную печать радостнаго торжества. Какъ подземное божество преимущественно и какъ гипостаза Аполлона Гіакинѳъ почитался въ Амиклахъ, гдѣ гробница его, имѣвшая, конечно, только символическое значеніе и помѣщавшаяся, въ видѣ жертвенника, подъ изображеніемъ воинственно-торжествующаго Аполлона, служила средоточіемъ того печальнаго культа, относившагося къ его смерти, который справлялся въ первый день Гіакинѳій: онъ состоялъ, между прочимъ, въ томъ, что, по всей вѣроятности, вечеромъ этого дня [1]) и передъ совершеніемъ жертвы Аполлону, приносимыя умершимъ или героямъ жертвы—ἐναγίσματα—клались въ гробницу Гіакинѳа черезъ мѣдную дверь, находившуюся, соотвѣтственно первоначальному солнечному значенію Гіакинѳа, на лѣвой сторонѣ ея [2]). Тѣмъ не менѣе и въ амиклейскомъ культѣ, какъ

[1]) Героямъ, какъ извѣстно, приносили жертвы обыкновенно вечеромъ, при заходѣ солнца. Ср. Schol. Pindar. Isthm. III, 110: ἔθος πρὸς δυσμὰς ἱερουργεῖν τοῖς ἥρωσι. Diog. Laert. VIII, 33: ἥρωσι θύειν ἀπὸ μέσης ἡμέρας. Etym. Mag. p. 468: ἀπὸ δὲ μεσημβρίας ἔθυον τοῖς καταχθονίοις. Согласно съ этимъ элейскія женщины чествовали и Ахиллеса, бывшаго, безъ сомнѣнія, первоначально солнечнымъ героемъ, при заходѣ солнца (Pausan. VI, 23, 3).

[2]) Pausan. III, 19, 3: τοῦ δὲ ἀγάλματος [sc. τοῦ Ἀπόλλωνος] τὸ βάθρον παρέχεται μὲν βωμοῦ σχῆμα, τεθάφθαι δὲ τὸν Ὑάκινθον λέγουσιν ἐν αὐτῷ, καὶ Ὑακινθίοις πρὸ τῆς τοῦ Ἀπόλλωνος θυσίας ἐς τοῦτον Ὑακίνθῳ τὸν βωμὸν διὰ θύρας χαλκῆς ἐναγίζουσιν· ἐν ἀριστερᾷ δέ ἐστιν ἡ θύρα τοῦ

это доказывается помѣщеннымъ, вѣроятно, на передней сторонѣ жертвенника изображеніемъ вознесенія Гіакинѳа и его сестры Полибеи къ небу, сохранились слѣды первоначальнаго почитанія Гіакинѳа и какъ небеснаго, надземнаго солнечнаго божества, и если тарентинская гробница Гіакинѳа называлась также гробницею Аполлона-Гіакинѳа, а во второй (и третій) день Гіакинѳій преимущественно почитался Аполлонъ, то этотъ Аполлонъ, собственно говоря, былъ миѳологически совершенно тождественъ съ почитавшимся въ предыдущій день Гіакинѳомъ и представлялъ собою ничто иное, какъ воскресшаго Гіакинѳа, т. е. восходящее вновь (послѣ захода) солнце.

Этотъ дуализмъ амиклейскаго культа, относившагося къ Гіакинѳу и Аполлону [1]), не является чѣмъ-то совершенно

βωμοῦ.—Съ этимъ описаніемъ Павсанія сравн. въ особенности упомянутую уже выше (стр. 59 сл., прим. 3) статью Trendelenburg'a Sull' altare di Giacinto in Amicle, напечатанную въ Bulletino dell'Inst. di corr. arch. 1871, p. 124 sqq., далѣе отчетъ Тзунты о находкахъ, сдѣланныхъ имъ при раскопкахъ на мѣстѣ древняго Ἀμυκλαῖον (Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική 1892, p. 1 sqq.), а также толкованіе Furtwängler'a (Meisterwerke der griech. Pastik, p. 689 sq.) и комментаріи Hitzig'a и Blümner'a къ Pausan. III, 19, 3 (въ ихъ изданіи этого автора, vol. I, 2 (Lpz. 1899), p. 831 sq.). - Какъ въ Амиклахъ (и въ Тарентѣ) почиталась гробница Гіакинѳа, такъ почитались въ другихъ мѣстахъ имѣвшія, конечно, также только символическое значеніе гробницы другихъ миѳическихъ существъ, мужескихъ и женскихъ, первоначально олицетворявшихъ собою солнце и луну, напр., Ахиллеса въ Элидѣ (Pausan. VI, 23, 3), Гектора въ Ѳивахъ (Pausan. IX, 18, 5), Акрисія въ Ларисѣ (Clemens Alex., Protrept. cap. III, 45 ed. Dindorf=p. 13 ed. Sylburg), Зевса на островѣ Критѣ (Callimach., Hymn. I (in Jovem), 8 sq.), Талоса на западномъ склонѣ аѳинскаго Акрополя (Pausan. I, 21, 6. Suidas, s. v. Πέρδικος ἱερόν. Ср. Mercklin, Die Talos-Sage u. d. sardonische Lachen. Petersburg 1851, p. 17 (53) sqq.), Менелая и Елены въ Ѳерапнѣ (Pausan. III, 19, 9), Гекаерги, Упиды и Арги на островѣ Делосѣ (Herodot. IV, 33. Ср. Clemens Alexandr., Protr. cap. III, 45 ed. Dindorf, = p. 13 ed. Sylburg) и др.

[1]) Встрѣчающійся въ Лаконіи въ видѣ культоваго изображенія Ἀπόλλων τετράχειρ и τετράωτος (ср. Zenob. I, 54. Diogen. I, 5. Apost. I, 93. Hesych. s. v. κυναχίας и κουρίδιον) есть, вѣроятно, Аполлонъ, соединенный съ Гіакинѳомъ въ одно лицо (ср. Sam Wide, Lakonische Kulte, p. 95).

исключительнымъ и рѣдкимъ въ исторіи греческой религіи, и нѣкоторую параллель къ нему, какъ указалъ уже Энманнъ [1]), представляетъ, напримѣръ, дельфійскій культъ Діониса и Аполлона [2]). Средоточіями этого послѣдняго, чрезвычайно древняго культа, относившагося въ одинаковой степени къ обоимъ божествамъ [3]), служили, съ одной стороны, гробница Діониса, помѣщавшаяся гдѣ то [4]) въ ἄδυτον пиѳійскаго святилища, вблизи треножника и золотой статуи Аполлона, затѣмъ и этотъ самый треножникъ Аполлона, а съ другой стороны—высоты Парнаса, гдѣ каждый второй годъ во время зимняго солнцеворота въ честь обоихъ божествъ происходило празднество, состоявшее въ томъ, что Θυιάδες рыскали тамъ ночью при свѣтѣ факеловъ, разбудивъ покоившагося въ своей гробницѣ Діониса (ἐγείρειν τὸν Λικνίτην—cf. Plutarch., De Isid. et Osir. 35 и Hymn. Orph. 53), а коллегія жрецовъ Аполлона, называемыхъ Ὅσιοι, приносила здѣсь жертвы тому же

[1]) Enmann, Kypros u. d. Urspr. des Aphroditekultus, p. 46 sqq. Ср. и Зѣлинскаго въ Журн. Мин. Нар. Пр. за августъ 1888 г., стр. 434 сл.

[2]) Другую аналогію къ амиклейскому культу Аполлона и Гіакинѳа (и Полибеи и, вѣроятно, также Артемиды) можно усматривать въ дельфійскомъ культѣ Аполлона и Неоптолема (погребеннаго подъ порогомъ храма Аполлона), въ которомъ важную роль играла также жрица Артемиды (ср. Heliodor., Aethiop. II, 35—36 и III, 1—5 и Schol. Pindar. Nem. VII, 62, а кромѣ того еще Sam Wide, Lakon. Kulte, p. 291 sqq.).

[3]) Plutarch., De Ei apud Delphos c. 9: Διονύσῳ τῶν Δελφῶν οὐδὲν ἧττον ἢ τῷ Ἀπόλλωνι μέτεστιν. О томъ же самомъ свидѣтельствуютъ и Луканъ (Phars. V, 73 sq.—см. ниже на стр. 78, съ прим. 3) и Павсаній, X, 32, 7, а Menander rhetor (vol. IX, p. 330 Walz) говоритъ даже слѣдующее: Διόνυσον Θηβαῖοι, Δελφοὶ δὲ διπλῇ προσηγορίᾳ τιμῶσιν, Ἀπόλλωνα καὶ Διόνυσον λέγοντες.

[4]) См. разнорѣчивыя указанія древнихъ, приведенныя Энманномъ (Kypros, стр. 75, прим. 1) и критически оцѣненныя Роде (Psyche, p. 123 sq., прим. 3).

Діонису [1]). Повидимому, послѣдній игралъ въ Дельфахъ приблизительно такую же роль, какую, согласно вышеизложенному, игралъ Гіакинѳъ въ Амиклахъ, и отношенія обоихъ къ Аполлону были весьма сходны. Дуалистическое единство, которымъ отличалось почитаніе Діониса и Аполлона въ Дельфахъ, обнаруживается уже въ томъ, что на западномъ фронтонѣ пиѳійскаго храма былъ изображенъ Діонисъ, котораго окружаютъ Θυιάδες при заходящемъ солнцѣ, а на восточномъ Аполлонъ, котораго окружаютъ Музы съ Артемидою и Латоною [2]), и что такимъ же образомъ изъ двухъ высотъ посвященнаго обоимъ божествамъ Парнаса, по всей вѣроятности, какъ можно предположить на основаніи словъ Лукана [3]), западная высота была посвящена спеціально Діонису, а восточная спеціально Аполлону.—Послѣ убѣдительныхъ доказательствъ, приведенныхъ въ особенности Велькеромъ [4]), не можетъ быть больше сомнѣнія въ томъ, что первоначально Діонисъ олицетворялъ собою солнце, и именно зашедшее, ночное или подземное солнце [5]), и потому уже рано сдѣлался, между прочимъ, и хтоническимъ божествомъ, въ качествѣ котораго онъ и получилъ прозвища владыки подземнаго царства Аида,—

---

[1]) Подробности дельфійскаго культа см., напр., у Voigt'a въ Roscher's Ausf. Lexikon d. gr. u. röm. Mythol. I, 1, p. 1043 sq., s. v. Dionysos, и у Preller-Robert'a, Griech. Myth. I⁴, 686 sq.

[2]) Pausanias X, 19, 3. Cp. Welcker, Alte Denkm. I, 151 sqq.

[3]) Lucan. V, 71 sqq. (ed. Hosius):

Hesperio tantum, quantum summotus eoo,
Cardine Parnasos gemino petit aethera colle,
Mons Phoebo Bromioque sacer, cui numine mixto
Delphica Thebanae referunt trieterica Bacchae.

[4]) Welcker, Griech. Götterl. I, 429 sqq. и II, 622.

[5]) Ср. Макробія, утверждающаго, по примѣру Аристотеля, первоначальное тождество Діониса и Аполлона и приводящаго въ пользу этого мнѣнія слѣдующій доводъ (Saturn. I, 18, 8): in sacris enim haec religiosi arcani observatio tenetur, ut *sol* cum in *supero*, id st in *diurno* hemisphaerio est, Apollo vocitetur, cum in *infero*, id est *nocturno*, Dionysus, qui est Liber pater, habeatur.

Ἰσοδαίτης, Ζαγρεύς и Εὐβουλεύς. На сходство ѳрако-дельфійскаго бога-героя Діониса съ Гіакинѳомъ указываетъ и одно изъ прозвищъ перваго, Ὗης или Ὗας или Ὑεύς (ср. Stoll въ Roscher's Ausf. Lexicon d. gr. u. röm. Myth. I, 2, p. 2771, s. v. Hyes), которое по своему производству и значенію, какъ мы уже видѣли (стр. 63 сл., прим. 1), вѣроятно, весьма близко подходитъ къ имени амиклейскаго бога-героя Ὑάκινθος [1]).

Въ какомъ бы внутреннемъ родствѣ, однако, ни состоялъ дельфійскій культъ съ амиклейскимъ, послѣдній отличался отъ перваго тѣмъ, что его дуалистическій характеръ выражался не только въ противопоставленіи другъ другу Аполлона и его хтоническаго двойника или гипостазы, но и въ противопоставленіи другъ другу женской πάρεδρος Аполлона, а именно его сестры Артемиды, и хтонической гипостазы послѣдней, Полибеи. Что въ Амиклахъ Артемида почиталась на ряду со своимъ братомъ и также играла какую-то роль при Гіакинѳіяхъ, можно заключать, во 1) изъ того, что изображеніе этой богини, такъ называемой Ἄρτεμις λευκοφρυηνή, сдѣланное Ваѳикломъ, находилось въ амиклейскомъ храмѣ вблизи изображенія самого Аполлона [2]). во 2) изъ того, что, какъ доказываетъ культъ богини Ἄρτεμις Ἰαχυνδοτρόφος въ лакедемонской колоніи Книдѣ [3]), перенесенный туда, безъ сомнѣнія, изъ Амиклъ, Артемида приводилась въ тѣсную связь съ Гіакинѳомъ также въ послѣднемъ городѣ, и въ 3) изъ того, что при Гіакинѳіяхъ, очевидно для прославленія дѣвственной бо-

---

[1]) На близкое родство Діониса и Гіакинѳа указываетъ также то обстоятельство, что при Гіакинѳіяхъ, какъ свидѣтельствуетъ Макробій (Saturn. I, 18, 2), плющъ игралъ такую же роль, какъ и въ культѣ Діониса.

[2]) См. Pausanias III, 18, 9.

[3]) О храмѣ ея въ Книдѣ см. Newton, Discoveries of Halicarnassos II, 28, 52 и Le Bas, Inscriptions III, 1572. Въ честь ея праздновались тамъ Ἰαχυνδοτρόφια (см. Bull. de corr. hell. VII (1883), 485). Эпиграфическая форма прозвища Ἰαχυνδοτρόφος (см. Collitz, Dial.-Inschr. III, 3501, 3502 и 3512), конечно, испорчена изъ Ὑακινθοτρόφος.

гини, немаловажную роль играли также дѣвицы [1]).—Точно такимъ же образомъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что, наряду съ Гіакинѳомъ, въ Амиклахъ почиталась и умершая въ дѣвичествѣ сестра его Полибея, которая на амиклейскомъ жертвенникѣ, какъ мы уже видѣли, изображена была вмѣстѣ со своимъ братомъ возносящеюся изъ подземнаго царства къ небу, и прахъ которой, по вѣрованію амиклейцевъ, покоился, вѣроятно, въ такой же гробницѣ, — находившейся, должно быть, подъ изображеніемъ Артемиды,—какая приписывалась Гіакинѳу—подъ изображеніемъ Аполлона [2]). Въ совершенномъ согласіи съ этимъ предположеніемъ находится подтверждающее его свидѣтельство Гесихія [3]), что Πολύβοια· θεός τις, ὑπ᾽ ἐνίων μὲν Ἄρτεμις, ὑπὸ δὲ ἄλλων Κόρη. Двойное значеніе, которое Полибея соединяла въ себѣ по этому свидѣтельству, и согласно которому она, съ одной стороны, отождествлялась съ небесною или олимпійскою богинею Артемидою, а съ другой стороны, съ подземною или хтоническою богинею Корою, то-есть Персефоною, не только обусловливаетъ и подтверждаетъ доказанное нами также другими доводами сходство брата Полибеи Гіакинѳа, съ одной стороны, съ Аполлономъ, а съ другой, съ Плутономъ, но и служитъ доказательствомъ того, что подобно тому, какъ Гіакинѳъ, согласно выше изложенному, сначала былъ солнечнымъ божествомъ и изъ такого развился въ подземное божество и въ героя, такъ и Полибея первоначально была лунною богинею [4]) и только въ качествѣ таковой и подобно, напримѣръ, ѳракійской богинѣ Βένδις и греческимъ

[1]) См. Athen. IV, 17 p. 139 f (прим. 1 на стр. 51).

[2]) И Энманнъ (Kypros, p. 36) приходитъ къ заключенію, что въ Амиклахъ находилась гробница Полибеи. Съ нимъ соглашается также Зѣлинскій въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за августъ 1888 г., стр. 431.

[3]) Hesychii Lexicon, ed. Alberti (Lugd. Bat. 1746), vol. II, col. 996.

[4]) Въ томъ, что Артемида, съ которой Полибея отождествлялась съ одной стороны, первоначально была только лунною богинею, не сомнѣвается нынѣ ни одинъ изъ здравомыслящихъ миѳологовъ.

богинямъ Персефонѣ, Гекатѣ и другимъ, олицетворявшимъ прежде луну, сдѣлалась со временемъ подземною богинею [1]).— Такимъ образомъ мы видимъ, что необыкновенное, на первый взглядъ, соединеніе почитанія небесныхъ и подземныхъ бо-

[1]) Такою же подземною богинею была и Μελίβοια, которую Ласъ Герміонскій прямо отождествляетъ съ Персефоною (см. Bergk, Poet. lyr. gr. III⁴, 376. Ср. K. O. Müller, Die Dorier I², 357). Не только по своему имени, но и по своей генеалогіи она какъ нельзя ближе подходитъ къ Πολύβοια, такъ какъ по преданію, приведенному аргивской поэтессою Телесиллою (fr. 5, см. Bergk, Poet. lyr. gr. III⁴, 380 sq.) и сохранившемуся до насъ у Павсанія (II, 21, 9) и Аполлодора (III, 5, 6, 4), она была дочерью Ніобы и сестрою Амикла, отца Гіакинѳа и Полибеи. Впослѣдствіи, какъ разсказываетъ Павсаній (l. c.), Μελίβοια получила названіе Χλωρίς, а Χλωρίς, какъ извѣстно, идентична съ Персефоною (ср. H. D. Müller, Mythol. I, 160). Если такимъ образомъ роль Полибеи, какъ подземной богини, то-есть тождество ея съ владычицею подземнаго царства не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, то вмѣстѣ съ тѣмъ приведенныя только-что отождествленія ея съ Μελίβοια и Χλωρίς даютъ намъ новое доказательство того, что эта роль подземной богини развилась изъ роли лунной богини. Самое названіе Χλωρίς, то-есть „Блѣдная“, указываетъ на лунное значеніе, которое первоначально имѣла эта миѳическая личность, происходившая отъ Ніобы (или отъ Персефоны), то-есть отъ другой лунной богини и отъ солнечнаго бога Амфіона (ср. Siecke, Liebesgesch. des Himmels, p. 123 sq.). Съ Полибеей же мы должны дальше сопоставить и Дафну, которая, согласно одному преданію, записанному Парѳеніемъ (Erot. XV) со словъ элегическаго поэта Діодора Элейскаго и романиста Филарха (fragm. 33, см. Frag. Hist. Gr. I, 342. cf. Plutarch., Agis 9, 3), была дочерью лакедемонянина Амикла и потому является сестрою Полибеи и Гіакинѳа. Общеизвѣстные миѳы объ этой Дафнѣ, разсказывающіе о любви къ ней солнечнаго героя Левкиппа (—съ Геліосомъ отождествляютъ Левкиппа теперь и Maass въ Gött. gel. Anz. 1890, p. 346 n. 1, затѣмъ Sam Wide, Lakon. Kulte, p. 123 и 160 sq., Kuhnert въ Roscher's Lexikon d. Myth. II, p. 1992, s. v. Leukippiden, и даже Roscher въ Nachträge zu meinem Buche Ueber Selene u. Verwandtes (Wurzener Gymn.-Programm 1895), p. 20—) и солнечнаго бога Аполлона, не могутъ, по моему, оставлять сомнѣнія въ томъ, что Дафна первоначально была лунною богинею. На такое значеніе

жествъ мужескаго и женскаго пола, отличавшее амиклейскій культъ, объясняется на самомъ дѣлѣ весьма просто тѣмъ, что первоначальными предметами почитанія въ Амиклахъ были солнце и луна, какъ естественные владыки не только надземнаго, но и подземнаго міра.

Если при этомъ миѳическіе представители перваго изъ указанныхъ свѣтилъ первоначально олицетворяли собою только *дневное* и *ночное* „обращеніе“ солнца, какъ оно представлялось глазамъ людей, стоявшихъ еще на низкой ступени культуры, то со временемъ, конечно, кругъ дѣятельности ихъ расширился [1]), и они стали олицетворять собою и *годовое* обра-

---

Дафны указываетъ и ея имя, производящееся отъ корня du-, dav-, „горѣть“ (ср. Vanicek, Griech.—lat. etym. Wört. p. 366 sq.) и означающее „Горящая“. Ошибочно Max Müller (Vorlesungen II, 533 и Essays 82) усматриваетъ въ Дафнѣ утреннюю зарю.—Совершенно же невѣроятнымъ и несогласнымъ съ законами образованія миѳовъ я считаю мнѣніе Boetticher'a (Baumkultus, p. 338 sqq.), Rohde (Psyche, p. 193 и 346) и Roscher'a (l. c., p. 3), что Дафна была „древнею богинею подземнаго оракула“ (!). И имя Πολύβοια, означающее „Богатая быками, или рогатымъ скотомъ“, вполнѣ подходитъ къ богинѣ луны, которая въ древнихъ миѳахъ не только грековъ, но и другихъ народовъ (—см. Grimm, Deutsche Mythol. III⁴, p. 210. Friedreich, Die Weltkörper in ihrer mythisch-symbolischen Bedeutung, p. 248, § 158. Schwartz, Die poet. Naturansch. d. Griech., Röm. u. Deutschen. I. Sonne, Mond u. Sterne p. 66. Léon Sichler, Devinettes russes, въ Rev. des tradit. popul. I, p. 118. Veckenstedt, въ Zeitschr. f. Volkskunde IV, p. 109 sq. Wellhausen, Skizzen u. Vorarb. III, p 158. Ralston, Songs of the Russian People², p. 350—) является, между прочимъ, обладательницею или пастушкою большихъ стадъ, то-есть звѣздъ. Сходныя же или идентичныя съ Πολύβοια по имени и по существу миѳическія личности мы должны усматривать и въ Μελίβοια, Περίβοια или Ἐρίβοια, Ἀλφεσίβοια и Εὔβοια. Всѣ онѣ были первоначально лунными существами.

[1]) На это расширеніе значенія солнца, какъ измѣрителя времени, указываетъ, напримѣръ, Овидій въ слѣдующемъ удачномъ описаніи персонификацій, окружающихъ Феба (Metam. II, 25 sqq.):

A dextra laevaque Dies et Mensis et Annus
Saeculaque et positae spatiis aequalibus Horae
Verque novum stabat etc.

щеніе солнца, при чемъ амиклейскій Гіакинѳъ, также какъ и дельфійскій Діонисъ, являлся олицетвореніемъ умершаго или прошедшаго солнечнаго года, а Аполлонъ олицетвореніемъ наступающаго, новаго. Подъ вліяніемъ такого совершенно естественнаго расширенія первоначальныхъ ролей Гіакинѳа и Аполлона установилось и время года, въ которое ихъ особенно почитали въ Амиклахъ и учредили въ ихъ честь празднество Гіакинѳій. Какъ мы уже видѣли, это было время лѣтняго солнцеворота, приходившееся, согласно обычному у древнихъ приблизительному исчисленію [1]), въ соотвѣтствовавшій аттическому Θαργηλιῶνι или юліанскому маю—іюнѣ спартанскій мѣсяцъ Ἑκατομβεύς. Додорійское населеніе Пелопоннеса, отъ котораго лаконяне переняли амиклейскій культъ, очевидно, начинало свой годъ не съ осенняго равноденствія, какъ дѣлали эти послѣдніе, а также не съ зимняго солнцеворота, какъ дѣлали, напримѣръ, древнѣйшіе жители Дельфъ, учредившіе совмѣстный культъ Діониса и Аполлона, а съ лѣтняго солнцеворота, какъ то дѣлали жители Аттики и другія греческія племена [2]).

---

[1]) Греческій народъ, какъ извѣстно, усматривалъ въ поворотахъ солнца не какіе-то, съ точностью опредѣленные и, такъ сказать, разрозненные предѣлы двухъ различныхъ временъ, а цѣлые періоды неизвѣстной длины, названіе которыхъ онъ, поэтому, и употреблялъ только во множественномъ числѣ—τροπαί, подобно названію полуночи (μέσαι νύκτες); по мнѣнію простонародія солнце стояло около 40 дней (Gemin. Elem. p. 93 Altorf). Ср. A. Mommsen, Heortologie p. 102.

[2]) И у другихъ народовъ находятся слѣды существовавшаго у нихъ празднованія лѣтняго поворота солнца, какъ конца стараго солнечнаго года и начала новаго. Ср., напримѣръ, прекрасное изслѣдованіе Hillebrandt'a, Die Sonnwendfeste in Alt-Indien (въ Vollmöller's Romanische Forschungen V (1890), p. 299—340, въ особ. p. 312 sqq.—О связи, существующей между Гіакинѳомъ и лѣтнимъ поворотомъ солнца, догадались, кромѣ Эманна (Kypros, p. 51), даже нѣкоторые изъ тѣхъ миѳологовъ, которые въ Гіакинѳѣ усматриваютъ олицетвореніе гибнущей отъ солнечнаго зноя растительности. Ср., напримѣръ, Hahn, Sagwissensch. Studien, p. 27; 409 и 583.

Если мы теперь вернемся къ Тарентинскимъ или секулярнымъ играмъ древнихъ римлянъ, чтобы продолжать начатое нами выше сравненіе этихъ игръ съ амиклейскими (или тарентинскими) Гіакинѳіями, существенное и первоначальное значеніе которыхъ мы только что постарались установить, то мы увидимъ, что римское празднество отличалось такимъ же соединеніемъ почитанія подземныхъ и небесныхъ божествъ, какъ греческое, и что игравшія на римскихъ секулярныхъ играхъ первенствующую роль божества Дитъ и Прозерпина, съ одной стороны, и Аполлонъ и Діана съ другой, вполнѣ соотвѣтствуютъ выше разсмотрѣннымъ нами греческимъ божествамъ, игравшимъ первенствующую роль на Гіакинѳіяхъ, то-есть Плутону-Гіакинѳу и Персефонѣ-Полибеѣ съ одной стороны, и Аполлону-Гіакинѳу и Артемидѣ-Полибеѣ съ другой. Это соотвѣтствіе является самымъ вѣскимъ и убѣдительнымъ доказательствомъ того близкаго родства, существовавшаго между этими двумя празднествами, предположить которое, какъ нѣчто въ высшей степени вѣроятное, насъ уже выше побудила цѣлая масса другихъ сходствъ, обнаруженныхъ нами между ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это соотвѣтствіе служитъ намъ новымъ подтвержденіемъ предложеннаго нами выше объясненія значенія Гіакинѳій, такъ какъ, по опредѣленному свидѣтельству не только Горація, но и сивиллина оракула, относящагося къ секулярнымъ играмъ, почитавшіяся при этихъ играхъ божества Аполлонъ и Діана отождествлялись съ „блестящимъ украшеніемъ неба“ то-есть, съ небесными свѣтилами Солнцемъ (Ἥλιος, Sol) и Луною (Luna) [1]), а извѣстный подъ именемъ Псевдо-Акрона комментаторъ Горація (ad carm. saec. 21) говоритъ даже, что секулярныя игры праздновались въ теченіе трехъ дней и ночей для почитанія солнца днемъ, а луны ночью.

[1]) Carmen Sibyllinum (Phlegon, Macrob. 4 и Zosimus II, 6), v. 16 sq.:

καὶ Φοῖβος Ἀπόλλων,
ὅστε καὶ ἠέλιος κικλήσκεται κ. τ. λ.

Horat., carm. saec. 1 sq.: Phoebe, silvarumque potens Diana,
Lucidum coeli genus, etc.

Ibidem 9 sqq. Alme *Sol*, curru nitido diem qui
Promis et celas, aliusque et idem
Nasceris etc.

Ibidem 36 sq. *Siderum regina bicornis*, audi,
Luna, puellas.

Съ этими стихами сравн. также слова Горація въ од. IV, 6, 38, гдѣ почитавшаяся при секулярныхъ играхъ Діана называется „noctiluca“. Не безъинтересно будетъ указать здѣсь далѣе и на то, что на крышѣ сооруженнаго Октавіаномъ палатинскаго храма Аполлона, въ которомъ на третій день секулярныхъ игръ, праздновавшихся въ 737/17 году, хоры мальчиковъ и дѣвушекъ пѣли сочиненный Гораціемъ гимнъ въ честь Аполлона и Діаны, по свидѣтельству Проперція (III, 29, 11 ed. Müller), помѣщалось изображеніе стоящаго на колесницѣ Солнца (Sol), и что такимъ же изображеніемъ Солнца украшенъ панцырь знаменитой статуи Августа, которая въ 1863 году была найдена въ Prima Porta близь Рима, панцырные рельефы которой имѣютъ несомнѣнное отношеніе къ почитавшимся при секулярныхъ играхъ 737/17 г. божествамъ.— Затѣмъ я считаю въ высшей степени вѣроятнымъ, что въ тѣсной связи съ культомъ Діаны-Луны, игравшимъ, вмѣстѣ съ культомъ Аполлона-Солнца, самую выдающуюся роль при секулярныхъ играхъ, находились и тѣ священныя числа три и девять, а въ умноженіи двадцать семь, которыя намъ встрѣчаются въ разныхъ обрядахъ культа секулярныхъ игръ и въ особенности въ двойномъ хорѣ, пѣвшемъ секулярный гимнъ въ честь Аполлона и Діаны и состоявшемъ изъ трижды девяти (τρὶς ἐννέα) мальчиковъ и трижды девяти дѣвушекъ: эти числа, получившія со временемъ большое значеніе въ обрядахъ всякаго культа умершихъ вообще (см., въ особ., Diels, Sibyllinische Blätter, p. 40 sqq. и Rohde, Psyche, p. 213 sq.), соотвѣтствуютъ, какъ указалъ уже Siecke (Liebesgesch. des Himmels, p. 44 sqq.), съ одной стороны количеству фазъ луны, а съ другой количеству дней, входящихъ въ составъ какъ каждой отдѣльной изъ этихъ (трехъ) фазъ луны, то-есть 9 дней, такъ и всѣхъ фазъ вмѣстѣ взятыхъ, то-есть 27 дней.—Указанное первоначальное значеніе чиселъ 3, 9 и 27 должно быть усматриваемо, по моему, также въ встрѣчающемся въ fasti Philocali (ср. C. I. L. I², p. 276) подъ 2 ноября обозначеніи Ter Novena, Dies Aegyptiacus, которое такъ же, какъ и обозначеніе Hilaria, встрѣчающееся тамъ же подъ 3 ноября, несом-

Тѣсное родство, въ которомъ Тарентинскія или секулярныя игры римлянъ состояли съ (амиклейскими) тарентинскими Гіакинѳіями, обнаруживается, наконецъ, еще двумя другими сходствами, существовавшими между обоими празднествами: во-первыхъ, мы видимъ, что подобно тому, какъ на амиклейскомъ жертвенникѣ въ числѣ божествъ, окружавшихъ

нѣнно (ср. Mommsen въ C. I. L. I², p. 333 sq. и Preller-Jordan, Röm. Mythol. II³, 382, 4) указываетъ на многодневное празднество, справлявшееся тогда въ Римѣ въ честь Изиды и Озириса и носившее (согласно Menologium rusticum Colatianum и Menologium rusticum Vallense, см. C. I. L. I², p. 281) также названіе „Heuresis“. Хотя мы не въ состояніи точнѣе указать, почему одинъ изъ указанныхъ дней этого празднества обозначался терминомъ Ter Novena, но, по моему, не можетъ подлежать сомнѣнію, что такой терминъ находится въ связи съ первоначальнымъ лунным значеніемъ богини Изиды, ищущей Озириса, т. е. солнца, и находящей его, т. е. соединяющейся съ нимъ (во время конъюнкціи) послѣ долгой (27-дневной) разлуки, во время которой она тщетно искала его (т. е. слѣдовала за нимъ на небѣ).—Въ такомъ же отношеніи къ лунѣ и ея 27-дневному періоду находится также встрѣчающееся столь часто въ русскихъ народныхъ сказкахъ выраженіе „за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ“.

Возвращаясь къ секулярнымъ играмъ римлянъ, я не могу не придавать большого значенія и тому обстоятельству, что празднованіе ихъ (по крайней мѣрѣ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, при Августѣ, а также, повидимому, въ позднѣйшія времена) начиналось Kalendis Iuniis, то-есть, перваго числа іюня мѣсяца. Календы, какъ извѣстно, считались тѣмъ днемъ мѣсяца, когда, благодаря конъюнкціи (σύνοδος) солнца и луны, зарождается новая луна (а также новое солнце), и потому этотъ день былъ посвященъ божествамъ, олицетворявшимъ собою эти небесныя свѣтила (ср. Roscher, Studien z. vergl. Myth. d. Gr. u. Röm. I. Apollon u. Mars, p. 25 sqq. и въ особ., Ueber Selene u. Verwandtes, p. 77 sqq.). Даже по обыкновенному годовому календарю римлянъ на первое іюня приходился праздникъ Марса и Юноны (cf. Ovid., Fasti VI, 183 sqq. и 191 sqq.), то-есть, такихъ божествъ, первоначальное солнечное и лунное значеніе которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію (ср. Roscher, Stud. z. vergl. Myth. d. Gr. u. Röm. I. Apollon u. Mars. p. 27 sq. II. Iuno u. Hera, p. 22 sq.).

Гіакинѳа (и Полибею), были изображены не только Πλούτων и Κόρη, но и Δημήτηρ и Μοῖραι [1]), изъ чего можно заключить, что и эти божества играли какую-то роль въ амиклейскомъ культѣ и что ихъ тоже почитали при Гіакинѳіяхъ,—такъ и при секулярныхъ играхъ (по крайней мѣрѣ Августовыхъ и позднѣйшихъ временъ) приносились жертвы, кромѣ другихъ божествъ, также Землѣ и Паркамъ [2]); во вторыхъ, мы видимъ, что, подобно тому, какъ въ Амиклахъ (и въ Тарентѣ) средоточіемъ или исходнымъ пунктомъ празднества Гіакинѳій былъ помѣщавшійся подъ изображеніемъ Аполлона жертвенникъ, подъ которымъ, по народному вѣрованію, покоился Гіакинѳъ, какъ въ гробницѣ, и у котораго въ первый день праздника Гіакинѳій, начинавшійся, безъ сомнѣнія, съ ночи [3]), прежде всего приносились подземныя жертвы (ἐναγίσματα) Гіакинѳу,—такъ и при Тарентинскихъ или секулярныхъ играхъ римлянъ исходнымъ пунктомъ или средоточіемъ культа служилъ жертвенникъ — ara Ditis et Proserpinae, — который въ непраздничное время былъ глубоко зарытъ въ землѣ и потому, очевидно, считался одновременно и гробницею, и у котораго

[1]) Pausan. III, 19, 4.—Неизвѣстно, почитались ли при Гіакинѳіяхъ также Горы, Афродита, Аѳина и Артемида, изображенія которыхъ помѣщались на амиклейскомъ жертвенникѣ на ряду съ изображеніями выше названныхъ божествъ.

[2]) Паркамъ (какъ ихъ называетъ Горацій, carm. saec. 25) или Мойрамъ (Μοῖραι, Moerae, какъ ихъ называютъ и carm. Sibyll. v. 8 и commentaria lud. saec. V (v. 92) et VII (fragm. III, v. 52) и Zosimus II, 5, 2) посвящена была первая ночь секулярныхъ празднествъ, Землѣ же, то-есть Terra mater (какъ она называется въ Commentaria lud. saec. V, v. 136), или Tellus и Ceres (какъ она называется у Горація, carm. saec. 29—30), или Γαῖα (какъ она называется въ carmen Sibyll., v. 10) или, наконецъ, Δημήτηρ (какъ она называется у Зосима II, 5, 2)—третья ночь.

[3]) Такъ можно заключать уже изъ того обстоятельства, что по представленію древнихъ грековъ (какъ многихъ народовъ) день начинался съ захода солнца и кончался имъ же (νυχθήμερον); ср. Hahn, Sagwiss. Studien, p. 404, 437 и 619, а также выше, примѣчаніе 1 на стр. 75.

во время секулярныхъ игръ первыя жертвы приносились также въ честь подземныхъ божествъ послѣ захода солнца (νὺξ ἡνίκα γαίαν ἐπέλθῃ, ἠελίου κρύψαντος ἐὸν φάος—какъ выражается сивиллинъ оракулъ, v. 6 sq.), въ ночь, предшествовавшую каждому изъ трехъ дней празднества [1]). Согласно си-

[1]) Эта подземная гробница съ алтаремъ, посвященнымъ Диту и Прозерпинѣ, напоминаетъ собою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также такъ называемый mundus въ Римѣ, то-есть, какъ свидѣтельствуютъ Катонъ (у Феста, p. 157 ed. Müller, s. v. mundus; cp. Pauli exc., p. 156), Варронъ (у Макробія, Saturn. I, 16, 18), Овидій (Fasti IV, 821 sqq.), Плутархъ (Romulus 11), Павелъ Діаконъ (s. v. Manalem lapidem, p. 128 M.) и др. (ср. Steuding въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth. II, p. 249 sqq., s. v. Inferi), посвященную тѣмъ же подземнымъ божествамъ и имѣвшую видъ небеснаго свода глубокую яму, отверстіе которой, закрытое въ обыденное время такъ называемымъ lapis manalis, открывалось только въ извѣстные дни, когда души умершихъ изъ подземнаго царства, какъ полагали римляне, стремились наверхъ къ свѣту. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что связанный съ этимъ mundus культъ умершихъ тоже развился изъ болѣе древняго и, такъ сказать, первоначальнаго культа, который воздавался почитавшемуся, вѣроятно, подъ видомъ камня (lapis manalis, то-есть, какъ я полагаю, „разливающійся" или „свѣтящійся" камень, ср. Pauli exc. p. 159 s. v. manare solem dicebant antiqui) солнцу, какъ божеству, заходящему съ надземнаго небеснаго свода въ темное подземное царство и этимъ своимъ заходомъ или удаленіемъ достигающему того, что звѣзды, съ которыми впослѣдствіи смѣшивались человѣческія души (ср. особ. Воеводскаго, Введеніе въ миѳологію Одиссеи, I, p. 56 sqq.), получившія, вслѣдствіе такого миѳическаго представленія, свое мѣстопребываніе *на* (то-есть собственно и первоначально, какъ звѣзды, *при*) лунѣ (ср. Drexler въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth. II, p. 2768 sq., s. v. Men), всходятъ изъ (ночнаго-подземнаго) мрака. — Интересно, что именно возлѣ упомянутаго mundus, имѣвшаго такой же жертвенникъ, посвященный Диту и Прозерпинѣ, какъ и помѣщавшееся на Марсовомъ полѣ Tarentum, гдѣ происходили ночныя жертвоприношенія секулярныхъ игръ, возвышался воздвигнутый Октавіаномъ палатинскій храмъ Аполлона (ср., напримѣръ O. Gilbert, Gesch. u. Topogr. d. Stadt Rom im Alt., I, 99 sq. и Richter, Topogr. v. Rom., въ Jw. Müller's Handbuch d. klass. Alt.-Wiss. III, 827), въ которомъ

виллинымъ книгамъ, предписавшимъ въ 505/249 году учрежденіе Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, римляне должны были выкапывать упомянутый жертвенникъ, напоминавшій собою гробницу, каждыя сто лѣтъ съ тѣмъ, чтобы „хоронить" (condere) въ этой гробницѣ тотъ столѣтній періодъ времени, который они тогда — какъ мы видѣли, по примѣру этрусковъ— принимали за длиннѣйшій срокъ жизни одного человѣческаго поколѣнія (saeculum).

Выше мы показали, что, такъ какъ древнѣйшія представленія людей о времени исходили изъ зрѣлища ежедневнаго обращенія солнца и въ особенности тѣхъ моментовъ его (вечера и утра), которые считались ежедневною смертью и ежедневнымъ рожденіемъ (или воскресеніемъ) небеснаго свѣтила [1]), то возникшіе согласно этимъ представленіямъ миѳическіе разсказы, подобные объясненному нами миѳу о Гіакинѳѣ и Аполлонѣ, вызвали культовые обряды отчасти печальнаго, отчасти радостнаго характера, которые должны были символически изображать какъ ежедневную смерть, такъ и ежедневное рожденіе (или воскресеніе) солнца.—Дальше мы видѣли, что эти же самыя представленія скоро расширились, что кромѣ ежедневныхъ обращеній солнца показателемъ времени сдѣлались так-

въ третій день секулярныхъ игръ 737/17 года, по окончаніи всѣхъ ночныхъ обрядовъ, приносили жертвы и пѣли торжественный гимнъ въ честь Аполлона—Солнца и Діаны—Луны.

[1]) О значеніи солнца какъ показателя и распорядителя времени см., напримѣръ, Welcker, Griech. Götterl. I, 466—469; Gerhard, Mythol. d. Gr. § 308 и Roscher, Stud. z. vergl. Myth. d. Gr. u. Röm. I. Apollon u. Mars, p. 20 sq. Ни эти ученые, однако, ни другіе не обратили должнаго вниманія на то, что наименьшею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, важнѣйшею единицею времени, какая показывается солнцемъ первобытному человѣку, долженъ былъ представляться солнечный день, и что къ этому дневному обращенію солнца, и въ особенности къ его началу (или рожденію солнца) и къ его концу (или смерти солнца) должно было относиться наибольшее количество возникшихъ уже рано солнечныхъ миѳовъ и соотвѣтствующихъ имъ религіозныхъ обрядовъ.

же годовыя обращенія его, и что, согласно съ этимъ, вышеупомянутые культовые обряды стали относиться къ смерти и погребенію, то-есть къ концу стараго, и къ рожденію или началу новаго годоваго солнца (или года) и вслѣдствіе этого изъ ежедневныхъ сдѣлались ежегодными.

Если мы теперь примемъ все это въ соображеніе, то для насъ станетъ легко объяснимымъ тотъ фактъ, что со временемъ подобные культовые обряды стали соблюдаться и по отношенію къ болѣе длиннымъ періодамъ времени, опредѣляемымъ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ солнечныхъ лѣтъ и имѣющимъ какое-нибудь значеніе въ жизни людей, и что, подобно тому, какъ сперва хоронили умершій, то-есть кончившійся, солнечный день, а затѣмъ и солнечный годъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привѣтствовали и освящали рождающійся новый солнечный день, а затѣмъ и солнечный годъ, такъ впослѣдствіи начали хоронить и болѣе длинный періодъ времени, какъ напримѣръ у римлянъ четырехлѣтній періодъ—lustrum condere—и считавшійся длиннѣйшимъ срокомъ жизни одного человѣческаго поколѣнія столѣтній періодъ—saeculum condere [1]).

---

[1]) На религіозные обряды, имѣвшіе символическое значеніе погребенія какого нибудь прошедшаго періода времени, первый обратилъ вниманіе Usener въ выдающейся статьѣ своей Italische Mythen, напечатанной въ Rhein. Mus. XXX (1875), p. 194 sqq. При этомъ, однако, Узенеръ упустилъ изъ виду, что возникновеніе всѣхъ этихъ обрядовъ можетъ быть объяснено только при томъ предположеніи, что прототипомъ ихъ служило, такъ сказать, естественное погребеніе ежедневно умирающаго, то-есть заходящаго солнца, и что встрѣчающіяся у римскихъ писателей выраженія condere solem или condere diem („хоронить солнце или день")—ср. въ особ. Vergil., Ecl. 9, 51 sq.: saepe ego longos cantando puerum memini me condere soles; Georg. I, 438 sq.: sol quoque et exoriens et cum se condet in undas, signa dabit; Georg. I, 457: cum referetque [sc. sol] diem condetque relatum; Horat., Carm. IV, 5, 29: condit quisque diem collibus in suis, и въ особ. Macrobius, Comment. in Somn. Scip. I, 20, 30: Conversio caelestis hemisphaerii peractis horis duodecim diem condit; ср., наконецъ, и Papin. Stat., Theb. X, 54; Sil. Ital. IV, 482 и Plinius, Epist. IX, 36, 4 и Panegyr. c. 80 extr.—, хотя и

„Хороня" этотъ столѣтній періодъ, римляне символически хоронили и жившее въ немъ человѣческое поколѣніе и заключеніемъ его въ могилу вызывали, такъ сказать, или привѣтствовали и освящали новое поколѣніе или „столѣтіе". Всѣ соблюдаемые при этомъ обряды имѣли именно такой смыслъ и обнаруживали, съ одной стороны, характеръ заключающихъ и искупающихъ старое saeculum, а съ другой стороны характеръ вводящихъ и освящающихъ новое saeculum дѣйствій. Къ первымъ принадлежали не только люстрація всѣхъ свободныхъ жителей Рима, производившаяся передъ самымъ празднествомъ помощью очистительныхъ средствъ, а именно факеловъ, сѣры и горной смолы, розданныхъ народу жрецами, и имѣвшая цѣлью очищеніе отъ вины прошедшаго saeculum'а, но и ночныя жертвы, приносившіяся на вышеупомянутомъ жертвенникѣ Дита и Прозерпины въ теченіе трехъ ночей трехдневнаго празднества игравшимъ роль подземныхъ божествъ Мойрамъ, Иліоіямъ и Землѣ и имѣвшія цѣлью умилостивленіе этихъ божествъ, долженствовавшихъ сперва принять умершее saeculum въ своемъ подземномъ царствѣ, а затѣмъ выпустить изъ

употребляются ими, вѣроятно, почти безсознательно, но не могутъ считаться продуктомъ поэтическаго вымысла, какъ полагаетъ Узенеръ, а являются несомнѣнно отголосками распространенныхъ въ старину миѳическихъ воззрѣній и соотвѣтствовавшихъ ему религіозныхъ обрядовъ. — Для дальнѣйшаго подтвержденія изложеннаго мною мнѣнія о возникновеніи всѣхъ упомянутыхъ представленій не безъинтересно будетъ указать здѣсь и на то, что еще въ позднѣйшее время, когда въ римской имперіи распространился культъ персидскаго солнечнаго божества Митры, saeculum приводилось въ непосредственную связь съ этимъ миѳическимъ представителемъ небеснаго свѣтила, и въ числѣ другихъ прозвищъ Deus Sol invictus Mithra получилъ также эпитетъ Saecularis, какъ видно изъ двухъ британскихъ надписей (C. I. L. VII 645 и 646), которыя относятся къ серединѣ третьяго столѣтія по P. X. (№ 646 къ 252 г. по P. X.), т. е. ко времени, послѣдовавшему за секулярными играми, отпразднованными въ 248 г. (или 247 г.?) по P. X. Ср. Cumont, Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. Tome II (Bruxelles 1896), p. 161, n. 479 и 480.

его нѣдръ новое saeculum. Ко вторымъ, то-есть къ вводящимъ и освящающимъ это новое saeculum дѣйствіямъ, принадлежали главнымъ образомъ дневныя жертвы, приносившіяся съ молитвами въ теченіе трехъ дней секулярнаго празднества небеснымъ божествамъ, а также сценическія представленія и тому подобныя торжества радостнаго характера, происходившія въ продолженіе всего праздничнаго времени. Въ этихъ обрядахъ римляне усматривали ручательство за благоденствіе новаго столѣтія или человѣческаго поколѣнія, то-есть, другими словами, за плодовитость римскихъ женъ, за счастливый и здоровый ростъ дѣтей, за обиліе даровъ земли и за славное развитіе всего государства, и недаромъ, поэтому, молитвы о такомъ благоденствіи новаго saeculum'а составляли главное содержаніе и того знаменитаго гимна, сочиненнаго Гораціемъ въ честь почитавшихся при секулярныхъ играхъ божествъ, въ особенности Аполлона и Діаны, пѣніемъ котораго заключилось официальное религіозное празднество секулярныхъ игръ 737/17 года. Такія-же представленія, какія лежатъ въ основаніи только-что указанныхъ характерныхъ чертъ римскихъ секулярныхъ празднествъ, мы видимъ связанными и съ греческимъ культомъ Аполлона и Артемиды, почитавшихся въ особенности какъ κουροτρόφοι; въ тѣсномъ отношеніи къ празднествамъ, справлявшимся въ Греціи въ честь этихъ божествъ, въ особенности къ Гіакинѳіямъ, находятся слѣдующія слова Каллимахова гимна εἰς Ἀπόλλωνα, напоминающія отчасти основную мысль секулярнаго гимна Горація:

„Дѣти должны неумолчно играть на киѳарѣ въ честь бога
Феба, когда онъ вернулся домой, и плясать также шумно,
Если желаютъ до брака дожить и до старости чтимой,
Если хотятъ, чтобы домъ ихъ стоялъ на старинныхъ
основахъ“ [1].

[1] Callimachus, Hymn. II (in Apollinem), 12 sqq.:
μήτε σιωπηλὴν κίθαριν μήτ' ἄφοφον ἴχνος
τοῦ Φοίβου τοὺς παῖδας ἔχειν ἐπιδημήσαντος,
εἰ τελέειν μέλλουσι γάμον πολιήν τε κεραῖσθαι,
ἑστήξειν δὲ τὸ τεῖχος ἐπ' ἀρχαίοισι θεμείλοις.
Ср. также Strabo XIV, p. 640. Hartung, Relig. u. Mythol. d. Griechen IV, p. 80. sq. и Hermann, Gottesd. Alterth. § 53, 34 и 35.

ГЛАВА III.

Связь римскихъ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ съ родовымъ культомъ Валеріевъ и происхожденіе и значеніе послѣдняго.

Все предыдущее изслѣдованіе наше о происхожденіи такъ называемыхъ ludi Tarentini или saeculares, отпразднованныхъ въ Римѣ впервые въ 505/249 г., привело насъ къ убѣжденію, что эти ludi, при которыхъ жертвы богамъ, согласно опредѣленному свидѣтельству достовѣрныхъ древнихъ источниковъ, приносились по ахейскому обряду (Achivo или Graeco Achivo ritu), не только по своему внѣшнему устройству, но и по своему внутреннему характеру и значенію, чрезвычайно походили на древне-ахейское празднество Гіакинѳій, справлявшееся ежегодно въ Амиклахъ, а также, безъ сомнѣнія, въ амиклейской колоніи Тарентѣ, и что потому онѣ должны считаться болѣе или менѣе точною копіею этихъ (тарентинскихъ) Гіакинѳій. Если такой выводъ вѣренъ, то съ наибольшею вѣроятностью, какъ мы уже видѣли (ср. прим. 1 на стр. 35 слл.), можно сдѣлать изъ него то заключеніе, что лишь послѣ того, какъ тарентинское празднество Гіакинѳій, подъ именемъ Тарентинскихъ игръ, было перенесено изъ города Тарента въ Римъ, названіемъ перваго города стала обозначаться та мѣстность Марсова поля—Tarentum—, гдѣ упомянутыя игры съ тѣхъ поръ праздновались въ Римѣ.

Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ могло случиться, что въ римской исторіографіи, за исключеніемъ, пожалуй, одного только историко-литературнаго сочиненія Варрона

De scaenicis originibus, свидѣтельство котораго приводится Цензориномъ [1]), обо всемъ этомъ тарентинскомъ происхожденіи секулярныхъ игръ не сохранилось, кромѣ названія ихъ ludi Tarentini, никакого положительнаго и точнаго преданія, и что единственная, дошедшая до насъ, болѣе полная и опредѣленная традиція о происхожденіи Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ находится, повидимому, въ полномъ противорѣчіи съ выше изложеннымъ и по возможности доказаннымъ нами предположеніемъ, такъ какъ она приводитъ эти игры въ связь съ какимъ-то частнымъ культомъ Валеріевъ [2]) и упоминаетъ о нѣсколькихъ такихъ празднованіяхъ Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, которыя будто-бы происходили еще до 505/249 года, а именно въ 406/348 году, въ консульство М. Попилія Лената и М. Валерія Корвина [3]), и въ 305/449

[1]) Censorinus, De die nat. c. 17, 8: Varro de scaenicis originibus libro primo ita scriptum reliquit: cum multa portenta fierent (въ 505/249 году) et murus ac turris, quae sunt inter portam Collinam et Esquilinam, de caelo tacta essent et ideo libros Sibyllinos X viri adissent, renuntiarunt, uti Diti patri et Proserpinae *ludi Tarentini* in campo Martio fierent tribus noctibus et hostiae furvae immolarentur utique ludi centesimo quoque anno fierent. Ср. наше разсужденіе объ этомъ свидѣтельствѣ Варрона въ прим. 1 на стр. 22 и въ прим. 1 на стр. 35 слл.

[2]) И Валерій Максимъ (II, 4, 5) и Зосимъ (II, 1, 1—2) передъ тѣмъ, какъ привести легенду о частномъ культѣ Валеріевъ, утверждаютъ въ самыхъ опредѣленныхъ словахъ связь этого культа съ ludi saeculares. Первый предпосылаетъ своему разсказу слѣдующее замѣчаніе: Et quia ceteri ludi ipsis appellationibus unde trahantur apparet, non absurdum videtur saecularibus initium suum, cuius generis minus trita notitia est, reddere. У Зосима же, во фрагментарномъ началѣ 2-й книги его исторіи (гл. 1, § 1—2), мы читаемъ слѣдующія слова .... ἐκ τοῦ τὸν μακρότατον ἀνθρώπου βίον τὸ μέσον διάστημα περιλαμβάνειν ταύτης τῆς ἑορτῆς· σέκουλα γὰρ τὸν αἰῶνα Ῥωμαῖοι καλοῦσιν. συντελεῖ δὲ πρὸς λοιμῶν καὶ φθορῶν καὶ νόσων ἀκέσεις. ἔσχεν δὲ τὴν ἀρχὴν ἐξ αἰτίας τοιᾶσδε. Οὐαλέσιος κ. τ. λ.

[3]) Ср. Censorinus, De die nat. c. 17, 10 (съ дополненіями и поправками Лахманна), Festus p. 329 M. (съ дополненіями Roth'a, въ Rhein. Mus. 1853, p. 374) и Zosimus II, 4, 1 extr. Смотр. главу V нашего изслѣдованія и приложенія въ концѣ этой книги.

году, въ консульство Л. Валерія Попликолы Потита и М. Горація Барбата [1]), а также въ 245/509 году, въ первое консульство П. Валерія Попликолы [2]) или въ 250/504 году, въ четвертое консульство П. Валерія Попликолы [3]), и даже еще раньше въ какіе-то неопредѣленные годы періода рймскихъ царей, а именно при Нумѣ Помпиліи [4]), при Туллѣ Гостиліи [5]) и позже [6]).

Чтобы быть въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ и разрѣшить указанное противорѣчіе между нашимъ предположеніемъ о происхожденіи Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ и дошедшей до насъ опредѣленной традиціею о томъ-же предметѣ, мы должны подробнѣе изслѣдовать характеръ этой древней традиціи и критическою оцѣнкою ея постараться

[1]) Ср. Syncellus p. 470, 12 (въ Eusebii Chron., ed. Schöne vol. II, p. 104) и Hieronymus въ Eusebii Chron. II, p. 105. Смотр. главу V нашего изслѣдованія, а также приложенія въ концѣ этой книги.

[2]) Ср. Valerius Maximus II, 4, 5 extr. Censorinus, De die nat. 17, 10. Zosimus II, 3, 3. См. главу V нашего изслѣдованія, а также приложенія въ концѣ этой книги.

[3]) Ср. Plutarch., Poplic. 21 init. См. главу V нашего изслѣдованія и приложенія въ концѣ этой книги.

[4]) Ср. Commentator Cruquianus (=Scholia Cruquiana) ad Horatii carm. saec., initio. См. главу V нашего изслѣдованія и приложенія въ концѣ этой книги. — Если Марціалъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ (IV, 1, 7 sq.), говоря о секулярныхъ празднествахъ, происходившихъ въ римской мѣстности „Тарентѣ", эту мѣстность называетъ Ромуловой—Romuleus Tarentos—, то въ этомъ названіи мы должны усматривать не указаніе на какое-нибудь фактическое существованіе древняго преданія, которое приписывало бы учрежденіе римскихъ секулярныхъ игръ первому царю Рима Ромулу, а только поэтически-произвольный эпитетъ, выбранный писателемъ для того, чтобы названную мѣстность съ ея культомъ характеризовать какъ древнюю римскую.

[5]) Ср. Zosimus II, 3, 1—2. См. главу V нашего изслѣдованія и приложенія въ концѣ этой книги.

[6]) Ср. Zosimus II, гл. 1 и 2, а также гл. 3, § 2 extr. См. главу V нашего изслѣдованія и приложенія въ концѣ этой книги.

узнать, чѣмъ она была вызвана и обусловлена и насколько она заслуживаетъ довѣрія или недовѣрія историка.

Приступая, такимъ образомъ, къ задачѣ, на которую всѣ ученые, трактовавшіе до сихъ поръ о ludi saeculares, не обращали подобавшаго ей вниманія [1]), я прежде всего приведу традицію въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ въ со-

---

[1]) Только Preller (Röm. Myth. II³, 84) и Soltau (Röm. Chronol. p. 389 и 390) догадались, что традиція древнихъ о связи, существовавшей между секулярными или Тарентинскими играми и Валеріями, не лишена извѣстной доли основанія и указываетъ на вѣроятность возникновенія упомянутыхъ публичныхъ игръ изъ какихъ-то, раньше существовавшихъ, sacra gentilicia Валеріевъ. Высказывая это предположеніе совсѣмъ мимоходомъ, Преллеръ и Зольтау, однако, не приводятъ никакихъ доводовъ и доказательствъ въ подтвержденіе его, а также не выводятъ изъ него никакихъ дальнѣйшихъ заключеній. Другіе ученые, какъ Mommsen (Röm. Chronol.², p. 182 и въ изданіи Commentaria ludorum saecularium V et VII, въ Ephem. epigr. VIII (1892), p. 237 nota 2), Marquardt (Röm. Staatsverw. III, 371), Zielinski (Quaestiones comicae, въ Ж. М. Н. Пр., за декабрь 1886 г., стр. 151) и другіе, хотя и упоминаютъ о древней традиціи, относящейся къ происхожденію секулярныхъ игръ, но безъ дальнѣйшаго разбора отвергаютъ ее, какъ легендарную и не заслуживающую никакого вниманія.—Только послѣ написанія мною какъ этой, такъ и предыдущихъ главъ моего изслѣдованія, я познакомился, благодаря любезному указанію моего тестя Франца Бюхелера, съ неоконченною до сихъ поръ статьею Pinza „Sopra l'origine dei ludi Tarentini o saeculares", помѣщенной въ Bulletino della commissione archeologica comunale di Roma. Anno XXIV (Roma 1896), p. 191—230, авторъ которой подвергаетъ легенду Валеріевъ о происхожденіи римскихъ секулярныхъ игръ такому-же критическому разбору, какъ это сдѣлано мною, приходя благодаря этому къ заключеніямъ, отчасти совпадающимъ съ моими. Изслѣдованіе Pinza, однако, въ другихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ моего, и со многими положеніями и выводами его, касающимися какъ отвергнутой имъ связи секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ съ греко-тарентинскими Гіакинѳіями, такъ въ особенности объясненія характера первоначальнаго сабинскаго культа Валеріевъ, признаваемаго имъ единственнымъ источникомъ происхожденія римскихъ секулярныхъ игръ, я никакъ не могу согласиться.

чиненіяхъ Валерія Максима и Зосима, и при этомъ сперва разсмотрю разсказъ перваго изъ названныхъ двухъ историковъ, какъ болѣе древняго, а затѣмъ разсказъ Зосима, какъ болѣе поздняго писателя.

Въ городѣ Римѣ и его окрестностяхъ — такъ разсказываетъ Валерій Максимъ [1]) — свирѣпствовала однажды страшная моровая язва. Въ числѣ другихъ заболѣли тогда и трое дѣтей (два сына и одна дочь) нѣкоего зажиточнаго поселянина Валезія. Когда врачи уже отчаявались въ спасеніи больныхъ дѣтей, отецъ ихъ сталъ на колѣни передъ домашнимъ очагомъ, съ котораго онъ собирался достать теплую воду для больныхъ, и обратился къ семейнымъ Ларамъ съ мольбою отвратить отъ дѣтей опасность и навлечь ее за то на его собственную голову. Тогда онъ услышалъ голосъ, возвѣщавшій ему, что его дѣти выздоровѣютъ, если онъ отвезетъ ихъ внизъ по рѣкѣ Тибру въ Тарентъ и тамъ напоитъ ихъ водою, которую достанетъ съ жертвенника Дита и Прозерпины. Сильно смущенный этимъ прорицаніемъ, предписавшимъ ему долгое и опасное путешествіе, Валезій тѣмъ не менѣе исполнился надежды, поборовшей настоящій страхъ его, и такъ какъ онъ жилъ въ своей усадьбѣ вблизи мѣстечка Эрета въ сабинской области, то немедленно отвезъ своихъ дѣтей къ берегу Тибра и поѣхалъ съ ними на лодкѣ по направленію къ Остіи. По дорогѣ онъ причалилъ въ глубокую ночь къ Марсову полю, такъ какъ хотѣлъ помочь своимъ больнымъ дѣтямъ, изнемогавшимъ отъ жажды, а въ лодкѣ не было огня, на которомъ онъ могъ бы согрѣть холодную рѣчную воду. Узнавши отъ кормчаго, что вблизи показывается дымъ, и что эта мѣстность называется Тарентомъ, онъ быстро почерпнулъ воду изъ рѣки и радостно отнесъ ее туда, гдѣ виднѣлся дымъ, будучи убѣжденъ въ томъ, что онъ напалъ на слѣдъ указаннаго

---

[1]) Valerius Maximus II, 4, 5. См. приложенія въ концѣ этой книги, гдѣ приводится оригинальный текстъ какъ этого разсказа Валерія Максима, такъ и извлеченій, сдѣланныхъ изъ него Парисомъ и Непоціаномъ.

ему божествомъ лѣкарства; и хотя почва этой мѣстности выпускала не столько огня, сколько дыма, но онъ тѣмъ упорнѣе уцѣпился за предзнаменованіе и, собравъ первые попавшіеся ему легкіе прутья, вызвалъ въ нихъ пламя, усердно дуя на нихъ, такъ что могъ, наконецъ, согрѣть воду и дать ее выпить больнымъ дѣтямъ. Немедленно послѣ этого послѣдніе погрузились въ глубокій, здоровый сонъ, и когда проснулись, то почувствовали себя освобожденными отъ долгой и опасной болѣзни. Тогда они разсказали своему отцу, что во снѣ, какъ имъ казалось, какое то божество обтерло ихъ тѣла губкою и дало имъ наставленіе, чтобы у жертвенника Дита и Прозерпины, съ котораго имъ былъ доставленъ напитокъ, были принесены въ жертву черныя животныя и устроены селлистерніи [1]) и ночныя игры. Валезій, не увидѣвши на мѣстѣ никакого жертвенника и полагая, что отъ него ожидается сооруженіе таковаго, поспѣшилъ въ городъ, чтобы купить желанный предметъ, и оставилъ рабочихъ, которые для закладки фундамента должны были вырыть землю до грунта. Послѣдніе исполнили приказаніе своего хозяина, вырыли землю до глубины въ 20 футовъ и тогда нашли жертвенникъ, украшенный надписью въ честь Дита и Прозерпины. Узнавъ это отъ слуги, Валезій оставилъ свое намѣреніе купить жертвенникъ и, возвратившись, закололъ въ Тарентѣ черныхъ жертвенныхъ животныхъ и устроилъ игры и селлистерніи [2]) въ теченіе трехъ ночей сряду, согласно числу выздоровѣвшихъ дѣтей.

Этому примѣру Валезія послѣдовалъ Валерій Публикола, который былъ первымъ консуломъ римской республики. Желая помочь своимъ согражданамъ, онъ принесъ обѣты отъ имени государства у того-же жертвенника Дита и Прозерпины и, заклавъ черныхъ быковъ въ честь перваго, а въ честь по-

[1]) Какъ здѣсь, такъ и въ двухъ другихъ нижеслѣдующихъ мѣстахъ разсказа Валерія Максима рукописное чтеніе lectisternia, какъ мы видѣли уже выше (стр. 25 сл., прим. 3), должно быть замѣнено чтеніемъ sellisternia.

[2]) См. предыдущее примѣчаніе.

слѣдней черныхъ коровъ, онъ устроилъ селлистерніи [1]) и игры въ теченіе трехъ ночей, а затѣмъ снова зарылъ жертвенникъ въ землю, въ которую тотъ и раньше былъ зарытъ.

Таковъ разсказъ Валерія Максима.

А вотъ, для сравненія съ нимъ, и разсказъ Зосима [2]).

Валезій, отъ котораго производится родъ Валеріановъ [3]), былъ знатный сабинянинъ. Передъ домомъ этого человѣка

[1]) См. примѣчаніе 1 на предыдущей страницѣ.

[2]) Zosimus II, гл. 1—3 ed. Mendelssohn. См. приложенія въ концѣ этой книги, гдѣ приводится оригинальный текстъ разсказа.

[3]) Мой переводъ этого мѣста соотвѣтствуетъ рукописному чтенію, представляемому всѣми кодексами сочиненія Зосима: ἀφ' οὗ τὸ Οὐαλεριανῶν κατάγεται γένος. Въ этомъ чтеніи имя Οὐαλεριανῶν, на первый взглядъ, не можетъ не показаться намъ испорченнымъ и требующимъ замѣны именемъ Οὐαλερίων, если мы будемъ имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: 1) Когда слово γένος употребляется по отношенію къ римлянамъ, то оно гораздо чаще означаетъ цѣлый родъ, т. е. gens, чѣмъ отдѣльную отрасль или фамилію такого рода, т. е. stirps, familia. Только со временъ имперіи γένος начинаетъ употребляться совсѣмъ безразлично и въ томъ и въ другомъ значеніи, точно такъ же, какъ и слова gens и familia тогда становятся синонимами (ср. Gaius, Inst. III, 17).—2) Имя Valerianus не встрѣчается среди извѣстныхъ намъ nomina gentilicia, оканчивающихся на -anus (ср. Hübner, Quaestiones onomatologicae latinae, въ Ephem. epigr. vol. II (1875), p. 30—52), а является только прозвищемъ (cognomen) и потому можетъ служить лишь для обозначенія или отдѣльныхъ членовъ Валеріевъ, перешедшихъ вслѣдствіе усыновленія въ другой родъ, или же цѣлой отрасли или фамиліи, происходящей отъ рода Валеріевъ.—3) Родоначальникъ, о которомъ въ разсказѣ Зосима (какъ и въ разсказѣ Валерія Максима) идетъ рѣчь, называется Валезіемъ (Οὐαλέσιος, Valesius), и эта древняя форма, которая, безъ сомнѣнія, возникла изъ еще болѣе древней формы Valensius, упомянутой авторомъ книги De praenominibus, cap. 1 (ср. также Birt, De participiis Latinis. Index schol. Marburg 1883, p. VIII adn. 2 и p. XI, и De Romae urbis nomine, 1887, p. XV), и которая подтверждается также одной пелигнской надписью, содержащею имя „T. Valesies" (C. I. L. IX, p. 298 g. Zwetajeff, Inscr. Ital. med. dial., n. 28 и Inscr. Ital. inf. dial., n. 30), и другими надписями, со-

находилась роща, состоявшая изъ огромныхъ деревьевъ. Вслѣдствіе удара молніи послѣднія сгорѣли, и Валезій недоумѣвалъ, какимъ предзнаменованіемъ могла служить эта молнія. Вскорѣ послѣ этого его дѣтей постигла болѣзнь, которая не под-

---

держащими praenomen „Valesi" (Fabretti, Corp. Inscr. Ital., n. 2691), перешла позднѣе, вслѣдствіе привычнаго древне-латинскому языку процесса ротацизма (ср. Stolz, Latein. Gramm., въ Iw. Müller's Handb. d. klass. Alt. II², p. 297 и 299, отчасти противъ Iordan'a, Kritische Beiträge z. Gesch. d. lat. Spr., p. 104 sqq.), въ форму Valerius, которая одна только и употреблялась въ историческія времена существованія римскаго рода, обозначаемаго этимъ именемъ.

Несмотря, однако, на эти обстоятельства, говорящія въ пользу того, чтобы имя Οὐαλεριανῶν у Зосима было замѣнено или именемъ Οὐαλερίων, какъ предложили Sylburg и Mendelssohn въ своихъ изданіяхъ Зосима, или прилагательнымъ Οὐαλεριανόν, какъ я предложилъ бы скорѣе въ виду того, что такая корректура палеографически ближе подходитъ къ рукописному чтенію,—одно важное соображеніе, которое я изложу сейчасъ ниже, приводитъ меня къ убѣжденію, что такое измѣненіе рукописнаго чтенія у Зосима не только не нужно, но и не правдоподобно. Упомянутый Зосимомъ (и Валеріемъ Максимомъ) „родоначальникъ" Валезій, жизнь котораго относится къ періоду времени, лежащему между случившеюся при Туллѣ Гостиліи войною римлянъ и альбанцевъ и учрежденіемъ римской республики, не можетъ быть тождественъ съ тѣмъ древнѣйшимъ представителемъ рода Валеріевъ, который, согласно Діонисію Галикарнасскому (II, 46) и Плутарху (Numa 5 и Poplic. 1), переселился въ Римъ вмѣстѣ съ Титомъ Таціемъ, и котораго первый писатель называетъ Οὐόλοσσος Οὐαλέριος (см. изданіе Kiessling'a.—Рукописи A B представляютъ чтеніе: βουλοσσὸς Οὐαλέριος), а второй или Οὐέλεσος (Numa 5) или Οὐαλέριος (Poplic. 1). Если мы теперь примемъ во вниманіе, что разсказъ обоихъ этихъ писателей о спутникѣ Тита Тація, какъ доказали Kiessling (De Dionys. Halic. ant. auctoribus Latinis. Dissert. inaug. Bonn 1858, p. 25 sq.) и Peter (Quellen Plutarchs in d. Biogr. d. Römer. Halle 1865, p. 46 sq.), почерпнутъ изъ тѣхъ же лѣтописей историка Валерія Анціата, которыя, какъ мы увидимъ ниже (на стр. 105 слл.), должны считаться первоначальнымъ источникомъ приведеннаго Зосимомъ (и Валеріемъ Максимомъ) разсказа о Валезіи, учредителѣ Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, то становится яснымъ, что въ этомъ первона-

чальномъ источникѣ настоящимъ родоначальникомъ всего рода Валеріевъ могъ быть названъ только упомянутый Діонисіемъ и Плутархомъ современникъ Тита Тація, а упомянутый Зосимомъ (и Валеріемъ Максимомъ) другой древній представитель рода Валеріевъ могъ тамъ выступать только въ качествѣ члена особой отрасли или фамиліи этого рода. Труднѣе рѣшить вопросъ, обозначилъ ли уже Валерій Анціатъ эту фамилію Валеріевъ прозвищемъ Valeriani, приводимымъ у Зосима, или представляетъ ли собою указанная послѣднимъ связь между Valeriani и учредителемъ Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, Валезіемъ, особый, позднѣйшій варіантъ старой легенды, который возникъ послѣ временъ Валерія Анціата? Въ пользу втораго изъ этихъ двухъ предположеній говоритъ то обстоятельство, что въ республиканскую эпоху римской исторіи мы не слышимъ ни объ одномъ Valerianus, и только со времени учрежденія имперіи, кромѣ такихъ Valeriani, которые вслѣдствіе усыновленія перешли въ другіе роды—(древнѣйшимъ изъ нихъ, насколько мнѣ извѣстно, является consul. suffectus 755 г. ab u. c. T. Quinctius Crispinus Valerianus—см. fasti consul. въ C. I. L. I², p. 164)—, намъ встрѣчаются также многіе Valerii Valeriani (ср. indices всѣхъ томовъ C. I. L.). Какъ на выдающихся членовъ этихъ Valerii Valeriani можно указать здѣсь, напр., на тѣхъ, которые упомянуты C. I. L. II, 2098, XII, 410 и IX, 1455, 2, 61. Очень можетъ быть, что именно послѣдняя familia рода Валеріевъ, преимущественно передъ другими отраслями его, хвасталась своимъ происхожденіемъ отъ учредителя Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, Валезія, и что это фамильное преданіе упрочилось особенно послѣ того, какъ P. Aurelius Licinius Valerius Valerianus сдѣлался императоромъ въ 253 г. по Р. Х.

давалась искусству врачей, и онъ обратился за помощью къ предсказателямъ. Когда эти изъ направленія молніи вывели заключеніе, что боги разгнѣваны, Валезій сталъ умилостивлять послѣднихъ посредствомъ очистительныхъ жертвъ. Находясь, вмѣстѣ съ женою, въ сильномъ страхѣ и ожидая скорой смерти дѣтей, онъ на колѣняхъ сталъ молиться Вестѣ и обѣщалъ ей взамѣнъ дѣтей жизнь двухъ совершеннолѣтнихъ людей, именно свою жизнь и жизнь матери дѣтей. Въ это время онъ взглянулъ на пораженную молніею рощу, и ему показалось, что онъ слышитъ голосъ, приказывающій ему отвезти дѣтей

въ Тарентъ и тамъ напоить ихъ тибрскою водою, согрѣтой на очагѣ Аида и Персефоны. Услышавъ это, онъ еще больше отчаявался въ спасеніи своихъ дѣтей, такъ какъ, по его мнѣнію, Тарентъ находился на краю Италіи и невозможно было, чтобы тамъ оказалась тибрская вода; а кромѣ того его напугало и то, что услышанный имъ голосъ приказалъ ему нагрѣть воду на жертвенникѣ подземныхъ божествъ. Когда и предсказатели по этому поводу находились въ недоумѣніи, Валезій снова услышалъ голосъ и понялъ, что ему слѣдуетъ повиноваться волѣ божествъ. Тогда онъ посадилъ своихъ дѣтей на рѣчное судно и поѣхалъ внизъ по рѣкѣ [1]). Но такъ какъ они были въ лихорадочномъ жару, то онъ подплывалъ къ той части берега, гдѣ теченіе рѣки ему казалось спокойнымъ. Разбивая потомъ палатку, чтобы переночевать въ ней [2]) вмѣстѣ съ дѣтьми, онъ узналъ, что ему слѣдуетъ причалить къ берегу въ Тарентѣ; такъ называлась эта мѣстность, имѣвшая одинаковое имя съ Тарентомъ, расположеннымъ въ крайнемъ концѣ Япигіи. Въ виду этого благопріятнаго совпаденія Валезій поклонился божеству, приказалъ кормчему причалить къ берегу и, вышедши изъ судна, разсказалъ все дѣтямъ [3]). Зачерпнувъ затѣмъ воды изъ Тибра и нагрѣвъ ее на очагѣ,

---

[1]) Рукописи Зосима представляютъ здѣсь слѣдующее чтеніе: ἐμβαλὼν πλοίῳ ποταμίῳ τὰ τέκνα κατήγαγε τὸ πῦρ. ἐκτενόντων δὲ αὐτῶν ὑπὸ καύματι κ. τ. λ. Это чтеніе, безъ сомнѣнія, испорчено. Вмѣсто κατήγαγε τὸ πῦρ. ἐκτενόντων я читаю, вмѣстѣ съ Diels'омъ, нѣсколько видоизмѣнившимъ предложенную Mendelssohn'омъ поправку этого мѣста (κατήγετο. πορεττόντων): κατήγετο. πορεταινόντων.

[2]) Согласно конъектурѣ Diels'a, я читаю здѣсь: καλύβην δὲ ποιούμενος <ὡς> ἐναυλισθείη вмѣсто рукописнаго чтенія: καλύβῃ δὲ ποιμένος [V: ποιούμενος] ἐναυλισθεὶς κ. τ. λ.

[3]) Въ рукописяхъ Зосима мы читаемъ здѣсь слѣдующее: ὁ Οὐαλέσιος ἐπὶ τὴν χέρσον ὀκεῖλαι τῷ κυβερνήτῃ προσέταττεν, καὶ ἀποβὰς τοῖς ποιμέσιν ἐξεῖπεν. Въ концѣ этого предложенія кроется, повидимому, какая-то ошибка, исправить которую не такъ легко. Я пока принялъ конъектуру Mendelssohn'a, предложившаго читать τοῖς παισὶν вмѣсто τοῖς ποιμέσιν.

сооруженномъ имъ самимъ на мѣстѣ, онъ далъ ее выпить дѣтямъ. Тѣ погрузились послѣ этого въ глубокій сонъ и проснулись здоровыми. Увидѣвъ же сонъ, что они приносятъ въ жертву Персефонѣ и Аиду черныхъ животныхъ и въ три слѣдующія одна за другой ночи устраиваютъ всенощныя празднества съ пѣснями и танцами, они разсказали своему отцу объ этомъ сновидѣніи и о томъ, что какой то большой и богоподобный мужъ приказалъ имъ сдѣлать это на Марсовомъ полѣ подлѣ Тарента, гдѣ отведено также мѣсто для ристалища коней. Когда послѣ этого Валезій хотѣлъ воздвигнуть тамъ жертвенникъ, и каменотесы съ этой цѣлью стали копать землю, то при этомъ былъ найденъ готовый жертвенникъ, на которомъ была надпись: „Аиду и Персефонѣ“. Получивъ тогда такимъ образомъ болѣе явственное указаніе относительно того, что ему нужно сдѣлать, Валезій привелъ къ этому жертвеннику черныхъ животныхъ и совершилъ всенощныя службы.

Первоначально этотъ жертвенникъ и это священнодѣйствіе были учреждены по слѣдующему поводу: когда во время войны между римлянами и альбанцами оба народа уже стояли подъ оружіемъ, то появился какой то чудесный мужъ, одѣтый въ черную шкуру, который громко объявилъ римлянамъ приказаніе Аида и Персефоны, передъ вступленіемъ въ рукопашный бой принести имъ жертву подъ землею. Сказавъ это, онъ исчезъ. Тогда смущенные этимъ видѣніемъ римляне соорудили жертвенникъ подъ землею и, совершивъ жертвоприношеніе, засыпали его насыпью въ 20 футовъ вышиною, для того чтобы всѣмъ другимъ, кромѣ римлянъ, ничего не было извѣстно объ этомъ. — Указанный жертвенникъ былъ найденъ Валезіемъ. Послѣдній совершилъ жертвоприношеніе и всенощныя празднества и вслѣдствіе этого былъ прозванъ Маніемъ Валеріемъ Тарентиномъ. Ибо подземныхъ боговъ римляне называютъ manes, а быть здоровымъ значитъ на ихъ языкѣ valere. Прозвище же Тарентинъ было дано Валезію потому, что жертвоприношеніе имѣло мѣсто въ Тарентѣ.

Впослѣдствіи, когда въ первомъ году послѣ изгнанія ца-

рей въ Римѣ случилась моровая язва, Публій Валерій Попликола закололъ на этомъ жертвенникѣ Аиду и Персефонѣ чернаго быка и черную корову и спасъ городъ отъ болѣзни, помѣстивъ слѣдующую надпись на жертвенникѣ: „Я, Публій Валерій Попликола, посвятилъ огненное поле Аиду и Персефонѣ и устроилъ празднество въ честь Аида и Персефоны за свободу римлянъ“.

Таковъ разсказъ Зосима о происхожденіи Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ.

Сравнивая теперь этотъ разсказъ съ раньше приведеннымъ разсказомъ Валерія Максима, мы видимъ, что, хотя послѣдній историкъ и не упоминаетъ о первомъ сооруженіи жертвенника Аида и Персефоны, случившемся, согласно Зосиму, во время войны римлянъ съ альбанцами, и хотя разсказъ Валерія Максима о нахожденіи Валезіемъ этого жертвенника содержитъ, какъ кажется, нѣсколько маленькихъ несогласій съ разсказомъ Зосима [1]), тѣмъ не менѣе во всѣхъ главныхъ

---

[1]) У Валерія Максима Валезій обращается съ мольбою не къ Вестѣ, а къ семейнымъ Ларамъ. Однако смѣшеніе этихъ божествъ легко объясняется тѣмъ, что какъ Веста, такъ и Лары почитались у домашняго очага и, по представленіямъ древнихъ, находились въ тѣснѣйшей связи между собою (ср., напр., Vergil., Aen. V, 744 и IX, 258 sq. Fustel de Coulanges, La cité antique [7], p. 29 sq., Wissowa въ Roscher's Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Mythol. II, 1876 и 1879 sq., s. v. Lares, и въ особенности Iordan, Vesta und die Laren (Berlin 1865), passim, и De-Marchi, Il culto privato di Roma antica. I. La religione nella vita domestica. Milano 1896, p. 64—69).—Точно такъ же мы должны усматривать только мнимое разногласіе между Валеріемъ Максимомъ и Зосимомъ въ томъ, что первый говоритъ о двухъ сыновьяхъ и одной дочери, т. е. о трехъ дѣтяхъ Валезія, за спасеніе которыхъ отецъ готовъ отдать свою жизнь, а у Зосима, неопредѣленно говорящаго о παῖδες Валезія, послѣдній взамѣнъ ихъ обѣщаетъ отдать жизнь двухъ совершеннолѣтнихъ лицъ, именно свою жизнь и жизнь своей жены. На самомъ дѣлѣ и Зосимъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду трехъ дѣтей. Вообще я полагаю, что всѣ мнимыя разногласія между Зосимомъ и Валеріемъ Максимомъ легко могутъ быть объяснены тѣмъ, что эти писатели не одинаково точ-

пунктахъ разсказы обоихъ писателей настолько сходны другъ съ другомъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что они или посредственно или—что менѣе вѣроятно—непосредственно почерпнуты изъ одного и того-же источника. За этотъ первоначальный общій источникъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ Валерію Максиму и Зосиму, вѣроятно, черезъ посредство другихъ писателей [1]), мы имѣемъ полное основаніе считать анналы Ва-

---

но эксцерпировали свои источники, что въ особенности Зосимъ сдѣлалъ это немножко небрежно, и что уже источники обоихъ писателей нѣсколько различнымъ образомъ передали легенду о происхожденіи секулярныхъ игръ, почерпнутую ими, по всей вѣроятности, какъ мы увидимъ ниже, изъ лѣтописей Валерія Анціата. Ихъ разсказы, поэтому, дополняютъ отчасти другъ друга, и если Валерій Максимъ, съ одной стороны, ничего не говоритъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, упомянутыхъ Зосимомъ, какъ, напр., о сожженіи рощи передъ домомъ Валезія и о томъ, что Валезій во время своей поѣздки въ Тарентъ, какъ кажется, разбилъ палатку, чтобы переночевать въ ней со своими дѣтьми, то, съ другой стороны, мы узнаемъ отъ него нѣсколько данныхъ, о которыхъ умалчиваетъ Зосимъ, а именно, что сабинянинъ Валезій жилъ въ Эретѣ, что дѣтей у него было трое, каковому числу соотвѣтствовало число ночей учрежденнаго въ честь Дита и Прозерпины празднества, и что эти дѣти заболѣли во время всеобщей эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Римѣ и его окрестностяхъ.

[1]) Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Mendelssohn'a (см. его изданіе Зосима, примѣчаніе къ II, 1, 1), что Зосимъ почерпнулъ свой разсказъ о ludi saeculares не изъ главнаго источника своего, т. е. исторіи Эвнапія, а изъ недошедшаго до насъ сочиненія Флегонта „О римскихъ празднествахъ“ (περὶ τῶν παρὰ Ῥωμαίοις ἑορτῶν), и что послѣдній въ свою очередь, вѣроятно, воспользовался, между прочимъ, антикварными изслѣдованіями Веррія Флакка. Этимъ предположеніемъ легче всего объясняется, почему, кромѣ Зосима, одинъ только Фестъ еще, въ своихъ эксцерптахъ изъ словаря Веррія Флакка, упоминаетъ (p. 329 ed. Müller, cf Pauli epit., p. 350 [Festus, p. 351]) о томъ, что еще до того времени, какъ Валезій въ Тарентѣ нашелъ жертвенникъ Дита и Прозерпины и на немъ учредилъ частный культъ съ этимъ-же жертвенникомъ связанъ былъ публичный культъ, учрежденный всѣмъ римскимъ народомъ.—Что касается самого Веррія Флакка, то онъ позаимствовалъ свои свѣдѣнія о

лерія Анціата, такъ какъ, съ одной стороны, мы знаемъ, что въ этомъ историческомъ сочиненіи было собрано и приведено все, что могло служить для вящшаго прославленія рода Валеріевъ [1]), къ которому принадлежалъ самъ авторъ, а съ другой стороны, до насъ дошли даже древнія свидѣтельства о томъ, что названный анналистъ подробно говорилъ объ отдѣльныхъ случаяхъ празднованія Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ и, повидимому, приводилъ ихъ въ связь съ представителями прославляемаго имъ рода Валеріевъ [2]). При такомъ предположеніи [3]) легче всего объясняется также тотъ фактъ, что Ва-

---

ludi saeculares главнымъ образомъ у Варрона, а этотъ знаменитый ученый немало пользовался анналами Валерія Анціата, когда составлялъ пятнадцатую книгу своихъ Antiquitates rerum humanarum, спеціально трактовавшую (ср. Servius, Ad Verg. Aen. VIII, 526 и O. Gruppe въ Hermes X, 51 sqq.) „de saeculis".—Что касается Валерія Максима, то и онъ едва-ли почерпнулъ свой разсказъ о происхожденіи секулярныхъ игръ непосредственно изъ анналъ Валерія Анціата, какъ полагаетъ Kranz (Beitr. zur Quellenkritik des Valerius Maximus, Posen 1876, p. 21); гораздо вѣроятнѣе, что посредникомъ между обоими писателями служилъ Варронъ, антикварныя изслѣдованія котораго должны считаться тѣмъ источникомъ, помощью котораго Валерій Максимъ вообще составилъ трактующую De ludis главу (II, 4) своего сочиненія (ср. Krieger, Quibus fontibus Val. Max. usus sit, Diss. inaug. Berol. 1888, p. 61 sq., и Mommsen въ Ephem. epigr. VIII (1892), p. 237 nota 1).

[1]) Ср., напр., Peter, Histor. Roman. rell. I (1870), p. CCCVIII и CCCXV sqq. и Münzer, De gente Valeria, Dissert. inaug. 1891, p. 71 et passim.

[2]) Ср. Censorinus, De die natali c. 17, 8; 10; 11.

[3]) Кажется, всѣ ученые, которые до сихъ поръ трактовали о ludi saeculares, или при другомъ случаѣ касались легенды, приведенной Валеріемъ Максимомъ и Зосимомъ, согласны между собою въ предположеніи, что первоначальнымъ источникомъ относящихся сюда разсказовъ этихъ писателей служили анналы Валерія Анціата. Ср., въ особ., Iordan, Krit. Beitr. z. Gesch. d. lat. Spr., p. 107 и 135. Hirschfeld, Das Neujahr des tribun. Kaiserjahres, въ Wiener Studien III (1881), p. 100. Preller-Iordan, Röm. Myth. II³, 83. Zielinski, Quaestiones comicae, въ Ж. М. Н. Пр., за декабрь 1886 г., стр. 150. Münzer, De gente Valeria, p. 6.

лерій Максимъ, собираясь разсказать выше приведенную нами легенду о нахожденіи Валезіемъ жертвенника въ Тарентѣ и объ устройствѣ имъ празднества въ честь Дита и Прозерпины, считаетъ необходимымъ указать въ опредѣленныхъ словахъ на то, что въ его время (или во время служившаго ему, вѣроятно, источникомъ Варрона (или же самого Валерія Анціата?)) знакомство съ этой легендою было мало распространено (minus trita notitia est). Очевидно, Валерій Анціатъ первый привелъ ее въ своихъ анналахъ, и она не успѣла еще сдѣлаться общимъ достояніемъ римской историографіи.

Приступая теперь къ обсужденію вопроса, какимъ образомъ историческая критика должна относиться къ разсказу Валерія Анціата, дошедшему до насъ въ версіяхъ Валерія Максима и Зосима, я прежде всего укажу на то, что, хотя названный анналистъ какъ древними, такъ и новыми историками не разъ былъ уличаемъ въ искаженіи истины, вызванномъ, главнымъ образомъ, его желаніемъ увеличить и украсить не только дѣянія римлянъ вообще, но и дѣянія членовъ римскаго рода Валеріевъ въ частности [1]), но относительно выше приведенной легенды о происхожденіи Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что она не принадлежитъ къ числу разсказовъ, цѣликомъ вымышленныхъ съ только-что указанною цѣлью самимъ Ва-

---

[1]) Ср. изъ древнихъ историковъ, напр., Livius XXVI, 49, 3; XXXIII, 10, 8; XXXVI, 19, 12; XXXVIII, 23, 8, а изъ новѣйшихъ особенно Niebuhr, Röm. Gesch. III, 143. Liebaldt, De Valerio Antiate (Naumb. 1840), p. 10 sqq. Schwegler, Röm. Gesch. I², 90 sqq. Nissen, Krit. Untersuch. über d. Quellen d. 4. u. 5. Dekade des Livius (Berl. 1863), p. 43 sqq. Peter, Histor. Roman. Rell. I (1870), p. CCCVII sqq. Nitzsch, Die röm. Annalistik (1873), p. 346 sqq. Münzer, De gente Valeria (Oppol. 1891), p. 54–71 et passim. C. Wachsmuth, Einleitung in d. Stud. d. alt. Gesch. (Lpz. 1895), особ. стр. 628 сл.—Одни только Voigt (въ Abh. d. sächs. Ges. d. Wiss. VII, 776 sqq.) и Hesselbarth (Untersuch. z. 3. Dekade des Livius. Halle 1889, p. 676 sq.) стараются—но тщетно—защитить правдолюбіе и достовѣрность Валерія Анціата.

леріемъ Анціатомъ, а въ нѣкоторой части своей представляетъ собою какую-то семейную традицію всего рода Валеріевъ, возникновеніе которой восходитъ, отчасти, къ весьма древнимъ временамъ. Къ такому убѣжденію приводятъ насъ слѣдующія соображенія: если мы поближе разсмотримъ указанную традицію, то увидимъ, что она состоитъ изъ двухъ (или, точнѣе, трехъ) искусственно соединенныхъ частей, которыя, собственно говоря, имѣютъ мало общаго между собою и даже нѣсколько противорѣчатъ другъ другу. Первая изъ этихъ различныхъ частей традиціи относится къ какому-то *домашнему* культу, учрежденному *частнымъ* лицомъ, а именно нѣкимъ сабинянином Валезіемъ, по предписанію божества его домашняго очага (Лара или Весты), и имѣвшему какъ своей цѣлью, такъ и своей причиною исцѣленіе больныхъ дѣтей этого частнаго лица. — Вторая часть традиціи относится къ какому-то *общественному*, *всенародному* римскому культу, связанному съ мѣстностью Марсова поля, называемой Тарентомъ, и съ находившимся тамъ жертвенникомъ Дита и Прозерпины и учрежденному римлянами съ цѣлью одержать побѣду надъ непріятелями — альбанцами. — Третья часть традиціи, наконецъ, находящаяся въ связи со второй частью, относится къ тому-же самому *всенародному* римскому культу, но приписываетъ его учрежденіе или, точнѣе говоря, обновленіе самому знаменитому представителю рода Валеріевъ, первому консулу римской республики, П. Валерію Попликолѣ.

Не вдаваясь пока въ болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, когда, кѣмъ и на какихъ основаніяхъ эти три разнородныя части приведенной Валеріемъ Анціатомъ легенды были соединены въ одно цѣлое, и какимъ модификаціямъ каждая изъ нихъ была подвержена при этомъ для того, чтобы взаимныя противорѣчія ихъ нѣсколько сгладились, я укажу теперь только на то, что вторая и третья части легенды, упоминающія объ общественномъ культѣ Дита и Прозерпины, имѣвшемъ мѣсто на Марсовомъ полѣ въ Тарентѣ, возникли не раньше 505/249 года, такъ какъ лишь въ этомъ году, какъ мы видѣли, въ Римѣ были учреждены, т. е. введены изъ

греческаго города Тарента „Тарентинскія“ или секулярныя игры, праздновавшіяся всѣмъ народомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, только послѣ этого факта и благодаря ему сама та мѣстность Марсова поля, гдѣ происходили указанныя игры, получила названіе Tarentum.

Несравненно болѣе древнимъ характеромъ, чѣмъ эти двѣ части легенды, отличается первая часть ея, упоминающая о частномъ культѣ сабинянина Валезія. Какъ національность этого лица и жительство его въ древне-сабинскомъ мѣстечкѣ Эретѣ [1]), которое находилось недалеко отъ Рима по ту сторону рѣки Аніо, служившей границею между Лаціумомъ и сабинскою областью [2]), такъ и незнакомство его съ римскою мѣстностью, носившей (послѣ 505/249 года) одинаковое съ южно-италійскимъ городомъ Тарентомъ названіе, указываютъ на то, что легендарный разсказъ о Валезіи по существу сложился раньше 505/249 года или раньше времени возникновенія этого названія. Тѣ-же обстоятельства указываютъ на то, что главнымъ и первоначальнымъ основаніемъ для возникновенія этого разсказа послужилъ какой-то семейный культъ сабинскаго происхожденія, который до 505/249 года справлялся Валеріями въ мѣстности Рима, прозванной послѣ этого года Tarentum. Возникновеніе упомянутаго семейнаго культа въ этой мѣстности относится къ тому отдаленному времени, когда первые представители рода Валеріевъ, переселившагося въ Римъ, по преданію, изъ сабинской области, начали играть роль въ своемъ новомъ отечествѣ. Конечно, если Діонисій Галикарнасскій (II, 46) и Плутархъ (Numa 5 и Poplicola 1),

---

[1]) Объ этомъ древне-сабинскомъ мѣстечкѣ, находившемся (согласно Itinerarium Antonini Augusti, ed. Parthey et Pinder, p. 146) на разстояніи 18 римскихъ миль отъ Рима, ср. Strabo V, 3, 1 extr. p. 228 и V, 3, 11 med. p. 238. Dionys. Hal. III, 32 med., III, 59 init., IV, 3 init., IV, 51 init., V, 45 extr., XI, 3 init. Livius III, 26, 2; 29, 7. XXVI, 11, 10; 23, 5. Vergil., Aen. VII, 711. Steph. Byz., s. v. Ἕρητός.

[2]) Ср. Dionys. Hal. V, 37: φέρεται (Ἀνίης) διὰ τῆς Σαβίνων τε καὶ Ῥωμαίων πεδιάδος ὁρίζων τὴν ἑκατέρων χώραν. Plinius, Nat. Hist. III, 5, 54: (Anio) Latium includit a tergo.

съ одной стороны, упоминаютъ о сабинскомъ родоначальникѣ gens Valeria, какъ о приверженцѣ и спутникѣ Тита Тація и современникѣ Ромула и Нумы, а Зосимъ (II, 1 и 3), съ другой стороны, относитъ нахожденіе сабинскимъ „родоначальникомъ Валеріановъ“, Валезіемъ, „Тарентинскаго“ жертвенника къ времени, лежащему между случившеюся при Туллѣ Гостиліи войною римлянъ и альбанцевъ и учрежденіемъ римской республики, то эти свѣдѣнія не могутъ считаться основанными на какихъ-нибудь достовѣрныхъ данныхъ, а являются несомнѣнно такимъ-же продуктомъ позднѣйшей умозрительной реконструкціи прошлаго, какимъ является вообще почти вся древнѣйшая исторія Рима. Но при всемъ скептицизмѣ, съ которымъ новѣйшая историческая наука по справедливости относится, напримѣръ, къ разсказамъ древнихъ анналистовъ и антикваріевъ о возникновеніи населенія древнѣйшаго Рима изъ сліянія преимущественно двухъ національностей, латинской и сабинской [1]), едва-ли позволено будетъ сомнѣваться въ томъ, что дошедшая до насъ традиція о родоначальникѣ Валеріевъ по существу права, когда приписываетъ этому лицу сабинское происхожденіе и какъ переселеніе его въ Римъ, такъ и учрежденіе имъ на тамошнемъ Марсовомъ полѣ какого-то частнаго культа относитъ къ первымъ временамъ существованія этого города. Чрезвычайно древній характеръ основныхъ элементовъ этой традиціи обнаруживается уже въ томъ, что мѣсту учрежденія указаннаго культа она приписываетъ вулканическій характеръ, который въ дѣйствительности могъ проявиться тамъ только въ незапамятную старину, когда вулканическія явленія природы Лаціума простирались еще до самаго города Рима [2]). Въ позднѣйшія, историческія времена

[1]) Ср., въ особенности, Mommsen, Die Tatiuslegende, въ Hermes XXI (1886), p. 570 sqq. Niese, Abriss der röm. Gesch., въ Iw. Müller's Handb. d. klass. Alterth. vol. III, p. 585 и Энманъ, Легенда о римскихъ царяхъ (Ж. М. Н. Пр., за ноябрь 1894 г., стр. 65 слѣд.).

[2]) Объ этихъ вулканическихъ явленіяхъ ср., въ особ., Iordan, Topogr. d. Stadt Rom I, 1, 119 sqq. и Nissen, Italische Landeskunde I, 260 sqq.

указанная мѣстность, будучи расположена въ низменности вблизи самого берега рѣки Тибра, отличалась скорѣе болотистымъ характеромъ (см. выше на стр. 33 слл., прим. 3 въ началѣ) и не представляла, насколько намъ извѣстно, никакихъ признаковъ вулканической дѣятельности, которые могли бы служить причиною того, что здѣсь возникъ культъ Дита и Прозерпины и предполагался входъ въ преисподнюю (descensus ad inferos, какъ свидѣтельствуетъ Сенека, Apocoloc. c. 13 initio). Въ виду этого, а также въ виду раньше приведенныхъ нами хронологическихъ и другихъ соображеній, разсматриваемая легенда Валеріевъ не можетъ считаться вымысломъ какого-нибудь отдѣльнаго члена gens Valeria, жившаго въ позднѣйшее время, напримѣръ, вышеупомянутаго Валерія Анціата, а представляетъ собою древнее и, такъ сказать, безличное семейное преданіе Валеріевъ, основывавшееся не столько на письменныхъ документахъ, въ родѣ семейныхъ хроникъ, о существованіи которыхъ мы ничего опредѣленнаго не слышимъ [1]), сколько на чрезвычайно живучихъ устныхъ разсказахъ, имѣвшихъ отношеніе къ какому-то прежде существовавшему родовому культу Валеріевъ и переходившихъ изъ одного поколѣнія къ другому, пока наконецъ они не были систематически собраны и записаны вышеупомянутымъ Вале-

[1]) Вмѣстѣ съ Моммзеномъ (Röm. Gesch. I⁸, 462 и Röm. Forsch. II, 278), Низе (въ Hermes XIII (1878), p. 411) и другими я считаю не особенно правдоподобнымъ предположеніе Нибура (Röm. Gesch. II, 9 и 224), Schwegler'a (Röm. Gesch. I², 15), Ihne (Forsch. auf d. Geb. d. röm. Gesch., p. 40 adn. 50 и Röm. Gesch. I, 91) и другихъ, что на историческую традицію древнихъ римлянъ сильно повліяли, между прочимъ, семейныя хроники знатныхъ римскихъ родовъ. Единственными письменными памятниками частнаго или семейнаго характера („privata monumenta“—Livius VI, 1, 2), о существованіи которыхъ въ республиканскомъ Римѣ до насъ дошли достовѣрныя и опредѣленныя свидѣтельства, являются надгробныя рѣчи (laudationes или orationes funebres), родословныя таблицы (stemmata) и помѣщавшіяся какъ подъ восковыми изображеніями предковъ (imagines), такъ и на гробницахъ и т. под. монументахъ надписи (indices, tituli или elogia). Ср. Peter, Histor. Rom. rell. I (1870), p. XXVIII sqq. и Marquardt-Mau, Privatleben der Römer², p. 243 и 357.

ріемъ Анціатомъ. Предполагать, чтобы это семейное преданіе было лишено всякой правды и не соотвѣтствовало никакимъ историческимъ фактамъ, не дозволяется намъ уже въ виду простаго характера его, ясно показывающаго, что оно не преслѣдовало никакихъ честолюбивыхъ цѣлей и не служило для особаго прославленія рода Валеріевъ и его происхожденія, какъ это нерѣдко дѣлали другія преданія, относившіяся къ происхожденію знатныхъ римскихъ родовъ. Между тѣмъ какъ, напр., Фабіи, Семпроніи, Авреліи, Юліи, Антоніи и др. производили свои роды отъ божествъ [1]), а Клеліи, Эмиліи, Цециліи, Навтіи и другіе отъ прославленныхъ греко-италійскими сказаніями героевъ троянской легенды [2]), семейное преданіе Валеріевъ называетъ своимъ родоначальникомъ простаго, хотя и зажиточнаго, поселянина, пользовавшагося извѣстностью лишь среди патріархальныхъ соплеменниковъ своихъ, сабинскихъ

[1]) Fabii производили свой родъ отъ Геркулеса (Silius Italicus VI, 627—636, а также II, 3 и VII, 35 и 44. Paul. Diac., p. 87 M., s. v. Fovii. Plutarch., Fab. Max. 1. Ovid., Fast. II, 237; Ex Ponto III, 3, 99 sq. Iuvenal. 8, 14), Sempronii отъ богини Фортуны (Festus, p. 238 M., s. v. Primigeniae Fortunae, и Livius 29, 36, 8 и 34, 53, 5. Cp. Preller-Iordan, Röm. Myth. II³, 192 nota 1), Aurelii отъ бога Солнца (Paul. Diac., p. 23 M., s. v. Aureliam familiam), Iulii отъ Венеры (Sueton., Caes. 6. Appian., De bell. civ. II, 102. Plinius, N. H. II, 93. Obsequens 68 и др.), Antonii отъ Геркулеса (Plutarch., Anton. 4 и 36).

[2]) Cloelii производили свой родъ отъ Clolius (?), спутника Энея (Paul. Diac., p. 55 M., s. v. Cloelia familia), Aemilii отъ Aemylos, сына Асканія (Paul. Diac., p. 23 M., s. v. Aemiliam gentem), Caecilii отъ Caeculus, основателя города Пренесте, или отъ Caecas, спутника Энея (Paul. Diac., p. 44 M., s. v. Caeculus), Nautii отъ Nautius (Dionys. Hal. VI, 69) или Nautes (Vergil., Aen. V, 704 и Servius, Ad Verg. Aen. III, 407 и V, 704), спутника Энея.—Діонисій Галикарнасскій говоритъ (I, 85), что въ его время въ Римѣ существовало еще около 50 патриціанскихъ οἶκοι, т. е., вѣроятно, familiae, а не цѣлыхъ родовъ (ср. Marquardt, Röm. Staatsverw. III, 127), производившихся отъ троянскихъ героевъ, а Варронъ, какъ извѣстно, написалъ особое сочиненіе De familiis Troianis, состоявшее изъ нѣсколькихъ книгъ (см. Servius, Ad Verg. Aen. V, 704). Ср. Mommsen, Die röm. Patriciergeschlechter, въ Röm. Forsch. I, 121 sq.

крестьянъ [1]). Культъ же, учрежденіе котораго приписывается имъ этому родоначальнику, выставляется самымъ опредѣленнымъ образомъ какъ частный, семейный культъ, основанный по предписанію божества домашняго очага и являющійся полнымъ значенія и пользы только въ отдѣльномъ частномъ случаѣ и только для немногихъ частныхъ лицъ, а именно для трехъ дѣтей самого основателя, при чемъ ни однимъ словомъ не намекается на то, что этотъ культъ могъ бы имѣть значеніе и для всего римскаго народа, и что, поэтому, связанные съ нимъ обряды и жертвы слѣдовало бы повторять и въ другія времена и отъ имени всего государства. Изъ этого слѣдуетъ, что указанное преданіе не могло возникнуть изъ тщеславнаго желанія Валеріевъ добиться оффиціальнаго признанія за упомянутымъ въ этомъ преданіи семейнымъ культомъ общегосударственнаго значенія, т. е. превращенія родовыхъ sacra privata Валеріевъ въ sacra publica, дабы такимъ образомъ gens Valeria, выдававшаяся въ столь многихъ отношеніяхъ, пріобрѣла еще бо́льшій авторитетъ въ римскомъ государствѣ и въ сакральномъ отношеніи сравнялась, напр., съ Авреліями, Потиціями и Пинаріями, Фабіями и Квинтиліями, Юліями, Навтіями, Гораціями, или съ другими родами, родовые культы которыхъ имѣли общегосударственное значеніе и служили всенародными праздниками [2]). Но даже въ томъ случаѣ, еслибы

[1]) Valerius Maximus (II, 4, 5) называетъ Валезія vir locuples *rusticae* vitae, а Зосимъ (II, 1, 1) ἐν τῷ Σαβίνων ἔθνει περιφανής.

[2]) О родовомъ культѣ Авреліевъ это утверждаетъ Paulus Diaconus, p. 23 M. s. v. Aureliam familiam; о культѣ Потиціевъ и Пинаріевъ Varro, De l. L. VI, 54; Festus, p. 237 M. s. v. Potitium et Pinarium, и Livius IX, 29, 9 - 10; о культѣ Фабіевъ и Квинтиліевъ, такъ называемыхъ Lupercalia, Plutarch., Rom. 21, Valerius Maximus II, 2, 9, Ovid., Fast. II, 375 sqq. и особ. Aurelius Victor, De orig. gent. Rom. 22; о культѣ Юліевъ Servius, Ad Verg. Aen. X, 316; о культѣ Навтіевъ Servius, Ad Verg. Aen. II, 106; III, 407 и V, 704 (ср. также Dionys. Halic. VI, 69); о культѣ Гораціевъ Титъ Ливій I, 26, 13, Dionys. Hal. III, 22 и Paulus Diaconus, p. 307 M. s. v. sororium tigillum.—Ср. Mommsen, De collegiis et sodaliciis Romanorum (Kiel 1843), p. 8—12.

въ легендѣ Валеріевъ проглядывало это тщеславное желаніе, мы не могли бы считать ее вымысломъ, лишеннымъ всякаго фактическаго основанія. Вѣдь вообще всѣ культы выдающихся римскихъ родовъ ни для кого не могли остаться тайною, а становились тѣмъ болѣе извѣстными всему народу, чѣмъ большею популярностью пользовались справлявшіе ихъ роды; поэтому не можетъ подлежать сомнѣнію, что если такой видный и любимый народомъ родъ, какъ родъ Валеріевъ, сталъ бы ложнымъ и обманнымъ образомъ приписывать себѣ культъ, якобы имѣющій результатомъ исцѣленіе больныхъ, то къ распространенному Валеріями по этому поводу разсказу народъ относился бы не только съ полнымъ недовѣріемъ, но даже со злобною насмѣшкою, и тщеславныя стремленія Валеріевъ дали бы такимъ образомъ результаты діаметрально противоположные тѣмъ, которыхъ они должны были бы желать. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что преданіе Валеріевъ не подвергалось сомнѣнію и чрезвычайно прочно укоренилось въ народѣ. Только такимъ образомъ объясняется, что еще въ концѣ римской республики монетчикъ 708/46—707/45 года L. Valerius Acisculus могъ чеканить динаріи, нѣкоторые типы которыхъ, какъ мы ниже увидимъ, содержатъ изображенія, несомнѣнно относящіяся къ главнымъ божествамъ, почитавшимся при Тарентинскихъ или секулярныхъ играхъ (ср. Babelon, Descr. hist. et chronol. des monnaies de la république Romaine, vulgairement appelées monnaies consulaires, vol. II (Paris 1886), p. 516 sq. et 520).

Еще въ позднѣйшія времена, когда императоръ Августъ собирался отпраздновать секулярныя или Тарентинскія игры и съ этой цѣлью, не придерживаясь столѣтняго промежутка, который до него соблюдался при празднованіяхъ этихъ игръ, по всей вѣроятности поручилъ жреческой коллегіи квиндецимвировъ, какъ мы подробнѣе изложимъ ниже, привести предполагаемое имъ самимъ празднованіе секулярныхъ игръ въ соотвѣтствіе съ другими празднованіями ихъ, будто бы происходившими до него въ стодесятилѣтнихъ промежуткахъ, то эта жреческая коллегія сочла необходимымъ первыя два изъ

вымышленныхъ ею, согласно этому приказанію, празднованій секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ ради бо́льшаго правдоподобія пріурочить къ такимъ годамъ, въ которые во главѣ римскаго государства въ качествѣ консуловъ стояли представители рода Валеріевъ, а именно къ 298/456 [1]) и къ 408/346 году [2]); при этомъ квиндецимвиры преслѣдовали двоякую цѣль—угодить императору и подражать указаніямъ преданія Валеріевъ, согласно которымъ первыя празднованія названныхъ игръ въ республиканскую эпоху приходились въ консульства представителей ихъ рода, а именно въ 245/509 или 250/504, а затѣмъ въ 305/449 и наконецъ въ 406/348 годъ [3]).

Итакъ, мы убѣдились въ томъ, что въ основаніи разсматриваемой нами легенды Валеріевъ, возникшей отчасти еще въ древнѣйшія времена и записанной, повидимому, впервые Валеріемъ Анціатомъ, лежалъ какой-то частный культъ названной gens, который она, должно быть, принесла съ собою изъ своей родины, сабинской области, и который, согласно позднѣйшей редакціи разсказа, приведенной въ анналахъ упомянутаго историка, былъ посвященъ Диту и Прозерпинѣ и состоялъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что этимъ божествамъ устраивались селлистерніи и приносились въ жертву темныя животныя. — Что же касается всѣхъ остальныхъ подробностей легенды, то онѣ, за исключеніемъ указанія на ту роль, которую при дѣйствіяхъ Валезія игралъ огонь, очевидно представляютъ собою ничто иное, какъ болѣе или менѣе фантастическія украшенія этого фактическаго основанія, не поддающіяся никакому критическому разбору.—Славѣ же цѣлительнаго культа, которою пользовались sacra Валеріевъ, не мало содѣйство-

---

[1]) Ср. Censorinus, De die natali c. 17, 10 (согласно commentarii XV virorum) и Commentar. lud. saecul. septim., fragm. 1 v. 14 (въ изданіи Моммзена въ Ephem. epigr. VIII (1892), p. 279). См. приложенія въ концѣ этой книги.

[2]) Ср. Censorinus, c. 17, 10 (согласно commentarii XV virorum). См. приложенія въ концѣ этой книги.

[3]) Сравн. выше на стр. 94 прим. 3 и на стр. 95 прим. 1—3.

вало, повидимому, то обстоятельство, что самое имя этого рода, производящееся, безъ сомнѣнія, отъ индоевропейскаго корня bal-, латинскаго val- [1]), и представляющее собою, по всей вѣроятности, причастную форму [2]) глагола valere, заключало въ себѣ значеніе силы и здоровья [3]). Вслѣдствіе этого набожносуевѣрные римляне всегда относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ и, усматривая въ немъ счастливое предзнаменованіе, при всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ государственной жизни, какъ, напр., при наборѣ войска или переписи народа, предоставляли ему первое мѣсто ради этого счастливаго предзнаменованія [4]).

Если исходить изъ этого послѣдняго факта, т. е. изъ приписывавшагося имени Valerius счастливаго предзнаменованія, то, пожалуй, можно было бы притти къ предположенію, что вся разбираемая нами легенда объ учрежденномъ Валезіемъ частномъ культѣ возникла изъ намѣренія объяснить происхожденіе этого имени, и что она, такимъ образомъ, представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ этіологически-этимологическихъ

---

[1]) См., напр., Vaniček, Gricch.-lat. etymol. Wörterb. p. 566 sq.

[2]) Ср. Birt, De participiis Latinis. Ind. schol. Marburg 1883, p. VIII adn. 2; p. XI и De Romae urbis nomine, 1887, p. XV, а также выше на стр. 99 сл., прим. 3.

[3]) На это указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что одинъ изъ трактатовъ сочиненія Варрона Logistorica, носившій заглавіе Messala de valetudine, по всей вѣроятности, представлялъ собою философски-историческое разсужденіе о здоровьѣ въ формѣ діалога, главнымъ лицомъ котораго выступалъ одинъ изъ членовъ фамиліи Messala, принадлежавшей къ роду Валеріевъ.

[4]) Ср. Paulus Diaconus, p. 121 M. s. v. lacus Lucrinus, гдѣ говорится: Lacus Lucrinus in vectigalibus publicis primus locatur erundus ominis boni gratia, ut in dilectu censuve primi nominantur Valerius, Salvius, Statorius. Ср. также Cicero, De divin. I, 45, 102 и Dionys. Hal. V, 11, а кромѣ того Mommsen, Röm. Staatsrecht III, 1, p. 301 adn. 4 и въ Ephem. epigr. V, p. 15, далѣе Bormann въ Archäol.-epigr. Mittheil. aus Oesterreich, vol. X, p. 226 sqq. и въ особенности Birt, De Romae urbis nomine (въ Ind. lect. acad. Marburg 1887), p. III sqq.

миѳовъ, которые, какъ показалъ еще Швеглеръ [1]), весьма часто встрѣчаются въ древнѣйшей римской исторіи. Въ пользу такого предположенія могли бы говорить слѣдующія два обстоятельства: во первыхъ, мы видимъ, что въ разсказѣ Зосима (II, 3, 2), согласно которому легендарный учредитель Тарентинскихъ игръ—Οὐαλέσιος—послѣ сдѣланной имъ въ римскомъ Тарентѣ находки жертвенника Дита и Прозерпины получилъ римскія имена Μάνιος Οὐαλέριος Ταραντῖνος; что эти имена вполнѣ опредѣленно приводятся въ связь съ учрежденнымъ Валезіемъ культомъ, и что изъ нихъ имя (praenomen) Μάνιος (Manius) производится отъ латинскаго названія подземныхъ божествъ, Manes, родовое же имя (nomen) Οὐαλέριος (Valerius) отъ латинскаго слова valere, а прозвище (cognomen) Ταραντῖνος (Tarentinus) отъ названія римской мѣстности Τάρας (Tarentum); во-вторыхъ, мы видимъ, что и въ другой, относящейся къ роду Валеріевъ легендѣ, которую приводятъ Псевдо-Плутархъ (изъ Аристида Милетскаго?) [2]) и Іоаннъ Лидъ (изъ Варрона) [3]), и которую мы будемъ разбирать ниже, имя Valerius приводится въ тѣсную связь съ глаголомъ valere (ἐρρῶσθαι у Псевдо-Плутарха), и что легенда эта, возникшая, вѣроятно, въ плебейской фамиліи Валеріевъ Ацискуловъ (Valerii Acisculi) [4]), представляетъ собою какъ-бы pendant къ легендѣ, приведенной Валеріемъ Максимомъ и Зосимомъ. — Но какъ бы то ни было, и въ какомъ бы причинномъ и хронологическомъ отношеніи ни находились другъ къ другу сказаніе о частномъ культѣ Валеріевъ и имя этого рода, въ виду общихъ соображеній, приведенныхъ мною раньше, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что то и другое неразрывно свя-

---

[1]) Schwegler, Röm. Gesch. I², p. 69 sqq.

[2]) Pseudo Plutarch., Parallela minora 35.

[3]) Въ фрагментѣ изъ Liber de mensibus IV, 92 c. 147 ed. Wünsch. Ср. также Müller, Fragm. histor. graec. IV, 325, 25 съ дополненіями, предложенными Hase.

[4]) Ср. Münzer, De gente Valeria, p. 7 и Kiessling, De personis Horatianis (Index schol. Gryphiswald. 1880), p. 11.

заны между собою, и что, если имя Valerius и не было вызвано существованіемъ въ gens этого имени частнаго культа, относившагося къ здоровью, а легенда объ учрежденіи послѣдняго возникла только благодаря стремленію этіологически объяснить имя рода, то Valerii по необходимости должны были еще въ весьма древнее время дѣйствительно учредить соотвѣтствующій этой легендѣ частный культъ, такъ какъ иначе никто не сталъ бы ей вѣрить, и возникновеніе ея оказалось бы совсѣмъ безцѣльнымъ и безсмысленнымъ.

Приступая теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію самого характера и значенія культа Валеріевъ, принесеннаго этимъ родомъ, какъ мы видѣли, въ древнѣйшія времена изъ сабинской области, я долженъ указать прежде всего на то, что приведенныя въ относящейся къ этому культу легендѣ имена Дитъ и Прозерпина (Ἄιδης καὶ Περσεφόνη) не могутъ считаться первоначальными именами почитавшихся въ немъ божествъ, такъ какъ эти имена не встрѣчаются ни въ Indigitamenta, ни въ другихъ памятникахъ древнѣйшей религіи римлянъ, какъ, напр., въ формулѣ заклинанія, произнесенной, согласно Ливію (VIII, 9, 6 sqq.), консуломъ Деціемъ въ 414/340 году, а являются, по всей вѣроятности, какъ мы замѣтили уже выше [1]), латинскими переводами или передѣлками именъ греческихъ божествъ Πλούτων и Περσεφόνη, вызванными, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что и у латинянъ существовали соотвѣтствующія имъ религіозно-миѳическія представленія, но возникшими, во всякомъ случаѣ, въ сравнительно позднее время и едва-ли раньше 3-го столѣтія до Р. Х., т. е. едва ли раньше начала эпохи болѣе широкаго усвоенія римлянами греческой культуры. Если въ виду этого возникаетъ теперь вопросъ, какъ назывались первоначально тѣ божества, которымъ былъ посвященъ культъ Валеріевъ, то отвѣта на такой вопросъ мы должны искать въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ древнихъ о религіозныхъ культахъ, процвѣтавшихъ

[1]) См. стран. 25 съ примѣч. 2.

особенно въ той области сабинянъ, откуда, по достовѣрному преданію, происходили Валеріи, перенесшіе въ Римъ разсматриваемый нами культъ.

Разбирая всѣ эти свѣдѣнія, мы увидимъ, что вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на нашъ вопросъ могутъ дать только тѣ изъ нихъ, которыя касаются божествъ Сорана и Феронiи, почитавшихся, главнымъ образомъ, у отдѣльно возвышающейся надъ тибрскою равниною вулканической горы Соракте. Хотя эта гора названіе которой, безъ сомнѣнія находится въ тѣсной связи съ именемъ перваго изъ указанныхъ божествъ, въ историческія времена принадлежала къ области фалисковъ, подпавшей, какъ извѣстно, уже рано подъ владычество этрусковъ, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ доисторическую эпоху, т. е. до поселенія фалисковъ, здѣсь жили сабиняне, и что именно этой народностью былъ учрежденъ соракгинскій культъ. Это вытекаетъ не только изъ того обстоятельства, что справлявшія указанный культъ семейства носили сабинское названіе Hirpi, обозначавшее „Волки“ [1]), но и изъ того, что соучастница въ культѣ Сорана, богиня Феронія, была сабинскою богинею [2]) и почиталась также во многихъ другихъ мѣстностяхъ, находившихся въ чисто-сабинской области, и, между прочимъ, на нынѣшнемъ Monte Rotondo вблизи извѣстной уже намъ родины прославленнаго легендою родоначальника римскихъ Валеріевъ, сабинскаго мѣстечка Эрета [3]).

[1]) См. Servius, Ad Verg. Aen. XI, 785, Plinius, N. H. VII, 2, 11 и Solinus II, 26 (на стр. 38 втораго изданія Моммзена), далѣе Strabo VI, 1, 12 p. 250 и Paul. Diac., p. 106 M. s. v. Irpini.

[2]) См. Varro, De l. L. V, 10, 74 (p. 29 M). Въ достовѣрности этого опредѣленнаго свидѣтельства Варрона мы не имѣемъ права сомнѣваться, хотя Варронъ, можетъ быть, и съузилъ значеніе Феронiи, считая ея культъ исключительно сабинскимъ культомъ.

[3]) См. Fabretti, Inscr. antiq. p. 452.— Всѣ дошедшія до насъ литературныя и эпиграфическія данныя, которыя относятся къ культу Сорана и Феронiи и къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ эти божества почитались, собраны въ книгѣ Deecke, Die Falisker (Strassb. 1888), особ. на стр. 92—103 и 57—60. Отсылая читателя къ этой книгѣ, я

Если теперь мы примемъ во вниманіе, что благодаря чрезвычайно видному и центральному мѣстоположенію, занимаемому горою Соракте на границѣ областей трехъ различныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ родственныхъ народностей, фалисковъ, сабинянъ и латинянъ, религіозный культъ, который справлялся тамъ въ честь Сорана и Феронiи, уже въ древнѣйшія времена пріобрѣлъ чрезвычайно большое значеніе для всѣхъ окрестныхъ жителей и сдѣлался какъ-бы центромъ религіозно-духовныхъ и другихъ интересовъ, связующимъ названныя народности [1]), то окажется весьма естественнымъ предположеніе, что и сабинскіе предки римскаго рода Валеріевъ были знакомы съ этимъ культомъ, являвшимся чуть ли не самымъ выдающимся изъ всѣхъ сабинскихъ культовъ, и могли перенести его въ Римъ при переселеніи въ этотъ городъ.

Предположеніе это вполнѣ подтверждается характеромъ и значеніемъ почитавшихся въ этомъ культѣ божествъ. Что касается Сорана, то большинство новѣйшихъ ученыхъ, производя его имя отъ индоевропейскаго корня svar-, означающаго „сіять“, „блестѣть“, „горѣть“ [2]), и сопоставляя его съ

однако уже здѣсь долженъ указать на то, что съ нѣкоторыми выводами и предположеніями автора ея я не могу согласиться.— Кромѣ Deecke ср. также Preller-Iordan, Röm. Mythol. I³, p. 268 sqq. и 426 sqq.; Steuding въ Roscher's Ausf. Lexikon d. griech. u. röm. Myth. I, 2, 1477 sqq., s. v. Feronia, и Hild въ Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, изданномъ Daremberg и Saglio, vol. II, p. 1073 sq., s. v. Feronia.

[1]) Ср. Livius I, 30, 5 и особенно Dionys. Halic. III, 32, 1. Послѣдній разсказываетъ слѣдующее: ἱερόν ἐστι κοινῇ τιμώμενον ὑπὸ Λατίνων τε καὶ Σαβίνων ἅγιον ἐν τοῖς πάνυ θεᾶς Φερωνείας ὀνομαζομένης... εἰς δὴ τὸ ἱερὸν τοῦτο συνήεσαν ἐκ τῶν περιοίκων πόλεων κατὰ τὰς ἀποδεδειγμένας ἑορτὰς πολλοὶ μὲν εὐχὰς ἀποδιδόντες καὶ θυσίας τῇ θεῷ, πολλοὶ δὲ χρηματιούμενοι διὰ τὴν πανήγυριν, ἔμποροί τε καὶ χειροτέχναι καὶ γεωργοί, ἀγοραί τε αὐτόθι λαμπρόταται τῶν ἐν ἄλλοις τισὶ τόποις τῆς Ἰταλίας ἀγομένων ἐγίνοντο.

[2]) Ср. G. Curtius въ Zeitschr. f. vergl. Sprachf. I, 29 sqq. и въ Grundz. d. griech. Etymol.⁵, p. 551 sq., далѣе Corssen, Ausspr., Vocal. u. Beton. d. lat. Spr. I², 485 и II², 64, Vaniček, Griech.-lat. etym.

латинскимъ Sol, готскимъ Savil, литовскимъ Saule, согласно въ томъ, чтобы усматривать въ этомъ божествѣ солнечнаго бога [1]), который, поэтому, и отождествлялся уже въ ранней древности съ греческимъ Аполлономъ-Фебомъ и какъ таковой прославлялся въ особенности Вергиліемъ и Силіемъ Итали-

---

Wörterb. II, p. 1223 и Preller-Iordan, Röm. Myth. I³, 268. — Произвольно отрицая тѣсную связь, которая, по свидѣтельствамъ древнихъ, существовала между Сораномъ и Аполлономъ-Фебомъ, и усматривая въ первомъ только подземное божество, Deecke (Die Falisker, p. 97) совершенно неосновательно отвергаетъ выше указанную этимологію. Предложенное имъ самимъ производство имени божества Soranus отъ имени горы Soracte — совершенно ошибочно: изъ предположенной формы Soract-nus, которая сама по себѣ уже невозможна, такъ какъ отъ Soracte можетъ быть произведено только прилагательное Soractinus (встрѣчающееся дѣйствительно у Витрувія, II, 7, 1), никогда не могла бы возникнуть форма Soranus. — Съ другой стороны и гипотеза Preller'a-Iordan'a, согласно которой гора Soracte получила свое названіе отъ почитавшагося у нея божества Soranus, должна считаться невѣрной. Единственная связь, существующая между обоими названіями, заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что они, какъ и названіе вольскаго города Sora („Блестящая“), произведены отъ одного и того-же корня (svar-), и что изъ этого корня, благодаря присоединенію различныхъ суффиксовъ, развились имена Sor-a, Sor-an-us и Sor-ax, Sor-ac-ti-s (какъ, по свидѣтельству Порфиріона, Ad Horat. carm. I, 9, 1, обыкновенно называлась гора — ср. также Plinius, Nat. Hist. VII, 2, 19) или Sor-ac-te, Sor-ac-ti-s (=Saur-ac-te, какъ или та-же гора или другая называется въ одномъ фрагментѣ Катона—Catonis fragm. ed. Iordan, p. 11 — приведенномъ Варрономъ, De re rust. II, 3, 3: in Sauracti Fiscello, а согласно конъектурѣ Cluverus'a: in Sauracti et Fiscello). Что касается суффикса -te въ этой послѣдней формѣ имени горы, то онъ встрѣчается, напр., и въ архаической формѣ lac-te, употреблявшейся еще Эннiемъ, Плавтомъ и даже позднѣйшими писателями вмѣсто болѣе употребительной формы lac.

[1]) Ср. особенно Preller-Iordan, Röm. Myth. I³, 268 и Mannhardt, Antike Wald-und Feldkulte, p. 327, а также Kuhn, Herabkunft des Feuers u. des Göttertranks², p. 30 и 35 sq., Roscher, Ueber Selene u. Verwandtes, p. 138 и Usener, Götternamen (Bonn 1896), p. 202.

комъ [1]). Съ другой стороны тотъ же Соранъ назывался также Dis pater, и Сервій въ своихъ примѣчаніяхъ къ тому мѣсту Энеиды Вергилія, гдѣ божественный „хранитель горы Соракте"

---

[1]) Вергилій (Aen. XI, 784 sqq.) влагаетъ въ уста выведенному имъ въ Энеидѣ этруску Арунту слѣдующую молитву:

Summe deum, sancti custos Soractis, Apollo,
Quem primi colimus, cui pineus ardor acervo
Pascitur, et medium, freti pietate, per ignem
Cultores multa premimus vestigia pruna,
Da, pater, hoc nostris aboleri dedecus armis
Omnipotens . . . . . .

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что, хотя отождествленіе почитавшагося на горѣ Soracte божества Сорана съ греческимъ Аполлономъ произошло лишь въ болѣе позднюю эпоху, но указанный Вергиліемъ культъ, какъ на это намекаетъ и поэтъ словами „Quem primi colimus", восходитъ къ глубочайшей древности.

Подражая Вергилію, Silius Italicus (Punic. V, 175 sqq. ed. Bauer) говоритъ:

Tum Soracte satum, praestantem corpore et armis,
Aequanum noscens (sc. Flaminius consul), patrio cui ritus in arvo,
Quum pius Arcitenens accensis gaudet acervis,
Exta ter innocuos laetum portare per ignes:
„Sin in Apollinea semper vestigia pruna
Inviolata teras, victorque vaporis ad aras
Dona serenato referas sollemnia Phoebo" (sc. ait).

Тотъ же авторъ въ другихъ мѣстахъ своего произведенія говоритъ о Phoebei Soractis honor (VII, 662) и sacrum Phoebo Soracte (VIII, 492), а Плиній Старшій въ своей Nat. Hist. VII, 2, 19 Detlefsen подробнѣе описываетъ справлявшійся у Соракте культъ, говоря слѣдующее: Haut procul urbe Roma in Faliscorum agro familiae sunt paucae quae vocantur Hirpi; hae sacrificio annuo quod fit ad montem Soractem Apollini, super ambustam ligni struem ambulantes non aduruntur et ob id perpetuo senatus consulto militiae omniumque aliorum munerum vocationem habent.—Тоже самое почти мы читаемъ и у Солина, почерпнувшаго свои свѣдѣнія изъ Плинія; онъ свидѣтельствуетъ (II, 26; p. 38 edit.[2] Mommsen), что Memorabilibus inclutum et insigniter per omnium vulgatum ora, quod perpaucae familiae sunt in agro Faliscorum, quos Hirpos vocant. hi sacrificium annuum ad

величается подъ именемъ Аполлона, приводитъ намъ цѣлую легенду, относящуюся именно къ той сторонѣ значенія Сорана, благодаря которой онъ отождествлялся съ властителемъ подземнаго царства Дитомъ. „Однажды — такъ приблизительно разсказываетъ Сервій—на горѣ Соракте приносили жертвы отцу Диту, такъ какъ гора эта была посвящена божествамъ Манамъ. Въ это время внезапно явились волки и утащили изъ огня жертвенныя внутренности. Преслѣдуя ихъ, пастухи пришли къ пещерѣ, изъ которой выходили столь сильныя чумныя испаренія, что стоявшіе по близости упали мертвыми. Въ наказаніе за преслѣдованіе волковъ, вслѣдъ за этимъ появилась моровая язва, относительно которой оракулъ предсказалъ, что она прекратится лишь тогда, если станутъ подражать волкамъ, т. е. будутъ жить грабежомъ. Совѣтъ оракула былъ исполненъ, и жители тогда получили прозваніе Hirpi Sorani, такъ такъ волки на сабинскомъ языкѣ называются hirpi, a

---

Soractis montem Apollini faciunt: id operantes gesticulationibus religiosis impune insultant ardentibus lignorum struibus, in honorem divinae rei flammis parentibus. cuius devotionis ministerium munificentia senatus honorata Hirpis perpetuo consulto omnium munerum vacationem dedit.—Согласно преданію, на вершинѣ горы Соракте помѣщался древній храмъ Аполлона, на мѣстѣ котораго впослѣдствіи братъ Карла Мартелла Карлманъ въ 746 г. по Р. Х. основалъ нынѣшнюю церковь San Silvestro (ср. Deecke, Die Falisker, p. 52 и 93).—Не могу не упомянуть здѣсь также о томъ, что въ позапрошломъ году въ Città Castellana, т. е. на мѣстѣ древнихъ Фалерій, была найдена первая надпись, (изданная Vaglieri въ Notizie degli scavi di antichità. Roma 1895, p. 48 и приведенная также Cagnat'омъ въ Revue archéologique XXXV (1899), p. 510), которая содержитъ посвященіе пользовавшемуся во всей фалисской области широкимъ почитаніемъ Сорану Аполлону. Она гласитъ: C. Varius· Hermes Sancto· Sorano Apollini· pro· sal· sua· et· fili sui· et patroni· sui et coniugis eius. И въ этой надписи, относящейся, какъ я думаю, къ началу императорскихъ временъ, Соранъ-Аполлонъ является такимъ же подателемъ здоровья или освободителемъ отъ болѣзни, какимъ Соранъ-Дитъ выступаетъ въ легендѣ Сервія, а Дитъ въ легендѣ Валерія Максима и Зосима.

прозвище Sorani указываетъ на то, что они посвящены божеству отцу Диту, такъ называемому Сорану“ [1]).

Одинъ изъ религіозныхъ обрядовъ того культа, который справлялся въ честь божества Сорана, называемаго у Сервія Дитомъ, а у другихъ писателей Аполлономъ-Фебомъ, и который, по достовѣрному свидѣтельству Страбона, относился также къ богинѣ Фероніи, почитавшейся тамъ же у Соракте и находившейся, очевидно, въ тѣсной связи съ Сораномъ, состоялъ въ томъ, что выше упомянутые Hirpi Sorani въ повторявшееся ежегодно празднество босыми ногами трижды переходили черезъ горящія дрова и уголья, неся съ собою священныя внутренности жертвъ, при чемъ они, по общему повѣрью, не причиняли себѣ никакого вреда [2]).

---

[1]) Servius, Ad Verg. Aen. XI, 785: In hoc autem monte (sc. Soracte), quum aliquando Diti patri persolveretur — nam Dis Manibus consecratus est — subito venientes lupi exta de igne rapuerunt: quos quum pastores sequerentur, delati sunt ad quandam speluncam, halitum ex se pestiferum emittentem, adeo ut iuxta stantes necaret, et exinde est orta pestilentia, quia fuerant lupos secuti: de qua responsum est, posse eam sedari, si lupos imitarentur, i. e. rapto viverent. Quod postquam factum est, dicti sunt populi „Hirpi (var. lect.: Hirpini) Sorani"; nam lupi Sabinorum lingua „hirpi" vocantur, „Sorani" vero a Dite; nam Dis pater „Soranus" vocatur, quasi „lupi Ditis patris".

[2]) Кромѣ разсказывающихъ объ этомъ обрядѣ мѣстъ изъ сочиненій Плинія (N. H. VII, 2, 19) и Солина (II, 26; p. 38 ed.[2] Mommsen), а также Вергилія (Aen. XI, 784 sqq.) и Силія Италика (Punic. V, 175 sqq.), которыя всѣ приведены выше на стр. 122 сл., прим. 1, сравн. еще свидѣтельство Варрона, приведенное Сервіемъ (Ad Verg. Aen. XI, 787: „freti pietate" iste [т. е. Vergilius] quidem dicit; sed Varro, ubique expugnator religionis, ait, cum quoddam medicamentum describeret, „ut solent Hirpini, qui ambulaturi per ignes medicamento plantas tingunt"), и свидѣтельство Страбона (V, 2, 9 p. 226): ὑπὸ δὲ τῷ Σωράκτῳ ὄρει Φερωνία πόλις ἐστίν, ὁμώνυμος ἐπιχωρίᾳ τινὶ δαίμονι τιμωμένῃ σφόδρα ὑπὸ τῶν περιοίκων, ἧς τέμενός ἐστιν ἐν τῷ τόπῳ θαυμαστὴν ἱεροποιίαν ἔχον· γυμνοῖς γὰρ ποσὶ διεξίασιν ἀνθρακιὰν καὶ σποδιὰν μεγάλην οἱ κατεχόμενοι ὑπὸ τῆς δαίμονος ταύτης ἀπαθεῖς, καὶ συνέρχεται πλῆθος ἀνθρώπων ἅμα τῆς τε πανηγύρεως χάριν, ἣ συντελεῖται κατ' ἔτος, καὶ τῆς λεχθείσης θέας.

Чтобы вникнуть въ неразгаданный учеными до сихъ поръ смыслъ какъ этого культоваго обряда, несомнѣнно возникшаго въ незапамятныя времена, такъ и одинаково древней легенды о происхожденіи всего культа Сорана, мы должны принять за исходную точку нашего изслѣдованія то основное положеніе науки объ исторіи религій, могущее считаться теперь доказаннымъ [1]), которымъ утверждается, что религіозные культы обыкновенно и преимущественно состоятъ въ мимическомъ изображеніи или представленіи людьми (особенно жрецами) приписываемыхъ ими божеству дѣйствій—δρώμενα—и такимъ образомъ являются только другимъ способомъ выраженія того, что излагается самимъ миѳомъ. Если, поэтому, сабино-фалискому богу Soranus служили жрецы, которые при своихъ культовыхъ обрядахъ „подражали волкамъ", „живя грабежомъ" и называясь, согласно съ этимъ, „волками" (hirpi), а въ празднество, справлявшееся ежегодно въ честь бога, безъ вреда для себя проходили босыми ногами по горящимъ угольямъ, неся при этомъ внутренности жертвъ, то изъ этого вытекаетъ, что и самъ богъ Soranus считался волкомъ, продѣлывающимъ то же самое. Кажущаяся абсурдность этого вѣрованія служитъ лучшимъ доказательствомъ чрезвычайно древняго происхожденія его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчаетъ намъ открытіе настоящаго смысла миѳа, дѣлая его болѣе прозрачнымъ. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ тѣмъ же миѳическимъ значеніемъ волка, которое ему должно быть приписываемо и во многихъ другихъ сказаніяхъ особенно индоевропейскихъ народовъ [2]), и которое, какъ я полагаю,

---

[1]) Ср. особ. Lobeck, Aglaoph., p. 672 sqq. Schwartz, Urspr. d. Mythol., p. XVI и въ Zeitschr. f. Volksk. VII, 1 sqq. Pfleiderer, Religionsphilos. auf gesch. Grundl. II, 26 sq. Steinthal и Lazarus въ Zeitschr. f. Völkerpsych. I, 49. Usener, Götternamen, p. 241 и 358 и O. Gilbert, Griech. Götterlehre (Lpz. 1898), p. 9 sq.

[2]) Часть этихъ миѳическихъ сказаній о волкѣ приведена Friedreich'омъ, Die Symbolik u. Mythol. d. Natur (Würzburg 1859), p. 405 sqq., далѣе Keller'омъ, Thiere des klass. Alterth. in culturgesch.

возникло благодаря двумъ обстоятельствамъ, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ одинъ и тотъ же окончательный результатъ.

Древнѣйшее и важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ заключается, по моему, въ томъ, что съ упомянутымъ хищнымъ звѣремъ, названіе котораго въ большинствѣ языковъ означаетъ „похитителя“ или „растерзателя“, люди, стоящіе на низкой ступени культуры, уже рано стали отождествлять прославляемое ими посредствомъ безчисленныхъ эпитетовъ и сказаній солнце, какъ похитителя или растерзателя звѣздъ, пасущихся, какъ они выражались, цѣлымъ стадомъ на (ночномъ) небѣ и исчезающихъ (или гибнущихъ) при появленіи (или вторженіи въ ихъ среду) дневнаго свѣтила [1]).

Нѣсколько менѣе древнимъ, а потому, можетъ быть, и менѣе важнымъ представляется мнѣ второе обстоятельство, ука-

---

Beziehung (Innsbruck 1887), p. 163—175, Gubernatis'омъ, Zoological mythology (London 1872) II, 141 sqq., а также Nork'омъ, Etymol.-symbol.-mythol. Real-Wörterbuch, v. IV, p. 460—464, s. v. Wolf, и Mannhardt'омъ, Roggenwolf u. Roggenhund (Danzig 1866²) и Antike Wald-u. Feldkulte (Berl. 1877), особ. на стр. 318 sqq. Съ объясненіями нѣкоторыхъ изъ этихъ миѳовъ, предложенными въ только-что приведенныхъ сочиненіяхъ, я, однако, совсѣмъ не могу согласиться, и особенно безсмысленнымъ и чуждымъ всякаго миѳологическаго понятія я считаю разсужденіе Mannhardt'а. Гораздо ближе къ истинѣ подходятъ, по моему, толкованія Воеводскаго, Введеніе въ миѳологію Одиссеи, напр., стр. 212 слл.

[1]) Это представленіе о солнцѣ, какъ о волкѣ, весьма ясно и опредѣленно выражено, напр., въ библейскомъ разсказѣ о томъ, какъ Яковъ (солнечный герой древнихъ евреевъ) благословилъ Веніамина, младшаго изъ своихъ 12 сыновей, въ которыхъ мы тоже должны усматривать миѳическія олицетворенія солнца (ср. Goldziher, Der Mythos bei den Hebräern (Leipzig 1876), p. 203 sqq.): „Веніаминъ—такъ говорилъ Яковъ (книга Бытія, гл. 49, § 27)—„Веніаминъ волкъ хищникъ, рано ѣстъ еще, и на вечеръ раздаетъ пищу“ (Βενίαμιν λύκος ἅρπαξ· τὸ πρωινὸν ἔδεται ἔτι καὶ εἰς τὸ ἑσπέρας διαδώσει τροφήν). Веніаминъ волкъ—это солнце, которое утромъ проглатываетъ (т. е. затмѣваетъ) звѣзды, а вечеромъ снова раздаетъ ихъ, т. е., заходя, даетъ имъ возможность сіять на небѣ.

О звѣздахъ, сравниваемыхъ въ миѳическихъ разсказахъ съ

занное уже другими учеными [1]), и состоящее въ томъ, что въ ту отдаленную эпоху жизни предковъ индоевропейскихъ народовъ, которая, по всей вѣроятности, еще предшествовала раздѣленію грековъ и италиковъ, слово, выражавшее понятіе о волкѣ, какъ о похитителѣ или растерзателѣ, и произведенное отъ индоевропейскаго корня vark-, vrak-, vlak- („тащить“, „похищать“, „растерзать“ [2]), безсознательно стало смѣшиваться съ терявшимъ уже тогда свою жизненность другимъ, единозвучнымъ словомъ, которое первоначально, будучи произведено отъ совершенно различнаго корня ruk-, luk- („сіять“, „свѣтить“ [3]), выражало понятіе о солнцѣ какъ о „свѣтилѣ“.

Оба указанныя обстоятельства, т. е. наивно-натуралистическое отождествленіе солнца съ волкомъ и этимологическое смѣшеніе двухъ сходныхъ въ морфологическомъ, но различныхъ въ семасіологическомъ отношеніи словъ, изъ которыхъ одно означало „свѣтящее солнце“, а другое „волкъ“, привели къ тому, что въ миѳическихъ повѣствованіяхъ нерѣдко переносились на волка всѣ тѣ черты и дѣйствія, которыя собственно приписывались дневному свѣтилу [4]). Только при предположеніи о при-

---

стадомъ, ср. Schwartz, Sonne, Mond u. Sterne, p. 268 sq. и Воеводскій, Введеніе въ миѳологію Одиссеи, напр. на стр. 114 сл., а также Nork, Etym.-symb.-myth. Wört. II, p. 155 sq., s. v. Heerde.

[1]) Особенно Usener'омъ, Götternamen, p. 198 sqq., а до него, отчасти, уже Welcker'омъ, Griech. Götterlehre I, p. 481 и Roscher'омъ, Apollo u. Mars, p. 16 sq., nota 22.

[2]) Отъ этого корня произведены санскритское vṛkas, греческое λύκος, латинское lupus, сабинское hirpus, готское vulfs, литовское vilkas, церковно-славянское влъкъ и т. д. Ср. особенно G. Curtius, Grundz. d. griech. Etym.⁵, p. 161 и Vaniček, Griech.—lat. etym. Wörterb., p. 906 и 910 sq.

[3]) Ср., напр., G. Curtius, l. c., p. 160 sq. и Vaniček, l. c., p. 816 sqq. О миѳологическомъ значеніи этого корня ruk-, luk- см. особенно Welcker, Griech. Götterlehre I, 476 sqq. и Usener, Götternamen, p. 198 sqq.

[4]) Весьма любопытенъ въ этомъ отношеніи, напр., миѳъ о томъ, что 12 волковъ, переправляясь черезъ рѣку, держатся другъ

своеніи волку во многихъ миѳическихъ сказаніяхъ солнечнаго значенія, которое, конечно, соотвѣтственно съ разсказываемымъ дѣйствіемъ, отличается различнымъ характеромъ и нерѣдко, вслѣдствіе смѣшенія указанныхъ двухъ обстоятельствъ или причинъ его происхожденія, заключаетъ въ себѣ противорѣчивыя черты, только при этомъ предположеніи становится для насъ возможнымъ объяснить и осмыслить какъ эти миѳы, такъ и вызванные ими религіозные культы.

Установивъ это, мы увидимъ, что и въ выше описанномъ обрядѣ поклонниковъ Сорана и въ легендѣ о ихъ происхожденіи мы имѣемъ на лицо всѣ элементы древнѣйшаго солнечнаго культа. Жрецы Сорана, называющіеся сперва пастухами, а затѣмъ волками (hirpi) этого божества, суть такіе же представители дневнаго свѣтила, какъ и самъ богъ Soranus, съ одной стороны, и волки, похищающіе изъ огня священныя внутренности, приносимыя ему въ жертву, съ другой. Эти внутренности суть „горящія“ (на ночномъ небѣ) звѣзды. Растерзывая и пожирая послѣднія, т. е. затмѣвая ихъ, солнце само восходитъ на небѣ и бѣжитъ по нему, пока не приходитъ къ пещерѣ. Эта пещера, къ которой бѣгутъ также пастухи (т. е. тоже самое солнце), представляетъ собою западное небо, а подъ чумными испареніями, выходящими изъ нея съ такой силою, что волки исчезаютъ, а близъ стоявшіе пастухи падаютъ мертвыми, подразумѣвается ночной мракъ западнаго неба, въ которомъ исчезаетъ или умираетъ, т. е. заходитъ солнце. Совершенно естественнымъ, поэтому, является возвѣщеніе оракула, что чума, т. е. ночь прекратится, если пастухи будутъ подражать волкамъ и жить грабежомъ, похищая, какъ они, священныя внутренности жертвъ изъ огня,

---

друга за хвостъ. Подъ 12 волками подразумѣваются, конечно, 12 мѣсяцевъ солнечнаго года (первоначально 12 мѣсячныхъ солнцевъ), которые плывутъ по небу, держась другъ за друга. Ср. Scheitlin, Versuche e. Thierscelenkunde, Stuttg. 1840, p. 97 и Friedreich, Die Symbolik u. Mythol. der Natur, p. 407 n. 1.

т. е. когда солнце снова взойдетъ, унося изъ огня звѣзды ночного неба, т. е. затмѣвая ихъ [1]).

Въ полномъ согласіи съ этимъ объясненіемъ приведенной Сервіемъ легенды о происхожденіи такъ называемыхъ hirpi Sorani находится культовый обрядъ, совершавшійся послѣдними въ честь почитаемаго ими божества. Смыслъ этого обряда заключается въ слѣдующемъ: осыпанное горящими угольями мѣсто, черезъ которое проходятъ „волки Сорана“, не нанося себѣ никакого вреда, представляетъ собою осыпанное „горящими“ звѣздами небо, черезъ которое невредимо проходитъ солнце. Такими же звѣздами, какъ уголья, являются дальше и тѣ внутренности жертвъ, которыя hirpi Sorani несутъ во время своего прохожденія по горящимъ угольямъ, и которыя предназначены по окончаніи этой церемоніи къ сожженію на жертвенникѣ божества: ходящее по небу дневное свѣтило уноситъ съ собою или похищаетъ, т. е. затмѣваетъ звѣзды, а послѣднія снова возгораются послѣ того, какъ оно совершило свой путь.

---

[1]) Миѳы, въ которыхъ солнце выступаетъ въ качествѣ пастуха (пасущаго звѣздное стадо), встрѣчаются почти у всѣхъ народовъ—ср., напр., Schwartz, Sonne, Mond u. Sterne, p. 268 sq. Nork, Etym.- symb.- mythol. Wörterb. II, 119, s. v. Hirt и II, 155 sq., s. v. Heerde, и Воеводскій, Введеніе въ миѳологію Одиссеи, напр. на стр. 110 сл.

Также многочисленны миѳы, въ которыхъ звѣзды обозначаются названіями самыхъ различныхъ предметовъ и, между прочимъ, названіемъ угольевъ (горящихъ)—ср. особ. Schwartz, l. c., passim и Воеводскій, l. c., стр. 9 и passim. — О миѳическомъ значеніи пещеры, какъ мѣста, въ которомъ скрывается заходящее солнце (также какъ и заходящая луна), ср. особ. Uschold, Vorh. z. griech. Gesch. u. Myth. I, 558, Usener, Kallone, въ Rhein. Mus. 1868, p. 340 sq., Rapp въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth. I, 2 p. 2013, s. v. Helios, и Roscher, Ueber Selene u. Verwandtes, p. 46 sqq., далѣе Воеводскій, Введеніе въ миѳологію Одиссеи, напр., стр. 81 и 117 и Siecke, Mondgottheit, p. 6.—Что же касается, наконецъ, чумныхъ испареній или чумы, означающихъ въ миѳахъ ночь, то объ этомъ сравн., напр., Воеводскій, l. c., стр. 49 и 137.

Если мы теперь поглубже вникнемъ въ характеръ и суть отдѣльныхъ чертъ разсматриваемаго нами солнечнаго миѳа и культоваго обряда, то намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, какимъ образомъ въ умахъ поклонниковъ Сорана изъ этихъ чертъ могли образоваться представленія о двойномъ характерѣ почитаемаго ими божества. Смотря по тому, начинало ли солнце свой ежедневный путь, принося съ собою свѣтъ, тепло и жизнь, или оканчивало его, заходя на западѣ и оставляя за собою ночной мракъ, холодъ и смерть, Соранъ долженъ былъ казаться то животворящимъ и благодѣтельнымъ, то губительнымъ и смертоноснымъ существомъ и согласно съ этимъ играть роль или свѣтлаго, надземнаго бога, т. е. могущественнаго и благосклоннаго властителя неба, или мрачнаго, подземнаго бога, т. е. столь же могущественнаго, но суроваго властителя ада или царства мертвыхъ [1]). Послѣднему представленію содѣйствовало, повидимому, еще то обстоятельство, что гора Соракте отличалась вулканическимъ характеромъ, и что въ скрывавшемся въ ея нѣдрахъ огнѣ, который обнаруживался въ видѣ исходящихъ изъ пещеръ удушливыхъ паровъ или кипящихъ источниковъ [2]), сабинскіе поселенцы этой мѣстности усматривали дѣйствіе небеснаго свѣтила, заходящаго подъ землю и становящагося властелиномъ также этого подземнаго царства [3]).

---

[1]) Даже Ἥλιος, солнечное божество сравнительно поздняго происхожденія, выступаетъ иногда въ качествѣ властителя надъ душами мертвыхъ—ср. Plutarch, De facie i. o. l. 30. См. Rapp въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth. I, 2 p. 2021, s. v. Helios.

[2]) Кромѣ вышеприведеннаго разсказа Сервія (Ad Verg. Aen. XI, 784), ср. еще свидѣтельства Плинія Старшаго (N. H. II, 95 (93), 207), и XXXI, 19, 2), Сенеки (Natur. quaest. VI, 28) и Витрувія VIII, 3, 17—см. Deecke, Die Falisker, p. 53 sq.

[3]) Какъ на аналогію къ этому, можно указать, напр., на этрусское божество Sulsle пеχse, въ которомъ Lattes (Saggi e appunti intorno all' iscrizione etrusca della Mummia, p. 128 и въ Rhein. Mus. N. F. vol. 49 (1894), p. 31 sq.) усматриваетъ „хтоническое солнце" (буквально по латыни = „Solicula necisia"), получающее жертву (spurta) для мертвыхъ.

Если въ только что сказанномъ мною заключается нѣкоторое противорѣчіе съ выше изложеннымъ представленіемъ о Соранѣ или солнцѣ, какъ о волкѣ или похитителѣ звѣздъ, то такое противорѣчіе, встрѣчающееся вообще весьма часто въ миѳическихъ сказаніяхъ, объясняется въ данномъ случаѣ весьма просто тѣмъ, что надъ значеніемъ солнца, какъ волка или похитителя звѣздъ, со временемъ стало получать перевѣсъ то значеніе его, которое оно издавна имѣло, какъ животворящая и благодѣтельная сила природы, и которое упрочилось за нимъ еще больше вслѣдствіе выше упомянутаго нами этимологическаго смѣшенія одного изъ его древнихъ названій, характеризующаго его какъ „волка", съ другимъ, единозвучнымъ названіемъ, характеризующимъ его какъ небесное „свѣтило".

Этотъ процессъ, происшедшій съ сабино-фалисскимъ божествомъ Сораномъ, совершился въ той же или въ сходной формѣ также со многими другими солнечными божествами и героями, встрѣчающимися въ миѳологіи древнихъ грековъ и италиковъ (особ. сабинянъ), и поэтому вполнѣ понятно, что со временемъ къ только что упомянутымъ чертамъ почитавшагося въ лицѣ миѳическаго существа солнца стали присоединяться еще другія, нерѣдко противорѣчивыя черты, которыя заключали въ себѣ указанія на самыя разнообразныя, то благодѣтельныя, то пагубныя стороны дѣйствія небеснаго свѣтила. Во многихъ случаяхъ, правда, такое накопленіе въ одномъ и томъ же миѳическомъ лицѣ противорѣчивыхъ чертъ приводило къ тому, что изъ религіозно-миѳическихъ эпитетовъ, обозначавшихъ и прославлявшихъ эти различныя черты почитавшагося существа, мало по малу и нерѣдко подъ вліяніемъ совершенно постороннихъ внѣшнихъ условій, стали образовываться особыя божества и другія миѳическія существа, дѣйствія и характеръ которыхъ отличались бо́льшимъ согласіемъ и единствомъ. Греческій Ἀιδης и латинскій Vejo-

vis являются, можетъ быть, наиболѣе типичными примѣрами божествъ этого происхожденія. Но какъ ни велико число этихъ особыхъ миѳическихъ существъ, отдѣлившихся отъ божествъ болѣе обширнаго значенія, на ряду съ ними всегда продолжали существовать эти послѣднія, которыя соединяли въ себѣ различныя и противорѣчивыя черты своего первоначальнаго значенія. Къ этимъ послѣднимъ божествамъ принадлежитъ также сабино-фалисскій Соранъ, а культъ, справлявшійся въ честь его на горѣ Соракте, представляетъ собою одинъ изъ такихъ примѣровъ соединенія почитанія дневного или надземнаго солнца съ почитаніемъ ночного или подземнаго солнца, о какихъ я распространился уже выше.

Въ самомъ близкомъ родствѣ съ этимъ двойнымъ значеніемъ Сорана, отождествлявшагося поэтому то съ Аполлономъ, то съ Дитомъ, и его культа находится характеръ и значеніе богини Феронiи и ея культа. На это указываетъ, съ одной стороны, то обстоятельство, что, по достовѣрному свидѣтельству Страбона, какъ мы уже видѣли, культовый обрядъ, совершавшійся такъ называемыми hirpi Sorani въ честь Сорана (Сорана-Аполлона и Сорана-Дита), относился также къ названной богинѣ, почитавшейся у горы Соракте и несомнѣнно слывшей тамъ соучастницею въ святилищѣ Сорана. Съ другой стороны, двойной характеръ Феронiи явствуетъ изъ того, что она отождествлялась то съ римскою Юноною – Iuno virgo — [1]) то съ греческою Персефоною [2]), т. е. считалась богинею, властвующею не только надъ небомъ и поднебеснымъ или надземнымъ пространствомъ, но и надъ подземнымъ пространствомъ или царствомъ мертвыхъ.

Если мы теперь спросимъ, какимъ образомъ можно объяснить происхожденіе такого двойного характера названной бо-

---

[1]) Servius, Ad Verg. Aen. VII, 799.

[2]) Dionys Halic. III, 32, 1. Ср. также глоссу (въ Corp. glossar. lat. ed. Goetz, vol. V, p. 500), оставшуюся до сихъ поръ незамѣченной учеными: Feronia agrorum sive inferorum dea.

гини, то единственнымъ, вполнѣ удовлетворительнымъ и потому возможнымъ, отвѣтомъ на этотъ вопросъ, обойденный до сихъ поръ всѣми миѳологами, я считаю слѣдующее предположеніе: Феронiя первоначально была лунною богинею и въ качествѣ таковой сдѣлалась со временемъ также властительницею царства мертвыхъ, подвергшись тому же процессу развитія религіозно-миѳическихъ представленій о ней, какому подверглись, какъ мы уже видѣли [1]), и нѣкоторыя другія лунныя богини и героини, напр., Персефона, Геката, Полибея.

Въ числѣ данныхъ, говорящихъ въ пользу изложеннаго предположенія, на первомъ мѣстѣ стоитъ то, что римская Юнона, съ которою сабинская Феронiя отождествлялась, согласно нѣсколькимъ свидѣтельствамъ [2]), первоначально тоже оли-

---

[1]) Ср. выше на стр. 80 сл. — Объ этомъ процессѣ подробнѣе трактовалъ недавно O. Gilbert, Griech. Götterlehre, p. 353 sqq.

[2]) Кромѣ совсѣмъ опредѣленнаго свидѣтельства Сервія (l. c.: circa hunc tractum Campaniae (т. е. Circaeum iugum, гдѣ лежалъ г. Terracina) colebatur puer Iuppiter.... et Iuno virgo, quae Feronia dicebatur) и оставленной учеными безъ вниманія глоссы (Glossar. Maii въ Classic. auctor. vol. VIII, p. 246 — ср. Hildebrand, Glossar. lat. bibl. Paris. antiq. saec. IX (Gött. 1854), p. 141, примѣч.) Feronia Iuno eo quod ferat opem, на это указываютъ также три надписи, которыя содержатъ посвященія Iunoni Feroniae (C. I. L. V, 412 и Fabretti, Inscr. p. 451, 65) или Iunoni reg (inae) et Feroniae (Orelli, Inscr. lat. 1315). Ибо даже въ томъ случаѣ, если эти надписи относятся не къ одному лишь божеству, обозначаемому двумя названіями Iuno Feronia, или однимъ названіемъ Iuno, усиленнымъ двумя эпитетами Regina и Feronia, а къ двумъ божествамъ, т. е. къ Юнонѣ и къ Феронiи — (таково мнѣніе Моммзена, который въ C. I. L., l. c., Iunoni Feroniae объясняетъ какъ Iunoni, Feroniae или Iunoni et Feroniae)—или если, согласно мнѣнію Borghesi (въ Giorn. Arcad. 25, p. 386.=Oeuvres II, p. 107), первыя двѣ надписи посвящены Юнонѣ, т. е. геніо Феронiи (Iuno Feroniae — ср. Iuno Deae Diae въ Acta fr. Arval. ed. Henzen, стр. 144 и Iuno Isidis Victricis въ надписи у Orelli, n. 1882—), то едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Юнона и Феронiя считались тождественными по существу богинями. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что когда римскія матроны подносили дары

цетворяла собою луну, какъ это самымъ неопровержимымъ образомъ было доказано еще Roscher'омъ [1]). Далѣе я считаю весьма знаменательнымъ даннымъ тотъ фактъ, что, когда въ 537/217 г. римскому сенату въ числѣ другихъ знаменій, случившихся тогда въ Италіи, было сообщено, что въ г. Капенѣ днемъ взошли двѣ *луны*, то онъ постановилъ, чтобы съ цѣлью умилостивленія божества, пославшаго это знаменіе, вольноотпущенницы собрали между собою денежную сумму для поднесенія ея богинѣ *Фероніи* въ то время, какъ римскія матроны такой же даръ поднесли Авентинской *Iuno Regina* [2]).

богинѣ Iuno Regina in Aventino, вольноотпущенницы подносили такіе же дары богинѣ Фероніи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Ливій въ своемъ разсказѣ о продигіяхъ 537/217 года (кн. XXII, 1, 10 и 18). Ср. также Mommsen въ Annali dell' Inst. di corrisp. archeol., 1846, стр. 101 sq. О такомъ же сходствѣ или первоначальномъ тождествѣ Фероніи съ Юноною можно, наконецъ, вывести заключеніе изъ нѣкоторыхъ разсматриваемыхъ нами ниже древнихъ сказаній, въ основаніи которыхъ повидимому лежитъ отождествленіе Фероніи съ Герою (=Юноною).

[1]) Roscher, Iuno und Hera als Mongöttinnen, въ Commentationes philologae semin. Lips. sod. (Lips. 1874), p. 215—236 и Studien zur vergl. Mythol. d. Gr. u. Röm. II. Iuno und Hera (Lpz. 1875), стр. 15—24. Ср. также Preller-Iordan, Röm. Mythol. I³, 271 sqq.—Весьма интересно, что и эта лунная богиня иногда играетъ роль подземной богини: Iuno inferna (ср. Verg., Aen. VI, 138) или Iuno Stygia (ср. Statius, Theb. IV, 526) или Iuno Averna (ср. Ovid., Metam. XIV, 114). Съ ней можно сравнить также богиню Aeracura, встрѣчающуюся на позднѣйшихъ памятникахъ и играющую здѣсь роль подземной богини, соединенной обыкновенно съ Dis pater. Имя ея возникло изъ греческаго Ἥρα κούρα (=κόρη), какъ вѣрно замѣчаетъ Maass (Orpheus, München 1895, p. 220), а не изъ Ἥρα χωρία, какъ думаетъ Gaidoz (Revue archéol. XX (1872), p. 178 sqq.); латинскую форму свою (Aeracura) это имя приняло, вѣроятно, подъ вліяніемъ народной этимологіи (ср. Gaidoz, l. c.), уподоблявшей богиню „добывательницѣ денегъ" (ср. Mommsen въ Archäol. Anz. 1865, p. 88).

[2]) Livius XXII, 1, 10 и 18. Любопытно, что и нѣкоторыя другія изъ случившихся тогда въ Италіи знаменій относились къ небеснымъ явленіямъ, подобно знаменію, случившемуся въ г. Капенѣ, и поэтому разсказываются Ливіемъ непосредственно передъ

Почти съ такой же несомнѣнностью, какъ изъ этого интереснаго факта, можно вывести заключеніе о лунномъ характерѣ, первоначально свойственномъ названной богинѣ, и изъ приведеннаго Діонисіемъ Галикарнасскимъ легендарнаго сказанія сабинянъ, по которому лакедемоняне, покинувшіе при Ликургѣ свое отечество, прибывъ послѣ долгаго скитанія по обширному морю въ Италію, то мѣсто помптинской области, къ которому они пристали, прозвали Фороніею въ воспоминаніе своего скитанія по морю и вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно раньше сдѣланному обѣту, соорудили святилище въ честь богини того же имени, Фороніи, или, какъ она впослѣдствіи называлась, Фероніи [1]). Съ какимъ бы недовѣріемъ историческая критика ни относилась къ этому легендарному сказанію [2]), имѣвшему цѣлью служить однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ такъ часто утверждавшагося въ древности аргосскаго или лакедемонскаго происхожденія сабинскаго народа, едва ли можно сомнѣваться въ правильности предположенія, что приведенное въ этомъ сказаніи производство имени Фороніи (Фероніи) отъ морскаго скитанія (ἀπὸ τῆς πελαγίου φορήσεως) имѣло фактическое основаніе [3]) и было вызвано въ дѣйствительности распространеннымъ у сабинянъ въ древнѣйшее время религіозно-миѳическимъ представленіемъ о Фероніи, какъ о богинѣ, скитающейся по обширному морю, т. е. о лунѣ, плывущей по небесному океану [4]). Это предположеніе подтвер-

---

этимъ послѣднимъ (XXII, 1, 9 sq.): Arpis parmas in caelo visas pugnantemque cum luna solem et Capuae duas interdiu lunas ortas.

[1]) Dionys. Halic. II, 49, 4.

[2]) Ср. Deecke, Die Falisker, p. 101 и 13 sqq.

[3]) Въ этомъ, повидимому, убѣждены и Preller-Iordan (Röm. Myth. I³, 429), такъ какъ они высказываютъ мнѣніе, что въ помптинской области на берегу моря Феронія почиталась какъ „спасительная богиня моря".

[4]) О миѳическомъ представленіи, что луна (какъ и солнце) плыветъ по (небесному) морю, ср., напр., Schwartz, Sonne, Mond u. Sterne, p. 11 и 115 а также Rapp въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech.

ждается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что названіе Феронiи, по всей вѣроятности, происходитъ отъ индоевропейскаго корня bhar- [1]) (греческаго φερ-, латинскаго fer-) и представляетъ собою женскую форму имени, которое образовано отъ древняго медіальнаго причастія настоящаго времени глагола, произведеннаго отъ указаннаго корня, подобно тому, какъ названіе греческаго миѳическаго царя Φορωνεύς, который, согласно пелопоннесскому сказанію, принесъ людямъ огонь (ср. Pausan. II, 19, 5), представляетъ собою мужескую форму того же имени [2]). Относительно этого послѣдняго лица, названіе котораго

---

u. röm. Myth. I, 2012 sqq., s. v. Helios, и Roscher, Ueber Selene u Verwandtes, p. 44.

[1]) Изъ всѣхъ предложенныхъ до сихъ поръ этимологій имени Feronia—(см. перечисленіе ихъ у Steuding'a въ Roscher's Ausf Lex. d. gr. u. röm. Myth. II, 1, p. 1477 sq., s. v. Feronia; къ нимъ присоединилась въ новѣйшее время еще одна этимологія (Feronia= лат. расширенная форма дорическихъ именъ Θηρώνα, Θηρώ), предложенная Usener'омъ (Der Stoff des griech. Epos. Wien 1897, p. 37 n. 1. [Оттискъ изъ Sitzungsberichte d. kais. Akad. d. Wiss. in Wien. Philos.-hist. Cl. Bd. CXXXVII]),—производство его отъ корня bhar- должно считаться единственнымъ, которое можетъ претендовать на правдоподобіе (ср. Deecke, Die Falisker, p. 103, который также принимаетъ это производство, но приписываетъ Феронiи совершенно другое значеніе, чѣмъ я). Нѣкоторыя соображенія, которыя я приведу ниже, могутъ послужить дальнѣйшимъ подтвержденіемъ указанной этимологіи. Что же касается имени умбрской, вольской и марсской богини Vesuna, съ которымъ имя богини Feronia сопоставляютъ Lanciani (въ Bull. dell' Inst. 1870, p. 26 sqq.) и Pinza (въ Bull. d. commiss. arch. comun. di Roma 1896, p. 221 sq. и 226 sq.), слѣдуя еще старому предположенію Mommsen'a (въ Annali dell' Inst. 1846, p. 103), отъ котораго послѣдній самъ скоро отрекся (Unterital. Dialekte. Lpz. 1850, p. 321), то теперь не можетъ уже подлежать сомнѣнію (ср. Preller-Iordan, Röm. Myth. I³, 426 n. 1 и 454 n. 1), что сопоставленіе обоихъ этихъ именъ противорѣчитъ законамъ италійской діалектологіи.

[2]) Ср. Kuhn, Die Herabkunft des Feuers u. des Göttertranks², p. 26 sqq. До него уже Schwenck (Etymol.-mythol. Andeutungen. Elberf. 1828, p. 300) сопоставилъ имя Феронiи съ именемъ Форонея.

по справедливости сопоставляется Kuhn'омъ съ эпитетомъ bhuranyu, употребляемымъ въ индійскихъ Ведахъ на ряду съ безчисленными другими эпитетами для прославленія бога „небеснаго огня“ Агни, нынѣ уже не можетъ подлежать сомнѣнію, что оно первоначально означало „несущееся“ (по небесному морю) или „быстрое“ солнце [1]).

Въ пользу предположенія, что Феронiя первоначально была однимъ изъ древнѣйшихъ сабинскихъ олицетвореній луны, пользовавшейся у сабинянъ и другихъ племенъ средней Италіи, на ряду съ солнцемъ, весьма большимъ религіознымъ почитаніемъ [2]), говоритъ далѣе то обстоятельство, что одно изъ ея святилищъ находилось вблизи этрусскаго города Luna [3]), который, какъ можно заключить уже изъ его имени (ср. Σελήνης πόλις — Strabo V, 2, 5 p. 222 и Steph. Byz., s. v. Σελήνη; ср. и лежавшее вблизи этого города Σελήνης ἄκρον — Ptolem. III, 1, 4), издревле служилъ особенно важнымъ центромъ культа Луны, почитавшейся тамъ, между прочимъ, какъ кажется, и подъ именами лунныхъ героинь Медеи и Кирки (ср. схоліаста въ Theocr., Id. 2, 15), а также, вѣроятно, подъ этрусскимъ именемъ Lala, несомнѣнно служившимъ од-

---

[1]) Самъ Kuhn (l. c., p. 253 sqq.), правда, приходитъ въ своей замѣчательной книгѣ къ другимъ результатамъ и усматриваетъ въ Агни обоготворенное олицетвореніе огня, а въ Промееѣ, Форонеѣ и др. миѳическія олицетворенія молніи, но такой взглядъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ не считаться теперь ошибочнымъ и несогласнымъ съ основами миѳологіи. Что касается эпитета „быстрый“, даннаго солнцу и лунѣ (Φορωνεύς и Feronia), то онъ встрѣчается весьма часто при именахъ миѳическихъ олицетвореній солнца и луны—ср. Roscher, Ueber Selene u. Verwandtes, p. 93 съ примѣч. 363 и 364, а также Nachträge zu meinem Buche „Ueber Selene u. Verwandtes“ (Wurzener Gymnas.-Programm 1895), p. 33.

[2]) Ср. Preller-Iordan, Röm. Myth. I³, 327. Roscher, Ueber Selene u. Verwandtes, p. 15 sq.

[3]) См. Tab. Viterb. у Gruter'a, Inscript. antiq., p. CCXX: fanum Feroniae.

нимъ изъ обозначеній лунной богини этрусковъ (ср. Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 15). Затѣмъ я считаю въ высшей степени знаменательнымъ то обстоятельство, что въ сабинскомъ городѣ Trebula Mutuesca Феронія почиталась совмѣстно съ Марсомъ [1]), а въ вольскомъ городѣ Terracina совмѣстно съ Юпитеромъ Анксуромъ [2]), т. е. въ обоихъ мѣстахъ совмѣстно съ такими божествами, которыя, по мнѣнію большинства миѳологовъ, имѣли первоначально такое же солнечное значеніе, какъ и Соранъ, соучастникъ въ соракгинскомъ культѣ Феронiи [3]). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ наиболѣе тѣсной связи съ солнечными богами должны находиться лунныя богини [4]). Этой связью объясняется, по моему, также то обстоятельство, что дятелъ, играющій въ миѳическихъ сказаніяхъ столь видную роль и являющійся въ нихъ обыкновенно, какъ я увѣренъ, олицетвореніемъ небеснаго свѣтила [5]), былъ одинаково посвященъ Марсу (picus Martius) и Феронiи (picus

---

[1]) Ср. C. I. L. I, 1307—1309=IX, 4873—4875 и Iul. Obsequens 42 sq. Тоже самое, можетъ быть, было и въ пицентскомъ городѣ Septempeda—ср. Deecke, Die Falisker, p. 99.

[2]) Verg., Aen. VII, 799 и Servius, въ комментаріи къ этому мѣсту.

[3]) Ср. Preller-Iordan, Röm. Myth. I³, 429 и 267 sq. (о Iuppiter Anxurus) и Roscher, Apollon u. Mars, p. 16 sqq., а также Steuding въ Roscher's Ausf. Lex. d. gr. u. röm. Myth. I, 2 p. 1479 и 1481, s. v. Feronia.

[4]) Объ этой связи ср., напр., Siecke, Die Liebesgesch. des Himmels, p. 3 sqq. и Die Urrelig. d. Indog., p. 3 sqq. O. Gilbert, Griech. Götterlehre, p. 402 sqq.

[5]) Только при такомъ предположеніи становится возможнымъ объяснить всѣ миѳическія сказанія и представленія о дятлѣ. Послѣднія собраны, напр., у Keller'a, Thiere des klass. Alterthums in kulturgesch. Beziehung, p. 277 sqq., и у Gubernatis'a, Zoological mythology or the legends of animals, II, p. 264 sqq. Ср. также Kuhn, Die Herabkunft des Feuers, p. 30 sqq., Nork, Etym.-symb.-myth. Wörterb. IV, 302 sq., s. v. Specht, и Friedreich, Die Symbolik u. Mythologie der Natur (Würzburg 1859), p. 535 sqq.

Feronius) [1]). На лунный характеръ богини Феронiи указываютъ, наконецъ, и тѣ два миѳа о ней, которые приводятся Вергиліемъ и Сервіемъ. Въ первомъ изъ нихъ про нее говорится, что она своему сыну Эрулу при рожденіи дала три души, и что аркадо-римскій царь Эвандръ, сражаясь съ нимъ, трижды долженъ былъ убить его. Это случилось во время войны, которою Эрулъ, будучи пренестинскимъ царемъ, пошелъ на прибывшаго въ Италію Эвандра, чтобы съ помощью своихъ согражданъ прогнать его. Послѣдній не только убилъ Эрула, но и побѣдилъ его войско и сжегъ щиты убитыхъ [2]). Во второмъ миѳѣ разсказывается, что, когда однажды роща при террацинскомъ святилищѣ Феронiи и Юпитера Анксура сгорѣла, и жители хотѣли вынести оттуда изображенія божествъ, то деревья внезапно снова позеленѣли [3]).—Что касается этого втораго сказанія, то я нахожу въ немъ всѣ элементы солнечно-луннаго и звѣзднаго миѳа и объясняю его слѣдующимъ образомъ: подъ рощею названныхъ божествъ подразумѣвается небесное или звѣздное дерево, принадлежащее солнцу и лунѣ. Это дерево сгораетъ, т. е. листья его или звѣзды исчезаютъ, когда тѣ свѣтила находятся на немъ; но оно снова покрывается зелеными листьями, т. е. горящими звѣздами, когда солнце и луна удаляются отъ него [4]).—Также просто объясняется и первый изъ приведенныхъ двухъ миѳовъ: здѣсь Эрулъ представляетъ собою солнечнаго героя, рожденнаго лунною богинею Феронiею и обладавшаго тремя душами или жизнями

---

[1]) Ср. Festus, p. 197 M., s. v. Oscines aves, и Plinius, N. H. X, 18(20), 40.

[2]) См. Verg., Aen. VIII, 563 sqq. и Servius, Ad Verg. Aen. VIII, 562.

[3]) Servius, Ad Verg. Aen. VII, 800.

[4]) О небесномъ или звѣздномъ деревѣ, встрѣчающемся во многихъ миѳахъ, ср., въ особ., Воеводскаго, Введеніе въ миѳологію Одиссеи, стр. 153 слл., Schwartz, Prähist.-anthropol. Studien. Berlin 1884, p. 292; 297 sq., 304 и 467 и Goldziher, Der Mythos bei d. Hebräern, p. 172 sq.

благодаря тому, что и жизнь луны, миѳически называвшейся матерью того солнца, которое свѣтило при ней, т. е. въ теченіе „мѣсяца", дѣлилась на три фазы или отдѣльныя жизни. Этотъ солнечный герой, сопровождаемый своимъ войскомъ, т. е. звѣздами (слѣдующими за дневнымъ свѣтиломъ), идетъ воевать съ врывающимся въ его область Эвандромъ, чтобы прогнать его. Но послѣдній, въ которомъ мы тоже должны усматривать солнечнаго героя (олицетворявшаго собою солнце новаго дня и мѣсяца), убиваетъ не только самого Эрула (т. е. солнце предыдущаго дня и мѣсяца), но и всѣхъ согражданъ его, т. е. звѣзды, и при этомъ сожигаетъ щиты послѣднихъ (т. е. достигаетъ своими лучами того, что эти же звѣзды сгораютъ и угасаютъ) [1].

Переходя теперь къ разсмотрѣнію остальныхъ немногихъ свѣдѣній о Фероніи, дошедшихъ до насъ изъ древности и указывающихъ на то, что эта богиня, почитавшаяся въ г. Пренесте, какъ мы видѣли, въ качествѣ матери Эрула, въ другихъ мѣстахъ почиталась какъ дѣвица и покровительница дѣвицъ [2]),

---

[1]) Такія же олицетворенія солнца, какъ въ Эрулѣ, я усматриваю въ Геріонѣ и въ Марѣ. Имя послѣдняго, который считался древнѣйшимъ изъ авзонскихъ автохтоновъ Италіи, жившимъ 123 года и трижды воскресшимъ отъ смерти (Aelian., Var. hist. IX, 16 init. Hercher), безъ сомнѣнія, одного и того же корня (mar- „сіять", „блестѣть"—ср. Vaničeк, Griech.-lat. etym. Wört., p. 714), какъ имя Марса, бывшаго первоначально солнечнымъ богомъ.

[2]) Ср. Servius, Ad Verg. Aen. VII, 799, который, говоря о террацинскомъ культѣ Юпитера Анксура и Фероніи, отождествляетъ послѣднюю съ Iuno Virgo. Въ связи съ представленіемъ о Feronia, какъ о дѣвицѣ, находится, вѣроятно, также указаніе на то, что она считалась, между прочимъ, и богинею дѣвицъ (Glossar. Papiae: Feronia dea agrorum vel puellarum), а такое значеніе Фероніи ставитъ ее на ряду съ дѣвственною Артемидою — Діаною, которая, будучи первоначально, безъ сомнѣнія, лунною богинею, постепенно развилась вмѣстѣ съ этимъ и благодаря этому въ покровительницу женщинъ вообще и дѣвицъ въ частности (ср. Roscher, Ueber Selene u. Verw, особ. p. 82 и приведенную тамъ литературу). На ряду, однако, съ этимъ представленіемъ о Фероніи, какъ о Iuno virgo, въ Террацинѣ, если можно вѣрить свидѣтельству Псевдо-Акрона (Ad Horat. serm. I, 5, 24: Haec est Iovis Anxuris uxor), распространено было также представленіе о Фероніи, какъ о супругѣ Юпитера Анксура.

какъ нимфа источниковъ [1]), какъ любительница зеленыхъ рощъ, цвѣтовъ, вѣнковъ и плодовъ [2]), какъ дарительница свободы и

---

[1]) Servius, Ad Verg. Aen. VIII, 564 называетъ Феронію nympha Campaniae, и ей былъ посвященъ тотъ fons in Campania apud Terracinam (Servius, Ad Verg. Aen. VII, 799), о которомъ упоминаетъ также Горацій (Satir. I, 5, 24: tua, — Feronia, lympha; ср. также схоліи Порфиріона къ этому мѣсту), и который еще нынѣ носитъ названіе Ferronia (см. René de la Blanchère въ Revue archéol. 1881, 1, p. 370 sqq.). — На значеніе Фероніи, какъ оберегательницы или нимфы источниковъ, указываетъ также упомянутое въ двухъ истрійскихъ надписяхъ (C. I. L. V, 8307 и 8308) collegium opificum Feroniensium aquatorum.

[2]) Это явствуетъ, съ одной стороны, изъ того обстоятельства, что Фероніи посвящены были и упомянутый многими писателями (особ. Livius XXVII, 4, 14 sq. и Silius Ital. XIII, 84) lucus Feroniae близъ Капены, который, какъ мы уже видѣли (ср. стр. 119 сл.), служилъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ святилищъ богини, и та роща ея, находившаяся близъ Террацины, относительно которой Вергилій (Aen. VII, 800) говоритъ viridi gaudens Feronia luco, а Сервій (въ комментаріи къ этому мѣсту Вергилія) приводитъ цѣлый миѳъ, разсмотрѣнный нами выше (на стр. 139). Съ другой стороны, это видно изъ того обстоятельства, что Феронія погречески характеризовалась то эпитетомъ ἀνθοφόρος, то эпитетомъ φιλοστέφανος — ср. Dionys. Halic. III, 32, 1—то эпитетомъ πολυστέφανος—см. Corp. glossar. Lat. ed. Goetz, vol. II, p. 71—, и что въ числѣ другихъ даровъ ей подносились особ. первенцы полей (ср. Livius XXII, 11, 8). Вполнѣ понятно и объяснимо, поэтому, что въ нѣкоторыхъ глоссахъ Феронія называется dea agrorum (ср. Corp. gloss. Latin. ed. Goetz, vol. V, p. 500: Feronia agrorum sive inferorum dea, и тамъ же, vol. IV, p. 238 и p. 342: Feronia dea agrorum. Въ glossar. Papiae стоитъ: Feronia dea agrorum vel puellarum).

Изображенія Фероніи, которыя встрѣчаются на монетахъ рода Петроніевъ, показываютъ женскую голову, украшенную, въ одномъ случаѣ, простой діадемою (ср. монету Петронія Турпиліана n. 2 у Babelon'a, Description hist. et chronol. des monnaies de la républ. ro-

покровительница отпущенныхъ на волю рабовъ и рабынь [1]), что святилище ея въ Капенѣ у подошвы горы Соракте имѣло круглую форму [2]), что въ Римѣ ея праздникъ приходился на иды ноября [3]), и что она находилась въ тѣсной связи съ богинею Fortuna Primigenia [4]), мы увидимъ, что и эти свѣдѣнія находятся въ полномъ согласіи съ приписываемымъ нами

---

maine II (Paris 1886), p. 295), а въ другихъ случаяхъ или стѣннымъ вѣнцомъ, какъ думаютъ Cohen, Descr. géner. des monnaies de la rép. romaine, comm. appelées médailles consulaires, p. 244 sqq. и pl. XXX, Eckhel, Doctr. numm. vet. V, 270 sqq. и особенно Babelon, l. c. II, p. 295 sqq., или скорѣе, согласно мнѣнію Borghesi (Oeuvres, II, 106 sq.), цвѣточнымъ вѣнкомъ, состоящимъ изъ закрытыхъ еще гранатныхъ цвѣтовъ. Въ этихъ гранатныхъ цвѣтахъ, однако, мы едва ли имѣемъ право усматривать съ Borghesi такіе цвѣты, которые должны характеризовать Феронію только какъ подземную богиню, тождественную съ Персефоною. На самомъ дѣлѣ гранаты общи и другимъ богинямъ, которыя благодаря своему первоначальному лунному значенію считались покровительницами половой жизни женщинъ, менструаціи и т. под., а именно Артемидѣ, Герѣ и Юнонѣ (ср. Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 56).

[1]) Ср. Servius, Ad Verg. Aen. VIII, 564 sq.; Livius XXII, 1, 18; Plautus, Amphitr. I, 1, 305 sq. (461 sq.). На Феронію, какъ богиню свободы, указываютъ также посвященныя ей надписи, которыя сочинены однимъ libertus и одной ancilla (C. I. L. VI, 146 sq.).

[2]) Остатки этого круглаго храма найдены и описаны Lanciani въ Bullet. dell' Inst. arch. 1870, p. 30 sq.

[3]) Fasti Iuliani въ Acta fratrum Arvalium ed. Henzen p. CCXL (къ 14 ноября): Feroniae in camp(o). Fortun(ae) prim(igeniae) in c(olle). Equorum probatio. Это календарное указаніе относится, однако, на самомъ дѣлѣ не къ 14 ноября, а къ 13 ноября, какъ доказали Klügmann и Henzen на стр. 240 Генценова изданія актовъ Арвальскихъ братьевъ, ссылаясь, между прочимъ, на извѣстный фактъ, что въ слѣдующіе за календами, нонами и идами дни нельзя было приносить жертвы богамъ (ср. fasti Praenestini m. Ian. и Mommsen въ C. I. L. I, p. 373, 7, 1, 1).

[4]) См. приведенное въ предыдущемъ примѣчаніи календарное указаніе актовъ Арвальскихъ братьевъ и найденную близъ г. Пренесте надпись (Orelli, Inscr. latin. 1756), посвященную Fortunae Praen(estinae et Feroniae sanctissimae.

Фероніи первоначальнымъ луннымъ значеніемъ, и указанныя въ нихъ особыя и весьма разностороннія черты характера богини легче всего могутъ быть объяснены и выведены именно изъ этого основного значенія ея. Нужно только не упускать изъ виду того громаднаго вліянія, простирающагося почти на всѣ стороны жизни природы и людей, которое, по общему вѣрованію народовъ, издревле приписывалось и отчасти еще понынѣ приписывается лунѣ [1]). Такимъ образомъ объясняется, напр., что въ совершенной аналогіи съ сабинскою Феронією также Діана и другія богини или вообще миѳическія существа римлянъ и грековъ, лунное значеніе которыхъ признано всѣми, одарены самыми различными качествами [2]) и, являясь или замужними женщинами и матерями, или дѣвами [3]), выступаютъ, съ одной стороны, властительницами природы, напр., нимфами водъ и источниковъ [4]), или покровительницами лѣсовъ и всякой растительности полей [5]), а съ другой сторо-

---

[1]) Подробнѣе трактуютъ объ этомъ многостороннемъ вліяніи, приписываемомъ лунѣ и ея миѳическимъ представительницамъ, особенно Siecke, Beiträge z. gen. Erkenntniss d. Mondgottheit bei d. Griechen (Berlin 1885), Roscher, Ueber Selene u. Verwandtes (Lpz. 1890) и Nachträge zu m. Buche Ueber Selene u. Verwandtes (Wurzen 1895) и O. Gilbert, Griech. Götterlehre, особ. p. 383 sqq. Ср. также Aust, въ Roscher's Ausf. Lex. d. gr. u. röm. Myth., s. v. Luna.

[2]) Относительно Діаны ср., напр., Preller-Iordan, Röm. Mythol. I³, 321 sq.

[3]) Общеизвѣстно то миѳическое представленіе, согласно которому луна—жена солнца, рождающая новыя луны и солнца. На ряду съ этимъ представленіемъ, однако, существовало и другое, согласно которому луна (напр. Ἄρτεμις παρθένος)—дѣвица и въ качествѣ таковой—или дочь или сестра или возлюбленная солнца.—Ср. Siecke, l. c., p. 5 sqq. и Die Liebesgeschichte des Himmels (Strassb. 1892), p. 28 sqq., Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 102; 97 и 79 sq. и O. Gilbert, l. c., p. 402 sqq.

[4]) Ср. особенно Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 49—55 и Nachträge z. m. Buche, p. 24 sq.

[5]) Ср. особенно Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 61—67 и Nachträge, p. 26 sq.—Съ эпитетами Фероніи ἀνθοφόρος, φιλοστέφανος,

покровительница отпущенныхъ на волю рабовъ и рабынь [1]), что святилище ея въ Капенѣ у подошвы горы Соракте имѣло круглую форму [2]), что въ Римѣ ея праздникъ приходился на иды ноября [3]), и что она находилась въ тѣсной связи съ богинею Fortuna Primigenia [4]), мы увидимъ, что и эти свѣдѣнія находятся въ полномъ согласіи съ приписываемымъ нами

---

maine II (Paris 1886), p. 295), а въ другихъ случаяхъ или стѣннымъ вѣнцомъ, какъ думаютъ Cohen, Descr. géner. des monnaies de la rép. romaine, comm. appelées médailles consulaires, p. 244 sqq. и pl. XXX, Eckhel, Doctr. numm. vet. V, 270 sqq. и особенно Babelon, l. c. II, p. 295 sqq., или скорѣе, согласно мнѣнію Borghesi (Oeuvres, II, 106 sq.), цвѣточнымъ вѣнкомъ, состоящимъ изъ закрытыхъ еще гранатныхъ цвѣтовъ. Въ этихъ гранатныхъ цвѣтахъ, однако, мы едва ли имѣемъ право усматривать съ Borghesi такіе цвѣты, которые должны характеризовать Феронію только какъ подземную богиню, тождественную съ Персефоною. На самомъ дѣлѣ гранаты общи и другимъ богинямъ, которыя благодаря своему первоначальному лунному значенію считались покровительницами половой жизни женщинъ, менструаціи и т. под., а именно Артемидѣ, Герѣ и Юнонѣ (ср. Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 56).

[1]) Ср. Servius, Ad Verg. Aen. VIII, 564 sq.; Livius XXII, 1, 18; Plautus, Amphitr. I, 1, 305 sq. (461 sq.). На Феронію, какъ богиню свободы, указываютъ также посвященныя ей надписи, которыя сочинены однимъ libertus и одной ancilla (C. I. L. VI, 146 sq.).

[2]) Остатки этого круглаго храма найдены и описаны Lanciani въ Bullet. dell' Inst. arch. 1870, p. 30 sq.

[3]) Fasti Iuliani въ Acta fratrum Arvalium ed. Henzen p. CCXL (къ 14 ноября): Feroniae in camp(o). Fortun(ae) prim(igeniae) in c(olle). Equorum probatio. Это календарное указаніе относится, однако, на самомъ дѣлѣ не къ 14 ноября, а къ 13 ноября, какъ доказали Klügmann и Henzen на стр. 240 Генценова изданія актовъ Арвальскихъ братьевъ, ссылаясь, между прочимъ, на извѣстный фактъ, что въ слѣдующіе за календами, нонами и идами дни нельзя было приносить жертвы богамъ (ср. fasti Praenestini m. Ian. и Mommsen въ C. I. L. I, p. 373, 7, 1, 1).

[4]) См. приведенное въ предыдущемъ примѣчаніи календарное указаніе актовъ Арвальскихъ братьевъ и найденную близь г. Пренесте надпись (Orelli, Inscr. latin. 1756), посвященную Fortunae Praen(estinae et Feroniae sanctissimae.

Фероніи первоначальнымъ лунымъ значеніемъ, и указанныя въ нихъ особыя и весьма разностороннія черты характера богини легче всего могутъ быть объяснены и выведены именно изъ этого основного значенія ея. Нужно только не упускать изъ виду того громаднаго вліянія, простирающагося почти на всѣ стороны жизни природы и людей, которое, по общему вѣрованію народовъ, издревле приписывалось и отчасти еще понынѣ приписывается лунѣ [1]). Такимъ образомъ объясняется, напр., что въ совершенной аналогіи съ сабинскою Феронією также Діана и другія богини или вообще миѳическія существа римлянъ и грековъ, лунное значеніе которыхъ признано всѣми, одарены самыми различными качествами [2]) и, являясь или замужними женщинами и матерями, или дѣвами [3]), выступаютъ, съ одной стороны, властительницами природы, напр., нимфами водъ и источниковъ [4]), или покровительницами лѣсовъ и всякой растительности полей [5]), а съ другой сторо-

---

[1]) Подробнѣе трактуютъ объ этомъ многостороннемъ вліяніи, приписываемомъ лунѣ и ея миѳическимъ представительницамъ, особенно Siecke, Beiträge z. gen. Erkenntniss d. Mondgottheit bei d. Griechen (Berlin 1885), Roscher, Ueber Selene u. Verwandtes (Lpz. 1890) и Nachträge zu m. Buche Ueber Selene u. Verwandtes (Wurzen 1895) и O. Gilbert, Griech. Götterlehre, особ. p. 383 sqq. Ср. также Aust, въ Roscher's Ausf. Lex. d. gr. u. röm. Myth., s. v. Luna.

[2]) Относительно Діаны ср., напр., Preller-Iordan, Röm. Mythol. I³, 321 sq.

[3]) Общеизвѣстно то миѳическое представленіе, согласно которому луна—жена солнца, рождающая новыя луны и солнца. На ряду съ этимъ представленіемъ, однако, существовало и другое, согласно которому луна (напр. Ἄρτεμις παρθένος)—дѣвица и въ качествѣ таковой—или дочь или сестра или возлюбленная солнца.—Ср. Siecke, l. c., p. 5 sqq. и Die Liebesgeschichte des Himmels (Strassb. 1892), p. 28 sqq., Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 102; 97 и 79 sq. и O. Gilbert, l. c., p. 402 sqq.

[4]) Ср. особенно Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 49—55 и Nachträge z. m. Buche, p. 24 sq.

[5]) Ср. особенно Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 61—67 и Nachträge, p. 26 sq.—Съ эпитетами Феронiи ἀνθοφόρος, φιλοστέφανος,

ны, властительницами людей, ихъ здоровья, ихъ свободы и т. под. [1]). Что же касается культовыхъ дней или праздниковъ, посвященныхъ общепризнаннымъ луннымъ богинямъ, то у рим-

---

πολυστέφανος можно сравнить эпитеты богини Σελήνη παντρόφος (Nonn. Dion. 44, 191), φωτοσπόρος (Nicet. Eugen. II, 250), ὄμπνια (Nonn., Dion. 5, 488), φερέκαρπος (Orph. hymn. 9, 5), Артемиды εὐστέφανος (Hom., Il. Φ 511), Персефоны εὐστέφανος (Archestr. Gel., fr. 24, 7). Особенно опредѣленно указывается значеніе лунной богини для всякой растительности въ словахъ Катулла (34, 17 sqq.): tu cursu, dea, menstruo metiens iter annuum, rustica agricolae bonis tecta frugibus exples, а Горацій (carm. IV, 6, 39) называетъ ее prosperam frugum.

[1]) Ср. особенно Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 67—75 и Nachträge, p. 27 sqq. Что касается Феронiи, какъ покровительницы свободы и отпущенныхъ на волю рабовъ и рабынь, то такое же значеніе, можетъ быть, имѣла и греческая Ἄρτεμις δουλεία (Nicand., fr. 38 Schneider) и Ἄρτεμις ἐλευθέρα въ Ликіи (Artemidor., Oneirokr. II, 35). Въ Римѣ намъ представляются аналогіи особенно въ культѣ, который рабы и рабыни воздавали Авентинской Діанѣ, т. е. несомнѣнной лунной богинѣ (ср. Festus, p. 343 M., s. v. servorum dies, и Preller-Iordan, Röm. Myth. I³, 320 sq.), а также въ культѣ богини Fors Fortuna (см. Ovid., Fast. VI, 765 sqq. и Preller-Iordan, l. c, II³, p. 180 sq.). Такую же аналогію мы должны усматривать, по моему мнѣнію, и въ томъ значеніи, которое римскія Saturnalia имѣли особенно для рабовъ (ср. особ. Macrobius, Saturn. I, 7, 26). Это значеніе заключается, какъ я полагаю, въ символическомъ возвращеніи того времени, когда Сатурнъ, т. е. солнце (олицетворяемое этимъ божествомъ точно также, какъ индійскимъ первообразомъ его, Savitar), освобождается отъ оковъ тьмы, скрывающей или умаляющей его (сперва ночью, а затѣмъ зимою, т. е. въ періодъ времени отъ лѣтняго до зимняго солнцеворота), и своимъ возрожденіемъ (сперва днемъ, а затѣмъ въ періодъ времени, наступающій послѣ зимняго солнцеворота) приноситъ свѣтъ и свободу также всей остальной природѣ и въ особ. людямъ (преимущественно, конечно, несвободнымъ и несчастнымъ, т. е. рабамъ). — Подобное значеніе приписывалось и лунѣ, какъ спутницѣ солнца. — Къ этому присоединилось относительно Феронiи, а также, отчасти, относительно Діаны Авентинской, еще то обстоятельство, что эти богини, повидимому, почитались впослѣдствіи преимущественно простымъ народомъ и уже благодаря этому должны были пріобрѣсть значеніе покровительницъ его (ср. Mommsen въ Annali dell' Instit. di corr. arch. 1846, p. 101 sq.).

лянъ на ряду съ календами, какъ извѣстно, первенствующую роль играли иды, т. е. дни, въ которые приходилось полнолуніе [1]). Въ такомъ же отношеніи къ мѣсяцу находилась, безъ сомнѣнія, и круглая форма храма, посвященная Феронiи [2]); тѣсная же связь, существовавшая между этой богинею и Фортуною Примигеніею, объясняется тѣмъ, что и эта послѣдняя первоначально олицетворяла собою луну [3]).

---

[1]) Ср. Roscher, Ueber Selene u. Verwandtes, p. 110 sq. и Preller-Iordan, Röm. Mythol. I³, 156 sq. У римлянъ на иды или день полнолунія падали, кромѣ праздника Феронiи „in campo" (Martio), напр., праздникъ Авентинской Діаны (13 августа—Festus, p. 343 M. Ср. Marquardt, Röm. Staatsverw. III², 581) и праздникъ Діаны Nemorensis (тоже 13 августа—ср. Statius, Silv. III, 1, 52 sqq. и Preller-Iordan, Röm. Myth. I³, 316), т. е. праздники такихъ богинь, первоначальное лунное значеніе которыхъ всѣми признано (даже Preller'омъ-Iordan'омъ, Röm. Myth. I³, 313 и 321).

[2]) Поэтому въ числѣ божествъ, которымъ, по словамъ Сервія (Ad Verg. Aen. IX, 408), воздвигались круглые храмы, находилась также Діана, первоначальное лунное значеніе которой никѣмъ не оспаривается. Не обоготворенная земля, какъ полагаетъ большинство ученыхъ (ср., напр., Iordan, Topogr. d. St. Rom I, 1, 34), а только обоготворенныя свѣтила неба, луна и солнце, могли еще въ древнѣйшее время своей круглою формою вызвать въ человѣческомъ умѣ идею о необходимости постройки круглыхъ храмовъ, являющихся земными подобіями свѣтилъ, олицетворяемыхъ этими божествами. И только гораздо позже представленія объ этихъ послѣднихъ, особенно же о лунномъ божествѣ, замѣнены были иногда представленіями о божествѣ, олицетворявшемъ круглую землю.

[3]) На первоначальное лунное значеніе фортуны указываетъ, въ особ., тотъ миѳъ, который касается ея любовныхъ отношеній къ римскому миѳическому царю Сервію Туллію (ср. Ovid., Fast. VI 563 sqq.). Въ послѣднемъ лицѣ уже Pais (Storia di Roma, vol. I, 1, p. 333 sqq.) по справедливости усматриваетъ сказочное олицетвореніе солнца. На близкое родство фортуны Примигеніи съ Феронiею указываетъ также то обстоятельство, что обѣ эти богини, согласно свидѣтельству актовъ Арвальскихъ братьевъ (Acta fratrum Arvalium, въ изданіи Henzen'a, p. CCXL и 240), почитались совмѣстно на Марсовомъ полѣ, гдѣ въ иды ноября въ ихъ честь справлялся особый праздникъ, сопровождавшійся, между прочимъ, также

Возвратимся теперь къ тому соединенному культу Сорана и Феронiи, справлявшемуся у горы Соракте, отъ котораго мы исходили въ своемъ изслѣдованiи о появленiи частнаго культа Дита и Прозерпины, учрежденнаго сабинянином Валезiемъ въ Римѣ и находившагося въ тѣснѣйшей связи съ позднѣйшими ludi Tarentini или saeculares, которые въ 505/249 г. впервые праздновались всѣмъ римскимъ народомъ. Мы видѣли, что доказанный нами двойственный характеръ упомянутаго соракгинскаго культа могъ быть объясненъ только тѣмъ, что Соранъ и Феронiя первоначально олицетворяли собою солнце и луну и, какъ солнечное и лунное божества, считались властителями не только надземнаго или небеснаго, но и подземнаго царствъ, называясь то Аполлономъ и Юноною (или Дiаною), то Дитою и Прозерпиною. Такой взглядъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому двойственному характеру, которымъ, какъ можно было видѣть, отличался культъ такъ называемыхъ ludi Tarentini или saeculares, воздававшiйся сперва Диту и Прозерпинѣ, а впослѣдствiи Аполлону, Дiанѣ, Юпитеру и Юнонѣ, т. е. преимущественно небеснымъ божествамъ, съ одной стороны, и Паркамъ, Илиѳiямъ и Землѣ, спецiально хтоническимъ божествамъ, съ другой. Если это обстоятельство уже само по себѣ можетъ служить доказательствомъ того, что сабинскiе предки римскихъ Валерiевъ при своемъ переселенiи изъ сабинской области, т. е. изъ окрестностей г. Эрета, въ Римъ перенесли сюда именно соракгинскiй культъ Сорана и Феронiи, то это предположенiе еще болѣе подтверждается нѣкоторыми данными, которыя опредѣленно свидѣтельствуютъ о весьма древнемъ культѣ, воздававшемся Валерiями лунѣ и солнцу и первоначально возникшемъ у нихъ, повидимому, именно на ихъ родинѣ, въ эретинской или соракгинской области.

Къ этимъ даннымъ принадлежатъ прежде всего слѣдующiе

смотромъ лошадямъ (equorum probatio), т. е. такимъ животнымъ, которыя въ миѳически-религiозномъ и культовомъ отношенiи обыкновенно являются олицетворенiями (солнца или) луны (ср. ниже въ концѣ этой главы.

миѳы, относящiеся къ разнымъ представителямъ и представительницамъ рода Валерiевъ: „Однажды, такъ разсказываетъ одинъ изъ этихъ миѳовъ, когда въ Фалерiяхъ свирѣпствовала моровая язва, и люди погибали отъ чумы, оракулъ возвѣстилъ, что бѣдствiе прекратится, если ежегодно станутъ приносить въ жертву Юнонѣ дѣвицу. Это суевѣрiе оставалось всегда въ силѣ, и вотъ однажды жребiй упалъ на дѣвицу, прозванную Валерiею Луперкою. Ее вели на жертву, и уже обнажили мечъ, какъ вдругъ спустился съ неба орелъ, который утащилъ его и на жертвенный очагъ положилъ палку, снабженную молоточкомъ; мечемъ же онъ бросилъ въ телицу, пасущуюся вблизи храма. Замѣтивъ это, дѣвица принесла въ жертву телицу, а затѣмъ подняла молотокъ и, обходя всѣ дома, легкимъ ударомъ его будила всѣхъ больныхъ и говорила каждому, чтобы онъ былъ здоровъ. Этотъ мистическiй обрядъ совершается еще нынѣ“. Чтобы вникнуть въ смыслъ этого миѳа, приведеннаго не только у Псевдо-Плутарха (со словъ Аристида Милетскаго), но также, хотя и въ фрагментарномъ видѣ, у Iоанна Лида (со словъ Варрона), мы должны сопоставить его съ другимъ весьма сходнымъ миѳомъ, приведеннымъ у тѣхъ же писателей, — съ миѳомъ, который касается Елены, дочери спартанскаго царя Тиндарея. „Когда въ Лакедемонѣ,— такъ разсказываетъ этотъ миѳъ, почерпнутый Псевдо-Плутархомъ и Лидомъ изъ миѳологическаго сборника Аристодема,— свирѣпствовалъ моръ, и многiе погибали, пиѳiйскiй богъ прорицалъ, что повальная болѣзнь прекратится, если богамъ оборонителямъ ежегодно будетъ приносима въ жертву взрослая, благородная дѣвица. Когда этотъ суевѣрный обрядъ совершался каждую осень, то однажды случилось, что жребiй упалъ на Елену. Тогда Тиндарей привелъ свою дочь, украшенную вѣнкомъ, къ жертвенникамъ и уже хотѣлъ приступить къ противоестественному жертвоприношенiю, какъ вдругъ орелъ, слетѣвъ съ неба, вырвалъ у царя мечъ и, понесши его въ стадо, бросилъ имъ въ какую то бѣлую телицу. Послѣдовавшiе за царемъ копьеносцы, увидя это, привели телицу къ Тиндарею, а этотъ, удивляясь провидѣнiю, положилъ конецъ обычаю уби-

вать людей, и, принесши въ жертву телицу, избавился отъ моровой язвы".

Сравнивая этотъ миѳъ съ предыдущимъ [1]) и имѣя, при

---

[1]) Не лишнимъ мнѣ кажется привести здѣсь и греческіе тексты тѣхъ редакцій, въ которыхъ оба миѳа дошли до насъ. Вотъ какъ разсказываетъ ихъ Псевдо-Плутархъ (Parallela (minora), c. 35—ed. Bernardakis vol. II (1889), p. 378—): Λοιμοῦ κατασχόντος Λακεδαίμονα, ἔχρησεν ὁ θεὸς παύσασθαι, ἐὰν παρθένον εὐγενῆ κατὰ ἔτος θύωσι [cod.: θύσωσι]. Ἑλένης δέ ποτε κληρωθείσης καὶ προαχθείσης κεκοσμημένης, ἀετὸς καταπτὰς ἥρπασε τὸ ξίφος καὶ ἐς τὰ βουκόλια κομίσας ἐπὶ δάμαλιν κατέθηκεν· ὅθεν ἀπέσχοντο τῆς παρθενοκτονίας· ὡς Ἀριστόδημος ἐν τρίτῃ μυθικῇ συναγωγῇ. — Λοιμοῦ κατασχόντος Φαλερίους [cod.: Χαλερίους] καὶ φθορᾶς γενομένης, χρησμὸς ἐδόθη λωφῆσαι τὸ δεινόν, ἐὰν παρθένον τῇ Ἥρᾳ θύωσιν κατ' ἐνιαυτόν. Ἀεὶ δὲ τῆς δεισιδαιμονίας μενούσης, κατὰ κλῆρον καλουμένη Οὐαλερία Λουπέρκα [cod.: Τουπέρκα] ἤγετο εἰς θυσίαν· σπασαμένων [cod.: σπασαμένη] δὲ τὸ ξίφος, ἀετὸς καταπτὰς ἥρπασε καὶ ἐπὶ τῶν ἐμπόρων ἔθηκε ῥάβδον μικρὰν ἔχουσαν σφῦραν, τὸ δὲ ξίφος ἐπέβαλε δαμάλει τινὶ παρὰ τὸν ναὸν βοσκομένῃ· νοήσασα δὲ ἡ παρθένος καὶ τὴν βοῦν θύσασα καὶ τὴν σφῦραν ἄρασα κατ' οἰκίαν περιῆλθε καὶ τοὺς ἀσθενοῦντας ἠρέμα πλήττουσα διήγειρεν, ἐρρῶσθαι ἑνὶ ἑκάστῳ λέγουσα· ὅθεν καὶ νῦν τὸ μυστήριον τελεῖται· ὡς Ἀριστείδης ἐν ἐννεακαιδεκάτῳ Ἰταλικῶν.—А вотъ и редакція, въ которой мы читаемъ эти самые миѳы у Іоанна Лида (De mens. IV, 147—ed. Wünsch (Lpz. 1898), p. 165—): .... παρθένος τῆς δαίμονος τὸ φιλάνθρωπον .... τὴν ὃφ .... πᾶσαν κατοικίαν παρῆλθε καὶ τοῖς ..... διήγειρεν, ὡς ὁ Ῥωμαῖος Βάρ[ρων· ὅμοια καὶ] Λακε[δαιμ]ονίοις γεν[έσθ]αι λόγος ..... Ἀριστείδης, ὃς ἐν τῇ πέ[....φη]σίν· ἡνίκα ... οὗτος [ὁ λοιμὸς κατεῖχε Λακεδαίμονα, πολ]λῶν ἀπολλυμένων [ἔχ]ρησεν ὁ Πύθιος [παύσεσθαι τ]ὴν νόσον, ἐὰν κατ' ἐνιαυτὸν θεοῖ[ς ἀ]ποτροπαίοις ἡ[βῶσά τις καὶ εὐγενὴς σφ]αγιασθῇ παρθένος. τῆς [δὲ] ἀνόμου δεισιδαι[μονίας κατὰ π]ᾶν φθινόπωρον τελουμένης [συν]έπεσέ ποτε [λαχεῖν] τὴν Ἑλένην, Τυνδά[ρε]ως δὲ τὴν θυγα[τέρα ἑ]στεφ[αν]ω[μένην τ]οῖς βωμοῖς προσή[γα]γε· καταρχομένου δὲ αὐ[τοῦ] τῆς ἀνό[μου θυ]σίας, ἀετὸς καταπτὰς ἥρπασε τοῦ βασι[λέ]ως τὸ ξίφος [καὶ παρ]ά τινα λευκὴν δάμαλιν ἀφῆκεν. οἱ δὲ δορυφόροι κατό[πιν ἀκο]λουθήσαντες καὶ αὐτόπται γενόμενοι τοῦ συμβάντος, [τὴ]ν βοῦν πρὸς Τυνδάρεων ἤγαγον· ὁ δὲ θαυμ[άσ]ας τὴν πρόνοιαν [τῆ]ς μὲν ἀνθρωπο[κτόν]ου συνηθείας ἐπαύσατο, τὴν δὲ δά[μαλι]ν θύσας τοῦ λοιμι[κοῦ] π[άθ]ους ἀπηλλάττετο.—Фрагментарное начало этого разсказа Лида Müller въ своемъ изданіи Fragm. hist. Graec. IV, p. 325 предлагаетъ дополнить (изъ Псевдо-Плутарха) слѣдующимъ

этомъ, въ виду, что Елена, какъ это, повидимому, признано

образомъ: [νοήσασα δὲ ἡ] παρθένος τῆς δαίμονος τὸ φιλάνθρωπον [ἄρασά τε] τὴν [σ]φ[ῦραν], πᾶσαν κατ' οἰκίαν [περι]ῆλθε καὶ τοὺς [ἀσθενοῦντας ἠρέμα πλήττουσα] διήγειρεν, ὡς ὁ Ῥωμαῖος Βάρ[ρων. παραπλήσια καὶ] Λακε[δαιμ]ονίοις γεν[έσθ]αι λόγος [κατέχει]. Вмѣсто слѣдующихъ затѣмъ словъ Ἀριστείδης, ὃς, и Müller и Wünsch предлагаютъ читать согласно съ Псевдо-Плутархомъ: Ἀριστόδημος, каковая конъектура въ высшей степени вѣроятна.—Что касается сочиненія Варрона, въ которомъ былъ приведенъ его разсказъ о Валеріи Луперкѣ, позаимствованный затѣмъ у него Іоанномъ Лидомъ, но сохранившійся въ сочиненіи послѣдняго лишь въ фрагментарномъ видѣ, то это были, вѣроятно, его Antiquitates rerum humanarum, вторая книга которыхъ трактовала о древнѣйшей исторіи Италіи и Лація (ср. Mirsch, De Varronis Antiquitatum rer. human. libris XXV, въ Leipziger Studien zur class. Philol., 5. Bd., Lpz. 1882, стр. 85 сл., гдѣ однако фрагментъ изъ Лида не приведенъ).—Напрасно нѣкоторые ученые какъ, напр., Deecke (Die Falisker, p. 89), Müller-Deecke (Die Etrusker II², 45 adn. 18) и Roscher (Ueber Selene u. Verw., p. 170), относятся съ пренебреженіемъ къ позаимствованному Псевдо-Плутархомъ у Аристида Милетскаго сказанію о Валеріи Луперкѣ, считая его, повидимому, вымысломъ послѣдняго писателя и не зная, что оно приводилось также Варрономъ. Авторитетъ этого римскаго антикварія можетъ служить ручательствомъ того, что упомянутое сказаніе въ своихъ основныхъ чертахъ представляетъ собою не продуктъ фантазіи и поэзіи, а чрезвычайно древній и первобытный миѳъ наивно относившихся къ явленіямъ природы людей. Конечно, возможно и даже вѣроятно, что оно сохранилось, главнымъ образомъ, благодаря традиціи рода Валеріевъ, а именно плебейской линіи его, носившей прозвище Ацискуловъ (ср. Kiessling, который въ своемъ изслѣдованіи De personis Horatianis — Ind. schol. Gryphisw. 1880—p. 10 одной остроумной конъектурой доказалъ плебейство указанной линіи Валеріевъ) и объяснявшей это тѣмъ значеніемъ, которое въ сказаніи приписывалось молотку (acisculus); но если мы примемъ въ расчетъ, что triumvir monetalis 708/46—709/45 г. L. Valerius Acisculus на своихъ денаріяхъ помѣщалъ изображеніе такого молотка за изображеніями почитавшихся, повидимому, Валеріями божествъ, т. е., какъ мы увидимъ ниже, Солнца, Аполлона-Сорана и Юпитера, намекая этимъ на существовавшую между названными божествами и молоткомъ связь, то въ виду оффиціальнаго характера этихъ монетъ нельзя не притти къ убѣжденію, что

теперь всѣми миѳологами [1]), является лунною героинею, а Тиндарей солнечнымъ героемъ, мы не можемъ не притти къ убѣжденію, что такіе же элементы солнечнаго и луннаго миѳа, какіе содержатся въ сказаніи о Еленѣ и Тиндареѣ, должны быть усматриваемы нами и въ сказаніи о Валеріи Луперкѣ. Эти элементы состоятъ въ слѣдующемъ: съ одной стороны, сходная съ Еленою Валерія Луперка и замѣняющая ее телица, а также орудія первой, т. е. мечъ и замѣняющій его молотокъ о двухъ зубцахъ, миѳически представляютъ собою луну, подобно самой богинѣ Юнонѣ (Герѣ), служительницею или жрицею которой является Валерія Луперка; съ другой стороны, орелъ означаетъ солнце, выздоравливающіе люди—звѣзды (появляющіяся на ночномъ небѣ), а моровая язва — ночной мракъ, который можетъ исчезнуть лишь тогда, когда горитъ (или приносится въ жертву на огненномъ жертвенникѣ) луна.—Какъ ни запутаннымъ представляется намъ на первый взглядъ весь этотъ миѳъ о Валеріи Луперкѣ, дошедшій до насъ въ поздней редакціи, обнаруживающей слѣды раціонализаціи, — основная суть его, однако, не затемнена и этой редакціею: она заключается въ отличавшемся первоначально большой простотою разсказѣ о томъ, какъ тьма наступающей ночи разгоняется

тутъ мы имѣемъ дѣло съ общепризнанными и фактически подтвержденными религіозно-миѳическими представленіями Валеріевъ, а не съ какой-нибудь произвольной и фантастической выдумкой (плебейскихъ) Валеріевъ, какъ повидимому, думаетъ Münzer (De gente Valeria—Diss. inaug. Berol. 1891—p. 7), и что поэтому не только внутренними доводами, т. е. характеромъ отдѣльныхъ подробностей разсказа о Валеріи Луперкѣ, но и внѣшними документами, т. е. вышеуказанными монетами доказывается древнее происхожденіе этого миѳа, являющагося, притомъ, въ большинствѣ отношеній независимымъ отъ тѣхъ представленій, которыя выражены были въ изображеніяхъ, помѣщенныхъ на монетахъ Л. Валерія Ацискула.

[1]) Ср., напр., Usener, Kallone, въ Rhein. Mus. N. F. 23 (1868), p. 332, и Götternamen, p. 239 и особенно Siecke, Beitr. z. gen. Erk. der Mondgottheit bei den Griechen (Berlin 1885), p. 7 и 12.

сіяніемъ луны, которая выводится солнцемъ на небо и сама сопровождается звѣздами [1]).

Еще болѣе интереснымъ, чѣмъ этотъ миѳъ о Валеріи Луперкѣ, представляется другой миѳъ, относящійся къ роду Ва-

---

[1]) О миѳическомъ представленіи, отождествляющемъ луну съ коровою (или съ быкомъ), ср. особ. Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 30—33 и Nachträge z. m. Buche über Selene u. Verw., p. 21 sqq. Если основаніемъ этого представленія, какъ не подлежитъ сомнѣнію, служило сходство луннаго серпа съ рогами (быка или коровы), то такую же причину мы должны приписывать отождествленію луны съ мечемъ (первоначально, конечно, съ кривымъ мечемъ или саблею) и съ двузубымъ молоткомъ, каковымъ является упомянутая въ легендѣ о Валеріи Луперкѣ ῥάβδος μικρὰν ἔχουσα σφῦραν, соотвѣтствующая вполнѣ, какъ замѣтилъ еще Lenormant (Notice sur les deniers romains, qui portent le nom de L. Valerius Acisculus, въ Nouvelles annales, publiées par la section française de l'Institut archéologique, tome II (Paris 1838), p. 142 sqq.), тому маленькому acisculus, похожему на bipennis (ср. Isidor., Orig. XIX, 19), который изображенъ на римскихъ монетахъ Л. Валерія Ацискула (ср. также Bücheler, въ Rhein. Mus. N. F. vol. XLVI (1891), p. 234). Первоначально подъ ῥάβδος подразумѣвалось небесное дерево (т. е. небо—см. выше на стр. 139, прим. 4), на которомъ виситъ (двузубцообразная) луна.—Въ связи съ миѳическимъ представленіемъ о лунѣ, какъ о молоткѣ, находится также то представленіе, согласно которому звѣзды являются блестящими гвоздями, вбитыми въ небо (ср. Schwartz, Sonne, Mond u. Sterne, p. 5; 65; 85 и 104), а на этомъ представленіи основывается, по моему убѣжденію, встрѣчающееся у многихъ народовъ и, въ особ., у римлянъ (ср., напр., разсказъ Ливія VII, 3) древнѣйшее суевѣріе, что вбиваніемъ гвоздя (ср. латинское clavum figere) можно прекратить эпидемію (т. е. собственно ночную тьму). Такой же смыслъ имѣетъ и упомянутый въ легендѣ о Валеріи Луперкѣ обрядъ, по которому больные ударялись молоткомъ, и поэтому вполнѣ понятно, что молотокъ или тождественная съ нимъ въ миѳическомъ отношеніи сѣкира (bipennis) нерѣдко являются чудодѣйственнымъ и могучимъ орудіемъ въ рукахъ не только миѳическихъ олицетвореній луны (какъ, напр., Валеріи Луперки и Амазонокъ), но и такихъ боговъ, именно Солнца, Аполлона (—ср. Mionnet, Description de médailles antiques, grecques et romaines, vol. IV (Paris 1809) p. 159 n. 909; p. 160 n. 916; p. 161 n. 924 etc.; на

теперь всѣми миѳологами [1]), является лунною героинею, а Тиндарей солнечнымъ героемъ, мы не можемъ не притти къ убѣжденію, что такіе же элементы солнечнаго и луннаго миѳа, какіе содержатся въ сказаніи о Еленѣ и Тиндареѣ, должны быть усматриваемы нами и въ сказаніи о Валеріи Луперкѣ. Эти элементы состоятъ въ слѣдующемъ: съ одной стороны, сходная съ Еленою Валерія Луперка и замѣняющая ее телица, а также орудія первой, т. е. мечъ и замѣняющій его молотокъ о двухъ зубцахъ, миѳически представляютъ собою луну, подобно самой богинѣ Юнонѣ (Герѣ), служительницею или жрицею которой является Валерія Луперка; съ другой стороны, орелъ означаетъ солнце, выздоравливающіе люди—звѣзды (появляющіяся на ночномъ небѣ), а моровая язва — ночной мракъ, который можетъ исчезнуть лишь тогда, когда горитъ (или приносится въ жертву на огненномъ жертвенникѣ) луна.—Какъ ни запутаннымъ представляется намъ на первый взглядъ весь этотъ миѳъ о Валеріи Луперкѣ, дошедшій до насъ въ поздней редакціи, обнаруживающей слѣды раціонализаціи, — основная суть его, однако, не затемнена и этой редакціею: она заключается въ отличавшемся первоначально большой простотою разсказѣ о томъ, какъ тьма наступающей ночи разгоняется

тутъ мы имѣемъ дѣло съ общепризнанными и фактически подтвержденными религіозно-миѳическими представленіями Валеріевъ, а не съ какой-нибудь произвольной и фантастической выдумкой (плебейскихъ) Валеріевъ, какъ повидимому, думаетъ Münzer (De gente Valeria—Diss. inaug. Berol. 1891—p. 7), и что поэтому не только внутренними доводами, т. е. характеромъ отдѣльныхъ подробностей разсказа о Валеріи Луперкѣ, но и внѣшними документами, т. е. вышеуказанными монетами доказывается древнее происхожденіе этого миѳа, являющагося, притомъ, въ большинствѣ отношеній независимымъ отъ тѣхъ представленій, которыя выражены были въ изображеніяхъ, помѣщенныхъ на монетахъ Л. Валерія Ацискула.

[1]) Ср., напр., Usener, Kallone, въ Rhein. Mus. N. F. 23 (1868), p. 332, и Götternamen, p. 239 и особенно Siecke, Beitr. z. gen. Erk. der Mondgottheit bei den Griechen (Berlin 1885), p. 7 и 12.

сіяніемъ луны, которая выводится солнцемъ на небо и сама сопровождается звѣздами [1]).

Еще болѣе интереснымъ, чѣмъ этотъ миѳъ о Валеріи Луперкѣ, представляется другой миѳъ, относящійся къ роду Ва-

---

[1]) О миѳическомъ представленіи, отождествляющемъ луну съ коровою (или съ быкомъ), ср. особ. Roscher, Ueber Selene u. Verw., p. 30—33 и Nachträge z. m. Buche über Selene u. Verw., p. 21 sqq. Если основаніемъ этого представленія, какъ не подлежитъ сомнѣнію, служило сходство луннаго серпа съ рогами (быка или коровы), то такую же причину мы должны приписывать отождествленію луны съ мечемъ (первоначально, конечно, съ кривымъ мечемъ или саблею) и съ двузубымъ молоткомъ, каковымъ является упомянутая въ легендѣ о Валеріи Луперкѣ ῥάβδος μικρὰν ἔχουσα σφῦραν, соотвѣтствующая вполнѣ, какъ замѣтилъ еще Lenormant (Notice sur les deniers romains, qui portent le nom de L. Valerius Acisculus, въ Nouvelles annales, publiées par la section française de l'Institut archéologique, tome II (Paris 1838), p. 142 sqq.), тому маленькому acisculus, похожему на bipennis (ср. Isidor., Orig. XIX, 19), который изображенъ на римскихъ монетахъ Л. Валерія Ацискула (ср. также Bücheler, въ Rhein. Mus. N. F. vol. XLVI (1891), p. 234). Первоначально подъ ῥάβδος подразумѣвалось небесное дерево (т. е. небо—см. выше на стр. 139, прим. 4), на которомъ виситъ (двузубцообразная) луна.—Въ связи съ миѳическимъ представленіемъ о лунѣ, какъ о молоткѣ, находится также то представленіе, согласно которому звѣзды являются блестящими гвоздями, вбитыми въ небо (ср. Schwartz, Sonne, Mond u. Sterne, p. 5; 65; 85 и 104), а на этомъ представленіи основывается, по моему убѣжденію, встрѣчающееся у многихъ народовъ и, въ особ., у римлянъ (ср., напр., разсказъ Ливія VII, 3) древнѣйшее суевѣріе, что вбиваніемъ гвоздя (ср. латинское clavum figere) можно прекратить эпидемію (т. е. собственно ночную тьму). Такой же смыслъ имѣетъ и упомянутый въ легендѣ о Валеріи Луперкѣ обрядъ, по которому больные ударялись молоткомъ, и поэтому вполнѣ понятно, что молотокъ или тождественная съ нимъ въ миѳическомъ отношеніи сѣкира (bipennis) нерѣдко являются чудодѣйственнымъ и могучимъ орудіемъ въ рукахъ не только миѳическихъ олицетвореній луны (какъ, напр., Валеріи Луперки и Амазонокъ), но и такихъ боговъ, именно Солнца, Аполлона (—ср. Mionnet, Description de médailles antiques, grecques et romaines, vol. IV (Paris 1809) p. 159 n. 909; p. 160 n. 916; p. 161 n. 924 etc.; на

леріевъ, а именно миѳъ о Валеріи Тускланаріи, приведенный тѣмъ же Псевдо-Плутархомъ (со словъ Аристида Милетскаго), который (на ряду съ Іоанномъ Лидомъ) сообщилъ и тотъ миѳъ. „Валерія Тускланарія—такъ гласитъ разсказъ названнаго автора—вслѣдствіе гнѣва Афродиты влюбилась въ своего отца. Объ этомъ она сообщила кормилицѣ. Послѣдняя хитро провела своего господина, сказавъ ему, что дѣвушка изъ сосѣдокъ желаетъ сойтись съ нимъ, но стыдится сдѣлать это на

монетахъ Л. Валерія Ацискула молотокъ изображенъ за головой не только Солнца (Babelon II, 520 n. 20), Аполлона-Сорана (Babelon II, 518 sq. n. 14, 15, 16, 17 и 18), но и Юпитера (Babelon II, 520 n. 21.)—), Вулкана (ср. Mionnet, l. c. I, p. 109 n. 80), этрусскаго Мантуса-Харонта (ср. Müller-Deecke, Die Etrusker II², 102) и Дита (ср. Tertullian., Ad nation. I, 10), а также нѣкоторыхъ типовъ Зевса (Ζεὺς Λαβρανδεύς, Iupiter Dolichenus), Діониса, оракійскаго Ликурга и другихъ миѳическихъ существъ (ср. Mau въ Pauly-Wissowa's Real-Encycl. d. klass. Alt. III, 1 col. 488 sq., s. v. bipennis), которыя первоначально олицетворяли собою солнце, считавшееся обладателемъ-хозяиномъ и выводителемъ луны.—Такую же приблизительно роль, какъ молотокъ, играетъ въ другихъ случаяхъ тождественный съ нимъ въ миѳологическомъ смыслѣ, т. е. означавшій точно также первоначально луну ремень, называвшійся amiculum Iunonis, которымъ lupersi при Луперкаліяхъ ударяли въ женщинъ, очищая и оплодотворяя этимъ послѣднихъ. — Въ связи съ представленіемъ о лунѣ, какъ о молоткѣ, находится, можетъ быть, также тотъ, казавшійся до сихъ поръ непроницаемой загадкою, фактъ, что изображеніе молотка такъ часто встрѣчается на гробницахъ (особенно галльскихъ), въ которыхъ покоились „dedicati sub ascia". Вѣроятно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ весьма древнимъ и уже рано поблекшимъ представленіемъ, что умершіе, которые, какъ мы уже видѣли, отождествлялись со звѣздами, выйдутъ изъ ночной тьмы смерти и заживутъ (=заблестятъ) только благодаря лунѣ.

Что же касается миѳическаго представленія, отождествляющаго солнце съ летающею птицею и особ. съ орломъ, то оно встрѣчается во многихъ миѳахъ—ср., напр., Gubernatis, Zoological mythology, vol. II (London 1872), p. 180 sqq. и Die Thiere in d. indogerm. Mythol. (Lpz. 1874), p. 479 sqq. Keller, Thiere des klass. Alt. (Innsbruck 1887), p. 236 sqq. и Friedreich, Die Symbolik u. Mythol. d. Natur (Würzburg 1859), p. 539 sqq.

яву. Когда они были вмѣстѣ, отецъ, будучи пьянымъ, потребовалъ огня; но кормилица поспѣшно разбудила дѣвушку; она находилась въ деревнѣ, будучи беременною. Однажды она слетѣла съ косогора, но зародышъ остался живъ; хотя она и упала, но осталась беременной и въ опредѣленное время родила Эгипана, прозваннаго по латыни Сильваномъ. Валерій же въ отчаяніи бросился съ того же косогора".

Какъ ни прозраченъ этотъ римскій миѳъ самъ по себѣ, но не лишне будетъ и съ нимъ сопоставить параллельный греческій миѳъ, приведенный тѣмъ же Псевдо-Плутархомъ (со словъ Ѳеодора), такъ какъ сравненіе обоихъ можетъ только содѣйствовать ихъ взаимному разъясненію и дополненію. Этотъ греческій миѳъ, касающійся Смирны и дошедшій до насъ въ нѣсколькихъ версіяхъ, гласитъ слѣдующее въ редакціи (Ѳеодора-) Псевдо-Плутарха: „Смирна, дочь Кинира, вслѣдствіе гнѣва Афродиты влюбилась въ своего родителя и открыла своей кормилицѣ неизбѣжность этой любви. Кормилица хитростью провела своего господина, сказавъ ему, что дѣвушка—сосѣдка любитъ его и стыдится открыто притти къ нему. Тогда отецъ сошелся съ ней. Но затѣмъ, пожелавъ узнать свою любовницу, онъ потребовалъ огня, и когда увидѣлъ ее, то сталъ преслѣдовать безпутницу съ мечемъ въ рукахъ. Но она была превращена Афродитою въ одноименное дерево [1])".

---

[1]) Pseudo-Plutarch., Parallela (minora), c. 22 (ed. Bernardakis, vol. II (1889), p. 369 sq.): Σμύρνα Κινύρου θυγάτηρ διὰ μῆνιν Ἀφροδίτης ἠράσθη τοῦ γεννήσαντος καὶ τῇ τροφῷ τὴν ἀνάγκην τοῦ ἔρωτος ἐδήλωσεν· ἡ δὲ δόλῳ ὑπῆγε τὸν δεσπότην· ἔφη γὰρ γαίτονα παρθένον ἐρᾶν αὐτοῦ καὶ αἰσχύνεσθαι ἐν φανερῷ προσιέναι. ὁ δὲ συνήδει. ποτὲ δὲ θελήσας τὴν ἐρῶσαν μαθεῖν φῶς ᾔτησεν, ἰδὼν δὲ ξιφήρης τὴν ἀσελγεστάτην ἐδίωκεν. ἡ δὲ κατὰ πρόνοιαν Ἀφροδίτης εἰς ὁμώνυμον δένδρον μετεμορφώθη· καθὰ Θεόδωρος ἐν ταῖς Μεταμορφώσεσιν.

Οὐαλερία Τουσκλαναρία κατὰ μῆνιν Ἀφροδίτης ἐρασθεῖσα Οὐαλερίου τοῦ πατρὸς τῇ τροφῷ ἀνεκοίνωσεν· ἡ δὲ τὸν δεσπότην δόλῳ ὑπῆλθεν, εἰποῦσα ὡς αἰδεῖται κατ' ὄψιν μίσγεσθαι, τῶν τε γειτόνων εἶναι τὴν παρθένον, καὶ οἰνωθεὶς ὁ πατὴρ ᾔτει φῶς, ἡ δὲ τροφὸς φθάσασα διήγειρεν, ἥτις ἐπὶ ταῖς ἀγροικίαις ἦν ἐγκύων τυγχάνουσα· ποτὲ δὲ κατὰ κρημνῶν ἐνεχθείσης, τὸ

Прочтя эти два параллельные миѳа, нельзя не удивляться тому, что до сихъ поръ ни одинъ изъ миѳологовъ не далъ себѣ труда вникнуть въ смыслъ ихъ съ цѣлію разъясненія. Это тѣмъ болѣе удивительно, что сами по себѣ оба приведенные миѳа чрезвычайно прозрачны, такъ какъ въ нихъ содержится не мало весьма древнихъ и первобытныхъ чертъ, не подвергшихся сильному измѣненію вслѣдствіе позднѣйшей раціонализаціи. Они являются двумя интереснѣйшими образцами тѣхъ безчисленныхъ миѳическихъ сказаній [1]), которыми древніе греки и италики, какъ и другіе народы, нѣкогда прославляли похожденія солнца и луны на небѣ, представлявшіяся ихъ умамъ, между прочимъ, въ видѣ любовной драмы, разыгрывающейся между обоими свѣтилами. Подобно двумъ влюбленнымъ, они то сходятся въ своихъ таинственныхъ путяхъ, то расходятся, при чемъ съ одной стороны луна, повидимому, или бѣжитъ передъ солнцемъ или слѣдуетъ за нимъ, пока ей не удается догнать его, а съ другой стороны солнце въ тѣ же самые періоды времени или преслѣдуетъ луну, пока не сойдется съ нею, или покидаетъ ее [2]). Эти простыя движенія по небу небесныхъ

βρέφος ἔζη· κατιοῦσα δ' ἐγκύμων κατέστη καὶ εἰς τὸν ὡρισμένον χρόνον ἐγέννησεν Αἰγίπανα, κατὰ τὴν Ῥωμαίων φωνὴν Σιλουᾶνον. ὁ δὲ Οὐαλέριος ἀθυμήσας κατὰ τῶν αὐτῶν ἔρριφε [вмѣсто ἔρριφε надо, вѣроятно, читать: ἑαυτὸν ἔρριφε] κρημνῶν· ὡς Ἀριστείδης Μιλήσιος ἐν τρίτῳ Ἰταλικῶν. Другія редакціи вышеприведеннаго греческаго миѳа о Смирнѣ извѣстны намъ особ. изъ Аполлодора (Bibl. III, 14, 4), Гигина (Fabul. 58) и Овидія (Metamorph. X, 311 sqq.).

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно походятъ на миѳы о Смирнѣ и о Валеріи Тускланаріи; ср., напр., приведенный т. наз. Лактанціемъ Плацидомъ (comment. in Statii Theb. III, 507) миѳъ о Никтеѣ.

[2]) Выдающаяся роль, которую эти похожденія небесныхъ свѣтилъ играли въ миѳахъ древнихъ грековъ и италиковъ, а также другихъ народовъ, сравнительно наиболѣе обстоятельнымъ образомъ была оцѣнена и изложена Siecke въ его книгѣ Die Liebesgeschichte des Himmels (Strassburg 1892); еще раньше она была отчасти указана Всеводскимъ, Введеніе въ миѳологію Одиссеи, часть I (Одесса 1881), особ. на стр. 30—56 и главнымъ образомъ Roscher'омъ,

свѣтилъ, мѣняющія ихъ взаимное расположеніе соотвѣтственно съ тѣмъ, нарождается ли или ущербляется луна или скрывается она совсѣмъ, сходясь съ солнцемъ во время конъюнкціи или новолунія, сопровождаются далѣе множествомъ особыхъ чертъ, которыми древніе миѳы пользовались для обогащенія и украшенія служившаго имъ цѣлью описанія и прославленія происходящихъ на небѣ перипетій жизни небесныхъ свѣтилъ. Къ этимъ чертамъ принадлежитъ прежде всего то обстоятельство, что луна послѣ невидимой конъюнкціи съ солнцемъ начинаетъ прибавляться, превращаясь постепенно изъ тонкаго серпа въ круглый дискъ. Въ этомъ миѳическій языкъ усматривалъ послѣдствія состоявшагося скрытнымъ образомъ соединенія солнца и луны: соединеніе это разсматривалось какъ свадьба (ἱερὸς γάμος) или производительная связь (σύνοδος, coitus) обоихъ свѣтилъ, а нарождающаяся луна уподоблялась беременной женщинѣ, при чемъ время полнолунія, послѣ котораго луна снова ущербляется, считалось моментомъ ея разрѣшенія отъ бремени; плодомъ ея связи являлись обыкновенно или юное свѣтило, солнце новаго дня или новаго мѣсяца, или луна новаго мѣсяца. Что же касается отца этого ребенка, именно стараго солнца, то послѣ разсказа о рожденіи у него сына или юнаго солнца въ миѳическихъ повѣствованіяхъ подобнаго содержанія обыкновенно не могло не упоминаться и о смерти самого родителя, а послѣдняя представлялась первоначально въ большинствѣ случаевъ, согласно съ мнимымъ движеніемъ „закатывающагося“ солнца, послѣдствіемъ или случайнаго или умышленнаго паденія съ отвѣсной горы (т. е. съ неба).

Таковы нѣкоторые изъ самыхъ важныхъ и основныхъ элементовъ, встрѣчающихся въ тѣхъ солнечно-лунныхъ миѳахъ,

Ueber Selene u. Verwandtes (Lpz. 1890), p. 75—84.—Но вполнѣ удовлетворительной и всесторонней разработки этого чрезвычайно важнаго для миѳологіи вопроса еще не существуетъ, и поэтому я предоставляю себѣ право, при другомъ случаѣ возвратиться къ подробному изложенію его.

въ которыхъ преобладалъ эротическій характеръ, и находимыхъ нами отчасти также въ сказаніи о Валеріи Тускланаріи и ея отцѣ. Несомнѣнно, что первая является миѳическимъ олицетвореніемъ луны (въ началѣ ущербляющейся, потомъ нарождающейся и наконецъ опять ущербляющейся), а второй —миѳическимъ олицетвореніемъ солнца. Кормилица, открывающая послѣднему любовь и желанія первой, въ миѳологическомъ смыслѣ тождественна съ ней. Весьма первобытная черта сказанія состоитъ въ томъ, что Валерія называется сосѣдкою ея отца, и что она хочетъ сойтись съ нимъ только тайно, въ темнотѣ. На самомъ дѣлѣ, вѣдь, ущербляющаяся луна постоянно приближается къ солнцу, пока не соединится съ желаннымъ возлюбленнымъ, скрываясь вмѣстѣ съ нимъ за горизонтомъ западнаго неба въ ночномъ мракѣ, который разстилается послѣ заката обоихъ свѣтилъ. Если далѣе въ миѳѣ разсказывается, что отецъ послѣ связи съ дочерью потребовалъ огня, чтобы увидѣть свою любовницу, и что послѣдняя, будучи уже беременною и находясь въ деревнѣ (т. е. не у отца) была разбужена кормилицею, то и эти подробности являются весьма древними и знаменательными указаніями на дѣйствительныя небесныя явленія, а именно на тотъ фактъ, что послѣ соединенія (σύνοδος, coitus) солнца и луны первое, восходя на другое утро, опять свѣтитъ, а вторая, удаляясь отъ солнца, также начинаетъ постепенно снова сіять и, нарождаясь, принимаетъ все болѣе круглыя очертанія. Столь же интересенъ и конецъ разбираемаго нами миѳа, гдѣ подъ паденіемъ Валеріи Тускланаріи съ косогора и благополучнымъ разрѣшеніемъ ея отъ бремени подразумѣвается заходъ полной луны и начинающійся послѣ этого захода ущербъ ея, а рожденный Валеріею Эгипанъ или Сильванъ означаетъ молодое солнце, которое, будучи полнымъ жизни, восходитъ на небѣ послѣ смерти стараго солнца въ слѣдующій за полнолуніемъ день [1]).

[1]) Не могу не указать здѣсь на тотъ любопытный фактъ, что, по свидѣтельству Марціала (I, 69, 1), въ той мѣстности Марсова поля—Tarentum—, гдѣ въ 505/249 г. учреждены были Тарентинскія или секулярныя игры, а до того времени существовалъ частный культъ Валеріевъ, посвященный Диту и Прозерпинѣ, находилось изображеніе бога Пана, служившее какъ бы примѣтою всей этой священной мѣстности. Весьма возможно, что указанное изображеніе находилось въ связи съ тѣмъ „Сильваномъ" или „Эсипаномъ", т. е. Паномъ, который упоминается въ вышеприведенномъ миѳѣ Валеріевъ.

Постаравшись доказать солнечно-лунное значеніе миѳовъ, касающихся Валеріи Луперки и Валеріи Тускланаріи и представляющихся, безъ сомнѣнія, чрезвычайно древними сказаніями, мы не можемъ не притти къ заключенію, что родъ Валеріевъ, въ средѣ котораго, конечно, возникли или приняты были отъ другихъ эти сказанія, издревле и болѣе или менѣе сознательно почиталъ солнце и луну какъ божества и воздавалъ имъ торжественный культъ. Названія и прозвища этихъ божествъ, почитавшихся и впослѣдствіи многими сабинскими родами [1]), могли быть весьма различны уже въ древнѣйшее

[1]) Такъ, напр., мы знаемъ, что сабинскій родъ Авреліевъ отъ имени римскаго государства справлялъ культъ въ честь солнечнаго бога Ausel, отъ котораго онъ самъ производилъ себя (ср. Paul. Diac. p. 23 M., s. v. Aureliam familiam), а монетныя изображенія, имѣющія несомнѣнное отношеніе къ солнцу и лунѣ (а иногда и къ звѣздамъ) и представляющія первое обыкновенно подъ видомъ головы молодаго бога (Sol или Apollo), окруженной лучезарнымъ вѣнцомъ, или такой же цѣлой фигуры, стоящей на четвернѣ, а вторую обыкновенно подъ видомъ молодой богини (Діаны или Луны), стоящей на запряженной парою лошадей колесницѣ и характеризуемой находящимся надъ ея головой луннымъ серпомъ, или же совсѣмъ по-просту подъ видомъ одного лишь луннаго серпа, окруженнаго большею частью одной, двумя, пятью или семью звѣздами, встрѣчаются особенно часто на денаріяхъ сабинскихъ родовъ, какъ Валеріевъ (см. Babelon, Monnaies d. l. rép. rom. II, 520), такъ и Авреліевъ (тамъ же, I, 235) Клавдіевъ (тамъ же, I, 355 и 356), Петроніевъ (тамъ же, II, 301) и Титуріевъ (тамъ же, II, 496 и 498 sq.). Извѣстно также, что въ числѣ божествъ, культъ которыхъ, по преданію, былъ введенъ въ Римъ сабинскимъ царемъ Титомъ Таціемъ, находились Sol и Luna (ср. Varro, De l. L. V, 74 и 68 и Dionys. Hal. II, 50). Вообще не можетъ подлежать сомнѣнію, что почитаніе небесныхъ свѣтилъ, особ. солнца и луны, было весьма распространено еще въ древнѣйшемъ Римѣ.

время, и господствовавшая вообще въ религіи грековъ и римлянъ πολυωνυμία боговъ, должно быть, примѣнялась и къ нимъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, соотвѣтствуя тѣмъ разнообразнымъ проявленіямъ могущества, которыя всеобщимъ вѣрованіемъ приписывались солнцу и лунѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняясь отчасти также согласно постороннимъ обстоятельствамъ времени и мѣста, т. е. внѣшнимъ культурно-житейскимъ условіямъ. Но едва ли мы ошибемся, если на основаніи предыдущей части нашего изслѣдованія станемъ утверждать, что въ числѣ этихъ названій на первомъ мѣстѣ стояли тѣ имена Soranus и Feronia, подъ которыми, какъ мы старались доказать, солнце и луна издревле почитались въ окрестностяхъ первоначальнаго мѣстожительства Валеріевъ, т. е. области сабинскаго городка Эрета. Само сказаніе о Валеріи Луперкѣ говоритъ въ пользу этого предположенія, такъ какъ прозвище этой миѳической личности, означающее „волчица“ [1]), указываетъ на ея связь съ семействами сабинскихъ „hirpi“ или „волковъ“, которыя, по свидѣтельствамъ Плинія и Солина, еще въ позднѣйшія времена являлись привилегированными священнослужителями Сорана и Фероніи, этихъ древнѣйшихъ сабино-фалисскихъ божествъ солнца и луны, и безъ сомнѣнія состояли не только изъ мущинъ, но и изъ женщинъ. Что же касается того, что въ миѳѣ о Валеріи Луперкѣ мѣстомъ дѣйствія является не гора Соракте съ помѣщавшимися на немъ святилищами Сорана и Фероніи, а городъ Фалеріи, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ роли почитавшейся Валеріею Луперкою богини выступаетъ здѣсь не Феронія, а Юнона (Гера), то эти обстоятельства могутъ быть объяснены самымъ простымъ образомъ. Относительно перваго мы должны замѣтить, что, хотя въ легендѣ о сабинскомъ родоначальникѣ Валеріевъ, учредив-

[1]) Ср. Iordan, Krit. Beiträge zur Gesch. d. lat. Spr. (Berlin 1879), p. 164 sq., гдѣ по справедливости отвергнуты всѣ прежнія этимологіи слова lupercus, являющіяся совершенно произвольными и невозможными, какъ въ морфологическомъ, такъ и въ семасіологическомъ отношеніи, предположеніями.

шемъ въ Римѣ частный культъ „Дита и Прозерпины“, какъ на первоначальное мѣстожительство его, указывается на область, сосѣднюю съ городкомъ Эретомъ, но въ виду громаднаго значенія, которое родъ Валеріевъ имѣлъ уже въ древнѣйшей римской исторіи, и которое можетъ быть объяснено только многочисленностью и широкимъ распространеніемъ принадлежавшихъ къ нему семействъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что подъ упомянутой областью слѣдуетъ подразумѣвать окрестности Эрета въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и что, между прочимъ, къ нимъ должны быть отнесены также города Капена и Фалеріи [1]). — Другое изъ вышеупомянутыхъ

[1]) О широкомъ распространеніи рода Валеріевъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, выше разсмотрѣнный нами древній миѳъ о Валеріи Тускланаріи, доказывающій, что еще въ весьма глубокую старину Валеріи жили также въ Тускулумѣ. При этомъ не безъинтересно будетъ указать, что въ послѣднемъ городѣ встрѣчаются и другіе слѣды существовавшихъ нѣкогда между нимъ и г. Фалеріями отношеній (ср. Deecke, Die Falisker, p. 90 и 105). — Что касается древнѣйшей, сабинской родины Валеріевъ, т. е. города Эрета и его окрестностей, то еще въ императорскую эпоху въ области трехъ общинъ (tres civitates), такъ называемыхъ Capenates foederati, состоявшихъ изъ colonia Iulia Felix Lucoferonensis, городка Капены и третьей, неизвѣстной намъ, civitas, представители рода Валеріевъ играли весьма выдающуюся роль, какъ видно изъ найденныхъ тамъ вблизи 20-го милеваго камня фламинской дороги (Ad Vicesimum) надписей (см. G. B. de Rossi, Frammenti di fasti di ludi Capenati, въ Annali dell' Inst. di corr. arch., vol. LV (1883), p. 273 sq. и 279, гдѣ эти надписи опубликованы), изъ которыхъ одна посвящена памяти нѣкоего L. Valerius Maximus, trium civitatium om(nibus) honoribus functus. Весьма возможно, что когда въ царскій періодъ Рима родъ Валеріевъ изъ эретской области переселился въ Римъ, то нѣкоторыя семейства его остались на сабинской родинѣ своей и продолжали тамъ жить до позднѣйшихъ императорскихъ временъ, принадлежа, вѣроятно, отчасти къ тѣмъ familiae такъ называемыхъ hirpi Sorani, которыя, какъ мы видѣли, выставляли священнослужителей (и священнослужительницъ) въ культѣ Сорана и Фероніи и безъ сомнѣнія принимали также дѣятельное участіе въ тѣхъ ludi et iuvenalia, которыя по свидѣтельству многихъ над-

двухъ обстоятельствъ допускаетъ двоякое объясненіе, основывающееся на раньше указанномъ нами фактѣ, что богиня Феронія нерѣдко отождествлялась съ Юноною. Это двоякое объясненіе состоитъ или въ предположеніи, что Псевдо-Плутархъ (или, точнѣе, его источникъ) въ приведенномъ имъ сказаніи о Валеріи Луперкѣ замѣнилъ названіе богини Фероніи названіемъ считавшейся ея подобіемъ богини Юноны (Геры), или же въ предположеніи, что въ самихъ Фалеріяхъ послѣ покоренія этого города римлянами, подъ вліяніемъ распространившихся въ немъ въ послѣднія столѣтія римской республики сабино-латинскихъ, а также греческихъ религіозныхъ представленій, первоначальное имя издревле почитавшейся фалисками главной богини Feronia стало приходить въ забвеніе и уступать мѣсто болѣе распространенному у римлянъ имени Iuno, которое одно только и встрѣчается какъ въ самомъ названіи римской колоніи — colonia Iunonia—, основанной въ фалисской области между 711/43 и 723/31 годами, такъ и въ многочисленныхъ литературныхъ и эпиграфическихъ памятникахъ конца римской республики и позднѣйшихъ временъ, которые относятся къ этому важнѣйшему религіозному культу фалисковъ [1]). Въ пользу второго изъ этихъ предположеній говоритъ, по моему мнѣнію, то обстоятельство, что такой же процессъ смѣшенія Фероніи съ Юноною произошелъ, повидимому, и въ считавшемся родиною Валеріевъ сабинскомъ городкѣ Эретѣ (ср. также Mommsen въ Annali dell' Inst. di corr. arch. 1846, p. 107 и Lanciani въ Bulletino dell' Inst. d. corr. arch. 1870, p. 30), относительно котораго мы, съ одной стороны, знаемъ, что тамъ въ особомъ храмѣ, расположенномъ на нынѣшнемъ Monte Rotondo (templum Feroniae—см. Fabretti, Inscr. ant.

писей, найденнымъ въ капенатской области (ср. G. B. de Rossi въ выше приведенной статьѣ, стр. 253 sqq.) и относящихся къ императорской эпохѣ, ежегодно праздновались въ честь названныхъ божествъ.

[1]) Всѣ литературныя и эпиграфическія свѣдѣнія, относящіяся къ colonia Iunonia и къ фалисскому культу Юноны, собраны у Deecke, Die Falisker, особ. на стр. 79 sq. и 83 sqq.

(Roma 1869), p. 452 sq), почиталась Феронія, а съ другой стороны извѣстно (ср. Servius, Ad Verg. Aen. VII, 711), что, по мнѣнію древнихъ, „oppidum [Eretum] est dictum a Iunone, id est Ἥρα, quae illic colitur“. Какъ бы то, однако, ни было, и какое бы изъ двухъ упомянутыхъ выше предположеній ни имѣло права на бо́льшую вѣроятность, независимымъ отъ рѣшенія этого вопроса и несомнѣннымъ мнѣ кажется тотъ выводъ, вытекающій изъ предыдущаго изслѣдованія нашего, что въ сказаніи о Валеріи Луперкѣ Юнона (Гера) является такимъ же миѳическимъ олицетвореніемъ луны, какъ и ея священнослужительница. Если при этомъ первая играетъ роль богини, а вторая роль низшаго существа, могущаго назваться героинею, то это обстоятельство не имѣетъ въ миѳологическомъ смыслѣ никакого существеннаго значенія и должно быть разсмотрѣно нами какъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ примѣровъ ослабленія и пониженія первоначальныхъ религіозно-миѳическихъ представленій, которые встрѣчаются въ миѳологіяхъ всѣхъ народовъ и особенно древнихъ грековъ и италиковъ. Насколько это замѣчаніе справедливо, лучше всего можно видѣть изъ того, что другіе миѳическіе представители или предки Валеріевъ, именно Валерія Тускланарія и ея отецъ Валерій въ выше разсмотрѣнномъ нами миѳѣ, повидимому, не подверглись такому ослабленію и пониженію религіозно-миѳическихъ концепцій, а выставляются первая матерью, а второй—отцомъ божества Эгипана или Сильвана. Но и относительно Валеріи Луперки мы можемъ привести самыя опредѣленныя данныя, которыя доказываютъ, что она первоначально считалась богинею. Эти данныя заключаются въ ея прозвищѣ Luperca, находящемся въ такой-же тѣсной связи съ свѣтовымъ значеніемъ древнѣйшей природы этого миѳическаго существа, олицетворявшаго собою луну, какая существовала, какъ мы уже видѣли, между миѳическимъ представленіемъ о волкѣ и свѣтовымъ значеніемъ солнечныхъ боговъ или героевъ. Этимъ объясняется, что одно изъ древнѣйшихъ италійскихъ божествъ, по имени Faunus, въ которомъ, по моему убѣжденію, олицетворялось „благое“ для природы и людей дѣйствіе

солнца, также имѣло прозвище Lupercus [1]), и что въ честь этого божества жрецами его, которые были названы по его имени „волками", lupersi, подобно тому, какъ священнослужители Сорана назывались „волками", hirpi, ежегодно въ февралѣ, послѣднемъ мѣсяцѣ древнѣйшаго римскаго года (когда заходитъ годовое солнце), праздновались Lupercalia, а на западномъ склонѣ палатинскаго холма, служившаго мѣстомъ перваго римскаго поселенія, божеству (Faunus, или Lupercus, или Pan) посвящена была пещера, Lupercal, какъ земное подобіе того мѣста (западнаго неба), гдѣ въ ночномъ мракѣ заходитъ солнце; тамъ же луна, миѳически представлявшаяся то божественною супругою Фавна Fauna или Luperca, то полубожественною, получеловѣческою женою очеловѣченнаго противня его, пастуха Фавстула, называвшеюся Acca Larentia или Lupa, то наконецъ настоящею волчицею (lupa), вскармливаетъ, т. е. производитъ новое солнце, миѳически олицетворявшееся то Ромуломъ (Квириномъ) и тождественнымъ съ нимъ по существу двойничнымъ братомъ его Ремомъ, то двѣнадцатью сыновьями Акки Ларенціи или такъ называемыми fratres Arvales (соотвѣтствовавшими 12 мѣсячнымъ солнцамъ года).

Однако не только прозвище Luperca, носимое миѳическою Валеріею въ выше разсмотрѣнномъ нами древне-фалисскомъ сказаніи, указываетъ на первоначальное божественное значеніе этой личности. Весьма вѣроятно, что и имя ея Valeria въ древнѣйшее время представляло собою названіе лунной богини точно такимъ-же образомъ, какъ имя Valerius въ тускуланскомъ миѳѣ, повидимому, служило для обозначенія солнца. Въ пользу такого предположенія, кромѣ самихъ этихъ миѳовъ, а также другихъ легендарныхъ сказаній, относящихся къ разнымъ Валеріямъ и показывающихъ, что послѣдніе перв-

[1]) Совершенно превратнымъ и несогласнымъ съ законами миѳологіи я считаю противоположное мнѣніе Wissowa (въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth. II, col. 2162, s. v. Lupercus), согласно которому латинскій Faunus получилъ свое прозвище Lupercus отъ служившихъ ему жрецовъ.

воначально представляли или замѣняли собою божества [1]), говорятъ слѣдующія обстоятельства: во 1) то, что еще въ позднѣйшее время встрѣчается богиня Valentia, пользовавшаяся, по свидѣтельству Тертулліана [2]), особымъ культомъ въ умбр-

[1]) Сюда относится, въ особенности, приведенное Плиніемъ Старшимъ (N. H. VII, 15, 68 sq.) сказаніе, согласно которому въ періодъ римскихъ царей жила нѣкая Валерія, которая уже при своемъ рожденіи имѣла зубы и по указанію гаруспиковъ, прорицавшихъ, что государство, куда она будетъ отвезена, погибнетъ, была отправлена въ процвѣтавшій въ то время городъ Suessa Pometia, вслѣдствіе чего послѣдній дѣйствительно подвергся гибели. — Какъ ни затемненнымъ, на первый взглядъ, представляется это сказаніе въ дошедшей до насъ историзованной редакціи его, я глубоко убѣжденъ въ томъ, что единственная возможность объяснить его происхожденіе заключается въ предположеніи, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ остаткомъ весьма древняго миѳа о лунѣ и ея пагубномъ для звѣздъ дѣйствіи. Миѳическое отождествленіе луны (т. е. лунаго серпа) съ зубомъ встрѣчается во многихъ сказаніяхъ — ср., напр., миѳы о трехъ сестрахъ Грэхъ (Γραῖαι), обладавшихъ однимъ зубомъ, о Горгонахъ, снабженныхъ кабаньимъ клыкомъ, о Геймдалѣ (ср. Hahn, Sagwissensch. Studien, p. 523—532) и т. под.—И относительно религіозно-миѳическаго характера такихъ лицъ римскаго сказанія, каковы П. Валерій Попликола и его дочь, нынѣ не должно бы быть никакого сомнѣнія. Уже Pais (Storia di Roma I, 1, 305 и 491) пришелъ къ убѣжденію, что первый представлялъ собою первоначально бога, а вторая богиню. Но не бога — покровителя войны мы должны усматривать въ Валеріи, какъ хочетъ Pais, а олицетвореніе солнца, тождественное по существу съ его прообразами Тулломъ Гостиліемъ, Ромуломъ и сохранившимъ всегда свой божественный характеръ Марсомъ. Что же касается дочери Валеріи, то она первоначально представляла собою не богиню здоровья и войны, какъ думаетъ Pais (l. c., p. 491), а лунную богиню, тождественную по существу съ Валеріей Луперкою, прославленной въ фалисскомъ сказаніи.—Не безъинтересно будетъ указать здѣсь также на то, что передъ домомъ древнѣйшихъ легендарныхъ Валеріевъ на Velia въ Римѣ помѣщалось, по традиціи, изображеніе быка (ср. Dionys. Halic. V, 39). Не поклонялись ли Валеріи подъ видомъ этого быка тому небесному свѣтилу, которое они почитали?

[2]) Tertullian., Apolog. c. 24. — Это свидѣтельство подтвер-

скомъ городкѣ Ocriculum, но принадлежавшая, безъ сомнѣнія, также къ древнѣйшимъ божествамъ римскихъ Indigitamenta [1]) и считавшаяся, по словамъ Плутарха [2]), богинею-покровительницею города Рима, первоначальное имя котораго, по свидѣтельству многихъ древнихъ писателей [3]), было тождественно съ ея именемъ и такъ же, какъ послѣднее, считалось священнымъ и сокровеннымъ [4]); во 2) то, что въ качествѣ одного изъ эпитетовъ Юпитера употреблялось прозвище Valens [5]), и въ 3) то, что этимъ же именемъ, согласно Цицерону [6]), у римлянъ обозначался миѳическій отецъ Эскулапа, называвшійся въ греческихъ миѳахъ обыкновенно Ἰσχύς [7]), но иногда также Ἀλκυονεύς [8]) и Λύκιος [9]) и первоначально, какъ видно уже изъ этого послѣдняго, весьма древняго имени его, пред-

ждается надписью, найденной на мѣстѣ древняго Ocriculum: deai Valentiae (см. Orelli, Inscr. lat. I, n. 1869).

[1]) Ср. Preller-Iordan, Röm. Mythol. II³, 213.

[2]) Plutarch., Quaest. Rom., c. 61 initio.

[3]) Ср. Festus, p. 266 M., Servius, Ad Verg. Aen. I, 273, Solin. I, 2 и Chronicon Paschale, vol. I, p. 204 (боннскаго изданія histor. Byzant.).

[4]) Кромѣ упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи авторовъ, ср. также Macrobius, Saturn. III, 9; Plinius, N. H. XXVII, 2, 4 и Servius, Ad Verg. Aen. II, 351.

[5]) Ср. посвятительныя надписи, помѣщенныя на храмѣ, который императоры Маркъ Аврелій Антонинъ и Луцій Аврелій Веръ соорудили черезъ legio III Augusta въ нумидійскомъ городѣ Lambaese въ честь Эскулапа и богини Salus, а также Юпитера Валента и Сильвана (Renier, Inscr. romaines de l'Algérie, n. 28 a, b, c): Iovi Valenti, Aesculapio et Saluti, Silvano — и (n. 29): Iovi Valenti, Silvano (теперь также въ C. I. L., VIII, 1 n. 2579 a b c и 2579 d).

[6]) Cicero, De nat. deor. III, 22, 56.

[7]) Ср. Preller-Robert, Griech. Myth. I⁴, p. 515 sq. Stoll, въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth. II, 1, 359 sq., s. v. Ischys и особенно Pietschmann, въ Pauly-Wissowa's Real-Encycl. II, col. 1643 sqq., s. v. Asklepios.

[8]) Ср. Antoninus Liberalis, Metamorph., c. XX, 7.

[9]) Ср. Lactantii Placidi comment. in Statii Theb. III, 506.

ставлявшій собою солнечное божество [1]). При этомъ, однако, мнѣ кажется, что формы Valens и Valentia, подъ которыми только-что упомянутыя названія или прозвища боговъ и богинь римлянъ употреблялись въ концѣ республики и позже, не представляются древнѣйшими и первоначальными формами, а такими, которыя замѣнили собою другія, существовавшія прежде [2]). Эти послѣднія, какъ я полагаю, гласили Valesius и Valesia, а позже, когда совершился извѣстный въ исторіи латинскаго языка процессъ ротацизма, Valerius и Valeria, являясь такимъ образомъ совершенно тождественными съ родовымъ именемъ Валеріевъ и представляя собою болѣе древній видъ причастныхъ производствъ, отличающійся возникшимъ изъ суффикса su-s окончаніемъ -sius, -rius [3]), чѣмъ аналогичныя съ ними формы Valens и Valentia, произведенныя помощью суффиксовъ ent- и ent-ia. Только при такомъ предположеніи становится вполнѣ объяснимымъ и понятнымъ, что именно одинъ изъ членовъ рода Валеріевъ, какъ свидѣтельствуютъ

[1]) Какъ любовникъ Короніды, т. е. „Согнутой" или „Кривой" (отъ √ kar-, ср. Vaničcek, Griech.-lat. etym. Wört. p. 134), называвшейся также (ср. v. Wilamowitz, Isyllos v. Epidauros, p. 13 sqq. и 89 sqq.) Αἴγλα, „Блестящей" (ср. Vaničcek, l. c., p. 215), т. е. луны (луннаго серпа), которая тождественною съ ней въ миѳологическомъ смыслѣ вороною (κορώνη), т. е. ею самой, луною, выдается Аполлону, Ἰσχύς является тождественнымъ съ послѣднимъ (т. е. солнцемъ) существомъ.

[2]) Ср. Creuzer, Symbolik u. Mythol. II², 1003 sq. nota 247 и указанное тамъ изслѣдованіе Münter'a (котораго я не имѣлъ подъ руками): De occulto urbis Romae nomine, p. 38.

[3]) Ср. Birt, De participiis quae dicuntur perfecti passivi (Marburg 1883), p. X и XII и De Romae urbis nomine deque robore Romano (Marburg 1887), p. XV.—Наиболѣе древній и первоначальный видъ такого причастнаго производства отъ основы val-, „быть сильнымъ", „быть здоровымъ", мы должны усматривать въ имени Volusus (или Volesus), служившемъ сперва роль praenomen, а впослѣдствіи роль cognomen. Замѣна болѣе древней гласной о позднѣйшею гласною a (ср. Lindsay, The Latin language. Oxford 1894, p. 235 и Lionel Horton-Smith, The establishment and extension of the law of Thurneysen and Havet, въ American journal of philol. XV и XVI, p. 8)

различные авторы [1]), открылъ сокровенное и священное названіе города Рима и его божества-покровителя и за такое преступленіе былъ казненъ, и что на одномъ изъ различныхъ типовъ монетъ Л. Валерія Ацискула встрѣчается изображеніе гиганта, несомнѣнно намекающее на родовое имя монетчика [2]). Не подъ названіемъ Valens, какъ предположилъ, основываясь на выше указанномъ мѣстѣ Цицерона, Де-Виттъ [3]), а подъ именемъ Valerius почитался этотъ гигантъ Валеріями, и точно также вѣроятно, что первоначальное имя города Рима и его богини-покровительницы было (Valesia) Valeria [4]).

имѣетъ немало аналогій: ср. portio и pars, horreum и farreum, Fovii и Fabii, vocivus и vacuus, fovere и favere (ср. Bücheler, Altes Latein, въ Rhein. Mus. N. F, vol. 52 (1897), p. 391 sqq. и F. Solmsen, Beitr. z. Gesch. d. lat. Spr. 4. Der Wandel von ŏv in ăv, въ Zeitsch. f. vergl. Sprachf., vol. XXXVII (1900), p. 1—18), fovere, focula, favilla, favonius, fovea и favissa, Romani и Ramnes и т. под. — По свидѣтельству Fabretti (Corpus inscr. ital. et Glossarium italicum, p. 1994), въ одной надписи, изданной въ недоступныхъ мнѣ Atti dell' Acad. delle scienze di Torino (ser. II), XIV, 68, встрѣчается даже форма voleo вмѣсто valeo.

[1]) Plinius, N. H. III, 65. Plutarch., Quaest. Rom. 61. Servius, Ad Verg. Aen. I, 277 и Solinus I, 4. Названный этими писателями Valerius Soranus, какъ доказалъ Leutsch въ Philol. 39 (1880), p. 90, не есть тотъ Valerius Soranus, который жилъ въ первую половину седьмаго вѣка ab urbe condita и Цицерономъ (Orator III, 11, 43) называется literatissimus omnium togatorum (ср. Teuffel, Gesch. d. röm. Lit. [5], p. 243), но, по свидѣтельству Варрона (у Сервія, l. c.), tribunus plebei quidam, который, безъ сомнѣнія, жилъ въ одномъ изъ первыхъ столѣтій республики.

[2]) См. Cohen, Description génér. des monnaies de la républ. rom., commun. appelées médailles consulaires, p. 320 sqq. и tab. XL, и особ. Babelon, Descr. hist. et chronol. des monnaies de la rép. romaine, vulg. appelées monnaies consulaires, vol. II, p. 517 и 520, n. 21.

[3]) De Witte, Le géant Valens, въ Revue numismatique 1849, p. 325—349 и 1850, p. 158 sq.

[4]) Какъ ни остроумно и поучительно во многихъ отношеніяхъ изслѣдованіе Birt'a, De Romae urbis nomine deque robore Romano (Marburg 1887), въ которомъ онъ старается доказать, что

Какъ бы то, однако, ни было, и какими бы божественными и другими именами первоначально ни прославляли Валеріи солнце и луну, издревле пользовавшіяся у нихъ, какъ мы видѣли, особеннымъ почитаніемъ, несомнѣнно то, что этотъ религіозный культъ въ ихъ славномъ родѣ сохранилъ свое значеніе до позднѣйшихъ временъ. Еще на денаріяхъ, отчеканенныхъ монетчикомъ (triumvir monetalis) Л. Валеріемъ Ацискуломъ въ 708/46—709/45 г., мы находимъ нѣсколько изображеній, имѣющихъ самое очевидное отношеніе къ этому культу. Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ, кото-

---

первоначальнымъ, священнымъ и сокровеннымъ именемъ Рима было Quirium, но результатъ этого изслѣдованія мнѣ кажется неправдоподобнымъ въ виду того, что онъ несогласенъ съ тѣмъ заключеніемъ о тождествѣ имени Рима и его божества—покровителя, къ которому нельзя не притти при сопоставленіи вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Плутарха (оставленнаго Birt'омъ безъ вниманія), съ одной стороны, и Феста, Сервія, Солина и Пасхальной Хроники, съ другой.

Какъ на аналогію къ предположенному нами древнѣйшему имени Рима, (Valesia) Valeria, тождественному съ именемъ его богини—покровительницы, я указываю на имя апульскаго города Luceria, которое, по всей вѣроятности, тождественно съ именемъ женскаго божества свѣта (т. е. луны), соотвѣтствовавшимъ прозвищу Юпитера Lucerius, приведенному въ глоссахъ Лаббея (Caroli Labbaei glossaria. London 1816-20, p. 86), далѣе на такія имена древнихъ городовъ или поселеній, какъ Saturnia и Ianiculum въ Римѣ, Feronia близъ Террацины, Cupra въ сабинской области, Luna въ Этруріи, Ἀθῆναι въ Греціи и т. д. — По внѣшней формѣ своей Valeria напоминаетъ имена весьма древнихъ городовъ Ameria въ Умбріи (ср. и Ameriola въ сабинской области), Faleria въ Picenum, Nuceria въ Кампаніи, Fabrateria въ области вольсковъ, Cubulteria или Compulteria въ Samnium и др., а также вышеназваннаго г. Luceria въ Апуліи.—Какъ на аналогіи къ предполагаемому мною миѳически-религіозному происхожденію имени рода Валеріевъ, я указываю, напр., на имена родовъ Aurelii и Feronii (Mommsen, Inscr., regn. Neapol. 5801 и 6183 и C. I. L. V, 760 и 807), изъ которыхъ первое произведено отъ сабинскаго солнечнаго бога Ausel (ср. Paulus Diac., p. 23 M.), а второе отъ богини Феронія.

рыя представляютъ — на лицевой сторонѣ монеты — увѣнчанную большимъ лучезарнымъ вѣнцомъ голову бога, единогласно признаннаго новѣйшими учеными олицетвореніемъ солнца (Sol или Apollo), и — на оборотѣ — стоящую на парной колесницѣ фигуру богини, съ находящимся на ея головѣ серпомъ мѣсяца, такъ-же единогласно признанной всѣми олицетвореніемъ луны (Luna или Diana) [1]). Далѣе слѣдуютъ тѣ изображенія, которыя — на лицевой сторонѣ монеты — представляютъ голову бога, чрезвычайно напоминающую своимъ видомъ типъ греко-латинскаго Аполлона [2]), и — на оборотѣ — въ большинствѣ случаевъ, женщину, сидящую верхомъ на быкѣ и держащую надъ своей головой распростертое полукругомъ (на подобіе полумѣсяца) легкое покрывало [3]). Въ послѣдней, какъ доказалъ еще Рошеръ [4]), мы безъ сомнѣнія должны усматривать Луну (=Діану), а относительно перваго я не могу не согласиться съ предположеніемъ Ленормана, признавшаго въ немъ Аполлона Сорана [5]). То легкое сомнѣ-

---

[1]) См. Babelon, Descr. hist. et chronol. des monnaies de la rép. rom. II, 520 n. 20.

[2]) Ср. изображенія Аполлона на монетахъ Кальпурніевъ (Babelon, l. c. I, 290 sqq. и 300 sqq.), Марціевъ (тамъ же II, 192) и, въ особ., Помпоніевъ (тамъ же II, 361).

[3]) Ср. Babelon, l. c. II, 519 n. 16 и 17. Другія монеты (тамъ же II, 519 n. 18 и 518 n 14 и 15) показываютъ вышеописанную голову бога (на лицевой сторонѣ) съ другими изображеніями (на оборотѣ), значеніе которыхъ сомнительно.

[4]) См. Roscher, Ueber Selene u. Verwandtes, p. 170 sq. Его разсужденіе, основывающееся на несомнѣнно вѣрныхъ данныхъ, направлено противъ ошибочнаго предположенія Lenormant'a (въ названной въ ниже слѣдующемъ прим. 5 статьѣ, p. 143 sq. и 161), принятаго также Babelon'омъ (l. c. II, p. 516 и 519), согласно которому изображенная на вышеприведенныхъ монетахъ женщина представляетъ собою извѣстную уже намъ миѳическую Валерію Луперку.

[5]) Lenormant, Notice sur les deniers romains de la famille Valeria, въ Nouvelles Annales, publiées par la section fransaise de l' Institut archéologique de Rome, tome II (1838), p. 142 sqq. Ср. также Babelon, l. c. II, 516 sqq.

ніе въ достовѣрности этого предположенія, которое было высказано Рошеромъ [1]) вслѣдствіе того, что французскій ученый въ подкрѣпленіе своего мнѣнія не привелъ достаточно вѣскихъ доказательствъ, не можетъ устоять противъ доводовъ, которыми мы выше старались доказать тѣсную связь, существовавшую между Валеріями и соракгинскимъ культомъ Сорана и Феронiи. Въ пользу обоихъ этихъ предположеній, поддерживающихъ другъ друга, говоритъ, по моему мнѣнію, и то обстоятельство, что звѣзда, которая помѣщена надъ діадемою головы бога, изображеннаго на выше упомянутыхъ монетахъ Л. Валерія Ацискула [2]), составляя единственное отличіе его отъ обыкновеннаго типа греко-латинскаго Аполлона (не имѣющаго такой звѣзды), помѣщается также надъ головой этрускаго солнечнаго бога Aplun, изображеннаго на одномъ зеркалѣ вмѣстѣ съ этрусскою лунною богинею Lala [3]). Если принять въ соображеніе то сліяніе сабинскихъ, фалисскихъ и этрусскихъ элементовъ, которое въ древнѣйшее время, какъ мы уже видѣли, происходило еще въ области горы Соракте, расположенной въ сосѣдствѣ названныхъ трехъ племенъ, то становится вполнѣ понятнымъ, что именно сабино-фалисскія и этрусскія представленія о солнечномъ божествѣ имѣли много общаго между собою и привели къ сходному изображенію его.

Къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ только-что разсмотрѣнныя нами религіозныя изображенія на монетахъ Л. Валерія Ацискула, относятся сохранившіяся до насъ остальныя данныя исторіи, которыя свидѣтельствуютъ о традиціонномъ культѣ, совершавшемся Валеріями въ честь божествъ, являвшихся первоначально олицетвореніями солнца и луны. Къ этимъ даннымъ принадлежитъ прежде всего надпись, составленная, какъ кажется, въ концѣ втораго столѣтія по

---

[1]) l. c., p. 169 и 171.

[2]) См. примѣч. 3 на предыдущей страницѣ.

[3]) См. Inghirami, Monum. etruschi II, 33. Gerhard, Etruskische Spiegel I, 45, 1 и Gesammelte akad. Abhand. I, стр. 369.

P. X. нѣкимъ P. Valerius Bassus, praefectus fabrum и содержащая посвященіе въ честь Діаны, пользовавшейся у Валеріевъ особымъ фамильнымъ культомъ, т. е. „Dianae Valerianae“ [1]). Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ надписей, найденныхъ какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ римской имперіи, особенно Италіи, которыя доказываютъ, что въ числѣ первыхъ послѣдователей культа древне-персидскаго солнечнаго бога Митры и сопровождавшихъ его другихъ солнечныхъ и лунныхъ божествъ, культа, проникшаго въ Римъ въ началѣ имперіи и получившаго при Коммодѣ права государственной религіи, находились многочисленныя представители рода Валеріевъ, выступавшіе нерѣдко даже въ качествѣ жрецовъ новаго культа [2]). Едва-ли можно усумниться въ томъ, что эта

[1]) Orelli, Inscr. lat. I, n. 1461. Эта надпись, найденная въ Римѣ, гласитъ: P. Valerius Bassus praefectus fabrum et Caecilia Progne—Dianae Valerianae. По всей вѣроятности этотъ P. Valerius Bassus былъ родственникъ консулара Валерія Басціана, умерщвленнаго императоромъ Коммодомъ (ср. Lampridius, Commod. c. 7) въ 190 г. (ср. Tillemont, Hist. des emper. II, 440 и Pauly's Real-Encyclop. VI, 2, p. 2367).

[2]) Наиболѣе ранними изъ этихъ надписей, насколько возможно опредѣлить ихъ время, являются найденныя въ Mithraeum въ Остіи три посвященія Гая Валерія Геракла, игравшаго, повидимому, при Коммодѣ нѣкоторую роль въ названномъ городѣ. Первое относится къ 190 г. по Р. Х. и гласитъ (C. I. L. XIV, 65=Cumont, Textes et monuments relatifs aux mystères de Mithra. Vol. II (Bruxelles 1896), p. 117 n. 137): C. Valerius Heracles pat(er) et C(aii) Valerii Vitalis et Nicomes sacerdotes s(ua) p(e)c(unia) p(o)s(ue)r(unt). D(e)d(icatum) idi(bus) Aug(ustis) imp(eratore) Com(modo) VI et Septimiano co(n)s(ulibus). Второе (C. I. L. XIV, 64=Cumont, l. c., p. 117 n. 138) гласитъ: Sig(num) indeprehensivilis dei L(ucius) Sextius Karus et G(aius) Valerius Heracles sacerdos s(ua) p(ecunia) p(osuerunt). А третье (C. I. L. XIV, 66=Cumont, l. c., p. 117, n. 139) гласитъ: C. Valerius Heracles pat[e]r e[t] an[tis]tes dei iu[b]enis inconrupti So-[l]is invicti Mithra[e c]ryptam palati concessam sibi a M. Aurelio.... Если сравнить это посвященіе съ первымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть въ виду то значеніе, которое культъ Митры получилъ благодаря императору Коммоду (ср. Lampridius, Commod. c. 9, въ Script.

восприимчивость Валеріевъ къ мистеріямъ названныхъ иностранныхъ божествъ отчасти была обусловлена и вызвана тра-

hist. Aug., ed. Peter, I, p. 96), то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ De Rossi, который (въ Bull. di arch. crist. 1870, p. 156) предложилъ дополнить конецъ послѣдней надписи такимъ образомъ: a M. Aurelio [Commodo Antonino Aug.]. Мнѣніе же Dessau (C. I. L. XIV. n. 66), что тутъ подразумѣвается „M. Aurelius privatus aliquis fortasse Augusti libertus et procurator“, я вмѣстѣ съ Cumont (l. c.) считаю менѣе вѣроятнымъ.—Также ко времени царствованія императора Коммода относится другая надпись, найденная въ Дакіи и посвященная бывшимъ при названномъ императорѣ легатомъ Нумидіи (ср. C. I. L. VIII, 2621) M. Валеріемъ Максиміаномъ (C. I. L. III, 1122=Cumont, l. c., p. 133 n. 249): [Soli] invicto Mithrae M. Val(erius) Maximianus leg(atus) Aug(usti) v(otum) s(olvit). — Далѣе слѣдуетъ надпись (C. I. L. II, 259 = Cumont, l. c., p. 166 n. 517) изъ Испаніи: Soli aeterno, Lunae pro aeternitate imperi et salute imp(eratoris) Ca[esaris L.] Septimii Severi Aug(usti) Pii et [imp.] Caes(aris) M. Aureli Antonini Aug(usti) Pii [et P. Septimii Getae nob(ilissimi)] Caes(aris) et [Iu]liae Aug(ustae) matris c[a]s[tr(orum)] Drusus Valerius Coelianus... usi [leg(atus?)] Augustorum cumu... suale.. ni.. suaet Q. Iulius Satur. Q. Val... et Antonius. Послѣднія фрагментарныя слова Hübner дополняетъ такъ: v(ir) c(larissimus) legatus Augustorum curam ag(ente) Valerio Quadrato Q. Iulius Saturninus et Q. Valerius Antonianus.—Къ тому же времени относится надпись (C. I. L. III, 4540 = Cumont, l. c., 148 n. 381) изъ Панноніи: Invic(to) d(eo) sacrum pro s(alute) imp(eratoris) L. Se(ptimii) Valerius et Valerianus temp(lum) vetust(ate) conl(apsum) inp(endio) suo rest(ituerunt). — Далѣе слѣдуетъ надпись изъ Медіолана (C. I. L. V, 2, n. 5893 = Cumont, l. c., p. 126 n. 192): M. Valer[ius] Maximu[s] sacerdo[s] d(ei) S(olis) i(nvicti) M(ithrae) stu[di(osus)] astrologia[e] sibi et Severiae Apr... uxori. H(oc) m(onumentum) h(eredem) n(on) [s(equetur)]. По весьма правдоподобному предположенію Orelli (Inscr. lat. I, 1202), эта надпись должна быть отнесена къ времени императора Александра Севера, по велѣнію котораго математики должны были читать публичныя лекціи въ Римѣ (ср. Aelius Lampridius, vita Alexandri Severi c. 27). — Приблизительно къ половинѣ 3-го столѣтія относится слѣдующая надпись изъ Аквилеіи въ Gallia cisalpina (C. I. L. V, 1, n. 808=Cumont, l. c., p. 123 n. 170): D(eo) i(nvicto) M(ithrae) Fl(avius) Exuperat(ius) agens in lus[t(ratione)] Fl(avii) Sabini pr(imi)p(ili) Ael(ius) Severus agens lust(ratione) Aur(elii) Flav(iani) pr(incipis) si-

диціоннымъ семейнымъ культомъ, которымъ небесныя свѣтила подъ различными названіями болѣе или менѣе сознательно почитались у нихъ уже раньше.

---

nif(eri) leg(ionis) III p(iae) f(idelis) [Моммзенъ предлагаетъ читать: leg(ionis) IIII Flaviae piae felicis] [Philippianae], Val(erius) Valens signif(er) leg(ionis) XIII Gem(inae) lustr(atione) Aur(elii) Zenoni(s) pr(imi) p(ili) v(otum) s(olverunt) l(ibentes) m(erito). — Названный здѣсь Valerius Valens встрѣчается также въ надписи, относящейся къ 244 г. по Р. Х. (ср. C. I. L. V, 1, n. 808).—Къ концу же третьяго или къ началу четвертаго столѣтія (ср. Rohden et Dessau, Prosopographia imperii Romani III, p. 379) относится надпись изъ Реціи (C. I. L. III, 2, n. 5862=Cumont, l. c., p. 153 n. 421): Deo invicto Soli templum a solo restituit Valerius Venustus vir p(erfectissimus) p(raeses) p(rovinciae) R(haetiae), sicuti voto ac mente conceperat redditus sanitati v(otum) s(olvit) l(ibens) l(aetus) m(erito). — Наконецъ слѣдуетъ цѣлый рядъ надписей, время которыхъ не можетъ быть опредѣлено точнѣе; но и онѣ относятся, вѣроятно, къ 3-му столѣтію. Вотъ онѣ: (C. I. L. V, 2 n. 5204 = Cumont, l. c., p. 129 n. 215—изъ Gallia cisalpina: Invicto v(otum) s(olvit) C. Val(erius) Rufinus v(oto) l(ibens) v(ovit).—C. I. L. V, 1 n. 3918 = Cumont, l. c., p. 128 n. 211 — изъ Gallia cisalpina: [S]oli et L[unae] . . . Val . . .—C. I. L. VI, 1 n. 3727= Cumont, l. c., p. 100 n. 36—изъ Рима: L. Valerius Megi[stus?] p(ater) et sac(erdos) invicto Mitr[ae]. — C. I. L. VI, 1, n. 743 = Cumont, l. c., p. 101 n. 42—изъ Рима: Val(erius) Marinus pater signu[m] invicti Mitrhe (sic!) ex voto pos(uit). Этотъ Валерій Маринъ былъ, можетъ быть, потомокъ назначеннаго при императорѣ Гальбѣ консуломъ Валерія Марина (ср. Tacitus, Hist. II, 71 и Rohden et Dessau, Prosopographia imperii Romani III, p. 359). — C. I. L. III, 1, n. 3483= Cumont, l. c., p. 143 n. 342—изъ Панноніи: Soli invicto Val(erius) V[i]talis v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito). — C. I. L. V, 2 n. 5465 = Cumont, l. c., p. 125 n. 187—изъ Gallia cisalpina: Cautopati sac[r(um)] M. Statius Nig[er] VI vir Au(gustalis) c(reatus) d(ecreto) d(ecurionum) [M(ediolanensium)] leg(atus?) dend(rophorum) c(oloniae) A(ureliae?) A(ugustae?) M(ediolanii) et C. Valerius Iulia[nus?] leones leg(ati?) v(otum) s(olverunt) l(ibentes) m(erito).—C. I. L. III, 4803 = Cumont, l. c., p. 151 n. 406—изъ Noricum: D(eo) i(nvicto) M(ithrae) Ulpius Valerius specul(ator) leg(ionis) primae Nor(icorum) votum a patre suscept(um) solv(it) l(ibens) l(aetus) m(erito).—C. I. L. VIII, 2350 = Cumont, l. c., p. 169 n. 534—изъ Нумидіи: [S]oli aug(usto) sacr(um)

Резюмируя теперь результаты, полученные нами въ этой главѣ нашего изслѣдованія, мы находимъ слѣдующее:

Родъ Валеріевъ, переселяясь изъ своей сабинской родины въ Римъ, принесъ съ собою въ этотъ городъ соракгинскій культъ Сорана и Феронiи, который, согласно первоначальному значенію этихъ божествъ, олицетворявшихъ собою солнце и луну въ ихъ различныхъ, особенно противоположныхъ другъ другу, дѣйствіяхъ, отличался двойственнымъ характеромъ, служа, съ одной стороны, къ умилостивленію и смягченію божествъ, когда они выступали владыками мрака, имѣющими пагубное и смертоносное вліяніе, а съ другой стороны къ прославленію и награжденію ихъ, когда они выступали владыками свѣта, имѣющими животворное и благое вліяніе. При этомъ является вполнѣ понятнымъ, что первая сторона ихъ могущества имѣла преобладающее въ культѣ значеніе, ставъ исходнымъ пунктомъ или началомъ всѣхъ относившихся къ почитаемымъ божествамъ культовыхъ обрядовъ вообще. Немудрено, поэтому, что уже рано (мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ достаточными данными для того, чтобы точнѣе опредѣлить время, когда это случилось, и только то несомнѣнно, что это произошло послѣ 414/340 г.[1]) и до 505/249 г., когда были введены въ Римѣ Тарентинскія или секулярныя игры въ честь Дита и Прозерпины), немудрено, говорю я, что уже рано Соранъ и Феронія стали отождествляться преимущественно съ Дитомъ (Аидомъ) и Прозерпиною (Персефоною), благодаря чему они только подъ такими названіями и встрѣчаются въ той редакціи легендарнаго разсказа объ учрежденіи на Марсовомъ полѣ сабинянином Валезіемъ куль-

---

Valerius [C]arpus augus[ta]lis conlato [in] se a sanctissi[mo] ordine ho[no]re ornamen[tor]um decurio[na]tus statuam [qua]m ex (sestertiis) IIII pro[misit] ex (sestertiis) V posuit [id]emque d(onum) d(edit) d(icavit).— Сомнительными представляются надписи C. I. L. VI, 1, n. 377 (=Cumont, l. c., p. 173 n. 553) и C. I. L. V, 1, n. 3321 (=Cumont, l. c., p. 176 n. 567).

[1]) Ср. то, что нами было сказано выше (на стр. 118) по этому вопросу.

та, авторомъ которой, какъ мы видѣли, долженъ считаться Валерій Анціатъ. Что почитавшіяся при названномъ культѣ божества первоначально не считались только подземными божествами, мрачными и безпощадными властителями царства мертвыхъ, видно уже изъ того, что въ самой легендѣ имъ приписывалось по существу благое дѣйствіе, именно выздоровленіе дѣтей Валезія, и что послѣдній изъ благодарности хотѣлъ соорудить имъ жертвенникъ какъ-бы въ память объ этомъ радостномъ событіи. Точки соприкосновенія и сходства между соракгинскимъ, т. е. сабино-фалисскимъ культомъ Сорана и Феронiи и учрежденнымъ Валеріями на Марсовомъ полѣ въ Римѣ родовымъ культомъ Дита и Прозерпины заключаются не только въ томъ, что вліянію Сорана и Феронiи (=Юноны въ Фалеріяхъ), съ одной стороны, а Дита и Прозерпины, съ другой, приписывалось появленіе моровой язвы, но и въ томъ, что какъ первыя, такъ и послѣднія божества, втѣстѣ съ тѣмъ, считались также избавителями отъ этой эпидеміи, и что въ обоихъ культахъ огонь игралъ, повидимому, выдающуюся очистительную и искупительную роль, первоначальное значеніе которой, оставшееся довольно яснымъ и прозрачнымъ въ соракгинскомъ культѣ, представляется намъ болѣе затемненнымъ въ римскомъ. Но и въ послѣднемъ слѣды его первоначальнаго значенія не исчезли настолько, чтобы мы не были въ состояніи открыть ихъ еще теперь. Главнымъ образомъ я усматриваю такіе слѣды въ установленныхъ Зѣлинскимъ [1]) названіяхъ двухъ послѣднихъ изъ четырехъ полей — agri Tarax (вм. рукописнаго Turax), Semurius, Lunirius (вмѣсто рукописнаго Lintirius (сод. Bamberg.) или Lutirius (сод. Parisin.) и Solinius —, которыми Акка Ларенція, согласно древней легендѣ [2]), одарила римскій народъ

[1]) Zielinski, Quaestiones comicae (въ Ж. М. Н. Пр. за декабрь 1886 г., стр. 136 сл. и 157 сл.

[2]) Подробный разборъ этой легенды, приведенной Макробіемъ (Saturn. I, 10, 16) со словъ Катона Цензорія (fragm. 16 у Peter'a, Hist. Rom. rell. I. Lips. 1870, p. 56), и сопоставленіе ея съ сходными легендами о Gaia Taracia и Fufetia (ср. Gellius, N. A. VII (VI), 7, и

при свой смерти, и которыя, очевидно, составляли части обширной равнины, простиравшейся за квиринальскимъ холмомъ до рѣки Тибра и получившей еще въ весьма древнее время общее названіе campus Martius. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что между тѣмъ, какъ названіе Tarax, согласно остроумному предположенію Зѣлинскаго [1]), тождественно съ названіемъ Tarentum, обозначавшимъ ту мѣстность или часть Марсова поля, гдѣ въ 505/249 г. учреждены были Тарентинскія или секулярныя игры, agri Lemurius, Lunirius и Solinius прозваны были по издревле учрежденнымъ здѣсь сабинскимъ культамъ божествъ Semo, Sol и Luna [2]). Изъ нихъ Sol и Luna, какъ я полагаю, по существу соотвѣтствовали соракгинскимъ Soranus и Feronia, а указанное такимъ образомъ солнечное и лунное значеніе этихъ послѣднихъ божествъ подтверждается не только тѣмъ обстоятельствомъ, что и при секулярныхъ играхъ позднѣйшихъ временъ (Августа) Sol (=Apollo) и Luna (=Diana) играли главную роль, но и тѣмъ, что согласно предложенной Мюллеромъ и принятой, съ небольшими измѣненіями, также мною (см. приложенія въ концѣ этой книги) реконструкціи одного фрагментарнаго мѣста Феста [3]), трактующаго о „Terentum“, происходившія при ludi saecularres конныя ристанія имѣли цѣлью символически подражать движеніямъ солнца и луны, а 14 ноября, въ праздникъ богини Феронiи (и Фортуны Примигеніи) на Марсовомъ полѣ происходилъ смотръ лошадямъ (equorum probatio [4]). Слѣды вы-

Plinius (N. H. XXXIV, 6 (11), 25) читатель найдетъ у Зѣлинскаго (l. c., p. 136 sqq.).

[1]) Zielinski, l. c., p. 142 sqq.

[2]) Zielinski, l. c., p. 157 sq.

[3]) Festus, p. 351 Müller: [Terentum] in campo Martio loc[um Verrius ait ab eo] dicendum fuisse, quod t[erra ibi per ludos] secularis Ditis patris[aram occulens tera]tur ab equis quadrigari[s, ut eorum levis mo]bilitas aequiperet mo[tus solis atque lu]nae; quod quam aniliter rela[tum sit cui]vis manifestum est. См. также приложенія въ концѣ нашей книги.

[4]) См. Acta fratrum Arvalium, ed. Henzen, p. CCXL и 240.

дающейся роли, которую сабино-римскіе культы солнца и луны съ древнѣйшихъ временъ играли на Марсовомъ полѣ, обнаруживаются наконецъ, по моему мнѣнію, и въ томъ обстоятельствѣ, что консулъ перваго года республики П. Валерій Попликола, которымъ, согласно легендѣ (см. Zosimus II, 3), указанное поле было посвящено Аиду (=Диту) и Персефонѣ (=Прозерпинѣ), согласно другой легендѣ (ср. Festus, p. 329 M., s. v. seculares ludi и Plutarch., Poplic. 8), посвятилъ это самое поле, принадлежавшее до того времени Тарквиніямъ, Марсу, т. е. тому божеству, первоначальное солнечное значеніе котораго не можетъ подлежать сомнѣнію. Не по случайности и въ этой легендѣ выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ одинъ изъ членовъ рода Валеріевъ: мы имѣемъ полное основаніе предположить, что на „Марсовомъ“ полѣ Марсъ замѣнилъ болѣе древняго „Сорана“, о близкомъ родствѣ и первоначальномъ тождествѣ котораго съ первымъ божествомъ я говорилъ уже выше (на стр. 120 слл. и 138). Что же касается соучастницы въ древнѣйшемъ культѣ Сорана, перенесенномъ Валеріями изъ сабинской области въ Римъ, т. е. богини Феронiи, то съ одной стороны до насъ дошло опредѣленное указаніе актовъ арвальскихъ братьевъ (изд. Henzen'a, p. CCXI. и 240), свидѣтельствующее о томъ, что эта богиня почиталась на Марсовомъ полѣ также въ позднѣйшее время и имѣла здѣсь святилище, празднество котораго приходилось въ иды ноября, а съ другой стороны мы можемъ заключить это также изъ того факта, что на Марсовомъ полѣ существовала Petronia amnis (ср. особ. Lanciani, Topografia di Roma antica. I comentarii di Frontino intorno le acque e gli aquedotti. Silloge epigrafica aquaria. Roma 1880, p. 15 sqq.), прозванная, безъ сомнѣнія, по сабинскому роду Петроніевъ, и что этотъ родъ, какъ явствуетъ изъ его монетъ (см. Babelon, Descr. hist. et chron. des monnaies de la rép. romaine II, 292 sqq.), преимущественно почиталъ Феронію; наконецъ, я полагаю, что память объ этой богинѣ сохранилась также въ возникшей послѣ 505/249 г. легендѣ о Gaia Taracia (ср. Gellius, N. A. II, 7, и Plinius, N. H. XXXIV, 6 (11), 25), какъ о лицѣ,

будто бы подарившемъ римскому народу Марсово поле: Gaia Taracia замѣнила здѣсь имя богини Феронiи (=Прозерпины), нѣкогда почитавшейся въ этой мѣстности Валеріями на ряду съ Сораномъ (=Дитомъ) и согласно этому считавшейся владѣтельницею (Gaia = „женщина“ или „жена—хозяйка“ — ср. Corssen, Ueber Ausspr., Vocal. u. Beton. d. lat. Spr. I, 436 и Vaniček, Griech.-lat. etym. Wörterb. I, 189) названнаго поля.

ГЛАВА IV.

Сліяніе гентильнаго культа Валеріевъ съ такъ называемыми Тарентинскими или секулярными играми, т. е. (тарентинскими) Гіакинѳіями, и празднованіе первыхъ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ въ Римѣ.

Въ предыдущей главѣ мы старались доказать, что справлявшійся Валеріями на Марсовомъ полѣ родовой культъ Дита и Прозерпины въ своихъ основныхъ началахъ произошелъ отъ соракгинскаго или сабино-фалисскаго культа Сорана и Феронiи; теперь возвратимся къ разсмотрѣнію той тѣсной связи, которая, по приведенному нами выше древнему преданію, существовала между первымъ изъ упомянутыхъ культовъ и такъ называемыми Тарентинскими или секулярными играми, учрежденными, какъ мы видѣли, въ честь Дита и Прозерпины отъ имени всего римскаго народа въ 505/249 г. и представлявшими собою подражаніе греко-тарентинскимъ Гіакинѳіямъ.

Въ чемъ же именно заключалась эта связь, и какимъ образомъ произошло то сліяніе обоихъ культовъ, которое мы должны предположить въ виду упомянутаго преданія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ отношеніяхъ, установившихся еще задолго до 505/249 г. между тарентинцами, съ одной стороны, и самнитянами-сабинянами, а также римлянами съ другой.

Не касаясь древнѣйшей исторіи этихъ отношеній, мы видимъ, что со второй половины 4 столѣтія до Р. Х. греческій

дающейся роли, которую сабино-римскіе культы солнца и луны съ древнѣйшихъ временъ играли на Марсовомъ полѣ, обнаруживаются наконецъ, по моему мнѣнію, и въ томъ обстоятельствѣ, что консулъ перваго года республики П. Валерій Попликола, которымъ, согласно легендѣ (см. Zosimus II, 3), указанное поле было посвящено Аиду (=Диту) и Персефонѣ (=Прозерпинѣ), согласно другой легендѣ (ср. Festus, p. 329 M., s. v. seculares ludi и Plutarch., Poplic. 8), посвятилъ это самое поле, принадлежавшее до того времени Тарквиніямъ, Марсу, т. е. тому божеству, первоначальное солнечное значеніе котораго не можетъ подлежать сомнѣнію. Не по случайности и въ этой легендѣ выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ одинъ изъ членовъ рода Валеріевъ: мы имѣемъ полное основаніе предположить, что на „Марсовомъ“ полѣ Марсъ замѣнилъ болѣе древняго „Сорана“, о близкомъ родствѣ и первоначальномъ тождествѣ котораго съ первымъ божествомъ я говорилъ уже выше (на стр. 120 слл. и 138). Что же касается соучастницы въ древнѣйшемъ культѣ Сорана, перенесенномъ Валеріями изъ сабинской области въ Римъ, т. е. богини Феронiи, то съ одной стороны до насъ дошло опредѣленное указаніе актовъ арвальскихъ братьевъ (изд. Henzen'a, p. CCXI. и 240), свидѣтельствующее о томъ, что эта богиня почиталась на Марсовомъ полѣ также въ позднѣйшее время и имѣла здѣсь святилище, празднество котораго приходилось въ иды ноября, а съ другой стороны мы можемъ заключить это также изъ того факта, что на Марсовомъ полѣ существовала Petronia amnis (ср. особ. Lanciani, Topografia di Roma antica. I comentarii di Frontino intorno le acque e gli aquedotti. Silloge epigrafica aquaria. Roma 1880, p. 15 sqq.), прозванная, безъ сомнѣнія, по сабинскому роду Петроніевъ, и что этотъ родъ, какъ явствуетъ изъ его монетъ (см. Babelon, Descr. hist. et chron. des monnaies de la rép. romaine II, 292 sqq.), преимущественно почиталъ Феронію; наконецъ, я полагаю, что память объ этой богинѣ сохранилась также въ возникшей послѣ 505/249 г. легендѣ о Gaia Taracia (ср. Gellius, N. A. II, 7, и Plinius, N. H. XXXIV, 6 (11), 25), какъ о лицѣ,

будто бы подарившемъ римскому народу Марсово поле: Gaia Taracia замѣнила здѣсь имя богини Феронiи (=Прозерпины), нѣкогда почитавшейся въ этой мѣстности Валеріями на ряду съ Сораномъ (=Дитомъ) и согласно этому считавшейся владѣтельницею (Gaia = „женщина“ или „жена—хозяйка“ — ср. Corssen, Ueber Ausspr., Vocal. u. Beton. d. lat. Spr. I, 436 и Vaniček, Griech.-lat. etym. Wörterb. I, 189) названнаго поля.

ГЛАВА IV.

Сліяніе гентильнаго культа Валеріевъ съ такъ называемыми Тарентинскими или секулярными играми, т. е. (тарентинскими) Гіакинеіями, и празднованіе первыхъ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ въ Римѣ.

Въ предыдущей главѣ мы старались доказать, что справлявшійся Валеріями на Марсовомъ полѣ родовой культъ Дита и Прозерпины въ своихъ основныхъ началахъ произошелъ отъ соракгинскаго или сабино-фалисскаго культа Сорана и Феронiи; теперь возвратимся къ разсмотрѣнію той тѣсной связи, которая, по приведенному нами выше древнему преданію, существовала между первымъ изъ упомянутыхъ культовъ и такъ называемыми Тарентинскими или секулярными играми, учрежденными, какъ мы видѣли, въ честь Дита и Прозерпины отъ имени всего римскаго народа въ 505/249 г. и представлявшими собою подражаніе греко-тарентинскимъ Гіакинеіямъ.

Въ чемъ же именно заключалась эта связь, и какимъ образомъ произошло то сліяніе обоихъ культовъ, которое мы должны предположить въ виду упомянутаго преданія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ отношеніяхъ, установившихся еще задолго до 505/249 г. между тарентинцами, съ одной стороны, и самнитянами-сабинянами, а также римлянами съ другой.

Не касаясь древнѣйшей исторіи этихъ отношеній, мы видимъ, что со второй половины 4 столѣтія до Р. Х. греческій

городъ Тарентъ, достигшій тогда своего высшаго процвѣтанія, всячески старался упрочить и сохранить свое торгово-промышленное и политическое значеніе посредствомъ привлеченія на свою сторону жившихъ въ его сосѣдствѣ италійскихъ племенъ. Такимъ образомъ онъ не только заключилъ союзъ съ певцетіями и давніями [1]), но и вошелъ въ дружественныя сношенія съ самнитянами, могущество которыхъ въ то время было еще весьма сильно и потому могло служить наилучшимъ оплотомъ противъ опасности, начинавшей угрожать всей южной Италіи со стороны властолюбиваго Рима. Правда, скудость и искаженный характеръ дошедшихъ до насъ изъ древности свѣдѣній о южно-италійской исторіи этой эпохи и, въ особенности, о вспыхнувшихъ тогда римско-самнитскихъ войнахъ не позволяетъ намъ судить, въ какой мѣрѣ тарентинцы и самнитяне помогали другъ другу при защитѣ общихъ интересовъ своей внѣшней политики, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что, если между обоими государствами и не существовало формальнаго союза, заключеннаго съ совершенно опредѣленной цѣлью, то событія все-таки заставляли ихъ нерѣдко дѣйствовать совмѣстными силами и въ качествѣ фактическихъ союзниковъ [2]). Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ 427/327 г., когда римляне приступили къ осадѣ Неаполя, имъ пришлось немало бороться съ направленными противъ нихъ интригами соединенныхъ тарентинцевъ и самнитянъ, которые выступили друзьями одной части гражданъ названнаго греческаго города [3]), а въ 434/320 г., когда римляне осаждали г. Луцерію, самнитяне обратились къ тарентинцамъ съ просьбой о помощи, и послѣдніе отправили къ римлянамъ своихъ пословъ, чтобы протестовать противъ начатой ими войны [4]). Вообще же кажется, что тарентинцы по возможности стара-

---

[1]) Ср. Strabo VI, 3, 4, p. 280 extr.

[2]) Ср. Doehle, Geschichte Tarents (Strassburg 1877), p. 35 sq. и Niebuhr, Röm. Gesch. III, p. 234.

[3]) Ср. Livius VIII, 22 и 23; 25, 7; 27, 11 и Dionys. Hal. XV, 5.

[4]) Ср. Livius IX, 14.

лись пріобрѣсть симпатіи храбраго самнитскаго народа и такимъ образомъ обезпечить себѣ успѣхъ въ своихъ собственныхъ торгово-промышленныхъ и политическихъ предпріятіяхъ. Для достиженія этой цѣли, какъ свидѣтельствуетъ Страбонъ [1]), они между прочимъ утверждали, что самнитяне приходятся имъ съ родни и происходятъ, какъ они сами, отъ лакедемонянъ, колонисты которыхъ поселились де въ ихъ областяхъ. Это льстивое утвержденіе, найдя отголосокъ въ сердцахъ самнитянъ и родственныхъ имъ сабинянъ, вскорѣ получило такое распространеніе среди всѣхъ сабелльскихъ племенъ, что проникло даже въ ихъ туземныя хроники и послужило причиною возникновенія множества разсказовъ, въ которыхъ всякаго рода сабинскія учрежденія приводились въ непосредственную связь съ лакедемонскими учрежденіями [2]). Когда же во второй половинѣ 4-го столѣтія до Р. Х. римляне покорили Кампанію, то и они въ скоромъ времени начали относиться съ особеннымъ интересомъ къ получившимъ тамъ популярность доктринамъ тарентинцевъ и не прочь были примѣнить послѣднія также къ себѣ, какъ къ народу, который, по общепринятому мнѣнію, происходилъ отчасти отъ сабинянъ [3]). Тогда же благодаря литературной дѣятельности южно-италійскихъ и сицилійскихъ греческихъ писателей, въ особенности тарентинскаго философа и ученика Аристотеля Аристоксена, распространились разсказы о томъ, что жившій столь долгое время въ

---

[1]) Strabo V, 4, 12 med., p. 250.

[2]) См. Dionys. Halic., Antiq. rom. II, 49, 4. Servius, Ad Verg. Aen. X, 564 и особ. VIII, 638. Plutarch., Romulus, c. 16 init., Numa, c. 1 extr. Iustinus XX, 1, 14. Ovidius, Fasti I, 260 и III, 270. Silius Italicus, Punic. XV, 543 и VIII, 412 sq., а также II, 8. Zonaras VII, 3 p. 317 b. Ср. Preller-Iordan, Röm. Myth. II³, 277 sq. и I³, 430. Schwegler, Röm. Gesch. I, 251 n. 1.

[3]) Такимъ образомъ возникли многочисленные разсказы о греческомъ, особенно лакедемонскомъ происхожденіи различныхъ римскихъ учрежденій и обычаевъ. См. Gellius, N. A. II, 15, 1. Servius, Ad Verg. Aen. VII, 176. Athenaeus VI, 106, p. 273. Dionys. Halic. II, 23. II, 13 и 14. Ср. также Schwegler, Röm. Gesch. I, 251 sqq.

„Великой Греціи“ Пиѳагоръ въ числѣ своихъ учениковъ имѣлъ также сабино-римскаго царя Нуму Помпилія, и что ученія самосскаго философа вообще оказали весьма значительное вліяніе на римлянъ [1]). Къ концу четвертаго столѣтія до Р. Х. мы видимъ эти разсказы вполнѣ упрочившимися въ самомъ Римѣ: не только жившій въ то время знаменитый Аппій Клавдій слылъ послѣдователемъ пиѳагореизма [2]), но во время самнитскихъ войнъ, по указанію оракула Аполлона Пиѳійскаго, римскій комицій былъ украшенъ даже статуею Пиѳагора [3]), а еще раньше того времени поддѣлана была книга Эпихарма, въ которой подробно разсказывалось объ отношеніяхъ Нумы къ греческому философу и о томъ, какъ послѣдній получилъ право римскаго гражданства [4]). Завоеваніе римлянами южной Италіи, и въ особенности благопріятное окончаніе войны съ Пирромъ, которое побудило Тарентъ заключить миръ и договоръ съ его счастливыми соперниками [5]), еще въ большей степени, чѣмъ существовавшія до тѣхъ поръ между этимъ греческимъ городомъ и его самнитскими и римскими сосѣдями отношенія, содѣйствовали тому, что начавшійся процессъ производившейся съ сознательной искусственностью ассимилизаціи великогреческихъ, особенно тарентино-лакедемонскихъ учрежденій, съ одной стороны, и сабинскихъ и римскихъ съ другой, безпрепятственно продолжался еще долгое время и завершился только тогда, когда было достигнуто почти полное сліяніе и

---

[1]) Ср. Aristoxen. fr. 5 (у Müller'a, Fragm. histor. Graec. II, p. 273), приведенный Порфиріемъ, De vita Pythag. § 22, а также Cicero, Tusc. disp. IV, 1, 2 и Plutarch., Numa c. 8.

[2]) Ср. Cicero, Tuscul. disp. IV, 2, 4 и IV, 1, 2—3.

[3]) Ср. Plinius, N. H. XXXIV, 12, 26 и Plutarch., Numa 8.

[4]) Ср. Плутарха, Numa 8, и Аристоксена у Аѳинея XVI, p. 648 D(=Müller, Fragm. hist. Gr. II, p. 289, fr. 80).

[5]) Ср. Niese, Zur Gesch. des Pyrrhischen Krieges, въ Hermes XXXI (1896), p. 505 sq., и Grundriss der röm. Gesch.[2] (Bd. III, Abth. 5 изданія Iw. Müller'a, Handb. d. klass. Alt. 1898), p. 53 sq.

смѣшеніе греческой и римской культуры [1]). Одну изъ самыхъ выдающихся по значенію, а отчасти также первыхъ по времени, ролей въ этомъ отношеніи игралъ безъ сомнѣнія тарентинецъ Ливій Андроникъ, который, по чрезвычайно вѣроятному предположенію Зѣлинскаго [2]), еще въ 504/250 г. переселился изъ Тарента въ Римъ и въ скоромъ времени такъ освоился съ римской жизнью и съ латинскимъ языкомъ, что онъ не только перевелъ на этотъ языкъ Одиссею Гомера, но въ 514/240 г. началъ также ставить на римской сценѣ греческія комедіи и трагедіи въ латинской передѣлкѣ, а въ 547/207 г. въ качествѣ оффиціальнаго поэта и по порученію властей сочинилъ религіозную кантату, которую хоръ, состоявшій изъ двадцати семи дѣвицъ, долженъ былъ пѣть во время процессіи, совершавшейся имъ съ участіемъ жреческой коллегіи децемвировъ въ честь Авентинской Iuno Regina [3]). Какъ это порученіе, такъ и награда, которой Ливій Андроникъ удо-

---

[1]) Не безъинтересно будетъ напомнить здѣсь также о томъ, что Тарентъ впослѣдствіи былъ причисленъ къ римской tribus Claudia (см. Kubitschek, Imperium Romanum tributim discriptum. Vindob. 1899, p. 43), къ которой принадлежали родъ Клавдіевъ и, вѣроятно, также родъ Валеріевъ, игравшіе, какъ мы постараемся доказать ниже, такую выдающуюся роль въ сліяніи въ 505/249 г. роднаго культа Валеріевъ съ тарентинскими Гіакинѳіями и въ учрежденіи соотвѣтствующаго этимъ двумъ культамъ общенароднаго празднества Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ.

[2]) Zielinski, Quaestiones comicae, въ Журн. Мин. Нар. Просв., за декабрь 1886 г., стр. 155 sq.

[3]) Не можетъ подлежать сомнѣнію, что и въ устройствѣ Ливіемъ Андроникомъ вышеупомянутаго хора изъ трижды девяти дѣвицъ (ср. Livius XXVII, 37, 7 и 12 sqq.) должно усмотрѣть вліяніе греко-тарентинскихъ обычаевъ. Ибо извѣстно, что подобные хоры встрѣчаются въ Римѣ не раньше учрежденія Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, въ которыхъ они и впослѣдствіи еще играли весьма выдающуюся роль (ср. выше на стр. 84 сл., прим. 1 въ серединѣ, и на стр. 55), и учреждены были, очевидно, по примѣру послѣднихъ (ср. Livius XXXI, 12, 9. Iulius Obsequens, ed. Jahn, c. 27; 34; 36; 43; 46; 48 и 53).

стоился за исполненіе его, и которая состояла въ томъ, что государство „въ честь его“ предоставило „писцамъ“, т. е. поэтамъ и актерамъ храмъ Минервы на Авентинѣ для ихъ собраній [1]), указываютъ на то, что общественныя заслуги этого мужа признавались весьма значительными и не относящимися къ одной только узкой сферѣ поэзіи, которая сама по себѣ въ тѣ времена еще весьма мало интересовала римлянъ. Вполнѣ естественно, поэтому, предположить, что чрезвычайный почетъ, которымъ пользовался Ливій Андроникъ, былъ обусловленъ еще другими причинами, и что самую главную изъ этихъ причинъ слѣдуетъ усматривать въ дѣятельномъ участіи, которое прибывшій въ 504/250 г. въ Римъ тарентинецъ, по всей вѣроятности, принялъ въ устройствѣ такъ называемыхъ Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, учрежденныхъ, какъ мы видѣли, въ слѣдующемъ 505/249 г. отъ имени римскаго государства по образцу существовавшаго въ греческомъ городѣ Тарентѣ религіознаго празднества. Невозможно, конечно, опредѣлить теперь съ полной точностью и достовѣрностью, въ чемъ состояло это участіе Ливія Андроника, а также другихъ тарентинцевъ, которые или до него или вмѣстѣ съ нимъ переселились въ Римъ, пользуясь существовавшимъ между Римомъ и Тарентомъ commercium, и въ какихъ отношеніяхъ къ этимъ выходцамъ изъ г. Тарента находились современные имъ представители римскаго рода Валеріевъ, справлявшаго до тѣхъ поръ въ честь „Дита и Прозерпины“ частный родовой культъ на томъ мѣстѣ Марсова поля, которое теперь отведено было для „Тарентинскихъ игръ“, но во всякомъ случаѣ нельзя будетъ сомнѣваться въ томъ, что сліяніе и смѣшеніе обоихъ указанныхъ культовъ или, точнѣе говоря, приноровленіе родоваго культа Валеріевъ къ тарентинскому празднеству Гіакинѳій, сходному съ нимъ во многихъ отношеніяхъ по своему внутреннему характеру, произошло именно въ 505/249 г. и главнымъ образомъ благодаря совмѣстнымъ заботамъ и усиліямъ выше упомянутыхъ лицъ, какъ сторонъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Не малую роль, однако, играли при этомъ также другія лица, имѣвшія тогда особую власть и находившіяся въ какихъ-нибудь отношеніяхъ къ указаннымъ сторонамъ. Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стояли, безъ сомнѣнія, тогдашній главный понтификъ, Tiberius Coruncanius, о которомъ мы будемъ говорить ниже, и избранный на 505/249 г. въ консулы сынъ знаменитаго цензора Аппія Клавдія Цека, П. Клавдій Пульхръ. Все, что мы знаемъ объ этомъ послѣднемъ государственномъ дѣятелѣ римлянъ и о традиціяхъ, господствовавшихъ въ знатномъ родѣ [1]), къ которому онъ принадлежалъ, говоритъ въ пользу того, что и онъ содѣйствовалъ учрежденію въ Римѣ общенародныхъ игръ, которыя, съ одной стороны, поглотили и замѣнили собой существовавшій до тѣхъ поръ частный культъ Валеріевъ, а съ другой стороны явились подражаніемъ тарентинскому празднеству Гіакинѳій. Прежде всего всѣмъ извѣстно, что, по достовѣрному древнему преданію [2]), Клавдіи точно такъ же происходили отъ сабинянъ, какъ и Валеріи. Затѣмъ есть много указаній на то, что между обоими этими родами почти всегда существовали дружественныя отношенія. Самымъ важнымъ изъ этихъ указаній служитъ разсказъ Плутарха [3]) о томъ, что сабинскій родоначальникъ Клавдіевъ, Attus Klausus, переселился изъ своей родины въ Римъ по совѣту и настоянію зна-

[1]) Festus, p. 333 M., s. v. Scribas. Ср. O. Jahn, въ Berichte d. sächs. Ges. d. Wiss. 1856, p. 293 sqq. A. Riese, въ Heidelberger Philologenvers. (Lpz. 1866), p. 161 и Schanz, Gesch. d. röm. Litteratur I² (München 1898 — въ VIII томѣ Iw. Müller's Handb. d. Klass. Alt.), p. 38.

[1]) Всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о Клавдіяхъ наилучше собраны теперь въ Pauly-Wissowa's Real-Encycl. d. klass. Alterth., vol. III, col. 2662—2900, s. v. Claudius; ср. также De-Vit, Totius latinitalis Onomasticon, vol. II, p. 299—302, s. v. Claudia и p. 303—335, s. v. Claudius. Drumann, Geschichte Roms, vol. II, p. 166—407.

[2]) Ср. особ. Sueton., Tiber. c. 1, а также Livius II, 16, 4 sq. и X, 8, 6; Plutarch., Poplic. 21; Tacit., Ann. XI, 24 и XII, 25.

[3]) Plutarch., Poplicola 21.

менитаго консула начала республики П. Валерія Попликолы. Конечно, этотъ разсказъ былъ сочиненъ въ довольно позднее время и не основывается ни на какихъ дѣйствительно достовѣрныхъ данныхъ [1]), но онъ не могъ бы возникнуть, если бы существовавшія въ его время отношенія между Клавдіями и Валеріями не отличались особенно дружественнымъ и почти родственнымъ характеромъ [2]). Такой характеръ названныхъ отношеній явствуетъ также изъ многихъ другихъ обстоятельствъ: такъ, напр., мы знаемъ, что молодой C. Valerius Flaccus, сынъ защищеннаго Цицерономъ въ 695/59 г. Л. Валерія Флакка, въ теченіе 701/53—703/51 г. находился при проконсулѣ Киликіи, Аппіи Клавдіи [3]), принадлежа къ его cohors praetoria, и что консулъ 742/12 г. M. Valerius M. f. Messala Barbatus Appianus, будучи сыномъ какого то Appius Claudius, былъ усыновленъ какимъ то Валеріемъ [4]), а далѣе всѣмъ извѣстно, что императоръ Клавдій былъ женатъ на Валеріи Мессалинѣ. Если на ряду съ этими и другими несомнѣнными фактами, указывающими на дружбу Валеріевъ и Клавдіевъ, въ римской

---

[1]) Онъ находится даже въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что по имени Клавдіевъ была прозвана одна изъ древнѣйшихъ трибъ римскаго государства, tribus Claudia, и что къ этой трибѣ кромѣ Клавдіевъ принадлежали, повидимому (ср. слѣдующее прим. 2), также Валеріи.

[2]) Возникновенію этого разсказа, можетъ быть, содѣйствовало кромѣ того еще то обстоятельство, что Валеріи, какъ позволено заключить изъ нѣсколькихъ надписей - C. I. L. VI, 1531 и 1532, гдѣ упоминается L. Valerius L. f. Cl(audia) Poplicola Balbinus Maximus cos. ord. (232 или же 253 г. по P. X.) и C. I. L. V, 722, гдѣ упоминается Valerius P. f. Cla. Sabinus – по крайней мѣрѣ отчасти принадлежали къ той же трибѣ, какъ и Клавдіи, т. е. къ tribus Claudia (ср. также Mommsen, Röm. Staatsrecht III, 789). Впрочемъ Валеріи встрѣчаются и въ другихъ трибяхъ, особ. Quirina (ср. C. I. L. VI, 1533. XII, 410. Orelli, Inscr. lat., n. 5040).

[3]) Ср. Cicero, Ad famil. III, 4, 1 и 11, 3.

[4]) Cassius Dio, argum. libri LIV и c. 28. Ср. также Borghesi, Oeuvres IV, 415 sq., Klein, Fasti consul. 11 и Münzer, De gente Valeria (Dissert. inaug. Berol., Oppoliae 1891), p. 54.

исторіографіи начала имперіи, въ особ. же у Ливія и еще больше у Діонисія Галикарнасскаго обнаруживается стремленіе выставить, съ одной стороны, родъ Валеріевъ какъ оплотъ либерализма и демократіи, а съ другой стороны родъ Клавдіевъ какъ оплотъ тиранической аристократіи—familia superbissima ac crudelissima in plebem Romanam называется послѣдній у Ливія (II, 56, 7)—, вслѣдствіе чего могло бы казаться, что между обоими родами существовалъ сильнѣйшій антагонизмъ, то уже Моммзенъ, а вслѣдъ за нимъ также Нитцшъ и Люббертъ доказали самымъ неопровержимымъ образомъ [1]), что относительно Клавдіевъ такая традиція не основана ни на какихъ положительныхъ данныхъ, а является продуктомъ отчасти произвольно-тенденціознаго искаженія древнѣйшей республиканской исторіи Рима, отчасти же наивно-ошибочнаго пониманія ея со стороны анналистовъ Сулланской эпохи, которые подъ вліяніемъ партійной борьбы своихъ временъ и подъ впечатлѣніемъ антидемократическихъ дѣйствій тогдашнихъ представителей Клавдіева рода приписывали такой образъ дѣйствій также ихъ предкамъ, прославившимся въ особенности въ теченіе трехъ первыхъ столѣтій республики [2]). На самомъ дѣлѣ эти послѣдніе, при всей надменности своей, отличались не въ меньшей степени, чѣмъ Валеріи, демократиче-

---

[1]) См. Mommsen, Die patricischen Claudier, въ Röm. Forschungen I, 287—318. Nitzsch, Die röm. Annalistik, p. 284 sq. и 340 sqq Luebbert, Dissertatio de gentis Claudiae commentariis domesticis (Kiliae 1878), особ. стр. 3—8. Ср. также Niese, De annalibus Romanis observationes (Ind. lect. Marb. 1886), p. VIII.

[2]) Такъ, напр., являются совершенно вымышленными тѣ рѣчи, которыя Діонисій Галикарнасскій влагаетъ въ уста нѣкоторымъ Валеріямъ, именно M.' Валерію Максиму (Dionys. VI, 23; 58; 88. VII, 54), котораго въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, никогда не существовало, далѣе M. Валерію, сыну Попликолы (Dionys. V, 64), и его брату II. Валерію (Dionys. IX, 49), какъ мнимымъ противникамъ Клавдіевъ. Ср. Münzer, De gente Valeria, p. 56 и приведенныя тамъ другія сочиненія.

скимъ духомъ и нерѣдко даже выступали истинными революціонерами-прогрессистами [1]).

Послѣ всего сказаннаго мы имѣемъ полное право предположить, что и тотъ представитель Клавдіева рода, который въ 505/249 г., будучи облеченнымъ консульскою властью, стоялъ во главѣ римскаго государства, находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ родомъ Валеріевъ и не могъ не защищать ихъ семейныхъ и политическихъ интересовъ, имѣвшихъ много общаго съ интересами его собственнаго рода. Съ другой стороны мы знаемъ, что Клавдіи во всѣ времена выступали покровителями и ревнителями науки и литературы и поэтому весьма дѣятельно симпатизировали греческой культурѣ, считая ее лучшимъ средствомъ для облагораживанія нравовъ своихъ соотечественниковъ. Уже знаменитый децемвиръ Аппій Клавдій при составленіи древнѣйшаго свода римскихъ обычайныхъ уставовъ руководился желаніемъ подражать греческому законодательству Солона, а столь же знаменитый правнукъ его цензоръ Аппій Клавдій увлекался, повидимому, даже пиѳагорейской философіею и подъ ея вліяніемъ составилъ сборникъ поэтическихъ изреченій, находившій читателей еще въ позднѣйшія времена. Примѣру этого выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, могущаго по справедливости считаться, съ одной стороны, отцомъ художественной литературы и въ особенности краснорѣчія римлянъ, а съ другой стороны, какъ

[1]) Такимъ представителемъ прогресса былъ, по всей вѣроятности, и тотъ Аппій Клавдій, консулъ 283/471 г., при которомъ, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, не только былъ учрежденъ плебейскій трибунатъ, но и произошло раздѣленіе римской городской территоріи на четыре трибы, благодаря чему и не принадлежавшая къ господамъ-помѣщикамъ часть городского населенія, владѣвшая недвижимостью, получила политическія права. Cp. Niese, De annalibus Romanis observationes (Marpurg. 1886), p. VII—XV; Eduard Meyer, Ueber d. Ursprung des Tribunats u. d. Gemeinde der vier Tribus, въ Hermes XXX (1895), p. 1 sqq. и особ. Neumann, Die Grundherrschaft d. röm. Republik, d. Bauernbefreiung u. d. Entstehung der servianischen Verfassung (Strassburg 1900) p. 21.

мы увидимъ ниже, новаторомъ-филеллиномъ также въ области сакральныхъ учрежденій Рима, за нимъ послѣдовали его сыновья и внуки, и имена нѣкоторыхъ изъ нихъ неразрывно связаны съ исторіею окончательнаго проникновенія въ Римъ греческой культуры. Три событія, случившіяся одно за другимъ въ небольшіе промежутки времени, знаменуютъ этотъ полный переворотъ въ римской жизни. Первымъ изъ нихъ, относящимся къ году консульства П. Клавдія Пульхра (505/249 г.), является учрежденіе въ Римѣ Тарентинскихъ игръ, вторымъ, относящимся къ году консульства Г. Клавдія Центона (514/240 г.), постановка на римской сценѣ первой латинской драмы, передѣланной съ греческаго образца тарентинцемъ Ливіемъ Андроникомъ [1]), а третьимъ, относящимся къ году консульства Аппія Клавдія Пульхра (542/212 г.), учрежденіе въ Римѣ Аполлинарскихъ игръ (Livius XXV, 12; Macrob., Saturn. I, 7, 27 sqq. и Festus, p. 326 M.). Трудно представить, чтобы между этими тремя событіями не было внутренней связи и чтобы второе и третье изъ нихъ не явились, такъ сказать, послѣдствіями и довершеніемъ перваго. По всей вѣроятности, названные три представителя Клавдіева рода олицетворяли собою эту внутреннюю связь въ оффиціальномъ отношеніи, а однимъ изъ главныхъ исполнителей ихъ начинаній служило одно и то же лицо, переселившееся въ Римъ изъ г. Тарента, именно Ливій Андроникъ [2]). Что касается учрежде-

[1]) Gellius, N. A. XVII, 21, 42: consulibus Claudio Centone, Appii Caeci filio, et M. Sempronio Tuditano primus omnium L. Livius poeta fabulas docere Romae coepit. Cf. Cicero, Brutus 18, 72 и Tusc. disp. I, 1, 3.

[2]) Что касается дошедшихъ до насъ біографическихъ свѣдѣній объ этомъ лицѣ, то я вполнѣ соглашаюсь съ тѣми результатами критическаго разбора ихъ, къ которымъ пришелъ Зѣлинскій въ своихъ Quaestiones comicae (въ Ж. М. Н. Пр., за декабрь 1886 г. стр. 155 sq.) и отвергаю произвольныя предположенія, которыя относительно Ливія Андроника были высказаны въ новѣйшее время Leo (Plautinische Forschungen, Berlin 1895, p. 71 прим. 1, гдѣ безъ всякаго основанія высказывается сомнѣніе въ тарентинскомъ про-

нія Тарентинскихъ игръ, то можно даже предположить, что кромѣ П. Клавдія Пульхра и Ливія Андроника, а также главнаго понтифика того времени, Тиберія Корунканія, о которомъ мнѣ придется говорить ниже, въ этомъ дѣлѣ принялъ участіе еще нѣкій М. Ливій Салинаторъ, состоявшій тогда, какъ кажется, однимъ изъ магистровъ жреческой коллегіи децемвировъ, т. е. той коллегіи, которая, какъ мы уже видѣли, на основаніи сивиллина оракула пришла къ заключенію о необходимости введенія въ Римѣ Тарентинскихъ игръ [1]).

исхожденіи Ливія Андроника) и Niese (Zur Gesch. des Pyrrhischen Krieges, въ Hermes XXXI, 1896, стр. 505, прим. 2) точно такимъ же образомъ, какъ общепринятое до сихъ поръ (ср. Schanz, Gesch. d. röm. Litter. I², München 1898, p. 366 sqq.) мнѣніе, что Ливій въ 482/272 г. былъ привезенъ въ Римъ изъ Тарента въ качествѣ военноплѣнника. На самомъ дѣлѣ, вѣдь, какъ доказалъ Niese (l. c. p. 505 sq. и Grundriss d. röm. Gesch. u. Quellenk.² (=Bd. III, Abth. 5 изданія Iw. Müller'a, Handb. d. klass. Alt. 1898), p. 53 sq.), Тарентъ не былъ взятъ римлянами въ 482/272 г., а добровольно заключилъ съ ними миръ и союзъ, на основаніи котораго тарентинцы, между прочимъ, получили ius commercii съ римлянами.

[1]) Хотя въ относящейся къ 518/236 г. части Капитолинскихъ Фастовъ (C. I. L. I, p. 442), которая представляетъ собою прибавленіе къ этому оффиціальному календарю, сдѣланное при императорѣ Домиціанѣ по случаю отпразднованныхъ имъ въ 841/88 году секулярныхъ игръ, мы читаемъ: Ludi saeculares tert. M'. Aimilio M'. f. mag. X vir. M. Livio M. f. M. n. Salinatore, но такъ какъ давнымъ давно доказано (см. Mommsen, Röm. Chron.³ p. 185 sq.), что эта замѣтка появилась вслѣдствіе оффиціальнаго подлога, совершеннаго въ комментаріяхъ жреческой коллегіи квиндецимвировъ по случаю секулярныхъ игръ 737/17 года и состоявшаго въ выдумкѣ цѣлаго ряда секулярныхъ игръ, отпразднованныхъ будто бы съ 110-лѣтними промежутками въ 298/456, 408/346, 518/236 и 628/126 г., то является въ высшей степени вѣроятнымъ предположеніе, что всѣ свѣдѣнія, относившіяся къ исторически засвидѣтельствованнымъ секулярнымъ играмъ, были пріурочены квиндецимвирами къ выдуманнымъ ими играмъ и что поэтому вышеупомянутые magistri X virorum M'. Aimilius и M. Livius Salinator стояли во главѣ своей жреческой коллегіи уже въ 605/249 г. когда, какъ мы видѣли, дѣйствительно

Кто знаетъ, не былъ ли этотъ М. Ливій Салинаторъ даже патрономъ Ливія Андроника, давшимъ послѣднему, какъ новому члену римскаго гражданства, свое имя и служившимъ въ качествѣ децемвира какъ бы звеномъ, связывавшимъ его клієнта, съ одной стороны, съ главою верховной жреческой коллегіи римлянъ, старшимъ понтификомъ Тиберіемъ Корунканіемъ, о которомъ я еще буду говорить ниже, и съ консуломъ П. Клавдіемъ Пульхромъ, а съ другой стороны со знатнымъ родомъ Валеріевъ?

Резюмируя вкратцѣ все изложенное до сихъ поръ, я полагаю, что въ 505/249 г. благодаря особо сложившимся тогда обстоятельствамъ Валеріямъ удалось, особенно при посредствѣ стоявшаго въ этомъ году въ качествѣ консула во главѣ государства энергичнаго члена одноплеменнаго и дружественнаго имъ рода Клавдіевъ, добиться оффиціальнаго признанія за справлявшимся ими на Марсовомъ полѣ родовымъ культомъ общегосударственнаго значенія, т. е. превращенія ихъ родовыхъ sacra privata въ sacra publica, причемъ этотъ культъ съ содѣйствіемъ симпатизировавшей всему греческому жреческой коллегіи децемвировъ и ея магистра, М. Ливія Салинатора, воспользовавшагося, съ этой цѣлью, услугами своего клієнта, тарентинца Ливія Андроника, былъ приноровленъ къ сходному съ нимъ въ основныхъ чертахъ тарентинскому празднеству

отпраздновались (первыя) секулярныя игры. (Ср. Bardt, Die Priester der vier grossen Collegien aus röm.—republ. Zeit. Programm d. K. Wilhems-Gymn. in Berlin, 1871, p. 28, который, кажется, такого же мнѣнія). Что касается Ливія Салинатора, патрона Ливія Андроника, отпустившаго этого послѣдняго на волю и давшаго ему, вмѣстѣ съ этимъ, свое родовое имя (ср. Hieronym. chron. ad a. 1830, ed. Schoene, vol. II, p. 125), то всѣ новѣйшіе ученые отождествляютъ его съ извѣстнымъ побѣдителемъ Гасдрубала, консуломъ 547/207 г. (ср. Mommsen, Röm. Gesch. I⁶, 881. Teuffel-Schwabe, Röm. Litt. I⁵, 144), а съ этимъ безъ сомнѣнія нужно отождествить также упомянутаго въ Фастахъ подъ 518/236 г. магистра децемвировъ M. Livius M. f. M. n. Salinator.

Гіавиней и согласно этому получилъ даже названіе „ludi Tarentini“.

Роль, которую я приписываю въ этомъ дѣлѣ П. Клавдію Пульхру, нѣсколько напоминала собою, повидимому, сакральную дѣятельность его отца, знаменитаго цензора 442/312 г. Аппія Клавдія Цека, состоявшую, между прочимъ, въ томъ, что священный культъ Геркулеса на forum boarium, находившійся издревле въ вѣдѣніи рода Потиціевъ, по настоянію этого мужа былъ предоставленъ государству, которое съ этихъ поръ справляло его graeco ritu черезъ городскаго претора и служившихъ ему помощниками государственныхъ рабовъ [1]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какія обстоятельства побудили Аппія Клавдія Цека къ такому нововведенію, подвергшемуся впослѣдствіи сильнымъ нареканіямъ и вызвавшему даже цѣлыя легенды, и точно также дошедшая до насъ скудная традиція объ учрежденіи въ консульство П. Клавдія Пульхра Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ не указываетъ на всѣ данныя, которыя привели къ этому событію, а упоминаетъ только о томъ, что послѣднее было вызвано предписаніемъ и прорицаніемъ сивиллиныхъ книгъ, вопрошенныхъ и истолкованныхъ жреческою коллегіею децемвировъ послѣ случившихся въ то время въ Римѣ продигій. Но если мы вспомнимъ, что по свидѣтельству Варрона и Веррія Флакка [2]) эти послѣднія состояли главнымъ образомъ въ ударѣ молніи, поразившемъ городскія стѣны, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такое явленіе, долженствовавшее само по себѣ считаться довольно простымъ и обычнымъ, только вслѣдствіе особыхъ причинъ могло получить столь выдающееся значеніе въ глазахъ современныхъ римлянъ, чтобы побудить ихъ къ принятію совершенно новыхъ и чрезвычайныхъ мѣръ.

[1]) См. Livius I, 7, 12 - 14; IX, 29, 9 и 34, 18 sq. Valerius Maximus I, 1, 17. Festus, p. 217 M., s. v. Putitium, и p. 237 M., s. v. Potitium. Macrobius, Saturn. III, 6, 13. Servius, Ad Verg. Aen. VIII, 179 и 269. Aurelius Victor, De vir. illustr. 34, 3. Lactant. II, 7, 15. Dionys. Hal. I, 40. Ср. Schwegler, Röm. Gesch. I, 353. Preller-Iordan, Röm. Myth. II³, 291 sq. и Peter въ Roscher's Ausf. Lex. d. griech. u. röm. Myth. vol. I, 2 p. 2924 sqq., s. v. Hercules.

[2]) Ср. выше на стр. 22, и ниже въ приложеніяхъ къ этой книгѣ, гдѣ приведены тексты этихъ свидѣтельствъ.

Въ чемъ же заключались эти особыя причины?

Не имѣя возможности отвѣтить на этотъ вопросъ иначе какъ только при помощи различныхъ комбинацій, мы должны обратить вниманіе на тотъ фактъ, засвидѣтельствованный особенно Варрономъ и Верріемъ Флакком, что введенныя въ Римѣ въ 505/249 г. чрезвычайныя игры были учреждены съ тѣмъ, чтобы праздновать ихъ каждыя сто лѣтъ, и что онѣ кромѣ названія „Тарентинскія“ получили также названіе „секулярныя“ [1]). Изъ этого обстоятельства мы можемъ вывести заключеніе, что понятіе о saeculum, которое, какъ мы видѣли въ первой главѣ нашего изслѣдованія, было этрусскаго происхожденія и, по всей вѣроятности, еще въ 6 столѣтіи до Р. Х. проникло къ римлянамъ черезъ посредство фалисковъ, только въ половинѣ 3-го столѣтія до Р. Х. было признано въ Римѣ оффиціальнымъ образомъ и тогда же получило оффиціальное примѣненіе къ римской исторіи. Несомнѣнно, однако, что при этомъ римляне нѣсколько видоизмѣнили ученіе этрусковъ. Послѣдніе, какъ мы уже видѣли, разумѣли подъ saeculum наидлиннѣйшій вѣкъ человѣческій, т. е. наибольшую продолжительность жизни одного человѣческаго поколѣнія, состоящаго изъ людей, родившихся въ одинъ и тотъ же день; вмѣстѣ съ тѣмъ они полагали, что, такъ какъ начала и концы такихъ „поколѣній“ или естественныхъ (naturalia) saecula, смѣняющихся въ каждомъ городѣ или государствѣ, начиная со дня его основанія, человѣкъ не можетъ узнать безъ помощи боговъ, то послѣдніе посылаютъ людямъ соотвѣтственныя указанія посредствомъ продигій, т. е. чудесныхъ знаменій [2]). Это

[1]) Ср. Censorin. 17, 8. Festus, p. 329 M. и Paulus, p. 328 M., s. v. saeculares ludi, а также Schol. Cruq. ad Horat. carm. saec. Тексты всѣхъ этихъ свидѣтельствъ приведены въ приложеніяхъ къ этой книгѣ.

[2]) См. Censorinus, c. 17, 5. Это мѣсто приведено въ приложеніяхъ къ нашей книгѣ.

вѣрованіе послужило причиною того, что этруски, обладая большой опытностью въ гаруспиціяхъ, весьма тщательно наблюдали эти знаменія и вносили ихъ въ свои ритуальныя книги, а также въ свои лѣтописи, обозначая въ послѣднихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжительность каждаго изъ указанныхъ такими продигіями „поколѣній“ этрусскаго народа [1]). Лишь о продигіяхъ древнѣйшихъ временъ, предшествовавшихъ эпохѣ возникновенія и распространенія среди этрусковъ письменности, не сохранилось у нихъ, повидимому, точныхъ преданій, и поэтому этрусская исторіографія, желая пополнить этотъ пробѣлъ и предполагая съ этой цѣлью существованіе въ древнѣйшія времена четырехъ поколѣній, опредѣлила продолжительность каждаго изъ этихъ четырехъ первыхъ поколѣній этрусковъ произвольнымъ образомъ въ сто лѣтъ [2]). Этому произвольному опредѣленію, основывавшемуся на общепризнанномъ и многостороннемъ значеніи круглаго числа сто, подражали римляне, когда они оффиціально признали этрусское ученіе о saeculum, проникшее къ нимъ, какъ я полагаю, еще задолго до того черезъ посредство рода Валеріевъ, переселившагося въ Римъ изъ сабинской области, которая была въ сосѣдствѣ съ поселеніями фалисковъ, рано подвергшимися вліянію этрусской культуры. Превративъ этрусское saeculum изъ неопредѣленнаго или естественнаго (saeculum naturale) въ опредѣленное или гражданское (saeculum civile) [3]), римляне тѣмъ не менѣе въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этимъ продолжали, подобно этрускамъ, усматривать въ продигіяхъ такія божескія знаменія, которыя могли указать имъ наступленіе новаго saeculum. Такъ объясняется учрежденіе Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, состоявшееся въ 505/249 г.

---

[1]) См. Censorinus, c. 17, 6. Это мѣсто приведено въ приложеніяхъ къ нашей книгѣ.

[2]) Ср. Цензорина (c. 17, 6) съ тѣмъ, что нами сказано было выше на стр. 18 сл.

[3]) См. Censorinus, c. 17, 13. Это мѣсто приведено въ примѣчаніяхъ къ нашей книгѣ.

вслѣдствіе замѣченныхъ тогда продигій. Другимъ же доказательствомъ изложеннаго служитъ тотъ фактъ, указанный впервые Моммзеномъ, что съ 505/249 г. въ анналахъ римскихъ понтификовъ начали аккуратно записываться всѣ продигіи [1]).

---

[1]) Seeck (Die Kalendertafel der Pontifices, Berlin 1885, p. 67 sq.; ср. также Cichorius, въ Pauly-Wissowa's Real-Encyclopaedie d. class. Alt. I, col. 2248 s. v. Annales, который безъ провѣрки принимаетъ мнѣніе Seeck'a) тщетно оспариваетъ правильность разсужденія Моммзена, полагавшаго (въ praefatio къ T. Livi periochae и Iulii Obsequentis prodigiorum liber, rec. O. Jahn, Lips. 1853, p. XX), что носимое книгою Обсеквента заглавіе ab anno urbis conditae DV prodigiorum liber авторъ ея могъ дать своему труду только въ виду найденнаго имъ въ своемъ источникѣ опредѣленнаго указанія, что съ 505/249 г. началось оффиціальное и регулярное записываніе продигій въ анналахъ понтификовъ. Вся полемика Seeck'a, направленная какъ противъ Моммзена, такъ и противъ Bernays'a (Vergleichung der Wunder in den römischen Annalen, въ Rhein. Mus. N. F. XII (1857), p. 436 sqq.) и Nitzsch'a (Die römische Annalistik, Berlin 1873, p. 238 sqq.), построившихъ на предположеніи Моммзена другія предположенія, лишена твердаго основанія, такъ какъ она исходитъ изъ ошибочнаго мнѣнія, будто Обсеквентъ непосредственно пользовался сочиненіемъ Ливія. На самомъ дѣлѣ, какъ это было доказано особенно Zangemeister'омъ (Die Periochae des Livius, въ Festschrift zur Begrüssung der XXXVI Philologen-Versammlung, Freiburg i/B 1882, p. 89 sqq.), Обсеквентъ эксцерпировалъ только сокращеніе исторіи Ливія, которое не дошло до насъ, но, вѣроятно, было составлено во второмъ столѣтіи по Р. Х. и послужило источникомъ также Кассіодорію, Евтропію, Руфину, Фесту, Орозію и др. Въ этой „epitome Liviana“ разсказу событій каждаго года предпосланы были имена консуловъ въ творительномъ падежѣ; неизвѣстно, были ли при этомъ указаны иногда также годы отъ основанія Рима (ср. Zangemeister, l. c. p. 104). Изъ тѣхъ противорѣчій въ опредѣленіи годовъ, которыя встрѣчаются у всѣхъ авторовъ, пользовавшихся упомянутымъ сокращеніемъ сочиненія Ливія, и въ особенности у Орозія, скорѣе всего можно было бы заключить, что такихъ хронологическихъ указаній не было въ самомъ сокращеніи, и что они прибавлены были названными авторами изъ различныхъ другихъ источниковъ и чаще всего согласно общепринятой тогда эрѣ Варрона. Какъ бы то ни было, приведенный въ заглавіи книги Обсеквента

Связь между этимъ нововведеніемъ и учрежденіемъ Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ очевидна [1]). Она же указываетъ намъ на то лицо, которое на ряду съ раньше названными мною государственными дѣятелями начала 6-го вѣка по основаніи города, несомнѣнно, приняло дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ дѣлахъ, именно—на старшаго понтифика Тиберія Корунканія, игравшаго выдающуюся роль въ тогдашней политической, религіозной и культурной жизни Рима [2]). Несмотря

DV годъ не можетъ быть годомъ эры Ливія, какъ думается Seeck'у, а только годомъ Варрона. Не въ 505 году Ливія, который соотвѣтствуетъ 508 году Варрона и не ознаменованъ никакими особыми происшествіями, но только въ 505 году Варрона, соотвѣтствующемъ 502 году Ливія, случились такія важныя и чрезвычайныя событія (учрежденіе секулярныхъ игръ вслѣдствіе замѣченныхъ тогда продигій), въ виду которыхъ продигіи получили вообще столь крупное значеніе, что оффиціальное и регулярное записываніе ихъ представлялось съ тѣхъ поръ дѣломъ необходимымъ.

[1]) На эту связь впервые указалъ Bernays въ статьѣ „Vergleich. d. Wunder in d. röm. Annalen", въ Rhein. Mus. N. F. XII (1857), p. 436 sqq. Предположеніе его, построенное на приведенномъ нами въ предыдущемъ примѣчаніи предположеніи Моммзена, было одобрено всѣми учеными, трактовавшими о вопросахъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ нашему (ср., напр., Nitzsch, Die röm. Annalistik, Berlin 1873, p. 238 sqq., Matzat, Römische Chronologie, vol. I, Berlin 1883, p. 322, Holzapfel, Römische Chronologie, Leipz. 1885, p. 176, Soltau, Röm. Chronol., Freiburg i/B 1889, p. 447, и Die Entstehung der annales maximi, въ Philologus LV (1896), p. 264 sq. и Schanz, Gesch. d. röm. Litter.² (=VIII, 1 изданія Iw. Müller's Handb. d. klass. Alt. (1898), p. 24) и др.). Только Seeck (Die Kalendertafel der Pontifices, Berlin 1885, p. 68) возсталъ противъ предположенія Бернайса, утверждая, что упомянутый въ заглавіи книги Обсеквента 505 годъ ab urbe condita приведенъ имъ не по эрѣ Варрона, а по той эрѣ, которой обыкновенно придерживается Ливій. Неосновательность этихъ возраженій Seeck'а уже доказана нами въ предыдущемъ примѣчаніи.

[2]) Наиболѣе полную и вѣрную оцѣнку значенія Тиберія Корунканія можно найти въ книгѣ Jörs'a, Römische Rechtswiss. zur Zeit der Republik. Th. 1, Berlin 1888, p. 73—79, гдѣ указаны также всѣ источники, содержащіе біографическія и другія свѣдѣнія объ этомъ государственномъ мужѣ.

на неримское, а тускуланское и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плебейское происхожденіе свое этотъ государственный мужъ достигъ высшихъ ступеней магистратуры еще во второй половинѣ 5-го вѣка по основаніи города и въ 474/280 г. былъ избранъ въ консулы вмѣстѣ съ однимъ представителемъ рода Валеріевъ, P. Valerius Laevinus. Какъ консулъ, онъ отличался въ войнѣ съ этрусками и царемъ Пирромъ, союзникомъ тарентинцевъ, и удостоился тогда даже тріумфа. Исполнялъ ли онъ послѣ этого должность цензора, нельзя окончательно рѣшить, такъ какъ испорченный текстъ словаря Феста (s. v. portorium, на стр. 237 M.), изъ котораго можно было бы вывести это съ нѣкоторой правдоподобностью (ср. дополненія даннаго мѣста, предложенныя Урзиномъ и принятыя большинствомъ ученыхъ), слишкомъ фрагментаренъ, чтобы позволить сдѣлать рѣшительныя заключенія [1]). Но во всякомъ случаѣ Тиберій Корунка-

---

[1]) De Boor, Fasti censorii (Berol. 1873), p. 77 sq. и 80 отвергаетъ дополненія, предложенныя Ursinus'омъ, и самъ предлагаетъ другія, согласно которымъ слова Феста могутъ относиться къ дѣятельности цензоровъ 474/280 г., т. е. того года, когда Тиберій Корунканій былъ консуломъ. Не разбирая здѣсь вопроса о томъ, насколько дополненія De Boor'а можно считать болѣе правдоподобными, чѣмъ дополненія Урзина, — (Jörs совсѣмъ упустилъ изъ виду спорное мѣсто Феста)—, я, однако, полагаю, что выраженныя Де-Боромъ сомнѣнія въ томъ, что Корунканій вообще былъ цензоромъ являются недостаточно обоснованными. Противъ нихъ говоритъ, по моему, какъ то обстоятельство, что, по свидѣтельству Веллея Патеркула (II, 128, 1), Корунканій достигъ всѣхъ высшихъ должностей, такъ, въ особенности, и то, что, по словамъ философа Сенеки, Катонъ прославлялъ Корунканія и Курія (цензора 482/272 г.) какъ образцовыхъ представителей того вѣка, который отличался своей „цензорской" строгостью. (De vita beata 21, 3: M. Cato cum laudaret Curium et Coruncanium et illud saeculum, in quo erat censorium crimen paucae argenti lamellae). Исходя изъ этого свидѣтельства, а также изъ свидѣтельства Цицерона (Laelius 11, 39; 5, 18 и Cato maior 13, 43), что Корунканій былъ очень друженъ съ Куріемъ, можно было бы, пожалуй, притти даже къ заключенію, что Корунканій и Курій были коллегами по цензурѣ и что въ проти-

ній находился въ весьма близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ другими выдающимися цензорами той эпохи, а именно съ Квинтомъ Эмиліемъ Папомъ и Гаемъ Фабриціемъ Луциномъ, цензорами 478/276 г., и съ Маніемъ Куріемъ Дентатомъ, цензоромъ 482/272 г., а въ годъ его консульства цензоромъ, произведшимъ lustrum, былъ такой же плебей (Cn. Domitius, достигшій этой должности первымъ изъ плебеевъ), какъ и онъ самъ. Вообще несомнѣнно, что Корунканій пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ какъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ, талантливыхъ, мудрыхъ и благочестивыхъ людей своего времени. Особенно великъ былъ его юридическій авторитетъ, прославленный впослѣдствіи Цицерономъ и юристомъ Помпоніемъ. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ 501/253 или 502/252 г. Корунканій, какъ первый изъ плебеевъ, былъ избранъ старшимъ понтификомъ [1]), а передъ тѣмъ,

ворѣчащихъ такому предположенію, но нѣсколько сомнительныхъ словахъ Фронтина (De aquis urbis Romae, c. 6), согласно которымъ водопроводъ Anio vetus былъ построенъ цензорами M'. Куріемъ Дентатомъ и Л. Папиріемъ Курсоромъ въ годъ второго консульства Спурія Карвилія и Л. Папирія (482/272 г.), кроется ошибка, состоящая, вѣроятно, въ томъ, что имя одного изъ консуловъ этого года, Л. Папирія, случайно попало также въ то мѣсто текста, гдѣ приводились имена тогдашнихъ цензоровъ, и замѣнило собою одно изъ этихъ именъ, а именно имя Тиберія Корунканія. Это мое предположеніе кажется мнѣ болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ предположеніе Сигонія (ср. De Boor, l. c., p. 80), согласно которому Тиберій Корунканій былъ цензоромъ въ 484/270 г., т. е. въ то время, когда, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Фронтинъ, для окончанія постройки водопровода Anio vetus были избраны „дуумвиры" (не цензоры), и однимъ изъ нихъ былъ цензоръ 482/272 г. Курій Дентатъ.

[1]) Въ сокращеніи 18-й книги Ливія, гдѣ упоминается объ избраніи Тиберія Корунканія въ старшіе понтифики, непосредственно передъ этимъ говорится объ уничтоженіи бурею флотовъ римлянъ, что случилось въ 501/203 г. (см. Polybius II, 39. Eutrop. II, 23. Zonaras VIII, 14, p. 393 A. Orosius IV, 9; ср. также Fischer, Römische Zeittafeln, Altona 1846, стр. 74), а непосредственно послѣ этого о цензурѣ Семпронія Софа и Валерія Мяксима, относящейся къ 502/252 г.—Bardt (Die Priester der vier grossen Collegien, Berlin

вѣроятно, состоялъ уже немалое время однимъ изъ младшихъ членовъ верховной жреческой коллегіи римлянъ, нельзя не притти къ заключенію, что славу лучшаго знатока религіи и гражданскаго права онъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ въ этотъ періодъ своей жизни, и что соотвѣтствовавшая его жреческому сану духовно-юридическая дѣятельность его продолжалась весьма значительное время и вплоть до его смерти, наступившей, повидимому, черезъ три года послѣ 508/246 г., когда онъ былъ избранъ диктаторомъ comitiorum habendorum causa, т. е. въ 511/243 г. [1]). Выдающееся значеніе юридической дѣятельности Корунканія заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ первый изъ понтификовъ рѣшалъ всѣ дѣла въ открытыхъ засѣданіяхъ и такимъ образомъ выступалъ передовымъ защитникомъ гласности, являясь въ вопросахъ сакральнаго и гражданскаго права всегда надежнымъ совѣтникомъ своихъ согражданъ, обращавшихся къ нему за помощью.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что такой выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ государственный дѣятель, какимъ былъ Тиберій Корунканій, отличавшійся, съ одной стороны, древнеримскою простотою, а съ другой стороны, какъ homo novus, смѣлымъ либерализмомъ, выступилъ новаторомъ и въ другихъ областяхъ обширной и разнородной дѣятельности, соединенной съ занимаемой имъ высокой жреческой должностью. Поэтому не безъ нѣкоторыхъ основаній уже Ницшъ высказалъ

1871, p. 4) и, вслѣдъ за нимъ, Jörs (Röm. Rechtswiss. zur Zeit der Republik. 1. Th., Berlin 1888, p. 74 n. 3) ошибаются, относя избраніе Корунканія ко времени между 499/255 (т. е. годомъ пораженія Регула, о которомъ упоминаетъ Ливій передъ разсказомъ о гибели флотовъ) и 502/252 годами.

[1]) Такъ какъ, по свидѣтельству Цицерона (Cato maior 9, 30), въ 511/243 г. старшимъ понтификомъ былъ избранъ L. Caecilius Metellus (упомянутый Ливіемъ, epit. 19, къ 512/242 г.), а послѣднее свѣдѣніе о Корунканіи относится къ его диктатурѣ въ 508/246 г., то становится весьма вѣроятнымъ, что Метеллъ въ санѣ старшаго понтифика былъ непосредственнымъ преемникомъ Корунканія. Ср. также Bardt, Die Priester der vier grossen Collegien (Berlin 1871), p. 4.

предположеніе [1]), что римская сакрально-политическая лѣтопись, которая, какъ извѣстно, началась и развилась въ коллегіи понтификовъ [2]), представляя собою запись всѣхъ достопамятныхъ событій, въ окончательно опредѣленномъ видѣ своемъ была установлена Тиберіемъ Корунканіемъ и съ этихъ поръ, т. е. съ 505/249 г. сдѣлалась оффиціальнымъ органомъ государственной исторіографіи, въ которомъ, между прочимъ, стали регулярно записываться также продигіи. Еще дальше этого предположенія пошелъ Энманъ въ новѣйшемъ трудѣ своемъ о древнѣйшей исторіи Рима [3]), въ которомъ онъ старается доказать, что легенда о римскихъ царяхъ, возникшая, по его мнѣнію, на однихъ этіологическихъ началахъ, въ первыхъ двухъ фазахъ своего развитія была создана, главнымъ образомъ, двумя дѣятелями римскаго государства, прославившимися своими смѣлыми начинаніями, именно временщикомъ

[1]) Nitzsch, Die römische Annalistik, p. 240 sqq.

[2]) См. особ. H. Peter, Histor. roman. relliquiae I (Lps. 1870), p. III sqq. Чрезвычайно сложный и трудный вопросъ о характерѣ и значеніи понтификальной исторіографіи (tabulae pontificis maximi, позднѣе annales maximi) до сихъ поръ не можетъ считаться вполнѣ разъясненнымъ. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей его, Seeck'a (Die Kalendertafel der Pontifices, Berlin 1885, особ. p. 57 sqq.), De la Berge (въ издаваемомъ Daremberg et Saglio Dictionnaire des antiquités grecques et romaines I, p. 272 sq., s. v. Annales maximi), Soltau (Röm. Chronol., Freib. 1889, p. 442 sqq. и особ. Die Entstehung der annales maximi, въ Philologus LV (1896), p. 275—276, p. 442 sqq.), Cichorius'a (въ Pauly-Wissowa's Real-Encycl. d. klass. Alt. vol. I, col. 2248 sqq., s. v. Annales), Wachsmuth'a (Einleitung in d. Studium d. alten Gesch., Lps. 1895, p. 618 sq.) и Schanz'a (Gesch. d. röm Litter.[2] (= томъ VIII, 1 изд. Iw. Müller's Handb. d. klass. Alt. München 1898), p. 23 sqq.), наиболѣе правдоподобныя мнѣнія высказали, по моему, Soltau и Schanz; наименѣе же я согласенъ съ гипотезами Seeck'a и съ тѣми модификаціями ихъ, которыя предложилъ Cichorius.

[3]) Легенда о римскихъ царяхъ. Изслѣдованіе это вышло сперва въ Ж. М. Н. Пр. за 1895 и 1896 годы, а затѣмъ также отдѣльною книжкою (С.-Петерб. 1897). Я цитую его по первому изданію: ср. особ. Ж. М. Н. Пр., за августъ 1896 г., стр. 54 и сл. класс. отдѣла.

Аппія Клавдія Цека, курульнымъ эдиломъ Гнеемъ Флавіемъ, обнародовавшимъ въ 450/304 г. календарь (fasti) и тяжебныя формулы (legis actiones), и старшимъ понтификомъ Тиберіемъ Корунканіемъ, давшимъ римскому судопроизводству публичный характеръ. Не имѣя возможности остановиться здѣсь на критическомъ разборѣ особенно послѣдняго изъ приведенныхъ двухъ мнѣній, являющагося какъ бы дополненіемъ, расширеніемъ и отчасти даже опроверженіемъ перваго, я укажу только на то, что несмотря на гипотетическій и нерѣдко даже неправдоподобный характеръ отдѣльныхъ подробностей этого мнѣнія, я не могу не согласиться съ сущностью того положенія Энмана, которое касается участія, принятаго Корунканіемъ въ оффиціальномъ сведеніи и редакціонномъ пополненіи отдѣльныхъ годовыхъ таблицъ римской лѣтописи, которыя до тѣхъ поръ представляли собою лишь разбросанные и лишенные опредѣленнаго плана зачатки понтификальной исторіографіи [1]). Предположить это мы имѣемъ, какъ мнѣ кажется, полное основаніе въ виду того обстоятельства, что именно въ это время, т. е. въ 505/249 г. учреждены были секулярныя или Тарентинскія игры, которыя должны были повторяться каждыя сто лѣтъ. Кромѣ того, учрежденіе этого чрезвычайнаго празднества, поведшее къ тому, что съ тѣхъ поръ продигіи стали регулярно записываться въ оффиціальной лѣтописи понтификовъ, безъ сомнѣнія, находилось въ тѣснѣйшей связи съ распространившимся тогда въ оффиціальныхъ кругахъ убѣжденіемъ, что для Рима и его народа наступило новое saeculum или столѣтнее „поколѣніе“, указанное божески-

[1]) Изъ того несомнѣннаго факта, что болѣе или менѣе подробная исторія римскихъ царей установилась въ оффиціальной литературной обработкѣ еще до первыхъ частныхъ римскихъ исторіографовъ Кв. Фабія Пиктора и Л. Цинція Алимента, уже Моммзенъ (Röm. Chronol.[2], p. 137) вывелъ заключеніе о существованіи до Фабія Пиктора редакціи оффиціальной лѣтописи. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ также Soltau, Die Entstehung der annales maximi, въ Philologus LV (1896), p. 271 sq.

ми знаменіями. Немыслимо, вѣдь, чтобы секулярное празднество и его время было опредѣлено безъ совѣта и содѣйствія той жреческой коллегіи, на обязанности которой лежала, между прочимъ, забота объ оффиціальной хронологіи и религіозно-политической исторіографіи Рима. Напротивъ, все указываетъ на то, что и самая мысль о такомъ нововведеніи прежде всего возникла въ умѣ тогдашняго главы этой коллегіи, столь отличавшагося инициаторскою энергіею старшаго понтифика Тиберія Корунканія. Напрасно, какъ мнѣ кажется, думаютъ Моммзенъ и другіе, что секулярныя игры 505/249 г. находились внѣ всякой связи съ вопросомъ объ опредѣленіи продолжительности существованія Рима [1]), и что до временъ анналиста Фабія Пиктора въ понтификальной лѣтописи не было никакихъ указаній на годъ основанія города [2]). Правда, въ дошедшей до насъ традиціи ludi saeculares 505/249 г. дѣйствительно не приводятся ни въ какое отношеніе къ эрѣ Рима, но не слѣдуетъ забывать, что эта традиція въ высшей степени фрагментарна и что изъ самой оффиціальной лѣтописи понтификовъ, которая въ послѣдней редакціи ея, предпринятой между 624/130 и 631/123 г., состояла изъ 80 книгъ, до насъ дошло не болѣе пяти маленькихъ отрывковъ, доказывающихъ, какъ рано римляне стали пренебрегать этимъ древнѣйшимъ памятникомъ своей исторіографіи [3]). Неопровержимымъ доказательствомъ того, что при учрежденіи секулярныхъ игръ въ 505/259 г. имѣлось въ виду религіозное освященіе окончанія стараго и наступленія новаго столѣтія города, должно считаться по моему мнѣнію, то обстоятельство, что

---

[1]) Mommsen, Röm. Chronol.², p. 175 и p. 186 съ прим. 365. Такого-же мнѣнія держится Soltau (Röm. Chronol., p. 392) и, какъ кажется, Holzapfel (Röm. Chronol. p. 174 и 178).

[2]) Mommsen, Röm. Chronol.², стр. 142, прим. 264.

[3]) См. Hübner, Die annales maximi der Römer, въ Fleckeisen's Jahrbücher für class. Philol. V (1859), p. 413 sqq. Ср. также Seeck, Die Kalendertafel der Pontifices, p. 85 и Soltau, Die Entstehung der annales maximi, въ Philologus LV (1896), p. 266.

указанное нововведеніе было вызвано оффиціально признаннымъ тогда въ Римѣ этрусскимъ ученіемъ о saeculum и его примѣненіи къ исторіи городовъ и государствъ, что только это ученіе давало ему смыслъ и что тогда же срокомъ для повторенія новаго чрезвычайнаго празднества былъ признанъ столѣтній періодъ. Если согласно этому второе празднованіе секулярныхъ игръ должно было бы произойти черезъ сто лѣтъ послѣ 505/249 г., т. е. въ 605/149 г., а на самомъ дѣлѣ это повтореніе игръ, какъ мы увидимъ ниже [1]), имѣло мѣсто, вѣроятно, не только въ 605/149, но и въ 608/146 г., то и это можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что въ послѣднемъ году завѣдывавшая оффиціально хронологіей коллегія понтификовъ опредѣляла время основанія Рима не такъ, какъ въ 505/249 г. а придерживалась новаго и доселѣ не употребительнаго вычисленія. Съ другой стороны мы видимъ, что, когда въ позднѣйшее время къ тѣмъ секулярнымъ играмъ, которыя являлись вполнѣ достовѣрными и историческими, легенда присоединила еще другія празднованія такихъ игръ, празднованія, никогда на самомъ дѣлѣ не происходившія, то и эти вымышленныя празднованія она привела въ связь со временемъ основанія Рима и размѣстила ихъ въ соотвѣтствующихъ этому времени столѣтнихъ промежуткахъ. Съ наибольшею увѣренностью можно утверждать это о первыхъ секулярныхъ играхъ, отнесенныхъ позднѣйшею легендою къ царскому періоду, а именно къ тому времени, когда римляне воевали съ Альбою Лонгою. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что тутъ имѣлась въ виду вторая война, которую царь Туллій Гостилій велъ съ этимъ городомъ и которая кончилась разрушеніемъ послѣдняго. Это событіе случилось, по традиціи, какъ разъ черезъ сто лѣтъ послѣ основанія Рима [2]). Далѣе легенда разсказываетъ о воз-

---

[1]) См. главу VI нашего изслѣдованія.

[2]) Ср. Servius, Ad Verg. Aen. I, 272: constat in regnis Romuli et Numae et Tullii Hostilii, qui evertit Albam, centum annos, quibus pariter Roma et Alba regnaverunt, esse consumptos. Съ этимъ свидѣтельствомъ ср. еще слѣдующія: Livius I, 29, 6: unaque hora qua-

обновленіи секулярныхъ игръ, случившемся будто бы также въ царскій періодъ и приписываемомъ ею сабинянину Валезію, родоначальнику Валеріевъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что это событіе было отнесено къ двухсотлѣтію отъ основанія Рима. Наконецъ легенда упоминаетъ еще о двухъ празднованіяхъ секулярныхъ игръ, происходившихъ будто бы въ 305/449 и въ 406/348 г. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что эти послѣднія вымышлены съ тѣмъ, чтобы соотвѣтствовать первымъ исторически достовѣрнымъ играмъ, праздновавшимся въ 505/249 г., и что при нихъ собственно имѣлось въ виду празднованіе трехсотлѣтія и четырехсотлѣтія Рима.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе скудости дошедшей до насъ традиціи теперь невозможно указать съ полной точностью и достовѣрностью, какими хронологическими соображеніями руководились Тиберій Корунканій и его современники при томъ опредѣленіи времени основанія города Рима, согласно которому они сочли возможнымъ учредить секулярныя игры въ 505/249 г., и только путемъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ гипотезъ мы можемъ попытаться объяснить возникновеніе соотвѣтствующей этому празднеству городской „эры“.

Трудность и запутанность этой задачи заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что исходнымъ пунктомъ всѣхъ являющихся въ данномъ случаѣ возможными хронологическихъ комбинацій могутъ быть взяты два различныхъ года, смотря по тому, какъ мы рѣшимъ слѣдующій вопросъ: считали ли Корунканій и его современники при учрежденіи секулярныхъ игръ въ 505/249 г. пятое столѣтіе Рима уже исполнившимся или только оканчивающимся, другими словами, считали ли они тогда 501 или 500 годъ по основаніи города? Не рѣшаясь обойти этотъ вопросъ молчаніемъ, какъ это дѣлали новѣйшіе

---

dringentorum annorum opus, quibus Alba steterat, excidio ac ruinis dedit. Vergil., Aen. I, 272: hic [sc. въ Alba longa] iam ter centum regnabitur annos. Iustin. XLIII, 1, 13: Longam Albam condidit[sc. Ascanius, Aeneae filius], quae CCC annis caput regni fuit.

хронологи [1]), которые произвольно и не приводя никакихъ доводовъ въ подкрѣпленіе своихъ различныхъ мнѣній, 505 годъ Варроновой эры принимали то за 501, то за 500 годъ эры, установленной въ Римѣ во время учрежденія секулярныхъ игръ, я полагаю, что рѣшеніе поставленнаго мною вопроса во второмъ смыслѣ должно считаться гораздо болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ рѣшеніе его въ первомъ смыслѣ, если мы будемъ принимать во вниманіе слѣдующія фактическія данныя, а также психологическія соображенія. Что касается первыхъ, то мы знаемъ, что и впослѣдствіи тѣ секулярныя игры, которыя приводились въ связь со столѣтними saecula города Рима, справлялись всегда въ послѣднемъ году оканчивающагося столѣтія, и что такимъ образомъ восьмисотлѣтіе Рима было отпраздновано при императорѣ Клавдіи въ восьмисотомъ году [2]), девятисотлѣтіе при Антонинѣ Піѣ въ девятисотомъ году [3]) и тысячелѣтіе при обоихъ Филиппахъ въ тысячномъ (по Капитолинской эрѣ) году [4]). Точно также мы видимъ, что и секулярныя игры Августа, будучи устроены согласно распространившемуся тогда новому ученію о 110-лѣтнемъ saeculum и долженствуя, поэтому, соотвѣтствовать другимъ фиктивнымъ играмъ, отпразднованнымъ будто бы въ 628/126, 518/236, 408/346 и 298/456 г., на самомъ дѣлѣ состоялись не въ 738/16, а въ 737/17 г., т. е. въ послѣднемъ году оканчивавшагося новаго 110-лѣтняго періода, причемъ этотъ 737/17 годъ вмѣстѣ съ тѣмъ являлся также послѣднимъ годомъ начавшагося

---

[1]) Ср. Matzat, Römische Chronologie I (Berlin 1883), p. 278. Seeck, Die Kalendertafel der Pontifices (Berlin 1885), p. 167 sq.

[2]) См. Tacitus, Annal. XI, 11 и Censorin. 17, 11.

[3]) См. Aurelius Victor, Caesar. 15, 4.

[4]) Ср. Хронографа 354 г. по Р. Х., изд. Моммзена (въ Abhandl. d. Kön. Sächs. Ges. d. Wiss. I (1850), p. 647. Hieronymus, Eusebii Chron. ad olymp. 256, 2 (ed. Schoene II, p. 181). Orosius VII, 20, 2. Cassiodor. Chron., изд. Моммзена (въ Sitz. d. phil.-hist. Cl. d. sächs. Ges. d. Wiss. vol. III (1861)), p. 647. Eutropius IX, 3. Capitolinus (Scr. hist. Aug.), Gordian. 33, 3. Aurelius Victor, Caesar. 28, 1. Iordanes, De summa temp. vel orig. act. gentis Romanae, c. 283 и т. д. (см. приложенія).

съ 298/456 г. 440-лѣтняго періода, въ который, по распространенному тогда вѣрованію, совершилась παλιγγενεσία, т. е. возсоединеніе душъ усопшихъ съ ихъ тѣлами (Varro, De gente populi Romani, у Августина, De civ. Dei XXII, 28) [1]).

Съ психологической точки зрѣнія эти факты объясняются весьма легко. Во-первыхъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что немалую роль тутъ играло общепризнанное значеніе круглаго числа, побудившее еще современныхъ намъ людей отнести начало 20-го столѣтія нашей эры къ 1900, а не къ 1901 г. по Р. Х., а во-вторыхъ, я полагаю, что при религіозно-мистическомъ характерѣ этруско-римскаго ученія о saeculum и вызванныхъ имъ секулярныхъ играхъ, которыя, какъ мы видѣли, служили, съ одной стороны, для выраженія печали по поводу смерти и погребенія стараго „поколѣнія“, а, съ другой стороны, для выраженія радостной надежды по поводу рожденія новаго „поколѣнія“, люди, исполненные благоговѣйнаго страха передъ божествомъ и вѣровавшіе, что приносимыми во-время молитвами и жертвами можно умилостивить это божество и добиться отъ него измѣненія всего къ лучшему и дарованія всякихъ благъ, не могли не притти къ убѣжденію, что для устройства религіозныхъ празднествъ въ родѣ секулярныхъ игръ гораздо цѣлесообразнѣе выбрать время ante eventum, т. е. до наступленія ожидаемой перемѣны, чѣмъ время post eventum, т. е. послѣ наступленія этой перемѣны. Вѣдь только въ первомъ случаѣ можно было надѣяться на то, что божество внемлетъ обращеннымъ къ нему просьбамъ и исполнитъ человѣческія желанія; во второмъ же случаѣ празднество оказалось бы запоздалымъ и безцѣльнымъ дѣйствіемъ.

Итакъ мы склонны предположить, что секулярныя игры 249 г. до Р. Х. были учреждены римлянами съ цѣлью отпраздновать 500, а не 501 годъ по основаніи города, и что только исходя изъ перваго изъ этихъ годовъ мы получаемъ городскую эру, которой тогда придерживалась коллегія понтификовъ съ Тиберіемъ Корунканіемъ во главѣ.

[1]) Ср. также Holzapfel, Röm. Chronol., p. 176 и Soltau, Röm. Chron., p 388 съ примѣч. 2.

И другія обстоятельства говорятъ въ пользу того, что опредѣленный нами такимъ образомъ 748 годъ до Р. Х. дѣйствительно долженъ считаться тѣмъ годомъ, къ которому современники первыхъ секулярныхъ игръ относили основаніе Рима.

Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ оффиціальныхъ датировокъ событій римской исторіи заключается, какъ извѣстно, въ надписи, которая пресловутымъ временщикомъ Аппія Клавдія Цека и составителемъ перваго изданія консульскихъ фастовъ, Гнеемъ Флавіемъ, въ бытность его курульнымъ эдиломъ, т. е. въ 450/304 г., была помѣщена на маленькой часовнѣ Конкордіи [1]). Изъ этой надписи, гласившей, что названное святилище было сооружено черезъ 204 года послѣ освященія Капитолійскаго храма, мы видимъ, что послѣднее событіе Флавій отнесъ къ 247/508 г. При этомъ онъ руководствовался, безъ сомнѣнія, числомъ оффиціально указанныхъ эпонимныхъ коллегій, которыя прошли со временъ учрежденія римской республики, и такимъ образомъ легко объясняется, почему уже рано годъ освященія Капитолійскаго храма считался также годомъ вступленія въ должность первыхъ консуловъ, и почему еще Полибій [2]) отнесъ это послѣднее событіе къ 508 г. до Р. Х.

[1]) Надпись эта приводится Плиніемъ Старшимъ, Nat. Hist. XXXIII, 1, 20: aediculam aeream fecit [Cn. Elavius].... inciditque in tabella aerea factam eam aedem CCIIII annis post Capitolinam dedicatam. На критическомъ разборѣ обширной новѣйшей литературы, относящейся къ толкованію этой надписи, я, конечно, не могу здѣсь остановиться и указываю только на то, что изъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ по этому поводу — ср. Mommsen, Röm. Chron.[2] 198; Matzat, Röm. Chron. I, 270 sqq. Seeck, Die Kalendertafel der Pontifices, p. 21 sqq. Holzapfel, Röm. Chron., p. 164 sq. и 46 sq. Unger, Röm. Stadtaera, p. 67. Soltau, Proleg. zu e. röm. Chronol., p. 7 sqq. и Röm. Chronol., p. 279 sqq. — мнѣніе Зольтау кажется мнѣ наименѣе естественнымъ и правдоподобнымъ.

[2]) Polybius III, 22, 2. Ср. мѣткое толкованіе этого мѣста, которое Matzat (Röm. Chron. I, 282 sq.) и Soltau (Röm. Chron., p. 282)

Чтобы окончательно пополнить хронологію исторіи Рима, послѣ временъ Гнея Флавія оставалось еще опредѣлить продолжительность царствованій царей, управлявшихъ, согласно легендѣ, Римомъ до учрежденія республики, и такимъ образомъ создать эру отъ основанія города, потребность въ которой уже тогда должно было чувствовать. Но около полустолѣтія прошло со времени Гнея Флавія, прежде чѣмъ указанная задача была фактически выполнена. Когда сицилійскій историкъ Тимей во второй половинѣ 5-го вѣка по основаніи Рима поѣхалъ въ Лацій и побывалъ въ Лавиніи (ср. Dionys. Halic. I, 67), а, вѣроятно, также въ Римѣ, чтобы собрать матеріалъ для своего большого историческаго сочиненія, которое онъ кончилъ между 590/264 и 598/256 г. [1]), то, очевидно, въ Римѣ еще не существовало никакихъ опредѣленныхъ данныхъ о времени основанія города, а исторія и хронологія римскихъ царей еще не была разработана во всѣхъ ея подробностяхъ. Едва ли Тимей, при своей заботливости о хронологіи [2]), какъ справедливо замѣчаетъ Энманъ [3]), упустилъ бы случай воспользоваться хронологическими данными римлянъ, если бы въ его время уже были таковыя. Не имѣя ихъ, онъ прибѣгнулъ къ своему излюбленному пріему [4]): отождествленію времени какого-нибудь важнаго событія со временемъ другого однороднаго или неоднороднаго факта, и вотъ подъ вліяніемъ,

---

предложили въ противоположность къ толкованію Моммзена (Röm. Chron.[2], p. 128 и Röm. Forsch. II, 379) и Seeck'a (Die Kalendert. d. Pont., p. 109 sq.).

[1]) Наиболѣе обстоятельную и ученую біографію этого историка, съ критической оцѣнкой его литературной дѣятельности, читатель найдетъ теперь у Susemihl'я, Gesch. d. alexandr. Litteratur I, p. 563 sqq., а также у C. Wachsmuth'a, Einleit. in d. Studium d. alten Gesch. (Lpz. 1895), p. 548 sqq.

[2]) Ср. Polyb. XII, 11.

[3]) Легенда о римскихъ царяхъ (Журн. Мин. Нар. Просв., за августъ 1896 г., стр. 79 класс. отд.).

[4]) Ср. Unger, Die römischen Gründungsdata (въ Rhein. Mus. N. F. XXXV (1880), p. 24) и Holzapfel, Röm. Chronol., p. 230.

вѣроятно, впечатлѣній, произведенныхъ на него большой войною, вспыхнувшей тогда между Римомъ и Карѳагеномъ, онъ пришелъ къ мысли отнести начало исторіи этихъ двухъ соперничавшихъ другъ съ другомъ городовъ къ одному и тому же времени, т. е. утверждать, что Ромулъ основалъ Римъ въ томъ же году, въ которомъ Дидона основала Карѳагенъ, а именно за 38 лѣтъ до первой олимпіады (=814/3 г. до Р. Х.) [1]).

Неизвѣстная еще Тимею римская „эра“ вдругъ, такъ сказать, всплываетъ въ 505/249 г., когда, какъ мы видѣли, учреждены были секулярныя игры, а во главѣ верховной жреческой коллегіи понтификовъ стоялъ Тиберій Корунканій, т. е. тотъ передовой во всѣхъ отношеніяхъ государственный мужъ, которому мы, какъ было доказано выше, имѣемъ полное основаніе приписать особенное, выдающееся участіе въ понтификальной исторіографіи и, вѣроятно, даже составленіе первой редакціи ея, касавшейся главнымъ образомъ древнѣйшаго, т. е. царскаго періода Рима.

Въ какую же хронологическую рамку эта редакція понтификальной лѣтописи вставила исторію основанія города и царствованій его семи царей?

Вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ можно, по моему, найти только у анналиста Фабія Пиктора, какъ такого писателя, который черезъ полстолѣтіе послѣ старшаго понтифика Тиберія Корунканія первый выступилъ въ качествѣ частнаго обработывателя римской оффиціальной лѣтописи и, хотя и писалъ свое сочиненіе на греческомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ считаться отцомъ римской литературной исторіографіи.

---

[1]) Ср. Dionys. Halic. I, 74. Предложенное мною объясненіе датировки Тимея кажется мнѣ гораздо болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ то весьма произвольное объясненіе ея, которое предложилъ Holzapfel (Röm. Chron., p. 230 sq.), исходя изъ совершенно чуждыхъ Тимею позднѣйшихъ представленій римлянъ о сорокачетырехъ-лѣтнихъ saecula. Ср. также C. Wachmuth, l. c., p. 552.

Нибуръ, а затѣмъ въ особенности Моммзенъ и Зеекъ [1]) доказали самымъ неопровержимымъ образомъ, что этотъ древнѣйшій римскій анналистъ опредѣлилъ продолжительность всего царскаго періода Рима въ 240 лѣтъ. Изъ какого источника могъ онъ почерпнуть это вычисленіе, если не изъ понтификальныхъ анналъ, въ которыхъ, повидимому, царская исторія незадолго до него была установлена окончательнымъ образомъ?

Прибавивъ эти 240 лѣтъ царскаго періода ко времени учрежденія республики, отнесеннаго еще во времена Гнея Флавія къ 508 г. до Р. Х., и получивъ такимъ образомъ 748 г. до Р. Х. какъ годъ основанія Рима [2]), Тиберій Корун-

[1]) Ср. Niebuhr, Röm. Gesch. I², 249 sqq. Mommsen, Röm. Chronol.², p. 134 sqq. Seeck, Die Kalendertafel der Pontifices, p. 104 sqq.—Съ выводами Зольтау (Röm. Chronol., p. 402 sqq.), старающагося доказать болѣе позднее происхожденіе хронологическихъ датировокъ событій дореспубликанскаго періода исторіи Рима, я столь же мало согласенъ, какъ и съ относящимися сюда утвержденіями Holzapfel'я (Röm. Chron., p. 184 и 250 sqq.) и съ попыткою Энмана (Легенда о римскихъ царяхъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв., за августъ 1896 г., стр. 79 и сл. класс. отд.) объяснить „эру" Тиберія Корунканія.

[2]) Что въ „эрѣ", относящей основаніе города къ 748 г. до Р. Х., мы должны усматривать одну изъ древнѣйшихъ „эръ" Рима, можно заключить изъ того, что Synkellos упоминаетъ о ней на первомъ мѣстѣ (p. 361: Ῥωμύλον φασὶ κατὰ τὸ τέλος τῆς ἑβδόμης ὀλυμπιάδος (т. е. въ 748 г. до Р. Х.) Ῥώμην κτίσαι, ἄλλοι δὲ κατὰ τὴν ἕκτην ὀλυμπιάδα καὶ ἕτεροι κατὰ τὴν ὀγδόην φασίν. Ср. p. 367: Ῥωμύλος κτίζει καὶ τειχίζει Ῥώμην κατὰ τὴν ἑβδόμην ὀλυμπιάδα ἤ, ὥς τινες, κατὰ τὴν ὀγδόην). И Евсевію эта „эра" была извѣстна изъ какого-нибудь римскаго источника. При 1505 г. Авраама или при олимпіадѣ 67, 1 (=512/1 г. до Р. Х.) онъ отмѣчаетъ (vol. II, p. 100 изд. Schoene), что со времени изгнанія Тарквинія до диктатуры Цезаря (т. е. до 48 г. до Р. Х.) прошло 460 лѣтъ. Стало быть, онъ относитъ здѣсь начало республики къ олимпіадѣ 67, 4 (=508 г. до Р. Х.), а основаніе Рима къ олимпіадѣ 7, 4 (=748 г. до Р. Х.), такъ какъ 240 лѣтъ приходится, по его счету, на царскій періодъ (ср. Unger, Die römischen Gründungsdata, въ Rhein. Mus. N. F. XXXV (1880), p. 6 sq.).

каній и его современники въ 249 г. до Р. Х. считали 500 г. отъ этого событія. Учрежденными тогда секулярными играми они отпраздновали конецъ 5-го и начало 6-го столѣтія. Въ какое время этого года состоялось нововведенное празднество, не указано въ традиціи, и только путемъ комбинацій мы въ состояніи опредѣлить это время приблизительно. Совершенно произвольнымъ является тутъ предположеніе Зэка [1]), согласно которому датою секулярныхъ игръ 505/249 г. было 13 сентября, т. е. традиціонный день годовщины освященія Капитолійскаго храма, въ который, какъ извѣстно, по установленному еще въ старину обычаю praetor maximus ежегодно долженъ былъ вбивать гвоздь въ стѣну этого храма. Предположеніе Зэка опровергается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что секулярныя игры не имѣли ни малѣйшаго отношенія ни къ освященію Капитолійскаго храма, служившему впослѣдствіи эрою учрежденія республики, ни къ обычаю вбивать гвоздь [2]). Но и всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о событіяхъ 505/249 г. указываютъ на то, что празднованіе секулярныхъ игръ имѣло мѣсто не осенью того года, а нѣсколькими мѣсяцами раньше. Какъ извѣстно, консулы въ тѣ времена вступали въ свою должность 1-го мая [3]), а тогдашній римскій календарь шелъ на-

[1]) Seeck, Die Kalendertafel der Pontifices, p. 168.

[2]) Объ этомъ обычаѣ (ср. Livius VII, 3, 7 и Festus, epit. p. 55 M.) наиболѣе правильно трактуетъ, по моему, Soltau, Röm. Amtsjahre, p. 49 sq. и Röm. Chron., p. 391 sq. Что касается тѣхъ столѣтнихъ промежутковъ, которые встрѣчаются между диктатурами clavi figendi causa, бывшими въ 391 и 491 г. до Р. Х., и которые Моммзеномъ (Röm. Chron.², p. 176 sqq.) впервые были приведены въ связь съ большой эпидеміею, случившеюся за сто лѣтъ до первой изъ указанныхъ двухъ датъ, т. е. въ 291 г. до Р. Х., то въ нашей традиціи не имѣется никакихъ указаній, которыя позволили бы намъ согласиться съ предположеніемъ Моммзена и другихъ хронологовъ послѣдовавшихъ ему, что эти столѣтніе промежутки древними римлянами принимались за дѣйствительныя „saecula" и имѣли какое-нибудь отношеніе къ секулярнымъ играмъ.

[3]) Ср. особ. Fränkel, Studien zur röm. Gesch. I (Breslau 1884), p. 23 и 106, Soltau, Röm. Chron., p. 332 sq. n. 491 и Holzapfel, Röm. Chron., p. 106.

столько впереди введеннаго черезъ два столѣтія послѣ этого юліанскаго календаря, что указанное число въ 505 г. ab urbe condita соотвѣтствовало по вычисленію Френкеля [1]) приблизительно 1-му марта 249 г. до Р. Х., а по вычисленію Матцата [2]) даже 7-му ноября предыдущаго, т. е. 250 г. до Р. Х. по юліанскому стилю [3]). Если мы теперь примемъ въ соображеніе, что одинъ изъ консуловъ 505 г. отъ основанія города, П. Клавдій Пульхръ, отправился на театръ войны безъ всякаго сомнѣнія немедленно послѣ своего вступленія въ должность, проѣзжая разстояніе между Римомъ и Сициліею приблизительно въ 8 дней, и что битва при Дрепанѣ, въ которой онъ былъ разбитъ Адгербаломъ, случилась скоро послѣ его прибытія въ Лилибей [4]), то мы едва-ли ошибемся, если предположимъ, что римляне сейчасъ же послѣ полученія извѣстій объ этомъ пораженіи рѣшили отозвать несчастнаго полководца, отправивъ вмѣсто него другого консула, Л. Юнія Пулла, въ Сицилію, и что не позже апрѣля или начала мая мѣсяца П. Клавдій Пульхръ долженъ былъ возвратиться въ Римъ. Здѣсь въ это время случились тѣ продигіи, въ виду которыхъ, какъ было изложено выше [5]), римляне постановили учредить Тарентинскія или секулярныя игры, надѣясь, что умилостивленное такимъ образомъ божество дастъ имъ успѣшно вести войну съ Карѳагеномъ. Такъ какъ нововведенное празднество, какъ мы знаемъ [6]), состоялось еще при консулѣ П. Клавдіи Пульхрѣ, и этотъ послѣдній, повидимому, только послѣ этого исполнилъ порученіе сената назначить диктатора [1]), то празднованіе игръ съ большой вѣроятностью можетъ быть отнесено нами въ началу лѣта, т. е. къ тому же времени года, въ которое впослѣдствіи и императоръ Августъ отпраздновалъ свои секулярныя игры и въ которое, какъ мы старались доказать въ предыдущей главѣ нашего изслѣдованія, справлялись также (тарентинскія) Гіакинѳіи, послужившія образцомъ для римскихъ „Тарентинскихъ“ или секулярныхъ игръ.

---

[1]) Fränkel, Stud. z. röm. Gesch. I, p. 19 sqq.

[2]) Matzat, Röm. Chronol. I, 191 и II, 296.

[3]) Изъ этихъ двухъ вычисленій вычисленіе Френкеля, какъ мнѣ кажется, наиболѣе близко подходитъ къ дѣйствительности, и доводы, приведенные Френкелемъ противъ Матцата, не могутъ не считаться убѣдительными.

[4]) По мнѣнію Матцата (II, 298—302), въ февралѣ или въ мартѣ мѣсяцѣ 505/249 г.

[5]) См. на стр. 22 сл.

[6]) Ср. особенно Scholia Cruq. ad Horat. carm. saec.

ГЛАВА V.

Критика традиціи о секулярныхъ играхъ, отпразднованныхъ будто бы раньше 505/249 г.

Посвятивъ предыдущія главы нашего изслѣдованія критическому разбору вопроса о характерѣ, значеніи и происхожденіи Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ и постаравшись доказать, что учрежденіе этихъ игръ какъ государственнаго празднества, представлявшаго сліяніе родового культа Валеріевъ въ честь Дита (Сорана-Аполлона и Сорана-Дита) и Прозерпины (Ферониі, тождественной съ Юноною-Діаною и Прозерпиною) съ тарентинскимъ культомъ въ честь Гіакинѳа (Апол-

[1]) Какъ извѣстно, онъ въ насмѣшку назначилъ таковымъ одного изъ вольноотпущенниковъ своего рода, бывшаго писца М. Клавдія Глицію, а этого сенатъ заставилъ сложить съ себя должность, и послѣ него назначенъ былъ новый диктаторъ.—Главными нашими источниками для исторіи и хронологіи событій 505/249 г. являются Polybius I, 48—55, Diodor. XXIV, 1, 5—11 (Zonaras VIII, 15) и Fasti Capit. въ C. I. L. I, p. 434. Изъ новѣйшихъ обработокъ этихъ источниковъ я указываю особ. на Haltaus, Geschichte Roms im Zeitalter der punischen Kriege. I (Leipz. 1846), p. 388—413; Neumann, Das Zeitalter der punischen Kriege (Breslau 1883), p. 141—146; Meltzer, Geschichte der Karthager. II (Berlin 1896), p. 325—334. Ср. также Matzat, Röm. Chron. II, p. 296—310, гдѣ приведены тексты важнѣйшихъ источниковъ.

лона и Плутона) и Полибеи (тождественной съ Діаною и Прозерпиною) относится къ 505/249 г., мы должны теперь нѣсколько ближе разсмотрѣть тѣ указанія традиціи древнихъ, согласно которымъ секулярныя игры были отпразднованы также раньше упомянутаго года, а именно въ 406/348 году, въ консульство М. Попилія Лената и М. Валерія Корва, въ 305/449 году, въ консульство Л. Валерія Попликолы Потита и М. Горація Барбата, далѣе въ 245/509 году, въ первое консульство П. Валерія Попликолы, или въ 250/504 году, въ четвертое консульство П. Валерія Попликолы, и, наконецъ, еще въ какіе то неопредѣленные годы періода римскихъ царей, при Нумѣ Помпиліи, при Туллѣ Гостиліи и позже [1]).

Что эти указанія не соотвѣтствуютъ исторической правдѣ, а являются продуктами позднѣйшаго вымысла, находящимися въ тѣснѣйшей связи съ легендою Валеріевъ о происхожденіи секулярныхъ игръ, должно считаться однимъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ результатовъ предыдущей части нашего изслѣдованія. Разбирая указанную легенду, мы видѣли, что наряду съ весьма древними и по существу достовѣрными элементами она заключаетъ въ себѣ такія данныя, которыя не могли возникнуть раньше 505/249 г., а присоединены были къ другимъ спустя болѣе или менѣе продолжительное время послѣ этого года. Съ точностью опредѣлить дату и способъ происшедшаго тогда въ легендѣ смѣшенія разнородныхъ чертъ оказывается теперь невозможнымъ; но едва ли мы будемъ далеки отъ истины, если станемъ утверждать, что это случилось еще до того времени, какъ Валерій Анціатъ записалъ всю легенду въ своихъ анналахъ, другими словами, если мы предположимъ, что редакція, данная легендѣ этимъ писателемъ и извѣстная намъ особенно по разсказамъ Валерія Максима и Зосима, въ главныхъ чертахъ соотвѣтствовала устному (а отчасти, можетъ быть, также письменному) домашнему преданію Валеріева рода, образовавшемуся въ его средѣ въ слѣ-

[1]) Источники, въ которыхъ приведены всѣ эти указанія, цитованы выше на стр. 94 сл. и приведены ниже въ приложеніяхъ къ этой книгѣ.

дующія за 505/249 г. полтора столѣтія и являвшемуся какъ бы слабымъ отраженіемъ той исторической связи, которая нѣкогда, какъ мы видѣли, существовала между родовымъ культомъ Валеріевъ и учрежденнымъ въ 505/249 г. государственнымъ празднествомъ Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ. Если бы Валерій Анціатъ самъ сочинилъ всѣ указанія, касающіяся празднованій этихъ игръ, будто бы случившихся до 505/249 г., то эти указанія отличались бы взаимнымъ согласіемъ и представляли бы вмѣстѣ съ другими чертами легенды вполнѣ гармоническое и искусно сложенное цѣлое. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что онѣ не лишены внутреннихъ противорѣчій, а эти послѣднія могутъ быть объяснены только вышеприведеннымъ предположеніемъ. Къ такимъ противорѣчіямъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что между секулярными играми 505/249 г. и тѣми, которыя будто бы были отпразднованы въ 406/348 г., прошло не сто, а только 99 лѣтъ, и что тѣ секулярныя игры, которыя въ республиканскій періодъ будто бы предшествовали фиктивнымъ играмъ 406/348 г., были отнесены то къ 305/449, то къ 245/509 или даже къ 250/504 году. Очевидно, что эти послѣднія двѣ датировки точно такъ же, какъ и указаніе 406/348 г., въ которомъ однимъ изъ консуловъ былъ знаменитый герой самнитскихъ войнъ М. Валерій Корвъ, были вызваны не столько желаніемъ установить столѣтніе промежутки между всѣми секулярными играми, сколько стремленіемъ пріурочить эти игры къ дѣятельности выдающихся членовъ Валеріева рода и въ особенности того представителя его, П. Валерія Попликолы, который считался какъ бы олицетвореніемъ свободы новоучрежденной республики вообще и либеральныхъ стремленій Валеріевъ въ частности. Вмѣстѣ съ тѣмъ при первой изъ указанныхъ датировокъ (245/509 г.) имѣлось, вѣроятно, также въ виду привести секулярныя игры въ связь съ началомъ республиканской эры, а при второй датировкѣ (250/504 г.) Валеріи, какъ кажется, руководились цѣлью угодить родственному имъ сабинскому роду Клавдіевъ, относя секулярныя игры къ

тому году, въ которомъ, согласно легендѣ [1]), этотъ родъ съ могущественнымъ Attus Clausus во главѣ переселился изъ сабинской области въ Римъ по совѣту и настоянію П. Валерія Попликолы, бывшаго тогда въ четвертый разъ консуломъ. Не должны ли мы въ этомъ желаніи Валеріевъ угодить Клавдіямъ усмотрѣть какъ бы благодарность за то содѣйствіе, которое одинъ изъ позднѣйшихъ членовъ послѣдняго рода, консулъ 505/249 г. П. Клавдій Пульхръ, по вышеизложенному мною предположенію [2]), оказалъ Валеріямъ въ признаніи за ихъ родовымъ культомъ общегосударственнаго значенія, т. е. въ сліяніи этого культа съ введенными тогда Тарентинскими или секулярными играми? И не заключается ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разсматриваемомъ нами указаніи какъ бы подтвержденіе того, что названный культъ былъ сабинскаго происхожденія и на родинѣ своей пользовался весьма широкимъ распространеніемъ? Если впослѣдствіи тщеславный и дорожащій семейными традиціями императоръ Клавдій, будучи женатымъ на принадлежавшей къ роду Валеріевъ Мессалинѣ, при опредѣленіи времени для отпразднованныхъ имъ въ 800 году по основаніи города (=47 г. по Р. Х.) секулярныхъ игръ, какъ я постараюсь доказать ниже [3]), руководился не только этой 800-лѣтней эрою Рима, но и вычисленіемъ, исходнымъ пунктомъ котораго служили игры, отпразднованныя будто бы въ четвертое консульство П. Валерія Попликолы, т. е. въ 250/504 г. или въ годъ переселенія Клавдіевъ изъ сабинской области въ Римъ, то и это обстоятельство говоритъ въ пользу нашего предположенія о существованіи такой версіи легенды Валеріевъ, согласно которой перенесенный этимъ родомъ изъ сабинской области родовой культъ и возникшія изъ него или, точнѣе говоря, слившіяся съ нимъ Тарентинскія или секулярныя игры приводились также въ связь съ сабинскимъ родомъ Клавдіевъ и его переселеніемъ изъ сабинской области въ Римъ. Въ высшей

[1]) Ср. Plutarch., Poplic. 21.
[2]) См. на стр. 183 слл.
[3]) См. VIII главу нашего изслѣдованія.

степени невѣроятнымъ, поэтому, представляется мнѣ мнѣніе Моммзена [1]), а также Зѣлинскаго [2]), что разсматриваемыя нами датировки первыхъ фиктивныхъ секулярныхъ игръ республиканской эпохи обязаны своимъ возникновеніемъ смѣшенію консула 305/449 г. Л. Валерія Попликолы съ консуломъ 245/509 (а также 250/504) г. П. Валеріемъ Попликолою. Кому мы имѣли бы право приписать такую грубую ошибку? Не Валерію Анціату же, анналы котораго должны считаться общимъ первоначальнымъ источникомъ сообщенныхъ не только Валеріемъ Максимомъ и Зосимомъ, но и Плутархомъ, Цензориномъ и Евсевіемъ, а вѣроятно также Фестомъ свѣдѣній о секулярныхъ играхъ, отпразднованныхъ будто бы П. Валеріемъ Попликолою [3]). Все указываетъ скорѣе на то, что причину заключающихся въ этихъ свѣдѣніяхъ противорѣчій мы должны усматривать не въ произвольномъ вымыслѣ или въ невѣжественной ошибкѣ названнаго анналиста, а въ томъ, что онъ безъ разбора собралъ и записалъ различныя версіи родовой легенды Валеріевъ, не заботясь о томъ, чтобы внутренно согласовать ихъ другъ съ другомъ. При этомъ мнѣ кажется даже, что версія, прославлявшая П. Валерія Попликолу какъ учредителя секулярныхъ игръ, отличалась большею древностью, чѣмъ то указаніе, основанное на однѣхъ только хронологическихъ конструкціяхъ, которое первыя игры республиканской эпохи относило къ 305/449 г. Такія же искусственныя хронологическія конструкціи я усматриваю и въ двухъ послѣднихъ изъ трехъ празднованій секулярныхъ игръ, которыя легенда относила ко временамъ царскаго періода [4]): второе изъ нихъ, какъ мы уже

[1]) Mommsen, Röm. Chronol.[2], p. 182.
[2]) Zielinski, Quaestiones comicae (въ Журн. Мин. Нар. Просв. за декабрь 1886 г., стр. 151, примѣч. 1).
[3]) Ср. Valerius Maximus II, 4, 5 extr., Zosimus II, 3, 3. Plutarch., Poplic. 21. Censorinus, c. 17, 10. Eusebii Chron. II, p. 104 и 105 ed. Schoene. Festus, p. 329 M., s. v. saeculares ludi. См. приложенія къ нашей книгѣ, гдѣ приведены всѣ эти свидѣтельства.
[4]) Цензоринъ противорѣчитъ этой легендѣ, когда утвер-

видѣли, было приведено въ связь съ событіями, случившимися, согласно традиціи, по прошествіи перваго столѣтія послѣ основанія города, въ царствованіе Тулла Гостилія; третье же считалось, по всей вѣроятности, состоявшимся въ царствованіе Сервія Туллія, т. е. черезъ сто лѣтъ послѣ перваго празднованія, и имѣвшимъ цѣлью ознаменовать истекающее второе столѣтіе послѣ основанія города. Что же касается перваго по времени легендарнаго празднованія секулярныхъ игръ, случившагося будто бы также въ царскій періодъ и отнесеннаго къ царствованію Нумы Помпилія, то оно очевидно вымышлено на основаніи соображеній, не имѣвшихъ ничего общаго съ только-что указанными хронологическими конструкціями, а исходившихъ изъ желанія связать учрежденіе секулярныхъ игръ съ дѣятельностью того царя, который общепризнанною легендарною традиціею прославлялся, съ одной стороны, какъ виновникъ главнѣйшихъ сакральныхъ учрежденій римлянъ, а съ другой стороны, какъ сабинянинъ по происхожденію.

ГЛАВА VI.

Секулярныя игры 605/149 и (или ?) 608/146 г.

Такъ какъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ древнихъ въ 505/249 г., когда по предписанію сивиллиныхъ книгъ учреждены были Тарентинскія или секулярныя игры, согласно указанію тѣхъ же книгъ было постановлено праздновать эти игры каждыя сто лѣтъ, то первое повтореніе состоявшагося въ 505/249 г. новаго празднества должно было имѣть мѣсто въ 605/149 г. Какъ свидѣтельствуетъ Цензоринъ [1]), Валерій Анціатъ, Варронъ и Ливій утверждали, что это было исполнено тогда

ждаетъ (с. 17, 12), что ни одинъ древній авторъ не упоминаетъ о состоявшихся въ царскій періодъ секулярныхъ играхъ.

[1]) Censorinus, De die nat. c. 17, 11. См. приложенія, p. IV, гдѣ это свидѣтельство приведено.

на самомъ дѣлѣ [1]); другіе же писатели, Пизонъ, Гней Геллій и Гемина, бывшіе современниками второго празднованія секулярныхъ игръ, относили это событіе къ 608/146 г. Сообщая это, Цензоринъ очевидно полагалъ, что обѣ эти датировки противорѣчатъ другъ другу и взаимно другъ друга исключаютъ, а согласно съ этимъ Моммзенъ, Бергкъ, Матцатъ и Гиршфельдъ пришли къ заключенію, что указанія Пизона, Геллія и Гемины, какъ современниковъ игръ, заслуживаютъ бо́льшаго довѣрія, чѣмъ указанія Валерія Анціата, Варрона и Ливія, и что послѣдніе писатели ошиблись, относя къ 605/149 г. игры, которыя, правда, тогда предполагались, но въ дѣйствительности были отложены до 608/146 г. [2]). Однако такое мнѣніе едва ли можетъ считаться правдоподобнымъ. Во-первыхъ оно находится въ противорѣчіи съ тѣмъ фактомъ, что римляне вообще имѣли обыкновеніе съ суевѣрной добросовѣстностью и аккуратностью исполнять свои религіозныя обязанности по отношенію къ божествамъ, а своевременное повтореніе секулярныхъ игръ въ 605/149 г. должно было представляться имъ тѣмъ болѣе желательнымъ и необходимымъ, что они какъ разъ въ то время вступили въ новую войну со своимъ исконнымъ заморскимъ врагомъ, который еще за сто лѣтъ до того воевалъ съ Римомъ, и побѣда надъ которымъ въ то время была поставлена оракуломъ въ зависимость отъ учрежденія первыхъ секулярныхъ игръ [3]). Во-вторыхъ трудно допустить, чтобы та-

---

[1]) И Зосимъ (II, 4, 4) говоритъ о празднованіи секулярныхъ игръ въ 605/149 г.

[2]) См. Mommsen, Röm. Chronol.[2], p. 181 sq., Bergk, Augusti res gestae (Gott. 1873), p. 76, Matzat, Röm. Chronol. I, 324 и Hirschfeld, D. Neujahr d. tribunic. Kaiserjahres (Wiener Studien III 1881, p. 103 sq.). Мнѣнія этихъ ученыхъ придерживается также большинство другихъ писателей, коснувшихся въ новѣйшее время этого вопроса.

[3]) Ср. выше, на стр. 22 слл. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что слова utique ludi centesimo quoque anno fierent, читаемыя въ концѣ разсказа Варрона объ учрежденіи секулярныхъ игръ въ 505/249 г. (см. Censorinus 17, 8), едва-ли были бы прибавлены этимъ авторомъ такъ просто, если бы уже при первомъ повтореніи этихъ игръ не былъ соблюденъ указанный срокъ.

кой осторожный и добросовѣстный изслѣдователь старины, какимъ былъ Варронъ, не провѣрилъ хронологическаго указанія, которое онъ такъ же, какъ и Ливій и Зосимъ (послѣдній черезъ посредство другихъ источниковъ), почерпнулъ изъ лѣтописей Валерія Анціата, т. е. изъ сочиненія писателя, который, какъ мы видѣли, спеціально интересовался секулярными играми, и старшіе современники котораго сами еще видѣли второе празднованіе послѣднихъ. Что это второе празднованіе секулярныхъ игръ дѣйствительно состоялось въ указанномъ Валеріемъ Анціатомъ, Варрономъ, Ливіемъ и Зосимомъ 605/149 г., можно заключить также изъ того обстоятельства, что въ концѣ 714/40 г., т. е. непосредственно передъ истеченіемъ считаемаго послѣ 605/149 г. стодесятилѣтняго періода времени, который въ концѣ республики, согласно господствовавшему тогда новому ученію, принимался за срокъ saeculum'a, Вергилій въ своей четвертой эклогѣ, какъ извѣстно, привѣтствовалъ наступленіе новаго вѣка, будучи, повидимому, убѣжденъ въ томъ, что истекавшій тогда вѣкъ начался именно съ 605/149 г. Наконецъ не лишне будетъ указать здѣсь и на то, что, когда императоръ Веспасіанъ, какъ разъясняетъ Ниссенъ [1]), въ 826/73 г. какъ бы снова основалъ г. Римъ [2]), онъ при этомъ предпріятіи, повидимому, руководился, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что тогда прошло какъ разъ 220 лѣтъ, т. е. два 110-лѣтнихъ saecula послѣ 605/149 г., въ которомъ, по свидѣтельству Варрона и другихъ, состоялись секулярныя игры.

Въ виду приведенныхъ соображеній указанное Цензориномъ противорѣчіе между Валеріемъ Анціатомъ, Варрономъ и Ливіемъ, съ одной стороны, и Пизономъ, Гелліемъ и Геминою — съ другой, можетъ быть устранено, по моему, только однимъ изъ слѣдующихъ двухъ предположеній: или мы имѣемъ тутъ дѣло съ какимъ-то недоразумѣніемъ Цензорина или его источника [1]), вызваннымъ, можетъ быть, шаткостью городскихъ „эръ“, которыя были въ употребленіи во времена Пизона, Геллія и Гемины, и на самомъ дѣлѣ эти анналисты, говоря о датѣ современныхъ имъ секулярныхъ игръ, имѣли въ виду тотъ же самый годъ, какъ и Валерій Анціатъ, Варронъ и Ливій, или же — и это второе предположеніе кажется мнѣ почти столь-же вѣроятнымъ [2]) — вторыя секулярныя игры были отпразднованы два раза, т. е. не только въ 605/149, но и въ 608/146 г., и въ этомъ повтореніи религіознаго акта мы должны усмотрѣть одинъ изъ случаевъ такъ называемыхъ instaurationes (ludorum, sacrorum и т. д.), которыя такъ часто встрѣчаются въ исторіи государственной и частной жизни римлянъ, являясь послѣдствіями какихъ-нибудь дѣйствительныхъ или мнимыхъ ошибокъ и недосмотровъ, случайно допущенныхъ при первомъ совершеніи предполагавшагося религіознаго дѣла [3]). Что касается причинъ, которыя могли привести къ тому, что отпразднованныя въ 605/149 г. игры были возобновлены въ 608/146 г., то эти причины, по всей вѣроятности, заключались главнымъ образомъ въ томъ, что непосредственно послѣ 605/149 г. были высказаны сомнѣнія въ вѣрности той городской „эры“, согласно которой, какъ мы видѣли, 505/249 годъ былъ сочтенъ пятисотымъ, а 605/149 годъ шестисотымъ годомъ по основаніи Рима, и что вмѣсто этой „эры“ тогда стали руководиться другой городской „эрою“, относившею основаніе Рима къ 746 г. до Р. Х., т. е. ко времени, отстоявшему отъ 146 г. до Р. Х. на полныхъ 600 лѣтъ. Что послѣдняя „эра“ дѣйствительно когда то была въ ходу и до возникновенія Варроновой эры

[1]) H. Nissen, Die Stadtgründung der Flavier, въ Rhein. Mus. N. F. XLIX (1894), p. 275 sqq.

[2]) См. Plinius, N. H. III, 65—67.

[1]) Таково мнѣніе Roth'a, изложенное имъ въ статьѣ Ueber die römischen Säcularspiele, въ Rhein. Mus. N. F. VIII (1853), p. 375 sq.

[2]) Ср. также Holzapfel, Röm. Chronol. p. 176 sqq. и Soltau, Röm. Chronol. p. 390 sq., мнѣнія которыхъ отчасти сходны съ моимъ.

[3]) Весьма любопытный примѣръ такой instauratio ludorum приводится древними писателями (Livius II, 36, 1—37, 1. Cicero, De divin. I, 26 и Valerius Maximus II, 7, 4) изъ исторіи 264/490 г. Ср. также Livius V, 52, 9 (по поводу событія 364/390 г.) и Livius XXXIV, 44, 1 sqq. (по поводу событій 559/195 г.).

принадлежала даже къ числу наиболѣе распространенныхъ среди римлянъ вычисленій года основанія ихъ города, можно заключить изъ словъ Іоанна Лида, сопоставляющаго ее съ общепринятою впослѣдствіи Варроновой эрою [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, какой шаткостью отличались разныя вычисленія года основанія Рима, сдѣланныя римлянами до временъ Варрона [2]); любопытно отмѣтить, что уже вскорѣ послѣ 608/146 г. извѣстный анналистъ Л. Кальпурній Пизонъ въ своемъ сочиненіи, написанномъ въ то время, начало седьмого столѣтія Рима отнесъ въ самыхъ опредѣленныхъ словахъ къ 596/158 году (Варроновой эры) [3]), выражая этимъ, повидимому, убѣжденіе, что въ 605/149, а также въ 608/146 г. секулярныя игры состоялись только по ошибкѣ, и что шестисотлѣтіе существованія Рима по вѣрному разсчету должно было бы быть отпраздновано еще въ 596/158 году.

ГЛАВА VII.

Секулярныя игры Августа въ 737/17 г.

Соотвѣтственно съ предписаніемъ древняго сивиллина оракула, во исполненіе котораго въ 505/249 г. были учреждены секулярныя игры, третье празднованіе этихъ игръ должно было бы состояться въ 705/49 (или 708/46?) г. На самомъ дѣлѣ, однако,

---

[1]) См. Ioannes Lydus, De magistr. I, 14: Ῥωμύλος κτίζει τὴν Ῥώμην τῇ πρὸ δεκαμιᾶς καλανδῶν Μαίου κατὰ τὸ τρίτον τῆς ἕκτης ἢ ὡς ἕτεροι κατὰ τὸ δεύτερον τῆς ὀγδόης. И у Веллея Патеркула (I, 8, 4) находится одно хронологическое указаніе, согласно которому Римъ былъ основанъ черезъ 437 лѣтъ послѣ взятія Трои (случившагося въ 1184/3 г. до Р. Х.), т. е. въ 746 г. до Р. Х.

[2]) Особенно интересно въ этомъ отношеніи опредѣленіе Эннія, выражающагося въ своихъ Анналахъ (v. 423 sq.) слѣдующимъ образомъ:

Septingenti sunt paulo plus aut minus anni
Augusto augurio postquam inclita condita Romast.

[3]) Cp. Censorinus c. 17, 13: nostri maiores, quod natura saeculum quantum esset exploratum non habebant, civile ad certum modulum annorum centum statuerunt. Testis est Piso, in cuius annali septimo scriptum est sic: Roma condita anno DC septimum (рукописи: anno D septimo или anno DVII°) saeculum occipit (рукописи: accipit) his consulibus, qui proximi sunt consules: M. Aemilius M. filius Lepidus, C. Popilius II absens.

это торжество, вслѣдствіе вспыхнувшей непосредственно передъ тѣмъ гражданской войны между Цезаремъ и Помпеемъ и продолжавшихся еще долгое время послѣ ея начала политическихъ смутъ, а также вслѣдствіе другой причины, о которой я распространюсь ниже, не состоялось и, повидимому, даже не предполагалось. Только черезъ 32 года послѣ 705/49 г. императоръ Августъ отпраздновалъ секулярныя игры, руководясь при этомъ новымъ ученіемъ о продолжительности человѣческаго поколѣнія или saeculum'а, опредѣлявшимъ послѣднюю не въ сто лѣтъ, какъ это дѣлалось прежде, а въ сто десять лѣтъ, и ссылаясь, какъ на источникъ этого новаго ученія, на слѣдующій сивиллинъ оракулъ:

„Какъ только срокъ самый длинный придетъ человѣческой жизни,
Въ сто десять лѣтъ совершивши свой кругъ, тогда, римлянинъ,
даже
Если ты будешь совсѣмъ забываться, все помни, что надо
Жертвы богамъ приносить безсмертнымъ на Марсовомъ полѣ
Возлѣ обильныхъ водъ Тибра, гдѣ онъ наиболѣе узокъ,
Лишь только солнце на небѣ дневномъ скроетъ свѣтъ свой, и
темень
Ночи на землю сойдетъ. Всерождающимъ Паркамъ ты долженъ
Черныхъ ягнятъ и козлятъ закалать и затѣмъ, по обряду,
Жертвами сдобрить богинь Илиѳій, помогающихъ дѣтямъ
Свѣтъ увидать, а потомъ и Землѣ закалать подобаетъ
Черную супорось. И къ алтарю, посвященному Зевсу,
Бѣлыхъ быковъ приводить надо днемъ, а не ночью; богамъ вѣдь
Жителямъ неба приносятъ дары только днемъ; точно также
Жертвуй и ты. Храмъ же Геры потомъ отъ тебя да получитъ
Свѣтлую телку. Пусть Фебъ Аполлонъ, прозываемый также
Солнцемъ, получитъ такіе-жъ дары, какъ и дочерь Латоны.

Да огласятъ храмъ безсмертныхъ латинскіе гимны, что̀ вмѣстѣ
Дѣвы и отроки хоромъ поютъ. Хороводъ же особый
Дѣвушки пусть составляютъ, и отроки также особый;
Всѣмъ имъ въ живыхъ еще должно имѣть какъ отца, такъ и
матерь.
Пусть божеству на колѣняхъ помолятся въ день тотъ матроны,
Сидя вблизи алтаря всехвалимаго Геры державной.
Нужно давать всѣмъ мущинамъ и женщинамъ, а особливо
Женщинамъ вещи, которыя имъ къ очищенью послужатъ.
Изъ дому всѣ пусть съ собою несутъ все, что смертнымъ обычай
Въ жертву принесть отъ начатковъ плодовъ, какъ дары при-
миренья,
Кроткимъ подземнымъ богамъ, да и жителямъ неба блаженнымъ.
Все это сложеннымъ должно лежать, чтобы, помня, какъ надо,
Ты раздавалъ это въ даръ алтарямъ и актерамъ, участье
Принявшимъ въ играхъ завѣтныхъ. Всѣ дни же и сряду всѣ
ночи
Долженъ народъ собираться толпой многочисленной возлѣ
Мѣстъ, посвященныхъ богамъ; да сольется серьезность съ ве-
сельемъ.
Это-то помни всегда въ своемъ сердцѣ: тогда вся Италья
И вся латиновъ земля всегда будетъ подъ скипетромъ властнымъ
Рукъ твоихъ иго носить на затылкѣ покорномъ и смирномъ“. [1]).

Относительно времени возникновенія этого сивиллина оракула, текстъ котораго сохранился до насъ въ сочиненіяхъ Флегонта и Зосима, приведшихъ его изъ неизвѣстнаго намъ источника [2]), мы не находимъ вполнѣ опредѣленныхъ и ясныхъ

---

[1]) Переводъ сивиллина оракула я сдѣлалъ по тексту, установленному мною въ критическомъ изданіи трактующихъ о секулярныхъ играхъ главъ сочиненія Зосима, помѣщенномъ въ приложеніяхъ моей книги; см. тамъ на стр. XV—XVIII.

[2]) Diels (Sibyllinische Blätter, Berlin 1890, p. 21 sqq.) полагаетъ, что этимъ источникомъ было какое-то сочиненіе стоика Посидонія, который всегда обращалъ особое вниманіе на то, что считалось чудеснымъ. Болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ это мнѣніе, кажется мнѣ предположеніе Wilamowitz'a (у Mommsen'a, въ Ephem.

указаній ни у одного изъ названныхъ писателей. Правда, Флегонтъ, передъ тѣмъ какъ привести оракулъ, разсказываетъ, что „такъ какъ союзники римлянъ не соблюдали договоровъ, а часто отлагались отъ Рима и воевали съ нимъ, то Сивилла прорицала, что отпавшіе латиняне будутъ покорены, если будутъ отпразднованы указанныя (оракуломъ) празднества“ [1]). Но едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что эти слова Флегонта представляютъ собою не старинное свидѣтельство, основывающееся на вполнѣ достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, а только субъективное предположеніе самого автора или заключеніе, которое онъ вывелъ изъ окончательныхъ словъ оракула, предвѣщающихъ покореніе „всей италійской и всей латинской земли“. Къ сожалѣнію, содержащійся въ этихъ словахъ историческій намекъ такъ же неопредѣленъ и не ясенъ, какъ и предложенное Флегонтомъ объясненіе. Неудивительно, поэтому, что и новѣйшіе ученые интерпретировали его каждый по своему и согласно съ этимъ относили оракулъ къ весьма различнымъ временамъ. Такъ, Бергкъ полагалъ [2]), что онъ возникъ незадолго до начала первой гражданской войны и вѣроятнѣе всего въ 666/88 г., когда, какъ разсказываетъ Плу-

---

epigr. VIII, p. 234), что Флегонтъ и Зосимъ почерпнули свои свѣдѣнія объ этомъ сивиллиномъ оракулѣ, а Флегонтъ (Mirab. c. 10) также еще о двухъ другихъ, изъ того-же греческаго источника, которымъ Плиній Старшій (VII, 48, 153—50, 164) пользовался при составленіи своей главы о долго жившихъ людяхъ.

[1]) Phlegon, Macrobii c. 4 (ed. O. Keller): τὴν δὲ γενεὰν Σίβυλλα ἱστορεῖ ἐτῶν ἑκατὸν δέκα ἐν τῷ χρησμῷ τῷ πρὸς Ῥωμαίους περὶ τῶν αἰωνίων θε<ωρι>ῶν [coniecit W(estermann); codices: θεῶν], ἃ Ῥωμαῖοι σεκουλάρια καλοῦσι. τῶν γὰρ συμμάχων αὐτῶν καὶ κοινωνῶν μὴ ἐμμενόντων ταῖς συνθήκαις, ἀλλὰ πυκνὰ μεταβαλλομένων καὶ πολεμούντων αὐτοῖς ἡ Σίβυλλα ἐχρησμῴδησεν, ἐπιτελεσθεισῶν τῶν θεωριῶν τούτων ὑποταγήσεσθαι τοὺς ἀφεστῶτας Λατίνους. εἰσὶν δὲ οἱ χρησμοὶ οἵδε.

[2]) Bergk, Augusti rerum a se gestarum ind. p. 76. — Раньше Бергка Klausen, Aeneas und die Penaten, vol. I (Hamb. 1839), p. 266 высказалъ мнѣніе, что оракулъ, можетъ быть, былъ составленъ послѣ (фиктивныхъ) игръ 518/236 г., или что, по крайней мѣрѣ, его авторъ мысленно перенесся въ это время.

тархъ (Sulla c. 7), умы римлянъ были взволнованы случившимися тогда въ Римѣ прогиміями, которыя, по мнѣнію вопрошенныхъ по этому поводу этрусскихъ гадателей, указали на наступленіе новаго поколѣнія или вѣка.—Противъ этого предположенія Бергка возражаетъ Дильсъ [1]), указывая на то, что употребленныя въ заключительныхъ стихахъ оракула выраженія χθὼν Ἰταλή и Λατῖνος едва-ли представляютъ собою техническіе, т. е основанные на государственномъ правѣ, термины, и что поэтому не слѣдуетъ усматривать въ нихъ намековъ на союзническую войну (664/90—666/88 г.), къ которой Флегонтъ самъ, какъ кажется, относитъ возникновеніе всего оракула. Съ такимъ хронологическимъ опредѣленіемъ не согласуется, по мнѣнію Дильса, уже то обстоятельство, что въ указанное время римляне не только не отпраздновали секулярныхъ игръ, но даже не намѣревались устроить ихъ. Въ виду этого Дильсъ считаетъ гораздо болѣе правдоподобнымъ связать возникновеніе оракула съ тѣмъ празднованіемъ секулярныхъ игръ, которое на основаніи его состоялось при Августѣ въ 737/17 году. Въ пользу этого предположенія [2]) говоритъ, по его мнѣнію, особенно то обстоятельство, что, за исключеніемъ немногихъ пунктовъ, между выработанною Атеемъ Капитономъ оффиціальною программою празднества Августа, а также относящимся къ нему гимномъ Горація, съ одной стороны, и сивиллинымъ оракуломъ — съ другой существуетъ вообще полное согласіе, а данное оракуломъ опредѣленіе человѣческаго поколѣнія или saeculum'а въ 110 лѣтъ, будучи впервые извлечено Варрономъ изъ халдейскихъ источниковъ, самымъ настоятельнымъ образомъ было подтверждено Августомъ и возвѣщено всему народу черезъ посредство Горація. Предположеніе, высказанное Дильсомъ, было принято большинствомъ филологовъ, трактовавшихъ въ новѣйшее время о приведенномъ Флегонтомъ и Зосимомъ сивиллиномъ оракулѣ; въ особенности Кристъ [1]) и Фридрихъ [2]) выступили въ защиту его. По мнѣнію перваго изъ названныхъ ученыхъ разсматриваемый нами памятникъ греко-римской религіозной литературы есть ничто иное какъ vaticinium post eventum или точнѣе vaticinium post rem ab Augusto decretam и былъ сочиненъ по указаніямъ Августа и его помощниковъ въ устройствѣ секулярныхъ игръ, особенно Атея Капитона, незадолго до того времени, какъ предполагавшееся празднованіе дѣйствительно состоялось. Еще дальше Криста идетъ Фридрихъ, высказывая мнѣніе, что въ составленіи сивиллина оракула принялъ участіе также Горацій, какъ поэтъ, имѣвшій когда-то практику въ сочиненіи греческихъ стиховъ; это предположеніе Фридрихъ старается подтвердить указаніемъ на нѣкоторое сходство, которое, по его мнѣнію, существуетъ между языкомъ сивиллина оракула и языкомъ секулярнаго гимна Горація.

Въ противоположность Дильсу и другимъ ученымъ, придерживающимся такого же мнѣнія, какъ онъ, Моммзенъ [3]) полагаетъ, что разсматриваемый нами оракулъ относится къ мнимымъ, т. е. выдуманнымъ коллегіею квиндецимвировъ при Августѣ ludi saeculares 628/126 г., именно ко времени, которое непосредственно предшествовало вспыхнувшему въ 629/125 г. возстанію латинскаго городка Fregellae, и что составитель оракула, имѣя въ виду ученіе о происходящей каждые 440 лѣтъ παλιγγενεσία и принимая наступившій въ 628/126 г. вѣкъ

---

[1]) Diels, Sibyllinische Blätter (Berlin 1890), p. 14 sq.

[2]) Оно мимоходомъ было высказано уже раньше Hecker'омъ, De Apollinis apud Romanos cultu (Dissert. inaug. Lips. 1879), p. 52, а подобнаго мнѣнія придерживалось, повидимому, также большинство прежнихъ ученыхъ, затрогивавшихъ вопросъ объ отношеніи, существовавшемъ между сивиллинымъ оракуломъ и секулярными играми Августа.

[1]) Christ, Horatiana (въ Sitzungsberichte d. philos.-philol. u. d. hist. Cl. d. K. bayer. Akad. d. Wiss. 1893, Heft 1, p. 138 sq.).

[2]) Friedrich, Q. Horatius Flaccus. Philol. Untersuchungen (Lpz. 1894), p. 102 sq.

[3]) Mommsen, Commentaria ludorum saecularium quintorum et septimorum, въ Ephemeris epigraphica vol. VIII (Berol. 1892), p. 234 sqq.

за четвертый изъ составляющихъ этотъ періодъ четырехъ 110-лѣтнихъ вѣковъ, началомъ всего періода считалъ 298/456 г. При этомъ Моммзенъ ставитъ вопросъ, сочинилъ ли сивиллистъ свой оракулъ въ самый годъ возстанія Фрегеллъ, побужденный надеждою, что устройствомъ секулярныхъ игръ можно будетъ отвратить возстаніе, или же онъ сочинилъ его позже съ цѣлью доказать вѣрующимъ, что бѣдствія союзнической или италійской войны не случились бы, еслибы римляне во время отпраздновали указанныя игры. Не рѣшаясь высказаться вполнѣ опредѣленно въ пользу одной изъ этихъ двухъ возможностей, но полагая всетаки, что вторая правдоподобнѣе первой, Моммзенъ считаетъ несомнѣннымъ только то, что оракулъ возникъ еще задолго до устройства Августомъ секулярныхъ игръ, и что провозглашенное въ его первыхъ стихахъ ученіе о 110-лѣтнемъ saeculum'ѣ было извѣстно уже Варрону.

Чтобы получить какую-нибудь опору при рѣшеніи столь спорнаго вопроса о времени возникновенія интересующаго насъ здѣсь сивиллина оракула, мы должны, по моему мнѣнію, исходить прежде всего изъ одного достовѣрнаго факта исторіи и литературы, на который другіе ученые не обращали никакого вниманія. Этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что въ 671/83 г., когда сгорѣлъ Капитолійскій храмъ, вмѣстѣ съ нимъ сгорѣли также древнія сивиллины книги, которыя тамъ искони хранились [1]), и что лишь послѣ этого былъ составленъ тотъ новый сборникъ сивиллиныхъ оракуловъ, который существовалъ во времена Августа и позже. Правда, дошедшія до насъ у Діонисія Галикарнасскаго [2]), Тацита [3]) и Лактанція [1]) свѣдѣнія о способѣ составленія этого новаго сборника, заимствованныя названными писателями непосредственно или косвенно у Варрона, бывшаго современникомъ указаннаго событія, не отличаются, къ сожалѣнію, большой подробностью и сообщаютъ только о томъ, какъ послѣ возстановленія Капитолійскаго храма, по предложенію консула Гая Куріона, въ 678/76 г. сенатъ отправилъ особое посольство въ г. Эриѳры съ порученіемъ собрать тамъ сивиллины оракулы и привезти ихъ въ Римъ; какъ этому посольству, состоявшему изъ трехъ лицъ, принадлежавшихъ, безъ сомнѣнія, къ коллегіи квиндецимвировъ, П. Габинія, М. Отацилія и Л. Валерія, удалось собрать около 1000 стиховъ, списанныхъ частными лицами, и доставить ихъ въ Римъ; какъ, кромѣ того, оракулы Сивиллъ были собраны также въ другихъ мѣстахъ и въ особенности на островѣ Самосѣ, въ г. Иліи, въ Сициліи, въ Африкѣ и въ италійскихъ колоніяхъ; и какъ, наконецъ, по распоряженію консуловъ 678/76 г. Куріона и Октавія, всѣ эти прорицанія, провѣренныя по возможности жрецами (квиндецимвирами), снова были сданы на сохраненіе въ возстановленный Капитолійскій храмъ.—Но какъ бы скудны ни были всѣ эти свѣдѣнія, ясно

---

[1]) Dionys. Halic., Ant. Rom. IV, 62 extr.

[2]) Dionys. Hal., Ant. Rom. IV, 62 extr.: οἱ δὲ νῦν ὄντες (χρησμοὶ) ἐκ πολλῶν εἰσι συμφόρητοι τῶν τόπων· οἱ μὲν ἐκ τῶν ἐν Ἰταλίᾳ πόλεων κομισθέντες, οἱ δ' ἐξ Ἐρυθρῶν τῶν ἐν Ἀσίᾳ δόγμα βουλῆς ἀποσταλέντων πρεσβευτῶν ἐπὶ τὴν ἀντιγραφήν· οἱ δ' ἐξ ἄλλων πόλεων καὶ παρ' ἀνδρῶν ἰδιωτῶν μεταγραφέντες.

[3]) Tacitus, Ann. VI, 12: Quod a maioribus quoque decretum erat post exustum sociali bello Capitolium, quaesitis Samo Ilio Erythris, per Africam etiam ac Siciliam et Italicas colonias carminibus Sibyllae, una seu plures fuere, datoque sacerdotibus negotio, quantum humana ope potuisset, vera discernere.

[1]) Lactantius, Instit. divin. I, 6, 14: Fenestella, diligentissimus scriptor, de XV viris dicens ait, restituto Capitolio retulisse ad senatum C. Curionem Cos., ut legati Erythras mitterentur, qui carmina Sibyllae conquisita Romam deportarent; itaque missos esse P. Gabinium, M. Otacilium, L. Valerium, qui descriptos a privatis versus circa mille Romam deportarunt. Idem supra ostendimus dixisse Varronem. Ср. тамъ же I, 6, 11: quorum (librorum) postea numerus sit auctus, Capitolio refecto, quod ex omnibus civitatibus et Italicis et Graecis et praecipue Erythraeis (читай: Erythris) coacti adlatique sint Romam, cuiuscunque Sibyllae nomine fuerint.—De ira Dei 22, 6: Fenestella vero etiam legatos Erythras a senatu esse missos refert, ut huius Sibyllae carmina Romam deportarentur et ea consules Curio et Octavius in Capitolio, quod tunc erat curante Q. Catulo restitutum, ponenda curarent.

вытекаетъ изъ нихъ то, что возстановленіе погибшихъ сивиллиныхъ книгъ или, точнѣе говоря, собираніе новыхъ оракуловъ, которые могли бы замѣнить прежніе, составляло одну изъ главнѣйшихъ заботъ государственныхъ мужей того времени и представляло собою дѣло, которое не могло быть окончено въ теченіе одного года. Не можетъ, поэтому, подлежать сомнѣнію, что эта забота начала проявляться еще за нѣсколько лѣтъ до указаннаго въ традиціи 678/76 г. или года редакціи новаго сборника оракуловъ, а именно сейчасъ послѣ пожара Капитолійскаго храма и еще въ то время, когда во главѣ римскаго государства стоялъ Сулла, этотъ ревностный и суевѣрный почитатель Аполлона (ἀλεξίκακος) [1]), столь усердно заботившійся о жреческихъ дѣлахъ вообще [2]) и увеличившій, по всей вѣроятности, также число децемвировъ sacris faciundis до пятнадцати [3]). Едва-ли мы ошибемся, если будемъ утверждать, что самъ Сулла немало интересовался собираніемъ новаго сборника сивиллиныхъ оракуловъ, и что тогда-же возникли нѣкоторыя прорицанія, составленныя отчасти въ угоду ему, какъ верховному владыкѣ римскаго государства, и намекавшія на это значеніе его. Такой намекъ я усматриваю вмѣстѣ съ Моммзеномъ [4]) въ предпослѣднемъ стихѣ второго изъ приведенныхъ Флегонтомъ (Mirab. c. 10) оракуловъ объ андрогинахъ, возникновеніе которыхъ Дильсъ [5]) безъ особенно уважительныхъ доводовъ относитъ ко времени второй пунической войны. Этимъ стихомъ Τρῶς δῆτ' ἐκλύσει σε κακῶν ἅμα δ' Ἑλλάδος ἐκ γῆς едва-ли можетъ быть обозначенъ какой-либо другой мужъ, кромѣ Суллы, чрезвычайно благоволившаго къ жителямъ Трои [6]) и послѣ возвращенія своего изъ Малой

---

[1]) Valerius Maximus I, 2, 3 и Plutarch., Sulla 29.

[2]) Livius, Epit. 89; Pseudo-Asconius, In Divin. p. 102; Aurelius Victor, De vir. ill. 75.

[3]) Cp. Marquardt, Röm. Staatsver. III, p. 365.

[4]) См. Ephemeris epigr. VIII, p. 234 n. 3.

[5]) Sibyllinische Blätter, p. 77 sqq.

[6]) Appian., Mithrid. 53. Cassius Dio, fragm. 104, 7 ed. Dindorf. Strabo XIII, p. 594. Orosius VI, 2. Augustinus, De civ. Dei III, 7.

Азіи и Греціи въ 671/83 г. освободившаго Италію и Римъ отъ бѣдствій гражданской войны. Точно также мнѣ кажется, что и въ двухъ заключительныхъ стихахъ интересующаго насъ здѣсь сивиллина оракула о секулярныхъ играхъ

καί σοι πᾶσα χθὼν Ἰταλὴ καὶ πᾶσα Λατίνων
αἰὲν ὑπὸ σκήπτροισιν ἐπαυχένιον ζυγὸν ἕξει

мы должны скорѣе всего видѣть намекъ на того мужа, который своими кровавыми побѣдами надъ приверженцами Марія и Цинны и въ особенности надъ самнитянами и ставшими на сторону молодого Марія жителями латинскаго города Пренесте положилъ конецъ первой гражданской войнѣ, покоривъ какъ эти, такъ и другіе италійскіе народы, участвовавшіе въ борьбѣ противъ него [1]), и получивъ въ качествѣ диктатора, назначеннаго на неопредѣленное время, т. е. на всегда, верховную и по истинѣ тиранническую власть надъ всей римской республикой [2]).—Не имѣя никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что въ составлявшійся съ 671/83 по 678/76 г. новый сборникъ сивиллиныхъ книгъ тогда-же вошелъ и разсматриваемый нами оракулъ, я полагаю, что одною изъ причинъ возникновенія его были тѣ ожиданія наступленія новаго поколѣнія или вѣка, которыя еще за нѣсколько лѣтъ до побѣды Суллы стали распространяться среди римскаго народа вслѣдствіе того, что разныя предзнаменованія, случившіяся въ 666/88 г., были истолкованы этрусскими гадателями, спрошенными по этому поводу римскимъ сенатомъ, именно въ такомъ смыслѣ [3]).

---

[1]) Въ какой степени римскій сенатъ подозрѣвалъ многія латинскія общины въ непокорности даже послѣ окончанія такъ называемаго bellum sociale, видно, между прочимъ, изъ epistula praetoris ad Tiburtes (C. I. L. I, p. 107 sq.), относящейся, по весьма вѣроятному предположенію Моммзена, къ 676/78 г.

[2]) По справедливости Аппіанъ (Bell. civ. I, 99) выражается о диктатурѣ Суллы такъ: τυραννὶς ἐγίγνετο ἐντελής.

[3]) Plutarch., Sulla 7. Хотя разсказанное здѣсь предсказаніе этрусскихъ гадателей о наступленіи въ 666/88 г. новаго вѣка находится, повидимому, въ связи съ ученіемъ этрусковъ о предназначенныхъ ихъ народу десяти вѣкахъ (ср. Censorinus 17, 6 и Momm-

Къ этому присоединяется еще то, что въ Суллѣ усматривали какъ бы олицетвореніе счастья, ожидаемаго послѣ смутъ гражданской войны вмѣстѣ съ наступленіемъ новаго вѣка, и потому прославляли его прозвищемъ Felix [1]); какъ счастливецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ поклонникъ и любимецъ Аполлона ἀλεξίκακος, покровительствовавшій жреческимъ коллегіямъ, особенно коллегіи квиндецимвировъ, и славившійся своимъ предкомъ Корнеліемъ Руфомъ, какъ мужемъ, который въ качествѣ децемвира sacris faciundis, слѣдуя указаніямъ сивиллиныхъ книгъ, содѣйствовалъ учрежденію въ 542/212 г. Аполлинарскихъ игръ и потому, согласно традиціи, получилъ прозвище Sibylla, измѣнившееся впослѣдствіи въ Sulla [2]), диктаторъ Сулла не безъ основанія могъ казаться иному сивиллисту, вышедшему, можетъ быть, даже изъ среды коллегіи квиндецимвировъ, тѣмъ лицомъ, которому вмѣстѣ со всѣмъ римскимъ народомъ слѣдовало бы отпраздновать секулярныя игры и такимъ образомъ обезпечить себѣ постоянное владычество не только надъ латинянами и всей Италіею, но и надъ остальными странами римскаго государства.—Къ Суллѣ, игравшему столь необычайную и кровавую роль въ гражданскихъ смутахъ того времени, наиболѣе подходитъ, какъ мнѣ кажется,

sen, Röm. Chronol.², p. 188 sqq.), но не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ оно было отнесено ими и вопросившимъ ихъ сенатомъ ко всему римскому народу.

Въ ожиданіяхъ наступленія новаго вѣка, распространившихся въ Римѣ въ 666/88 г., я усматриваю также одно изъ обстоятельствъ, которыя во время первой гражданской войны, какъ разсказываютъ Саллюстій (Histor. fragm. I, 61 Kritz) и Плутархъ (Sertorius 8 sq.), навели Серторія на мысль направиться за столбы Геркулеса къ сказочнымъ островамъ блаженныхъ, чтобы тамъ основать счастливое государство.

[1]) Velleius Paterculus II, 27; Appian., Bell. civ. I, 97 и 105; Plutarch., Sulla 34.

[2]) Macrobius, Saturn. I, 17, 27, а также Servius, Ad Verg. Aen. VI, 70, гдѣ, впрочемъ, традиція не вѣрно понята, и Charisius I, 18, 20 (p. 110 Keil).

и то обращеніе къ „римлянину“, въ которомъ оракулъ (стихъ 3) настойчиво увѣщеваетъ его помнить о предписанномъ Сивиллою секулярномъ культѣ даже въ томъ случаѣ, если онъ совсѣмъ будетъ „забываться“, т. е. если онъ не будетъ поступать такъ, какъ этого требовали достоинство и личная gravitas римлянина [1]).

Что касается другихъ особенностей новаго сивиллина оракула о секулярныхъ играхъ, возникшаго, по моему мнѣнію, только что указаннымъ образомъ, то прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что онъ вообще не имѣетъ акростихической формы, какою, по свидѣтельствамъ Цицерона и Діонисія Галикарнасскаго [2]), отличались прорицанія прежнихъ сивиллиныхъ книгъ, и только въ шести стихахъ его (25—30) мы можемъ найти такой акростихъ, а именно слово δαπεδο (вмѣсто δάπεδον), намекающее, какъ мнѣ думается, на прозванную Тарентомъ мѣстность Марсова „поля“, гдѣ при секулярныхъ играхъ происходили священныя жертвоприношенія. Усматривая въ этихъ шести стихахъ не безъ нѣкотораго основанія отголосокъ прежняго оракула о секулярныхъ играхъ, мы по отношенію къ остальному тексту новаго прорицанія не можемъ не притти къ заключенію, что составитель его не при-

[1]) Слова эти μεμνῆσθαι, Ῥωμαῖε, καὶ εἰ μάλα λήσει ἑαυτοῦ таково возстановленное мною по рукописямъ Флегонта чтеніе третьяго стиха (см. приложенія, стр. XVI)—чрезвычайно характерны, такъ какъ являются, повидимому, переводомъ латинскаго выраженія sui oblivisci, встрѣчающагося особенно часто у римскихъ писателей перваго вѣка по Р. Х. (Сенеки, Петронія, Валерія Флакка и др.), но и раньше (напр. у Вергилія, Aen. III, 629). Едва-ли, однако, изъ этого выраженія можно будетъ вывести болѣе опредѣленное и точное заключеніе о времени возникновенія оракула, нежели это позволяется сдѣлать при общей оцѣнкѣ особенностей фразеологіи, грамматическаго строя и стихосложенія послѣдняго, указывающихъ только на то, что этотъ литературный памятникъ является продуктомъ греко-римской учености перваго вѣка до Р. Х.

[2]) Cicero, De divinatione II, 112 sq. и Dionys. Halic., Antiq. Rom. IV, 62, 6. Ср., въ особенности, Diels, Sibyllinische Blätter, p. 25 sqq.

держивался древняго оригинала, погибшаго при пожарѣ Капитолійскаго храма, другими словами, что онъ, повидимому, не имѣлъ подъ руками случайной копіи этого оригинала и также не зналъ всего текста его въ точности на память. Этимъ объясняется какъ то обстоятельство, что предписанный въ новомъ оракулѣ ритуалъ секулярныхъ игръ значительно отличается отъ ритуала, предписаннаго въ прежнемъ сивиллиномъ прорицаніи, такъ и то, что вмѣсто древняго опредѣленія saeculum'a въ сто лѣтъ здѣсь введено новое ученіе, опредѣляющее длиннѣйшій срокъ человѣческой жизни въ сто десять лѣтъ.

Если мы теперь спросимъ, на чемъ основывается во 1) указанное различіе новаго ритуала отъ прежняго, и во 2) новое ученіе о 110-лѣтнемъ saeculum'ѣ, то на первый изъ этихъ вопросовъ мы можемъ отвѣтить только предположеніемъ, соотвѣтствующимъ тому, которое мы подробно изложили въ главахъ II—IV о происхожденіи и древнѣйшемъ религіозномъ значеніи обрядовъ секулярныхъ игръ вообще. Тамъ мы старались доказать, что въ первоначальномъ основаніи какъ грекотарентинскихъ Гіакинѳій, такъ и родовыхъ sacra Валеріевъ, изъ сліянія и смѣшенія которыхъ возникъ, по нашему мнѣнію, культъ секулярныхъ игръ, лежали одинаковые миѳически-религіозные элементы, а именно почитаніе солнечнаго и луннаго божествъ, какъ владыкъ не только небеснаго и надземнаго, но и подземнаго міра, вліяющихъ на всѣ стороны человѣческаго существованія, какъ земного, такъ и загробнаго. Изъ этихъ основныхъ элементовъ культъ первыхъ секулярныхъ игръ предоставилъ преобладающее значеніе тѣмъ сторонамъ ихъ, которыя касались преимущественно загробной жизни человѣка, и согласно этому Dis и Prosergina играли въ немъ, повидимому, первенствующую или даже исключительную роль какъ подземныя власти. Однако болѣе широкій и всеобъемлющій смыслъ древнѣйшихъ культовъ, изъ которыхъ возникли обряды секулярныхъ игръ, не затерялся совсѣмъ въ религіозномъ сознаніи или полусознаніи ихъ поклонниковъ, и расширеніе, развѣтвленіе и кажущееся измѣненіе этихъ обрядовъ, какъ оно представляется въ новомъ сивиллиномъ оракулѣ о

секулярныхъ играхъ, было по существу только возвращеніемъ къ первоначальному обширному смыслу основныхъ культовъ. Конечно, невозможно теперь указать съ достовѣрностью, при какихъ условіяхъ это случилось, и насколько тутъ дѣйствовали также постороннія данныя, первоначально не входившія въ тотъ кругъ миѳически-религіозныхъ идей, изъ котораго возникли Гіакинѳіи и родовыя sacra Валеріевъ. Такъ, напр., мы не въ состояніи непосредственно вывести изъ послѣдняго той выдающейся роли, которую предписанный новымъ оракуломъ ритуалъ секулярныхъ игръ предоставилъ Зевсу-Юпитеру и Герѣ-Юнонѣ на ряду съ Аполлономъ и Діаною, съ одной стороны, и Парками, Илиѳіями и Землею — съ другой; весьма возможно, что тутъ дѣйствовали совершенно новыя религіозныя соображенія національно-римскаго свойства, указывавшія на необходимость включить въ культъ секулярныхъ игръ также тѣ божества, которыя являлись наиболѣе почитавшимися у римлянъ членами Капитолійской тріады, игравшими роль настоящихъ dii tutelares, между прочимъ, также въ виду счастливаго предзнаменованія, усматривавшагося въ ихъ именахъ [1]). Что же касается подземныхъ божествъ, то въ новомъ ритуалѣ Dis и Prosergina замѣнялись Парками, Илиѳіями и Землею; первыя и послѣдняя изъ нихъ, какъ мы раньше видѣли, играли также нѣкоторую роль при культѣ Гіакинѳа, между тѣмъ какъ Илиѳіи являлись только отпрысками или развѣтвленіями религіознаго значенія Юноны или Діаны.

Не рѣшаясь дольше остановиться на многочисленныхъ и чрезвычайно трудныхъ и сложныхъ вопросахъ, которые возникаютъ при разсмотрѣніи затронутыхъ здѣсь данныхъ древней религіи грековъ и римлянъ, я приступлю къ разбору второй изъ вышеуказанныхъ нами особенностей новаго сивиллина оракула о секулярныхъ играхъ, а именно приводимаго въ немъ ученія о 110-лѣтнемъ saeculum'ѣ. Чтобы быть въ состояніи отвѣтить на навязывающійся тутъ самъ собою вопросъ о про-

---

[1]) Ср. Birt, De Romae urbis nomine (въ Index lect. acad. Marburg. 1887), p. XIII sq.

исхожденіи этого ученія, вопросъ, который до сихъ поръ былъ обойденъ всѣми учеными, трактовавшими о секулярныхъ играхъ, но который несомнѣнно заслуживаетъ особаго вниманія, мы должны обратиться къ источникамъ, которые на первый взглядъ покажутся нѣсколько отдаленными отъ греко-римской жизни. „Стодесятилѣтній возрастъ“ — такъ говоритъ извѣстный египтологъ Деверіа [1])—„былъ, согласно ученію египтянъ, крайній и естественный предѣлъ человѣческой жизни. Это вытекаетъ съ несомнѣнностью изъ нѣсколькихъ надписей, въ которыхъ встрѣчаются аналогичныя формулы. Такъ, напр., на базѣ группы № 5 коллекціи Louis Fould, находящейся нынѣ въ Луврѣ, мы читаемъ слѣдующія слова послѣ небольшого пробѣла: „Да продлитъ божество мое счастливое существованіе, да подаритъ оно мнѣ 110 лѣтъ, какъ срокъ, на который жизнь имѣетъ полное право“. Такъ же читается на одномъ жертвенникѣ Британскаго Музея: „Поклоненіе богу Ита... Да соизволитъ онъ, чтобы мое существованіе на землѣ продолжалось 110 лѣтъ“, а на одной стелѣ Серапея въ Мемфисѣ (3-я часть, табл. 21), вслѣдъ за молитвою къ Озирису, написано: „Дари мнѣ жизнь, здоровье и силу, совершенство двухъ міровъ, старость (это слово дважды повторено) долгую на землѣ, рядъ лѣтъ счастливой жизни, чтобы достигнуть освященія (т. е. смерти) въ мирѣ послѣ 110 лѣтъ на землѣ”. Авторъ нравственнаго трактата, извѣстнаго подъ именемъ папируса Prisse, хвастается даже тѣмъ, что онъ дожилъ до этого исключительнаго возраста (Chabas, Le plus ancien livre du monde, p. 21)“.

Принимая во вниманіе эти памятники, подобныхъ которымъ въ египетской литературѣ встрѣчается еще множество другихъ [2]), мы не можемъ не притти къ заключенію, что выставленное въ новомъ сивиллиномъ оракулѣ о секулярныхъ

[1]) Devéria, Monument biographique de Bakenkhonsou, въ Mémoires de l'Institut Égyptien I, p. 709.

[2]) Ср. Brugsch, Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen (Lpz. 1877), p. 22 и, въ особенности, Wiedemann, Herodots zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen (Lpz. 1890), p. 325.

играхъ ученіе о 110-лѣтней продолжительности человѣческой жизни или о 110-лѣтнемъ saeculum'ѣ проникло къ римлянамъ изъ Египта. Такое заключеніе не должно насъ поражать. Уже задолго до того времени, въ которое, по всей вѣроятности, возникъ разсматриваемый нами оракулъ, между египетскою и греко-италійскою культурою установились довольно тѣсныя отношенія [1]), а извѣстный грамматикъ Alexander Polyhistor, получившій въ 82 г. отъ Суллы римское гражданство, собиралъ, какъ кажется, для своего патрона множество свѣдѣній о египетской жизни, которыя онъ потомъ изложилъ въ спеціальномъ сочиненіи Αἰγυπτιακά [2]). Такимъ образомъ и съ этой стороны не представляется никакихъ препятствій къ тому, чтобы возникновеніе новаго сивиллина оракула о секулярныхъ играхъ отнести къ указанной нами эпохѣ.—Еще больше подкрѣпляется это предположеніе слѣдующими двумя обстоятельствами. Въ 711/43 г. Варронъ въ своемъ сочиненіи De gente populi Romani выступилъ съ почерпнутымъ имъ изъ трактатовъ какихъ-то астрологовъ-предсказателей (genethliaci quidam) ученіемъ о возрожденіи человѣка (παλιγγενεσία), происходящемъ каждыя 440 лѣтъ вслѣдствіе того, что одно и тоже тѣло и одна и таже душа, которыя нѣкогда были сое-

[1]) Ср. Lombroso: L'Egitto al tempo de' Greci e Romani (Roma 1882).

[2]) О жизни и литературной дѣятельности этого грамматика наилучше трактуютъ Susemihl, Litt. Gesch. d. Alex. II, 356—364 и Schwartz, въ Pauly-Wissowa's Real-Encycl. d. klass. Alt. I, 2, col. 1449 sqq. Любопытно отмѣтить, что этотъ-же Alexander Polyhistor немало занимался также прорицаніями Сивиллъ (см. Maass, въ Hermes XVIII 1883, p. 321 sqq.) и между прочимъ написалъ даже спеціальное сочиненіе περὶ τοῦ ἐν Δελφοῖς χρηστηρίου, изъ котораго Павсаній (X, 12, 1—10), какъ доказалъ Maass (De Sibyll. indic., p. 4 sqq.), почерпнулъ свой каталогъ Сивиллъ. Не было ли это сочиненіе вызвано отчасти тѣмъ интересомъ, съ которымъ Сулла относился къ культу Аполлона, и не можемъ ли мы даже предположить, что новый сивиллинъ оракулъ о секулярныхъ играхъ возникъ не безъ участія кліента диктатора, свѣдущаго въ тайнахъ египетской и дельфійской религій?

динены въ одномъ человѣкѣ, тогда соединяются снова [1]). Если сопоставить съ этой теоріей распространенныя въ древности повсюду представленія о четырехъ человѣческихъ поколѣніяхъ или вѣкахъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ указанный 440-лѣтній періодъ входили четыре 110-лѣтнихъ человѣческихъ поколѣнія, и что такимъ образомъ цитованные Варрономъ предсказатели основывали свою теорію на другомъ, извѣстномъ имъ, повидимому, изъ сивиллина оракула, ученіи о 110-лѣтнемъ saeculum'ѣ [2]). Это ученіе, однако, не было воспринято одними только предсказателями и Варрономъ, но проникло и въ болѣе широкія сферы тогдашняго римскаго общества. Это вытекаетъ изъ того обстоятельства, что въ концѣ 714/40 г., какъ мы уже видѣли, Вергилій въ своей извѣстной четвертой эклогѣ привѣтствовалъ ожидавшееся тогда, повидимому, многими наступленіе новаго вѣка [3]), считая, безъ

[1]) Augustinus, De civ. Dei XXII, 28: Mirabilius autem quiddam Marcus Varro ponit in libris, quos conscripsit de gente populi Romani; cuius putavi verba ipsa ponenda: „Genethliaci quidam scripserunt, inquit, esse in renascendis hominibus quam appellant παλιγγενεσίαν Graeci; hac scripserunt confici in annis numero quadringentis quadraginta, ut idem corpus et eadem anima, quae fuerint coniuncta in homine aliquando, eadem rursus redeant in coniunctionem". Iste Varro quidem sive illi genethliaci nescio qui (non enim nomina eorum prodidit, quorum commemoravit sententiam) aliquid dixerunt, quod и т. д.

[2]) Ср. Scholia Проба in Verg. Bucol. 4, 4: Sibylla Cumana post quattuor saecula παλιγγενεσίαν futuram cecinit.

[3]) Насколько распространено было тогда это ожиданіе, согласно которому въ 715/39 г. слѣдовало бы отпраздновать даже секулярныя игры, можно заключить также изъ того обстоятельства, что въ томъ мѣстѣ сочиненія Зосима (II, 4, 2), гдѣ приводится хронологія секулярныхъ игръ, въ одну рукопись этого сочиненія (см. примѣчаніе наше къ данному мѣсту, на стр. XIII приложеній) вкралась интерполяція, заключающая въ себѣ ошибочное показаніе, что Августомъ были отпразднованы секулярныя игры въ консульство Луція Цензорина и Гая Сабина (715/39 г.). По вѣрному замѣчанію Roth'a (Ueber die röm. Säcularspiele, въ Rhein. Mus. N. F. VIII 1853, p. 375) и Schoemann'a (De Romanorum anno saeculari,

сомнѣнія, истекавшій въ томъ году вѣкъ съ 605/149 г., т. е. съ эпохи послѣдняго (по его мнѣнію) празднованія секулярныхъ игръ, до 715/39 года и придерживаясь такимъ образомъ новаго ученія о 110-лѣтнемъ saeculum'ѣ, провозглашеннаго разсматриваемымъ нами секулярнымъ оракуломъ [1]).

Всѣ приведенныя мною до сихъ поръ данныя болѣе или менѣе опредѣленно противорѣчатъ высказанному Дильсомъ и другими предположенію, что упомянутый оракулъ возникъ въ эпоху императора Августа въ виду предполагавшихся послѣднимъ секулярныхъ игръ, а согласуются наилучше съ защищаемымъ мною мнѣніемъ, согласно которому происхожденіе его должно быть отнесено къ эпохѣ Суллы, именно къ послѣднимъ годамъ его жизни, когда послѣ пожара Капитолійскаго храма началось возстановленіе сгорѣвшихъ тогда старыхъ сивиллиныхъ книгъ, сводившееся въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, къ замѣнѣ послѣднихъ новыми, болѣе или менѣе тщательно провѣренными книгами, которыя были собраны чуть ли не во всѣхъ мѣстахъ римскаго государства и, насколько намъ извѣстно [2]), не подвергались уже послѣ этого времени никакимъ произвольнымъ измѣненіямъ, вставкамъ или другимъ извращеніямъ, а напротивъ тщательно сохранялись въ своемъ первоначальномъ видѣ, установленномъ еще въ 678/

въ Opuscula academica, Berol. 1856, vol. I, p. 56), эта интерполяція могла возникнуть только вслѣдствіе того, что автору ея изъ другихъ источниковъ извѣстно было убѣжденіе современниковъ 715/39 г., согласно которому въ этомъ году наступилъ новый вѣкъ, долженствовавшій быть отпразднованнымъ секулярными играми.

[1]) Подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ секулярныхъ идей, которыя Вергилію внушили его четвертую эклогу, возникла также знаменитая 16 эпода Горація, исполненная утопическихъ надеждъ и приглашавшая римлянъ осуществить эти надежды на дальнемъ западѣ. Ср., въ особенности, Kiessling (въ Philol. Untersuchungen II, Berlin 1881, p. 112 sqq.) и Plüss, Die 16. Epode des Horatius (въ Neue Jahrb. f. Philol. u. Pädag. LXVII 1897, p. 73 sqq.).

[2]) См. приведенные у Marquardt'a (Röm. Staatsverwaltung III, p. 341) источники.

76 г., причемъ отстранялись также всякія попытки включить въ ихъ составъ новые апокрифическіе оракулы, а нѣкоторые изъ вошедшихъ уже въ этотъ составъ оракулы даже были исключены изъ него потому, что казались подозрительными.

Несмотря, однако, на то, что уже при Суллѣ распространилась идея о наступленіи новаго (хотя, собственно говоря, только этрусскаго) вѣка, новый сивиллинъ оракулъ, возникшій тогда, согласно нашему предположенію, подъ вліяніемъ этой идеи и настаивавшій на праздноваиіи секулярныхъ игръ, не имѣлъ при Суллѣ желаннаго дѣйствія, и секулярное празднество не состоялось. Политическія обстоятельства не благопріятствовали исполненію этого дѣла ни тогда, ни впослѣдствіи въ теченіе долгаго времени. Наступленіе новаго saeculum'а, котораго въ 705/49 (или въ 708/46) г. можно было бы ожидать согласно ученію стараго сивиллина оракула, прошло, какъ мы уже сказали, совершенно незамѣченнымъ, и не только потому, что вспыхнувшая между Цезаремъ и помпеянскою партіею гражданская война не позволяла позаботиться о такомъ празднествѣ, но и, въ особенности, потому, что старое ученіе о столѣтнемъ saeculum'ѣ, какъ послѣ только-что изложеннаго мы теперь можемъ утверждать, тогда было оставлено и забыто, а вмѣсто него оффиціально признано было новое ученіе о 110-лѣтнемъ saeculum'ѣ. Когда, поэтому, послѣ смерти Юлія Цезаря появилась комета, принятая многими за комету Юліевъ, и этрусскій гадатель Вулкацій на народной сходкѣ заявилъ, что это знаменіе предвѣщаетъ исходъ девятаго и начало десятаго (этрусскаго) saeculum'а, то на это заявленіе, сдѣланное, по словамъ самого Вулкація, противъ воли боговъ, не обращали никакого вниманія, заключая, повидимому, изъ послѣдовавшей непосредственно послѣ него скоропостижной смерти гадателя, что оно было преждевременно и потому не одобрено богами [1]). За то новое сивиллино

[1]) Объ этомъ происшествіи разсказалъ Августъ во второй книгѣ своей автобіографіи, De memoria vitae suae, fr. 5 (Histor. Roman. fragm. coll. H. Peter, p. 254), какъ свидѣтельствуетъ Servius, Ad Verg. Ecl. 9, 47.

ученіе о 110-лѣтней продолжительности человѣческой жизни имѣлось въ виду Вергиліемъ, когда онъ въ концѣ 714/40 г., какъ мы уже видѣли, привѣтствовалъ новое saeculum, долженствовавшее наступить въ 715/39 г. и быть отпразднованнымъ тогда секулярными играми соотвѣтственно тому, какъ, по наиболѣе распространенной традиціи, наступленіе предыдущаго saeculum'а было отпраздновано въ 605/149 г., т. е. за сто десять лѣтъ до того. Однако, ожиданіямъ поэта, питавшимся, безъ сомнѣнія, также многими другими современными ему римлянами [1]), не суждено было сбыться въ урочное время, и только послѣ совершеннаго окончанія продолжавшихся и тогда еще гражданскихъ смутъ и послѣ смѣны устарѣлаго республиканскаго строя могущественнымъ принципатомъ, основаннымъ Октавіаномъ Августомъ, надежды на наступленіе новаго вѣка, долженствовавшаго возвратить людямъ желанный миръ и счастье, могли снова зародиться въ сердцахъ римлянъ, утомленныхъ долгими политическими неурядицами и кровопролитными гражданскими войнами. Этимъ надеждамъ молодой императоръ не могъ не итти на встрѣчу, когда послѣ побѣды при Акціи онъ уступалъ многократнымъ просьбамъ сената оставаться во главѣ правленія и самъ сталъ всячески убѣждать

[1]) Въ числѣ ихъ былъ, какъ мы уже видѣли, и Горацій (Epod. 16), а еще раньше, чѣмъ эти два поэта, идеей о предстоявшемъ въ 715/39 г. новомъ saeculum'ѣ долженъ былъ руководиться Варронъ, когда въ 711/43 г. онъ выступилъ съ ученіемъ о παλιγγενεσία, происходящей каждыя 440 лѣтъ, или четыре 110-лѣтнихъ saecula, и такимъ образомъ какъ бы отказался отъ прежняго ученія римлянъ, которое онъ самъ не задолго до того изложилъ въ своихъ Antiquitates rerum humanarum et divinarum (изданныхъ въ 707/47 г.), и согласно которому, по его собственному свидѣтельству, saeculum опредѣлялось въ 100 лѣтъ, а первыя секулярныя игры состоялись въ 505/249 и въ 605/149 г. Если такое предположеніе вѣрно, то съ большой вѣроятностью можно дальше заключить, что осуществителемъ секулярныхъ игръ, для которыхъ указанная идея назначала срокомъ 715/39 г., по мнѣнію Варрона, долженъ былъ бы явиться диктаторъ Цезарь, если бы преждевременная смерть его не помѣшала этому.

римлянъ въ томъ, что благо государства неразлучно съ предоставленной ему самому властью. Для болѣе нагляднаго доказательства того, что эпоха гражданской вражды и всѣхъ политическихъ и соціальныхъ бѣдствій навсегда миновала и что теперь наступили новыя времена, приносящія съ собой всеобщій миръ и преуспѣяніе, необходимо было покончить съ минувшимъ также какимъ-нибудь символически-формальнымъ образомъ и какъ бы установить между обѣими эпохами торжественно освященную грань. Такой торжественной, символической гранью могло служить только празднованіе секулярныхъ игръ, имѣвшихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ значеніе величественнаго lustrum'а, которымъ люди очищались отъ прежняго зла и посвящались въ новую, лучшую жизнь. Правда, и теперь еще не наступилъ срокъ для подобнаго празднества, если его хотѣли пріурочить къ хронологической нормѣ, указанной прежними секулярными играми. Но что мѣшало Августу пренебречь этой хронологической традиціею и установить, согласно ученію о παλιγγενεσία, другой циклъ вѣковъ, который, опираясь на новый сивиллинъ оракулъ о секулярныхъ играхъ и исходя изъ какихъ-нибудь знаменательныхъ событій прошлаго и настоящаго, могшихъ считаться началомъ и концомъ его, съ одной стороны связалъ бы это настоящее съ прошлымъ, а съ другой стороны рѣзко отдѣлилъ бы его отъ прошлаго? И дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ данныхъ можно вывести заключеніе, что уже тогда, когда Августъ послѣ окончанія войны съ кантабрами въ 730/24 г. возвратился изъ Испаніи въ Римъ, онъ сталъ носиться съ мыслью о празднованіи секулярныхъ игръ, которое хотѣлъ устроить въ 731/23 г., руководясь, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что тогда минуло 440 лѣтъ послѣ первой, упомянутой въ римскихъ анналахъ, большой моровой язвы, которая въ 291/463 г. свирѣпствовала въ городѣ и, какъ доказываетъ Моммзенъ [1]), привела къ тому, что тогда же впервые установленъ былъ торжественный обычай вбиванія гвоздя въ стѣну Капитолійскаго храма. Это пред-

[1]) Röm. Chronol.², p. 175 sqq.

положеніе было основано Бергкомъ и Гиршфельдомъ [1]) главнымъ образомъ на томъ обстоятельствѣ, что императоръ Домиціанъ, придерживаясь, какъ свидѣтельствуетъ Светоній [2]), назначеннаго Августомъ секулярнаго срока, отпраздновалъ свои секулярныя игры не въ 847/94 г., т. е. черезъ 110 лѣтъ послѣ 737/17 г., когда дѣйствительно состоялось секулярное празднество Августа, а уже въ 841/88 г., т. е. черезъ 110 лѣтъ послѣ 731/23 г., когда Августъ, повидимому, впервые предполагалъ праздновать его. Съ своей стороны въ пользу этого же предположенія мы можемъ привести еще то обстоятельство, что именно въ 731/23 году или около него [3]) придворный поэтъ Вергилій въ шестой книгѣ своей Энеиды (ст. 791—794) прославлялъ Августа слѣдующимъ прорицаніемъ,

[1]) Augusti rerum a se gestarum indicem edid. Th. Bergk, p. 77 и O. Hirschfeld, Das Neujahr des tribunicischen Kaiserjahres (въ Wiener Studien, vol. III 1881, p. 102 sqq.). Другое предположеніе Гиршфельда, что предполагавшееся празднованіе секулярныхъ игръ въ 731/23 г. Августъ хотѣлъ пріурочить къ тому времени (26 іюня), съ котораго онъ сталъ считать годы своей tribunicia potestas, или, другими словами, своего царствованія, является весьма сомнительнымъ въ виду того, что секулярныя игры, отпразднованныя Августомъ въ 737/17 г., состоялись не въ концѣ, а въ самомъ началѣ іюня мѣсяца, и это время года, кажется, было урочнымъ временемъ всѣхъ секулярныхъ игръ вообще.

[2]) Suetonius, Domitianus 4: fecit et ludos saeculares computata ratione temporum ad annum non quo Claudius proxime, sed quo olim Augustus ediderat. Еще точнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ Светоніемъ, этотъ фактъ засвидѣтельствованъ Зосимомъ, если текстъ замѣтки послѣдняго о немъ (II, 4, 3) дѣйствительно гласилъ такъ, какъ мы его установили, вмѣстѣ съ Diels'омъ, въ нашемъ критическомъ изданіи трактующихъ о секулярныхъ играхъ главъ сочиненія Зосима (см. стр. XIII нашихъ приложеній), а не такъ, какъ передаютъ его рукописи: μεθ' ὃν [sc. Κλαύδιον] Δομετιανὸς τὸν Κλαύδιον παραπεμψάμενος καὶ τὴν περίοδον τῶν ἐτῶν, ἀφ' οὗ τὴν ἑορτὴν ὁ Σεβαστὸς ἐπετέλε<ι>, <συν>αριθμήσας [рукописи: ἐπετέλεσεν, ἀριθμήσας] ἔδοξεν τὸν ἐξ ἀρχῆς παραδοθέντα φυλάττειν θεσμόν.

[3]) Cp. Norden, Ein Panegyrikus auf Augustus in Vergils Aeneis (въ Rhein. Mus. N. F. LIV 1899, p. 466 sqq., особ. 480 sq.).

вложеннымъ имъ въ уста Анхизу, предсказывающему въ Элизіи своему сыну Энею будущую судьбу Рима:

Здѣсь тотъ мужъ, онъ здѣсь, тебѣ возвѣщенный такъ часто,
Августъ Цезарь, тотъ сынъ божества, что̀ вновь золотые
Въ Лаціи вѣка возвратитъ, въ поля, гдѣ царствовалъ прежде
Самъ Сатурнъ [1]).

Какъ бы мы, однако, ни объясняли эти слова Вергилія, и какъ бы мы ни судили, вмѣстѣ съ тѣмъ, о раньше приведенномъ нами другомъ данномъ, на которомъ Бергкъ и Гиршфельдъ основали свою гипотезу о предполагавшемся Августомъ еще въ 731/23 г. празднованіи секулярныхъ игръ [2]), во всякомъ случаѣ эти игры тогда не состоялись, и только въ 736 18 г., какъ кажется, Августъ приступилъ къ дѣйствительнымъ приготовленіямъ, необходимымъ для выполненія задуманнаго дѣла. Въ указанномъ году, какъ свидѣтельствуетъ Кассій Діонъ [1]), онъ приказалъ членамъ жреческой коллегіи квиндецимвировъ собственноручно переписать сивиллины книги, сдѣлавшіяся отъ времени неразборчивыми. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что по случаю этого переписыванія священныхъ прорицаній коллегія, по иниціативѣ императора, стала обсуждать нѣкоторыя подробности вопроса о празднованіи секулярныхъ игръ, долженствовавшихъ, согласно ученію о παλιγγενεσία, начать первое saeculum новаго 440-лѣтняго цикла вѣковъ, и тогда-же, между прочимъ, пришла къ заключенію, что такой новый циклъ наилучше могъ бы быть связанъ съ другимъ 440-лѣтнимъ цикломъ, четыре saecula котораго начались съ 298/456, 408/346, 518/236 и 628/126 г. (= 297, 407, 517 и 627 г. ab u. c. по Капитолійской эрѣ [2]). На чемъ основывались эти послѣднія даты, занесенныя тогда-же [3]) въ комментаріи квиндецимви-

---

[1]) Vergil., Aen. VI, 791 sqq.:

hic vir, hic est, tibi quem promitti saepius audis,
Augustus Caesar, Divi genus, aurea condet
saecula qui rursus Latio regnata per arva
Saturno quondam.

Что касается одобреннаго Norden'омъ (въ Rhein. Mus. N. F. LIV 1899, p. 481), Sudhaus'омъ (въ Rhein. Mus. N. F. LVI 1901, p. 52 sq. n. 3) и другими предположенія Kiessling'a (ср. его комментарій къ одѣ I, 21 Горація), что въ Гораціевой одѣ I, 21, приглашающей дѣвушекъ и отроковъ пѣсней прославить Діану и Аполлона, мы должны усматривать „prolusio" къ предполагавшимся Августомъ въ 731/23 г. секулярнымъ играмъ, то это предположеніе опровергается, по моему мнѣнію, тѣмъ, что упомянутая ода была написана Гораціемъ, вѣроятно, еще за нѣсколько лѣтъ до 731/23 г. и что близкія отношенія между Августомъ и Гораціемъ завязались только послѣ того, какъ первыя три книги одъ уже были изданы поэтомъ, т. е. послѣ 731/23 г.

[2]) Противъ этого предположенія высказался Mommsen (въ Ephem. epigr. VIII, p. 236 n. 1), а вслѣдъ за нимъ и Wissowa (Die Saecularfeier des Augustus, Marburg 1894, p. 22 n. 12), который первоначально одобрилъ его (у Marquardt'a, Röm. Staatsverwaltung III², p. 385), Gardthausen (Augustus u. s. Zeit II, 2, p. 620 sq.) и L. Müller (въ своемъ посмертномъ изданіи одъ и эподъ Горація, 1. Theil, Petersb. u. Lpz. 1900, p. 161). Съ Bergk'омъ и Hirschfeld'омъ согласились, напротивъ, Mendelssohn (въ своемъ изданіи Зосима, въ примѣчаніяхъ къ II, 4, 3), Diels (Sibyll. Blätter, p. 14), Norden (въ Rhein. Mus. N. F. LIV 1899, p. 480 sq. n. 1) и Sudhaus (въ Rhein. Mus. N. F. LVI 1901, p. 52 sq. n. 3).

[1]) Cassius Dio 54, 17 ed. Boissevain: τὰ ἔπη τὰ Σιβύλλεια ἐξίτηλα ὑπὸ τοῦ χρόνου γεγονότα τοὺς ἱερέας αὐτοχειρίᾳ ἐγγράφασθαι ἐκέλευσεν, ἵνα μηδεὶς ἕτερος αὐτὰ ἀναλέξηται. Безъ всякихъ основаній Marquardt (Röm. Staatsverw. III, p. 341 n. 3) выражаетъ сомнѣніе въ хронологической точности этого сообщенія Кассія Діона и предполагаетъ, что упомянутое послѣднимъ переписываніе сивиллиныхъ книгъ было произведено въ 742/12 г., когда Августъ сдѣлался верховнымъ понтификомъ (ср. Sueton., Div. Aug. 31).

[2]) Что квиндецимвиры считали годы по Капитолійской эрѣ, явствуетъ изъ составленнаго ими commentarium lud. saec. VII, fragm. I, v. 14—15 (Ephem. epigr. VIII, p. 279), гдѣ учрежденіе секулярныхъ игръ отнесено къ 297 г. ab u. c., соотвѣтствующему 298 г. (см. Censorinus 17, 10) Варроновой эры. Этотъ любопытный фактъ скрылся до сихъ поръ отъ вниманія всѣхъ ученыхъ.

[3]) Censorinus 17, 10—11. — Предположеніе Bergk'a (Augusti rerum a se gestarum ind., p. 75) и Hirschfeld'a (Das Neujahr des tribunicischen Kaiserjahres, въ Wiener Studien III 1881, p. 100), что эти даты были придуманы и оффиціально занесены въ комментаріи квиндецимвировъ только впослѣдствіи, именно по случаю секу-

ровъ, какъ даты яко-бы дѣйствительно отпразднованныхъ игръ, но находившіяся въ противорѣчіи съ фактическою исторіею, которая показала намъ, что Тарентинскія или секулярныя игры состоялись только въ 505/249, въ 605/149 и (или) 608/146 г., этого мы теперь не въ состояніи указать съ достовѣрностью. Наиболѣе вѣроятнымъ, однако, мнѣ кажется предположеніе, что эта теорія вполнѣ bona fide была обоснована на слѣдующихъ данныхъ: съ одной стороны, какъ на это намекается также Флегонтомъ, въ заключительныхъ словахъ сивиллина оракула καί σοι πᾶσα χθὼν Ἰταλὴ καὶ πᾶσα Λατίνων αἰὲν ὑπὸ σκήπτροισιν ἐπαυχένιον ζυγὸν ἕξει, квиндецимвиры усмотрѣли указаніе на начало союзнической войны, ознаменовавшееся возстаніемъ города Фрегеллъ, и потому самый оракулъ и предписываемыя имъ секулярныя игры отнесли къ 628/126 г., т. е. ко времени непосредственно предшествовавшему взятію и разрушенію римлянами возставшаго вольскаго города [1]); съ другой стороны квиндецимвиры, кромѣ ученія о παλιγγενεσία, наступающей каждые 440 лѣтъ, приняли во вниманіе также традицію о происхожденіи секулярныхъ игръ изъ родового культа Валеріевъ и согласно съ этимъ отнесли начало первыхъ двухъ вѣковъ такого 440-лѣтняго періода къ 298/456 и къ 408/346 г., когда во главѣ римскаго государства въ качествѣ консуловъ стояли члены названнаго рода, М. Валерій Максимъ въ первый, и М. Валерій Корвъ во второй изъ указанныхъ годовъ. Какъ бы, однако, ни было, и на какихъ бы данныхъ квиндецимвиры ни старались обосновать свою теорію [2]), являвшуюся въ дѣйствительности фикціею, окончательлярныхъ игръ, отпразднованныхъ Септиміемъ Северомъ въ 957/204 г., опровергается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что игры 518/236 и 737/17 г. указаны также въ fasti consulares Capitolini, куда онѣ, какъ доказали Dressel, Mommsen, Henzen и Huelsen (ср. C. I. L. I², p. 29), были занесены скоро послѣ состоявшихся въ 737/17 г. секулярныхъ игръ Августа.

[1]) Ср. Velleius Paterculus II, 6, 4, Auctor ad Herennium IV, 15 и Livius, Epitome LX.

[2]) Что эти, неизвѣстныя намъ, данныя не были лишены зна-

ному выводу этой теоріи, указывавшему собственно на 738/16 г., какъ на конецъ одного и начало другого четырехвѣкового или 440-лѣтняго періода, не суждено было осуществиться въ точности, и секулярныя игры Августа, вмѣсто предполагавшагося 738/16 г., состоялись въ 737/17 г., т. е. уже за годъ до назначеннаго сперва срока.

Причины, которыя побудили императора къ такому ускоренію задуманнаго дѣла, состояли, вѣроятно, въ слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 737/17 г. истекъ десятилѣтній срокъ, на который Августъ въ 727/27 г. принялъ предоставленную ему тогда сенатомъ верховную власть (Ср. Cassius Dio LIII, 13), и весьма вѣроятно, что онъ теперь пожелалъ отпраздновать конецъ этого срока, продолженнаго ему на дальнѣйшее пятилѣтіе (Cassius Dio LIII, 16), особенно торжественнымъ образомъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ 737/17 г. ознаменовался и другимъ радостнымъ событіемъ, которое не могло не считаться факторомъ, упрочивающимъ юный принципатъ и сулящимъ ему и всему римскому государству обезпеченную и счастливую будущность: еще въ началѣ года у зятя и соправителя императора, М. Випсанія Агриппы, родился второй сынъ—Луцій, котораго Авченія и даже принимались за вполнѣ достовѣрныя, можно заключить изъ свидѣтельства Светонія (Divus Claudius 21), согласно которому императоръ Клавдій въ своемъ сочиненіи Historiae подтвердилъ правильность хронологическихъ вычисленій Августа, говоря, что послѣдній отпраздновалъ свои секулярныя игры „diligentissime annorum ratione subducta".

[1]) Противъ этого предположенія, высказаннаго впервые Boissier (Revue des deux mondes, 1ᵉʳ mars 1892, p. 80), возражаетъ Mommsen (Ephem. epigr. VIII, p. 252 n. 1), но, какъ мнѣ кажется, безъ основаній. Правда, обычай праздновать такъ называемыя quinquennalia, decennalia (и т. д.) по прошествіи пяти, десяти (и т. д.) лѣтъ царствованія императора (ср. Marquardt, Röm. Staatsverw. III, 257 sq.) возникъ, повидимому, только въ 738/16 г., когда въ честь Августа впервые состоялись ludi quinquennales (ср. Cassius Dio LIV, 19), но идея о подобномъ торжествѣ могла зародиться въ головѣ Августа еще раньше и скорѣе всего именно въ 737/17 г.

густъ такъ же, какъ и старшаго брата его Гая, немедленно усыновилъ съ цѣлью обезпеченія престола и престолонаслѣдія [1]). Затѣмъ императоръ сталъ, по всей вѣроятности, еще тогда носиться съ мыслью о продолжительной поѣздкѣ въ Галлію, которую онъ весною слѣдующаго года и предпринялъ на три года (ср. Cassius Dio LIV, 19—25); потому, конечно, онъ не могъ не желать отпраздновать задуманныя имъ секулярныя игры передъ тѣмъ, какъ отправиться въ путь [2]). Рѣшающимъ факторомъ, однако, послужило, должно быть, появленіе въ началѣ 737/17 г. кометы, которую приняли за комету Юлія Цезаря [3]). Между тѣмъ какъ 27 лѣтъ тому назадъ эта комета, по мнѣнію народа, предвѣстила ужасы новой гражданской войны, какъ послѣдствія убійства диктатора, теперь смотрѣли на нее какъ на знаменіе, посланное богами для извѣщенія человѣчества о непосредственномъ наступленіи новаго лучшаго вѣка. Августъ не могъ не воспользоваться такимъ божественнымъ указаніемъ и рѣшилъ немедленно приступить къ совершенію празднества, которымъ должно было привѣтствовать этотъ

---

[1]) Ср. Cassius Dio LIV, 18.

[2]) Это предположеніе, высказанное Mommsen'омъ (Ephem. epigr. VIII, p. 252), напрасно оспаривалъ Boissier (Revue des deux mondes, 1^{r} mars 1892, p. 80).

[3]) На этотъ важный факторъ, который болѣе всѣхъ другихъ раньше упомянутыхъ могъ побудить Августа ускорить празднованіе секулярныхъ игръ, указалъ Gardthausen (Augustus u. s. Zeit I, 2, p. 1010 sq. и II, 2, p. 622 sq.), основываясь, съ одной стороны, на астрономическихъ вычисленіяхъ (Pingré, Cométographie I, p. 280 и Wislicenus, Astronom. Chronologie, p. 154), которыя доказываютъ, что упомянутая Кассіемъ Діономъ (LIV, 19) подъ 738/16 г. комета на самомъ дѣлѣ появилась въ Римѣ въ началѣ 737/17 г. (какъ свидѣтельствуетъ Iulius Obsequens, c. 131), а съ другой стороны на изображеніи звѣзды (sidus Iulium), которымъ украшены какъ другія монеты этого времени, такъ въ особенности одна монета монетчика M. Санквинія, отчеканенная имъ по случаю секулярныхъ игръ Августа. (Ср. наше описаніе этой монеты на стр. LXV sq. приложеній и ея автотипическое воспроизведеніе на таблицѣ VI, n. 2).

новый вѣкъ. Такое рѣшеніе, какъ я предполагаю, было кромѣ того вызвано смѣшеніемъ Варроновой эры съ Капитолійской, согласно которой прежнія игры отнесены были самими квиндецимвирами къ 297, 407, 517 и 627 ab u. c., а оправданіемъ этого смѣшенія послужило, вѣроятно, указаніе на annus confusionis Цезаря и то соображеніе, что одинаково умѣстно было отпраздновать конецъ стараго saeculum'a, какъ и начало новаго.

Открытія, сдѣланныя въ новѣйшее время на почвѣ города Рима, немало обогатили наши свѣдѣнія о секулярныхъ играхъ, отпразднованныхъ при Августѣ (а также при Септиміи Северѣ). Еще зимою 1886/87 г. на древнемъ Марсовомъ полѣ, въ мѣстности, прозванной въ средніе вѣка Vallicella („Долинкою“), которая расположена на нынѣшней улицѣ Corso Vittorio Emanuele между Piazza Cesarini и Chiesa nuova, были найдены на глубинѣ пяти метровъ подъ нынѣшнимъ уровнемъ улицы различные остатки монументальнаго сооруженія, повидимому, эпохи Августа [1]), изъ которыхъ съ несомнѣнностью можно было заключить, что здѣсь нѣкогда помѣщался большой мраморный жертвенникъ въ 3,40 метра шириною. Онъ возвышался на прочномъ фундаментѣ, имѣлъ три (или болѣе) мраморныхъ ступени и былъ обнесенъ сзади толстой стѣною, сооруженной изъ туфа и травертина, а спереди и по бокамъ тройной оградою, сложенной изъ четвероугольныхъ травертиновыхъ камней и снабженной нѣсколькими мраморными воротами. Въ этомъ большомъ жертвенникѣ, воздвигнутомъ на чрезвычайно болотистомъ грунтѣ, Lanciani узналъ знаменитую ara Ditis et Proserpinae, которая въ древнія времена служила центромъ секулярныхъ игръ, праздновавшихся на Марсовомъ полѣ „въ Тарентѣ“ [2]).

---

[1]) Таково мнѣніе и Petersen'a и Huelsen'a, письменно сообщенное мнѣ первымъ изъ нихъ въ отвѣтъ на сдѣланный мною по этому поводу запросъ.

[2]) Lanciani, L'Itinerario di Einsiedeln, въ Monumenti antichi, pubbl. p. cura d. R. Accad. dei Lincei, Vol. I, punt. 3 (Milano 1891), p. 540 sqq. Репродукцію помѣщенныхъ въ этой статьѣ (на стр. 543 sq. и tav. III) рисунковъ Lanciani, которые изображаютъ кар-

Это предположеніе, одобренное Huelsen'омъ [1]), блестящимъ образомъ было подтверждено другою находкою, сдѣланною въ 1890 и 1891 г. недалеко отъ указаннаго мѣста вблизи церкви San Giovanni dei Fiorentini. Эта вторая находка состояла изъ многочисленныхъ кусковъ мраморныхъ плитъ, украшенныхъ фрагментами двухъ большихъ надписей, которыя содержатъ протоколы секулярныхъ игръ Августа (и Септимія Севера) и нѣкогда красовались на четвероугольныхъ столбахъ, воздвигнутыхъ вблизи вышеупомянутаго жертвенника въ память состоявшихся тамъ въ 737/17 (и въ 957/204) г. секулярныхъ празднествъ [2]).

ту мѣстности, гдѣ была найдена ara Ditis et Proserpina, а также реконструкцію самого жертвенника и нѣкоторыя детали сохранившихся частей его, читатель найдетъ въ концѣ нашей книгѣ, на таблицѣ IV.

[1]) Въ письмѣ къ Lanciani, напечатанномъ въ только-что приведенномъ мною трудѣ послѣдняго, на стр. 546 сл., а также въ особой статьѣ, помѣщенной въ Mittheilungen des Kais. deutschen archäol. Instituts, Röm. Abth. Band VI (Rom 1891), p. 127 sq.—Указанными сообщеніями Lanciani и Huelsen'a нѣсколько дополняются и исправляются первоначальныя свѣдѣнія о находкѣ жертвенника, сообщенныя сперва Gatti въ Notizie degli scavi 1887, p. 180 и въ Bulletino della commissione archeologica comunale 1887, p. 276 sq., а затѣмъ, согласно указаніямъ послѣдняго, также Huelsen'омъ въ Mittheil. d. Kais. d. arch. Inst. Röm. Abth. IV (1889), p. 263.

[2]) Подробный отчетъ о раскопкахъ, производившихся вблизи церкви S. Giovanni dei Fiorentini съ 20 сентября 1890 г. до 4 марта 1891 г. и приведшихъ къ находкѣ протоколовъ секулярныхъ игръ Августа, а также Септимія Севера, дали Barnabei и Marchetti въ Monumenti antichi pubbl. p. cura della R. Accad. dei Lincei, vol. I punt. 3 (Milano 1891), p. 601—616; тамъ же, на стр. 617—672 и tav. A—H, Mommsen издалъ оба протокола, присоединивъ къ первому изъ нихъ обширный комментарій, а въ Ephemeris epigraphica, vol. VIII (Berol. 1892), p. 225—309 онъ вторично издалъ ихъ (въ исправленномъ видѣ), съ прибавленіемъ комментарія ко второму протоколу. Наконецъ я могъ также пользоваться пробными листами не оконченнаго еще тома C. I. L. VI, 4, 2 (p. 3237—3261, n. 32323—32337), на которыхъ Huelsen снова издалъ всѣ дошедшіе до насъ протоколы секулярныхъ игръ Августа, Клавдія и Септимія Севера, а на основаніи этихъ трехъ изданій, а также моего личнаго сличенія надписей я въ приложеніяхъ къ моей книгѣ (на стр. XXXII—LXIV) помѣстилъ новое, критически провѣренное и по возможности дополненное изданіе всѣхъ протоколовъ. Кромѣ того въ концѣ моей книги, на таблицѣ V, читатель найдетъ также цинкографическую репродукцію помѣщенныхъ въ Monumenti antichi (на стр. 607), въ Ephem. epigr. (VIII, p. 276) и въ C. I. L. (VI, 4, 2, p. 3246) рисунковъ, которые изображаютъ возстановленные столбы актовъ секулярныхъ игръ Августа и Септимія Севера, съ указаніемъ сохранившихся до насъ частей обѣихъ надписей.

Постараемся теперь съ помощью этихъ новонайденныхъ протоколовъ, а также съ помощью другихъ, издавна извѣстныхъ намъ, источниковъ возстановить исторію устройства секулярныхъ игръ Августа съ того момента ея, на которомъ выше остановилось наше изложеніе [1]).

Такъ какъ для устройства секулярныхъ игръ, какъ государственнаго религіознаго празднества, требовалось особое разрѣшеніе и постановленіе сената, и только этотъ послѣдній имѣлъ также право ассигновать необходимыя для этого денеж-

---

[1]) Новѣйшая литература о секулярныхъ играхъ Августа, возникшая послѣ открытія относящагося къ нимъ протокола, состоитъ, насколько она мнѣ сдѣлалась извѣстной, преимущественно изъ превосходнаго комментарія, которымъ Mommsen снабдилъ свои изданія протокола (см. предыдущее примѣчаніе), а также изъ слѣдующихъ статей, отличающихся скорѣе популярнымъ характеромъ: Th. Mommsen, Die Akten zu dem Säculargedicht des Horaz (въ Die Nation, 12 декабря 1891, p. 161—163). Gaston Boissier, Les jeux séculaires d' Auguste (въ Revue des deux mondes, 1ᵉʳ mars 1892, p. 75—95). Wissowa, Die Saecularfeier des Augustus. Rede zur Feier des Geburtstages S. Majestät des Kaisers (Marburg 1894). Fr. Schöll, Die Säcularfeier des Augustus u. das Festgedicht des Horaz (въ Deutsche Rundschau, Januar 1897, p. 54—71). Lovatelli, Ludi secolari (въ Nuova Antologia, vol. LXXXIV 1899, p. 631—644) и Vollbrecht, Das Säcularfest des Augustus (Gütersloh 1900. 33. Heft der Gymnasial-Bibliothek, hrsg. v. Hoffmann). Далѣе трактуютъ о секулярныхъ играхъ Августа также Audollent (въ Revue de l'hist. des religions, vol. XXVI 1892, p. 139—151), Slaughter, The acta ludorum saecularium quintorum and the carmen saeculare of Horace (въ Transactions

ныя средства [1]), то 17 февраля 737/17 г., по приглашенію, вѣроятно, Августа, состоялось засѣданіе его въ куріи Юліи, въ которомъ, между прочимъ, былъ рѣшенъ вопросъ объ отпускѣ изъ государственной казны требуемыхъ для устройства игръ денегъ; по этому поводу былъ составленъ особый сенатусконсультъ, который впослѣдствіи послужилъ образцомъ для подобнаго постановленія сената, сдѣланнаго по случаю секулярныхъ игръ, устроенныхъ, повидимому, императоромъ Клавдіемъ въ 800/47 г. [2]). Одновременно съ этимъ сенатусконсультомъ, опредѣлившимъ, чтобы консулы приказали завѣдующимъ государственными финансами чиновникамъ выдать антрепренерамъ игръ ассигнованныя деньги, состоялся, по всей вѣроятности, также другой сенатусконсультъ, которымъ главное завѣдываніе устройствомъ секулярныхъ игръ было поручено императору Августу, какъ одному изъ тогдашнихъ пяти магистровъ или старшинъ коллегіи квиндецимвировъ, и его соправителю, т. е. коллегѣ по обладанію трибунской властью, М. Випсанію Агриппѣ, бывшему тогда тоже членомъ коллегіи квиндецимвировъ [3]).

Получивъ это порученіе отъ сената, Августъ приказалъ

---

of the American Philological Association, Vol. XXVI 1895, p. 69—78), Pascal въ своихъ Studi di antichità e mitologia (Milano 1896), p. 33—42 и въ особенности Gardthausen въ 8 главѣ своей книги Augustus und seine Zeit (1. Theil, 2. Band, Lpz. 1896, p. 1002—1017; ср. также примѣчанія въ 2. Theil, 2. Halbband, Lpz. 1896, p. 616—630), а также L. Müller въ своемъ посмертномъ изданіи одъ и эподъ Горація (1. Theil, Petersb. u. Leipzig 1900, p. 283—294). Остальную новѣйшую литературу о недавно найденныхъ комментаріяхъ секулярныхъ игръ Августа, состоящую изъ небольшихъ замѣтокъ объ этой находкѣ, или изъ рецензій вышеназванныхъ болѣе подробныхъ изслѣдованій и статей, я обойду здѣсь молчаніемъ, такъ какъ она не представляетъ особаго интереса.

[1]) См. Mommsen, Röm. Staatsrecht III, p. 1058.

[2]) C. I. L. VI, 4, 2 n. 32324 = C. I. L. VI, 1 n. 877a. См. наши приложенія, на стр. XLIII.

[3]) Monumentum Ancyranum IV, 36 и Comment. lud. saec. V, v. 52 sq.

молодому юристу Атею Капитону, какъ разсказываетъ Зосимъ [1]), составить, согласно указаніямъ сивиллина оракула, подробную программу предстоящихъ игръ, и уже въ скоромъ времени, именно не позже 23 марта, онъ послалъ въ коллегію квиндецимвировъ письмо [2]), въ которомъ излагалъ въ главныхъ чертахъ предполагаемый ходъ и порядокъ празднествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ своимъ коллегамъ по жреческой должности позаботиться о томъ, чтобы немедленно были сдѣланы всѣ необходимыя для игръ приготовленія и распоряженія.

Во исполненіе этого предложенія коллегія квиндецимвировъ въ тотъ же день, въ который посланіе Августа было прочтено ею, созвала народъ на сходку, чтобы сообщить ему о волѣ императора, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнародовала эдиктъ, изъ котораго всѣ, неприсутствовавшіе на сходкѣ, также могли ознакомиться съ посланіемъ Августа и узнать, что̀ каждому изъ нихъ нужно будетъ дѣлать въ предстоящіе дни празднествъ [3]). Одновременно съ этимъ, а, можетъ быть, нѣсколько позже и незадолго до наступленія самихъ празднествъ, колле-

---

[1]) Zosimus II, 4, 2. Это свѣдѣніе Зосима кажется мнѣ, однако, нѣсколько сомнительнымъ въ виду того, что въ 737/17 г. Атею Капитону было, вѣроятно, едва двадцать лѣтъ отъ роду, какъ можно заключить изъ разсказа Тацита (Ann. III, 75), согласно которому consulatum ei acceleraverat (758/5) — Augustus, ut Labeonem Antistium — dignatione eius magistratus anteiret. Трудно допустить, чтобы Августъ поручилъ составленіе программы секулярныхъ игръ столь молодому лицу, притомъ незначительнаго происхожденія. По всей вѣроятности Атей Капитонъ, отличавшійся раболѣпной приверженностью къ принципату, издалъ впослѣдствіи сочиненіе, въ которомъ онъ подробнѣе трактовалъ о секулярныхъ играхъ Августа, защищая ихъ датировку, а изъ этого обстоятельства позднѣйшіе писатели вывели заключеніе, что онъ же и составилъ программу для этихъ игръ.

[2]) Comment. lud. saec. V, v. 1—23. Что касается даты этого посланія или, точнѣе, даты, когда оно было прочитано въ коллегіи квиндецимвировъ, то изъ сопоставленія строкъ 24, 29 и 37 актовъ видно, что это произошло не позже 23 марта. Huelsen (C. I. L. VI, 4, 2 n. 32323) ошибочно отмѣчаетъ къ строкѣ 24: 24 марта.

[3]) Comment. lud. saec. V, v. 24—28.

гія стала разсылать повсюду [1]) герольдовъ для торжественнаго приглашенія всѣхъ свободнорожденныхъ на зрѣлище, „котораго никто не видѣлъ раньше и никогда не увидитъ снова“ [2]).

Вскорѣ послѣ упомянутаго перваго засѣданія коллегіи квиндецимвировъ, посвященнаго вопросу о праздноваиіи секулярныхъ игръ, именно не позже 24 марта, снова состоялось засѣданіе коллегіи, въ которомъ послѣдняя, согласно указаніямъ Августа, назначила мѣста города, гдѣ ея члены въ опредѣленные дни должны будутъ раздавать народу необходимыя для его искупленія очистительныя средства, а также получать отъ него первые плоды; равнымъ образомъ было рѣшено тогда, сколько жрецовъ должно будетъ находиться въ каждомъ изъ указанныхъ мѣстъ [3]).

25 марта коллегія квиндецимвировъ опять собралась передъ храмомъ, можетъ быть, Палатинскаго Аполлона, чтобы обсудить нѣкоторыя подробности установленной уже раньше программы назначенныхъ на 1, 2 и 3 іюня празднествъ. Но какого рода были эти подробности и къ какимъ рѣшеніямъ тогда пришли квиндецимвиры, невозможно узнать изъ тѣхъ скудныхъ фрагментовъ протокола, которые относятся къ засѣданію этого дня [4]). Только отчасти, повидимому, принятыя тогда коллегіею рѣшенія коснулись также раздачи очистительныхъ

---

[1]) При секулярныхъ играхъ Септимія Севера эти герольды, какъ свидѣтельствуетъ Геродіанъ (III, 8, 10), разсылались не только по Риму, но и по всей Италіи. Тоже самое произошло, вѣроятно, также при секулярныхъ играхъ Августа.

[2]) Zosimus II, 5, 1. Ср. Comment. lud. saec. V, v. 56. Ovidius, Trist. II, 26. Sueton., Claudius 21. Claudianus XXVIII, v. 390. Herodianus III, 8, 10.—Изображенія такихъ герольдовъ имѣются на нѣкоторыхъ секулярныхъ монетахъ Августа и Домиціана: см. наше описаніе этихъ монетъ на стр. LXVI sq. (монеты №№ 1, 3 и 4), LXVIII (монеты №№ 1—3) и LXXV sq. (монеты №№ 16—18) приложеній, а автотипическія воспроизведенія ихъ на таблицѣ VI, n. 2, 4, 5, 6, 7, 8 и 9.

[3]) Comment. lud. saec. V, v. 29—36.

[4]) Тамъ же, v. 37—45.

средствъ, такъ какъ въ изданномъ вслѣдъ за засѣданіемъ эдиктѣ, безъ сомнѣнія, было указано на то, что эта раздача для бо́льшаго удобства публики будетъ происходить три дня, 26, 27 и 28 мая, а не только 28 мая, какъ это, кажется, предполагалось первоначально, и что такимъ же образомъ квиндецимвиры будутъ принимать первые плоды, приносимые имъ публикою, въ теченіе трехъ дней, именно 29, 30 и 31 мая [1]).

Черезъ два мѣсяца послѣ изданія только-что упомянутаго эдикта коллегіи квиндецимвировъ, именно 23 мая, въ незадолго до того оконченныхъ постройкою Saepta Iulia состоялось засѣданіе сената, на которомъ, по предложенію консула Гая Силана, было рѣшено отмѣнить на время предстоявшихъ празднествъ то постановленіе Юліева закона de maritandis ordinibus, изданнаго въ предшествовавшемъ 736/18 г. [2]), въ силу котораго всѣ лица мужескаго, а также женскаго пола, не вступившія въ бракъ въ возрастѣ отъ XX (или XXV) до L (или LX) лѣтъ, лишались права присутствовать при общественныхъ играхъ. Какъ на мотивы для временной отмѣны этого постановленія, въ самомъ сенатусконсультѣ, состоявшемся по этому поводу, указывалось на чрезвычайный религіозный характеръ предстоявшихъ секулярныхъ празднествъ, а также на то, что ни одному изъ смертныхъ не суждено увидѣть этого зрѣлища болѣе одного раза и что поэтому желательно сдѣлать его доступнымъ какъ можно бо́льшему числу людей [3]).

Въ томъ же засѣданіи сената, имѣвшемъ мѣсто 23 мая, и согласно предложенію того же консула Гая Силана, состоялся еще другой сенатусконсультъ, которымъ было постановлено, чтобы въ той мѣстности Марсова поля, гдѣ должны будутъ происходить игры, для увѣковѣченія памяти о нихъ воз-

---

[1]) Тамъ же, v. 46—49.

[2]) Наилучше трактуетъ объ этомъ законѣ Jörs, Die lex Iulia de maritandis ordinibus u. die lex Iulia de adulteriis, въ Festschrift Th. Mommsen zum 50-jährigen Doctorjubilaeum überreicht (Marburg 1893); см. особенно стр. 32 сл.

[3]) Comment. lud. saec. V, v. 50—57.

двигнуты были двѣ колонны, одна мѣдная и другая мраморная, съ надписью, содержащей подробный протоколъ всего празднества и относившихся къ нему приготовленій, и чтобы преторы, завѣдывавшіе въ то время государственной казною, выплатили, по требованію консуловъ, подрядчикамъ ту сумму денегъ, за которую послѣдніе возьмутъ подрядъ на сооруженіе указанныхъ двухъ колоннъ [1]).

Въ слѣдующій день, 24 мая [2]), коллегія квиндецимвировъ снова издала эдиктъ [3]), которымъ она напомнила народу о нѣкоторыхъ подробностяхъ предстоявшихъ церемоній и вмѣстѣ съ тѣмъ приказала, во 1) чтобы всѣ свободнорожденные, которые одни имѣли право участвовать въ празднествѣ [4]), только одинъ разъ вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми [5]), подходили къ трибуналамъ, съ которыхъ квиндецимвиры будутъ раздавать очистительныя средства, во 2) чтобы они приносили первые плоды разсортированными по родамъ [6]), и въ 3) чтобы они присутствовали при священныхъ играхъ, предварительно очистивъ себя выданными имъ очистительными средствами. Кромѣ того эдиктъ заключалъ въ себѣ еще одно постановленіе коллегіи, имѣвшее, какъ кажется, въ виду тѣхъ женщинъ и дѣтей, которыя по слабости своего здоровья не осмѣлятся толкаться среди народа при раздачѣ квиндецимвирами очистительныхъ средствъ и при принятіи ими первыхъ плодовъ; этимъ женщинамъ и дѣтямъ было приказано собираться отдѣльно отъ остальной толпы передъ особымъ трибуналомъ квиндецимвировъ, который будетъ воздвигнутъ у расположеннаго на капитолійскомъ холмѣ храма богини Ops [1]).

Согласно установленной программѣ, 26, 27 и 28 мая происходила раздача народу средствъ, служащихъ къ очищенію [2]). Для этого въ разныхъ мѣстахъ города, именно передъ храмами Юпитера Всеблагого Всемогущаго (Iuppiter optimus Maximus) и Юпитера Громовержца (Iuppiter Tonans), расположенными на капитолійскомъ холмѣ, и передъ храмомъ Аполлона на палатинскомъ холмѣ, а также въ портикѣ, посвященномъ этому послѣднему богу, и кромѣ того, по всей вѣроятности, передъ капитолійскимъ храмомъ богини Ops сооружены были трибуналы [3]), а на нихъ возсѣдали одѣтые въ тогу претексту квиндецимвиры, на каждомъ, вѣроятно, по два [4]), имѣвшіе обязанность раздавать подходящему къ нимъ народу факелы, сѣру и горную смолу [5]). Получивъ эти средства къ очи-

---

[1]) Тамъ же, v. 58—63.

[2]) Въ транскрипціяхъ текста надписи, данныхъ Mommsen'омъ (въ Ephem. epigr. VIII, p. 229) и Huelsen'омъ (въ C. I. L. VI, 4, 2 p. 3240), по ошибкѣ напечатано a. d. VIII k. Iun. (вмѣсто a. d. VIIII k. Iun., какъ ясно начертано на камнѣ и также напечатано въ репродукціяхъ надписи, помѣщенныхъ въ Monum. antichi и въ C. I. L.), и эта ошибка повторяется затѣмъ еще нѣсколько разъ какъ самимъ Mommsen'омъ и Huelsen'омъ, такъ и другими учеными, трактовавшими о секулярныхъ играхъ Августа.

[3]) Comment. lud. saec. V, v. 64—75.

[4]) Тамъ же, v. 65 и Zosimus II, 5, 1.

[5]) Что и дѣти участвовали въ этой церемоніи, можно заключить изъ строки 73, гдѣ упоминаются feminae и pueri, а также изъ разсказа Ливія (XXII, 10, 8) объ аналогичномъ случаѣ и, въ особенности, изъ монетъ Домиціана, относящихся къ этой церемоніи и изображающихъ участвующаго въ ней мальчика (см. наше описаніе этихъ монетъ (№№ 4 и 5), на стр. LXIX приложеній, и автотипическую репродукію одной изъ нихъ на таблицѣ VI, n. 11).

[6]) Такъ я объясняю слова, читающіяся въ строкѣ 69: [*fruges*] generatim conferent tr[*ibunalibus*].

---

[1]) Comment. lud. saec. V, v. 73—75 съ тѣми дополненіями, которыя я предложилъ въ своемъ изданіи актовъ, см. стр. XXXVII приложеній. — Mommsen (Ephem. epigr. VIII, p. 254 и 255), а вслѣдъ за нимъ и Gardthausen (Augustus u. s. Zeit. I, 2, p. 1013 sq.) полагаютъ, что упомянутыя въ строкѣ 73 feminae и pueri участвовали въ публичныхъ священнодѣйствіяхъ и потому были отдѣлены отъ остальной толпы. Но такое предположеніе едва ли вѣрно.

[2]) Comment. lud. saec. V, v. 76.

[3]) Тамъ же, v. 9—10, 30—33 и 74—75, а также Zosimus II, 5, 1.

[4]) Это можно заключить изъ того, что, согласно актамъ (v. 35), по два квиндецимвира должны были возсѣдать на трибуналахъ при принятіи первыхъ плодовъ.

[5]) Zosimus II, 5, 1. Ср. также Carmen Sibyllinum, v. 25 sq. и

щенію, народъ сжигалъ ихъ у себя дома и такимъ образомъ символически очищался отъ всѣхъ тяготѣвшихъ на немъ грѣховъ, чтобы чистымъ явиться къ молитвамъ и жертвамъ, которыя ему предстояло приносить богамъ въ дни самого празднества. Въ слѣдующіе затѣмъ три дня, 29, 30 и 31 мая, народъ приносилъ квиндецимвирамъ первые плоды, состоявшіе изъ пшеницы, ячменя и бобовъ [1]). Кромѣ упомянутыхъ уже трибуналовъ для этой цѣли сооружены были еще другіе трибуналы, именно передъ храмомъ Діаны Авентинской и въ принадлежавшемъ къ этому храму портикѣ [2]); на всѣхъ трибуналахъ возсѣдали по два жреца, принимавшіе приносимые дары [3]). Эти дары собирались и хранились, согласно предписанію сивиллина оракула, для того, чтобы впослѣдствіи, какъ кажется, быть съ одной стороны принесенными въ жертву на алтаряхъ, а съ другой стороны розданными въ видѣ награды между актерами и другими лицами, которые должны были участвовать въ разныхъ представленіяхъ, предполагавшихся въ дни секулярныхъ празднествъ [4]).

Передъ тѣмъ, однако, какъ начались сами эти празднества, коллегія квиндецимвировъ издала еще два эдикта: пер-

---

описанныя (на стр. LXVI, № 2 и LXIX, №№ 4 и 5 приложеній) и автотипически воспроизведенныя нами (на таблицѣ VI, n. 3 и 11) монеты Августа и Домиціана, которыя относятся къ указанному обряду.

[1]) Comment. lud. saec. V, v. 77 и Zosimus II, 5, 2. Ср. также carmen Sibyllinum, v. 27—32 и монеты Домиціана, изображающія этотъ обрядъ; см. наше описаніе послѣднихъ на стр. LXIX сл. (№№ 6 и 7) приложеній и автотипическія воспроизведенія ихъ на таблицѣ VII, n. 1 и 2.

[2]) Comment. lud. saec. V, v. 10 и 32—33, а также Zosimus II, 5, 2.

[3]) Comment. lud. saec. V, v. 35.

[4]) Указанія сивиллина оракула (v. 30—32) и отчасти также Зосима (II, 5, 4), касающіяся этого дѣла, не отличаются, къ сожалѣнію, достаточной опредѣленностью и ясностью и притомъ дошли до насъ въ испорченномъ видѣ. См. на стр. XV и XVIII нашихъ приложеній.

вый изъ нихъ, обнародованный 29 мая и относившійся къ избраннымъ въ числѣ, соотвѣтствовавшемъ 110-лѣтнему saeculu'mу, 110 матронамъ, которыя по приглашенію квиндецимвировъ должны были устроить на капитолійскомъ холмѣ селлистерніи въ честь божествъ, предписалъ имъ, какъ кажется, между прочимъ — собраться на мѣстѣ предполагавшагося священнодѣйствія уже къ первому часу ночи [1]); другой эдиктъ, обнародованный 30 мая [2]), содержалъ не только болѣе точныя указанія относительно времени, когда начнутся устроенныя квиндецимвирами „латинскія секулярныя игры", т. е. латинскія сценическія представленія, но также оповѣщеніе, адресованное къ музыкантамъ, имѣвшимъ принять дѣятельное участіе въ празднествахъ. Съ цѣлью привлеченія возможно бо́льшаго числа этихъ музыкантовъ квиндецимвиры въ своемъ эдиктѣ, повидимому, вызвали не только флейтистовъ и игроковъ на лирѣ [3]), но и трубачей и рожечниковъ, которые обыкновенно играли на похоронахъ.

Наконецъ настало время самихъ празднествъ. Они начались съ того, что въ первомъ часу ночи [4]) на первое іюня

---

[1]) Comment. lud. saec. V, v. 77—81.

[2]) Тамъ же, v. 82—88.

[3]) Ср. также изображенія этихъ музыкантовъ на монетахъ, относящихся къ разнымъ жертвоприношеніямъ, которыя устраивались при секулярныхъ играхъ Домиціана и Септимія Севера. Монеты эти описаны нами на стр. LXX—LXXII (№№ 8—11), LXXIII—LXXIV (№№ 13—14), LXXVII—LXXVIII (№№ 1—4), LXXIX—LXXX (№№ 7—8) приложеній и автотипически воспроизведены на таблицахъ VII, n. 3, 4, 5, 6; VIII, n. 2, 3, 4 и IX, n. 1, 2, 5.

[4]) Зосимъ (II, 5, 3), правда, говоритъ δευτέρας ὥρας, между тѣмъ какъ въ актахъ (v. 90) сказано только nocte, но греческій историкъ очевидно ошибся, смѣшивая время жертвоприношеній со временемъ начала „латинскихъ игръ", т. е. сценическихъ представленій, которыя, какъ мы сейчасъ увидимъ, начались во второмъ часу ночи, послѣ окончанія жертвоприношеній. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что для этихъ послѣднихъ потребовался цѣлый часъ времени и что, поэтому, начало ихъ должно быть отнесено нами къ первому часу ночи, въ который, какъ мы сейчасъ уви-

императоръ Августъ, одѣтый въ длинную греческую одежду [1]), въ присутствіи своихъ коллегъ по жреческой должности, на трехъ жертвенникахъ, воздвигнутыхъ на Марсовомъ полѣ вблизи Тибра, въ такъ называемомъ Тарентѣ, принесъ богинямъ судьбы, Мойрамъ или Паркамъ, въ жертву девять черныхъ овецъ и столько же черныхъ козъ, такъ что каждой изъ богинь досталось три овцы и три козы. Это жертвоприношеніе императоръ совершилъ по греческому обряду, т. е. съ обнаженною головою [2]), а всѣ животныя были цѣликомъ сожжены [3]) на обрызганныхъ ихъ кровью жертвенникахъ. При этомъ Августъ произнесъ предписанную старинным обычаемъ молитву, которую онъ, какъ кажется, повторялъ при каждомъ животномъ. Въ ней Августъ просилъ богинь охранять и умножать могущество и величіе римскаго народа квиритовъ на войнѣ и дома, дарить ему побѣду, силу и здоровье и всегда благосклонно относиться какъ къ римскому государству вообще, такъ и къ коллегіи квиндецимвировъ въ частности и быть благосклонными къ самому императору и его дому [4]).

димъ, и матроны должны были собраться для устройства селлистерній.

[1]) Это можно заключить изъ той секулярной монеты Домиціана, на которой императоръ изображенъ приносящимъ овцу и козу въ жертву: онъ здѣсь одѣтъ въ длинное платье, похожее не то на столу, не то на тунику. См. наше описаніе этой монеты, на стр. LXX сл. (№ 8) приложеній и автотипическое воспроизведеніе ея на таблицѣ VII, n. 3.

[2]) Ср. указанную въ предыдущемъ примѣчаніи монету.

[3]) Zosimus II, 5, 3: καὶ τοὺς βωμοὺς καθαιμάξας ὁλοκαυτεῖ τὰ θύματα. На это указываетъ также названіе, данное въ актахъ (v. 91) этимъ жертвамъ: hostiae prodigivae; оно несомнѣнно соотвѣтствуетъ греческому термину ὁλόκαυστον. Ср. Festus, p. 250 M.: prodiguae hostiae vocantur, ut ait Veranius, quae consumuntur: unde homines quoque luxuriosi prodigi.

[4]) Comment. lud. saec. V, v. 90—99. Ср. carmen Sibyllinum, v. 7—9 (Phlegon, Macrob. 4 и Zosimus II, 6) и Zosimus II, 5, 3. Въ сочиненіи послѣдняго писателя по винѣ или самого автора или же переписчиковъ его совсѣмъ не упоминается о принесенныхъ въ

По окончаніи жертвоприношенія [1]), во второмъ часу ночи [2]) начались латинскія представленія на сценѣ, спеціально сооруженной на время секулярныхъ игръ вблизи того мѣста, гдѣ произошло жертвоприношеніе. При этой сценѣ не было „театра“, т. е. особыхъ мѣстъ, предназначенныхъ зрителямъ для сидѣнія [3]), и публика по древнему обычаю, существовавшему еще въ началѣ 7-го столѣтія отъ основанія города и возобновленному теперь въ виду завѣтнаго характера всего празднества, должна была стоя смотрѣть представленія, шедшія на помосткахъ сцены. Эти представленія, вступленіемъ къ которымъ, можетъ быть, послужило хоровое пѣніе новосочиненнаго гимна [4]), были безъ сомнѣнія весьма разнообразнаго характера, состоя, вѣроятно, главнымъ образомъ изъ ателланскихъ комедій и разныхъ другихъ фарсовъ и простонародныхъ дивертисментовъ, которые наиболѣе должны были привлекать публику;

жертву козахъ, а говорится только τριῶν παρασκευασθέντων βωμῶν τρεῖς ἄρνας θύει; однако несомнѣнно, что τρεῖς является здѣсь невѣрнымъ переводомъ латинскаго ternas и что именно три овцы (и три козы) были принесены въ жертву каждой изъ трехъ Мойръ; поэтому въ критическомъ изданіи Зосима (на стр. XIV приложеній) я установилъ слѣдующее чтеніе этого мѣста: τριῶν παρασκευασθέντων βωμῶν <ἀνὰ> τρεῖς ἄρνας <καὶ αἶγας> θύει.

[1]) Comment. lud. saec. V, v. 100: sacrificio [co]nfecto.

[2]) Ibidem, v. 84.

[3]) Ibidem, v. 100 sq.: in scaena quoi theatrum adiectum non fuit nullis positis sedilibus. Этими словами подтверждается рукописное чтеніе у Зосима II, 5, 3 κατασκευασθείσης δὲ σκηνῆς δίχα θεάτρου, которое издателями Зосима, начиная съ Panvinius'a до Mendelssohn'a и Diels'a, было произвольно измѣнено въ κ. δ. σ. δίκην θεάτρου. См. на стр. XV приложеній.

[4]) Это можно заключить изъ словъ Зосима (II, 5, 3), относящихся къ празднеству первой ночи: κατασκευασθείσης δὲ σκηνῆς δίχα θεάτρου, φῶτα ἀνάπτεται καὶ πυρά, καὶ ὕμνος ᾄδεται νεωστὶ πεποιημένος, θεωρίαι τε ἱεροπρεπεῖς ἄγονται. Впрочемъ, нельзя не допускать возможности того, что тутъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ разсказа Зосима, кроется неточность или ошибка, и что словами ὕμνος ᾄδεται νεωστὶ πεποιημένος имѣется въ виду тотъ гимнъ (Горація), который пѣли въ третій день секулярныхъ игръ Августа.

постоянно мѣнялись [1]), они продолжались безпрерывно въ теченіе всѣхъ трехъ ночей и дней секулярныхъ празднествъ [2]).

При этомъ въ ночное время устраивалось публичное освѣщеніе посредствомъ факеловъ и костровъ [3]); среди собравшейся на ночныя зрѣлища толпы молодежь обоего пола, согласно постановленію Августа, имѣла право присутствовать лишь въ сопровожденіи какого-нибудь старшаго родственника [4]).

Но не одними только жертвоприношеніями на алтаряхъ и сценическими представленіями праздновалась первая ночь секулярныхъ игръ. Въ то время какъ Августъ на Марсовомъ полѣ умилостивлялъ Паркъ какъ подземныхъ богинь и властительницъ надъ человѣческой судьбою, приглашенныя квиндецимвирами 110 матронъ, символически представлявшія собою 110-лѣтнее человѣческое поколѣніе или saeculum, собрались въ первомъ часу ночи на Капитоліи и устроили здѣсь селлистерніи въ честь небесныхъ богинь Юноны и Діаны, какъ покровительницъ брачной жизни и плодородія женщинъ [5]).

Въ слѣдующій день, 1-го іюня, религіозное празднество сосредоточилось преимущественно на капитолійскомъ холмѣ, и здѣсь императоръ Августъ, а вслѣдъ за нимъ и его справитель М. Агриппа принесли въ жертву капитолійскому Юпитеру по одному бѣлому быку, отличавшемуся безпорочной красотою, причемъ они обратились къ всеблагому и всемогущему божеству съ такой же молитвой о покровительствѣ римскому государству, какою Августъ въ предшествовавшую

---

[1]) Какъ на аналогію, можно указать на сценическія представленія китайцевъ и японцевъ, безпрерывно продолжающіяся иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней.

[2]) Comment. lud. saec. V, v. 100 sq., 133 и 153. Ср. Zosimus II, 5, 3 extr. и carm. Sibyllinum, v. 32—34.

[3]) Zosimus II, 5, 3.

[4]) Suetonius, Div. Aug. 31.

[5]) Comment. lud. saec. V, v. 101 sq. (ср. также v. 16). Объ этихъ ночныхъ селлистерніяхъ ничего не говорится ни въ сивиллиномъ оракулѣ, ни въ данномъ Зосимомъ (II, 5) описаніи секулярныхъ празднествъ.

ночь воззвалъ къ Мойрамъ. Обоимъ жертвователямъ ассистировали при этомъ еще пять другихъ членовъ коллегіи квиндецимвировъ, именно Г. Сцевола, Г. Сентій, М. Лоллій, Г. Азиній Галлъ и Г. Ребилъ. Всѣ эти семь лицъ, какъ говорится въ актахъ, ad atallam fuerunt [1]). Стараясь разгадать смыслъ этого темнаго выраженія, мы не можемъ не согласиться съ принятымъ также Моммзеномъ [2]) предположеніемъ Бюхелера и Цангемейстера, что слово atalla представляетъ собою уменьшительную форму не сохранившагося до насъ въ римской литературѣ слова atana, находясь въ тѣсной связи съ засвидѣтельствованными у разныхъ грамматиковъ и глоссографовъ [3]) словами atena, attanus, athanulum и athanulus, греч. ἄτταν̣α, и что оно, какъ эти послѣднія, означаетъ особаго рода священный сосудъ, употреблявшійся греками и римлянами при религіозныхъ обрядахъ. Едва ли однако правъ Моммзенъ, полагая далѣе, что выраженіемъ ad atallam въ актахъ обозначается какое-то мѣсто капитолійскаго храма Юпитера, прозванное по находившемуся тамъ священному сосуду этого рода, и что именно въ этомъ мѣстѣ Августомъ и Агриппою принесены были жертвы Юпитеру. Гораздо болѣе вѣроятнымъ, мнѣ кажется, было бы предположеніе, что слова „ad atallam fuerunt“ представляютъ аналогію съ такими выраженіями, каково, напр., ad cyathum esse [4]), и указываютъ на то, что при жертвахъ, принесенныхъ Августомъ и Агриппою Юпитеру, упомянутый священный сосудъ игралъ какую-то важную роль, служа, можетъ быть, для собиранія крови убитыхъ животныхъ, и что при этомъ сосудѣ тогда священнодѣйствовали именно вышеупомянутые семь квиндецимвировъ.

По окончаніи этихъ жертвоприношеній избранныя 110

---

[1]) Comment. lud. saec. V, v. 103—107. Ср. также carmen Sibyll., v. 11—15 и Zosimus II, 5, 2.

[2]) Ephem. epigr. VIII, p. 254.

[3]) Philoxenos, ed. Goetz p. 22; Nigidius (Nonius p. 40); Festus, p. 18 M. и Hesychius, s. v. ἄτταν̣α.

[4]) Ср. Sueton., Caes. 49.

матронъ снова устроили селлистерніи въ честь Юноны и Діаны, а одновременно съ этимъ начались латинскія представленія въ деревянномъ театрѣ, который былъ сооруженъ на Марсовомъ полѣ вблизи Тибра, вѣроятно, недалеко отъ такъ называемаго Тарента и отъ той сцены, гдѣ, какъ мы видѣли, еще въ предшествовавшую ночь начали давать такія же латинскія представленія [1]).

По всей вѣроятности, однако, участіе, которое народъ принялъ во всѣхъ этихъ празднествахъ, не соотвѣтствовало вполнѣ ожиданіямъ, какія возлагались на него, и многія лица, въ особенности женщины, носившія тогда трауръ, держались въ сторонѣ отъ публичныхъ зрѣлищъ вслѣдствіе того, что какъ разъ на первый день секулярныхъ игръ, т. е. на 1-ое іюня, приходилось годовое празднество богини Карны, въ которое справлялось поминовеніе умершихъ [2]).

---

[1]) Comment. lud. saec. V, v. 108—110.

[2]) Calendae Iuniae или (согласно Макробію, Saturn. I, 12, 31) calendae fabariae были, какъ извѣстно, посвящены, между прочимъ, богинѣ Карнѣ (ср. также Ovidius, Fast. VI, 101 sqq. и Nonius, p. 341), и такъ какъ ей тогда приносились въ жертву бобы, имѣвшіе, какъ свидѣтельствуютъ, напр., Фестъ (p. 287) и Плиній (N. H. XVIII, 12, 30), близкое отношеніе къ культу умершихъ, то весьма вѣроятно, что 1 іюня было днемъ, посвященнымъ памяти послѣднихъ. Это можно заключить также изъ приведенной у Wilmanns'a (Exempla inscr. Latin., n. 315) надписи, въ которой предписывается приносить жертвы на ara funebris kalendis Aprilibus Maiis Iuniis Augustis Octobribus. Этимъ же объясняется и то, что въ календаряхъ 1-ое іюня приводится между dies nefasti, обозначавшимися буквою N. Ср. De-Marchi, Il culto privato di Roma antica I (Milano 1896), p. 202 sq. и Wissowa, De feriis anni Romanorum vetustissimi (въ Indices lect. Marpurg. 1891), p. XIII. При этомъ случаѣ я, однако, не могу не указать на ошибочность одобреннаго Marquardt'омъ (Röm. Staatsverw. III, p. 553), Wissowa (l. c. и De dis Romanorum indigetibus et novensidibus, въ Ind. lect. Marpurg. 1892, p. X n. 1), De-Marchi (l. c., p. 202 n. 2) и другими мнѣнія Mommsen'a, будто въ паннонской надписи C. I. L. III, 3893, содержащей завѣщательное распоряженіе uti rosas Carnar(iis) ducant, имѣется указаніе на приходившееся на 1-ое іюня празднество богини Carna, и что это празднество называлось также Carnaria. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что прозванное по имени богини Carna празднество не могло бы называться Carnaria, а только Carnalia, подобно тому, какъ празднества въ честь другихъ божествъ назывались Angeronalia, Bacchanalia, Cerealia, Consualia, Divalia, Faunalia, Floralia, Fontinalia, Fornacalia, Furrinalia, Iuturnalia, Larentalia, Liberalia, Lupercalia, Matralia, Meditrinalia, Neptunalia, Opalia, Palilia, Portunalia, Quirinalia, Saturnalia, Summanalia, Terminalia, Tibernalia, Vestalia, Volcanalia, Volturnalia. Вышеприведенное распоряженіе uti rosas carnar(iis) ducant можетъ, поэтому, означать только предписаніе доставлять розы для мясныхъ трапезъ, устраиваемыхъ на поминкахъ.

Только съ помощью этого предположенія я могу объяснить себѣ тотъ фактъ, что коллегія квиндецимвировъ именно 1-го іюня сочла необходимымъ посредствомъ особаго эдикта извѣстить римскихъ женщинъ о томъ, чтобы онѣ въ виду святости и радости секулярныхъ празднествъ и ради достойнаго совершенія культа почитаемыхъ на нихъ божествъ такимъ же образомъ „уменьшили“ свой трауръ, какъ это дѣлалось ими и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, согласно доброму обычаю и примѣру предковъ [1]).

Въ слѣдующую за 1-мъ іюнемъ ночь мѣстомъ религіозныхъ торжествъ служилъ, повидимому, опять расположенный вблизи Тибра на Марсовомъ полѣ Тарентъ, и здѣсь императоръ Августъ принесъ каждой изъ трехъ богинь Илиѳій, покровительницъ родовъ, въ жертву по девяти лепешекъ трехъ различныхъ родовъ, liba, popana и pthoeis [2]). Послѣднія состояли изъ смѣси пшеничной муки, истертаго и просѣяннаго сыра и меда (ср. Athenaeus XIV, p. 647 D), liba же и popana отличались отъ нихъ только тѣмъ, что въ первыхъ связывающимъ веществомъ служило яйцо вмѣсто меда (ср. Cato, De agri cultura c. 75), а вторыя, какъ кажется, пеклись на маслѣ.

---

[1]) Comment. lud. saec. V, v. 110—114.

[2]) Comment. lud. saec. V, v. 115—118. (Ср. также carmen Sibyll., v. 9—10 и Zosimus II, 5, 2).

Принося эти жертвы Илиеіямъ, Августъ обратился къ нимъ съ такой же молитвою о покровительствѣ римскому государству, какою онъ въ предшествовавшій день воззвалъ къ Юпитеру, а въ первую ночь празднества къ Мойрамъ [1]).

Второй день секулярныхъ торжествъ былъ цѣликомъ посвященъ Капитолійской Юнонѣ Царицѣ. Сперва М. Випсаній Агриппа, заступая, повидимому, императора Августа, который, какъ кажется, отсутствовалъ въ этотъ день по болѣзни или по какой-нибудь другой причинѣ, принесъ богинѣ въ жертву прекрасную бѣлую корову и при этомъ воззвалъ къ ней установленною и для другихъ божествъ молитвою. И тутъ, какъ кажется, игралъ какую-то роль священный сосудъ atalla, о которомъ упомянуто было уже при жертвахъ, принесенныхъ Юпитеру въ первый день секулярныхъ празднествъ [2]).

Потомъ всѣ собравшіяся по приглашенію квиндецимвировъ 110 матронъ стали на колѣни и вслѣдъ за Агриппою прочитали особую торжественную молитву, чрезвычайно характеризующую консервативность и педантичность богослуженія и вообще религіозной жизни римлянъ. Эта молитва гласила приблизительно слѣдующее: „Царица Юнона, ты знаешь, что̀ *можетъ быть* наиболѣе полезно *при этомъ жертвоприношеніи. Мы, 110 матронъ и женъ римскаго народа квиритовъ*, стоя на колѣняхъ, *просимъ и умоляемъ тебя принять жертву съ тѣмъ, чтобы ты увеличивала могущество* и величіе римскаго народа квиритовъ *на войнѣ и въ мирное время, защищала всегда имя латинское, дарила* во всякое время *римскому народу квиритовъ* благополучіе, побѣду *и здоровье, благопріятствовала римскому народу квиритовъ и легіонамъ римскаго народа* квиритовъ, *охраняла государство римскаго народа квиритовъ и была милостивой и благосклонной къ римскому народу* квиритовъ, къ квиндецимвирамъ-жрецамъ, къ намъ, *къ*

[1]) Ibidem, v. 116—118.

[2]) Ibidem, v. 119—122 и 132. См. мои примѣчанія къ тексту строки 119 на стр. XL приложеній.—(Ср. также сивиллинъ оракулъ, v. 15—16 и Zosimus II, 5, 4).

нашимъ домамъ и къ нашимъ семействамъ: объ этомъ просимъ *и умоляемъ тебя, стоя* на колѣняхъ, мы, *110 матронъ и женъ римскаго народа* квиритовъ“ [1]).

Ночью того-же дня священное празднованіе снова перенесено было на обычное мѣсто на берегу Тибра, и здѣсь императоръ Августъ принесъ супорось въ жертву богинѣ матери землѣ, прочитавъ при этомъ установленную молитву [2]). Затѣмъ матроны снова устроили селлистерніи на капитолійскомъ холмѣ въ честь Юноны и Діаны [3]).

Наиболѣе торжественнымъ характеромъ отличался третій день секулярныхъ игръ, приходившійся на 3-е іюня. Тогда главнымъ центромъ празднества сдѣлался палатинскій холмъ, на которомъ Августъ лишь за немного лѣтъ до того (именно 9 октября 726/28 г.—см. Cassius Dio 53,1) освятилъ великолѣпный храмъ въ честь особо почитаемаго имъ Аполлона [4]). Передъ этимъ храмомъ императоръ и его соправитель Агриппа, окруженные другими членами коллегіи квиндецимвировъ, принесли сперва Аполлону, а затѣмъ и его сестрѣ Діанѣ безкровныя жертвы, состоявшія для каждаго изъ этихъ божествъ изъ лепешекъ трехъ различныхъ родовъ, именно изъ 9 рорапа, 9 liba и 9 pthoeis; при этомъ онъ прочиталъ и тутъ установ-

[1]) Ibidem, v. 123—131. (Ср. также carmen Sibyll., v. 23—25 и Zosimus II, 5, 4).

[2]) Ibidem, v. 134 — 137. (Ср. также сивиллинъ оракулъ, v. 9—10 и Zosimus II, 5, 2.

[3]) Ibidem, v. 138.

[4]) Объ особенномъ культѣ, воздававшемся Августомъ въ продолженіе всей своей жизни и въ особенности послѣ битвы при Акціи Аполлону, подробнѣе трактуютъ: C. F. Hermann, De loco Apollinis in carmine Horatii saeculari (Gott. 1843), p. 12 sqq., Kühn въ своей диссертаціи De Q. Horatii carmine saeculari (Vratislav. 1877), p. 34 sqq., Hecker въ своей диссертаціи De Apollinis apud Romanos cultu (Lps. 1879), p. 38 sqq., Schodt, Apollon sur les monnaies de César Auguste (въ Revue belge de numismatique XLI, Bruxelles 1885, p. 5—66) и въ особенности C. Pascal, Studi di antichità e mitologia (Milano 1896), p. 45—82.

ленную для всѣхъ секулярныхъ жертвоприношеній молитву [1]), а по окончаніи этихъ жертвоприношеній смѣшанный хоръ изъ трижды девяти избранныхъ отроковъ и такого же числа дѣвушекъ благороднаго происхожденія, отцы и матери которыхъ были всѣ еще въ живыхъ, пропѣлъ торжественный гимнъ, сочиненный поэтомъ Кв. Гораціемъ Флакком [2]).

Еще задолго до того, какъ должны были состояться предполагавшіяся Августомъ секулярныя игры, императоръ обратился къ поэту Горацію, къ тому времени уже прославившемуся первымъ сборникомъ своихъ лирическихъ произведеній, вышедшимъ въ трехъ книгахъ въ 730/24 или 731/23 г., и поручилъ ему сочинить торжественную кантату, которою, согласно предписанію сивиллина оракула (v. 18—22), надлежало заключить секулярное празднество [3]).

---

[1]) Comment. lud. saec. V, v. 139—146 и 150—152. (Ср. также сивиллинъ оракулъ, v. 16—20 и Zosimus II, 5, 5). По моему мнѣнію, не можетъ подлежать сомнѣнію, что дошедшій до насъ текстъ сивиллина оракула, который не упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ Діанѣ, въ указанномъ мѣстѣ испорченъ и что его чтеніе καὶ Φοῖβος Ἀπόλλων.... δεδέχθω (P: αἴσια δέχθω) θύματα Λητοίδης (v. 16—18) должно быть исправлено такъ: καὶ Φοῖβος Ἀπόλλων.. ἴσα δεδέχθω θύματα Λητ<ῶ>ης (ср. наше изданіе оракула на стр. XVII приложеній).

[2]) Ibidem, v. 147—149. (Ср. также carm. Sibyll., v. 18—22, Zosimus II, 5, 5, carmen saeculare Горація и Ovidius, Trist. II, 25 sq.).

[3]) Ср. Suetonius, Vita Horatii (De viris illustribus c. 40 med., ed. Reifferscheid, Lps. 1860, p. 46). — Что это порученіе было дано Горацію еще въ 736/18 г., можно заключить съ нѣкоторой вѣроятностью изъ того обстоятельства, что поэтъ, намекая въ своемъ секулярномъ гимнѣ (v. 17—20) на изданную, согласно Кассію Діону (LIV, 16), въ 736/18 г. lex Iulia de maritandis ordinibus, не говоритъ о ней, какъ о состоявшемся уже народномъ рѣшеніи, а упоминаетъ только о patrum decreta super iugandis feminis prolisque novae feraci lege marita, т. е. о постановленіяхъ сената, касавшихся Юліева законопроекта и предшествовавшихъ голосованію его въ народныхъ комиціяхъ. Ср. Jörs, Die lex Iulia de maritandis ordinibus und die lex Iulia de adulteriis (въ Festschrift Th. Mommsen zum 50 jähr. Doctorjubil. dargebr., Marburg 1893, p. 33 sq.). Впрочемъ возможно, что, когда Горацій писалъ эти слова, lex Iulia de maritandis ordinibus уже прошла въ комиціяхъ, и поэтъ упомянулъ о предшествовавшихъ имъ decreta patrum только потому, что хотѣлъ съ особенной силою указать на сенатъ, какъ на тотъ органъ народной воли, отъ котораго главнымъ образомъ исходили различныя постановленія Юліева законопроекта. — Съ бо́льшей рѣшительностью мы можемъ вывести заключеніе, что секулярный гимнъ былъ сочиненъ Гораціемъ еще задолго до самого празднества, изъ того обстоятельства, что Августъ въ своемъ посланіи къ коллегіи квиндецимвировъ (Comment. lud. saec. V, v. 3 и 20—21), прочтенномъ въ ней не позже 23 марта 737/17 г., уже указываетъ на двойной хоръ отроковъ и дѣвушекъ, которому предстояло пѣть этотъ гимнъ, и что, конечно, немало времени потребовалось для заучиванія дѣтьми большой и трудной кантаты, а также плясокъ, которыми должно было сопровождаться это пѣніе.

Задача, поставленная Августомъ Горацію, была нелегкая, но по своему характеру подходящая къ таланту, которымъ одаренъ былъ поэтъ, и нельзя не признавать теперь, что онъ выполнилъ ее чрезвычайно достойнымъ образомъ, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ духу самого празднества, къ которому она относилась, и тѣмъ религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ идеямъ, съ которыми въ то время носился весь римскій народъ и, въ особенности, его верховный глава, императоръ Августъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что для сочиненія гимна Горацію былъ сообщенъ текстъ сивиллина оракула, по которому должна была быть составлена программа всего празднества, и что поэтъ, чтобы удовлетворить намѣреніямъ Августа, счелъ своей обязанностью съ точностью держаться указаній священнаго текста. Но хотя вслѣдствіе этого его поэтическое вдохновеніе и было отчасти связано заранѣе опредѣленными нормами, тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ вдохнуть жизнь въ эти нормы и расположить ихъ согласно художественно обдуманному плану, которымъ все то, что въ оракулѣ было разъединено и лишено внутренней связи, объединялось въ рамки одной знаменательной картины, не лишенной поэтической кра-

соты и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго смысла по отношенію къ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ судьбамъ римскаго народа и его правителя [1]).

Исходя изъ того, что гимнъ предназначался для послѣдняго дня секулярнаго празднества, въ который передъ палатинскимъ храмомъ Аполлона должны были быть принесены жертвы этому богу и его сестрѣ Діанѣ, особенно почитавшимся Августомъ, Горацій обратился въ своемъ стихотвореніи съ мольбою прежде всего къ этимъ божествамъ и затѣмъ включилъ въ свои молитвы также остальныя силы подземнаго и небеснаго міра, которымъ должны были быть принесены жертвы въ теченіе предыдущихъ ночей и дней празднества, и такимъ образомъ словно подвелъ итоги всему религіозному значенію секулярныхъ игръ, гармонично соединяя ихъ въ одно цѣлое и выводя изъ нихъ радостное убѣжденіе, что какъ физическое и матеріальное, такъ и этико-соціальное и политическое благополучіе и преуспѣяніе римскаго государства и его державнаго правителя обезпечено божествами, благосклонно внимающими мольбамъ поющаго гимнъ хора [2]).

Когда поэтъ окончилъ эту торжественную кантату, онъ по справедливости могъ гордиться своимъ произведеніемъ.

---

[1]) Сужденіе Моммзена о поэтическихъ достоинствахъ секулярнаго гимна Горація, высказанное имъ въ статьѣ Die Akten zu dem Säculargedicht des Horaz (въ еженедѣльномъ журналѣ Die Nation, 12 дек. 1891, стр. 161—163), кажется мнѣ слишкомъ строгимъ и несправедливымъ, такъ какъ онъ не принимаетъ въ соображеніе оффиціальныхъ условій и цѣли сочиненія этого гимна.

[2]) Наилучшій анализъ секулярнаго гимна Горація былъ сдѣланъ Vahlen'омъ Ueber das Saeculargedicht des Horatius (въ Sitzungsber. d. k. pr. Akad. d. Wiss. zu Berlin. Jahrg. 1892, p. 1005—1021). Кромѣ того, ср. еще Christ, Horatiana (въ Sitzungsber. d. philos.-philol. u. hist. Cl. d. k. b. Akad. d. Wiss. zu München 1893, 1, p. 57—152), Friedrich, Q. Horatius Flaccus. Philol. Untersuch. (Lpz. 1894), p. 92—103 и новѣйшихъ издателей одъ Горація, въ особ. Kiessling (3. Aufl., Berlin 1899, p. 312—325) и L. Müller (St. Petersb. u. Lpz. 1900, I, p. 291—294 и II, p. 405—414).

Естественно поэтому, что онъ вскорѣ послѣ того въ особомъ стихотвореніи [1]) прославилъ Аполлона, какъ своего всегдашняго покровителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ хору отроковъ и дѣвушекъ, которому поручено было выучить эту кантату подъ его руководствомъ, и пригласилъ его хорошимъ исполненіемъ ея содѣйствовать успѣху дѣла, долженствовавшаго прославить его самого, какъ участника въ богоугодномъ празднествѣ.

Наконецъ насталъ моментъ, въ который весь собравшійся на палатинскомъ холмѣ народъ долженъ былъ услышать этотъ секулярный гимнъ, сочиненный въ честь Аполлона и Діаны, а также другихъ божествъ. И вотъ изъ устъ двойного дѣтскаго хора, выстроившагося или внутри или на паперти чуднаго храма [2]), сооруженнаго тамъ Августомъ за одиннадцать лѣтъ до того, раздалось торжественное пѣніе [3]):

О Фебъ и ты, владычица лѣсовъ Діана,
Небесъ свѣтильники, которыхъ чтили
И чтятъ всегда, дарите намъ, о чемъ мы молимъ
Въ сей день священный,

Когда, по предписанію стиховъ Сивиллы,
Хоръ дѣвицъ избранныхъ и отроковъ невинныхъ
Богамъ, взлюбившимъ семихолмный городъ, долженъ
Пѣть гимнъ хвалебный.

Благое Солнце, ты на колесницѣ свѣтлой
Выводишь день и прячешь и другимъ и тѣмъ же

---

[1]) Horatius, Od. IV, 6. См. мое критическое изданіе этой оды на стр. XXVI—XXVIII приложеній.

[2]) Зосимъ (II, 5, 5) говоритъ: ἐν τῷ κατὰ τὸ Παλάτιον Ἀπόλλωνος ἱερῷ . . ᾄδουσι, а сивиллинъ оракулъ (v. 18 sq.): καὶ ἀειδόμενοί τε Λατῖνοι παιᾶνες κούρῃσί τε νηὸν ἔχοιεν.

[3]) Нижеслѣдующій переводъ секулярнаго гимна Горація сдѣланъ мною съ возможной точностью, соотвѣтствующей оффиціальному характеру стихотворенія, по тексту, установленному мною въ критическомъ изданіи оригинала, помѣщенномъ на стр. XXIII—XXVI приложеній.

Рождаешься: пусть ничего ты не увидишь
Могучѣй Рима!

Ты, Илиѳія—предпочтешь ли ты Луцины
Иль Гениталы прозвище—чьей властью нѣжной
Плоды утробъ, созрѣвъ, рождаются счастливо,
Храни матронъ всѣхъ!

Богиня, вырости младое поколѣнье,
Благослови постановленія сената
О бракахъ женщинъ и законѣ, намъ сулящемъ
Дѣтей обилье,

Чтобъ чрезъ сто десять лѣтъ временъ кругъ неизмѣнный
Вновь пѣсни приносилъ и игры, что̀ въ теченье
Трехъ свѣтлыхъ дней и радостныхъ ночей справляетъ
Народъ, собравшись!

И вы, богини Парки, спѣвшія правдиво,
Что вы сказали разъ, и что рокъ неизмѣнный
Да сохранитъ, свяжите предреченья счастья
Съ тѣмъ, что ужъ сбылось!

Да одаритъ колосянымъ вѣнкомъ Цереру
Земля, богатая плодами и стадами!
Да вскормятъ дождь здоровый и Юпитровъ воздухъ
Все, что родилось!

Прячь стрѣлы, Аполлонъ, будь милостивъ и кротокъ
И внемли отроковъ моленіямъ горячимъ!
Ты жъ дѣвъ услышь, Луна, двурогая царица
Созвѣздій неба!

Какъ вы создали Римъ, о боги, и отряды
Троянцевъ заняли этрусскій берегъ, ларовъ
И городъ замѣнивши плаваньемъ счастливымъ,
По волѣ вашей,

Когда чрезъ Иліонъ пылавшій безъ ущерба

Эней благочестивый, переживъ отчизну,
Свободный путь имъ проложилъ, чтобъ за утрату
Вознаградить ихъ,

Такъ дайте, боги, благонравье молодежи
Понятливой, миръ тихій старости спокойной,
Народу Ромула богатство и потомство
И честь и славу!

Да сбудется все то, о чемъ васъ молитъ, бѣлыхъ
Быковъ вамъ жертвуя, потомокъ знаменитый
Анхиза и Венеры, грозный всѣмъ строптивымъ
И кроткій къ слабымъ!

Уже боится мидъ на сушѣ и на морѣ
Могучихъ рукъ альбанскихъ и сѣкиръ, ужъ просятъ
Законовъ скиѳъ и индъ, еще недавно знавши
Лишь спесь и гордость.

Уже дерзаютъ къ намъ изъ забытья вернуться
Миръ тихій, Вѣрность, древній Стыдъ и Честь и Доблесть,
И вновь является блаженное Довольство
Съ обильнымъ рогомъ.

Какъ прорицатель Фебъ, украшенный блестящимъ
Орудьемъ лука, девяти Каменъ любимецъ,
Поддерживающій больные члены тѣла
Благимъ искусствомъ,

Съ участьемъ видитъ алтари на Палатинѣ,
Такъ онъ продлитъ державу римскую и Лацій
На лустръ другой счастливый и на вѣкъ, который
Все лучшимъ станетъ.

Діана также, что̀ царитъ на Авентинѣ
И на Алгидѣ, принимаетъ къ сердцу просьбы
Пятнадцати мужей и благосклонно внемлетъ
Дѣтей моленьямъ.

Что такъ рѣшатъ Юпитеръ и всѣ боги обще,
Надежду добрую и твердую несу я
Домой, наученный и Феба и Діану
Прославить хоромъ.

Намъ неизвѣстно съ достовѣрностью, какимъ образомъ хоръ отроковъ и дѣвушекъ пѣлъ этотъ гимнъ, и только то вѣроятно, что онъ сопровождалъ свое пѣніе ритмическими плясовыми движеніями подъ аккомпаниментъ музыки [1]), выстроившись при этомъ въ отдѣльныя группы, состоявшія изъ трехъ лицъ, и держа въ рукахъ вѣтки посвященнаго Аполлону лаврoваго дерева [2]). Зато всякаго основанія лишено предположеніе многихъ новѣйшихъ ученыхъ, что хоръ отроковъ и хоръ дѣвушекъ чередовались въ пѣніи отдѣльныхъ строфъ гимна, и что такимъ образомъ послѣдній представлялъ собою такъ называемое carmen amoebaeum. Какъ содержаніе, такъ и форма стихотворенія Горація противорѣчатъ всякой попыткѣ распредѣлить его строфы между двумя отдѣльными хорами, и все напротивъ указываетъ на то, что весь гимнъ съ начала до конца былъ спѣтъ соединенными двумя хорами совмѣстно [3]).

---

[1]) Это можно заключить изъ приведеннаго въ актахъ послaнія императора къ коллегіи квиндецимвировъ, гдѣ, между прочимъ, указывается (v. 21) на то: [*ad carmen can*]endum chorosque habendos frequentes ut adsint (отроки и дѣвушки), а также изъ слѣдующихъ словъ сивиллина оракула (v. 20 sq.): χωρὶς δὲ κόραι χόρον αὐταὶ ἔχοιεν καὶ χωρὶς παίδων ἄρσην στάχυς.

[2]) Такая группа изображена на одной изъ секулярныхъ монетъ Домиціана. Ср. наше описаніе этой монеты на стр. LXXIV сл. (№ 15) приложеній и автотипическія воспроизведенія ея на таблицѣ VIII, n. 5 и 6. Впрочемъ нельзя рѣшить съ достовѣрностью, относится ли это изображеніе къ пляскѣ, исполнявшейся дѣтьми при пѣніи ими гимна, или же къ торжественному шествію, въ которомъ они, по всей вѣроятности, какъ мы ниже увидимъ, направились отъ палатинскаго холма къ капитолійскому, собираясь здѣсь повторить пѣніе гимна.

[3]) Хотя еще Kuehn въ своей диссертаціи De Q. Horatii carmine saeculari (Vratisl. 1877) самыми вѣскими доводами доказалъ

Такъ какъ акты секулярныхъ игръ Августа послѣ указанія, что отроки и дѣвушки на палатинскомъ холмѣ „спѣли гимнъ“ (carmen cecinerunt), прибавляютъ еще слова (v. 148) „и такимъ-же образомъ на Капитоліи“ (eo[*de*]mque modo in Capitolio), и такъ какъ въ серединѣ стихотворенія Горація молитва хора обращена не къ Аполлону и Діанѣ, а къ другимъ „божествамъ“, подъ которыми къ 49 стихѣ явно подразумѣваются Юпитеръ и Юнона, то Моммзенъ [1]) пришелъ къ заключенію, что секулярный гимнъ Горація представляетъ собою προσόδιον, т. е. процессіонную кантату, и что хоръ отроковъ и дѣвушекъ, пропѣвъ начало этой кантаты на палатинскомъ холмѣ, направился отсюда въ торжественномъ шествіи черезъ форумъ къ Капитолійскому храму, спѣлъ тамъ относящуюся къ Юпитеру и Юнонѣ молитву и затѣмъ снова возвратился къ палатинскому холму, чтобы здѣсь передъ храмомъ Аполлона закончить свое пѣніе. Это предположеніе Моммзена, одобренное и поддержанное Виссовою и другими [2]), по

неосновательность и ложность сдѣланныхъ Schmelzkopf'омъ (De Horat. carm. saec. disput., Lps. 1838), Steiner'омъ (De Horat. carm. saec. comm., Confl. 1841) и другими попытокъ, приписать секулярному гимну Горація характеръ стихотворенія, предназначеннаго для поперемѣннаго пѣнія, и согласно съ этимъ распредѣлить отдѣльныя строфы его между хоромъ отроковъ и хоромъ дѣвушекъ, но въ новѣйшее время Christ и въ особенности Friedrich (въ приведенныхъ выше на стр. 225, въ прим. 1 и 2 трудахъ) не усумнились снова выступить съ подобными предположеніями, основанными на однихъ произвольныхъ и ложныхъ заключеніяхъ. Противъ нихъ по справедливости высказались особенно Fr. Schöll (въ Deutsche Rundschau, январь 1897, стр. 67 прим. 1) и L. Müller (въ своемъ посмертномъ изданіи одъ и эподъ Горація I, p. 294).

[1]) Ephem. epigr. VIII (1892), p. 256 sq.

[2]) Dressel, въ Ephem. epigr. VIII (1892), p. 313. Stengel, въ Hermes XXVII (1892), p. 447 прим. 2. Wissowa, Die Saecularfeier des Augustus, p. 17 и прим. 13 на стр. 22. Waltz, Le carmen saeculare d'Horace (въ Revue de philologie, vol. XVIII 1894, p. 113 sqq.), который, впрочемъ, полагаетъ, что шествіе, направившись отъ палатинскаго холма къ Капитолію, остановилось здѣсь и уже больше

справедливости было отвергнуто Фаленомъ, Кристомъ, Лафеемъ, Слотеромъ, Фр. Шёлломъ и др. [1]). Противъ него говорятъ: во 1) самое выраженіе актовъ eodemque modo in Capitolio, которое, при естественной экзегезѣ, можетъ означать только то, что гимнъ Горація былъ цѣликомъ повторенъ на Капитоліи; во 2) требованіе сивиллина оракула (v. 18—20), чтобы гимнъ оглашалъ храмъ божествъ, т. е. Аполлона и почитавшейся вмѣстѣ съ нимъ Діаны (καὶ ἀειδόμενοί τε Λατῖνοι παιᾶνες κούροισι κόρῃσί τε νηὸν ἔχοιεν ἀθανάτων); процессіонная кантата не соотвѣтствовала бы этому требованію, такъ какъ бо́льшая часть ея 19 строфъ была бы пропѣта во время шествія и только 1, 3 и послѣдняя строфы передъ храмами Аполлона и Юпитера; въ 3) свидѣтельство Зосима (II, 5, 5), согласно которому гимнъ пѣли ἐν τῷ κατὰ τὸ Παλάτιον Ἀπόλλωνος ἱερῷ, а также свидѣтельство всѣхъ схолій къ carmen saeculare Горація (см. на стр. XXIX сл. приложеній), согласно которымъ гимнъ Горація былъ пропѣтъ in Capitolio; разногласіе этихъ свидѣтельствъ можетъ быть объяснено только тѣмъ, что они почерпнуты изъ двухъ различныхъ источниковъ, изъ которыхъ одинъ упомянулъ только о первомъ пѣніи секулярнаго гимна Горація, исполненномъ на палатинскомъ холмѣ, а другой только о второмъ пѣніи его, исполненномъ на Капитоліи.—Кромѣ этихъ опредѣленно засвидѣтельствованныхъ данныхъ, нельзя не выставить еще слѣдующихъ сообра-

---

не вернулось къ мѣсту исхода. Boissier (въ Revue des deux mondes, 1r mars 1892, p. 90 sq.). Gardthausen, Augustus u. s. Zeit I, 2 p. 1016 sq. и II, 2 p. 630 n. 59. L. Müller, въ своемъ посмертномъ изданіи одъ и эподъ Горація I, p. 291 и другіе.

[1]) Vahlen, Christ и Fr. Schöll въ приведенныхъ уже выше (стр. 268, прим. 2 и стр. 249, прим. 1) трудахъ, Lafaye, Sur le carmen saeculare d'Horace (въ Revue de philologie XVIII 1894, p. 126—138), Slaughter, The acta lud. saec. quint. and the carmen saec. of Horace (въ Transactions of the American Philological Association. Vol. XXVI 1895, p. 69—78), Kiessling (въ своемъ 3-мъ изданіи одъ и эподъ Горація, Berlin 1899, p. 316), Vollbrecht, Das Säkularfest des Augustus (Gütersloh 1900) p. 33 sqq. и др.

женій, основанныхъ на содержаніи, формѣ и всемъ характерѣ самого гимна Горація и одинаково плохо согласующихся съ предположеніемъ Моммзена: 1) въ послѣдней строфѣ гимна упоминается не столько Аполлонъ и Діана, сколько Юпитеръ и всѣ боги вообще, а такое упоминаніе не являлось бы вполнѣ умѣстнымъ, если бы оно было сдѣлано въ концѣ шествія передъ палатинскимъ храмомъ Аполлона; 2) гимнъ Горація состоитъ только изъ 19 строфъ или 76 стиховъ, и потому не можетъ подлежать сомнѣнію, что онъ оказался бы слишкомъ короткимъ для шествія, которое, направляясь отъ палатинскаго храма Аполлона къ капитолійскому храму Юпитера и обратно, должно было бы дважды пройти это разстояніе, составлявшее, во всякомъ случаѣ, не менѣе двухъ третей километра; предположить же, чтобы во время шествія дѣлались перерывы въ пѣніи или же повторялись отдѣльныя строфы гимна, возбраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ по содержанію, такъ и по формальному построенію своему весь гимнъ представляетъ собою почти неразрывное цѣлое; 3) ритмъ сапфическихъ строфъ гимна совсѣмъ не годится для шествія; 4) внутренняя связь и послѣдовательность мыслей, изложенныхъ въ гимнѣ, не могла бы быть вполнѣ схвачена и понята слушателями при пѣніи послѣдняго во время процессіи, а это было бы противно намѣреніямъ Августа, несомнѣнно желавшаго, чтобы великое значеніе секулярнаго празднества было какъ можно глубже запечатлѣно въ сердцахъ римлянъ тѣмъ ретроспективнымъ прославленіемъ его, которое такъ сильно выражалось въ гимнѣ Горація.

И такъ, мы утверждаемъ, что эта кантата цѣликомъ была пропѣта сперва на палатинскомъ, а затѣмъ на капитолійскомъ холмѣ, куда хоръ отроковъ и дѣвушекъ въ сопровожденіи квиндецимвировъ и другого народа, присутствовавшаго на празднествѣ, отправился въ торжественномъ шествіи, держа въ рукахъ священныя лавровыя вѣтки [1]) и исполняя при этомъ, по

---

[1]) Это торжественное шествіе, можетъ быть, изображено на одной изъ секулярныхъ монетъ Домиціана, о которой мы упомянули уже выше. Ср. примѣчаніе 2 на стр. 272.

всей вѣроятности, изстари заведенные для подобныхъ случаевъ танцы. Несомнѣнно, что это вторичное пѣніе секулярнаго гимна не явилось какой-то непредвидѣнной и импровизированной придачей [1]) къ установленнымъ заранѣе въ праздничной программѣ обрядамъ, а съ самаго начала уже имѣлось этою послѣднею въ виду и должно было послужить какъ бы заключеніемъ и увѣнчаніемъ всего торжества [2]). Цѣль и намѣренія, которыми Августъ руководился при этомъ, очевидны. Какъ во всѣхъ другихъ начинаніяхъ своихъ, онъ и тутъ хотѣлъ связать обычаи и характеръ новаго времени съ тѣмъ, что было освящено стариною. Съ одной стороны учрежденіе имперіи привело къ тому, что палатинскій холмъ (Palatium) сдѣлался не только резиденціею императора, названіе которой впослѣдствіи получило типическое значеніе, превращаясь въ названіе царскихъ и другихъ „палатъ“ вообще, но и центромъ новыхъ культовыхъ храмовъ, какъ, напр., Аполлона и Весты, которые своимъ блескомъ должны были затмить прежніе республиканскіе храмы, служа какъ бы символами сосредоточенія въ одномъ и томъ-же мѣстѣ императорской и государственной власти. Съ другой стороны Августъ сохранилъ и Капитолію его прежнее значеніе главы общественныхъ культовъ (caput religionum publicarum), какъ выражается Лактанцій (Instit. divin. I, 11, 39), и еще до конца существованія римскаго государства этотъ бывшій оплотъ республики по справедливости могъ носить названіе „кремля имперіи“ (arx imperii), каковымъ его охарактеризовалъ Тацитъ (Histor. III, 70). Весьма естественнымъ, поэтому, и вполнѣ согласнымъ со всѣми принципами правленія Августа представляется его желаніе, чтобы секулярное стихотвореніе Горація, это ретроспективное про-

[1]) Таково мнѣніе Vahlen'a (l. c., p. 1020 sq.), который въ подкрѣпленіе его приводитъ примѣры вторичнаго представленія Эвнуховъ Теренція или Лягушекъ Аристофана, не замѣчая, что эти примѣры по существу своему совсѣмъ не подходятъ къ данному случаю.

[2]) Такого мнѣнія также Slaughter, Schöll и др.

славленіе всего секулярнаго празднества, столь удачно указывавшее на великое значеніе не только Аполлона и Діаны, но и другихъ божествъ Рима, въ особенности Капитолійскихъ, а также на благодатное правленіе самого императора, было пропѣто цѣликомъ не только на палатинскомъ, но и на капитолійскомъ холмѣ. Здѣсь, гдѣ въ curia deorum соединены были изображенія всѣхъ божествъ Рима (cf. Servius, Ad Vergil. Aen. II, 319 и Tertullian., De spectac. 120 и Apolog. 6), и въ числѣ ихъ особенно выдавалось также изображеніе Аполлона, сдѣланное знаменитымъ Каламисомъ (cf. Strabo VII, 6, 1 p. 319 и Plinius, N. H. XLIII, 39), пѣніе секулярнаго гимна являлось такъ же умѣстнымъ, какъ и на палатинскомъ холмѣ, а большіе размѣры Капитолія, его возвышенное и центральное положеніе въ Римѣ, открывавшее великолѣпный видъ на весь городъ и прежде всего на святыни форума и палатинскаго холма, представляли особенно благопріятныя условія для того, чтобы по возможности бóльшая часть римскаго народа могла прослушать этотъ гимнъ съ благоговѣніемъ и наслажденіемъ.

Какъ велико было впечатлѣніе, произведенное пѣніемъ секулярной кантаты на римлянъ, и какого личнаго успѣха Горацій достигъ своимъ произведеніемъ у императора и своихъ согражданъ, видно не только изъ того обстоятельства, что составитель оффиціальныхъ актовъ секулярныхъ игръ Августа счелъ нужнымъ особо упомянуть въ нихъ о Горацiи, какъ сочинителѣ гимна (v. 149: carmen composuit Q. Horatius Flaccus), и такимъ образомъ увѣковѣчить его имя наряду съ именами Августа, Агриппы и другихъ знатныхъ устроителей игръ, но и изъ собственныхъ словъ поэта, который вскорѣ послѣ того, ставши въ весьма близкія и дружескія отношенія къ императору, въ особомъ стихотвореніи поблагодарилъ музу Мельпомену за то, что доставшійся ему отъ нея поэтическій даръ сдѣлалъ его любимымъ народнымъ пѣвцомъ [1]):

[1]) Horatius, Od. IV, 3. Приведенный ниже переводъ этой оды позаимствованъ у Фета (К. Горацій Флаккъ, Москва 1883, стр. 129 сл.).

О Мельпомена! кто встрѣчаетъ
Родясь, твой кроткій взоръ, почіющій на немъ,
Ни трудъ истмійскій не вѣнчаетъ
Того въ числѣ бойцовъ, тотъ на конѣ лихомъ
И въ колесницѣ олимпійской
Не будетъ шествовать. Тому въ концѣ войны,
Вѣнецъ стяжавшему дельфійскій
За то, что грозные цари отражены,
Не удивится Капитолій.
Но рощи темныя и плескъ тибурскихъ водъ
Его иной украсятъ долей.
За пѣснь Эоліи онъ вѣчно не умретъ;
И Рима, городовъ владыки,
Младые граждане меня зачислятъ въ хоръ,
Гдѣ дорогихъ поэтовъ лики,
И зуба зависти не убоюсь съ тѣхъ поръ.
О Піерида! чьимъ велѣньемъ
Звукъ лиры золотой волнуетъ нашу грудь,
Чья воля лебединымъ пѣньемъ
Уста нѣмыя рыбъ способна разомкнуть,
Все благость мнѣ твоя даруетъ!
Сказавъ ли про меня: „Вотъ римскій нашъ гусляръ“,
Перстомъ прохожій указуетъ,
Пою ли, нравлюсь ли, коль нравлюсь—все твой даръ.

Хотя религіозные обряды секулярнаго празднества Августа окончились, собственно говоря, торжественнымъ пѣніемъ гимна Горація, состоявшимся 3 іюня сперва на палатинскомъ, а затѣмъ вторично на капитолійскомъ холмѣ, и хотя сопровождавшія это празднество въ теченіе трехъ ночей и дней народныя увеселенія, именно латинскія сценическія представленія разнаго вида, были пріостановлены 3 іюня въ неизвѣстный намъ часъ дня (вѣроятно рано утромъ) [1]), но тогда же

[1]) Comment. lud. saec. V, v. 153.

въ той же части Марсова поля, расположенной на берегу Тибра, гдѣ для этихъ представленій сооружены были сцена и деревянный театръ,—вѣроятнѣе всего, въ прилежащемъ къ „Таренту“ ристалищѣ, которое носило названіе Trigarium—воздвигнуты были коническіе цирковые столбы (metae) и по изданію и подъ предсѣдательствомъ М. Валерія Потита Мессаллы, одного изъ членовъ коллегіи квиндецимвировъ, тамъ устроены были цирковыя зрѣлища, состоявшія въ бѣгахъ четверней и въ конскихъ скачкахъ, на которыхъ мчавшіеся во весь опоръ ѣздоки (desultores) перескакивали съ одной лошади на другую [1]). Въ тотъ же день, 3 іюня, коллегія квиндецимвировъ всенародно объявила особымъ эдиктомъ [2]), что къ семидневнымъ экстраординарнымъ играмъ, которыя она предполагала добровольно устроить на свой счетъ [3]) сверхъ урочныхъ трехдневныхъ праздничныхъ игръ, приступлено будетъ черезъ день, т. е. 5 іюня, причемъ сценическія представленія, даваемыя на латинскомъ языкѣ, будутъ начинаться въ 7 часовъ дня (h. II) въ томъ же деревянномъ театрѣ, въ которомъ такія же представленія давались и въ первые дни празднества, далѣе греческія музыкальныя представленія (Graeci thymelici ludi) въ 8 часовъ дня (h. III) въ театрѣ Помпея, расположенномъ вблизи „Тарента“, и наконецъ греческія драматическія представленія (Graeci astici ludi), вѣроятно, въ 9 часовъ дня (h. I[*III*?]) въ театрѣ Марцелла, расположенномъ въ циркѣ Фламиніевомъ и еще не совсѣмъ оконченномъ въ то время [4]). — Согласно эдикту квиндецимвировъ, указанныя представленія состоялись въ теченіе семи дней, съ 5 по 11 іюня [5]). Первыя изъ нихъ,

[1]) Ibidem, v. 153—154.

[2]) Ibidem, v. 155—158.

[3]) Таково значеніе, которое, по вѣроятному толкованію Моммзена (Ephem. epigr. VIII, p. 269 sq.), имѣетъ выраженіе ludi honorarii.

[4]) О значеніи употребленныхъ въ актахъ (v. 157; ср. также v. 161) терминовъ ludi Graeci thymelici и Graeci astici трактуютъ Mommsen въ Ephem. epigr. VIII, p. 270 sq. и съ особенной подробностью Christ (въ изслѣдованіи, приведенномъ выше на стр. , p. 146 sqq., а также въ Jahrb. für Philol. CXLIX, p. 30 sq.).

[5]) Comment. lud. saec. V, v. 159—161.

очевидно, предназначены были преимущественно для простого народа, состоя, какъ мы уже сказали, изъ различныхъ латинскихъ комедій, фарсовъ, пантомимовъ и тому подобныхъ зрѣлищъ, которыя наиболѣе подходили ко вкусу менѣе образованной публики, дорожившей еще отечественными учрежденіями и обычаями; для представленій же второй и третьей категорій, во время которыхъ на греческомъ языкѣ исполнялись— въ театрѣ Помпея музыкальныя пьесы, напоминавшія современныя намъ концерты и оперы, а въ театрѣ Марцелла—трагедіи и комедіи, имѣлись въ виду главнымъ образомъ высшіе классы римскаго общества, привыкшіе, благодаря своему космополитическому образованію, предпочитать національнымъ увеселеніямъ болѣе изысканныя греческія. Въ числѣ актеровъ-пантомимовъ, участвовавшихъ въ этихъ представленіяхъ, упоминается Плиніемъ Старшимъ [1]) нѣкій Стефаніонъ, которому суждено было черезъ 63 года послѣ того снова выступать на секулярныхъ представленіяхъ, именно на тѣхъ, которыя давались во время секулярныхъ игръ, устроенныхъ императоромъ Клавдіемъ въ 800/47 г.

По окончаніи продолжавшихся съ 5 до 11 іюня экстраординарныхъ театральныхъ представленій, коллегія квиндецимвировъ, согласно изданному ею 11 іюня эдикту [2]), устроила отъ себя 12 іюня еще одно народное увеселеніе, состоявшее изъ торжественной процессіи (pompa), изстари заведенной для большихъ цирковыхъ игръ [3]), и изъ бѣговъ четверней и звѣриной травли, происходившихъ вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно, въ Circus Maximus подъ предсѣдательствомъ Агриппы [4]).

Такъ окончились секулярныя игры Августа, явившіяся празднествомъ, которое по своей торжественности и своему великолѣпію далеко превзошло все до тѣхъ поръ видѣнное

---

[1]) Plinius, N. H. VII, 48, 159.

[2]) Comment. lud. saec. V, v. 162—163.

[3]) Подробное описаніе такой pompa (circensis) см. у Marquardt'a, Röm. Staatsverw. III, 487 sqq.

[4]) Comment. lud. saec. V, v. 164—165.

римлянами. Больше, чѣмъ какимъ либо другимъ начинаніемъ, императоръ доказалъ ихъ устройствомъ свое умѣніе извлекать изъ представлявшихся ему обстоятельствъ все то, что могло служить къ упроченію и прославленію учрежденной имъ имперіи и указывать на наступленіе новаго лучшаго времени. Удачно воспользовавшись священными наставленіями сивиллина оракула, который, хотя и возникъ, по всей вѣроятности, какъ мы видѣли, еще въ сулланскую эпоху, но по своему содержанію какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ идеямъ и планамъ самого Августа, послѣдній учредилъ небывалое по своей пышности празднество, которое, будучи основано на древнѣйшемъ смыслѣ вошедшихъ въ него религіозныхъ культовъ, привело эти культы къ полному естественному развитію и расширенію ихъ и такимъ образомъ получило какъ бы новый характеръ и столь обширное значеніе, что оно только отчасти еще походило на свой первоначальный образецъ и вслѣдствіе этого большинству современниковъ представлялось чѣмъ-то совсѣмъ новымъ, долженствовавшимъ служить выраженіемъ перемѣны времени и наступленія новой благодатной эпохи.—О глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ секулярными играми 737/17 г. на римлянъ, свидѣтельствуютъ всѣ дошедшіе до насъ изъ древности эпиграфическіе, нумизматическіе и литературные памятники оффиціальнаго и неоффиціальнаго характера, которые, относясь къ этому празднеству, послужили источниками при нашей попыткѣ возстановить его исторію. На то же указываетъ далѣе то нерѣдко встрѣчающееся въ надписяхъ, вѣроятно, этого времени прозвище Saecularis [1]), которое, повидимому, давалось лицамъ, родившимся въ знаменательный годъ секулярныхъ игръ Августа. О томъ же свидѣтельствуетъ, наконецъ, и знаменитая мраморная статуя Августа, найденная въ 1863 г. среди развалинъ „виллы Цезарей", которую супруга императора Ливія построила вблизи Рима на Фламин-

---

[1]) Ср. C. I. L. XII, n. 6037a: Q. Iulius Saecularis и Iulia Saecularis; XIV, n. 2717: C. Iulius C. f. Saecularis и др.

ской дорогѣ въ мѣстности, прозываемой нынѣ Primaporta [1]). Это чудное произведеніе греко-римской скульптуры, сохранившееся, благодаря удачной реставраціи, въ замѣчательной цѣлости и составляющее теперь одно изъ драгоцѣннѣйшихъ украшеній Ватиканскихъ музеевъ, является какъ бы иллюстраціею къ секулярному празднеству Августа и къ прославившему его секулярному гимну Горація. Мы видимъ передъ собою императора, изображеннаго въ цвѣтѣ лѣтъ. Держа въ лѣвой рукѣ — согласно новѣйшей реставраціи — жезлъ, онъ съ непокрытой головою стоитъ, исполненный спокойнаго сознанія своего достоинства, и высоко подымаетъ правую руку, какъ бы собираясь обратиться къ своему народу съ рѣчью и приказывая ему молчать. Правильныя, но холодныя черты его лица указываютъ на непоколебимую силу его воли, а выраженіе впалыхъ глазъ, проницательно смотрящихъ въ неопредѣленную даль, полно какой-то непостижимой таинственности и скрытности. Босоногая, на подобіе изображеній божествъ, фигура Августа одѣта въ тунику, покрытую богато украшеннымъ рельефною работою панцыремъ, и въ мантію, которая въ живописныхъ складкахъ опоясываетъ кругомъ середину тѣла ниже панцыря и ниспадаетъ черезъ опущенную внизъ лѣвую руку императора. Возлѣ правой ноги его, прямо и твердо

[1]) Цинкографическія репродукціи этой статуи и украшающаго ее панцыря помѣщены за заглавнымъ листомъ нашей книги на таблицахъ I и II.—Новѣйшая литература объ этой статуѣ приведена у Helbig'a, Führer durch d. Vatikan. Mus. I (1899), p. 7; наиболѣе обстоятельно и вѣрно описали и объяснили ее O. Jahn, Höfische Kunst und Poesie unter Augustus (въ его книгѣ Aus der Alterthumswissenschaft. Populäre Aufsätze, Bonn 1868, p. 283 sqq.), и въ особенности A. von Domaszewski, Der Panzerschmuck der Augustusstatue von Primaporta (въ Strena Helbigiana, Lps. 1900, p. 51 sqq.). Въ новѣйшемъ описаніи ея, сдѣланномъ Vollbrecht'омъ въ брошюрѣ Das Säkularfest des Augustus (Gütersloh 1900), p. 37 sqq., повторяются вслѣдъ за Jahn'омъ нѣкоторыя ошибки въ объясненіи изображеній панцыря этой статуи, на которыя передъ тѣмъ уже указалъ Домашевскій.

стоящей на землѣ, въ то время какъ слегка согнутая лѣвая нога отставлена назадъ, помѣщено изображеніе дельфина съ ѣдущимъ на немъ Амуромъ. Несравненно знаменательнѣе, однако, чѣмъ этотъ аттрибутъ, намекающій на происхожденіе Августа отъ рода Юліева, который своей прародительницею считалъ Венеру, мать Амура и Энея, являются рельефныя изображенія, украшающія панцырь императора. Симметрично расположенныя въ три ряда и увѣнчанныя сверху фигурами двухъ сфинксовъ, помѣщенными съ правой и лѣвой сторонъ, они представляютъ въ серединѣ верхняго ряда выступающее изъ облаковъ божество неба, а съ правой и лѣвой сторонъ отъ него ѣдущаго на четвернѣ бога Солнца и носящихся впереди его богинь утренней росы и утренней зари. Изображеніямъ этихъ божествъ соотвѣтствуетъ въ нижнемъ ряду изображеніе лежащей богини Земли, которая въ правой рукѣ держитъ рогъ изобилія, и къ груди которой прильнули двое дѣтей. Съ лѣвой стороны отъ нея виднѣется Аполлонъ съ лирою, ѣдущій на грифѣ, а съ правой — Діана съ факеломъ и колчаномъ, ѣдущая на оленѣ. Всѣ эти изображенія верхняго и нижняго рядовъ служатъ какъ бы рамою для изображеній средняго ряда, составляющихъ главный предметъ композиціи художника. Въ серединѣ этого ряда изображена босоногая фигура воина, одѣтаго, на подобіе римскаго императора, въ тунику, панцырь, мантію и шлемъ, а возлѣ нея стоитъ волкъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ этой фигурѣ мы должны усматривать не императора Августа, какъ думали Янъ и другіе, а бога Марса, характеризуемаго его аттрибутомъ, волкомъ, какъ справедливо указалъ Домашевскій. Держа въ лѣвой рукѣ мечъ, Марсъ протягиваетъ свою правую къ стоящему передъ нимъ воину — представителю пареянскаго народа, который въ обѣихъ рукахъ держитъ высоко поднятое римское знамя, собираясь передать его богу. По правую и лѣвую стороны отъ этой группы сидятъ, покорно наклонившись впередъ, двѣ женщины, въ которыхъ мы должны усматривать олицетвореніе провинцій Галліи и Испаніи. Какъ таковыя, онѣ характеризуются данными имъ атрибутами: первая — трубою,

на концѣ которой фигура животнаго, ножнами меча и, въ особенности, знаменемъ, украшеннымъ изображеніемъ вепря, а вторая—протянутымъ мечемъ, имѣющимъ видъ перенятаго римлянами у испанцевъ gladius Hispaniensis.

Вся эта чудная композиція является иллюстраціей, прославляющей событія царствованія Августа, благодаря которымъ онъ поистинѣ могъ считаться возстановителемъ римскаго міра, restitutor orbis Romani, какъ гласило выраженіе, ставшее общеупотребительнымъ въ позднѣйшее время. Эти событія состояли съ одной стороны въ полномъ покореніи Августомъ (въ 738/16—741/13 г.) Галліи и Испаніи и въ добровольномъ возвращеніи парѳянами въ 734/20 г. взятыхъ ими у Красса римскихъ знаменъ, т. е. въ усмиреніи не только запада, но и востока, а съ другой стороны въ секулярныхъ играхъ 737/17 г., прославлявшихъ въ числѣ другихъ божествъ въ особенности Аполлона и Діану, охранителей (dii tutelares) императора, а также отождествлявшееся съ первымъ Солнце и мать Землю. Въ совершенномъ согласіи съ этими играми, въ изображеніяхъ на панцырѣ статуи Августа судьба римскаго государства и его державнаго правителя представляется дѣломъ такого всемірнаго значенія, что она становится въ центрѣ судебъ вселенной, управляемой божествами неба и земли, предвѣщая наступленіе новаго благодатнаго вѣка.

ГЛАВА VIII.

Секулярныя игры Клавдія въ 800/47 г. [1]).

63 года прошло послѣ секулярныхъ игръ, отпразднованныхъ первымъ римскимъ императоромъ въ 737/17 г., и Риму суждено было увидѣть новое секулярное празднество, устроенное Клавдіемъ въ 800/47 г. Изъ того обстоятельства, что такъ

[1]) Тексты всѣхъ источниковъ исторіи этихъ игръ приведены нами въ приложеніяхъ, на стр. CIII—CV.

называемое senatusconsultum Hosidianum [1]), состоявшееся въ одномъ изъ трехъ предшествовавшихъ этому празднеству лѣтъ, упоминаетъ о благоденствіи предстоявшаго вѣка (felicitas saeculi instantis), мы можемъ вывести заключеніе, что третій преемникъ Августа еще задолго до 800/47 г. сталъ носиться съ идеей объ этомъ празднествѣ, которое должно было привѣтствовать наступленіе новаго вѣка. Самъ императоръ выступилъ защитникомъ своей идеи [2]), которая современникамъ его не могла не казаться на первый взглядъ странной: многіе изъ нихъ сами еще присутствовали при секулярныхъ играхъ Августа, и ни одна изъ господствовавшихъ прежде теорій хронологическаго опредѣленія секулярныхъ празднествъ не указывала на 800/47 г., какъ на секулярный годъ [3]). Забывъ, что онъ самъ прежде въ своихъ Historiae защищалъ хронологическіе разсчеты Августа [4]), Клавдій выставлялъ теперь въ свое оправданіе, какъ я полагаю [5]), древнюю традицію, согласно которой (первыя) секулярныя игры состоялись въ 250/504 г., т. е. за 550 лѣтъ (или 5 стодесятилѣтнихъ saecula) до 800/47 г. [6]). Исходить изъ этого года побудило Клавдія, повидимому, тщеславное желаніе связать секулярное празднество съ исторіей того знаменитаго рода, къ которому онъ самъ принадлежалъ, и родоначальникъ котораго Attus Clausus, по преданію [7]), переселился изъ своей сабинской родины въ Римъ

[1]) C. I. L. X, 1401.
[2]) Tacitus, Ann. XXI, 11 и Suetonius, Divus Claudius c. 21.
[3]) Ср. Suetonius, l. c. и Plinius, N. H. VII, 48, 159.
[4]) Suetonius, l. c.
[5]) Къ этому предположенію я пришелъ совершенно независимо отъ Hirschfeld'a, который первый высказалъ мнѣніе, подобное моему, въ Wiener Studien III (1881), p. 101 sq. Всѣ другіе ученые, трактовавшіе въ новѣйшее время о секулярныхъ играхъ, полагаютъ, что празднество Клавдія было устроено только по поводу наступленія восьмисотой годовщины основанія г. Рима.
[6]) Plutarch., Poplicola c. 21. Ср. то, что мы изложили выше на стр. 213 sq.
[7]) Plutarch., l. c.

именно въ 250/504 г., слѣдуя совѣту и настоянію дружественнаго ему П. Валерія Попликолы, который тогда былъ консуломъ въ четвертый разъ и празднованіемъ секулярныхъ игръ, какъ разсказывалось, спасъ г. Римъ отъ грозившихъ ему въ то время гибельныхъ продигій. Конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію, что руководиться указанными традиціями Клавдій рѣшился особенно въ виду того, что срокъ празднованія новыхъ секулярныхъ игръ, полученный имъ благодаря хронологическому разсчету, исходнымъ пунктомъ котораго служилъ 250/504 г., совпалъ съ восьмисотой годовщиною основанія г. Рима, и весьма вѣроятно, что послѣднее обстоятельство было выставлено, если не самимъ Клавдіемъ, то во всякомъ случаѣ его современниками, какъ главнѣйшій мотивъ устроеннаго имъ въ 800/47 секулярнаго празднества, вслѣдствіе чего этотъ мотивъ позднѣйшимъ писателямъ и сталъ казаться единственнымъ, побудившимъ императора къ этому дѣлу [1]). Болѣе раннимъ писателямъ, стоявшимъ еще ближе къ эпохѣ Клавдія— Тациту, Светонію и Цензорину, а изъ позднѣйшихъ Зосиму [2]), навѣрное, были извѣстны и другіе (основные) мотивы его, указывавшіе, что этотъ императоръ такъ же, какъ Августъ, руководился опредѣленіемъ продолжительности saeculum'a въ 110 лѣтъ, и поэтому названные писатели не поколебались считать секулярныя игры Клавдія однородными съ играми Августа, Домиціана и Септимія Севера, устроенными на основаніи такого же опредѣленія saeculum'a, и согласно этому при перечисленіи всѣхъ вообще секулярныхъ игръ упомянули о нихъ наряду съ тѣми.

---

[1]) Aurelius Victor, De Caesaribus 4, 12, говоря объ этихъ играхъ, выражается такимъ же образомъ — octingentesimus urbis mire celebratus—, какимъ онъ выражается о секулярныхъ играхъ Антонина Пія, состоявшихся въ 900/147 г. по поводу девятисотой годовщины основанія г. Рима (De Caesaribus 14, 4: .. celebrato magnifice urbis nongentesimo).

[2]) Tacitus, Ann. XI, 11. Suetonius, Divus Claudius c. 21. Censorinus 17, 11. Zosimus II, 4, 3.

Однако доводы Клавдія [1]), которыми онъ оправдывалъ свое намѣреніе отпраздновать секулярныя игры въ 800/47 г., не встрѣтили всеобщаго одобренія ни у современныхъ ему, ни у позднѣйшихъ римлянъ [2]). Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что, когда императоръ Домиціанъ въ 841/88 г. устроилъ новое секулярное празднество, онъ, повидимому, исходилъ изъ секулярнаго празднества Августа, предполагавшагося послѣднимъ, какъ кажется, еще въ 731/23 г., но состоявшагося только въ 737/17 г. и обозначеннаго въ комментаріяхъ квиндецимвировъ пятымъ, и потому считалъ свое собственное празднество шестымъ, не принимая вовсе во вниманіе секулярныхъ игръ Клавдія. Точно также и секулярныя игры Септимія Севера, состоявшіяся въ 957/204 г., т. е. черезъ 220 лѣтъ (= 2 стодесятилѣтнихъ saecula) послѣ игръ Августа, или 660 лѣтъ (= 6 стодесятилѣтнихъ saecula) послѣ 297/457 г. (Капитолійской эры), изъ котораго исходилъ Августъ при устройствѣ своихъ игръ, въ оффиціальныхъ актахъ были обозначены какъ седьмыя вслѣдствіе того, что коллегіею квиндецимвировъ не принимались во вниманіе ни секулярныя игры Клавдія, ни состоявшіяся черезъ 100 лѣтъ послѣ послѣднихъ (въ 900/147 г.) игры Антонина Пія.

Тѣмъ не менѣе едва-ли вѣроятно, что Клавдій устроилъ свои игры въ самый день годовщины основанія Рима, каковымъ еще въ концѣ республиканской эпохи стало считаться 21 апрѣля (праздникъ Палилій) [3]), и въ послѣдующіе за нимъ дни. Противъ этого говоритъ не только опредѣленное свидѣтельство Зосима (II, 5, 1), согласно которому секулярныя игры вообще праздновались лѣтомъ (κατὰ τὴν ὥραν τοῦ θέρους),

---

[1]) Объ этихъ доводахъ подробнѣе трактовалъ Тацитъ въ той не дошедшей, къ сожалѣнію, до насъ части своихъ Historiae, въ которой онъ разсказалъ событія царствованія Домиціана. Ср. Tacitus, Ann. XI, 11.

[2]) Ср. также Зосима, который говоритъ (II, 4, 3): Κλαύδιος ἤγαγεν τὴν ἑορτήν, οὐ φυλάξας τὸν τῶν ὡρισμένων ἐτῶν ἀριθμόν.

[3]) Ср. Cicero, De divin. II, 47, 98. Varro, De re rust. II, 1, 9. Ovidius, Fast. IV, 820 sq. и др.

но и то обстоятельство, что по характеру своихъ религіозныхъ обрядовъ секулярныя игры Клавдія, повидимому, походили вполнѣ на игры, устроенныя Августомъ [1]). Недаромъ въ одной эпиграммѣ Марціала (X, 63, 3), содержащей надгробную надпись какой то римской матроны, послѣдняя прославляется какъ женщина, „жизнь которой дважды была испытана Тарентомъ“. Изъ заключающагося въ этихъ словахъ намека на секулярныя игры Клавдія и Домиціана явствуетъ, по моему убѣжденію [2]), что какъ при послѣднихъ, такъ и при первыхъ изъ этихъ игръ, по примѣру игръ Августа, совершены были и Тарентинскіе обряды и находившіеся съ ними въ тѣсной связи селлистерніи и пѣніе секулярнаго гимна.

О другихъ подробностяхъ секулярныхъ игръ Клавдія до насъ сохранилось, къ сожалѣнію, весьма немного свѣдѣній. Мы узнаемъ только, что тогда точно такъ же, какъ при Августѣ, по предложенію консуловъ состоялся заблаговременно сенатусконсультъ относительно ассигновки имъ суммы денегъ для устройства игръ [3]). Далѣе наши источники разсказываютъ, что, когда, согласно обычаю, всюду отправлялись герольды, чтобы извѣстить народъ о предстоящемъ торжествѣ, многіе жители Рима, присутствовавшіе еще на секулярныхъ играхъ Августа, насмѣхались надъ тѣмъ, что ихъ приглашали побывать на празднествѣ, „котораго никто еще не увидѣлъ и никогда больше не увидитъ“ [4]). Такія же насмѣшки вызывались среди народа, должно быть, и тогда, когда во время театральныхъ представленій передъ зрителями ихъ на сценѣ выступали нѣкоторые актеры, и въ числѣ ихъ пантомимъ Стефаніонъ, которые участвовали еще въ театральныхъ представленіяхъ, устраивавшихся при секулярныхъ играхъ Августа [1]).—Какъ послѣднія, такъ и игры Клавдія окончились, безъ сомнѣнія, цирковыми зрѣлищами. На пышность послѣднихъ указываютъ нѣкоторыя свѣдѣнія древнихъ историковъ, относящіяся, по всей вѣроятности, къ секулярному празднеству 800/47 г. [2]). Согласно имъ Клавдій приказалъ вмѣсто прежнихъ туфовыхъ и деревяныхъ оградъ (carceres) и коническихъ столбовъ (metae) Большого Цирка (Circus Maximus) соорудить въ немъ мраморныя ограды и золоченые столбы, а сенаторамъ, которые прежде на цирковыхъ представленіяхъ сидѣли среди остальной публики, онъ предоставилъ особыя почетныя мѣста. Сами представленія въ циркѣ состояли не только изъ бѣговъ четверней, но также изъ старинной игры, извѣстной подъ названіемъ ludus Troiae [3]), въ которой мальчики знатнаго происхожденія, съ сыномъ и пріемышемъ императора Британникомъ и Л. Домиціемъ Нероном во главѣ, дѣлали верхомъ различные маневры. Кромѣ того, одинъ эскадронъ (turma) преторіанскихъ всадниковъ, подъ предводительствомъ трибуновъ и самого префекта императорской гвардіи, устроилъ тогда травлю африканскихъ звѣрей, т. е. львовъ, тигровъ, барсовъ и леопардовъ (ср. Varro, De l. Lat. VII, 40), а оессалійскіе всадники гоняли по аренѣ дикихъ быковъ, вскакивая на утомленныхъ животныхъ и повер-

---

[1]) Ср. fragm. II c и b актовъ секулярныхъ игръ Клавдія (на стр. XLIV приложеній), гдѣ говорится о жертвахъ Юпитеру и Юнонѣ, а также о принесеніи въ жертву свиньи.

[2]) См. подробное объясненіе этой эпиграммы, данное мною въ примѣчаніи къ самому тексту ея на стр. CV сл. приложеній.

[3]) Ср. первый фрагментъ актовъ секулярныхъ игръ Клавдія (= C. I. L. VI, 4, 2 n. 32324) на стр. XLIII приложеній.

[4]) Suetonius, Divus Claudius c. 21.

[1]) Тамъ же и Plinius, N. H. VII, 48, 159.

[2]) Suetonius, Divus Claudius c. 21 extr. и Tacitus, Ann. XI, 11. Оба писателя говорятъ о нихъ непосредственно послѣ упоминанія секулярныхъ игръ Клавдія, и поэтому едва-ли правъ Marquardt (Röm. Staatsverw. III, p. 505 прим. 3), утверждая, что указанный Тацитомъ (а также Светоніемъ) ludus Troiae, въ которомъ участвовалъ и молодой Неронъ, исполненъ былъ не ludis saecularibus, а ludis circensibus. Цирковыми играми вѣдь оканчивались, насколько намъ извѣстно, всѣ секулярныя празднества императорскихъ временъ (ср. commentaria lud. saec. quintorum, v. 154 и 163—165 и septimorum, fragm. VIII, v. 5—7; Sueton., Domitian. 4 и т. д.).

[3]) Объ этой игрѣ и первоначальномъ значеніи ея названія см. Goebel, De Trojae ludo (Düren 1852).

гая ихъ за рога на землю. Во время „Троянской игры“ мальчиковъ между ними особенно отличился, повидимому, пріемышъ императора Л. Домицій Неронъ; горячія привѣтствія, которыми народъ тогда встрѣчалъ его, были приняты за предзнаменованіе ожидавшаго его въ будущемъ императорскаго достоинства. Л. Вителлій, отецъ позднѣйшаго императора Вителлія, привѣтствовалъ Клавдія со свойственной ему лестью; поздравляя его съ секулярными играми, онъ выразилъ ему свое пожеланіе еще нѣсколько разъ праздновать эти игры [1]).

ГЛАВА IX.

Секулярныя игры Домиціана въ 841/88 г.

Черезъ 41 годъ послѣ секулярныхъ игръ Клавдія въ Римѣ опять состоялось секулярное празднество. Его устроилъ въ 841/88 г. [2]) императоръ Домиціанъ, исходя, по свидѣтельствамъ Светонія и Зосима [3]), изъ установленнаго сивиллинымъ оракуломъ опредѣленія saeculum'a въ 110 лѣтъ и изъ того года, въ которомъ Августъ отпраздновалъ свои игры. Однако, эти свидѣтельства не могутъ не вызвать въ насъ нѣкоторыхъ сомнѣній [4]) въ виду того, что годомъ, въ которомъ

---

[1]) Suetonius, Vitellius c. 2 extr.

[2]) Ср. Tacitus, Ann. XI, 11 и Censorinus c. 17, 11. Точно также и Fasti consulares Capitolini отмѣчаютъ секулярныя игры Домиціана къ 841 г. ab urbe condita, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что эта отмѣтка сдѣлана по Варроновой, а не по Капитолійской эрѣ (согласно которой указанный годъ соотвѣтствовалъ бы 842 г. Варроновой эры), какъ полагалъ, напр., Eckhel (Doctr. num. vet. VI, p. 383).

[3]) Suetonius, Domitianus c. 4 и Zosimus II, 4, 3.

[4]) Что касается свидѣтельства Светонія, то оно заключаетъ въ себѣ, вѣроятно, неточность выраженія, вызванную тѣмъ, что дату игръ Домиціана авторъ сопоставилъ не только съ датою игръ Августа, но и съ датою игръ Клавдія. Вмѣсто словъ fecit et ludos

состоялись игры Домиціана, не былъ 847/94 г., какъ слѣдовало бы ожидать, согласно словамъ Светонія и Зосима, а 841/88 г., и трудно согласиться съ предположеніемъ Моммзена [1]), безъ разбора принятаго многими другими учеными [2]), что Домиціанъ по какимъ-то причинамъ произвольно ускорилъ свое празднованіе на шесть лѣтъ, подобно тому, какъ Августъ ускорилъ свое на одинъ годъ [3]). Такъ какъ намъ не извѣстны никакія причины, которыя могли бы побудить императора къ такой поспѣшности, то мнѣ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что игры 841/88 г. были устроены императоромъ по другому разсчету [4]), именно въ виду того, что тогда прошло 110 лѣтъ послѣ 731/23 г., въ которомъ Августъ, по всей вѣ-

---

saeculares computata ratione temporum ad annum, non quo Claudius proxime, sed quo olim Augustus ediderat, онъ, должно быть, хотѣлъ сказать: .... non quo Claudius proxime ediderat, sed quo olim Augustus edere voluerat. Въ свидѣтельствѣ Зосима я усматриваю подобную неточность выраженія, или же порчу рукописнаго чтенія, и потому вмѣсто послѣдняго принялъ въ своемъ изданіи Зосима (см. стр. XIII сл. приложеній) слѣдующую конъектуру Diels'a: μεθ' ὃν [sc. Κλαύδιον] Δομετιανὸς τὸν Κλαύδιον παραπεμψάμενος καὶ τὴν περίοδον τῶν ἐτῶν, ἀφ' οὗ τὴν ἑορτὴν ὁ Σεβαστὸς ἐπετέλε<ι>, <συν>αριθμήσας [рукописи: ἐπετέλεσεν, ἀριθμήσας; Mendelssohn предложилъ: ἐπιτελεῖν ἠθέλησεν, ἀριθμήσας] ἔδοξεν τὸν ἐξ ἀρχῆς παραδοθέντα φυλάττειν θεσμόν.

[1]) Röm. Chronol.², p. 187 и Ephem. epigr. VIII, p. 236 n. 1.

[2]) Ср. Gardthausen, Augustus u. s. Zeit II, 2, p. 621, Schöll (въ Deutsche Rundschau, Januar 1897, p. 70), L. Müller въ своемъ посмертномъ изданіи Одъ и Эподъ Горація (Petersb. u. Lpz. 1900, I, p. 290) и др.

[3]) Противъ этого предположенія Моммзена высказался по справедливости уже Hirschfeld, въ Wiener Studien III (1881), p. 102.

[4]) Что императоръ Домиціанъ держался особаго разсчета, можно заключить изъ того, что Тацитъ, присутствовавшій на играхъ этого императора въ качествѣ жреца квиндецимвира и вмѣстѣ съ тѣмъ претора, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ (Ann. XI, 11), подробнѣе трактовалъ о „rationes“ Домиціана въ тѣхъ, къ сожалѣнію, не дошедшихъ до насъ книгахъ своихъ Historiae, въ которыхъ онъ изложилъ дѣянія этого императора.

роятности, сперва собирался отпраздновать секулярныя игры [1]), и 550 лѣтъ, т. е. 5 стодесятилѣтнихъ saecula послѣ 291/463 г., когда по случаю свирѣпствовавшей въ Римѣ моровой язвы былъ установленъ обычай вбиванія гвоздя въ ту часть Капитолійскаго храма, въ которомъ помѣщалось святилище Минервы [2]). Исходить изъ этого послѣдняго года могло побудить Домиціана, по моему мнѣнію, особенно то обстоятельство, что день его восшествія на престолъ пришелся на 13 сентября [3]), т. е. на тоже самое число, къ которому древніе относили какъ только-что упомянутое событіе [4]), такъ и самое освященіе Капитолійскаго храма, случившееся за 46 лѣтъ до того и отнесенное древнѣйшими анналистами къ 241 г. отъ основанія Рима (=245 г. Варроновой эры) [5]), т. е. къ году, который на 600 лѣтъ (или 6 столѣтнихъ saecula) предшествовалъ 841/88 г. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, по всей вѣроятности, также то, что Домиціанъ, немедленно послѣ своего восшествія на престолъ возстановившій съ неслыханнымъ великолѣпіемъ [6]) Капитолій, сгорѣвшій въ 833/80 г., воздавалъ,

[1]) См. выше на стр. 240 sqq.

[2]) Ср. Mommsen, Röm. Chronol.², p. 178.—Livius VII, 3, 3—6, разсказывая о назначенномъ въ 391/363 г. dictator clavi figendi causa, сообщаетъ слѣдующее: repetitum ex seniorum memoria dicitur pestilentiam quondam clavo ab dictatore fixo sedatam. Ea religione adductus senatus dictatorem clavi figendi causa dici iussit.—Lex vetusta est, priscis litteris verbisque scripta, ut, qui praetor maximus sit, idibus Septembribus clavum pangat; fixa fuit dextro lateri aedis Iovis optimi maximi, ex qua parte Minervae templum est. Eum clavum, quia rarae per ea tempora litterae erant, notam numeri annorum fuisse ferunt eoque Minervae templo dicatam legem, quia numerus Minervae inventum sit.

[3]) Ср. Clinton, Fasti Romani I, p. 68.

[4]) Livius VII, 3. Ср. Mommsen, Röm. Chronol.², p. 178.

[5]) См. Mommsen, Röm. Chronol.², p. 134 sq.

[6]) Suetonius, Domitianus c. 5. Plutarch., Poplicola c. 15. Eutropius VII, 23. Монета Домиціана съ надписью cos. VIII (835/82 г.) Capit. restit. (см. Eckhel, Doctr. num. vet. VI, p. 377).

по свидѣтельствамъ многихъ древнихъ писателей [1]), особый культъ богинѣ Минервѣ, считая ее своей покровительницею и своимъ numen familiare, и что современные ему римляне, превосходя другъ друга въ лести, прославляли его какъ сына этой богини и даже какъ самого Юпитера [2]).

Эти данныя, однако, не даютъ намъ еще права предположить, что Домиціанъ, празднуя секулярныя игры въ 841/88 г., пріурочилъ ихъ къ самой годовщинѣ перваго освященія Капитолійскаго храма и прежняго обычая вбиванія въ него гвоздя, совпадавшей съ днемъ его восшествія на престолъ [3]). Такому предположенію противорѣчитъ свидѣтельство Зосима (II, 5, 1), согласно которому, какъ мы видѣли, всѣ секулярныя игры праздновались лѣтомъ (κατὰ τὴν ὥραν τοῦ θέρους); а секулярныя монеты Домиціана, отчеканенныя отчасти въ теченіе четырнадцатаго консульства и седьмой tribunicia potestas его (т. е. до 13 сентября 841/88 г.) [4]), отчасти же въ теченіе четырнадцатаго консульства и восьмой tribunicia potestas его (т. е. между 13 сентября и 31 декабря 841/88 г.) [5]), не могутъ служить намъ доказательствомъ ни

[1]) Sueton., Domitianus c. 15. Quintilianus, Inst. orat. X, 1, 91. Cassius Dio LXVII, 1, 2. Martialis VIII, 1, 4 и IX, 3, 10. Papinius Statius, Silv. IV, I, 22. Ср. также Gsell, Essai sur le règne de l'empereur Domitien (Paris 1894), p. 76.

[2]) См. Martial. IV, 1, 1; IV, 3; VI, 83; IX, 35; IX, 91 и Papinius Statius, Silv. praefatio и I, 6, 27 и IV, 4, 58.

[3]) Onuphrius Panvinius, De ludis saecularibus liber (въ Graevii Thesaur. antiq. Rom. IX 1699), а вслѣдъ за нимъ и другіе, какъ, напр., Imhof (C. Flavius Domitianus, Halle 1857, p. 82), высказали предположеніе, что Домиціанъ отпраздновалъ секулярныя игры для прославленія годовщины своего восшествія на престолъ.

[4]) О существованіи секулярной монеты Домиціана съ надписью IMP. CAES. DOMIT. AVG. GER. P. M. TR. P. VII (на лицевой сторонѣ) и COS. XIIII LVD. SAEC. FEC. (на оборотѣ) свидѣтельствуетъ Pagi (Critic. Baron. ad ann. Chr. 88). Ср. Eckhel, Doctr. num. vet. VI, p. 384.

[5]) Ср. наше описаніе этихъ монетъ на стр. LXVIII—LXXVI

въ пользу упомянутаго предположенія, ни противъ него. Несомнѣнно вѣдь, какъ справедливо замѣтилъ уже Гиршфельдъ [1]), что эти монеты точно такъ же, какъ и секулярныя монеты другихъ императоровъ, не являются медалями, выбитыми ко времени самого секулярнаго празднества, а чеканились въ память его черезъ болѣе или менѣе продолжительное время послѣ состоявшихся уже игръ, нерѣдко даже черезъ цѣлый годъ или больше лѣтъ [2]). Въ виду этого сами собою рушатся тѣ произвольно обоснованныя на этихъ монетахъ предположенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ, согласно которымъ секулярныя игры Домиціана состоялись или въ день годовщины его восшествія на престолъ (13 сентября) [3]), или въ день его рожде-

---

приложеній и автотипическія воспроизведенія ихъ на таблицахъ VI (n. 5—11), VII и VIII.

[1]) Hirschfeld, въ Wiener Studien III (1881), p. 103 n. 26.

[2]) Такъ, напр., нѣкоторыя изъ монетъ, относящихся къ секулярнымъ играмъ Августа, были отчеканены не въ 737/17 г., когда состоялись эти игры, а только въ 738/16 г. Ср. наше описаніе этихъ монетъ на стр. LXV—LXVII приложеній (№№ 1, 2 и 5). Точно также среди монетъ, относящихся къ секулярнымъ играмъ 957/204 г., отпразднованнымъ Септиміемъ Северомъ, Каракаллою и Гетою, находится одна монета Геты, отчеканенная не раньше 958/250 г. (см. № 6 нашего описанія этихъ монетъ на стр. LXXIX приложеній и таблицу IX, n. 4), и одна монета Септимія Севера, отчеканенная въ 960/267 г. (см. тамъ же № 11 на стр. LXXXI). Наконецъ слѣдуетъ указать и на всѣ „секулярныя" монеты Этрусциллы, Гостиліана, Требоніана Галла и Волузіана, которыя, относясь къ новому вѣку (saeculum novum), наступившему послѣ отпразднованныхъ Филиппами въ 1001/248 г. секулярныхъ игръ, были отчеканены черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія. (Ср. наше описаніе этихъ монетъ на стр. XCIII—XCV приложеній и таблицу XII, n. 6 и 7).

[3]) Ср. выше прим. 3 на стр. 293. Такого же мнѣнія, какъ Onuphrius Panvinius и Imhof, держатся, повидимому, также Friedländer (въ своемъ изданіи Марціала, Leipzig 1886, I, p. 55) и Vollmer (въ своемъ изданіи Сильвъ Папинія Стація, Leipzig 1898, p. 5 и 285).

нія (24 октября) [1]), или же въ концѣ сентября и въ началѣ октября [2]).

Помѣщенныя на оборотахъ секулярныхъ монетъ Домиціана изображенія различныхъ обрядовъ и жертвоприношеній, исполненныхъ въ теченіе его игръ, указываютъ такъ же, какъ и другія свидѣтельства [3]), на то, что эти игры во всѣхъ отношеніяхъ походили на игры Августа. Особенной пышностью отличались устроенныя Домиціаномъ, вѣроятно, въ послѣдніе дни празднества, цирковыя зрѣлища [4]): между тѣмъ какъ въ прежнія времена при такихъ зрѣлищахъ каждый бѣгъ (missus) четверней состоялъ изъ семи объѣздовъ арены цирка (spatia), вслѣдствіе чего тогда въ теченіе одного дня производились обыкновенно только 12 или (со временъ Калигулы) 24 бѣга [5]), Домиціанъ уменьшилъ число этихъ объѣздовъ до пяти, чтобы такимъ образомъ увеличить количество полныхъ бѣговъ и по-

---

[1]) См. Imhof, C. Flavius Domitianus (Halle 1857), p. 82. Imhof, однако, колеблется между 24 октября и 13 сентября.

[2]) Stobbe, Die Gedichte Martials. Eine chronol. Untersuchung (въ Philologus XXVI 1867, p. 52).

[3]) Martial. IV, 1, 7 и X, 63, 3 (ср. наше примѣчаніе къ этому мѣсту на стр. CV сл. приложеній, и то, что мы по поводу его же сказали выше на стр. 288), а также Papinius Statius, Silv. I, 4, 15—18 и IV, 1, 37 sq.

[4]) См. Suetonius, Domitianus c. 4: in iis [т. е. ludis saecularibus] circensium die, quo facilius centum missus peragerentur, singulos a septenis spatiis ad quina corripuit. Такъ какъ длина арены въ circus maximus, согласно Jordan'y (Forma urbis Romae regionum XIIII, Berl. 1874, p. 21), составляла 600 метровъ, и такъ какъ поэтому на каждомъ missus, состоявшемъ тогда изъ пяти объѣздовъ всей арены, колесницамъ нужно было проѣхать не менѣе 6 километровъ ($=5\times1200$ метровъ), на что требовалось, по крайней мѣрѣ, четверть часа времени, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что устроенные при секулярныхъ играхъ Домиціана 100 missus не могли быть произведены въ одинъ день, а только въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Въ виду этого рукописное чтеніе у Свѣтонія circensium die должно быть признано испорченнымъ, и вмѣсто него я предлагаю читать: circensium die*bus*.

[5]) См. Marquardt, Röm. Statsverw. III, p.494.

стоянной мѣною послѣднихъ наиболѣе возбудить интересъ и энтузіазмъ зрителей. И вотъ въ теченіе нѣсколькихъ дней тогда состоялось не менѣе ста такихъ бѣговъ [1]).

Впечатлѣніе, произведенное на римлянъ пышностью секулярнаго празднества Домиціана, было, безъ сомнѣнія, весьма глубокое, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подобно льстивому Л. Вителлію, который пожелалъ Клавдію часто праздновать секулярныя игры, современники Домиціана Марціалъ и Папиній Стацій не поколебались посвятить ему стихотворенія, полныя такой же лести—первый вскорѣ послѣ состоявшихся игръ ко дню его рожденія, 24 октября 841/88 г., а второй черезъ 7 лѣтъ послѣ этого, по случаю вступленія Домиціана въ 17-ое консульство. Въ этихъ стихотвореніяхъ они, между прочимъ, выразили надежду, что императору суждено будетъ еще разъ встрѣтить наступленіе новаго вѣка и вторично совершить священные обряды Тарента [2]).

ГЛАВА X.

Секулярныя игры Антонина Пія въ 900/147 г.

59 лѣтъ прошло послѣ празднованія Домиціаномъ секулярныхъ игръ, когда при Антонинѣ Піи по случаю наступленія девятисотой годовщины основанія Рима состоялось новое секулярное празднество [3]), задолго до того подготовленное

---

[1]) Не было ли это число бѣговъ назначено Домиціаномъ соотвѣтственно числу лѣтъ столѣтняго saeculum'a, и не имѣемъ ли мы въ этомъ обстоятельствѣ указанія на то, что императоръ при устройствѣ своихъ игръ руководился, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ (указаннымъ мною уже выше), что въ 841/88 г. прошло 600 лѣтъ или 6 столѣтнихъ saecula послѣ освященія Капитолійскаго храма, отнесеннаго древнѣйшими анналистами къ 241 г. ab. urbe condita?

[2]) Martial. IV, 1, 7 sq. и Papinius Statius, Silv. IV, 1, 37 sq.

[3]) Aurelius Victor, De Caesaribus 15, 4.

императоромъ, выпустившимъ, какъ кажется, въ виду этого много медалей, изображенія которыхъ прославляли древнѣйшія традиціи Рима [1]). Хотя очевидно, что при устройствѣ этихъ игръ Антонинъ Пій не придерживался принятаго впервые Августомъ опредѣленія продолжительности saeculum'a въ 110 лѣтъ, а возвратился къ древнѣйшему опредѣленію ея въ 100 лѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исходилъ изъ секулярныхъ игръ, устроенныхъ Клавдіемъ въ 800/47 г., полагая, что послѣднія состоялись только по поводу восьмисотой годовщины основанія г. Рима, но сомнѣваться въ основномъ тождествѣ характера празднества Антонина Пія съ характеромъ прежнихъ секулярныхъ игръ мы не имѣемъ никакого основанія. Правда, дошедшія до насъ изъ древности скудныя свѣдѣнія о немъ не указываютъ опредѣленно на такое тождество, а Цензоринъ (с. 17, 11) и Зосимъ (II, 4, 3), перечисляя всѣ секулярныя игры, совсѣмъ не упоминаютъ о секулярныхъ играхъ Антонина Пія, и при устройствѣ Септиміемъ Северомъ въ 957/204 г. секулярнаго празднества не обратили вниманія на празднество 900/147 г., а приняли въ разсчетъ только игры Августа и Домиціана и согласно этому занесли игры 957/204 г. въ оффиціальные акты квиндецимвировъ какъ седьмое празднество; но едва ли слѣдуетъ приписать этому обстоятельству особое значеніе. Что касается молчанія Цензорина и Зосима, то, во-первыхъ, оно можетъ быть обусловлено пробѣломъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ текста ихъ сочиненій, дошедшаго до насъ вообще въ испорченномъ и неполномъ видѣ, а во-вторыхъ оно само по себѣ является маловажнымъ въ виду того, что тѣ же авторы въ своемъ перечисленіи секулярныхъ игръ упоминаютъ о секулярномъ празднествѣ Клавдія, которое, будучи устроено какъ мы видѣли, отчасти по случаю восьмисотой годовщины основанія Рима, по своему характеру несомнѣнно походило на празднество Антонина Пія, устроенное черезъ 100 лѣтъ по-

---

[1]) Ср. наше краткое описаніе этихъ монетъ Антонина Пія на стр. LXXVI сл. приложеній.

слѣ него, по случаю девятисотой годовщины основанія Рима [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, не отличалось своими религіозными обрядами отъ игръ Августа, хотя и не было основано на томъ же хронологическомъ разсчетѣ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ мы должны, какъ мнѣ кажется, усматривать также причину того, что въ оффиціальныхъ актахъ квиндецимвировъ игры Августа были обозначены какъ пятыя, игры Домиціана, повидимому, какъ шестыя, а игры Септимія Севера какъ седьмыя, между тѣмъ, какъ игры Клавдія и игры Антонина Пія въ нихъ были совсѣмъ обойдены. Не пріуроченныя къ тому же хронологическому основанію, которое послужило исходной точкою для опредѣленія датъ упомянутыхъ игръ первой категоріи, игры Антонина Пія такъ же, какъ игры Клавдія, принимались, тѣмъ не менѣе, за секулярныя игры не только ихъ учредителями, но и большинствомъ ихъ современниковъ и соотвѣтственно этому праздновались, какъ я склоненъ предположить, совсѣмъ на подобіе другихъ, т. е. по тому же религіозному ритуалу и въ то же урочное для всѣхъ секулярныхъ игръ время, именно лѣтомъ (ср. Zosimus II, 5, 1), а не въ самую годовщину основанія Рима, 21 апрѣля и въ послѣдующіе за нимъ дни, какъ можно было бы думать на первый взглядъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ, по моему мнѣнію, и то обстоятельство, что эпонимными консулами 900/147 г. были два Валерія, Л. Валерій Ларгъ и М. Валерій Мессалинъ, т. е. два члена того знатнаго рода, который, согласно традиціи, основалъ старинный культъ въ римскомъ Тарентѣ, послужившій, какъ мы видѣли, однимъ изъ источниковъ религіозныхъ обрядовъ секулярныхъ

[1]) Аврелій Викторъ (De Caesaribus 4, 14 и 15, 4) упоминаетъ объ играхъ Клавдія и Антонина Пія въ выраженіяхъ совершенно тождественныхъ съ тѣми, которыя онъ употребляетъ (De Caesar. 28, 1—2) при упоминаніи игръ Филиповъ. Какъ тѣ, такъ и эти онъ не называетъ секулярными, хотя несомнѣнно, что на послѣднихъ совершались, между прочимъ, тѣ же ночные обряды, какіе совершались, напр., на секулярныхъ играхъ Августа, Домиціана и Септимія Севера.

игръ. Назначеніе этихъ лицъ эпонимными консулами 900/147 г. едва-ли можетъ считаться случайностью, а находилось, какъ я думаю, въ связи съ намѣреніемъ Антонина Пія отпраздновать въ этомъ году секулярныя игры такимъ же образомъ, какимъ онѣ были отпразднованы въ прежнія времена.

Празднество Антонина Пія отличалось, по свидѣтельству Аврелія Виктора, большимъ великолѣпіемъ, и всеобщая радость римлянъ по поводу его была еще болѣе усилена тѣмъ, что императоръ, желая, повидимому, ознаменовать это торжественное событіе оказаніемъ народу особой милости, приказалъ сложить со всѣхъ должниковъ (казны) долги и сжечь долговыя книги [1]). — Самое празднество, какъ кажется, окончилось, по старинному обычаю, великолѣпными гладіаторскими и другими играми, во время которыхъ, кромѣ многочисленныхъ другихъ звѣрей, слоновъ, эѳіопскихъ „корокоттъ" (т. е., вѣроятно, гіенъ), носороговъ, крокодиловъ и гиппопотамовъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ свѣта, на арену были выпущены сразу также сто львовъ съ тигрицами [2]).

ГЛАВА XI.

Секулярныя игры Септимія Севера въ 957/204 г.

Въ 957/204 г., т. е. ровно черезъ 220 лѣтъ или два 110-лѣтнихъ saecula послѣ секулярнаго празднества Августа, состоявшагося въ 737/17 г., императоръ Септимій Северъ

[1]) Chronic. Pasch. p. 256 C ed. Dindorf.

[2]) Iulius Capitolinus, Antoninus Pius c. 10, 9. Хотя этотъ авторъ, разсказывая о munera Антонина Пія, не приводитъ ихъ въ связь съ секулярными играми 900/147 г., но весьма вѣроятно, что они были устроены именно по случаю этого празднества. На это указываетъ не только необыкновенная пышность ихъ, но и, въ особенности, указанное Капитолиномъ число ста львовъ, которое, какъ я предполагаю, было назначено императоромъ соотвѣтственно числу лѣтъ праздновавшагося имъ новаго (столѣтняго) saeculum'а Рима. Ср. выше прим. 1 на стр. 296.

устроилъ секулярныя игры совмѣстно со своими сыновьями Каракаллою и Гетою. Уже одна хронологическая дата этихъ игръ, въ соединеніи съ краткими свѣдѣніями о нихъ, которыя намъ оставилъ ихъ современникъ и очевидецъ Геродіанъ [1]), и съ изображеніемъ ихъ обрядовъ, помѣщенными на относящихся къ нимъ секулярныхъ монетахъ [2]), могла указать на то, что Септимій Северъ при устройствѣ своего празднества держался въ точности основныхъ пунктовъ программы празднества Августа. Съ полной достовѣрностью это явствуетъ теперь изъ тѣхъ остатковъ оффиціальныхъ актовъ игръ Севера, которые, какъ мы уже выше сказали [3]), были найдены въ 1890—91 г. вмѣстѣ съ остатками оффиціальныхъ актовъ игръ Августа, представляя собой части большой надписи, нѣкогда украшавшей мраморный столбъ, воздвигнутый въ память игръ 957/204 г. [4]).

Постараемся вкратцѣ изложить содержаніе этого новонайденнаго эпиграфическаго источника, насколько это возможно въ виду крайне фрагментарнаго состоянія его, и попытаемся такимъ образомъ хотя бы въ главныхъ чертахъ возстановить самую исторію секулярныхъ игръ Септимія Севера.

---

[1]) Herodian. III, 8, 10.—Censorinus (c. 17, 11) и Zosimus (II, 4, 3) приводятъ только хронологическую дату этихъ игръ.

[2]) Подробное описаніе этихъ монетъ мы даемъ на стр. LXXVII—LXXXII, а автотипическія репродукціи ихъ на таблицѣ IX, n. 1—10. — Изображенія Вакха и Геркулеса, помѣщенныя на нѣкоторыхъ изъ нихъ, не находятся въ прямой связи съ секулярными играми, а являются на нихъ только въ качествѣ боговъ-покровителей (di auspices) или отечественныхъ боговъ (di patrii) Севера, воздвигнувшаго имъ великолѣпный храмъ въ Римѣ (Cassius Dio LXXVI, 16, 3. Ср. Froehner, Les médaillons de l'empire Romain, p. 155 и Fuchs, Gesch. des Kais. L. Septimius Severus, Wien 1884, p. 133).

[3]) См. на стр. 248.

[4]) Критически провѣренное и по возможности дополненное изданіе всѣхъ фрагментовъ (I—IX) этой надписи читатель найдетъ на стр. XLIV—LXIV приложеній, а цинкографическое возпроизведеніе реставрированнаго вида мраморнаго столба, на которомъ нѣкогда красовалась эта надпись, помѣщено на таблицѣ V б.

Начиная краткою надписью [1]), указывающей на то, что здѣсь приводится комментарій седьмыхъ секулярныхъ игръ, устроенныхъ императоромъ Л. Септиміемъ Северомъ въ годъ его двѣнадцатой tribunicia potestas, а также его сыновьями, императоромъ М. Авреліемъ Антониномъ (Каракаллою) и Цезаремъ П. Септиміемъ Гетою, акты упоминаютъ въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ [2]) о томъ, что въ засѣданіи сената, состоявшемся (еще до 14 августа 956/203 г.) [3]) въ curia Iulia, тогдашній магистръ коллегіи квиндецимвировъ, Манилій Фускъ, стоя вмѣстѣ съ остальными членами ея передъ трибуною, на которой по тогдашнему обычаю возсѣдали консулы, прочелъ отъ имени всей коллегіи составленный ею письменный докладъ съ предложеніемъ, чтобы сенатъ постановилъ отпраздновать въ слѣдующемъ году секулярныя игры, долженствовавшія привѣтствовать наступленіе новаго 110-лѣтняго saeculum'а, и такимъ образомъ исполнилъ предписаніе древней Сивиллы, по волѣ которой такія игры были учреждены еще за 660 лѣтъ до того, въ 297 г. по основаніи Рима [4]).

Въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ актовъ [5]) приводится постановленіе сената, состоявшееся по поводу сдѣланнаго коллегіею квиндецимвировъ предложенія. Форма этого сенатусконсульта рѣзко отличается отъ формы сенатусконсультовъ временъ республики и первыхъ двухъ столѣтій имперіи: тутъ приводится только то мнѣніе, принятое всѣмъ сенатомъ, кото-

---

[1]) Fragm. I, v. 1—4. Какъ здѣсь, такъ и далѣе я привожу фрагменты надписи и ихъ строки по тому счету, который я установилъ въ своемъ изданіи ихъ.

[2]) Тамъ же, v. 5—25.

[3]) Это можно заключить изъ фрагментарнаго указанія даты въ пятой строкѣ перваго фрагмента: prid. [6] ias (или tas).

[4]) Эта дата, основанная на Капитолійской эрѣ, а не на Варроновой, какъ ошибочно утверждаетъ Mommsen (Ephem. epigr. VIII, p. 295), указываетъ на то, что коллегія квиндецимвировъ первоначально считала годы по первой изъ упомянутыхъ эръ. Ср. выше на стр. 243, съ прим. 2.

[5]) Fragm. I, v. 25—48.

рое по написанному, согласно тогдашнему обычаю, начертанію (ex manuario) было прочтено, повидимому, первымъ изъ сенаторовъ, спрошенныхъ предсѣдательствующимъ консуломъ, именно Кальпурніемъ Максимомъ, бывшимъ въ то время, вѣроятно, консуларомъ или же консуломъ десигнатомъ. Мнѣніе это состояло въ томъ, чтобы согласно предложенію квиндецимвировъ сенатъ просилъ императоровъ устроить въ слѣдующемъ году въ опредѣленные ими и жреческой коллегіею дни секулярныя игры (I, v. 28 sq.); расходы на ихъ устройство были бы отнесены на счетъ государственной казны (I, v. 29); всѣ эти празднества считались бы общественными праздниками (I, v. 29), въ продолженіе коихъ пріостановлено было бы всякое судопроизводство (I, v. 30 и 45 sq.), а также „уменьшенъ“ трауръ женщинъ по усопшимъ (I, v. 30), и, наконецъ, на счетъ казны былъ бы воздвигнутъ мраморный столбъ съ надписью, содержащей подробный протоколъ всего торжества (I, v. 30 и 47 sq.).

Вслѣдъ за этимъ сенатусконсультомъ, отдѣльныя постановленія котораго совершенно сходны съ постановленіями, сдѣланными по поводу устройства секулярныхъ игръ Августа, въ разсматриваемыхъ нами актахъ приводится сперва декретъ коллегіи квиндецимвировъ [1]), состоявшійся въ засѣданіи ея, которое произошло 13 ноября 956/203 г. на палатинскомъ холмѣ (вѣроятно, вблизи мѣстности, прозванной Roma quadrata), а затѣмъ эдиктъ той же коллегіи, находившійся, повидимому, въ связи съ предыдущимъ декретомъ [2]). Содержаніе того и другого мы, однако, не въ состояніи опредѣлить, такъ какъ сохранившійся до насъ первый фрагментъ надписи является въ этомъ мѣстѣ особенно поврежденнымъ и неполнымъ.

Изъ начала второго фрагмента актовъ мы узнаемъ, что 15 апрѣля 957/204 г. въ засѣданіи коллегіи квиндецимвировъ тогдашнимъ магистромъ ея Помпеемъ Рузоніаномъ были прочитаны два посланія императоровъ Септимія Севера и Кара-

[1]) Тамъ же, v. 49—53.

[2]) Тамъ же, v. 54—57.

каллы [1]). Въ первомъ изъ нихъ (II, v. 2—4) они пригласили своихъ коллегъ по жреческой должности собраться 25 мая въ храмѣ Аполлона на палатинскомъ холмѣ для того, чтобы опредѣлить, кто изъ нихъ и въ какомъ мѣстѣ долженъ будетъ раздавать народу съ трибуналовъ средства для очищенія; во второмъ посланіи (II, v. 4—6) императоры, отвѣчая на предложенный имъ коллегіею вопросъ, въ какіе дни и почи слѣдуетъ отпраздновать секулярныя игры, извѣстили своихъ коллегъ, что они совмѣстно съ ними обсудятъ этотъ вопросъ въ назначенномъ на 25 мая засѣданіи и тогда же порѣшатъ, какія благовонія должны будутъ употреблять матроны на празднествѣ при молитвахъ, съ которыми онѣ будутъ обращаться къ божествамъ.

Въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ актовъ [2]) разсказывается, что согласно этому предложенію Септимія Севера и Каракаллы коллегія квиндецимвировъ, состоявшая въ то время приблизительно изъ 24 членовъ, собралась 25 мая на засѣданіе въ храмѣ Палатинскаго Аполлона. Поименовавъ потомъ всѣхъ присутствовавшихъ на этомъ засѣданіи членовъ коллегіи, именно—обоихъ императоровъ и 14 или 15 коллегъ ихъ по жреческой должности, акты указываютъ, какимъ членамъ коллегіи и въ какихъ мѣстахъ при метаніи жребія достались трибуналы. Изъ послѣднихъ одинъ находился на палатинскомъ холмѣ передъ храмомъ Аполлона, другой тамъ же вблизи т. наз. Roma quadrata, третій передъ храмомъ, вѣроятно, Капитолійскаго Iuppiter Optimus Maximus и Iuppiter Tonans, а четвертый передъ храмомъ, вѣроятно, Авентинской Діаны [3]). Всѣ эти трибуналы были распредѣлены между отдѣльными квиндецимвирами, какъ кажется, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы на каждомъ

[1]) Fragm. II, v. 1—6.

[2]) Тамъ же, v. 7—14.

[3]) Предположеніе наше о мѣстонахожденіи двухъ послѣднихъ трибуналовъ основывается на томъ, что передъ указанными храмами воздвигнуты были трибуналы для квиндецимвировъ также при устройствѣ секулярныхъ игръ Августа. Ср. выше на стр. 255 sq.

изъ нихъ четыре члена коллегіи чередовались при раздачѣ очистительныхъ средствъ черезъ каждые три часа [1]).

Послѣ метанія жребія коллегія издала эдиктъ [2]), въ которомъ оба императора, а также Цезарь Гета, поименованные ихъ полными титулами, вмѣстѣ съ остальными своими коллегами, пригласили народъ побывать многолюдной толпою на всѣхъ священнодѣйствіяхъ, предполагавшихся въ три дня и ночи празднества. Вмѣстѣ съ тѣмъ они извѣстили римлянъ, что на это время пріостановлено будетъ судопроизводство и что истцамъ предоставляется право черезъ 30 дней послѣ окончанія торжества снова привлечь къ суду отвѣтчиковъ. Наконецъ, эдиктъ увѣщевалъ всѣхъ домохозяевъ и жильцовъ наемныхъ квартиръ въ продолженіе ночей празднества повиноваться военнымъ патрулямъ, которые тогда будутъ совершать дозорные обходы по участкамъ города для предотвращенія, какъ кажется, пожаровъ и кражъ.

Согласно этому эдикту императоры въ сопровожденіи остальныхъ квиндецимвировъ прибыли на слѣдующій день, 26 мая, къ трибуналу, воздвигнутому передъ храмомъ Палатинскаго Аполлона, и взошедши на него, начали сами раздавать очистительныя средства какъ членамъ сенаторскаго и всаднического сословій, такъ и простому народу. Затѣмъ императоры удалились, оставивъ на мѣстѣ тѣхъ квиндецимвировъ, которымъ по жребію достался этотъ трибуналъ, а остальные члены коллегіи, одѣтые въ тогу претексту, отправились всѣ къ своимъ трибуналамъ, чтобы здѣсь исполнять свои обязанности, чередуясь другъ съ другомъ въ опредѣленные часы; сами же императоры, какъ кажется, помогали имъ при этомъ,

[1]) Это можно заключить съ нѣкоторой вѣроятностью изъ того обстоятельства, что въ 12 строкѣ второго фрагмента при трибуналѣ ad Romam quadratam упоминаются по крайней мѣрѣ три квиндецимвира, а въ 3 строкѣ третьяго фрагмента указываются, повидимому, часы—три (a VIIII in XII)—, въ продолженіе которыхъ каждая группа квиндецимвировъ раздавала очистительныя средства.

[2]) Fragm. II, v. 14—22.

распоряжаясь, можетъ быть, о томъ, чтобы имъ по мѣрѣ надобности доставлялось необходимое количество очистительныхъ средствъ [1]).

Скудные остатки надписи, сохранившейся и въ этомъ мѣстѣ въ весьма неполномъ и поврежденномъ видѣ, не позволяютъ намъ судить, продолжалась ли раздача очистительныхъ средствъ только въ указанный день, 26 мая, или же—что болѣе вѣроятно—въ теченіе нѣсколькихъ, именно трехъ дней (съ 26 по 28 мая), какъ это было при секулярномъ празднествѣ Августа. Точно также невозможно рѣшить, къ какому дню относились тѣ обряды, которые описываются въ актахъ, начиная, повидимому, съ 5 строки третьяго фрагмента ихъ. Упомянутыя здѣсь, согласно моему дополненію даннаго мѣста, корзины изъ слоновой кости (corves aeboreae=corbes eburneae) указываютъ однако, какъ я думаю, на послѣдовавшій за раздачей очистительныхъ средствъ обрядъ принесенія народомъ квиндецимвирамъ первыхъ плодовъ, который тогда былъ совершенъ, по всей вѣроятности, въ тѣ же дни, какъ при секулярныхъ играхъ Августа, т. е. 29, 30 и 31 мая. Обрядъ этотъ при играхъ Септимія Севера начался, вѣроятно, съ того, что императоръ освятилъ упомянутыя корзины изъ слоновой кости передъ изображеніемъ Юпитера Капитолійскаго и затѣмъ прочелъ торжественную молитву, повторенную вслѣдъ за нимъ или Каракаллою или всѣми квиндецимвирами. Въ ней онъ взывалъ къ Юпитеру optimus maximus, къ Юнонѣ Царицѣ и къ „доброму, прекрасному“ Аполлону, а, можетъ быть, также къ другимъ божествамъ, почитавшимся при секулярныхъ играхъ, о томъ, чтобы римскій народъ квиритовъ твердо пребывалъ въ почитаніи добра и справедливости и чтобы боги поэтому благосклонно охраняли какъ императорскій домъ и супругу императора Юлію, „мать лагеря“, такъ и все государство римскаго народа квиритовъ. Послѣ этой молитвы императоры взошли на свой трибуналъ и начали принимать отъ

[1]) Fragm. II, v. 22—29 и III, v. 1—5.

народа первые плоды, кладя ихъ въ священныя корзины изъ слоновой кости [1]).

Изъ слѣдующихъ затѣмъ строкъ третьяго фрагмента надписи, дошедшихъ до насъ въ такомъ же неполномъ видѣ, какъ и предыдущія, явствуетъ только то, что онѣ содержали сперва разсказъ о произведенной (вѣроятно, наканунѣ празднествъ) магистромъ квиндецимвировъ Помпеемъ Рузоніаномъ люстраціи мѣстности Tarentum, въ которой должны были совершаться жертвоприношенія, и, какъ кажется, прочтенную имъ при этомъ молитву [2]); затѣмъ слѣдуетъ текстъ эдикта, въ которомъ Септимій Северъ и его сыновья совмѣстно съ остальными квиндецимвирами извѣстили народъ о подробностяхъ предполагавшагося, какъ кажется, торжественнаго шествія по различнымъ мѣстностямъ города, въ которомъ какая то роль предназначалась также весталкамъ [3]). Далѣе сохранились скудные остатки молитвы, которая, будучи обращена къ Юпитеру и къ какимъ то другимъ божествамъ секулярныхъ игръ, повидимому, предшествовала самому празднеству [4]).

Въ какіе дни приходилось это послѣднее, не видно изъ дошедшихъ до насъ остатковъ надписи, но съ наибольшею вѣроятностью можно предположить, что оно состоялось въ установленный Августомъ срокъ, именно 1—3 іюня. Началось оно, какъ при Августѣ, жертвами, принесенными Мойрамъ, и издревле установленной молитвою къ богинямъ о сохраненіи римскаго государства [5]), а затѣмъ послѣдовало, какъ кажется, устройство ночныхъ селлистерній (въ честь Юноны и Діаны) [6]).

Къ священнодѣйствіямъ, вѣроятно, перваго дня празднествъ относится то, что въ крайне испорченномъ концѣ третьяго фрагмента надписи разсказывается о принесеніи въ жертву какому то богу быка или (двухъ?) быковъ [1]), о молитвѣ, обращенной къ Юпитеру [2]), и объ исполненныхъ тогда обрядахъ, состоявшихъ, между прочимъ, въ томъ, что со лба животнаго ножемъ были срѣзаны волосы [3]), что жертвенникъ трижды былъ окропленъ водою [4]) и что разсмотрѣны были также внутренности закланныхъ животныхъ [5]).

Изъ четвертаго фрагмента надписи, въ началѣ котораго, можетъ быть, упомянуто было о жертвахъ, принесенныхъ Иліоіямъ во вторую ночь празднествъ [6]), мы узнаемъ, что тогда же устроены были селлистерніи (въ честь Юноны и Діаны) [7]), а потомъ, повидимому, во второй день празднествъ, Юнонѣ Царицѣ принесена была въ жертву бѣлая корова [8]). Вслѣдъ за этимъ послѣ новаго жертвоприношенія, совершеннаго въ честь Юпитера, состоялся священный пиръ (квиндецимвировъ) [9]), а потомъ передъ святилищемъ Юноны Царицы собрались 110 матронъ съ императрицею Юліей во главѣ и въ присутствіи двухъ старшихъ весталокъ, Нумизіи Максимиллы и Теренціи Флаволы, стоя на колѣняхъ, повторили вслѣдъ за императоромъ Северомъ прочитанную имъ молитву, въ которой взывали къ Юнонѣ, моля ее о ниспосланіи благоденствія римскому народу въ военное и мирное время [10]). Поименовавъ всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ обрядѣ матронъ [11]), въ числѣ которыхъ находились не однѣ только женщины плебейскаго

---

[1]) Fragm. III, v. 5—13.
[2]) Тамъ же, v. 14—25.
[3]) Тамъ же, v. 26—37.
[4]) Тамъ же, v. 38—50.
[5]) Тамъ же, v. 51—56.
[6]) Это можно съ нѣкоторой вѣроятностью заключить изъ слова pervigilium (тамъ же, v. 64 sq.).

[1]) Тамъ же, v. 74 и 83.
[2]) Тамъ же, v. 77—78.
[3]) Тамъ же, v. 79.
[4]) Тамъ же, v. 81.
[5]) Тамъ же, v. 78 и 84—85.
[6]) Намекъ на эти жертвы я усматриваю въ словѣ ara (fragm. IV, v. 2).
[7]) Fragm. IV, v. 4.
[8]) Тамъ же, v. 6—7.
[9]) Тамъ же, v. 8.
[10]) Тамъ же, v. 8—13.
[11]) Тамъ же, v. 13—29.

или въ лучшемъ случаѣ всаднического сословія, какъ полагаетъ Моммзенъ, но, по всей вѣроятности, также представительницы высшаго, сенаторскаго сословія [1]), четвертый фрагментъ надписи упоминаетъ, наконецъ, еще объ устройствѣ этими же матронами какихъ то селлистерній [2]) и о присутствіи квиндецимвировъ при этомъ или при какомъ-нибудь другомъ священнодѣйствіи [3]). Невозможно рѣшить, должны ли мы усматривать въ этихъ селлистерніяхъ обрядъ второго дня, или же, какъ полагаютъ Mommsen и Huelsen [4]), третьей ночи празднества, и относятся ли послѣднія строки четвертаго фрагмента, содержащія поименный списокъ присутствовавшихъ квиндецимвировъ, къ жертвоприношенію, устроенному въ третью ночь въ честь матери Земли, какъ полагаютъ тѣ же ученые [5]), или же, что мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, къ раньше описанному обряду матронъ, состоявшемуся, по моему мнѣнію, вѣроятнѣе всего во второй день празднествъ.

Слѣдующій затѣмъ V фрагментъ надписи отличается настолько отрывочнымъ видомъ, что мы не въ состояніи точно опредѣлить его содержаніе. Особенно загадочной является читаемая въ третьей строкѣ его дата [*M*]artias. Едва ли однако правъ Моммзенъ [6]), выводя изъ нея заключеніе, что здѣсь рѣчь шла объ играхъ, устроенныхъ лишь по окончаніи настоящаго секулярнаго торжества весною слѣдующаго 958/205 г. Не соглашаясь съ такимъ предположеніемъ, противорѣчащимъ не только всему характеру секулярныхъ празднествъ, но и содержанію слѣдующихъ за пятымъ фрагментовъ VI—IX надписи, я скорѣе склоненъ усматривать въ приведенной датѣ ссылку на какое то предшествовавшее самимъ празднествамъ распоряженіе, о которомъ снова напомнили народу во время послѣднихъ еще до ихъ окончанія.

VI фрагментъ надписи, содержащій въ началѣ (v. 3—8) имена разныхъ мущинъ и женщинъ, но не указывающій, какую роль названныя лица играли при секулярныхъ обрядахъ [1]), упоминаетъ въ концѣ (v. 9) о сценическихъ представленіяхъ, устроенныхъ (квиндецимвирами) въ деревянномъ театрѣ, спеціально сооруженномъ, повидимому, для празднествъ, по примѣру игръ Августа, въ „Тарентѣ“, а VII фрагментъ содержитъ въ началѣ (v. 1—4) поименный списокъ квиндецимвировъ, которые, вѣроятно, предсѣдательствовали на различныхъ представленіяхъ, устроенныхъ ими въ Одеонѣ и въ другихъ театрахъ города [2]). Далѣе въ этомъ же фрагментѣ приводится (v. 5—13) эдиктъ императоровъ и всей коллегіи квиндецимвировъ, относящійся къ устроеннымъ ими на собственный счетъ какъ въ театрахъ, такъ и въ циркѣ экстраординарнымъ играмъ (ludi honorarii), которыми секулярное празднество Севера, повидимому, заключилось такъ же, какъ и празднество Августа. Совершенно загадочнымъ зато является упомянутое вслѣдъ за тѣмъ въ концѣ VII фрагмента (v. 17 sq., ср. также v. 11) принесеніе въ жертву свиньи и коровы, изъ которыхъ послѣдняя была заколота въ честь Юноны Царицы, а также другія подробности описываемаго здѣсь священнодѣйствія. Слѣдующій потомъ VIII фрагментъ надписи содержалъ, повидимому, описаніе цирковыхъ игръ, а девятый фрагментъ приводитъ цѣлый рядъ мужскихъ именъ, въ которыхъ мы, по

---

[1]) Ср., напр., то, что въ изданіи этихъ актовъ (на стр. LVIII sq. приложеній) мы говоримъ объ упомянутой въ 26 строкѣ четвертаго фрагмента C[*l.*] Dryantilla Plato[*nis*].

[2]) Тамъ же, v. 30.

[3]) Тамъ же, v. 30—34.

[4]) См. Ephem. epigr. VIII, p. 277 и 300 и C. I. L. VI, 4, 2 p. 3246 и 3257.

[5]) Тамъ же.

[6]) Ephem. epigr. VIII, p. 301. Это мнѣніе Моммзена повторяетъ и Huelsen въ C. I. L. VI, 4, 2 p. 3259.

[1]) Предположеніе Моммзена (Ephem. epigr. VIII, p. 301), что здѣсь рѣчь идетъ о лицахъ, которымъ въ видѣ награды были розданы плоды (ср. Zosimus II, 5, 4 и carm. Sibyll., v. 30 sqq.), принесенные народомъ квиндецимвирамъ, не основано ни на какихъ положительныхъ данныхъ и само по себѣ кажется мнѣ неправдоподобнымъ.

[2]) Ср. Herodian. III, 8, 10, который говоритъ, что такія представленія тогда давались ἐν πᾶσι θεάτροις δμοῦ.

всей вѣроятности, должны усматривать имена участвовавшихъ въ секулярныхъ представленіяхъ актеровъ и т. под. лицъ.— Послѣдніе фрагменты, наконецъ, X, XI и XII, слишкомъ отрывочны и незначительны, чтобы можно было бы сдѣлать какое-нибудь предположеніе объ ихъ содержаніи; притомъ относительно двухъ послѣднихъ изъ нихъ мы даже не можемъ сказать съ достовѣрностью, принадлежатъ ли они къ актамъ секулярныхъ игръ Септимія Севера, или же къ какому-нибудь другому древнему памятнику. Особенно сомнительнымъ въ этомъ отношеніи является XII-ый фрагментъ, который, хотя и былъ найденъ вмѣстѣ съ актами секулярныхъ игръ Севера, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что начертанъ на камнѣ другого вида. XI-ый же фрагментъ, содержащій нѣсколько молитвенныхъ словъ, былъ найденъ въ 16-мъ столѣтіи и впослѣдствіи пропалъ. Въ пользу предположенія, что онъ составлялъ часть разсматриваемыхъ нами актовъ, говорило бы предложенное мною въ началѣ второй строки его дополненіе *Parthico max*]imo, указывающее на титулъ императора Септимія Севера.

ГЛАВА XII.

Секулярныя игры Филипповъ въ 1001/248 г.

Между тѣмъ какъ Септимій Северъ при своемъ устройствѣ секулярныхъ игръ въ 957/204 г., по примѣру Клавдія и Домиціана, исходилъ изъ опредѣленія saeculum'а въ 110 лѣтъ, которое, будучи установлено сивиллинымъ оракуломъ еще въ концѣ республиканскаго періода, впервые было принято Августомъ, императоръ Филиппъ со своимъ сыномъ устроилъ черезъ недолгое время послѣ описанныхъ нами въ предыдущей главѣ секулярныхъ игръ Септимія Севера новое секулярное празднество, исходя, по примѣру Антонина Пія (и Клавдія) изъ древнѣйшаго опредѣленія saeculum'а въ 100 лѣтъ и праздную тысячелѣтіе Рима [1]). Однако это торжество, привѣтствовавшее, согласно помѣщеннымъ на монетахъ Филипповъ надписямъ, miliarium saeculum [1]) или то saeculum novum [2]), которое наступало послѣ тысячелѣтія города, и потому обозначенное однимъ позднѣйшимъ писателемъ какъ (ludi) saeculares veri [3]), не состоялось въ 1000/247 г., т. е. черезъ 100 лѣтъ послѣ празднованія Антониномъ Піемъ девятисотлѣтія Рима, а только въ 1001/248 г. Объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ не только позднѣйшій писатель Аврелій Викторъ [4]), но и нѣкоторыя изъ секулярныхъ монетъ самихъ Филипповъ [5]),

---

[1]) Тексты всѣхъ литературныхъ источниковъ исторіи секулярныхъ игръ Филипповъ приведены въ приложеніяхъ къ нашей книгѣ, на стр. CVIII sqq. (кромѣ Acta S. Pontii, которыя читатель найдетъ ниже на стр. 315 сл., прим. 3). Секулярныя монеты Филипповъ (и ихъ первыхъ преемниковъ) описаны тамъ же, на стр. LXXXII—XCV, а автотипическія воспроизведенія многихъ изъ нихъ помѣщены на таблицахъ X—XII.

[1]) См. наше описаніе монетъ №№ 15—20 на стр. LXXXV sq. приложеній и репродукцію одной изъ этихъ монетъ (№ 16) на таблицѣ X, n. 9.

[2]) См. наше описаніе монетъ №№ 1—14 на стр. LXXXII—LXXXV (ср. также №№ 70—78 на стр. XCIV sq.) приложеній, а репродукціи нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ на таблицѣ X, n. 1—8 (ср. также табл. XII, n. 6—7).

[3]) Chronographus anni CCCLIIII. — Зато въ перечнѣ секулярныхъ игръ императорскихъ временъ, приведенномъ Зосимомъ (II, 4, 2—3), секулярное празднество Филипповъ опущено такъ же, какъ и секулярное празднество Антонина Пія. Я не берусь рѣшить, должны ли мы причину этого искать въ томъ, что Зосимъ считалъ эти празднества не однородными съ другими секулярными играми, которыя исходили изъ сивиллина опредѣленія saeculum'а въ 110 лѣтъ, или въ томъ, что текстъ его сочиненія, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ и въ этомъ мѣстѣ, можетъ быть, не сохранился до насъ въ полномъ видѣ, или же, наконецъ, въ томъ, что мы тутъ, можетъ быть, имѣемъ дѣло съ такой же неточностью самого автора, какая встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ его описанія секулярныхъ игръ, основаннаго вообще на весьма хорошихъ и достовѣрныхъ источникахъ.

[4]) De Caesaribus, c. 28, 2.

[5]) См. наше описаніе монетъ №№ 15—17 и 21—32 на стр.

отчеканенныя, согласно помѣщеннымъ на нихъ надписямъ, въ годъ третьяго консульства Филиппа отца и второго консульства Филиппа сына, т. е. именно въ 1001/248 г. (см. Klein, Fasti consulares p. 105). Другіе источники или не обозначаютъ болѣе точнымъ образомъ года этого торжества [1]), или же ошибочно относятъ послѣднее то къ 999/246 г. [2]), то къ 1000/247 г. [3]), то даже къ 1002/249 г. [4]), а также, какъ кажется, къ 1003/250 г. [5]), хотя вмѣстѣ съ тѣмъ они почти всѣ отмѣчаютъ [6]), что при Филиппахъ „кончался“ или „окончился“ тысячный годъ существованія Рима (по Варроновой эрѣ) и что по этому поводу императоры устроили секулярное празднество.

Несогласнымъ съ этой послѣдней замѣткой является разсказъ Аврелія Виктора (De Caesar. c. 28, 2) о празднованіи „тысячнаго года“, гдѣ этотъ писатель, выражая свое сожалѣніе по поводу того, что черезъ 100 лѣтъ послѣ этого празднества не состоялись секулярныя игры въ его время въ годъ консульства Филиппа, т. е. въ 1101/348 г. (см. Clinton, Fasti Romani I, p. 412), обозначаетъ этотъ послѣдній годъ датою post mille centesimus. Такъ какъ такое хронологическое опредѣленіе, повидимому, основано на Капитолійской, а не на Варроновой эрѣ, то спрашивается, не руководились ли и Филиппы при устройствѣ своего празднества, вмѣсто Варроновой эры, Капитолійскою, слѣдуя примѣру коллегіи квиндецимвировъ, которая въ древнѣйшее время, какъ мы видѣли [7]), при-

LXXXV sqq. приложеній и репродукціи нѣкоторыхъ изъ нихъ на таблицахъ X, n. 9—12 и XI, n. 1—3.

[1]) Iulius Capitolinus, Chronographus anni CCCLIIII, Eutropius, Chronica Gallica.

[2]) Eusebius и Hieronymus, а также, какъ кажется, Iordanes и Acta s. Pontii.

[3]) Hieronymus и, повидимому, Orosius.

[4]) Cassiodorius.

[5]) Prosper Tiro.

[6]) Eusebius, Hieronymus, Eutropius, Orosius, Prosper Tiro, Chronica Gallica, Cassiodorius, Iordanes и Acta s. Pontii.

[7]) См. на стр. 243 прим. 2 и на стр. 301, прим. 4.

держивалась этой эры, и не принимали ли они, поэтому, тогдашній 1001/248 г. Варроновой эры за 1000-ный годъ существованія Рима, полагая, по примѣру Антонина Пія (и Клавдія), а также, какъ кажется, древнѣйшихъ римлянъ [1]), что новое (столѣтнее) saeculum города начинается съ каждаго сотаго его года? Въ подкрѣпленіе этого предположенія я укажу на монету Пакаціана, которая снабжена надписью AN(no) MIL(lesimo) ET PRIMO [2]). Если названное лицо было провозглашено императоромъ противъ Филиппа въ 1002/249 г., какъ все заставляетъ думать [3]), а не въ 1001/248 г., какъ полагали нѣкоторые ученые [4]), то эта монета можетъ служить опредѣленнымъ свидѣтельствомъ того, что стоявшіе въ то время во главѣ римской имперіи лица считали годы Рима не по Варроновой, а по Капитолійской эрѣ. Тоже самое можно съ наибольшей вѣроятностью заключить также изъ современной секулярному празднеству Филипповъ надписи [5]) нѣкоего П. Септимія Феликса, которую онъ посвятилъ покровительствовавшей ему Матери боговъ въ знакъ благодарности „за вѣнокъ тысячнаго года города“, полученный имъ, повидимому, при секулярныхъ играхъ 1001/248 г. Выраженіе этой надписи ob coronam millesimi anni urbis скорѣе всего указываетъ на то, что упомянутый здѣсь фактъ произошелъ еще въ теченіе названнаго года, т. е. именно въ теченіе 1000-наго (по Капитолійской эрѣ) года Рима, и значило бы прибѣгнуть къ нѣсколько искусственной интерпретаціи, если бы мы приведенному выраженію хотѣли придавать такое значеніе: corona parta ludis ob annum millesimum urbis expletum editis [6]).

[1]) Ср. выше на стр. 202 слл.

[2]) См. Froehner, Les médaillons de l'empire Romain, p. 199.

[3]) См. Cohen, Descr. hist. des monnaies V², p. 181.

[4]) Friedländer, Ueber einige römische Medaillons, въ Abh. d. k. Akad. d. Wiss. zu Berlin aus d. Jahr 1873. Philos.-hist. Kl. (Berlin 1874), p. 67 и Froehner, l. c., p. 199.

[5]) C. I. L. VI, 1, n. 488.

[6]) Такъ интерпретируетъ эту надпись Conrad, De saeculo Romano (Posen 1900), p. 26.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности съ полной опредѣленностью и достовѣрностью рѣшить предложенный мною здѣсь вопросъ, и точно также мы не въ состояніи сказать, состоялось ли секулярное празднество Филипповъ въ урочное для секулярныхъ игръ вообще время, т. е. лѣтомъ (см. Zosimus II, 5, 1, а также Claudius Claudianus XXVIII, v. 388 sqq.), или въ самую годовщину основанія Рима, т. е. 21 апрѣля и въ послѣдующіе дни, или же, наконецъ, въ какое-нибудь другое время года. Первая изъ указанныхъ возможностей, однако, кажется мнѣ болѣе правдоподобной, чѣмъ послѣднія [1]), потому что секулярныя игры Филипповъ, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ скуднымъ свѣдѣніямъ о нихъ, не отличались по своему общему характеру отъ прежнихъ секулярныхъ празднествъ. Какъ Іеронимъ, такъ и Кассіодорій свидѣтельствуютъ, что онѣ (какъ и тѣ) продолжались три дня и три ночи, происходя на Марсовомъ полѣ (т. е. въ „Тарентѣ“) и заключая въ себѣ, между прочимъ, также театральныя представленія. Правда, ревностный поборникъ христіанства Орозій, говоря о празднованіи тысячелѣтія Рима, выражаетъ свое убѣжденіе, что Филиппъ, какъ „первый изъ римскихъ императоровъ, который принялъ христіанство“, по случаю этого праздненства „воздавалъ всю славу Христу и Церкви, такъ какъ ни одинъ авторъ не указалъ, что этотъ императоръ тогда взошелъ на Капитолій и по установленному старинному обряду закалалъ жертвы“. Но тенденціозность этого мнѣнія, не основаннаго, повидимому, ни на одномъ положительномъ свидѣтельствѣ, а высказаннаго Орозіемъ только съ цѣлью прославленія христіанской церкви, бросается всякому въ глаза, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что Филиппъ, христіанская вѣра котораго подлежитъ весьма большимъ сомнѣніямъ [1]), поступалъ именно такъ, какъ это отрицается Орозіемъ, т. е. исполнялъ при секулярномъ празднествѣ (или самъ или черезъ другихъ) всѣ тѣ языческіе обряды, которые изстари установлены были для секулярныхъ игръ, и между прочимъ, какъ это видно изъ изображеній, помѣщенныхъ на нѣсколькихъ секулярныхъ монетахъ его [2]), приносилъ также жертвы Капитолійскому Юпитеру и, вѣроятно, также другимъ божествамъ, почитавшимся при секулярныхъ празднествахъ [3]).

---

[1]) Встрѣчающіяся въ нашихъ источникахъ по поводу празднества Филиппова выраженія annus millesimus Romae expletur или completus (или expletus, или impletus) est, далѣе in encaeniis Romae urbis и natali Romanae urbis (Hieronymus) или natali Romae urbis (Cassiodorius) или pro conclusione millesimi anni, quo natalem urbis celebrabant (Acta S. Pontii, см. ниже на стр. 315 сл., прим. 3) не могутъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ того, что празднованіе Филиппами тысячелѣтія Рима совпало съ годовщиною основанія города. Если съ этими выраженіями мы сравнимъ выраженіе annus natalis, употребленное какъ Орозіемъ, такъ и авторомъ біографіи св. Понтія (см. ниже на стр. 315 сл., прим. 3) по отношенію къ тому же 1001/248 году, то мы не можемъ не притти къ заключенію, что во всѣхъ указанныхъ источникахъ при прилагательномъ natalis мы должны скорѣе подразумѣвать существительное annus, чѣмъ существительное dies.

---

[1]) Ср. K. I. Neumann, Der römische Staat u. die allgemeine Kirche bis auf Diocletian I (Lpz. 1890), p. 246 sqq.

[2]) См. особенно наше описаніе монетъ №№ 1 и 2 на стр. LXXXI sq. приложеній.

[3]) Сколько тенденціозности позднѣйшіе христіане вносили въ свои разсказы о празднованіи Филиппомъ тысячелѣтія Рима, смѣшивая историческую правду съ вымысломъ, видно также изъ актовъ св. Понтія. Такъ какъ этотъ источникъ исторіи секулярныхъ игръ Филиппа, вслѣдствіе типографской ошибки, не былъ помѣщенъ въ моихъ приложеніяхъ, то для дополненія послѣднихъ я приведу его здѣсь. Во второй главѣ помѣщенной въ немъ біографіи святого Понтія (vita auctore Valerio teste oculato), авторъ которой, какъ доказалъ Allard (Histoire des persécutions pendant la première moitié du troisième siècle, Paris 1886, p. 474), при составленіи ея пользовался и вышеприведеннымъ разсказомъ Орозія, сообщается слѣдующее (см. изданныя Болландистами Acta Sanctorum, vol. XVI, Maii tom. III, Paris. et Romae apud Palmé 1866, p. 275 sq.): Temporibus Philippi Imperatoris, qui cum filio Philippo Romanum regebat Imperium, fuit his Philippis amicus B. Pontius Christianissimus et omnium divinarum litterarum doctissimus; cumque gratia individua in eis esset,

Особенной пышностью отличались цирковыя и амфитеатральныя представленія, которыми секулярныя игры 1001/248 г. окончились по примѣру прежнихъ игръ. О великолѣпіи этихъ зрѣлищъ свидѣтельствуютъ не только Юлій Капитолинъ, Евтропій, Орозій и другіе позднѣйшіе писатели, но и въ особенности тѣ чрезвычайно многочисленныя секулярныя монеты самихъ Филипповъ [1]), на которыхъ изображены какъ различныя животныя, выпускавшіяся тогда на арену, такъ и бѣга четверней въ Circus Maximus. Этихъ послѣднихъ, какъ сообщаютъ Іеронимъ и Кассіодорій, тогда состоялось сорокъ, а Юлій Капитолинъ разсказываетъ, что для устройства гладіа-

---

tertio Imperii eorum anno (ipse est millesimus annus a conditione Romae) cum ad diis suis sacrificandum pergere vellent, dicunt B. Pontio: Eamus et repropitiemus nobis Deos magnos, qui nos in istius millesimi anni circulum natalis Romae perduxerunt. Quos B. Pontius diversis excusationibus declinare nitebatur. Imperatores vero velut amicum ad sacrificandum cogebant. Beatus autem Pontius cognoscens a Domino datam sibi occasionem ait: O piissimi Imperatores, cum sitis a Deo Principes ordinati hominum, cur non ei, qui vobis hunc honorem praestitit, cervices flectitis et ipsi soli sacrificium laudis offertis? Philippus Imperator dixit: Propterea et ego magno Deo Iovi sacrificium offerre desidero, qui mihi hanc tribuit potestatem.

Приведши затѣмъ возраженія св. Понтія, изложившаго Филиппамъ суть христіанской вѣры, авторъ разсказываетъ дальше: Cumque his et aliis multis pro salute eorum disputaret verbis, Dei voluntate Imperatores crediderunt et eum deprecabantur, ut mysterium huius salutis superveniente die eis plenius aperiret, qualiter ab igne perpetuo evadere et immortalitatem cum Sanctis sine fine perfrui potuissent. Et quidem ex die illa et deinceps sacrificia idolorum declinantes spectacula tantum pro conclusione millesimi anni, quo natalem Urbis celebrabant, fieri imperaverunt. Послѣ этого—такъ разсказывается дальше — императоры были крещены папою Фабіаномъ, а вслѣдъ за тѣмъ былъ разрушенъ большой храмъ (templum magnum, т. е. Юпитера Капитолійскаго), и народъ радостно воспріялъ святое крещеніе.

[1]) См. наше описаніе этихъ монетъ на стр. LXXXIX—XCIII приложеній и автотипическія воспроизведенія многихъ изъ нихъ на табл. XI, n. 8—10 и XII, n. 1—5.

торскихъ игръ и звѣриныхъ боевъ Филиппъ воспользовался живымъ матеріаломъ, приготовленнымъ еще императоромъ Гордіаномъ III для предполагавшагося имъ тріумфа надъ персами. Этотъ матеріалъ состоялъ изъ 1000 паръ принадлежавшихъ императорскому фиску гладіаторовъ, 32 слоновъ, 10 лосей, 10 тигровъ, 60 ручныхъ львовъ, 30 ручныхъ леопардовъ, 10 гіенъ, 6 гиппопотамовъ, 1 носорога, 10 „арколеонтовъ“, т. е., вѣроятно, царскихъ львовъ, 10 жирафовъ, 20 дикихъословъ, 40 дикихъ лошадей и безчисленнаго множества другихъ, какъ дикихъ, такъ и ручныхъ животныхъ. Ни въ чемъ грубость тогдашнихъ нравовъ римскаго народа и общій упадокъ его культуры не сказывается такъ рѣзко, какъ въ предпринятомъ Филиппомъ съ такими громадными средствами устройствѣ кровопролитныхъ боевъ. Самъ императоръ, какъ кажется, усердно посѣщалъ всѣ эти зрѣлища, участвуя въ общемъ праздничномъ веселіи, и однажды во время какихъ-то представленій расхохотался такъ громко, что его десяти- или одиннадцатилѣтній сынъ, отличавшійся серьезнымъ характеромъ, съ досадой отвернулъ отъ него лицо [1]).

Лишь немногіе римляне, должно быть, чувствовали въ продолженіе этихъ празднествъ, насколько такое торжество было несогласно съ тогдашнимъ печальнымъ положеніемъ римскаго государства, и въ какой степени внѣшнія и внутреннія опасности, съ давнихъ поръ грозившія имперіи со всѣхъ сторонъ, заключали въ себѣ зловѣщее предзнаменованіе, что вмѣстѣ съ наступленіемъ тысячелѣтія Рима наступила также эпоха его неудержимаго упадка и начало его конца.

---

[1]) Aurelius Victor, Epitome c. 28, 3.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Между тѣмъ какъ славныя традиціи религіозно-политической жизни древняго Рима сохраняли свое могущественное обаяніе и вліяніе на гражданъ этого города вплоть до временъ Филипповъ, являясь причиною того, что и эти императоры еще сочли своимъ долгомъ по старинному обычаю отпраздновать великолѣпнымъ торжествомъ наступившее при нихъ вмѣстѣ съ тысячелѣтіемъ Рима новое (столѣтнее) saeculum его, въ послѣдующія затѣмъ времена, вслѣдствіе постоянно увеличивавшагося разложенія языческой культуры и основаннаго на ней политическаго и соціальнаго строя римскаго государства, эти традиціи стали все болѣе и болѣе приходить въ забвеніе. Правда, въ 1057/304 г., т. е. черезъ 100 лѣтъ послѣ отпразднованныхъ Септиміемъ Северомъ секулярныхъ игръ, императоры Максиміанъ и Діоклетіанъ, какъ кажется [1]), намѣревались устроить новое секулярное празднество, исходя

[1]) См. Zosimus II, 7, 2 (съ дополнительными поправками, предложенными Mendelssohn'омъ).—Что касается дошедшихъ до насъ монетъ Максиміана (см. на стр. XCVI sq. приложеній), которыя снабжены надписью SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum), то едва ли можно будетъ согласиться съ мнѣніемъ Моммзена (Röm. Chronol.², p. 187), полагающаго, что эти монеты находятся въ связи съ секулярнымъ празднествомъ, которое Максиміанъ, какъ кажется, хотѣлъ устроить въ 1057/304 г., но которое на самомъ дѣлѣ, какъ думаетъ и Моммзенъ, не состоялось. Противъ такого предположенія говоритъ уже то обстоятельство, что секулярныя монеты никогда не чеканились до устройства секулярнаго торжества, а только послѣ него и съ цѣлью сохраненія памяти о состоявшихся при немъ различныхъ обрядахъ. Ниже (на стр. 320 слл.) я постараюсь доказать, что, вопреки мнѣнію всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ, „секулярныя" монеты Максиміана точно такъ же, какъ и „секулярныя" монеты нѣкоторыхъ другихъ императоровъ второй половины 3-го вѣка по Р. Х. (Галліена, Постума и Караузія), не относятся къ какимъ-либо устройствамъ дѣйствительныхъ секулярныхъ игръ, а имѣютъ совершенно другое значеніе.

изъ древнѣйшаго опредѣленія saeculum'a въ 100 лѣтъ, которое продолжало признаваться въ императорскую эпоху наряду съ введеннымъ Августомъ опредѣленіемъ его въ 110 лѣтъ; они смѣшивали такимъ образомъ основанные на этихъ двухъ опредѣленіяхъ различные циклы секулярныхъ лѣтъ. Однако это празднество, повидимому, не состоялось, и точно также не состоялись, навѣрное, секулярныя игры въ 1067/314 г., т. е. черезъ 110 лѣтъ послѣ игръ Септимія Севера, когда при Константинѣ и Лициніи истекъ опредѣленный Сивиллою срокъ, который многіе изъ оставшихся вѣрными старинѣ римлянъ этой эпохи считали законнымъ временемъ для такого празднества [1]). Еще черезъ полтораста слишкомъ лѣтъ послѣ этого срока ревностный язычникъ Зосимъ (l. c.), выражая свое сожалѣніе по поводу того, что ни тогда ни послѣ не праздновались секулярныя игры, приписываетъ этому неисполненію воли Сивиллы паденіе римской имперіи, а за столѣтіе до него Аврелій Викторъ, говоря (De Caesar., c. 28, 1—2) о томъ, что въ 1101/348 г. не устроили секулярнаго празднества соотвѣтственно тому, которое за 100 лѣтъ до того состоялось при Филиппахъ по поводу тысячелѣтія Рима, восклицаетъ съ горестнымъ упрекомъ: „До того забота о городѣ Римѣ становится все болѣе ничтожной!"

Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемъ упоминаніе объ ожидавшихся секулярныхъ играхъ у поэта Клавдія Клавдіана (XXVIII, v. 388 sqq.), который въ началѣ 1157/404 г., привѣтствуя VI консульство императора Гонорія, выражаетъ надежду, что уже въ скоромъ времени, когда „лѣтніе серпы будутъ жать нивы", исполнится столѣтіе, приносящее съ собою празднованіе „игръ, которыя никому не суждено увидѣть во второй разъ". Однако, никакіе источники не указываютъ на то, что эта надежда поэта сбылась [2]).

[1]) См. Zosimus II, 7, 2.

[2]) Клавдій Клавдіанъ смѣшалъ, безъ сомнѣнія, консульскія игры того года съ ludi saeculares. Cp. Tillemont, Histoire des empereurs V, p. 535 и Pagius, Dissert. hypat. p. 187, prol. p. XI.

Игры, устроенныя Филиппами по поводу тысячелѣтія города, остались послѣдними секулярными играми древнихъ римлянъ. Правда, и послѣ этого торжества нѣкоторые императоры чеканили „секулярныя“ монеты [1]), которыя снабжены были или надписью saeculum Aug. (т. е. Augusti) или же надписью saeculares Augg. (т. е. Augustorum) и saeculares Aug. (т. е. Augusti), какая встрѣчается на нѣкоторыхъ секулярныхъ монетахъ Филипповъ (и Уранія Антонина), и на основаніи этихъ надписей новѣйшіе ученые высказали предположеніе, что чеканившіе эти монеты императоры, Галліенъ, Постумъ, Максиміанъ Геркулесъ и Каравзій, также отпраздновали секулярныя игры [2]). Но такое предположеніе кажется мнѣ въ высшей степени невѣроятнымъ. Во-первыхъ, наши литературные источники, какъ мы уже видѣли, не только не упоминаютъ о какихъ-либо секулярныхъ играхъ императоровъ, царствовавшихъ послѣ Филипповъ, но даже опредѣленно свидѣтельствуютъ, что таковыя игры въ послѣдующія за тысячелѣтіемъ Рима времена не имѣли мѣста. Во-вторыхъ, если бы сохранившіяся до насъ „секулярныя“ монеты Галліена, Постума, Максиміана Геркулеса и Каравзія были отчеканены по поводу дѣйствительно состоявшихся при этихъ императорахъ игръ, то мы должны были бы предположить,—какъ это и дѣлаютъ названные ученые,—что эти секулярныя игры были устроены въ совершенно произвольные сроки, не соотвѣтствовавшіе никакимъ датамъ, которыя могли получиться согласно раньше установленнымъ опредѣленіямъ saeculum'a въ 100 или въ 110 лѣтъ, и что, напримѣръ, какъ предположилъ Eckhel (l. c.), Галліенъ отпраздновалъ секулярныя игры черезъ 55 лѣтъ (т. е. черезъ половинный срокъ 110-лѣтняго saeculum'a) послѣ игръ Септимія Севера (957/204 г.), т. е. въ 1012/259 г., а Максиміанъ черезъ 50 лѣтъ (т. е. черезъ половинный срокъ 100-лѣтняго saeculum'a) послѣ игръ Филипповъ (1001/248 г.), т. е. въ 1051/298 г., побужденные къ этому бѣдствіями, грозившими въ эти годы римской имперіи. Однако никакія данныя не даютъ намъ права прибѣгнуть къ такимъ произвольнымъ предположеніямъ, неправдоподобность которыхъ не можетъ не броситься въ глаза каждому, кто безъ предвзятаго мнѣнія будетъ разсматривать ихъ, и поэтому я считаю единственно правильнымъ исходомъ изъ дилеммы интересующаго насъ здѣсь вопроса приписать указаннымъ „секулярнымъ“ монетамъ Галліена, Постума, Максиміана Геркулеса и Каравзія совершенно другое значеніе, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ. А другое значеніе помѣщенныхъ на этихъ монетахъ надписей saeculum Aug. и saeculares Aug. или saeculares Augg. само собою навязывается намъ, если мы обратимъ вниманіе на то значеніе слова saeculum, въ какомъ оно встрѣчается на весьма многочисленныхъ памятникахъ особенно позднѣйшихъ императорскихъ временъ. Уже на нарбоннской ara Augusti [1]) день рожденія Августа обозначается слѣдующими словами: VIII k. Octobr., qua die eum saeculi felicitas orbi terrarum rectorem edidit, а Сенека [2]) называетъ день восшествія Нерона на престолъ annus novus saeculi felicissimi. Особенно часто попадаются подобныя выраженія по отношенію къ императорамъ въ надписяхъ третьяго и слѣдующихъ столѣтій по Р. Х. Такъ мы читаемъ въ C. I. L. VIII, 2557: pro felicitate et incolumitate saeculi dominorum nn. (Севера, Каракаллы и Геты), въ C. I. L. VIII, 608 (ср. тамъ же, 5333): felicissimo saeculo dominorum nostrorum (Діоклетіана и его соправителей), въ C. I. L. VIII, 1408: beatissimo saeculo ddd. nnn. (Констанція и его соправителей), а одинъ кирпичный штемпель временъ Констанція гласитъ даже: seculo Constantiano. Надпись felicitas saeculi встрѣчается далѣе весьма часто на монетахъ позднѣй-

---

[1]) Эти „секулярныя“ монеты описаны мною на стр. XCV—XCVII приложеній.

[2]) См. особенно Eckhel, Doctrina numorum veterum VIII, p. 20—23 и VII, p. 409 sq., Cohen, Descr. histor. V², p. 431 nota 1 и Mommsen, Röm. Chronol.², p. 187 съ прим. 369.

[1]) См. Orelli, Inscr. n. 2489.

[2]) Seneca, Divi Claudii apocolocyntosis, c. 13 initio (см. на стр. XXII sq. приложеній).

шихъ императоровъ, напр., Галліена (Cohen V², p. 431 n. 926), Максиміана Геркулеса (Cohen VI², p. 546 n. 508), Караузія (Cohen VII², p. 31 n. 309) и другихъ [1]). Не менѣе часто попадаются въ императорскую эпоху выраженія clementia saeculi (C. I. L. VIII, 783), saeculum aureum (тамъ же 7015), saeculum florentissimum (тамъ же 4515) и т. п. Изъ всѣхъ этихъ литературныхъ и эпиграфическихъ свидѣтельствъ вытекаетъ, что слово saeculum въ императорскую эпоху (особенно въ позднѣйшую), согласно господствовавшей тогда лести, стало употребляться также по отношенію къ царствованію (сперва ко всей жизни) разныхъ императоровъ, другими словами, что начала такихъ царствованій принимались тогда какъ бы за начала новыхъ saecula. Исходя изъ этого несомнѣннаго факта, я не могу не притти къ заключенію, что вышеуказанныя монеты Галліена, Постума, Максиміана Геркулеса и Караузія получили свои надписи saeculum Aug. или saeculares Aug. или saeculares Augg. только потому, что онѣ были отчеканены въ память восшествія этихъ императоровъ на престолъ, отпразднованнаго, конечно, особыми празднествами. Подобное значеніе я приписываю также тѣмъ многочисленнымъ лампадкамъ (lucernae), съ надписью SAECVL или SAECVLI или SAECVLO или даже SAEC(ulum) AV(reum) DOM(ini) (или DOM(inorum)), изготовленнымъ, безъ сомнѣнія, въ позднѣйшую императорскую эпоху (начиная, вѣроятно, съ 3 вѣка по Р. Х.), которыя были найдены какъ въ Римѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ римской имперіи. Едва ли мы въ правѣ привести эти лампадки въ связь съ какими-нибудь дѣйствительными ludi saeculares, какъ это дѣлаютъ Dressel и другіе ученые [2]); гораздо вѣроятнѣе, по моему, предположить, что онѣ употреблялись при иллюминаціяхъ, устраивавшихся

[1]) См. Table des legendes у Cohen'a, Descr. hist. des monnaies.

[2]) См. C. I. L. XV, 2, 1 p. 787—789 n. 6221, 1—57, гдѣ эти lucernae изданы и описаны Dressel'емъ. Ср. мое краткое описаніе ихъ на стр. XCVII sq. приложеній и приведенные мною тамъ доводы противъ указаннаго мнѣнія Dressel'я и другихъ ученыхъ.

въ годовщины восшествія на престолъ или даже въ дни рожденія императора.

Итакъ мы видѣли, что игры, устроенныя Филиппами по поводу тысячелѣтія города, остались послѣдними секулярными играми древнихъ римлянъ, заключивъ длинный рядъ однородныхъ празднествъ, начавшихся еще за полтысячелѣтія до того. Въ продолженіе этого періода времени секулярныя игры состоялись 8 (или 9?) разъ. Учрежденныя первоначально въ 505/249 г. въ виду наступленія, по тогдашнему хронологическому вычисленію, пятисотлѣтія города и съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы повторяться при наступленіи каждаго новаго столѣтняго saeculum'a Рима, онѣ были отпразднованы во второй (и въ третій?) разъ въ 605/149 или (и?) въ 608/146 г., а затѣмъ получили при Августѣ, согласно предписанію новаго сивиллина оракула, характеръ празднества, которое должно было состояться не черезъ каждыя 100, а черезъ каждыя 110 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ тогда были приведены въ соотвѣтствіе съ фиктивными хронологическими датами прошлаго, не имѣвшими никакого отношенія къ тѣмъ saecula, которыя просуществовалъ Римъ, и согласно съ этимъ были устроены въ 737/17 г. въ третій (или въ четвертый?) разъ. Послѣ этого онѣ состоялись въ четвертый (или въ пятый?) разъ въ 800/47 г. при Клавдіи, руководившемся, повидимому, хронологическимъ разсчетомъ, исходившимъ одновременно какъ изъ принятаго Августомъ опредѣленія saeculum'a въ 110 лѣтъ, такъ и изъ древнѣйшаго опредѣленія его въ 100 лѣтъ; онъ пріурочилъ, такимъ образомъ, секулярное празднество къ восьмисотлѣтію города Рима. Въ пятый (или въ шестой?) разъ секулярныя игры имѣли мѣсто въ 841/88 г. при Домиціанѣ, который, хотя и придерживался Августова опредѣленія saeculum'a въ 110 лѣтъ, но, повидимому, исходилъ изъ даты прошлаго, не находившейся ни въ какой связи съ saecula города. Зато состоявшіяся въ шестой (или въ седьмой?) разъ секулярныя игры были устроены Антониномъ Піемъ въ 900/147 г. съ очевидной цѣлью отпраздновать девятое столѣтнее saeculum Рима. Вслѣдъ за тѣмъ въ 957/204 г. Септимій Северъ устроилъ въ седьмой (или въ

восьмой?) разъ секулярныя игры, придерживаясь въ точности Августовыхъ разсчетовъ, а при Филиппахъ, подражавшихъ примѣру Антонина Пія (и Клавдія), въ 1001/248 г. (=1000 г. ab u. c. по Капитолійской эрѣ) были отпразднованы секулярныя игры въ восьмой (или въ девятый?) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній разъ.

Что касается религіознаго характера этихъ празднествъ, то мы старались доказать въ главахъ II—IV нашего изслѣдованія, что онъ первоначально былъ основанъ на смѣшеніи и сліяніи двухъ различныхъ по своему происхожденію, но существенно сходныхъ по своему первоначальному смыслу и значенію культовъ, именно древне-сабинскаго родового культа Валеріевъ и греко-тарентинскихъ Гіакинѳій. Получивъ отъ послѣднихъ свое второе названіе—ludi Tarentini—, секулярныя игры подверглись затѣмъ при Августѣ нѣсколько болѣе богатому развитію своей обрядовой стороны, но это развитіе вполнѣ соотвѣтствовало основному смыслу послужившихъ имъ первыми источниками древнѣйшихъ культовъ, сабинскаго родового культа Валеріевъ и греко-тарентинскихъ Гіакинѳій. Въ такомъ обогащенномъ видѣ онѣ сохранялись до конца своего существованія, и только нѣкоторыя подробности ихъ внѣшнихъ формъ подвергались съ теченіемъ времени незначительнымъ измѣненіямъ. Завѣтная традиція старины сказывалась въ ихъ устройствѣ до конца такъ сильно, какъ, можетъ быть, ни въ какомъ другомъ проявленіи религіозной жизни древнихъ римлянъ.

Однако и эти празднества отжили наконецъ свой вѣкъ. Вмѣстѣ съ постепеннымъ паденіемъ римской имперіи и всей языческой культуры, начавшимся вскорѣ послѣ устроеннаго Филиппами послѣдняго секулярнаго празднества, отличавшагося особенной торжественностью, постепенно должна была исчезнуть даже память объ этомъ завѣтномъ религіозномъ обрядѣ старины, и только черезъ много столѣтій послѣ Клавдія Клавдіана и Зосима она снова воскресла и послужила, на ряду съ памятью о древне-еврейскомъ юбилейномъ годѣ или лѣтѣ отпущенія, одной изъ причинъ, побудившихъ папу Бонифація VIII при-

вѣтствовать 1300 г. по Р. Х. особой буллою и признать за этимъ годомъ характеръ юбилейнаго года, въ которомъ всѣмъ пилигримамъ, прибывавшимъ въ римскіе соборы св. Петра и св. Павла на поклоненіе, должно было достаться полное отпущеніе грѣховъ [1]).

Позднѣйшіе папы, однако, не придерживались столѣтняго срока, который Бонифацій имѣлъ въ виду для введеннаго имъ юбилейнаго торжества, руководствуясь въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, древнѣйшимъ римскимъ опредѣленіемъ saeculum'a въ 100 лѣтъ, а сокращали его постепенно изъ желанія привлекать въ Римъ какъ можно чаще возможно боль-

---

[1]) Богословско-каноническая литература объ юбилейномъ годѣ католической церкви не касается, какъ мнѣ сообщаетъ профессоръ Schrörs въ Боннѣ, вопроса объ его историческомъ происхожденіи. Точно также и Alfani (Istoria degli anni santi, Napoli 1725) и Nöthen (Geschichte aller Jubeljahre und ausserordentlichen Jubiläen der katholischen Kirche, Regensburg 1875) излагаютъ исторію юбилейныхъ лѣтъ только съ 1300 г. Одинъ Gregorovius (Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter V⁴, 545) указываетъ мимоходомъ на древнеримскіе ludi saeculares, какъ на параллель къ учрежденному Бонифаціемъ VIII юбилейному празднеству. Самая булла этого папы, относящаяся къ послѣднему, содержитъ въ себѣ намекъ на какую то старинную традицію, которой онъ руководился въ этомъ дѣлѣ. Antiquorum habet fida relatio—такъ начинается она (см. Magnum Bullarium Romanum. Vol. I, Luxemburgi 1742, p. 179),—quod accedentibus ad honorabilem Basilicam Principis Apostolorum de Urbe concessae sunt magnae remissiones et indulgentiae peccatorum. Хотя мы не знаемъ, изъ какихъ (не дошедшихъ до насъ) источниковъ Бонифацій почерпнулъ эту „fida relatio antiquorum", указывавшую на то, что уже въ древнія времена римской католической церкви праздновался юбилейный годъ, какъ его затѣмъ (снова) учредилъ Бонифацій, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что между нимъ и древнеримскими ludi saeculares мы уже потому должны предполагать существованіе нѣкоторой связи, что Бонифацій установилъ для своего празднества столѣтній срокъ, а не пятидесятилѣтній, въ каковой у древнихъ евреевъ праздновалось лѣто отпущенія, послужившее въ другихъ отношеніяхъ образцомъ для католическаго юбилейнаго года.

шее количество пилигримовъ. Уже въ 1350 г. Климентъ VI отпраздновалъ второй юбилейный годъ римской церкви, а Урбанъ VI рѣшилъ въ 1389 г., чтобы это празднество повторялось черезъ каждые 33 года. Наконецъ, Павелъ II издалъ въ 1470 г. постановленіе, согласно которому юбилейные годы должны были праздноваться черезъ каждыя 25 лѣтъ. Это постановленіе осталось въ силѣ до сихъ поръ, и такимъ образомъ въ прошедшемъ 1900 г. римской церковью былъ отпразднованъ уже 23-ій юбилейный годъ [1]).

Но не на одну католическую церковь простиралось вліяніе воскресшихъ въ средніе вѣка традицій о древнеримскихъ секулярныхъ празднествахъ. Вслѣдъ за юбилейнымъ торжествомъ, учрежденнымъ Бонифаціемъ VIII, возникалъ постепенно и въ свѣтской жизни обычай праздновать всякаго рода „юбилейные годы“ или юбилеи, причемъ здѣсь, какъ и въ жизни церкви, столѣтній срокъ уже рано подвергался различнымъ дробленіямъ.

Такимъ образомъ облеченные въ новыя формы и исполненные новаго значенія древнеримскіе ludi saeculares по нынѣ продолжаютъ и будутъ и впредь продолжать жить въ памяти человѣчества, а въ этомъ мы имѣемъ одно изъ безчисленныхъ доказательствъ того, какой непрерывною, хотя часто и едва замѣтной нитью связаны между собою прошлое, настоящее и будущее нашего рода, и какой живучестью отличаются въ особенности тѣ идеи и обычаи, которые возникли или наиболѣе развились въ великую эпоху древней греко-римской культуры.

---

[1]) См. указанное въ предыдущемъ примѣчаніи сочиненіе Nöthen'a, подробно излагающее исторію юбилейныхъ лѣтъ католической церкви вплоть до 1875 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Содержаніе приложеній.

	страницы:
Литературные (стр. I—XXXII), эпиграфическіе (стр. XXXII—LXIV) и нумизматическіе (стр. LXV—XCV) источники исторіи секулярныхъ игръ	I—XCV
„Секулярныя" монеты Галліена, Постума, Максиміана Геркулеса и Караузія	XCV—XCVII
„Секулярныя" лампадки	XCVII—XCVIII
Хронологическій обзоръ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ по источникамъ	XCIX—CXII
Хронологическая таблица секулярныхъ игръ . .	CXIII—CXV
	таблицы:
Карта древняго Рима конца имперіи, съ особымъ обозначеніемъ (красными чертами) мѣстностей, упомянутыхъ въ источникахъ по поводу секулярныхъ игръ	III
Ara Ditis et Proserpinae	IV а и б
Реставрированный видъ мраморныхъ столбовъ, воздвигнутыхъ въ память секулярныхъ игръ Августа и Септимія Севера, съ обозначеніемъ тѣхъ фрагментовъ украшавшихъ ихъ надписей (commentaria ludorum saecularium quintorum et septimorum), которые сохранились до насъ	V а и б
Секулярныя монеты Августа и Домиціана	VI
Секулярныя монеты Домиціана	VII
Секулярныя монеты Домиціана	VIII
Секулярныя монеты Септимія Севера, Каракаллы и Геты	IX
Секулярныя монеты Филиппа отца, Филиппа сына и Отациліи	X
Секулярныя монеты Филиппа отца, Филиппа сына, Отациліи и Уранія Антонина	XI
Секулярныя монеты Филиппа отца, Филиппа сына, Отациліи, всѣхъ этихъ трехъ лицъ вмѣстѣ, Требоніана Галла и Волузіана	XII

Censorinus, De die natali liber, cap. XVI, § 7 — XVII, § 15:

Itaque ut saecula possim percurrere et hoc nostrum praesens designare, omissis aureis argenteisque et hoc genus poeticis, a conditu urbis Romae, patriae nostrae communis, exordiar, et quoniam saecula aut naturalia sunt aut civilia, prius de naturalibus dicam: saeculum est spatium vitae humanae longissimum partu et morte definitum. quare, qui annos triginta saeculum putarunt, multum videntur errasse. hoc enim tempus genean vocari Heraclitus auctor est, quia orbis aetatis in eo sit spatio. orbem autem vocat aetatis, dum natura ab sementi humana ad sementim revertitur. hoc quidem geneas tempus alii aliter definierunt: Herodicus annos quinque et viginti scribit dici genean, Zenon triginta. saeculum autem quid sit, usque adhuc arbitror ad subtile examinatum non esse. poetae quidem multa incredibilia scripserunt, nec minus historici Graeci,

XVI, 7.

XVII, 1.

2.

3.

Въ основу приведеннаго мною текста Цензорина я положилъ критическія изданія Jahn'a (Berol. 1845), Hultsch'a (Lips. 1867) и Cholodniak'a (Petrop. 1889). Въ примѣчаніяхъ я указываю какъ мои отступленія отъ этихъ изданій, такъ и взаимныя разногласія послѣднихъ, а кромѣ того и важнѣйшіе варіанты рукописнаго чтенія (лучшія рукописи суть: **C** = Coloniensis 166, прежде **D**(armstadiensis) и **V** = Vaticanus 4929, а позднѣйшія: **v** = Vaticanus 4498 и **J** = Jesuiticus 344), съ которымъ расходится установленный мною текстъ, и, наконецъ, также важнѣйшія конъектуры другихъ ученыхъ и мои.

4 exordiar * * et qm̃ (et въ началѣ строки прибавлено второю рукою) **C**, exordiar | De saeculis **V** (опуская предложенія et quoniam — dicam) **8** genean, а также **11** geneas и **12—13** genean **CV** Hultsch, Cholodniak, напротивъ γενεὰν γενεᾶς и γενεάν худшія рукописи и Jahn **9** vocat согласно поправкѣ Lachmann'a, vocant рукописи **10** ab sementi Hultsch и Cholodniak, согласно поправкѣ Halm'a, ad sementi **C**, пропущено въ **V** (и другихъ, худшихъ рукописяхъ), заключено въ скобки Jahn'омъ **13** quid пропущено въ **C**

Содержаніе приложеній.

	страницы:
Литературные (стр. I—XXXII), эпиграфическіе (стр. XXXII—LXIV) и нумизматическіе (стр. LXV—XCV) источники исторіи секулярныхъ игръ	I—XCV
„Секулярныя" монеты Галліена, Постума, Максиміана Геркулеса и Караузія	XCV—XCVII
„Секулярныя" лампадки	XCVII—XCVIII
Хронологическій обзоръ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ по источникамъ	XCIX—CXII
Хронологическая таблица секулярныхъ игръ . .	CXIII—CXV
	таблицы:
Карта древняго Рима конца имперіи, съ особымъ обозначеніемъ (красными чертами) мѣстностей, упомянутыхъ въ источникахъ по поводу секулярныхъ игръ	III
Ara Ditis et Proserpinae	IV а и б
Реставрированный видъ мраморныхъ столбовъ, воздвигнутыхъ въ память секулярныхъ игръ Августа и Септимія Севера, съ обозначеніемъ тѣхъ фрагментовъ украшавшихъ ихъ надписей (commentaria ludorum saecularium quintorum et septimorum), которые сохранились до насъ	V а и б
Секулярныя монеты Августа и Домиціана	VI
Секулярныя монеты Домиціана	VII
Секулярныя монеты Домиціана	VIII
Секулярныя монеты Септимія Севера, Каракаллы и Геты	IX
Секулярныя монеты Филиппа отца, Филиппа сына и Отациліи	X
Секулярныя монеты Филиппа отца, Филиппа сына, Отациліи и Уранія Антонина	XI
Секулярныя монеты Филиппа отца, Филиппа сына, Отациліи, всѣхъ этихъ трехъ лицъ вмѣстѣ, Требоніана Галла и Волузіана	XII

Censorinus, De die natali liber, cap. XVI, § 7 — XVII, § 15:

Itaque ut saecula possim percurrere et hoc nostrum praesens designare, omissis aureis argenteisque et hoc genus poeticis, a conditu urbis Romae, patriae nostrae communis, exordiar, et quoniam saecula aut naturalia sunt aut civilia, prius de naturalibus dicam: saeculum est spatium vitae humanae longissimum partu et morte definitum. quare, qui annos triginta saeculum putarunt, multum videntur errasse. hoc enim tempus genean vocari Heraclitus auctor est, quia orbis aetatis in eo sit spatio. orbem autem vocat aetatis, dum natura ab sementi humana ad sementim revertitur. hoc quidem geneas tempus alii aliter definierunt: Herodicus annos quinque et viginti scribit dici genean, Zenon triginta. saeculum autem quid sit, usque adhuc arbitror ad subtile examinatum non esse. poetae quidem multa incredibilia scripserunt, nec minus historici Graeci,

XVI, 7.

XVII, 1. 2.

3.

Въ основу приведеннаго мною текста Цензорина я положилъ критическія изданія Jahn'a (Berol. 1845), Hultsch'a (Lips. 1867) и Cholodniak'a (Petrop. 1889). Въ примѣчаніяхъ я указываю какъ мои отступленія отъ этихъ изданій, такъ и взаимныя разногласія послѣднихъ, а кромѣ того и важнѣйшіе варіанты рукописнаго чтенія (лучшія рукописи суть: **C** = Coloniensis 166, прежде **D**(armstadiensis) и **V** = Vaticanus 4929, а позднѣйшія: **v** = Vaticanus 4498 и **J** = Jesuiticus 344), съ которымъ расходится установленный мною текстъ, и, наконецъ, также важнѣйшія конъектуры другихъ ученыхъ и мои.

4 exordiar * * et qm̃ (et въ началѣ строки прибавлено второю рукою) **C**, exordiar | De saeculis **V** (опуская предложенія et quoniam — dicam) **8** genean, а также **11** geneas и **12—13** genean **CV** Hultsch, Cholodniak, напротивъ γενεὰν γενεᾶς и γενεάν худшія рукописи и Jahn **9** vocat согласно поправкѣ Lachmann'a, vocant рукописи **10** ab sementi Hultsch и Cholodniak, согласно поправкѣ Halm'a, ad sementi **C**, пропущено въ **V** (и другихъ, худшихъ рукописяхъ), заключено въ скобки Jahn'омъ **13** quid пропущено въ **C**

quamvis eos a vero par non fuit decedere; ut Herodotus, apud quem legimus Arganthonion Tartessiorum regem centum et quinquaginta annorum fuisse, aut Ephorus, qui tradit Arcadas dicere apud se reges antiquos aliquot ad tre-
4. centos vixisse annos. verum haec ut fabulosa praetereo; sed inter ipsos astrologos, qui in stellarum signorumque ratione verum scrutantur, nequaquam etiam convenit. Epigenes in centum duodecim annis longissimam vitam constituit, Berosus autem centum sedecim; alii ad centum viginti annos produci posse, quidam etiam ultra crediderunt. fuerunt qui non idem putarent ubique observandum, sed varie per diversas regiones, prout in singulis sit caeli ad circulum finitorem inclinatio, quod vocatur clima.

5. Sed licet veritas in obscuro lateat, tamen in unaquaque civitate quae sint naturalia saecula, rituales Etruscorum libri videntur docere, in quis scriptum esse fertur initia sic poni saeculorum: quo die urbes adque civitates constituerentur, de his, qui eo die nati essent, eum, qui diutissime vixisset, die mortis suae primi saeculi modulum finire, eoque die qui essent reliqui in civitate, de his rursum eius mortem, qui longissimam egisset aetatem, finem esse saeculi secundi. sic deinceps tempus reliquorum terminari. sed ea quod ignorarent homines, portenta mitti divinitus, quibus admo-
6. nerentur unumquodque saeculum esse finitum. haec portenta Etrusci pro haruspicii disciplinaeque suae peritia diligenter observata in libros rettulerunt. quare in Tuscis historiis, quae octavo eorum saeculo scriptae sunt, ut Varro testatur, et quot numero saecula ei genti data sint, et transactorum singula quanta fuerint quibusve ostentis eorum exitus desi-
7. gnati sint, continetur. itaque scriptum est quattuor prima saecula annorum fuisse centenum, quintum centum viginti trium, sextum undeviginti et centum, septimum totidem, octavum tum demum agi, nonum et decimum superesse, quibus transactis finem fore nominis Etrusci.

Romanorum autem saecula quidam ludis saecularibus

---

1 eos] eo **C**, пропускаетъ **V** **2** Arganthonion Hultsch и Cholodniak, согласно **C** и (Arganthonnion) **V**, Arganthonium Jahn tarcessiorum [tar послѣ почистки] **C**, tarcessioru **V** **9** Berosos Hultsch **31** qui longissimam egisset aetatem **CV** и другія рукописи, Hultsch и Cholodniak, qui longissimam aetatem egisset Jahn **31** первоначально было centenû въ **C**, но второй рукою выскоблены буквы enû и надъ ними написаны буквы um, **V**: centû

putant distingui; cui rei fides si certa est, modus Romani saeculi est incertus: temporum enim intervalla, quibus ludi isti debeant referri, non modo quanta fuerint retro ignoratur, sed ne quanta quidem esse debeant scitur. nam ita institutum 8.
esse, ut centesimo quoque anno fierent, id cum Antias aliique historici auctores sunt, tum Varro de scaenicis originibus libro primo ita scriptum reliquit: cum multa portenta fierent, et murus ac turris, quae sunt inter portam Collinam et Esquilinam, de caelo tacta essent, et ideo libros Sibyllinos Xviri adissent, renuntiarunt, uti Diti patri et Proserpinae ludi Tarentini in campo Martio fierent tribus noctibus et hostiae furvae immolarentur, utique ludi centesimo quoque anno fierent. item Titus Livius libro CXXXVI: eodem 9.
anno ludos saeculares Caesar ingenti apparatu fecit, quos centesimo quoque anno — his enim terminari saeculi * — fieri mos * ut. contra ut decimo centesimoque anno repetantur, tam commentarii XV virorum quam divi Augusti edicta testari videntur, adeo ut Horatius Flaccus in carmine, quod saecularibus ludis cantatum est, id tempus hoc modo designaverit: certus undenos decies per annos| orbis ut cantus referatque ludos |ter die clara totiensque grata| nocte fre-

---

10 X viri Hultsch, согласно поправкѣ Mommsen'a, XV viri Jahn и Cholodniak, XV. viri (по свидѣтельству Cholodniak'a, не xu. viri, какъ указали Jahn и Hultsch) **C**, XII viri **V** (и худшія рукописи) **15—16** his enim terminari saeculi fieri mos ut. contra ut **C**, his enim terminus saeculi fieri mos ut contra **V**, his enim terminum saeculi fieri mos ut contra **v J.**, (*is* enim terminus saeculi) fieri mos. * * ut contra Jahn, (his enim terminari saeculi *) fieri mos * ut *. contra ut Hultsch (въ praefatio своего изданія, на стр. VII, онъ предлагаетъ вставить слово modum послѣ saeculi), his enim terminari saeculum — fieri mos fuit. Contra ut Cholodniak. Такъ какъ Титъ Ливій, будучи современникомъ Августа и, по всей вѣроятности, также очевидцемъ отпразднованныхъ имъ въ 737/17 г. секулярныхъ игръ, не могъ не знать, что Августомъ тогда на основаніи сивиллина оракула введено было опредѣленіе срока saeculum'a въ 110 (вмѣсто прежнихъ 100) лѣтъ, то я полагаю, что испорченное мѣсто Цензорина, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, должно быть исправлено приблизительно слѣдующимъ образомъ: — his enim terminari saeculi *fines putabant antiqui — ad id tempus* fieri mos *fuerat*. contra ut. Совершенно неправдоподобнымъ я считаю мнѣніе Soltau'a (Röm. Chronol., p. 387 n. 3), согласно которому приведенныя Цензориномъ слова Ливія quos centesimo quoque anno (his enim terminari saeculi) fieri mos ut должны быть исправлены слѣдующимъ образомъ: quos X° et centesimo quoque anno (his enim terminari saecula) fieri mos *erat* и въ такомъ видѣ поставлены въ концѣ § 9, т. е. послѣ упоминанія Цензориномъ провозглашеннаго квиндецимвирами, Августомъ и Гораціемъ 110-лѣтняго saeculum'a

10. quentes. quae dissensio temporum, si veterum revolventur annales, longe magis in incerto invenietur. primos enim ludos saeculares exactis regibus post Romam conditam annis CCXLV a Valerio Publicola institutos esse * *, ad XV virorum commentarios anno CCXCVIII M. Valerio Spurio Verginio conss. * * anno post urbem conditam + octavo et quadrin*gentens*imo, ut vero in commentariis XV virorum scriptum est, anno CCCC et + decimo M. Valerio Corvino II C. Poetilio cons. tertii ludi fuerunt Antiate Livioque auctoribus P. Claudio Pulchro L. Iunio Pullo cons. * * anno quingentensimo duodevicensimo P. Cornelio Lentulo C. Licinio Varo
11. cons. de quartorum ludorum anno triplex opinio est. Antias enim et Varro et Livius relatos esse prodiderunt L. Marcio Censorino M.' Manilio cons. post Romam conditam anno DCV. at Piso Censorius et Cn. Gellius, sed et Cassius Hemina, qui illo tempore vivebat, post annum factos tertium adfirmant Cn. Cornelio Lentulo Lucio Mummio Achaico cons.,

---

1 послѣ слова frequentes **C** и **V** приводятъ ту часть сочиненія Цензорина, которая начинается съ главы 7, 1 (Superest и т. д.) и кончается словами ait enim въ главѣ 14, 7. Вмѣсто этой части Lachmann перенесъ сюда изъ главы 5, 5 слова quae dissensio и изъ главы 14, 7 слова temporum si veterum и т. д. **3** regibus post **C**, regibus con post **V** (но con зачеркнуто второю рукою), regibus cum post **v J**., regibus con(stat) post Cholodniak **4** CCXLV **CV**, CCLV **vJ** esse ad **CVvJ** (esse опускаетъ **J**), esse * *ad Jahn, Hultsch, esse, (at) ad Cholodniak **4—5** XL virorum **CVvJ** **5** anno CCXCVIII **CV**, ante CCXXCVIII **v** ай CCXCVIII **J** **6** передъ словомъ anno Lachmann дополняетъ слѣдующія слова: secundos ludos, ut Antias vult, M. Popilio Laenate IIII Valerio Corvino, cos., a Cholodniak: (Secundi fuerunt, ut * tradidit, * * coss.) **6—7** octavo et quadraginsimo **CV** (quadragesimo **V**), VII° & XL **v**, VIII & XL **J** sexto et quadringentensimo Lachmann и Roth (въ Rhein. Mus. VIII (1853), p. 371 sq.), согласно эрѣ Варрона, octavo et quadringentensimo Jahn, Hultsch, Cholodniak (Hultsch съ поставленнымъ передъ octavo знакомъ порчи: +) **8** decimo **CV** Jahn, Hultsch, Cholodniak (Hultsch съ поставленнымъ впереди знакомъ порчи (+)), X° **vJ**, octavo Lachmann и Roth (l. c.), согласно эрѣ Варрона **10** между словами cons. и anno Jahn и Hultsch ставятъ два знака пропуска: * *; въ этомъ пропускѣ, какъ справедливо указалъ Jahn, Цензоринъ упомянулъ сперва о годѣ городской эры, въ которомъ Клавдій Пульхръ и Юній Пуллъ были консулами, т. е. о DV годѣ (по Варрону) или DII годѣ (по Ливію), а затѣмъ о комментаріяхъ квиндецимвировъ. Cholodniak дополняетъ весь пропускъ такъ: (anno *, at ad XV virorum commentarios). Такъ какъ Цензоринъ вообще придерживается Варронова времясчисленія, то, по моему мнѣнію, въ этомъ пропускѣ стояли слѣдующія слова: anno DV, at ad XV virorum commentarios **14** M.' Manilio согласно корректурѣ Drakenborch'a, m manlio **CV**, m.manlio **v**, marco manlio **J**

id est anno DCVIII; in XV virorum autem commentariis notantur sub anno DCXXVIII *M.* Aemilio Lepido L. Aurelio Oreste cons. quintos ludos *C.* Furnio C. Iunio Silano conss. anno DCCXXXVII Caesar Augustus et Agrippa fecerunt; sextos autem fecit Ti. Claudius Caesar se IIII et L. Vitellio III cons. anno DCCC, septimos Domitianus se XIIII et L. Minucio Rufo cons. anno DCCCXLI, octavos imperatores Septimius et M. Aurelius Antoninus Cilone et Libone cons. anno DCCCC*C*LVII. hinc animadvertere licet neque post centum **12**
annos ut hi referrentur ludi statum esse, neque post centum decem. quorum etiamsi alterutrum retro fuisset observatum, non tamen satis id argumenti esset, quo quis his ludis saecula discerni constanter adfirmet, praesertim cum ab urbis primordio ad reges exactos anno CCXLIIII factos esse auctor sit nemo, quod tempus procul dubio naturali maius est saeculo; quodsi quis credit ludis saecularibus saecula *, **13.**
sola nominis origine inductus, sciat saecularis dici potuisse, quod plerumque semel fiant hominis aetate, ut multa alia, quae rara sunt, post saeculum evenire loquentium consuetudo usurpat.

Sed nostri maiores, quod natura saeculum quantum esset exploratum non habebant, civile ad certum modulum annorum centum statuerunt. testis est Piso, in cuius annali septimo scriptum est sic: Roma condita anno D*C* septim*um* saeculum *o*ccipit his consulibus, qui proximi sunt consules: M. Aemilius M. filius Lepidus C. Popilius II absens. sed ut hunc annorum numerum constituerent nostri, non nihil causae fuit: primum quod multos suorum civium ad hunc aetatem perducere videbant, dein quod Etruscos, quorum prima

---

1 id est anno DCIII **CV**, idem dc° III° ăno **v**, id est dc° III° an. **J** **2** annis **CVvJ**, *M.* и **3** *C.* пропускаютъ **CVvJ** **5** T. **CVvJ** **8—9** anno DCCCLVII **CVvJ** **14** annos (вмѣсто рукописнаго anno) пишутъ всѣ новѣйшіе издатели Цензорина, но напрасно, такъ какъ anno CCXLIIII надо соединить съ глаголомъ exactos („до изгнанія царей въ 244 году“), а поставленныя издателями послѣ exactos CCXLIIII запятыя слѣдуетъ устранить передъ factos Jahn вставилъ ludos **16** saecula * Jahn, Hultsch; Lachmann предложилъ вставить ludi послѣ ludis, Cholodniak прибавилъ (distingui) послѣ saecula, a Carrio и другіе старые издатели discerni послѣ saecula **21** naturale saeculum Jahn, natura saeculum **CVvJ** Hultsch, Cholodniak послѣ saeculum **CV** прибавляютъ CCXLIIII, **v**: CCLIIII, a **J**: CCXLIIII an **24—25** anno. D. septimo saeculum accipit **CV**, anno DVII° saeculum (seculum **J**) accipit **vJ**, anno DC septimum saeculum accipit Lachmann, Jahn, anno DC septimum saeculum occipit Scaliger, Hultsch, Cholodniak, anno DC septimum saeculum coipit Mommsen (Röm. Chronol. ², p. 191 n. 376) **28** hanc **CVvJ**, hunc согласно корректурѣ Lachmann'a **29** perducere **CV** Hultsch, Cholodniak, producere **vJ** Jahn

saecula centenum fuerunt annorum, etiam hic ut in aliis
14. plerumque imitari voluerunt. praeterea fieri potest, quod refert Varro, quod Dioscorides astrologus scribit, Alexandriae inter eos, qui mortuos *sallunt*, constare hominem plus centum annos vivere non posse, id*que* cor humanum declarare eorum, qui integri perierunt sine corporis tabe — ideo quod multis annis pendendo cor omnis aetatis incrementa et deminutiones con*f*erunt: et anniculi pendere duas dragmas, bimi quattuor, et sic in annos singulos usque ad quinquaginta accedere binas; ab iis centum dragmis abusque anno quinquagensimo item decedere in uno quoque binas; ex quo perspicuum sit, centensimo anno redire ad anni primi pondus nec longius vitam posse producere.

15. Quoniam igitur civile Romanorum saeculum centum annis transigitur, scire licet in decimo saeculo et primum natalem tuum fuisse et hodiernum esse. quot autem saecula urbi Romae debeantur, dicere meum non est; sed quid apud Varronem legerim, non tacebo, qui libro antiquitatum duodevicensimo ait fuisse Vettium Romae in augurio non ignobilem, ingenio magno, cuivis docto in disceptando parem: eum se audisse dicentem, si ita esset, ut traderent historici de Romuli urbis condendae auguriis ac XII vulturis, quoniam CXX annos incolumis praeterisset populus Romanus, ad mille et ducentos perventurum.

Valerius Maximus, Factorum et dictorum memorabilium lib. II, cap. 4, § 5.

Et quia ceteri ludi ipsis appellationibus unde trahantur apparet, non absurdum videtur saecularibus initium

---

2 вмѣсто рукописнаго fieri Lachmann предложилъ писать adferri **3** quodque Dioscorides Jahn **vulgo**, quod Dioscorides **C** Hultsch, Cholodniak **4** solent **CVvJ**, *sallunt* согласно эмендаціи Lachmann'a **5** idcirco **CVv**, iccirco **J**, id*que* cor согласно эмендаціи Lachmann'a humanum **CVvJ** Cholodniak, hominum Jahn, Hultsch согласно конъектурѣ Lachmann'a **8** conseru nt (nt или первой или второй рукою) **C**, conserunt **VvJ**, observent Jahn **vulgo**, conseruere Hultsch, Cholodniak; я эмендирую conferunt **10—11** adq, anno **C**, atq; anno **VvJ**, abusque anno Jahn, Hultsch согласно конъектурѣ Lachmann'a, aque anno Cholodniak **20** cuius docto ri **C** (ri второю рукою), cuius doctori **V** (на поляхъ второю рукою прибавлено eius), cuius doctori **vJ**, cuivis doctiori Jahn (по конъектурѣ Lachmann'a), cuivis docto Hultsch, Cholodniak (по конъектурѣ старыхъ издателей) **22** vulturis **CV** Hultsch, Cholodniak, vulturibus **vJ**, vulturiis Jahn **23** ex. λ **CV**, CXX **vJ**

Въ основу приведеннаго мною текста Валерія Максима, а также по-

suum, cuius [generis] minus trita notitia est, reddere. Cum ingenti pestilentia urbs agrique vastarentur, Valesius vir locuples rusticae vitae, duobus filiis et filia ad desperationem usque medicorum laborantibus, aquam calidam iis a foco petens, genibus nixus lares familiares ut puerorum periculum in ipsius caput transferrent oravit. orta deinde vox est, habiturum eos salvos, si continuo flumine Tiberi devectos Tarentum portasset ibique ex Ditis patris et Proserpinae ara petita aqua recreasset. eo praedicto magnopere confusus, quod et longa et periculosa navigatio imperabatur, spe tamen dubia praesentem metum vincente pueros ad ripam Tiberis protinus detulit — habitabat enim in villa sua propter vicum Sabinae regionis *E*retum—ac luntre Ostiam petens nocte concubia ad Martium campum appulit, sitientibusque aegris succurrere cupiens, igne in navigio non suppetente ex gubernatore cognovit haud procul apparere fumum, et ab eo iussus egredi Tarentum — id nomen ei loco est — cupide adrepto calice aquam flumine haustam eo, unde fumus erat obortus, iam laetior pertulit, divinitus dati remedii quasi vestigia quaedam in propinquo nactum se existimans, inque solo magis fumante quam ullas ignis habente reliquias, dum tenacius omen adprehendit, contractis levibus et quae fors obtulerat nutrimentis pertinaci spiritu flammam evo*c*avit calefactamque aquam pueris bibendam dedit, qua potata salutari quiete sopiti diutina vi morbi repente sunt liberati patrique indicaverunt vidisse se in som-

---

мѣщенныхъ вслѣдъ за нимъ текстовъ его эпитоматоровъ Юлія Париса и Непоціана, я положилъ критическія изданія Halm'a (Lips. 1865) и Kempf'a (² Lips. 1888). Въ примѣчаніяхъ я указываю только разногласія этихъ изданій, а также важнѣйшія отступленія ихъ отъ рукописнаго чтенія (лучшія рукописи суть **L**(aurentianus) и **A**(Bernensis)) и важнѣйшія конъектуры другихъ ученыхъ или мои. **1** рукописное generis, что было принято въ текстъ Halm'омъ, Kempf, согнасно предложенію Gertz'a, заключилъ въ скобки и вмѣсто того предлагаетъ читать originis **7** eos salvos **L A** Kempf, eum salvos filios Парисъ, eum filios salvos на поляхъ **A** (изъ Париса) Halm, eum salvos Gertz **12** вмѣсто рукописнаго sua надо, вѣроятно, читать sita (согласно конъектурѣ Halm'a, одобренной также Kempf'омъ) **13** вмѣсто *E*retum въ рукописяхъ **L** и **A** стоитъ fretum. Это испорченное чтеніе исправили еще M. Antonius Sabellicus и (изъ codex Atrebatensis) Pighius **16** cognoscit **L A** Halm, cognovit Парисъ и Kempf **20** nactum **L**²**A** Halm, nanctum Kempf **24** evo*c*avit согласно конъектурѣ Torrenius'a, evomuit **L A**, emovit Pighius, elicuit Foertsch[19]

nis a nescio quo deorum spongea corpora sua pertergeri et praecipi ut ad Ditis patris *et* Proserpinae aram, a qua potio ipsis fuerat adlata, furvae hostiae immolarentur *sell*isterniaque *ac* ludi nocturni fierent. is, quod eo loci nullam aram viderat, desiderari credens ut a se constitueretur, aram empturus in urbem perrexit relictis qui fundamentorum constituendorum gratia terram ad solidum foderent. hi domini imperium exequentes, cum ad XX pedum altitudinem humo egesta pervenissent, animadverterunt aram Diti patri Proserpinaeque inscriptam. hoc postquam Valesius nuntiante servo accepit, omisso emendae arae proposito hostias nigras, quae antiquitus furvae dicebantur, Tarenti immolavit ludosque et *sell*isternia continuis tribus noctibus, quia totidem filii periculo liberati erant, fecit.

Cuius exemplum Valerius Publicola, qui primus consul fuit, studio succurrendi civibus secutus apud eandem aram publice nuncupatis votis caesisque atris bubus, Diti maribus, feminis Proserpinae, *sell*isternioque ac ludis trinoctio factis aram terra, ut ante fuerat, obruit.

Julii Paridis Epitomae l. II c. 4, § 5 (изъ Валерія Максима, II, 4, 5):

Saecularium ludorum initium tale est: cum pestilentia urbs agrique vastarentur, Valesius vir locuples rusticae vitae, duobus filiis et filia laborantibus, aquam eis calidam

---

2 *et*, пропущенное въ **L** и **A**^{1}, прибавлено въ **A** второю рукою и читается также у Париса **3—4** lectisterniaq. **LA**, sellisternia на поляхъ **A** и у Париса. Это послѣднее чтеніе — *sell*isterniaque —, какъ я полагаю (ср. мое изслѣдованіе на стр. 25, прим. 3), должно быть принято и въ текстъ Валерія Максима **4** ac Парисъ, et Gertz*, въ кодексахъ **LA** недостаетъ такого союза **8** вмѣсто рукописнаго чтенія ad XX pedum Lipsius предложилъ читать ad X pedum, и Kempf склоненъ принять эту конъектуру. Однако рукописное чтеніе подтверждается и словами Зосима (II, 3, 2): χώματι βάθους εἴκοσι ποδῶν κατεκάλυψαν τὸν βωμόν и Феста (s. v. saeculares ludi, p. 329 M.) aram... demissam... [pedes] viginti... **13** вмѣсто рукописнаго чтенія lectisternia и v. **18** lectisternioque въ текстъ Валерія Максима и здѣсь, какъ я полагаю (ср. выше примѣчаніе къ строкѣ 3—4 и разсужденіе наше на стр. 25, прим. 3 изслѣдованія), должно быть принято чтеніе (v. **13**) *sell*isternia, которое мы находимъ въ эпитомѣ Париса и *sell*isternioque въ v. **18**

a foco petens, genibus nixus ut puerorum periculum in ipsius caput transferretur oravit. orta deinde vox est, habiturum eum salvos filios, si continuo Tiberi flumine devectos Tarentum portasset ibique ex Ditis patris et Proserpinae ara petita aqua eos recreasset. quo praedicto pueros ad ripam Tiberis detulit, lyntre Ostiam petens: et sitientibus aegris succurrere cupiens ex gubernatore cognovit haut procul apparere fumum in loco, qui Tarentus vocabatur. itaque calefactam ibi aquam pueris dedit. qua pota salutari quiete sopiti morte liberati sunt patrique indicaverunt praeceptum sibi in somnis ut ad Ditis patris et Proserpinae aram, a qua potio ipsis erat adlata, *furvae* hostiae immolarentur, sellisternia ac ludi nocturni fierent. itaque cum urbem arae gratia emendae Valesius petisset, fodientibus servis eius terram fundamentorum constituendorum causa, reperta est ara Diti patri Proserpinaeque inscripta, ad quam Valesius ludos et sellisternia tribus noctibus, quia totidem <*filii*> periculo liberati erant, fecit. cuius exemplum Valerius Poplicola Bruti collega studio succurrendi civibus secutus apud eandem aram sacrum fecit.

Nepotiani epitoma, XI 7 (изъ Валерія Максима II, 4, 5).

Saeculares ludi, qui post annum centesimum veniunt, a Valerio Publicola imperatore primum instituti et in honorem Ditis patris Proserpinaeque celebrati sunt apud eam aram, quam ipsorum numinum titulo inscriptam Valesius locuples rusticanus pro trium filiorum sibi reddita sospitate <*sacra*> celebra*turus* invenerat, ad quam et nigris hostiis immolabatur et lectisternia excitabantur et nocturnis ludis festa agebantur votis publice nuncupatis pro salute Romana.

---

6 luntre Halm (согласно чтенію кодексовъ Валерія Максима), lyntre Kempf (согласно чтенію кодекса **V**(aticanus) Париса). **3** filios salvos на поляхъ рукописи **A** (Bernensis) Валерія Максима (заимствовано изъ Париса), salvos filios **V**(aticanus) Париса **10** indicaver **V**(aticanus) Париса, indicavere Halm, indicavernnt Kempf **12** purae **V**(aticanus) Париса, Halm, furvae Kempf (согласно предложенію Gertz'a, основанному на согласномъ чтеніи рукописей Валерія Максима) **16** patri пропущено Halm'омъ **17** пропущенное въ **V**(aticanus) *filii* дополнилъ Mai **19** collegae **V**(aticanus) **8** studium **V**(aticanus)

---

6 <*sacra*> celebra*turus* я написалъ согласно конъектурѣ Gertz'a. Въ рукописяхъ стоитъ только испорченное celebrabatur. Mai и Halm опускаютъ это слово, Kempf отмѣчаетъ его какъ испорченное, ставя передъ нимъ знакъ †, а Eberhard предложилъ читать consecraturus

Zosimus, historia nova, lib. II, cap. I—7.

I. 1.....ἐκ τοῦ τὸν μακρότατον ἀνθρώπου βίον τὸ μέσον διάστημα περιλαμβάνειν ταύτης τῆς ἑορτῆς· σέκουλ<ον> γὰρ τὸν αἰῶνα Ῥωμαῖοι καλοῦσιν. συντελεῖ δὲ πρὸς λοιμῶν καὶ φθορῶν καὶ νόσων ἀκέσεις. ἔσχεν δὲ τὴν ἀρχὴν ἐξ αἰτίας τοιᾶσδε. Οὐαλέσιος, ἀφ' οὗ τὸ Οὐαλεριανῶν κατάγεται γένος, ἦν ἐν τῷ Σαβίνων ἔθνει περιφανής. τούτῳ πρὸ τῆς οἰκίας ἄλσος ἦν ἐκ δένδρων μεγίστων. τούτων πεσόντος κεραυνοῦ καταφλεχθέντων ἠπόρει πρὸς τὸ ἐκ τοῦ κεραυνοῦ σημαινόμενον, νόσου δὲ τοῖς αὐτοῦ παισὶν ἐνσκηψάσης ὑπὲρ τὴν τῶν ἰατρῶν τέχνην διὰ τῶν μάντεων ἦει. τῶν δὲ διὰ τοῦ τρόπου τῆς τοῦ πυρὸς πτώσεως ὅτι θεῶν ἐστὶ μῆνις τεκμηραμένων, εἰκότως δὶ ἐκθυσιῶν ὁ Οὐαλέσιος τὸ θεῖον ἐξιλεοῦτο· ὧν τε μετὰ τῆς γυναικὸς ἐν φόβῳ, καὶ τὸν τῶν παίδων θάνατον ἐλπίζων ὅσον οὐδέπω συμβήσεσθαι, προσπεσὼν τῇ Ἑστίᾳ δύο τελείας ἀντὶ τῶν παίδων αὐτῇ δώσειν ὑπισχνεῖτο ψυχάς, ἑαυτοῦ τε καὶ τῆς τῶν παίδων μητρός. ἀποβλέπων δὲ εἰς τὸ κεραυνόβλητον ἄλσος ἀκούειν φωνῆς ἔδοξεν, ἀπάγειν εἰς Τάραντα ἐγκελευομένης τὰ τέκνα κἀκεῖσε θερμήναντα τοῦ Τιβέρεως ὕδωρ ἐπὶ τῆς Ἅιδου καὶ Περσεφόνης ἐσχάρας τοῖς παισὶν δοῦναι πιεῖν. ταῦτα ἀκούσας τότε δὴ πλέον τὴν τῶν παίδων σωτηρίαν ἀπήλπισεν· Τάραντά τε γὰρ πόρρω που τῆς Ἰταλίας εἶναι, καὶ οὐκ ἂν ἐν ταύτῃ τοῦ Τιβέρεως ὕδωρ φανήσεσθαι, διδόναι δὲ αὐτῷ πονηρὰν ἐλπίδα καὶ τὸ θερμῆναι τὸ ὕδωρ ἐπὶ βωμοῦ χθονίων δαιμόνων ἀκοῦσαι.

Въ основу приведеннаго здѣсь текста Зосима я положилъ критическія изданія Mendelssohn'a (Lpz. 1887) и Diels'a (въ его книгѣ Sibyllinische Blätter, Berlin 1890, p. 127—135: Zosimus II, 1—6). **1** пробѣлъ въ началѣ главы Diels дополняетъ такъ: <Σεκουλαρίων δ' ἔχει τὴν προσηγορίαν> **2** вмѣсто рукописнаго σέκουλα я пишу съ Diels'омъ σέκουλον согласно конъектурѣ Sylburg'a, одобренной Bekker'омъ и Mendelssohn'омъ **5** Οὐαλέσιος согласно конъектурѣ Heumann'a, ουαλεσος V(aticanus), οὐάλεσος οὐαλέσιος **vulgo** (apographa Vaticani) Sylburg и Mendelssohn предлагаютъ читать Οὐαλερίων вмѣсто Οὐαλεριανῶν. Я полагаю, что рукописное чтеніе должно быть или сохранено или же измѣнено въ Οὐαλεριανόν (Diels читаетъ: Οὐαλεριανόν)—см. мое изслѣдованіе на стр. 99, прим. 3) **8** ἐκ τοῦ κεραύνου (sic) καταφλεχθέντων **V**; изъ этихъ словъ Mendelssohn, согласно предложенію Heumann'a, устраняетъ слово καταφλεχθέντων, а Diels заключаетъ въ скобки всѣ **12** ἐξιλεοῦτο διὰ τῶν μάντεων ὧν τε (sic) **V**, ἐξιλεοῦτο· ὧν τε Heyne и Mendelssohn, ἐξιλεοῦτο [διὰ τῶν μάντεων]· ὧν τε Diels **21** вмѣсто ἐν ταύτῃ Mendelssohn предлагаетъ читать ἐνταῦθα, но, по моему, напрасно, такъ какъ Зосимъ могъ употребить имя греческаго города (ὁ или ἡ Τάρας) въ женскомъ родѣ

I. 2. ἐπὶ τούτοις ἀπορησάντων καὶ τῶν τερατοσκόπων, αὐθις πυθόμενος ἔγνω δεῖν τῷ θεῷ πείθεσθαι, καὶ ἐμβαλὼν πλοίῳ ποταμίῳ τὰ τέκνα κατή<γετο>· πυρετ<αι>νόντων δὲ αὐτῶν ὑπὸ καύματι τούτῳ προσέπλει τῆς ὄχθης τῷ μέρει, καθ' ὃ τὸ τοῦ ποταμοῦ ῥεῖθρον ἠρεμαῖον ἐδόκει. καλύβην δὲ ποιούμενος, <ὡς> ἐναυλισθεί<η> ἅμα τοῖς παισίν, ἤκουεν κατα<γα>γέσθαι δεῖν ἐν τῷ Τάραντι· ταύτην γὰρ εἶχεν ὁ τόπος προσηγορίαν, τῷ κατὰ τὴν ἄκραν Ἰαπυγίαν ὁμώνυμος ὢν Τάραντι. προσκυνήσας οὖν ἐπὶ τῇ συντυχίᾳ τὸ θεῖον ὁ Οὐαλέσιος ἐπὶ τὴν χέρσον ὀκεῖλαι τῷ κυβερνήτῃ προσέταττεν, καὶ ἀποβὰς τοῖς π<αι>σὶν ἐξεῖπεν. ἀρυσάμενος δὲ ἐκ τοῦ Θύμβριδος ὕδωρ καὶ τοῦτο θερμήνας ἐπί τινος κατὰ τὸν τόπον ὑπ' αὐτοῦ πεποιημένης ἐσχάρας ἔδωκε πιεῖν τοῖς παισίν. οἱ δὲ ἅμα τῷ πιεῖν ὕπνου προσγενομένου κατέστησαν ὑγιεῖς. ὄναρ δὲ θεασάμενοι, προσαγαγεῖν ἱερεῖα μέλανα Περσεφόνῃ καὶ Ἅιδῃ καὶ τρεῖς ἐπαλλήλους ἄγειν παννυχίδας ᾠδῶν καὶ χορῶν, ἀφηγήσαντο πρὸς τὸν πατέρα τὸ ὄναρ, ὡς ἀνδρὸς μεγάλου καὶ θεοπρεποῦς ταῦτα ποιεῖν ἐπισκήψαντος ἐπὶ τοῦ κατὰ Τάραντον Ἀρείου πεδίου, καθ' ὃ καὶ ἀνεῖται τόπος εἰς γυμνάσιον ἵππων. βουλομένου δὲ τοῦ Οὐαλεσίου βωμὸν αὐτόθι καθιδρῦσαι καὶ τῶν λιθοξόων ὀρυττόντων ἐπὶ τούτῳ τὸν τόπον, βωμὸς εὑρέθη πεποιημένος, ἐν ᾧ γράμματα ἦν '῎Αιδου καὶ Περσεφόνης'. τότε τοίνυν σαφέστερον διδαχθεὶς τὸ πρακτέον, τούτῳ τῷ βωμῷ τὰ μέλανα προσῆγεν ἱερεῖα καὶ τὰς παννυχίδας ἐν αὐτῷ διετέλει ποιῶν.

---

2 вмѣсто τῷ θεῷ Mendelssohn предлагаетъ τῷ θείῳ **3** вмѣсто рукописнаго чтенія κατήγαγε (γα въ **V** на половину выскоблено) τὸ πῦρ. ἐκτενόντων Mendelssohn предложилъ писать κατήγετο. πυρεττόντων, а Diels пишетъ κατήγετο. πυρεταινόντων Bekker писалъ, согласно конъектурѣ Sylburg'a: κατήγαγε τὸ πῦρ. ἐκθανόντων **4** вмѣсто рукописнаго καύματι Diels пишетъ (безъ достаточнаго основанія): καύματος **5** καλύβην Diels, καλύβῃ **V** ποιούμενος **V**, ποιμένος **vulgo** **6** ὡς ἐναυλισθείη Diels, ἐναυλισθεὶς **V** **6—7** καταγαγέσθαι Diels, κατάγεσθαι **V** **7** вмѣсто рукописнаго δεῖν Bekker предложилъ писать δὴ **9** ουαλεσος **V** ἐπὶ τὴν <ἀντιπέρας> χέρσον предлагаетъ Mendelssohn **10** ποιμέσιν **vulgo**, ποιμαισιν (надъ вторымъ ι надписано второй рукою ε) **V**, вмѣсто этого Mendelssohn предлагаетъ παισίν, и я принялъ, вмѣстѣ съ Diels'омъ, эту конъектуру **13** Mendelssohn по ошибкѣ: οἳ **18** ἐπὶ τοῦ κατὰ τάραντον αρείου (sic!) παιδείου **V**, ἐπὶ τοῦ Ἀρείου πεδίου, Mendelssohn предлагаетъ ἐπὶ τοῦ κατὰ Τάραντα πυρίνου (или πυρίου) πεδίου, но напрасно, такъ какъ ἐπὶ τοῦ κατὰ Τάραντον Ἀρείου πεδίου даетъ требуемый смыслъ: въ расположенной близъ Tarentum части Марсова поля вмѣсто рукописнаго καὶ ἀνεῖται Mendelssohn предлагаетъ καὶ <νῦν> ἀνεῖται **23** вмѣсто рукописнаго τὰς Mendelssohn предлагаетъ τοεῖς

1. 3. οὗτος δὲ ὁ βωμὸς καὶ ἡ τῆς ἱερουργίας κατάστασις ἀρχὴν ἔλαβεν ἐξ αἰτίας τοιᾶσδε. Ῥωμαίοις καὶ Ἀλβανοῖς πόλεμος ἦν· ὄντων δὲ ἀμφοτέρων ἐν ὅπλοις ἐπεφάνη τις τερατώδης τὴν ὄψιν, ἠμφιεσμένος δέρματι μέλανι καὶ βοῶν, ὡς Ἅιδης καὶ Περσεφόνη, πρὶν εἰς χεῖρας ἐλθεῖν, θυσίαν ὑπὸ γῆν αὐτοῖς
2. ποιῆσαι προσέταξαν. καὶ ταῦτα εἰπὼν ἀφανὴς γίνεται. τότε τοίνυν Ῥωμαῖοι ταραχθέντες ἐπὶ τῷ φάσματι καὶ τὸν βωμὸν ὑπὸ γῆς ἵδρυσαν καὶ τὴν θυσίαν πεποιηκότες χώματι βάθους εἴκοσι ποδῶν κατεκάλυψαν τὸν βωμόν, ὡς ἂν πλὴν Ῥωμαίων ἅπασι τοῖς ἄλλοις ἄδηλον εἴη. τοῦτον ὁ Οὐαλέσιος εὑρὼν καὶ τὴν θυσίαν καὶ τὰς παννυχίδας ἐπιτελέσας ἐκλήθη Μάνιος Οὐαλέριος Ταραντῖνος· τούς τε γὰρ χθονίους θεοὺς μάνης καλοῦσι Ῥωμαῖοι καὶ τὸ ὑγιαίνειν βαλῆρε· Ταραντῖνος δὲ ἀπὸ τῆς ἐν τῷ Τάραντι
3. θυσίας. χρόνοις δὲ ὕστερον λοιμοῦ συμβάντος τῇ πόλει τῷ πρώτῳ μετὰ τοὺς βασιλέας ἔτει, „Πόπλιος Βαλέριος Ποπλικόλας ἐν τούτῳ τῷ βωμῷ θύσας Ἅιδῃ καὶ Περσεφόνῃ μέλανα βοῦν καὶ δάμαλιν μέλαιναν ἠλευθέρωσε τῆς νόσου τὴν πόλιν, ἐπιγράψας τῷ βωμῷ ταῦτα· „Πόπλιος Βαλέριος Ποπλικόλας τὸ πυροφόρον πεδίον Ἅιδῃ καὶ Περσεφόνῃ καθιέρωσα καὶ θεωρίας ἤγαγον Ἅιδῃ καὶ Περσεφόνῃ ὑπὲρ τῆς Ῥωμαίων ἐλευθερίας“.

1. 4. μετὰ δὲ ταῦτα νόσων καὶ πολέμων ἐνσκηψάντων ἔτει μετὰ τὸν τῆς πόλεως οἰκισμὸν πεντακοσιοστῷ δευτέρῳ [505/249 г. Варроновой эры] λύσιν εὑρεῖν ἡ γερουσία τῶν κακῶν ἐκ τῶν Σιβύλλης βουλομένη χρησμῶν τοῖς εἰς τοῦτο τεταγμένοις ἀνδράσιν <δ>έκα τοὺς χρησμοὺς ἀνερευνῆσαι παρεκελεύσατο. τῶν δὲ λογίων παυθήσεσθαι τὸ κακόν, εἰ θύσαιεν Ἅιδῃ καὶ Περσεφόνῃ, προαγορευσάντων, ἀναζητήσαντες τὸν

---

5 вмѣсто рукописнаго αὐτοῖς, сохраняемаго Mendelssohn'омъ, я пишу, вмѣстѣ съ Diels'омъ, αὑτοῖς **8** вмѣсто рукописнаго βάθους Diels склоненъ читать βάθος **10** вмѣсто рукописнаго ἄδηλον Bekker предложилъ ἄδηλος **14** θυσίας <ἐπεκαλεῖτο> предлагаетъ Mendelssohn **19** πυροφόρον согласно конъектурѣ Panvinius'a и Sylburg'a, πὺρ ὀφερον (sic) **V**, можетъ быть, надо читать πυρφόρον хотя Зосимъ и въ другомъ мѣстѣ еще (III, 25, 2) употребляетъ форму πυροφόρος вмѣсто πυρφόρος **22** ετι **V** **23** вмѣсто рукописнаго чтенія (πεντακοσιοστῶι δευτέρωι **V**, πεντακοσίοις τῷ δευτέρῳ **vulgo**), ошибочно измѣненнаго прежними издателями въ ἐπὶ τριακοσίοις πεντηκοστῷ καὶ δευτέρῳ (согласно конъектурѣ Leunclavius'a) Mendelssohn предлагаетъ читать πεντακοσιοστῷ πέμπτῳ (ε' вмѣсто β') **26** ἀνδράσιν δέκα, согласно конъектурѣ Mendelssohn'a, вмѣсто рукописнаго ανδρασιν τὲ (sic!) καὶ (**V**) **27** λογιῶν **V**, λοιπῶν **vulgo**, прежніе издатели: λοιπὸν

τόπον Ἅιδῃ καὶ Περσεφόνῃ κατὰ τὸ προσταχθὲν καθήγισαν <ὡς καὶ πρότερον ἐγένετο Μάρκου Οὐαλερίου καὶ> Μάρκου Ποπ<ι>λίου τὸ τέταρτον ὑπατεύοντος [406/348 г. Варроновой эры]. καὶ τῆς ἱερουργίας συντελεσθείσης τῶν ἐπικειμένων 2.
ἀπαλλαγέντες τὸν βωμὸν αὖθις ἐκάλυψαν, ἐν ἐσχάτῳ που κείμενον τοῦ Ἀρείου πεδίου. ταύτης ἐπὶ χρόνου τῆς θυσίας ἀμεληθείσης, αὖθίς τινων συμπεσόντων ἀποθυμίων ἀνενεώσατο τὴν ἑορτήν, <ὕστατον τελεσθεῖσαν> ὑπάτων ὄντων Λουκίου Κηνσωρίνου καὶ Μανίου Μανιλίου [Πουηλίου] [605/149 г. Варроновой эры], Ὀκταβιανὸς ὁ Σεβαστός, τὸν θεσμὸν Ἀτηίου Καπίτωνος ἐξηγησαμένου, τοὺς χρόνους, καθ' οὓς ἔδει τὴν θυσίαν γενέσθαι καὶ τὴν θεωρίαν ἀχθῆναι, τῶν πεντεκαίδεκα ἀνδρῶν, οἳ τὰ Σιβύλλης θέσφατα φυλάττειν ἐτάχθησαν, ἀνερευνησάντων. μετὰ δὲ τὸν Σεβαστὸν Κλαύδιος ἤγαγεν τὴν ἑορτήν, οὐ 3.
φυλάξας τὸν τῶν ὡρισμένων ἐτῶν ἀριθμόν. μεθ' ὃν Δομετιανὸς τὸν Κλαύδιον παραπεμψάμενος καὶ τὴν περίοδον τῶν ἐτῶν, ἀφ' οὗ τὴν ἑορτὴν ὁ Σεβαστὸς ἐπετέλε<ι>, <συν>αριθμήσας

2—3 передъ словами Μάρκου Ποπιλίου Mendelssohn указалъ рукописный пробѣлъ, который, по его мнѣнію, долженъ быть пополненъ соотвѣтственно тому, что сообщилъ Веррій Флаккъ (у Феста, p. 329 M., съ пополненіями Roth'a (въ Rhein. Mus. VIII (1853), p. 374)). Согласно съ этимъ я принялъ въ текстъ предложенныя Diels'омъ пополненія: <ὡς καὶ πρότερον ἐγένετο Μάρκου Οὐαλερίου καὶ> Μάρκου Ποπιλίου, согласно корректурѣ Roth'a (l. c., p. 372), ποπλίου **V**, Ποτίτου прежніе издатели (согласно ошибочной конъектурѣ Leunclavius'a) **7** ἀποθυμιῶν **V** вмѣсто рукописнаго ἀνενεώσατο Diels пишетъ ἀνενεώσαντο и предлагаетъ перенести слова Ὀκταβιανὸς ὁ Σεβαστός въ пробѣлъ, который, по его мнѣнію, находится передъ словами τὸν θεσμόν (строка 10) **8** передъ словами ὑπάτων ὄντων Mendelssohn предложилъ вставить слова ὕστατον τελεσθεῖσαν или т. под. Это необходимое пополненіе я принялъ въ текстъ, а слова Ὀκταβιανὸς ὁ Σεβαστός, стоящія въ рукописяхъ послѣ словъ τὴν ἑορτὴν, я вмѣстѣ съ тѣмъ переставилъ послѣ именъ Μανιλίου [Πουηλίου]. Прежніе же издатели вставили передъ ὑπάτων ὄντων слова <προτελεσθεῖσαν μὲν> **9** Μανίου Μανιλίου, согласно конъектурѣ Mendelssohn'a (ср. также Roth., l. c., p. 375), вмѣсто рукописнаго μάρκου μαλλίου (**V vulgo**) имя же Πουηλίου Mendelssohn справедливо заключилъ въ скобки, такъ такъ оно по ошибкѣ возникло изъ выше упомянутаго Ποπιλίου (ср. Roth, l. c., p. 372). Слова τότε δὲ Λουκίου Κηνσωρίνου καὶ Γαΐου Σαβίνου, которыя въ прежнихъ изданіяхъ слѣдуютъ за именемъ Πουηλίου, представляя собою чтеніе, помѣщенное на поляхъ рукописи Leunclavius'a, Mendelssohn и Diels справедливо устранили согласно указаніямъ Roth'a (l. c., p. 375) **10** послѣ τὸν Bekker предложилъ вставить μὲν **11** между τοὺς и χρόνους Mendelssohn, согласно конъектурѣ Bekker'a, вставилъ <δὲ>, но нѣтъ надобности въ такой вставкѣ **12** ἀχθῆναι согласно поправкѣ Bekker'a, ἀναχθηναι (sic!) **V** **17** по мнѣнію Mendelssohn'a, вмѣсто рукописнаго ἐπετέλεσεν Зосимъ долженъ былъ написать: ἐπιτελεῖν ἠθέλησεν, по мнѣнію же Diels'a, кажущемуся мнѣ болѣе правдоподобнымъ, онъ написалъ (вмѣсто рукописнаго ἐπετέλεσεν ἀριθμήσας), вѣроятно, ἐπετέλει, συναριθμήσας, и эту конъектуру я принялъ въ текстъ

ἔδοξεν τὸν ἐξ ἀρχῆς παραδοθέντα φυλάττειν θεσμόν. ἐπὶ τούτοις ὁ Σεβῆρος τῶν δέκα καὶ ἑκατὸν ἐνστάντων ἐτῶν ἅμα τοῖς παισὶν Ἀντωνίνῳ καὶ Γέτᾳ τὴν αὐτὴν ἑορτὴν κατεστήσατο, Χίλωνος καὶ Λίβωνος ὄντων ὑπάτων (957/204 г. Варроновой эры).

1. 5. Τοιοῦτος δέ τις ὁ τρόπος ἀναγέγραπται τῆς ἑορτῆς. περιιόντες οἱ κήρυκες εἰς τὴν ἑορτὴν συνιέναι πάντας ἐκέλευον ἐπὶ θέαν, ἣν οὔτε πρότερον εἶδον οὔτε μετὰ ταῦτα θεάσονται. κατὰ δὲ τὴν ὥραν τοῦ θέρους, πρὸ ἡμερῶν ὀλίγων τοῦ τὴν θεωρίαν ἀχθῆναι, ἐν τῷ Καπιτωλίῳ καὶ ἐν τῷ νεῷ τῷ κατὰ τὸ Παλάτιον οἱ δεκαπέντε ἄνδρες ἐπὶ βήματος καθήμενοι τῷ δήμῳ διανέμουσι τὰ καθάρσια· ταῦτα δέ ἐστιν δᾷδες καὶ θεῖον καὶ ἄσφαλτον. δοῦλοι δὲ τούτων οὐ μετέχουσιν, ἀλλὰ ἐλεύθε-
2. ροι μόνοι. συνελθόντος δὲ τοῦ δήμου παντὸς ἔν τε τοῖς ῥηθεῖσιν τόποις καὶ ἐν τῷ ἱερῷ τῆς Ἀρτέμιδος, ὃ ἐν τῷ Ἀουεντίνῳ λόφῳ καθίδρυται, σῖτον καὶ κριθὴν ἕκαστος φέρει καὶ κύαμον. καὶ ταῖς Μοίραις ἄγουσι παννυχίδας μετὰ σεμνότητος ἐν νυξίν. ἐνστάντος δὲ τοῦ χρόνου τῆς ἑορτῆς, ἣν ἐν τρισὶν ἡμέραις ἐν τῷ τοῦ Ἄρεως ἐπιτελοῦσι πεδίῳ καὶ ταῖς ἴσαις νυξίν, καθιεροῦτο τὰ τελούμενα παρὰ τὴν ὄχθην τοῦ Θύμβριδος ἐν τῷ Τάραντι. θύουσι δὲ θεοῖς Διὶ καὶ Ἥρᾳ καὶ Ἀπόλλωνι καὶ Λητοῖ καὶ Ἀρτέμιδι, καὶ προσέτι γε Μοίραις καὶ Εἰλειθυίαις καὶ Δήμητρι καὶ Ἄιδῃ καὶ Περσε-
3. φόνῃ. τῇ δὲ πρώτῃ τῶν θεωριῶν νυκτὶ δευτέρας ὥρας ὁ αὐτοκράτωρ ἐπὶ τὴν ὄχθην τοῦ ποταμοῦ τριῶν παρασκευασθέντων βωμῶν <ἀνὰ> τρεῖς ἄρνας <καὶ αἶγας> θύει μετὰ τῶν δεκαπέντε ἀνδρῶν καὶ τοὺς βωμοὺς καθαιμάξας ὁλοκαυτεῖ

---

6 εἰς τὴν ἑορτὴν Mendelssohn предлагаетъ устранить (указывая на Herodian. III, 8, 10: κήρυκες ...διεφοίων) 9 ἀχθῆναι **vulgo**, ἀρχθῆναι **V** 12 ἄσφαλτον **V** и Diels, ἄσφαλτος Bekker и Mendelssohn 14 вмѣсто рукописнаго δ Mendelssohn предлагаетъ читать ὅπερ 16 Μοίραις согласно поправкѣ Stephanus'a, μοραις **V** 17 ἐν.... νυξίν пишетъ Mendelssohn вмѣсто рукописнаго ἐν νυξίν, Heyne же предложилъ или совсѣмъ устранить эти слова, или же писать ἐννέα νυξίν. Diels наконецъ пишетъ ἐν<γ>νυξίν, но предлагаетъ, кромѣ того, ἐν<ἐννέα>νυξίν. Но теперь, послѣ открытія актовъ секулярныхъ игръ Августа, не можетъ подлежать сомнѣнію, что или въ словахъ Зосима кроется болѣе глубокая порча, или же историкъ нѣсколько перепуталъ описаніе религіозныхъ обрядовъ празднества. Можетъ быть, предложеніе καὶ ταῖς Μοίραις ἄγουσι παννυχίδας μετὰ σεμνότητος ἐν νυξίν представляетъ собою глоссему и должно быть заключено въ скобки 26 я вставилъ <ἀνὰ> и <καὶ αἶγας>, согласно commentarium ludorum saecularium quintorum, v. 92 sq. и 97 sq., упоминающему о VIIII agnae feminae и VIIII caprae feminae 27 ὁλοκαυτεῖ **V**, ὁλοκαυτοῖ **vulgo** и прежніе издатели

τὰ θύματα. κατασκευασθείσης δὲ σκηνῆς δίχα θεάτρου, φῶτα ἀνάπτεται καὶ πυρά, καὶ ὕμνος ἄδεται νεωστὶ πεποιημένος, θεωρίαι τε ἱεροπρεπεῖς ἄγονται. κομίζονται δὲ οἱ ταῦτα 4.
ποιοῦντες μισθὸν τὰς ἀπαρχὰς τῶν καρπῶν, σίτου καὶ κριθῆς καὶ κυάμων· αὗται γάρ, ὡς εἴρηταί μοι, καὶ τῷ δήμῳ παντὶ διανέμονται. τῇ δὲ μετὰ ταύτην ἡμέρᾳ εἰς τὸ Καπιτώλιον ἀναβάντες, κἀνταῦθα τὰς νενομισμένας θυσίας προσαγαγόντες, ἐντεῦθέν τε ἐπὶ τὸ κατεσκευασμένον θέατρον ἐλθόντες, τὰς θεωρίας ἐπιτελοῦσιν Ἀπόλλωνι καὶ Ἀρτέμιδι. τῇ δὲ μετὰ ταύτην ἡμέρᾳ γυναῖκες ἐπίσημοι, κατὰ τὴν ὥραν, ἣν ὁ χρησμὸς ὑπηγόρευσεν, εἰς τὸ Καπιτώλιον συνελθοῦσαι λιτανεύουσιν τ<ὴ>ν θεὸν καὶ ὑμνοῦσιν ὡς θέμις. ἡμέρᾳ δὲ τρίτῃ ἐν τῷ 5.
κατὰ τὸ Παλάτιον Ἀπόλλωνος ἱερῷ τρὶς ἐννέα παῖδες ἐπιφανεῖς μετὰ παρθένων τοσούτων, οἱ πάντες ἀμφιθαλεῖς, ὅπερ ἐστὶν ἀμφοτέρους τοὺς γονεῖς ἔχοντες περιόντας, ὕμνους ἄδουσι τῇ τε Ἑλλήνων καὶ Ῥωμαίων φωνῇ καὶ παιᾶνας, δι' ὧν αἱ ὑπὸ Ῥωμαίους σώζονται πόλεις. ἄλλα τε κατὰ τὸν ὑφηγημένον παρὰ τοῦ θείου τρόπον ἐπράττετο, ὧν ἐπιτελουμένων διέμεινεν ἡ ἀρχὴ Ῥωμαίων ἀλώβητος. ὡς ἂν δὲ καὶ ἐπὶ τῶν πραγμάτων ἀληθῆ ταῦτα εἶναι πιστ<ώ>σωμεν, αὐτὸν παραθήσομαι τὸν Σιβύλλης χρησμόν, ἤδη πρὸ ἡμῶν παρ' ἑτέρων ἀνενηνεγμένον.

6. Ἀλλ' ὁπότ' ἂν μήκιστος ἴῃ χρόνος ἀνθρώποισι

---

1 δίκην θεάτρου пишутъ Mendelssohn и Diels, согласно общепринятой прежде конъектурѣ Panvinius'a. Но рукописное чтеніе δίχα θεάτρου подтверждается новонайденнымъ commentarium ludorum saecularium quintorum, гдѣ v. 100 читается: ludique... sunt commissi in scaena quoi theatrum adiectum non fuit 5 вмѣсто рукописнаго γάρ Mendelssohn предлагаетъ читать δέ. Но болѣе вѣроятнымъ кажется мнѣ предположеніе Mommsen'a (въ Ephem. epigr. VIII, p. 252), что послѣ μοι выпали, напримѣръ, слѣдующія слова: παρὰ τοῦ δήμου παντὸς σωμφέρονται 6 вмѣсто рукописнаго τῇ δὲ μετὰ ταύτην ἡμέρᾳ εἰς Mendelssohn предлагаетъ читать или τῇ δὲ μετὰ ταύτην ἡμέρᾳ πρὸς или же τῇ δὲ ἡμέρᾳ τῇ μετὰ ταύτην εἰς 7 προσαγαγόντες согласно конъектурѣ Stephanus'a, προσάγοντες **V** 10 вмѣсто рукописнаго κατὰ τὴν ὥραν Mendelssohn съ нѣкоторымъ колебаніемъ и сомнѣніемъ предлагаетъ κατὰ τήν χώραν, и я считаю эту конъектуру весьма вѣроятной 12 τ<ὴ>ν θεὸν, вмѣсто рукописнаго τὸν θεὸν, я пишу, вмѣстѣ съ Diels'омъ, согласно конъектурѣ Mendelssohn'a, подтвержденной новонайденнымъ commentarium ludorum saecularium quintorum, v. 119 sqq. 13 вмѣсто рукописнаго ἡμέρᾳ δὲ τρίτῃ ἐν Mendelssohn предлагаетъ ἡμέρᾳ τρίτῃ δὲ ἐν 14—15 слова ὅπερ ἐστὶν ἀμφοτέρους τοὺς γονεῖς ἔχοντες περιόντας Mendelssohn считаетъ глоссемою, чуждою Зосиму 20 я написалъ πιστ<ώ>σωμεν вмѣсто рукописнаго πιστεύσωμεν 22 ὁπότ'ἂν Keller въ своемъ изданіи (Rerum naturalium scriptores graeci minores, Vol. I (Lps. 1877), p. 91 sqq.) Флегонта (Macrob. c. 4). также приводящаго этотъ сивиллинъ оракулъ, а также

ζωῆς, εἰς ἐτέων ἑκατὸν δέκα κύκλον ὁδεύων,
μεμνῆσθαι, Ῥωμαῖε, καὶ εἰ μάλα λήσει ἑαυτοῦ,
μεμνῆσθαι τάδε πάντα· θεοῖσι μὲν ἀθανάτοισι
ῥέζειν ἐν πεδίῳ παρὰ Θύβριδος ἄπλετον ὕδωρ,
ὄππῃ στεινότατον, νὺξ ἡνίκα γαῖαν ἐπέλθῃ,
ἠελίου κρύψαντος ἐὸν φάος· ἔνθα σὺ ῥέζειν
ἱερὰ παντογόνοις Μοίραις ἄρνας τε καὶ αἶγας
κυανέας, ἐπὶ ταῖσ<ι> δ' Ἐλειθυίας ἀρέσασθαι
παιδοτόκους θυέεσσιν, ὅπῃ θέμις· αὖθι δὲ Γαίῃ
πληθομένῃ χοίροις ὅς ἱρεύοιτο μέλαινα.
πάνλευκοι ταῦροι δὲ Διὸς παρὰ βωμὸν ἀγέσθων
ἤματι, μηδ' ἐπὶ νυκτί· θεοῖσι γὰρ οὐρανίδῃσιν

Diels, ὁπόταν Mendelssohn ἴῃ согласно конъектурѣ Salmasius'a, принятой также Keller'омъ и Mendelssohn'омъ и одобренной Diels'омъ, ἵκῃ P (т. е. кодексъ Флегонта) V и Diels ἀνθρώποισιν Keller **1** ὁδεύσας P Keller **2** я пишу, какъ P и Keller, εἰ μάλα λήσει ἑαυτοῦ, а ει μαλα λῆσαι εαυτὸς (εαυτοῦ̃ς второй рукою) V, ει μαλα λησει αυτου Politianus, οὐ μάλα λῆσαι ἑαυτόν Stephanus, οὐ μάλα λήσεαι αὐτός Mitscherlich, οὐ μάλα λήσεαι αὐτῶν Bekker, εἰ μάλα λήσει ἑαυτόν Eberhard и Diels, εἰ μάλα λήσαι εαυτὸς Mendelssohn, который, однако, предлагаетъ читать εἰ μάλα γ'ἐσσ' ἐπιλήσμων **3** въ словахъ θεοῖσι μὲν ἀθανάτοισι (ἀθανάτοισιν Keller), Mendelssohn усматриваетъ весьма древнюю порчу и полагаетъ, что первоначально вмѣсто нихъ читалось θεοῖσι καταχθονίοισι или θεοῖς ἱερὰ χθονίοισι, а послѣ этихъ словъ выпалъ стихъ, въ которомъ упоминались Ἅιδης καὶ Περσεφόνη **4** ῥέξειν P Keller **5** ὅππῃ P, ροππηι V (первой рукою), ὁππηι V (второй рукою) **6** σὺ P, σε V **7** παντογόνοις PV, ποντογόνοις **vulgo** **8** послѣ κυανέας Mendelssohn и Diels (какъ сдѣлали уже Politianus и Mitcherlich) ставятъ запятую и опускаютъ, согласно V, слѣдующее за κυανέας частицу δ' ταῖς δ' Mendelssohn и Diels, согласно поправкѣ Mitscherlich'a, ταῖςδ' PV² Keller, τασδ' V¹ Keller ставитъ запятую послѣ слова αἶγας (въ 8 стихѣ), а затѣмъ читаетъ, какъ и прежніе издатели Зосима, согласно P, весь 9 стихъ въ такомъ видѣ: κυανέας δ' ἐπὶ ταῖσδ' Εἰλειθυίας ἀρέσασθαι—конечно, ошибочно. Согласно конъектурѣ Wilamowitz-Moellendorff'a (въ Hermes XXVII (1892), p. 649), я читаю κυανέας, ἐπὶ ταῖσι δ' Ἐλειθυίας ἀρέσασθαι **10** πληθομένῃ χοίροις ὅς ἱρεύοιτο я написалъ, согласно блестящей конъектурѣ Mendelssohn'a, принятой Diels'омъ и подтвержденной новооткрытымъ commentarium ludorum saecularium quintorum, v. 137. πληθομένῃ χώροις ὅς ἱρεύοιτο Mendelssohn въ текстѣ, πληθομένῃ χοίρός τε καὶ ὅς ἱεροῖτο прежніе издатели Зосима, а также Флегонта (до Keller'a включительно). Рукописное чтеніе таково: πληθομένῃ χώροις, ὅῖς ἴερεύοιτο (т. е. ἱρεύοιτο) P, πληθομένῃ χοιρος ὁστ' (χοιρος ὁστ' V²) ἴερευοιτο (ο въ разурѣ первой рукою) V **11** πάνλευκοι P и (исправлено изъ παλίλευκοι) V, ζάλευκοι **vulgo** **12** μηδ' ἐπὶ νυκτὶ V, μήδέ τε P, μηδέ τε Keller οὐρανιοισιν V², οὐρανιηισιν V¹, οὐρανίοισι **vulgo** Mendelssohn, οὐρανίδαισιν P Keller, οὐρανίδῃσιν Diels

ἡμέριος πέλεται θυέων τρόπος· ὣς δὲ καὶ αὖτ<ω>ς
ἱρεύειν. δαμάλ<η>ς δὲ βοὸς δέμας ἀγλαὸν Ἥρης
δεξάσθω νηὸς παρὰ σεῦ. καὶ Φοῖβος Ἀπόλλων,
ὅστε καὶ Ἠέλιος κικλήσκεται, ἶσα δεδέχθω
θύματα Λητ<ῴ>ῃ. καὶ ἀειδόμενοί τε Λατῖνοι
παιᾶνες κούροισι κόρῃσί τε νηὸν ἔχοιεν
ἀθανάτων. χωρὶς δὲ κόραι χόρον αὐταὶ ἔχοιεν
καὶ χωρὶς παίδων ἄρσην στάχυς, ἀλλὰ γονήων
πάντ<ες> ζωόντων, οἷς ἀμφιθαλὴς ἔτι φύτλη.
αἱ δὲ γάμου ζεύγλαις δεδμημέναι ἤματι κείνῳ
γυὸξ Ἥρης παρὰ βωμὸν ἀοίδιμον ἑδριόωσαι
δαίμονα λισσέσθωσαν. ἅπασι δὲ λύματα δοῦναι,

---

1 αὐτὸς V² Mendelssohn, Diels, αὐτῆς V¹, αὐτοῖς P Keller, αὖτως Stephanus, я же читаю: αὕτως **2** ἱερεύειν PV δαμάλ<η>ς δὲ я пишу, какъ Mitscherlich и Keller, δάμαλις δὲ (δε V) PV, δαμάλεις τε Stephanus, δαμάλης τε Mendelssohn и Diels **4—5** αἶσια δέχθω θύματα Λητοίδης καὶ P и Stengel (въ Hermes XXVIII (1892), p. 446 sqq.), ἶσα δεδέχθω θύματα Λητοίδης καὶ V Keller, Mendelssohn, Diels, ошибочно, потому что Аполлонъ не получалъ такихъ же θύματα, какъ упомянутая предъ нимъ Гера (cp. Commentarium lud. saec. V, v. 139 sqq.). Mommsen въ своемъ изданіи Commentarium ludorum saecularium quintorum, помѣщенномъ сперва въ Monumenti antichi d. R. Accad. d. Lincei, vol. I. punt. 3 (Milano 1891), p. 658 n. 3, а затѣмъ въ Ephemeris epigr., vol. VIII (1892), p. 263 n. 3) принялъ конъектуру Wilamowitz-Moellendorff'a, предложившаго читать ἶσα δεδέχθω θύματ' Ἐλειθυίησιν. Эту конъектуру авторъ ея защитилъ противъ возраженій Stengel'я (Hermes XXVII (1892) p. 446 sq.) въ Hermes XXVII (1892), p. 648 sq. Однако и мнѣ она кажется не совсѣмъ вѣроятною: съ палеографической точки зрѣнія трудно допустить, чтобы θύματ' Ἐλειθυίησιν въ рукописяхъ могло измѣниться въ θύματα Λητοίδης καὶ. Гораздо болѣе правдоподобнымъ я считаю предложенное мною въ текстѣ чтеніе: θύματα Λητῴῃ (ΘΥΜΑΤΑ ΛΗΤΩΙΗΙ), такъ какъ только при такой корректурѣ рукописнаго чтенія (θύματα Λητοίδης) въ сивиллиномъ оракулѣ получается указаніе на дочь Латоны Артемиду-Діану, которой, согласно Comment. lud. saec. V, v. 139 и 140, приносились такія же жертвы и молитвы, какъ и Аполлону **5** καὶ ἀειδόμενοί τε P, αἰδόμενοι V, ἀειδόμενοι **vulgo**; можетъ быть, надо читать καταειδόμενοί τε или καὶ ἀειδόμενοι δὲ **6** κούροισι κόρῃσί τε Nauck, Mendelssohn, κούροις κούρῃσί τε P Keller, κούροις οραισι τε V¹, κούροις κούραισί τε V² и **vulgo** **7** αὐταὶ V² Mendelssohn, αὖται P Keller, Diels **9** πάντων PV **vulgo**, πάντες согласно конъектурѣ Nauck'a, принятой также Keller'омъ и Mendelssohn'омъ ζωοντῶ οἷς V², ζωοντω οις V¹, ζωόντων τοῖς P, ζωόντων, τοῖς Keller, ζωόντων, οἷς Mendelssohn Mendelssohn по справедливости полагаетъ, что весь стихъ страдаетъ очень древней порчею и что онъ первоначально гласилъ приблизительно такъ: πάντες ἀριζήλων οἷς τ' ἀμφιθαλὴς ἔτι φύτλη **10** ζεύγλαισι P Keller вмѣсто рукописнаго κείνῳ Mendelssohn, хотя колеблясь, предложилъ читать μέσσῳ **12** по предположенію Mendelssohn'a послѣ λισσέσθωσαν выпалъ, можетъ быть, одинъ или нѣсколько стиховъ θελήματα Keller, согласно (ошибочной) конъектурѣ Sylburg'a, вмѣсто рукописнаго δὲ λύματα

ἀνδράσιν ἠδὲ γυναιξί, μάλιστα δὲ θηλυτέρῃσιν.
πάντες δ' ἐξ οἴκοιο φερέσθων, ὅσσα νομίζειν
ἐστὶ θέμις θνητοῖσιν ἀπαρχομένοις βιότοιο,
δαίμοσι μειλιχίοισιν ἱλάσματα καὶ μακάρεσσιν
οὐρανίδαις. τὰ δὲ πάντα τεθησαυρισμένα κείσθω,
ὄφρα τέλη θυμέλῃσι καὶ ἀνδράσιν ἐ<ψ>ιόωσιν
ἔνθεν πορσύνῃς μεμνημένος. ἤμασι δ' ἔστω
νυξί τ' ἐπασσυτέρῃσι θεοπρέπτους κατὰ θώκους
παμπληθὴς ἄγυρις, σπουδὴ δὲ γέλωτι μεμίχθω.
ταῦτά τοι ἐν φρεσὶν ἧσιν ἀεὶ μεμνημένος εἶναι,
καί σοι πᾶσα χθὼν Ἰταλὴ καὶ πᾶσα Λατίνων
αἰὲν ὑπὸ σκήπτροισιν <ἐ>παυχένιον ζυγὸν ἕξει.

7. <Ἀ>εἰ τοίνυν, ὡς τὸ θεοπρόπιόν φησι καὶ τὸ ἀληθὲς ἔχει, τούτων ἁπάντων κατὰ θεσμὸν ἐπιτελουμένων ἐφυλάττετο μὲν ἡ Ῥωμαίων ἀρχή, καὶ διετέλεσαν τὴν καθ' ἡμᾶς πᾶσαν ὡς εἰπεῖν οἰκουμένην ὑφ' ἑαυτοὺς ἔχοντες· ἀμεληθείσης δὲ τῆς ἑορτῆς ἀποθεμένου Διοκλητιανοῦ τὴν βασιλείαν, ὑπερρύη κατὰ βραχὺ καὶ ἔλαθε κατὰ τὸ πλέον βαρβαρωθεῖσα, ὡς αὐτὰ ἡμῖν τὰ πράγματα ἔδειξεν. βούλομαι καὶ ἐκ τῶν χρόνων ἀληθῆ

1 γυναιξὶν **P** θηλυτερησιν **V**, θηλυτέρῃσι **vulgo** Keller, θηλυτέραισι **P** **5** οὐρανίοις **P** Keller **6** ὄφρά τε θηλυτέρῃσι $\mathbf{V}^2$, οφρα τε δη θυμελησι $\mathbf{V}^1$, ὄφρα τε λῃθυμέλῃσι **P** Mendelssohn предлагаетъ читать ὄφρα κε θηλυτέρῃσι, а Kiessling ὄφρα τέλη θυμέλῃσι..... θηλυτέρῃσι, думая, что между θυμέλῃσι и θηλυτέρῃσι выпалъ одинъ стихъ (т. е. конецъ одного и начало другого); Diels принимаетъ конъектуру Kiessling'a и предлагаетъ дополнить пробѣлъ слѣдующими словами: <καταχθονίων ἐπιβάλλης | δῶρά τε>. Болѣе простымъ и правдоподобнымъ, однако, мнѣ кажется принятое мною въ текстъ чтеніе ὄφρα τέλη θυμέλῃσι καὶ ἀνδράσιν, предложенное v. Wilamowitz-Moellendorf'омъ и одобренное также Моммзеномъ, и только вмѣсто рукописнаго ἐδριόωσιν (принятаго всѣми издателями) я пишу ἐ<ψ>ιόωσιν, согласно блестящей конъектурѣ моего тестя Франца Бюхелера, которую онъ при чтеніи корректуры этихъ приложеній письменно сообщилъ мнѣ, излагая слѣдующее: „fortasse fuit ἐψιόωσιν, id est παίζουσιν 'ludos' agentibus: quamquam enim ἐψιᾶσθαι, ἐψιωμένοις legitimum est (Schneider ed. Callim. hy. III, 3), tamen Paulus Sil. in Anth. Pal. V 288 scripsit συνεψιάουσα activo genere pro 'colludens', itaque ἐψιᾶν huic quoque versificatori licet imputare. dicitur ni fallor de thymelicis et scaenicis" **7** ἤμασι **P**, ἤματι Keller (ошибочно) θεοπρέπτους **V** Mendelssohn, Diels, θεοπροπίους **P** Keller, θεοστέπτους Stephanus **9** παμπλήθης Keller **10** φρεσὶ σῆσιν **P** Keller **11** λατίνων **P**, λατίνῃ **V vulgo** **13** ἐπαυχένιον Mendelssohn и Diels, согласно вѣрной эмендаціи Politianus'a и Bücheler'a, ὑπαυχένιον **PV vulgo** Keller **13** я пишу <Ἀ>εἰ τοίνυν, полагая, что такой простой и легкой эмендаціею рукописнаго чтенія (εἰ τοίνυν **V**) устраняются всѣ предоставляемыя имъ затрудненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаются всѣ конъектуры, предложенныя другими учеными (εὖ τοίνυν Stephanus, ἔτι οὖν Heumann, ἔτι τοίνυν Reitemeier и Bekker, δι' ἐτῶν ρι' οὖν Mendelssohn) **19** βούλομαι δὲ **vulgo**, Mendelssohn пишетъ <δὲ>, я опустилъ частицу (согласно съ **V**)

δεῖξαι τὸν λόγον. ἀπὸ γὰρ τῆς Χίλωνος καὶ Λίβωνος ὑπατείας, καθ' ἣν Σεβῆρος τὴν τῶν σεκουλαρίων ἦγαγεν ἑορτήν, ἄχρις ὅτε Διοκλητιανὸς ἐνάκις, ὀκτάκις δὲ Μαξιμιανὸς γεγόνασιν ὕπατοι, διέδραμεν εἰς ἐνιαυτὸς πρὸς τοῖς ἑκατόν, καὶ τότε Διοκλητιανὸς ἰδιώτης ἐκ βασιλέως ἐγένετο, καὶ Μαξιμιανὸς ταὐτὸν τοῦτο πεποίηκεν. τρὶς δὲ ἤδη γεγονότων ὑπάτων Κωνσταντίνου καὶ Λικιννίου τῶν δέκα καὶ ἑκατὸν ἐνιαυτῶν ὁ χρόνος συνεπληροῦτο, καθ' ὃν ἔδει τὴν ἑορτὴν κατὰ τὸ νενομισμένον ἀχθῆναι. τούτου δὲ μὴ φυλαχθέντος ἔδει γ' ἄρ' εἰς τὴν νῦν συνέχουσαν ἡμᾶς ἐλθεῖν τὰ πράγματα δυσκληρίαν.

Phlegon, Macrobii c. 4, ed. Keller (Rerum naturalium scriptores graeci minores. Vol. I, Lps. 1877, p. 91 sqq.):

τὴν δὲ γενεὰν Σίβυλλα ἱστορεῖ ἐτῶν ἑκατὸν δέκα ἐν τῷ χρησμῷ τῷ πρὸς Ῥωμαίους περὶ τῶν αἰωνίων θεῶν, ἃ Ῥωμαῖοι σεκουλάρια καλοῦσι, τῶν γὰρ συμμάχων αὐτῶν καὶ κοινωνῶν μὴ ἐμμενόντων ταῖς συνθήκαις, ἀλλὰ πυκνὰ μεταβαλλομένων καὶ πολεμούντων αὐτοῖς ἡ Σίβυλλα ἐχρησμῴδησεν, ἐπιτελεσθεισῶν τῶν θεωριῶν τούτων ὑποταγήσεσθαι τοὺς ἀφεστῶτας Λατίνους. εἰσὶν δὲ οἱ χρησμοὶ οἵδε·

ἀλλ' ὁπότ' ἂν μήκιστος ἴῃ χρόνος ἀνθρώποισιν
ζωῆς, **и т. д., до послѣднихъ словъ сивиллина оракула** ζυγὸν ἕξει, **какъ у Зосима (II, 6), см. на стр. XV, 22 — XVIII, 12.**

S. Pompeius Festus, De verborum significatu,

s. v. [*Saeculares ludi*], p. 486 ed. Thewrewk de Ponor (vol. I, Budapest. 1890):

4—5 Mendelssohn справедливо указываетъ на то, что слова διέδραμεν εἰς ἐνιαυτὸς πρὸς τοῖς ἑκατόν, καὶ τότε Διοκλητιανὸς заключаютъ въ себѣ древнюю порчу и пробѣлъ текста; онъ предполагаетъ, что вмѣсто нихъ первоначально здѣсь читалось приблизительно слѣдующее: διέδραμεν ἔτη ἑκατόν. καὶ τότε <ἐθελήσαντος Μαξιμιανοῦ παρὰ τὸ καθῆκον τὴν ἑορτὴν ἐπιτελεῖν, κατὰ τὸ ἐχόμενον ἔτος> Διοκλητιανὸς **5** τ'αὐτὸν **V**, ταὐτὸ **vulgo** **6** τρεῖς **V** **9** ἔδει γὰρ **V**, ἔδει **vulgo**

Phlegon **2** θε<ωρι>ῶν пишетъ Keller, согласно конъектурѣ Westermann'a, но я сохранилъ (вмѣстѣ съ Diels'омъ) рукописное чтеніе θεῶν, потому что секулярныя игры называются [θ]έαι (σ[αι]κλάρεις) и въ греческомъ переводѣ такъ называемаго Monumentum Ancyranum (Res gestae divi Augusti, ed.^{2} Mommsen, Graec. 12, 10 sq.). Ср. также Zosimus II, 5, 1, гдѣ мы читаемъ: περιιόντες οἱ κήρυκες εἰς τὴν ἑορτὴν συνιέναι πάντας ἐκέλευον ἐπὶ θέαν, ἣν οὔτε πρότερον εἶδον οὔτε μετὰ ταῦτα θεάσονται.

[*Saeculares ludi*]

Tarquini Superbi regis . . . . . .
Marti consecravit . . . . . .
cos., quod populus R. in *l* . . . . . .
aram quoque Diti ac . . . . . .
extremo Mart . . . . . .
pellatur, demissa*m* . . . . . .
viginti, in qua . . . . . .
R. facere sac*r* . . . . . .
et nonagensi . . . . . .
Popillo Laenate . . . . . .
stis furulis est . . . . . .
que noctibus, ac de . . . . . .
tum post annos u*t* . . . . . .
culares appell*a* . . . . . .
saeculi habetur.

Müller въ своемъ изданіи Феста (на стр. 329) возстановляетъ это мѣсто такъ: [Saeculares ludi] Tarquini Superbi regis[in agro facti sunt, ex quo eum] Marti consecravit [P. Valerius Poplicola] cos., quod populus R. in l[oco eo antea sacra fecerat et] aram quoque Diti ac [Proserpinae consecraverat, in] extremo Mart[io campo, quod Terentum ap]pellatur, demissam [infra terram pedes fere] viginti, in qua [pro malis avertendis populus] R. facere sacr[a solitus erat. Centesimo secundo] et nonagensi[mo anno abhinc ii ludi instaurati sunt] Popillio Laenate [consule, cum populus R. ho]stis furvis est [operatus tribus diebus totidem]que noctibus, ac de[inde institutum est, cen]tum post annos ut [denuo fierent ii ludi, unde sae]culares appella[ti sunt, quod centum annorum spatium] saeculi habetur.

Roth, Ueber die römischen Säcularspiele, въ Rhein. Museum N. F. VIII (1853), p. 374 возстановляетъ слова Феста слѣдующимъ образомъ, который мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ возстановленіе, предложенное Müller'омъ: [Saeculares ludos] Tarquini Superbi regis [in agro, quem populus Romanus] Marti consecravit, [primum fecit P. Claudius Pulcher] cos., quod populus R. in l[oco eo olim sacra fecerat et] aram quoque Diti ac [Proserpinae occultaverat in] extremo Mart[io campo, quod Tarentum ap]pellatur, demissam [infra terram pedes circiter] viginti, in qua [Tarentinis ludis antiquitus populus] R. facere sacr[a consueverat; et quemadmodum nono] et nonagensi[mo anno ante M. Valerio Corvino et M.] Popilio Laenate [IV consulibus factum erat, ho]stis furvis est [operatus tribus diebus totidem-] que noctibus; ac de[inde institutum est, deinceps cen]tum post annos ut [iidem ludi celebrarentur et sae]culares appella[rentur, quod centum annorum spatium] saeculi habetur.

S. Pompeius Festus, De verborum significatu,

s. v. [*Terentum*], p. 528 ed. Thewrewk de Ponor (Vol. I, Budapest. 1890):

[*Terentum*]

in campo Martio loc . . . . . .
dicendum fuisse, quod te . . . . . .
secularis Ditis patris . . . . . .
tur ab equis quadrigari . . . . . .
tilitas aequiperet mo . . . . . .
nae. quod quam aniliter relat . . . . .
vis manifestum est (*).

Müller въ своемъ изданіи Феста (на стр. 351; ср. стр. 411 sq.) возстановляетъ эти слова такъ: [Terentum] in campo Martio loc[um Verrius ait ab eo] dicendum fuisse, quod t[erra ibi per ludos] secularis Ditis patris [aram occulens tera]tur ab equis quadrigari[s, ut eorum levis mo]bilitas aequiperet mo[tus Solis atque Lu]nae. quod quam aniliter rela[tum sit, cui]vis manifestum est.

Ursinus предложилъ читать: [Terentum] in campo Martio loc[um Verrius ait ab eo] dicendum fuisse, quod te[rra ibi per ludos] secularis Ditis patris [ita leviter tera]tur ab equis quadrigari[is, ut eorum levis mo]bilitas aequiperet mo[tus rapidos velocis Lu]nae. quod quam aniliter rela[tum sit, cui]vis manifestum est.

Scaliger предложилъ читать: [Terentum] in campo Martio loc[um ait per d] dicendum fuisse, quod t[erendus sit] saecularibus Ditis patris [ludis et tera]tur ab equis quadrigari[is, quorum a]gilitas aequiperet mo[tus ipsos Lu]nae; quod quam aniliter relat[um sit, cui]vis manifestum est.

Merkel (Proleg. ad Ovid. Fast., p. CXLVII) предложилъ читать: [Tarentum] in campo Martio loc[um Terentum ait ab eo] dicendum

---

(*) Такъ какъ въ фарнезіанскомъ кодексѣ словаря Феста, какъ лучше всего видно изъ фототипическаго изданія его, сдѣланнаго Thewrewk de Ponor'омъ (Codex Festi Farnesianus XLII tabulis expressus. Budapest. 1893), каждая строка содержитъ, среднимъ числомъ, приблизительно 32 буквы, то оказывается, что въ вышеприведенномъ мѣстѣ Феста

во	2	строкѣ	должно	быть	дополнено	приблизительно	16 буквъ
	3	„	„	„	„	„	12 „
	4	„	„	„	„	„	12 „
	5	„	„	„	„	„	12 „
	6	„	„	„	„	„	13 „
	7	„	„	„	„	„	8 „

fuisse, quod te[rra ibi per ludos] secularis Ditis patris [aram occulens tera]tur ab equis quadrigari[s, quod (nomen) fabulae fu]tilitas aequiperet mo[leste nomini urbis Tarenti]nae. quod quam aniliter rela[tum sit, cui]vis manifestum est.

Zielinski (Quaestiones comicae, въ Журн. Мин. Нар. Просв., за декабрь 1886 г., стр. 148) возстановляетъ начало всего мѣста Феста слѣдующимъ образомъ: [Terentum] in campo Martio loc[um Terrentum putat] dicendum fuisse, quod te[rrâ ibi ara multi]secularis Ditis patris [occulta quatia]tur ab equis quadrigari[s].

Я предложилъ бы читать все мѣсто Феста слѣдующимъ образомъ (ср. стр. 175 моего изслѣдованія, съ прим. 3): [Terentum] in campo Martio loc[um, non Tarentum ait] dicendum fuisse, quod te[rra, qua ibi ara] secularis Ditis patris [occultetur, tera]tur ab equis quadrigari[s, eo ut eius fer]tilitas aequiperet mo[tus Solis atque Lu]nae. quod quam aniliter rela[tum sit, cui]vis manifestum est.

Paulus Diaconus, Excerpta ex libris Pompei Festi,

s. v. Saeculares ludi, p. 487 ed. Thewrewk de Ponor (= p. 328 ed. Müller): Saeculares ludi apud Romanos post centum annos fiebant, quia saeculum centum annos extendi existimabant.

s. v. Terentum, p. 529 ed. Thewrewk de Ponor (= p. 350 ed. Müller): Terentum locus in campo Martio dictus, quod eo loco ara Ditis patris terra occultaretur.

Ovidius, Fasti I, 501 sq.:

fluminis illa*) latus, cui sunt vada iuncta Tarenti,
aspicit et sparsas per loca sola casas.

Seneca, Divi Claudii apocolocyntosis, c. 13 initio

описываетъ, какъ богъ Меркурій вмѣстѣ съ умершимъ императоромъ Клавдіемъ, котораго онъ изъ неба проводитъ въ адъ, отправляется съ римской via sacra на Марсово поле и здѣсь

inter Tiberim et viam tectam descendit ad inferos.

Уже Becker (Handb. d. röm. Alt. I, Lpz. 1843, p. 641) замѣтилъ, что этими словами Сенека хотѣлъ намекнуть на римское Tarentum, гдѣ помѣщался жертвенникъ Дита и Прозерпины. Относя этотъ сатирическій разсказъ свой ко дню смерти Клавдія, т. е. къ 13 октября 54 г. по Р. Х., и называя этотъ день annus novus saeculi felicissimi (l. c., c. 1 initio), „новымъ годомъ, началомъ счастливѣйшаго поколѣнія или вѣка“ [1]), вводимаго вступившимъ послѣ Клавдія на престолъ Нерономъ, Сенека какъ бы выражаетъ то древнее представленіе, связанное съ религіознымъ культомъ римскаго Тарента, согласно которому новое поколѣніе здѣсь восходитъ, когда старое сходитъ въ могилу.

*) illa, то есть Carmentis.

Martialis, Epigramm. I, 69 (ed. Friedlaender, Lpz. 1886):

coepit, Maxime, Pana qui solebat,
nunc ostendere Canium Tarentos.

Ausonius, Idyll. XI, 34 ed. Peiper (Lps. 1886, XIV, p. 202)

указываетъ въ числѣ примѣровъ, доказывающихъ священное значеніе числа три, также на:

trina Tarentino celebrata trinoctia ludo.

Servius, Ad Verg. Aen. VIII, 63 (ed. Thilo, Lps. 1884):

[Tiberis] in aliqua etiam urbis parte Tarentum dicitur, eo quod ripas terat.

Q. Horatius Flaccus, carmen saeculare*):

Phoebe silvarumque potens Diana,
lucidum caeli decus, o colendi
semper et culti, date quae precamur
tempore sacro,

[1]) См. предложенное C. Wachsmuth'омъ (zu Senecas's Apocolocyntosis, въ Leipziger Studien, v. XI (1888), p. 344) объясненіе и исправленіе этого мѣста (гласящаго въ рукописяхъ и въ изданіяхъ: anno novo, initio saeculi felicissimi). Ср. также Wissowa, De equitum singularium titulis observatiuncula, въ Strena Helbigiana. Lps. 1900, p. 339.

*) Въ основу приведеннаго текста какъ секулярнаго гимна, такъ и оды IV, 6 Горація я положилъ новѣйшее критическое изданіе Keller'a (Q. Horati Flacci opera, rec. Keller et Holder. Vol. I: Carm. libri IV, Epodon liber, carmen saeculare. Iterum rec. Keller. Lps. 1899). 4 Вмѣсто sacro, представляемаго всѣми рукописями Горація, въ схоліяхъ Порфиріона читаемъ prisco, что, конечно, является слѣдствіемъ весьма древней порчи первоначальнаго чтенія

quo Sibyllini monuere versus
virgines lectas puerosque castos
dis, quibus septem placuere colles,
dicere carmen.
alme Sol, curru nitido diem qui
promis et celas, aliusque et idem
nasceris, possis nihil urbe Roma
visere maius.
rite maturos aperire partus
lenis, Ilithyia, tuere matres,
sive tu Lucina probas vocari
seu Genitalis:
diva, producas subolem, patrumque
prosperes decreta super iugandis
feminis prolisque novae feraci
lege marita,
certus undenos deciens per annos
orbis ut cantus referatque ludos
ter die claro totiensque grata
nocte frequentis.
vosque veraces cecinisse, Parcae,
quod semel dictum est stabilisque rerum
terminus servet, bona iam peractis
iungite fata.
fertilis frugum pecorisque tellus
spicea donet Cererem corona;
nutriant fetus et aquae salubres
et Iovis aurae.

5—8 эти стихи Peerlkamp считаетъ подложными **16** вмѣсто рукописнаго Genitalis Bentley предложилъ читать Genetyllis, и Lucian Müller въ своемъ посмертномъ изданіи одъ и эподъ Горація (Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden, erklärt von Lucian Müller. St. Petersburg u. Leipzig 1900) принялъ эту конъектуру. Peerlkamp предложилъ Genialis **17—20** эти стихи Peerlkamp считаетъ подложными **21** вмѣсто чтенія undenos, встрѣчающагося въ большинствѣ рукописей Горація и подтверждаемаго Цензориномъ (De die natali, c. 17, 9), codex **B**(Bernensis 363) читаетъ sunt denos, а **l**(Leidensis 28) и λ (Parisinus 7972) ut denos **26** вмѣсто dictum est, представляемаго нѣкоторыми хорошими рукописями, въ другихъ кодексахъ находится dictum или dictus. Bentley принялъ чтеніе dictum и предложилъ читать stabilis per aevom вмѣсто рукописнаго stabilisque rerum. Его чтенію послѣдовалъ также Lucian Müller въ своемъ посмертномъ изданіи одъ и эподъ Горація **27** servet читается въ лучшихъ, servat въ худшихъ рукописяхъ. Послѣднее чтеніе приняли Peerlkamp, Orelli и Lucian Müller **28** вмѣсто fata, представляемаго всѣми рукописями, въ схоліяхъ Порфиріона находится facta

condito mitis placidusque telo
supplices audi pueros, Apollo;
siderum regina bicornis audi,
Luna, puellas:
Roma si vestrum est opus Iliaeque
litus Etruscum tenuere turmae,
iussa pars mutare lares et urbem
sospite cursu,
cui per ardentem sine fraude Troiam
castus Aeneas patriae superstes
liberum munivit iter, daturus
plura relictis:
di, probos mores docili iuventae,
di, senectuti placidae quietem,
Romulae genti date remque prolemque
et decus omne;
quaeque vos bobus veneratur albis
clarus Anchisae Venerisque sanguis,
impetret, bellante prior, iacentem
lenis in hostem.
iam mari terraque manus potentis
Medus Albanasque timet securis;
iam Scythae responsa petunt superbi
nuper et Indi.
iam Fides et Pax et Honor Pudorque
priscus et neglecta redire Virtus
audet, apparetque beata pleno
Copia cornu.

послѣ **36** стиха Lucian Müller въ своемъ посмертномъ изданіи одъ и эподъ Горація предполагаетъ пробѣлъ, состоявшій де изъ 4 стиховъ, въ которыхъ Горацій съ мольбой обратился къ Юпитеру и Юнонѣ, называя ихъ по имени **45** вмѣсто docili Bentley предложилъ читать docilis, а **46** вмѣсто senectuti читать (съ нѣкоторыми рукописями): senectutis. Бентлею послѣдовали Haupt и Vahlen **46** вмѣсто placidae Peerlkamp предложилъ placidam **49** въ большинствѣ рукописей и притомъ лучшихъ находится quaeque, подтверждаемое цитатою Присціана, а въ **Parisinus** 7975: queque и въ **Monacensis** 14685: quique. Послѣднее чтеніе принялъ Peerlkamp bobus имѣютъ однѣ, bubus другія рукописи; но въ пользу bobus говоритъ, въ особ., свидѣтельство Присціана **51** impetret находится въ однѣхъ рукописяхъ, а imperet въ другихъ. Послѣднее чтеніе принялъ Peerlkamp **53** вмѣсто рукописнаго manus potentis Bentley предложилъ читать manum potentem **57** однѣ рукописи (и издатели) имѣютъ honor, другія рукописи (и издатели) honos

augur et fulgente decorus arcu
Phoebus acceptusque novem Camenis,
qui salutari levat arte fessos
corporis artus,
si Palatinas videt aequus aras
remque Romanam Latiumque felix
alterum in lustrum meliusque semper
prorogat aevum,
quaeque Aventinum tenet Algidumque,
quindecim Diana preces virorum
curat et votis puerorum amicas
applicat auris.
haec Iovem sentire deosque cunctos
spem bonam certamque domum reporto,
doctus et Phoebi chorus et Dianae
dicere laudes.

Q. Horatius Flaccus, carm. IV, 6:

Dive, quem proles Niobea magnae
vindicem linguae Tityosque raptor
sensit et Troiae prope victor altae
Pthius Achilles,

---

65 aras читается въ лучшихъ рукописяхъ и у Порфиріона, и это чтеніе приняли Haupt, Eckstein, Vahlen, Hirschfelder, Kiessling, Keller, Lucian Müller (въ своемъ посмертномъ изданіи одъ и эподъ) и др.; arces же имѣютъ **Parisinus** 7900 A, Ambrosianus O 136, **Bernensis** 363, **Monacensis** 14685, **Parisinus** 7974, **Parisinus** 7971 и др., а вслѣдъ за этими кодексами Bentley, Orelli, Peerlkamp и L. Müller (въ первыхъ своихъ изданіяхъ) **68** prorogat читается въ однѣхъ рукописяхъ, каковое чтеніе приняли Bentley, Peerlkamp, Hirschfelder, Kiessling и L. Müller, а proroget въ другихъ рукописяхъ, каковое чтеніе приняли Keller и другіе издатели **71** и **72** curat и applicat большинство рукописей и почти всѣ издатели, curet и applicet лишь немногія (и то худшія) рукописи и Orelli

---

4 чтеніе большинства рукописей Pthius я принялъ, слѣдуя орѳографическому закону, указанному Schulze (Orthographica II. Ind. lect. Marb. 1894, p. XXV sqq.) и подтвержденному орѳографіею слова pthois въ новооткрытомъ commentarium ludorum saecularium quintorum, v. 118; 140; 142 и 145 (ср. также Buecheler въ лекціи, прочитанной имъ въ Боннѣ лѣтомъ 1900 г., согласно реферату о ней Huebner'a: Der erste altphilol. Ferienkursus in Bonn 1900, напечатанному въ Neue Jahrb. f. d. klass. Alt., Gesch. u. deutsche Litter. 3. Jahrg. 2. Abth. 9. Heft, Lpz. 1900, p. 497 sq.); издатели же Горація пишутъ всѣ безъ исключенія (согласно съ рукописями **Ac**): Phthius

ceteris maior, tibi miles impar,
filius quamvis Thetidis marinae
Dardanas turris quateret tremenda
cuspide pugnax.
ille, mordaci velut icta ferro
pinus aut inpulsa cupressus Euro,
procidit late posuitque collum in
pulvere Teucro.
ille non inclusus equo Minervae
sacra mentito male feriatos
Troas et laetam Priami choreis
falleret aulam,
sed palam captis gravis, heu nefas heu!
nescios fari pueros Achivis
ureret flammis, etiam latentem
matris in alvo:
ni tuis victus Venerisque gratae
vocibus divom pater adnuisset
rebus Aeneae potiore ductos
alite muros.
doctor argutae fidicen Thaliae,
Phoebe, qui Xantho lavis amne crinis,
Dauniae defende decus Camenae,
levis Agyieu.
spiritum Phoebus mihi, Phoebus artem
carminis nomenque dedit poetae.
virginum primae puerique claris
patribus orti,

7—10 эти стихи Peerlkamp считаетъ подложными **11** Usener (Rhein. Mus. XXIV, p. 343) предложилъ уничтожить in **17** sed gravis captis palam heu находится въ cod. **Parisinus** 7973 gravis пропущено въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, а въ нѣкоторыхъ вмѣсто gravis написано victor **19** вмѣсто latentem, представляемаго большинствомъ рукописей, въ нѣкоторыхъ читается latentes **21** victus читается въ большинствѣ рукописей (и изданій), flexus же имѣютъ немногія рукописи (въ числѣ ихъ древнѣйшій codex **Blandinius**) и, вслѣдъ за ними, Bentley, Meineke, Haupt, Vahlen, L. Müller, Eckstein и Lehrs **21—24** эти стихи L. Müller (въ своемъ посмертномъ изданіи одъ и эподъ Горація) заключаетъ въ скобки, считая ихъ подложными **25** argutae большинство рукописей, argivae немногія и, вслѣдъ за ними, L. Müller (въ своемъ посмертномъ изданіи) **29—44** эти стихи Peerlkamp считаетъ подложными, а Sanadon и Buecheler (Rhein. Mus. XIV, p. 158 sq.) полагали, что съ **29** стиха начинается новое стихотвореніе

Deliae tutela deae, fugacis
lyncas et cervos cohibentis arcu,
Lesbium servate pedem meique
pollicis ictum,
rite Latonae puerum canentes,
rite crescentem face Noctilucam,
prosperam frugum celeremque pronos
volvere menses.
nupta iam dices 'ego dis amicum,
saeculo festas referente luces,
reddidi carmen, docilis modorum
vatis Horati'.

Scholia Horatiana *):

Carmen saeculare:

v. 1: Phoebe silvarumque potens Diana. Hoc carmen saeculare inscribitur. Cum enim saeculares ludos Augustus

---

*) Всѣ мѣста изъ сколій **Порфиріона**, касающіяся секулярныхъ игръ, приведены мною по изданію Holder'a, основанному преимущественно на кодексѣ **V**(aticanus 3314): Scholia antiqua in Q. Horatium Flaccum,rec. Holder (1894).

Такъ называемыя **Scholia Cruquiana** (Commentator Cruquianus) приведены мною по изданіямъ Горація, вышедшимъ въ Антверпенѣ въ 1579 и 1611 годахъ.

Что же касается сколій такъ называемаго **Псевдо-Акрона** и другихъ, то весь рукописный матеріалъ изъ нихъ, относящійся къ ludi saeculares, любезнѣйшимъ образомъ былъ предоставленъ мнѣ Holder'омъ и Keller'омъ (въ письмахъ отъ 3 и 18 февраля 1900 г.), которые готовятъ новое критическое изданіе этихъ сколій, имѣющее выйти въ скоромъ времени.—Относительно сколій, помѣщенныхъ въ кодексѣ γ (=Parisinus 7975), я пользовался, кромѣ того, еще тѣмъ изданіемъ ихъ, которое въ 1884 г. обнародовалъ Kurschat: Unedirte Horaz-Scholien des codex Parisinus Lat. 7975 (γ), Tilsit 1884.

При обозначеніи кодексовъ, содержащихъ сколіи **Псевдо-Акрона** и другія, я буду пользоваться слѣдующими компендіями ихъ, принятыми также Holder'омъ и Keller'омъ:

φ = Parisinus 7974
ψ = Parisinus 7971
} **Scholia F** (Usener'a)

γ = Parisinus 7975
r = Parisinus 9345 (**r**^{2} вторая рука)
γ = Nienburgensis sive Dessauiensis
f = Franekeranus sive Leeuwardensis
b = Bambergensis
} **Scholia Γ**

celebraret, secundum ritum priscae religionis a virginibus puerisque praetextatis in Capitolio cantatum est. **Porphyrio**

Carmen s<*a*>eculare dicitur, quia ludos s<*a*>eculares Augustus celebraret secundum ritum priscae religionis. Horatius pueros praetextatos puellasque virgines illud docuit atque in Capitolio decantari fecit. Continet autem specialiter laudes Apollinis, cuius templum Augustus in Palatio consecratum habebat, nec non et etiam Dianae. **Scholia F**

Cum Augustus s<*a*>eculares ludos celebraret, secundum ritum priscae religionis a virginibus puerisque praetextatis in Capitolio cantatum est. Ob hoc carmen s<*a*>eculare dicitur. Et hoc fecit Horatius in Capitolio decantari in die dedicationis templi Apollinis, quando Augustus in Palatio illud consecratum habebat. **Scholia m**

Carmen hoc ideo dicitur saeculare, quod per centum et decem annos ludi celebrabantur tribus diebus et tribus noctibus.... Dixerunt autem hoc carmen saecularibus ludis, quos celebrabat Augustus in Capitolio post centum et decem annos, virgines et pueri pr<*a*>etextati. **Scholia Γ (γ r)**

Hoc carmen saeculare inscribitur; cum enim saeculares ludos celebraret Augustus, secundum ritum priscae religionis a virginibus puerisque praetextatis in Capitolio cantatum est. **Scholia Γ (γ r)**

Hoc carmen saeculare iuscribitur eo quod s<*a*>ecularibus ludis, quos celebrabat Augustus in Capitolio post centum et decem annos, secundum ritum prisc<*a*>e religionis a virginibus puerisque praetextatis cantatum est in Capitolio. **Pseudo-Acron (V)**

Carmen s<*a*>eculare vocatur, quod in s<*a*>ecularibus ludis secundum ritum priscae religionis in campo *)

A = Parisinus 7900
V = Vaticanus
c = Guelferbytanus
p = Parisinus 8214
} **Pseudo-Acron**
m = Monacensis 375 **Scholia m**

20 r: cum virginibus et pueris pr<*a*>etextatis **24—25 r**: in campo decantatum est. Заключающаяся въ этихъ словахъ (рукописи **r**) ошибка —carmen saeculare, вѣдь, пѣлось in Palatio и in Capitolio, а не in campo (sc. Martio), гдѣ происходили только ночныя жертвоприношенія и театральныя представленія—повторяется также въ ниже (на строкахъ **31** sqq.) приведенныхъ **Scholia Cruquiana**: carmen s<*a*>eculare .... in campo decantatum est

*) **32** Ср. предыдущее примѣчаніе мое (къ строкамъ **24—25**)

decantatum est a virginibus puerisque praetextatis, ludi autem s<*a*>eculares, qui et scenici et theatrales, ideo dicti sunt, quod per centum et decem annos celebrabantur trinoctio, id est tribus diebus et tribus noctibus. S<*a*>eculares autem, quod a primo s<*a*>eculo, id est ab origine Romanae gentis reperti et instituti sunt, scilicet a Numa Pompilio, a quo Romanis post centum et decem annos semper in usu fuere. **Scholia Cruquiana**

S<*a*>ecularis carminis duplex devotio esse consueverat: aut enim pro sedanda et vertenda pestilentia, aut pro certo et constituto numero annorum; centesimo enim decimo anno in Capitolio a puellis et pueris inpuberibus cantabatur. **Pseudo-Acron (A V c p) и Scholia Γ (γ f)**

v. 3: semper et culti. ut semper virgines et pueri dicant diis carmen per centum et decem annos. **Scholia Γ (r γ γ)**

v. 4: tempore sacro. [Ludis s<*a*>ecularibus vel] trinoctio, quia per tres dies et tres noctes celebrabantur ludi isti; aut tempus sacrum dixit, quo ludi celebrabantur. **Scholia Γ (r γ f)**

Porro ii ludi s<*a*>eculares tribus diebus et tribus noctibus continuatim agebantur. **Pseudo-Acron (V)**

v. 5: monuere. ut per centum et decem annos ludi isti celebrarentur. **Scholia Γ (γ)**

Sibyllini monuere versus. Cum Roma pestilentia laboraret, ex libris Sibyllinis iussum est, ut Diti Patri ad Tarentum stipes mitteretur. Hoc etiam idem libri iusserunt, ut nobilium liberi in Capitolio hoc carmen decantarent. **Scholia Γ (r γ), Pseudo-Acron (V) и Scholia Cruquiana**

v. 8: Verrius Flaccus refert carmen s<*a*>eculare et sacrificium inter annos centum [et decem] Diti et Proserpinae constitutum bello Punico primo ex responso decemvirorum,

---

15 γ: dis, ν совсѣмъ опускаетъ это слово **16** слова [Ludis s<*a*>ecularibus vel] (въ γ слово vel опущено) представляютъ собою глоссы или интерлинеарныя схоліи, помѣщенныя въ **r γ f** не на поляхъ, а между строками **29** хотя въ **r γ b V** читается Valerius Flaccus, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что вмѣсто Valerius здѣсь надо читать Verrius. Въ **Scholia Cruquiana** стоитъ: Verrius autem Flaccus **30 Scholia Cruquiana**: intra вмѣсто centum et decem надо писать centum, какъ можно заключить изъ словъ Феста (s. v. Saeculares ludi, p. 329 M.)и Павла Діакона (p. 328 M.), и потому я заключилъ слова et decem въ скобки [] **31 Scholia Cruquiana**: primo bello Punico ex опускаютъ **Scholia Cruquiana**, имѣющія (въ обратномъ порядкѣ словъ): decemvirorum responso

cum iussi essent libros Sibyllinos inspicere ob prodigium, quod eo bello accidit, nam pars murorum urbis fulmine icta ruit; atque ita responderunt: bellum adversus Carthaginienses prospere geri posse, si Diti et Proserpinae triduo, id est tribus diebus et tribus noctibus, ludi fuissent celebrati et carmen cantatum inter sacrificia. Hoc accidit P. Claudio Pulchro L. Iunio Pul*lo cos.*

Scholia Γ (r γ b), Pseudo-Acron (V) и Scholia Cruquiana

v. 21: certus undenos decies p. <*a.*>Decies undenos annos centum decem dicit per orbem circuli annalis peractos, pro quibus et carmen s<*a*>eculare dicebatur; ludi enim s<*a*>eculares ternis diebus et noctibus agebantur pro cultu Solis et Lunae die ac nocte.

Pseudo-Acron (A V c p) и Scholia Γ (γ)

v. 25: vosq. v. c. p. ..... et vos, ait, prosperate sacrum carmen, quod pro perpetuitate imperii Romani ex Sibyllae libris in celebritate ludorum constitutum est, unde et (Verg., Aen. I, 279): Imperium sine fine dedi.

Pseudo-Acron (A V c p) и Scholia Γ (γ)

Carmen IV, 6:

v. 1: Dive quem proles Ni<*o*>bea magn<*a*>e. Haec ὠ<ι>δή hymn*um* Apollinis continet, qua commendat ei carmina sua, et simul adloquitur pueros puellasque, quos carmen saeculare docet. **Porphyrio**

Haec ode continet laudes Apollinis, qua commendat ei carmina sua; simul alloquitur pueros puellasque, quos carmen doceat s<*a*>eculare. **Scholia Γ (r γ)**

Hymnum hic Apollini dicit et commendat carmina sua s<*a*>ecularibus ludis, qui celebrantur post centum annos supra Tiberim aut in Capitolio. **Pseudo Acron (A V c p)**

---

2 Scholia Cruquiana опускаютъ urbis **2–3 Scholia Cruquiana**: icta fulmine cecidit **5 Scholia Cruquiana** послѣ noctibus прибавляютъ continuis **7 Scholia Cruquiana** и **r**: Hoc autem вмѣсто P. **Scholia Cruquiana** имѣютъ Appio Pulchro написано въ **r** не первою, а второю рукою L. Iunio Pullo надо читать, согласно Фастамъ, вмѣсто рукописнаго чтенія L. Iunio Pulchro (**b V**) или L. Iunio Pulcro (γ) или L. Iuniore Pulchro (**r**, второю рукою). Въ этомъ испорченномъ окончаніи послѣдняго имени (Pullo)—cro (или chro)—скрывается, можетъ быть, недостающее въ рукописяхъ, но необходимое *cos.*, которое я дополнилъ въ текстѣ. **Scholia Cruquiana** же совсѣмъ не приводятъ именъ второго консула **10 V**: urbem **12–13** pro cultu Solis et Lunae die ac nocte предложилъ читать Keller, а рукописи имѣютъ: pro cultu Solis die ac nocte et lune (**A γ**), pro cultu solis die ac nocte lunae (**V p**), pro cultu solis die et nocte lune (**c**) **16** γ: prosperitate **28 Ac**: celebrantur, **V p**: celebrabantur

Commendat Apollini sua carmina ludis s<*a*>ecularibus decantanda, qui post annos centum et decem celebrari et populo exhiberi solebant ad Tiberim vel in Capitolio; et simul alloquitur pueros puellasque, quos carmen deceat s<*a*>eculare ad numerum modosque canere in honorem Apollinis et Dianae. **Scholia Cruquiana**

S<*a*>ecular*is* autem ludus erat, qui celebrabatur per centum annos supra Tiberim. **Scholia** Γ (r γ)

v. 42 Tempore per centum annos referente festos dies. **Scholia** Γ (r γ)

festas luces. dies festos post annos centum et decem. **Scholia Cruquiana**

Фрагменты эпиграфическихъ комментаріевъ секулярныхъ игръ, отпразднованныхъ Августомъ въ 737/17 г., Клавдіемъ въ 800/47 г. и Септиміемъ Северомъ въ 957/204 г.

Въ основу нижеприведенныхъ эпиграфическихъ текстовъ я положилъ тѣ изданія ихъ, которыя были сдѣланы Mommsen'омъ (сперва въ Monumenti antichi, pubbl. per cura d. R. Accad. d. Lincei. Vol. I, punt. 3, Milano 1891, col. 618—672 и tav. A—H, а затѣмъ въ исправленномъ видѣ въ Ephemeris epigraphica, vol. VIII, Berol. 1892, p. 225—309) и Huelsen'омъ (въ C. I. L. VI, 4, 2 p. 3237—3261, n. 32323—32337); всѣ эти изданія я тщательно провѣрилъ и сличилъ съ спискомъ эпиграфическихъ комментаріевъ, сдѣланнымъ мною самимъ во время моего пребыванія въ Римѣ весною 1891 г. Съ изданіемъ Huelsen'a, не вышедшимъ еще въ свѣтъ, я ознакомился по его пробнымъ листамъ, которые мой тесть, Францъ Бюхелеръ, любезно предоставилъ въ мое распоряженіе лѣтомъ 1899 г. Относительно нѣсколькихъ сомнительныхъ мѣстъ я прибѣгнулъ къ содѣйствію г. Dr. Georg Karo, который, пребывая въ Римѣ осенью 1899 г., любезнѣйшимъ образомъ согласился провѣрить мои чтенія въ указанныхъ мѣстахъ, сличивъ ихъ еще разъ съ самими оригиналами надписей.

Тѣ мѣста надписей, въ которыхъ ниже помѣщенное изданіе мое, какъ по отношенію къ сохранившемуся тексту, такъ и по отношенію къ предположительнымъ дополненіямъ его, не согласуется съ вышеуказанными изданіями Mommsen'a и Huelsen'a, или въ которыхъ эти послѣднія сами разнятся между собою, отмѣчены мною въ примѣчаніяхъ. При этомъ я употребляю слѣдующіе знаки сокращенія:

M[1] (Mommsen) означаетъ воспроизведеніе Mommsen'омъ (по спискамъ Barnabei и Marchetti) всѣхъ сохранившихся фрагментовъ комментаріевъ секулярныхъ игръ, напечатанное капителью въ Monumenti antichi I, 3, tav. A—H.

M[2] (Mommsen) означаетъ Mommsen'скую транскрипцію commentarium lud. saec. V, напечатанную курсивомъ въ Monumenti antichi I, 3, tav. A—A″.

M[3] (Mommsen) означаетъ Mommsen'скую транскрипцію всѣхъ комментаріевъ, напечатанную обыкновеннымъ шрифтомъ и курсивомъ въ Ephem. epigr. VIII, p. 227—233; 245; 278—292.

M Mommsen означаетъ согласіе **M**[2] и **M**[3].

H[1] (Huelsen) означаетъ Huelsen'ское воспроизведеніе всѣхъ сохранившихся фрагментовъ комментаріевъ секулярныхъ игръ, напечатанное капителью въ C. I. L. VI, 4, 2, p. 3237—3261, n. 32323—32337.

H[2] (Huelsen) означаетъ Huelsen'скую транскрипцію этихъ фрагментовъ, напечатанную обыкновеннымъ шрифтомъ и курсивомъ въ C. I. L. VI, 4, 2, p. 3237—3261, n. 32323—32337.

H означаетъ согласіе **H**[1] и **H**[2].

I. Commentarium ludorum saecularium quintorum.

Ср. C. I. L. VI, 4, 2 p. 3237—3244, n. 32323 (=Ephem. epigr. VIII, p. 227—233) [Monum. antichi I, 3 tav. A—A″].

XV viris s.] f. vos[
]ire si rit[*e*
bi]ni chori qu[
nocte quo]i dies inlucis[*cet k. Iun.*
ad a. d. III n]on. Iun. vos [
] iubeatis [
a. d. VII aut VI aut V k.] Iun. bene atque diligen[*ter*
omnes libe]ros petere iubeatis ieisqu[*e*
Iu]n. in Capitolium ante aed[*em Iovis optimi maximi*
et in Aventino ante D]ianae bene frequentesque a[*desse*

---

2 въ началѣ строки на камнѣ можно читать ire или are **5** *ad a. d. III n.* дополнилъ **H**[2] **7** *a. d. VII aut VI aut V k.* дополняю **H** (сравн. v. 67) **8** *omnes libe*]ros дополнилъ **H**[2], согласно предположенію Wissowa (сравн. v. 65) **9** въ началѣ строки **H** дополняю: *Iu*]n., а въ концѣ ея къ дополненію **M**(ommsen'a) и **H**[2](uelsen'a) aed[*em Iovis* **H** прибавляю еще: *optimi maximi*

deis superi]s deisque milicheis frugum [*primitias conferre*

dili]genterque memineritis litibu[*s abstinendum esse per ludorum tempus et sollemnibus sacris praestandam praesentiam atque*] audientiam [
ut conveniant ad e]a sacrificia denuntiatum [*erit k. Iun. et a. d. IIII*] non. Iun. et a. d. III non. Iun. noct[*u*] maiores ann. XXV natae, qui[*bus conveni*]re in Capitolium, ubi et res divina fi[*at frequentes ut*] adsint
] pueros virginesque patrimos matrim[*osque eligendos ad carmen can*]endum chorosque habendos frequentes u[*t adsint et quaecu*]mque ad ea sacrificia atque ad eos ludos parar[*i oportet, ea parare ut*] *diligen*]ter meminerint.

Eode]m die edictum propositum est in haec verba: [*XV vir. s. f. dic.*]

S]acrificium saeculare ludosque, qui centensimo et d[*ecimo anno recurrunt, quomodo cives celebrare deberent, de ea re*] quae more exsemploque maiorum in contione p[*alam ediximus, ut scripsit ad nos imp. Caesar Augustus, item in albo proposui-*]
mus, uti, si qui a contione afuissent aut non sat[*is verba nostra intellexissent, certo*]
cognoscerent, quid quemque eorum quoque d[*ie facere oporteret*
Isdem cos., isdem mag. XV vir. s. f. ad collegium r[*elatum est, uti oporteret*

---

11 *deis superi*]s дополняю **я** (сравн. ст. 29 сл. сивиллина оракула) [*primitias conferre* дополнилъ **H²**, согласно предложенію Wissowa (сравн. ст. 28 сл. сивиллина оракула). На камнѣ послѣ слова frugum видны неясные слѣды какихъ то буквъ **13—14** между словами litibu[*s* и audientiam **я** дополнилъ: *abstinendum esse per ludorum tempus et sollemnibus sacris praestandam praesentiam atque*], а **M** и **H²** дополняютъ передъ audientiam только: *non esse praestandam* **18** **я** дополнилъ: fi[*at* **19** **я** дополнилъ: *frequentes ut*] **20** **я** дополнилъ: *eligendos* **22** въ началѣ строки **я** дополнилъ: *et quaecu*]mque, **M** же и **H²**: *ite*]mque; буква m не совсѣмъ ясна на камнѣ въ концѣ этой строки послѣдняя сохранившаяся буква, какъ признаютъ также **M²** и **H**, походитъ скорѣе на r (R), чѣмъ на n (N), и потому, вмѣсто предложеннаго **M**(ommsen'омъ) и **H²**(nelsen'омъ) дополненія paran[*dos*, **я** дополняю: parar[*i oportet, ea parare ut*] **24** **я** дополнилъ: *XV vir. s. f. dic.* (сравн. v. 64; 110 и 155), т. е.: XV viri sacris faciundis dicunt **27** **я** дополнилъ: *verba nostra* и *certo*] **29** **M²** и **H²**: ad colle

purgamenta dari et fruges accipi. collecio [*placuit purgamenta dari in Capitolio ante aedem Iovis optimi*]
maximi et ante aedem Iovis tonantis et[
in Palatio ante aedem]
Apollinis et in porticu eius, fruges autem i[*bi, ubi supra scriptum est, accipi et ante aedem Dianae in Aventino et*]
in porticu eius.
Censuerunt autem, ut singuleis tr[*ibunalibus XV viri*
fruges acciperent bini itemqu[*e*
omnes convenirent, deinde ter[
Isdem cos. a. d. VIII k. Apr. pro aede[
de hac re videbatur faciund[*um edictum in hunc modum:*
Loedi feriae sellisternia pe[*r noctes tres et dies totidem , qui a*]
collegio edicti sunt, ie[*i celebrabuntur a nocte,*]
quoi dies inluciscet k. I[*uniarum ad a. d. III*]
nonas Iun. quod que[*mque cognoscere oportet*
item de hac re visum est, uti[
M. Agrippa L. Censorinus[
M. Lollius L. Arruntiu[*s*
edictum propositum est[*XV vir. s. f. dic.:*
Quo minore molestia[
a. d. V k. Iun. suffim[*enta a. d.*]
IIII aut a. d. III aut p[*ridie k. Iun. fruges accipi*
A. d. X Iun. in saeptis [*Iuliis senatus habitus est. scribendo adfuerunt:*]
Aemilius Lep[*id*]us L. Cestius L. Petronius Rufus[

---

gium [*relatum est* на камнѣ послѣ слова collegium сохранились неясные слѣды буквы r (R) далѣе **я** дополнилъ: *uti oporteret* **30** collecio, что читается на камнѣ, должно быть исправлено въ collegio послѣ этого слова **я** дополнилъ: *placuit purgamenta dari in Capitolio ante aedem Iovis optimi*, **M** же и **H²** дополняютъ: [*placere ut in Capitolio ante aedem Iovis*] **32** **я** дополняю: i[*bi ubi supra scriptum est accipi et ante aedem Dianae in Aventino et*], а **M** и **H²**: i[*bi ubi supra scriptum est accipiendas esse et ad aedem Dianae in Aventino et*] **34** у **M²** по ошибкѣ напечатано: Censerunt **36** можетъ быть, въ концѣ строки слѣдуетъ дополнить: ter[*tio die* **37** **M²**: aed]*e* на камнѣ (ср. также **M¹** и **H¹**) послѣдняя буква не совсѣмъ ясна **38** **я** дополнилъ: *edictum in hunc modum* **42** **я** дополнилъ: *cognoscere oportet* **46** **M²**: es[*t* далѣе **я** дополнилъ: *XV vir. s. f. dic.* (сравн. v. 64; 110 и 155) **49** **я** дополнилъ: *fruges accipi* **50** **я** дополнилъ: *senatus habitus est* **51—66** правую часть этихъ строкъ надписи содержитъ фрагментъ камня, который былъ найденъ еще въ XVI столѣтіи и изданъ тогда Metellus'омъ и Ursinus'омъ, а позже Henzen'омъ (C. I. L. VI, 1 n. 877 b); онъ обозначенъ буквою I на рисункѣ, помѣщенномъ въ концѣ моей книги на таблицѣ V

Quod C. Silanus [*co*]s. v. f. ludos saecularis post complur[*es annos eo, qui nunc est, facientibus imp. Caesare*]
August. et M. A[*grip*]pa tribunic. potestate futuros, quos [*quod spectare quam plurimos convenit*]
propter rel[*igione*]m atqui etiam quod tali spectaculo [*nemo iterum intererit, permittendum videri lu-*]
dorum eo[*ru*]m [*sacri*]s, qui nondum sunt maritati, sin[*e fraude sua ut adsint, q. d. e. r. f. p., d. e. r. i. c., ut quoniam ludi ieil*]
religio[*nis*] causa sun[*t in*]stituti, neque ultra quam semel ulli mo[*rtalium eos spectare licet, ludos,*]
quos [*m*]ag. XV vir. s. f. [*ed*]ent, s. f. s. spectare liceat ieis, qui lege de marita[*ndis ordinibus tenentur.*]
Eodemque die ibidem sc. [*id*]em adfuer. et senatus consultum factum es[*t in haec verba:*]
quod C. Silanus cos. v. f. pe[*rti*]nere ad conservandam memoriam tantae b[*enevolentiae deorum commentarium ludorum*]
saecularium in colum[*n*]am aheneam et marmoream inscribi s[*tatuique ad futuram rei memoriam utramque*]
eo loco, ubi ludi futu[*ri s*]int, q. d. e. r. f. p., d. e. r. i. c., uti cos. a. a. ve ad f[*uturam rei memoriam columnam*]
aheneam et alteram [*m*]armoream, in quibus commentari[*um ludorum eorum inscriptum sit, eo loco statuendas*]
locent praetoribusque q. [*a.*] p. inperent, uti redemptoribus ea[*m pecuniam, qua locaverint, solvant.*]

---

52 (какъ и въ v. **59**) v. f. означаетъ: v(erba) f(ecit) **53** Ursinus читалъ въ началѣ праваго фрагмента: ppa, а нынѣ тамъ видны только буквы pa **54** на лѣвомъ фрагментѣ камня стоитъ RE[1], что можно читать или rei или rel, а затѣмъ, на правомъ фрагментѣ, /M, что скорѣе означаетъ um, чѣмъ em. Вѣроятно, каменотесъ погрѣшилъ здѣсь такъ же, какъ онъ сейчасъ далѣе по ошибкѣ вырѣзалъ atqui вмѣсто atque **55** я дополнилъ *sacri*]s, а **M** и **H**^{2}: *diebu*]s *q. d. e. r. f. p., d. e. r. i. c.* означаетъ (какъ и въ v. 61): quid de ea re fieri placeret, de ea re ita censuerunt въ концѣ этой строки, гдѣ я принялъ дополненія **M**(ommsen'a) и **H**^{2}(uelsen'a), я читаю *iei* (сравн. v. 40; 66 и 109), вмѣсто предложеннаго этими учеными *ei* **57** s. f. s. означаетъ: sine fraude sua **58** sc. означаетъ: scribendo въ концѣ строки Ursinus читалъ est, а Metellus es; и нынѣ видно только es. Послѣ es[*t* я дополнилъ слова: *in haec verba* (ср v. 24) **61** cos. a. a. ve означаетъ: consules ambo alterve **62** я дополнилъ: *eo loco statuendas*, а **M** и **H**^{2}: *eo loco statuant et id opus eidem* **63** q. [*a.*] p. означаетъ: qui aerario praesunt imperent **M**^{2} и **H**^{2} невѣрно въ принятыхъ мною и **H**^{2}(uelsen'омъ) дополненіяхъ **M**(ommsen'a) я измѣнилъ предложенное имъ слово *summam* въ *pecuniam*

a. d. VIIII k. Iun. edic[*t*]um propositum est: XV vir. [*s. f. dic.*]
Commone faciundos homin[*e*]s existumavimus, ut omnes lib[*eri , qui suffimenta*]
peterent, ne amplius quam [*seme*]l iei coniugesque[*eorum cum liberis suis ad tribunalia accederent*
a. d. VII aut VI aut V k. Iun. a[*nte aedem*
suffitique ad ludos venire[*nt fruges*]
generatim conferrent tri[*bunalibus*
Capitolium ad aedem Iovis [*optimi maximi et ad aedem Iovis tonantis et ceteris locis, ubi supra scriptum est.*
Mulieres quoque, quae sellist[*ernia habebunt sellas*]
sternere oportere ab ea pr[*ima hora*
Quae feminae et qui pueri sibi [*valetudinis causa cavendum putabunt, cum frugum primitias confe-*]
rent, eos separatim a cetera [*turba adire volumus id tribunal, quod ad aedem*]
Opis in Capitolio positum erit [
Suffimenta, ut erat constitutu[*m edicto, distributa sunt per triduum*
a. d. IV k., quibus edictum erat loci[*s, fruges autem acceptae sunt. simul edictum propositum est: XV vir. s. f. dic.*]
matronas, quibus denuntiatum e[*st, ut sellas sternerent*
in Capitolium convenire [*volumus hoc edicto constitutum est:*]

---

64 на камнѣ ясно написано: A. D. VIIII. K. IVN. Это же чтеніе воспроизведено у **M**[1] и **H**[1]; но **M**^{2}, **M**^{3} и **H**^{2} печатаютъ ошибочно: a. d. VIII k. Iun., и эта ошибка повторяется затѣмъ еще нѣсколько разъ какъ самимъ Mommsen'омъ и Huelsen'омъ, такъ и другими учеными въ концѣ строки я дополнилъ: *dic* (ср. v. 110 и 155), а **M**^{2} и **H**^{2}: *dicunt* **65** на камнѣ стоитъ: commone faciundos, и что такое писаніе правильно, доказалъ еще Lachmann (въ своемъ изданіи Лукреція[4], p. 191) **66** я дополнилъ: *cum liberis suis ad tribunalia accederent* **67** я дополнилъ: a[*nte aedem*] **68** я дополнилъ: *fruges* **69** **M**$^{1-2-3}$: tr[*ibunalibus* **70** я дополнилъ: *et ante aedem Iovis tonantis et ceteris locis, ubi supra scriptum est* (cf. v. 30—31 **71** въ концѣ строки я дополнилъ: *sellas* **72** я дополнилъ: pr[*ima hora* **73** я дополнилъ: *valetudinis causa cavendum putabunt, cum frugum primitias confe* **74** я дополнилъ: *adire volumus id tribunal, quod* **76** я дополнилъ: *edicto, distributa sunt per triduum* **77** **M**^{3}: locis[въ концѣ строки я дополнилъ: *fruges autem acceptae sunt, simul edictum propositum est. XV vir. s. f. dic.*] **78** DENVNTIATVM. S[**M**[1], denuntiatum s[*it* **M**^{2}, я дополнилъ: e[*st ut sellas sternerent*, а **M**^{3} и **H**^{2}: e[*rit* **79** **H**^{2} дополнилъ: convenire[*nt*, а я: convenire [*volumus*, и въ концѣ этой строки: *hoc edicto constitutum est:*]

b. f. matres familiae, quibus con[*veniendum est ad sacra curanto, ut noctu in*]
Capitolio ab h. I sint, ut so[*llemni officio fungantur*
A. d. III k. Iun. eodem modo fruges[*acceptae sunt, ut pridie, et edictum propositum: XV vir. s. f. dic.*]
Ludos Latinos saeculares comm[*ittemus, cum sacrificium confectum erit in campo ad Tiberim*]
k. Iun. noctis h. II.
item ludos Latinos committem[*us k. Iun. diei h.* [ ] *in theatro ligneo, quod est constitutum in campo secundum Tiberim.*]
item, cum ad caerimonias sacr[*orum quam plurimos tibicines adesse oporteat, quod*]
certiores esse volumus omnes m[*usicorum modorum peritos*
aenatores in funere canere [*solitos*
prid. k. Iun., ut superiore biduo, f[*ruges acceptae sunt*
Nocte insequenti in campo ad Tib[*erim Moeris imp. Caesar Augustus immolavit hostias*]
prodigivas Achivo ritu eodemq[*ue modo in unaquaque hostia precatus est:*]
Moerae, uti vobis in illeis libri[*s scriptum est, quarumque rerum ergo, quodque melius siet p. R. Quiritibus, vobis IX*]
agnis feminis et IX capris femi[*nis sacrum fiat; vos quaeso precorque, uti imperium maiestatemque p. R.*]

---

80 *b. f.* означаетъ: bonum factum я дополнилъ: con[*veniendum est ad sacra*, и далѣе: *curanto, ut noctu in* **81** я дополнилъ: so[*llemni officio fungantur*, а **M** и **H²**: so[*llemnia* **82** я дополнилъ: *acceptae sunt, ut pridie, et edictum propositum: XV vir. s f. dic.*], а **M** и **H²**: *acceperunt* **83** **M** и **H²** дополнили: comm[*ittemus*, а я: comm[*ittemus, cum sacrificium confectum erit in campo ad Tiberim* (cf. v. 90 и 100) **85** я дополнилъ: *k. Iun. diei h.* [ ] *in theatro ligneo, quod est constitutum in campo secundum Tiberim* (ср. v. 108) **86** sacr[*ificiorum* **M²**, sacr[*orum* **M³**, **H²**, на камнѣ сохранились неясные слѣды буквы o; я дополнилъ: sacr[*orum quam plurimos tibicines adesse oporteat* и далѣе *quod* **87** я дополнилъ: m[*usicorum modorum peritos* **89** **M** и **H²** дополнили: f[*ruges acceperunt*, а я: f[*ruges acceptae sunt* **91—92** только недавно замѣтили, что маленькій кусочекъ надписи, съ очертаніями EMC въ одной строкѣ и съ буквою I (подъ буквою M) въ другой, помѣщенный у **M¹**(ommsen'a) отдѣльно на таблицѣ H, фрагм. M. 2, принадлежитъ сюда и вмѣстѣ съ этимъ кускомъ надписи составляетъ слово (v. **91**) codemq[*ue* (EODEMQ[*ue*]) и (v. **92**) libri[*s* (LIBRI[*s*]), какъ читаетъ и **H²**. У **M**(ommsen'a) же еще напечатано (v. **91**) coi[и (v. **92**) libr[*eis* **93** fem[*inis* **M³**, FEM **M¹**

Quiritium duelli domique au[*xitis utique semper Latinum nomen tueamini, incolumitatem sempiter-*]
nam, victoriam, valetudine[*m populo Romano Quiritibus tribuatis, faveatis populo Romano Quiritium legionibusque populi R.*]
Quiritium remque p. populi R[*omani Quiritium salvam servetis, uti sitis*] volentes pr[*opitiae p. R.*]
Quiritibus, XV virum collegi[*o, mihi, domo, familiae et uti huius*] sacrifici acceptrices sitis VIIII agnarum
feminarum et VIIII capraru[*m feminarum propri*]arum inmolandarum; harum rerum ergo macte hac agna femina
inmolanda estote fitote v[*olente*]s propitiae p. R. Quiritibus, XV virum collegio, mihi, domo, familiae.
Ludique noctu sacrificio [*co*]nfecto sunt commissi in scaena, quoi theatrum adiectum non fuit, nullis positis sedilibus, centumque et X [*m*]atronae, quibus denuntiatum erat XV virorum verbis, sellisternia habuerunt Iunoni et Dianae duab[*us*] sellis positis.
K. Iun. in Capitolio bovem m[*a*]rem Iovi optimo maximo proprium inmolavit imp. Caesar Augustus, ibidem alterum M. Agrippa, p[*re*]cati autem sunt ita:
Iuppiter optime maxime, ut[*i t*]ibi in illeis libreis scriptum est, quarumque rerum e[*rg*]o, quodque melius siet populo R.
Quiritibus, tibi hoc bov[*e*] mare pulchro sacrum fiat; te quaeso precorque; ceter[*a u*]ti supra.
Ad atallam fuerunt C[*ae*]sar, Agrippa, Scaevola, Sentius, Lollius, Asiniu[*s G*]allus, Rebilus.
deinde ludi Latini in the[*a*]tro ligneo, quod erat constitutum in campo s[*ecu*]ndum Tiberim, sunt commissi,

---

94 дополненныя **M**(ommsen'омъ) слова *utique semper Latinum nomen tueamini* опускаетъ **H²** **95** въ принятомъ **мною** и **H²**(nelsen'омъ) дополненіи **M**(ommsen'a) **я**, вмѣстѣ съ **H²**(nelsen'омъ), измѣнилъ чтеніе **M**(ommsen'a) *faveatisque* въ *faveatis* **99** **M²** по ошибкѣ напечаталъ virorum; на камнѣ совершенно ясно начертано: virum **102** dua[*bus*] **M²**; но слѣды буквы b (B) на камнѣ еще видны въ такомъ видѣ: I **104** pr[*e*]cati **M³**; слѣды буквы R теперь уже не видны **107** въ репродукціи текста у **H¹** напечатано по ошибкѣ: C C⁄ \SAR; на камнѣ (и у **M¹**) стоитъ только: C⁄ \SAR, и C(*ae*)sar читаютъ, поэтому, какъ **M**, такъ и самъ **H²** въ транскрипціи текста

eodemque modo sellist[*e*]rnia matres familiae habuerunt, ne
que sunt l[*udi i*]ntermissi iei, qui noctu coepti erant
fieri, et edictum proposi[*t*]um: **XV vir. s. f. dic.:**
Cum bono more et proind[*e c*]elebrato frequentibus exsemplis,
quando cumq[*ue i*]usta laetitiae publicae caussa fuit,
minui luctus matrona[*r*]um placuerit, idque tam sollemnium
sacroru[*m l*]udorumque tempore referri
diligenterque opserva[*r*]i pertinere videatur et ad honorem
deorum et ad [*m*]emoriam cultus eorum: statuimus
offici nostri esse per edictum denuntiare feminis, uti luctum
minuant.
noctu autem ad Tiberim s[*a*]crificium fecit deis [*l*]lithyis libeis
VIIII, popan[*is*] VIIII, pthoibus VIIII imp. Caesar
Augustus; precatus est [*h*]oc modo:
Ilithyia, uti tibei in ille[*is*] libreis scriptum est, quarumque rerum
e[*rgo, quodque melius si*]et p. R. Quiritibu[*s*],
tibi VIIII popanis et VI[*III*] libeis et VIIII pthoibus sacrum
fiat; te quae[*so precorque; cetera uti supra.*]
IV nonas Iun. in Capitoli[*o i*]nmolavit Iunoni reginae bovem femi-
n[*am pulchram suo et imp. Caesaris Augusti nomine*]
M. Agrippa et precatus es[*t*] hoc modo:
Iuno regina, uti tibi in illis [*l*]ibris scriptum est, quarumque rerum
[*ergo, quodque melius siet p. R. Quiritibus,*]
tibi bove femina pulchra s[*a*]crum fiat; te quaeso precorqu[*e;*
cetera uti supra.]
deinde CX matribus famil[*ia*]s nuptis, quibus denun[*tiatum erat,*
ut in Capitolium ad sacra convenirent, M. Agrippa]

---

111 QVANDO · CVMQ на камнѣ, quandocumq[*ue* **M** и **H²** **115** каменотесъ ошибочно начерталъ LITHYIS вмѣсто ILITHYIS **117** Quiritibus **M** и **H²** по ошибкѣ **119** **я** дополнилъ: femin[*am pulchram suo et imp. Caesaris Augusti nomine*], между тѣмъ какъ **M** и **H²** дополняютъ: femin[*am imp. Caesar Augustus, ibidem alteram*]. Кромѣ v. 132, изъ котораго, съ большой вѣроятностью, можно заключить, что Августъ въ тотъ день не присутствовалъ при священнодѣйствіяхъ, сравн. стихъ 15-ый сивиллина оракула, въ которомъ говорится объ одной лишь коровѣ, приносимой въ жертву Юнонѣ, а также v. 122 нашей надписи, въ которомъ говорится: tibi bove femina pulchra s[*a*]crum fiat. И на секулярныхъ играхъ Септимія Севера (ср. Comm. lud. saec. VII, fr. IV v. 6 и 7, а также VIII A, v. 17) Юнонѣ была принесена въ жертву, повидимому, только одна бѣлая корова **121** illi[*s l*]ibris **M²** **123** denu[*ntiatum* **M²** послѣ этого слова **M** дополнилъ: *fuit ut convenirent, imp. Caesar Augustus*?], а **H²**: *fuit ut convenirent, M. Agrippa*?]; **я** же дополняю: *erat* (ср. v. 101), *ut in Capitolium ad sacra convenirent, M. Agrippa*]

praeit in haec verba:
Iuno regina, ast quid est qu[*o*]d meliu[*s esse possit in hoc sacrificio,*
matres familias CX populi Romani Quiritium]
nuptae genibus nixae te v[*eneramur precamurque, uti acceptum id habere velis, uti imperium*]
maiestatemque p. R. Quiriti[*um duelli domique auxis, utique semper Latinum nomen tueare; incolumitatem*]
sempiternam victoriam [*valetudinem populo Romano Quiritibus tribuas faveasque populo R. Quiritibus legionibusque populi R.*]
Quiritium remque publi[*cam p. R. Quiritium salvam serves, uti sies volens propitia populo Romano*]
Quiritibus, XV vir. s. f., no[*bis, domibus, familiis: haec matres familias CX populi Romani*]
Quiritium nuptae geni[*bus nixae quaesumus precamurque.*]
Ad atallam fuerunt M. A[*grippa*
Ludi ut pridie facti sunt
Noctu autem ad Tiberim [*in campo suem plenam Terrae matri inmolavit imp.*
Caesar Augustus precat[*usque est hoc modo:*]
Terra mater, uti tibi in ill[*is libris scriptum est, quarumque rerum ergo, quodque melius siet p. R. Quiritibus,*]
uti tibi sue plena propri[*a sacrum fiat: te quaeso precorque;*
c]etera [*uti supra.*]
Matronae sellisternia h[*ora* [ ] *noctis ut pridie habue*]runt.
A. d. III non. Iun. in Palatio [*Apollini et Dianae*] sacrificium fecerunt imp. Caesar Augustus, M. A[*grippa libeis VIIII,*]
popanis VIIII, pthoibus VII[*I preca*]tique sunt ita:
Apollo, uti tibi in illis libri[*s sc*]riptum est, quarumque rerum ergo,
quodque melius siet p. R. Quir[*itibus,*]

---

124 на камнѣ стоитъ: PRAEĪT (съ ī longa), что равносильно формѣ перфекта (praeiit) **125** meli[*us* **M** и **H²**; слѣды буквы u несовсѣмъ ясны на камнѣ. Послѣ этого слова **M** и **H²** дополнили: *siet p. R. Quiritibus—matres familias*], а **я** дополняю: *esse possit in hoc sacrificio, matres familias CX populi Romani Quiritium* **126** **M** и **H²** дополнили: te u[*ti faxis quaesumus precamurque, uti imperium*, **я** же дополняю: te v[*eneramur precamurque, uti acceptum id habere velis, uti imperium* **134** къ принятому мною и **H²**(nelsen'омъ) дополненію **M**(ommsen'a) **я** прибавилъ: *in campo* **136** **я** дополнилъ: *quarumque rerum ergo, quodque melius siet p. R. Quiritibus,*] **137** **я** дополнилъ: *te quaeso precorque* **138** **M** дополнилъ: h[*abuerunt ut pridie*] runt; **H²** (согласно предположенію W i s s o w a) дополняетъ: h[*oc die eodem modo ut pridie habue*]runt; **я** же дополняю: h[*ora* [ ] *noctis ut pridie habue*]runt **141** ut **H²**, невѣрно

uti tibi VIIII popanis et V[*IIII*] libis et VIIII pthoibus sacrum fiat: te quaeso precorque; cetera uti s[*up*]ra.
Apollo, uti te popanis dat[*i*]s bona prece precatus sum, eiusdem rei ergo macte heis libis libandis esto fito volens propitius.
Idem in pthoibus.
Eisdem verbis Dianam.
Sacrificioque perfecto puer. [*X*]XVII, quibus denuntiatum erat, patrimi et matrimi et puellae totidem carmen cecinerunt; eo[*de*]mque modo in Capitolio.
Carmen composuit Q. Hor[*at*]ius Flaccus.
XV vir. adfuerunt imp. Ca[*e*]sar, M. Agrippa, Q. Lepidus, Potitus Messalla, C. Stolo, C. Scaevola, C. Sosius, C. Norbanus, M. Cocceius, M. Lollius, C. Sentius, M. Strigo, L. Arruntius, C. Asinius, M. Marcellus, D. Laelius, Q. Tubero, C. Rebilus, Me[*s*]salla Messallinus.
Ludis scaenicis dimissis h. [ ] iuxta eum locum, ubi sacrificium erat factum superioribus noctibus et theatrum positum et sc[*ae*]na, metae positae quadrigaeq. sunt missae et desultores misit Potitus Messalla
edictumque propositum est in haec verba. XV vir. s. f. dic.:
Ludos, quos honorarios dierum VII adiecimus ludis sollemnibus, committimus nonis Iun. Latinos in theatro ligneo, quod est ad Tiberim, h. II, Graecos thymelicos in theatro Pompei h. III, Graecos asti[*cos i*]n thea[*tro, quod est*] in circo Flaminio, h. I[*III*].
Intermisso die, qui fuit p[*ridie non. Iun.*,
nonis Iun. ludi sunt com[*missi honorarii, ut erat constitutum XV virorum verbis, Latini in*] theatro ligneo, Graeci thy[*melici in theatro Pompei, Graeci astici in theatro, quod est in circo Flaminio.*]
A. d. III eid. Iun. edictum propo[*situm est in haec verba. XV vir. s. f. dic.:*]

---

142 VI[*III*] libis **M**^{2} **147** pueri **M**^{1} и **M**^{2}, по ошибкѣ; puer[*i*] **H**^{2} **151** у **M**^{2}(o m m s e n'a) по ошибкѣ напечатано Arruntius вмѣсто Arruntius **152** M[*es*]alla **M**^{2}, Me[*ss*]alla **M**^{3}, M[*es*]salla **H**^{2}; слѣды буквъ e и второй s еще видны на камнѣ **158** я дополнилъ: h. I[*III*] **160** я дополнилъ: *honorarii, ut erat constitutum XV virorum verbis* **M**^{3} по ошибкѣ напечаталъ *Latino* вмѣсто *Latini* **162** **M** и **H**^{2} дополнили: propo[*situm est in haec verba. XV viri s. f. dicunt*, а я: propo[*situm est in haec verba. XV vir. s. f. dic.:* (ср. v. 110 и 155)

Pr. eid. Iun. venationem dabim[*us et quadrigas mittemus in circo.*
Pr. eid. pompa praelata puer[
M. Agrippa quadrigas [*misit*
Haec omnia peracta sunt XV[*viris s. f. imp. Caesare Augusto, M. Agrippa,*
Cn. Pompeio, C. Stolone, C. S[
!!!!!!!!!!!!!!! M. Mar[*cello*

2. Фрагменты (I и II) актовъ секулярныхъ игръ Клавдія.

Ср. C. I. L. VI, 4, 2, p. 3245 n. 32324—32325 (=Ephem. epigr. VIII, p. 245 и 302, fr. Ia, Ib, II и III) [=Monum. antichi 1, tav. H, fr. D, E, F, G] *):

Фрагментъ I=C. I. L. VI, 4, 2 p. 3245, n. 32324 (=Ephem. epigr. VIII, p. 245):

[*Quod.....*] cos. v. f. de lucari ludorum sa[*ecularium, qui senatus*]
[*decrevit..... uti*] fierent, q. d. e. r. f. p., d. e. r. i. c.: uti, quoniam ant[*e.... annos,*]
[*cum item decreti essent ludi*] saeculares XV vir. sacr. faciund., in summa constitu[*enda iis ludis*]
[*senatus secutus est summam ludis,*] quos pro salute Caesaris fecerunt, lucaris nomine cons[*titutam,*]
[*cos. iis, qui aerario praesun*]t, imperent, uti eam pecuniam dandam adtribuendam [*ludorum*]
[*redemptoribus curent, qua eo*] anno C. Silano C. Furnio cos. a. d. XIII k. Mart. senat[*us decrevit*]
[*uti ludi tum edendi propter sac*]rificium saeculare locarentur in ea verba, qu[*ae i. s. sunt:*]
[*A. d. XIII k. Mart. in curia I*]ulia. Scribundo adfuer. M. Iunius M. f. Si[*lanus,*]
[*L. Marcius .. f. Censo*]rinus, C. Asinius Cn. f. [*Pollio...*

---

163 я дополнилъ: *et quadrigas mittemus in circo* **168** я дополнилъ: Mar[*cello* (ср. v. 151)

*) Изданіе въ Monum. antichi не совсѣмъ полно и точно и потому не принято мною во вниманіе.

3 въ концѣ строки **M**^{3} и **H**^{2} дополнили: constitu[*enda senatus*], а я: constitu[*enda iis ludis*] **4** въ началѣ строки **M**^{3} и **H**^{2} дополнили: [*secutus est sacerdotibus pro ludis*], а я: [*senatus secutus est summam ludis*] **9** въ началѣ строки я дополнилъ: [*L. Marcius .. f. Censo*]rinus (ср. Comment. lud. saec. V, v. 44)

Фрагментъ II = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3245 n. 32325 (= Ephem. epigr. VIII, p. 302, fr. Ia, Ib, II и III [= Monum. antichi I, tav. H, fr. D, E, F, G]:

a (=Ib и Ia) [= D, E]

(Ib) [= D]

III
VS . PR

(Ia) [=E] IVS · PLA*utius*
C Q C VS / C
*a*TTICVS P A V*llus*
/// NERv A · AN
C · LVSC II
*Annae*VS · LVC*anus*
IIII

c (=III) [=G]

VS · II
PERMITTIMVS **b (=II) [=F]**
*in Capitolio ad aedem Iovis pro fo*RIBVS·TI·CLAVD*ius Caesar Aug. Germ*ANIC*us*
MANE·CVM·XV *viris s. f.*
*io*VI·O·M·ET IVN*oni*
*i*MMOLAV*it*
SVS ET L
Q·I·E·E\
I

3. Фрагменты актовъ секулярныхъ игръ Септимія Севера.

Ср. C. I. L. VI, 4, 2, p. 3246—3261 n. 32326—32337 (=Ephem. epigr. VIII, p. 278—292) [=Monum. antichi I, tav. B C, D, E, F, G, H] *).

---

a, v. 3 въ концѣ **я** дополнилъ: Pla[*utius*] **a, v. 8 я** дополнилъ: [*Annae*]us Luc[*anus*]

---

c, v. 3 въ началѣ **я** дополнилъ: [*in Capitolio ad aedem Iovis pro fo*]ribus фрагментъ **b (=II) [=F]** **я** соединилъ съ **c (=III) [=G]**, полагая, что буквы на первомъ фрагментѣ ANIC (A и C неясны) составляютъ часть дополненія Claud[*ius Caesar Aug. Germ*]anic[*us*, которое **M** предложилъ для второго, **v. 3**

---

*) Изданіе въ Monum. antichi не совсѣмъ точно и потому не принято мною во вниманіе.

Commentarium ludorum saecularium septimorum:

Фрагментъ I = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3246—3351 n. 32326 (=Ephem. epigr. VIII, p. 278—282, fr. I)
[=Monum. antichi I, tav. B, fr. I; tav. C, fr. II—III]:

1 [*Comme*]ntarium [*ludorum saecu*]lar[*iu*]m [*se*]ptim[*orum, qui facti sunt*
2 *imp. Caes. L. S*]eptimio Sev[*ero Pio*] Pertina[*ce*] Aug. Arabico A[*d*]iabenico Parthico [*max. pont. max.*]
3 tri[*bunic. p*]otestat. XII et
4 [*imp. Ca*]es. M. Aurelli[*o Anto*]nino Pio Aug !! [ ] !!!!!! [ ] !!! [ ] (вычеркнуто около 30 буквъ.)
5 [9] !!!!!!!!! prid. [6]ias in comitio in curia Iulia XV v[*ir*]i s. f. an[*te*] suggestum a[*m*]plissim[*orum consulum*
6 10 *consti*]terunt, ex q[*uibus Manliu*]s Fus[*cu*]s mag. collegii ex libello [*l*]egit:
7 [*Quamquam elaps*]o tempore sa[*e*]cul[*i ipse debet*] admon[*ere*]vos celebritatis feste (sic!) annus, pro[*vi*]dentia principalis est. P[*rimu*]m cu[*m or*]igo lu[*dorum*
8 *saecula*]rium adi[*m*]pleri per [*laetitiam festivita*]temque pu[*blicam m*]onitu vetustissimae v[*ati*]s instituta sit, pervig[*ili*] cura patrare p[*rovisu*]m est, u[*t recte fi*]eri p[*ossint,* 25 *collegium nostrum*]

---

3 tri[*b.* **M**³ и **H**² **4—5** Такъ какъ вычеркнутое мѣсто не совсѣмъ пополняется словами *et P. Septimio Geta nobilissimo Caesare*, то, по мнѣнію **M**³(ommsen'a), здѣсь прибавлено было еще имя С. Фульвія Плавтіана, префекта преторія **5** невозможно рѣшить, стояли ли на камнѣ буквы IAS или TAS отъ перваго **s** въ словѣ suggestum на **камнѣ** сохранился еле видный слѣдъ **7 я** дополнилъ: [*Quamquam elaps*]o, далѣе: [*ipse debet*] admon[*ere*] и въ концѣ: pro[*vi*]dentia principalis est. P[*rimu*]m cu[*m or*]igo lu[*dorum*, а дополненія **M**³(ommsen'a), принятыя **H**²(nelsen'омъ),—[*Cum denu*]o въ началѣ строки, далѣе *veteris elaps*]o и providentia principalis est, p[*atru*]m cu[*ra. Or*]igo lu[*dorum quomodo cum debet religio*] въ концѣ строки—для меня непонятны. Такую тяжелую латынь, какую сочинилъ здѣсь въ концѣ строки Mommsen, — quandoque bonus dormitat Homerus—мы не имѣемъ права приписать даже жившему въ 3 вѣку по Р. Х. автору комментарія секулярныхъ игръ Септимія Севера an[*n*]us **M**³ PRO\/DENTIA **камень**, providentia **M**³ **8** ADI/ /ıLERI PERE (послѣднее E не ясно и можетъ быть также L) стоитъ на **камнѣ** **я** дополнилъ: per [*laetitiam festivita*]temque, а **M**³ и **H**²: per [*eos sollemnita*]temque *f*]ieri **M**³ и **H**²; но на **камнѣ** видно теперь только \ERI

9 [10] in ////r et deorum [14]i cultus s[*acris*[10] *sollem*]nibus impleatu[*r, si*]n merito et immortale [//*q*]uae aliis ////erm/////us bon[9] cu[25]

10 [15 *imp*]artierit uberi[14 *i*]n hoc saecu[*lum cura*[10] *maxi*]morum p[*rincipum*[10] *no*]strorum contulerunt // memin[*isse*[9] *debem*]us, quom[*odo* 32]

11 [15] fructum felicita[*tis huius f*[9]]erant t[12]id[13] frequentandum d[7 *t*]ribuerun[*t*[9] *h*]as vindici[*as* 32]

12 [15]gum tempestates i[10 *a*]nnalium [25] auspicia ci..... ...is [*s*]aeculariu[*m* 7]que decoru[*m* 29]

13 diligenti[*ssime* //]ernata est, ut ad fi[13]bus adpetere m[....[14] *cum hodie ab*] urbe condita nungentensimus quinquagensimus s[*extus*] ann[*u*]s sit, ex [33 *ludorum*]

14 saeculariu[*m post an*]nos urbi[*s CCL*]XXXXVII e[13] [*et*] vetustum /// [16 *per*] magistros collegi M. Valerio Spurio Ve[*rg*]in[*io cos. i*]nst[*itutu*]m sit non ali[*ter* 33]

15 adiacta in[7] riae edi[3] festin[*a*] [14]eni . . o [25] temporibus [*ab*] origine sescenten[*simi et s*]exagensimi anni [35]

16 temporis c[7] est fact[*a saec*]uli n[14]egent fac[30]gratum superius patefecit [13 c]ur ausp[*i*]ciis [37]

---

9 s[10]nibus **M³**, s[*ollem*]nibus **H²**, s[*acris sollem*[10]]nibus дополняю **я** impleatur [5 *i*]nmerito **M³**, impleatur [*si*]n merito **H²** /ERA| **камень**, [*innum*]era[*bilib*]us bon[*is*] предложилъ читать Bormann ns bon **H²**, невѣрно **10** VBERI| |N **камень**, ubert[14]m **M³**, ubert[14 *i*]n **H²** **11** felicita [9] erant **M³** и **H²**, felicita[*tis huius f*]erant дополняю **я** [*t* 9] as vindici [32] **M³** и **H²** **12** Bormann (у **M³**) предложилъ дополнить *re*]gum \NNALIVM\ **камень**,]annalium [**M³**; можетъ быть, вмѣсто *a*]nnalium надо дополнить: *dece*]nnalium или *vice*]nnalium /, ci\///ıv/IAIIS **камень**, согласно свидѣтельству Huelsen'a у **M³**, CI\///ıv/IAIIS **камень**, согласно свидѣтельству Huelsen'a въ C. I. L. VI, 4, 2 p. 3247, ci/////////tatis **M³**, ci.....tatis **H²**; по мнѣнію Huelsen'a, слѣды находившихся передъ tatis буквъ не позволяли дополнить ни sollemnitatis, ни festivitatis, ни celebritatis. Нынѣ на **камнѣ** (и у **H¹**) видно только: CI\ /IS |AECVLARIV **камень**, sa[*e*]culariu[*m* **M³** и **H²** **13** *aet*]ernata предложилъ Bormann (у **M³**); **я** предложилъ бы скорѣе: *alt*]ernata **я** склоненъ дополнить: ad fi[*nem felicem omni*[13]]bus слѣдующая за ADPETERE буква M неясна и можетъ быть также: A se[*xtus*] **M³** вмѣсто EX послѣ SIT можно читать также: EA въ концѣ строки **я** склоненъ дополнить: ex[*emplumque vetustissimum ludorum*] **14** e[13]et **M³** и **H²** VETVS STVM ıvv **H¹**, vetustum ifli **M³** и **H²** **15** festina[**M³** и **H²** temporibus **камень** (tem весьма неясно), [28 *tem*]poribus **M³** и **H²** anni **камень**, **M³** и **H²** (ni не совсѣмъ ясно), an/ **H¹** **16** ≡RATVA ///| **камень** и **H¹**, ratu[*m*] **M³** и **H²** superius **камень**, [*su*]perius **M³** и **H²** AVSP≡CIIS **камень** нынѣ, AVSPICII ıv **H¹**, auspiciis **M³** и **H²**

17 celebrabi[*t opti*[7]]mus im[*p. cum A*]nton[*ino Augu*]sto .... [35 *ludos se*]ptimos saeculares[14] numin [25 *cu*]m propagi[*ne*]

18 subsidia u[7]u et a[5] veri [5 *te*]mpus adolesce[*ntiae* 35 *q*]uae sunt saecu[18]d Iuno Lucina Ei[*lit*[3]]h[*yia* 20 *nostro preca*]tu advocabunt[*ur*]

19 piis vocib[*us populi*[7]]. tum [*sac*]erd[*otibus*[5]] imperator sup[*plicationem praeibit* 65]am nos devotioni[*s qu*]os d[*ii*[9] *volent*] adder[*e f*]elici numero

20 rectoru[*m nn., culmen a*]ugebit [*publicae fel*]icitatis. Teneo [*memoria quod cecinit* 63 *Sibylla: longissimum, i*]nquit, humanae vi[*tae te*]mpu[*s centensi*]mus et d[ec]imus annus e[*st*],

21 et ideo te[*stor. saecul*]ares ag[*an*]tur ..... ergo Antonino fili[*o* 60] futurorum. Inter l[*aetitias*] et ga[*ud*]ia generis

22 huma[*ni ad gratias*[20] *agendas prae*]sentium bonorum et ad spem futur[*orum*[25] *curandum vobis e*]st, p. c., utei saeculari[*a nunc te*]mporis ratione poscente im[*minentia t*[9]]ot gen[*it*]alibus prosper[*a*]

23 com . . s [22 *sollem*]nia in annum decernatis sumptusque communi e[*xpensa*[8] *f*]ieri iubeatis omnique cultu adq[*ue*] veneratione immor-[*talium pro secu*[9]]rita[*te*] adque aeterni-

24 t[*ate imperii sa*[25]]nctissimo[*s loco*]s ag[*e*]ndis habe[*n*]disque sic! gratia frequentetis, ut [*posteris dii*] immortales referant, quae maior[*e*]s nostri condiderunt qu[*aeque*[22] *cum maior*]ibu[*s ante*]a contulerint,

---

17 /STO **камень** и **H¹**, *Aug*]usto **M³** и **H²** SAECVLARES **камень** и **H¹** (послѣднее S едва замѣтно), saeculare[*s*] **M³** и **H²** **18** /DIVNO **камень**, /IVNO **H¹**,]d Iuno **M³** и **H²** **я** дополнилъ: Ei[*lit*[3]]h[*yia* 20 *nostro preca*]tu advocabunt[*ur*, а **M³** и **H²**: ei[3]h[20 *suo preca*]tu advocabunt **19** **я** дополнилъ: piis vocib[*us*[7] *populi.*] tum [*sac*]erd[*otibus*[5]] imperator sup[*plicationem praeibit* 65], а **M³** и **H²**: piis vocib[*us* 7]tum [*sac*]erd [5] imperator sup[*plicabit* 65] /AM NOS **камень** и **H¹**,]nos **M³**,]am nos **H²** **21** AG) |TVR **камень**, AG| |VR **H¹**, ag[*ant*]ur **M³** и **H²** между ag[*an*]tur и ergo на **камнѣ** видны слѣдующіе неясные слѣды буквъ: v ////ıvı **22** imm[*inentia t*[9]]ot **M³** **23** com [22 *sollem*]nia **M³** въ концѣ: *a*]dque **M³** **24** послѣ ut на **камнѣ** нынѣ видна только нижняя часть вертикальной черты: l ut p[*osteris dii*] **M³** и **H²**

25 [*etiam temporib*][13]us no[*s*]tris [*concess*][7]erunt. Adque ita Calpurnius Maximus [*v. c.*] ex manuario legit:

26 [*Cum XV viri*[13] *s. f.*] c. c. v. v. pro temporum [*l*]aetitia et felici-

tate sanctissimorum piissimorumque principum nn. de ludibus[sic!] saecularib[*us*] verba feceri[*nt et* 23 *videatur iam petend*]um ab optimi[*s*

27 *piissimisq*]ue prin[*ci*]pibus nostris imp. Caes. L. Septimio Severo Pio Pertinace Aug. Arabico Adiabenico Parthico maximo fortis-

simo felicissimo p. p. [*et imp. Caes. M.*[23] *Aurellio Anton*]ino Pio

28 [*Aug.* /////]...[//////]....., uti ludi[sic!] saeculares, qui so[*li*]ti sunt inter centum et decem an[*nos*] fieri, faciant sequenti anno iis diebus, [*quibus* 23 *eos edere convenit imperat*]orum

29 [*nostrorum decreto*][15] et X[*V*]virorum s. f. c. c. v. v. inque eos ludos sacrificiaqu[e 11 *sumptu*]s ex aerario populi Romani fiant feriaeque serventur iis diebus, quibus t[*am clari ludi celebrab*][23]untur,

30 [*nomina quoque reo*][18]ru[*m*] aboleantur, luctus [*autem*][4] feminarum [*minor fi*]at, quo[*minus populi felicita*]ti opsit, memoria tantae religionis con[*tinuo t*]ridu[*o* 22 *ma*]rmor

31 [20]]era in a[s] optime [24] ludi futuri [38] adfueri[35

32 [25]mess Co[25] istr[44]r quietus qu[35

33 [25]i c. v[80]r serva//us [35

34 [105]]i fortissimi [*felicissimi* 35

35 [105]]turi pro orbis [38] qiqui [

36 [102]]e correxerit [42]ius [5

37 [100]]bus n[*ost*]ris[45 *Ro*]manum imperiu[*m*

38 [100]].....[55].....

---

25 [*concesse*][8]runt **M**[3] и **H**[2], ERVNT **камень** и **H**[1] **26** laetitia **M**[3] и **H**[2], AETITIA **камень** и **H**[1] p[*rincipu*]m **M**[3] и **H**[2], PRINCIPVM **камень** и **H**[1] FECERI/// **камень**, feceri[*nt* **M**[3] и **H**[2], FERI **H**[1] opti-m[*is*] **M**[3] и **H**[2], OPTIMI (послѣднее I не совсѣмъ ясно) **камень** и **H**[1] **29** [*nostrorum decreto*] дополнилъ **я**, [*nn. decreto*] **M**[3] и **H**[2] X[*V v*]irorum **H**[2], [*XV v*]irorum **M**[3] **30** luctus [*autem*] дополнилъ **я**, luctus[*que*] **M** и **H**[2] [*minor fi*]at дополнилъ **я**, [*item fi*]at **M**[3] и **H**[2] TANTA **H**[1], невѣрно t]ridu[*o celebretur* 22 *ma*]rmor **M**[3] **31** передъ LVDI на **камнѣ** (и у **H**[1]) неясные слѣды буквъ: II· **32** между mess и Co свободное мѣсто на **камнѣ** для 5 буквъ **34** f[*elicissimi* **M**[3] и **H**[2] **35** ituri **M**[3] QIQVI **камень** и **H**[1], qiq[*ui* **H**[2],]qiq[s **M**[3] **36**]us [5 **M**[3] **37** imperiu[*m* 5 **M**[3]

39 [120] *h*]oc quoque contu[5

40 [120]

41 [[120] ...*imp. Caesari L. Septimio Severo Pio Pertina-*

ci A]ug. Arabico Adiab.

42 [*Pa*]rthico maximo [*et imp. Caesari M. Aurellio Antonino Pio Aug.*

[110] .....*fier*]i soliti sunt int[*er*

43 *c*]entum et decem[*annos* 110 *om*]nia collegia sacerd[*otum*

44 *e*]t senatores qui quo[110 *fer*]iasque servandas

45 [*iis*]diebus quibus tam sol[*lemni* 110]a occupaverit, accus[*ato-*

46 *ri*]bus repetendi reos su[*os* 120] [5

47 [*Ce*]nseo commentarium lud[*orum* 120 *ut memoriam ludorum, qui futuri*] sunt, consecrent[*et in*]

48 eas quoque res pecuniam [*impendant* 110]

49 [*I*]dibus Novembribus in Palat[*io* 100] Rom[25

50 Crescens Calpurnianus, C[100] quin m[25

51 Atulenus Rufinus [100] umo an[25

52 administrationem tempor[100] prius p[25

53 fieri conveniret, esset f[.... 100 конецъ строки свободенъ

54 начало и конецъ строки свободны

55 Imp. Caes. divi Marci Antonini [*Pii Germanici Sarmatici f., divi Commodi frater, divi Antonini Pii nep., divi Hadriani pronep., divi Traiani Parthici abn., divi Nervae adn.*][125] L. Sep[*timius Severus Pius Pertinax*]

56 Aug. Arab. Adiab. Parthi[*cus max. et imp. Caes. M. Aurellius Antoninus Pius Aug.*[130]..... *imp. Caes.*] L. Sep[*timi Severi Pii Pertinacis Aug.*]

57 Arab. Adiab. Parth. m[*aximi filii*

Фрагментъ II = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3252—3253 n. 32327 (=Ephem. epigr. VIII, p. 282—284, fr. II) [=Monum. antichi, tav. D, fr. IV—V]:

1 .....] [..]ivi

---

39 [5 опускаетъ **H**[2] **40** 120] [5 **M**[3] **41** Adiab[*enico* **M**[3], Adiab(enico) **H**[2] **42** въ концѣ: IN T **камень** **44** послѣ servandas **M**[3] ставитъ: [5 **45** *iis*] дополнилъ **H**[2] accus[*atori-* **M**[3] **46** bus **M**[3] (вмѣсто *ri*]bus) **47** *ut memoriam ludorum, qui futuri*] **я** дополнилъ CONSECRENT· **камень** и **H**[1], consecrent[*ur* **M**[3] и **H**[2] **48** *impendant* дополнилъ **я** **49** Idibus **M**[3] и **H**[2] rom[**M**[3] и **H**[2]; можетъ быть, надо дополнить: *ad*] Rom[*am quadratam* (ср. fragm. II, v. 12) **50** C едва замѣтно на **камнѣ**, пропустилъ **H**[1] **52** ADMINISTRATIONE **H**[1] **53** F (или P) на **камнѣ**, P **H**[1], fi[**M**[3] и **H**[2] **55** Septi[*mius* **M**[3] **56** Sept[*imi* **M**[3]

2 [60] *a. d.*] XVII kal. Ma[*ias* [10] *de epistula*] ab impp. missa act. in haec verb[*a:*] Im[*p. Caes.*

3 *L. Septimius Severus et imp. Caes. M. Aurellius Ant*]oninus Pii Augg. XV vir. co[*lleg*]is sa[*lutem*]. Si vobis videtur, VIII kal. Iun. pro[*xi*]mas conven[*ite in Palatio in aede Apollinis*

4 *ad sortiendum qui quibus locis in tribunalibus suffime*]nta populo distribuere debeant. Valete, c[*oll*]egae carissimi nobis. Pompeius Rusonianus ma[*g. legit (?): Imp. Caes.*

5 *L. Septimius Severus et imp. Caes. M. Aurellius Anto*]ninus Pii Augg. XV vir. collegis salutem. Si de is diebus ac noctibus consulitis, quibus ludos saeculares ed[*i oportebit* [25]

6 [32] *Simul qui*]bus odoribus supplicare matronae debeant statuemus. Valete, collegae carissimi nobis. Pompeius Ruson[*ianus mag. legit (?)*

7 i[... [30] .. *a. d. VIII k.*] Iun. in Palatio in aede Apollinis collegium convenit ad sortiendum, qui quibus locis in tribunalibus su[*ffimenta populo distribuere deberent.*]

8 Sub[..... [30] *adfuerunt imp. Caes. L. Sep*]timius Severus Pius Pertinax Aug. Arab. Adiab. Parth. max. et imp. Caes. M. Aurellius Antoninus Pius Aug. [*Noni-*]

9 us M[*ucianus?*, [28] *Poll*]ienus Auspex, Manilius Fuscus, Cocceius Vibianus, Atulenus Rufinus, Aiacius Modestus, Fabius Magnu[*s*, ... *Pompeius*]

10 Rusonianus mag., [... [20] *Crescens Calpu*]rnianus, Cassius Pius Marcellinus quaestor desig., Ulpius Soter cōs. desig., Venidius Rufus [*curat.*] albei [*Tiberis, Fulvius*]

11 Granianus q. Augg. [*sorticulis*] inspectis et in urnam missis sors habita est. In Palatio in tribunali Augustorum n(*n*)., quod [*est in area aedis Apollinis,*]

12 ...., Salvius Tuscus; applicit[*o tribunali, quod es*]t ad Romam quadratam, Nonius Mucianus, Aiacius Modestus, Atul[*e*]nus [*Ru-*] f[*i*]nus [.....; :.....

---

2 передъ словомъ ab на **камнѣ** видны неясные слѣды буквы a въ такомъ видѣ: ʌ **6** *quib*]us **M**[3] и **H**[2] **10** cós **M**[3] и **H**[2] *cura*]t **M**[3] и **H**[2]; на самомъ же дѣлѣ на **камнѣ** между Rufus и albei есть только маленькій пробѣлъ, въ которомъ, кажется, могла стоять лишь одна буква (c. (?), обозначавшая: curator **11** AVGVSTORVM N **камень** и **H**[1], Augustorum nn. **M** и **H**[2] *in area aedis Apollinis* дополнилъ **H**[2] **12** applicit[*um .....in eo quod es*]t **M**[3], applicit [...*quod es*]t **H**[2]; **я** дополнилъ: applicit[*o tribunali, quod es*]t въ концѣ: [...., O- **M**[3]

13 [*Of*]ilius Macedo; ante aedem [..[25].. *Fulvius*] Fuscus, Vetina Mamertinus; ante ae[*dem ..... Coccei-*]

14 us Vibianus. Sortib[*us ductis eodem die edictum propositum est in haec verba:* [150] *Imp. Caes. divi Marci Antonini Pii Germanici Sarmatici filius, divi Com-*]

15 modi frater, divi Antonin[*i Pii nepos, divi Hadriani pronepos, divi T*]raiani Parthic. ab[*nepos, divi Nervae adnepos L. Septimius Severus Pius Pertinax Aug. Arab. Adiab. Parthicus max. pont. max. trib. pot. XII imp. III cos. III*]

16 pat. patr. et imp. Caes. M. Aure[*llius Antoninus Pius Aug.tr. pot.*] VII cós. !!!!!!! [.....*imp. Caes. L. Septimi Severi Pii Pertinacis Aug. Arab. Adiab. Parth. maximi filii, divi Marci Antonini Pii Germanici Sarmatici nepotes,*]

17 divi Antonini Pii pronepotes, [*divi Hadriani abnepotes, divi*] Traiani Parthici et divi Ne[*rvae adnepotes cum ceteris XV viris s. f. dicunt.* [100] *Ludos saeculares septimos*]

18 celebraturi admonemus Quir[*ites o*]m[*nes ut* [20] *frequentia maxi*]ma conveniatis, quo diebus quoque [*noctibus tribus ad ea sollemnia conveniendum erit.* [95]]

19 Quo laetitiae publicae fructus ad [*un*]iversos [*cives perveniat, l*]udis saecularibus, quos edituri sumus, placere [*nobis significamus* [90] *reorum*]

20 nomina abolenda ita uti pos[*t d*]iem tricensimu[*m accusatoribus eos*] re[*p*]etendi ius sit; edicendum existima[*mus* [85] *itaque ut incendiorum, quae fieri possint,*]

21 sit ratio, admonemus Quirit[*es d*]ominos urbano[*s* [21] *insulariosq*]ue, qui mercede habitant, in noctibu[*s feriarum illarum ut* [85] *oboediant mili-*]

22 tibus nostris circumeuntibus [*reg*]ionum tutelam [*gesturis. A. d.*] VII kal. Iun. impp. Severus et A[*ntoninus Augg.* [65] *cum ceteris XV viris s. f. ad suffimenta distribuenda adfuerunt in Palatio*]

---

13 въ началѣ: [*fi*]lius **M**[2], [*Ofi*]lius **H**[2] [35] **M**[3] F[*ulvius*] **M**[3], **H**[2] **15** отъ слова ab[*nepos* на **камнѣ** сохранились очертанія AI, а **H**[1] напечаталъ: A/ **16** cos. **M**[3] и **H**[2], cós. **H**[1] **18** Quir[*ites*] m[[20]]ma **M**[3] и **H**[2] **19** a[*d un*]iversos **M**[3] и **H**[2] *nobis significamus* дополнилъ **я** **20** *eo*]s **M**[3], **H**[2] existima[*mus* [85] *itaque ut incendiorum, quae fieri possint* дополнилъ **я**, existima[*vimus* **M** и **H**[3] **21** *insulariosq*]ue дополняю **я**, *et* 21 *eos quoq*]ue **M**[3] и **H**[2] *oboediant mili-*] дополняю **я**, *una cum mili-*] **M**[3] и **H**[2] **22** [*gesturis* дополняю **я**, [*diligenter administrent* **M**[3], **H**[2] *cum ceteris XV viris s. f. ad suffimenta distribuenda adfuerunt* дополнилъ **я**

23 in area aedis Apollinis. ubi cu[*m a*]dscendissen[*t in tribunal,* 28]
suffimenta dederunt [85 *senatui et equestri ordi-*]
24 ni et plebei populoque Roma[*no. i*]bi relictis [32 *Ulpio Sote*]re
cos. designato, Pollieno [*Auspice* 80 *Augusti abierunt;*]
25 ceteri XV viri praetextati [*que*]m quisq[*ue locum sortitus est,* 35
ibi in tribunal adscenderu]nt et suffimenta populo div[*iserunt* 80
26 *S*]everus et Antoninus Au[*gg. nn.*] ! ! ! ! [40] eoru[*m* 10] et suff[*imenta populo diviserunt* 80
27 3]ant suffimenta divi[*serunt* 150
28 *L. Sep*]timius Severus Piu[*s* 150
29 12 *Nonius Mu*]cianus, Ai[*acius Modestus* 150

Фрагментъ III = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3254 3255 n. 32328 (= Ephem. epigr. VIII, p. 284—287, fr. III) [= Monum. antichi I, tav. E, fr. VI, VII, VIII; tav. H, fr. M 1]:

1 [*Fulviu*]s Gran[*ianus* 160
2 Pompeius Rus[*onianus mag.* 140]o m[16
3 a VIIII in XII C[140 *C*]assius M[*arcell*]inus [//////
4 nes, Ulpius Sot[*er cos. desig.* 140 *in*] manus [*pr*]omiscum [*p*]opu-
5 lo plebeiq[*ue diviserunt* 140 *ex corvib*]us aebor[*e*]is religionis
6 causa in ea[130 *quas cum sig*]no [*Iovis*] applicasset, Severus
7 tunc pra[*eit in haec verba:* 130 *Iuppit*]er [*optime m*]axime, Iuno regina,
8 bone pulch[*er*] Apo[*llo* 130 *omnes Quirites tenaces aequi bon*]iqu[*e observa*]ntissimosque
9 habeatis et libent[*es* 130 *salutem praestetis Iuliae A*]ug. matri castror.

---

23 *senatui et* дополнилъ **я** **24** *Augusti abierunt* дополнилъ **я** вмѣсто *ascenderu*]nt, какъ пишутъ **M²** и **H²**, **я** пишу: *adscenderu*]nt (ср. v. 23 и fragm. III, v. 11 sq.; 14; fragm. IV, v. 3) **27** /// aut **H²** **29** Au[**M²**, Ai[**H²**, AI/ (но I не совсѣмъ ясно) **камень** (**я H¹**) Ai[*acius Modestus* дополнилъ **я**

---

1 [*Fulvius*] **M²** **4** *in*] manus [*pr*]omiscum дополнилъ **я**,]manus [ ]omus cum **M²**,]manus [ ]omis cum **H²**, \MANVS· ‿ OMIS CVM **камень** **5** *diviserunt* дополнилъ **я** 140] us aebornis **M²** и **H²**, \VS AEBORIIS (т. е. скорѣе aeboriis или aeborcis чѣмъ aebornis) **камень**, \VS AEBOR/IS **H¹**, *ex corvib*]us aebor[*e*]is дополнилъ **я** **6** *quas cum sig*] и [*Iovis*] дополнилъ **я** **8** *omnes Quirites tenaces aequi bon*]iqu[*e observa*]ntissimosque дополнилъ **я**,]iqu[*e pie*]ntissimosque **M²** и **H²** **9** libent[*es* **M²** и **H²** *salutem praestetis* дополнилъ **я** Aug. **M²** и **H²**, \VG· **камень** и **H¹**

10 reique publicae [*populi Romani Quiritium* 130]os [10 *procu*]raverunt.
11 Inde ad tribunal proc[*esserunt* 130]c a[10 *in tri*]bunali ad-
12 scenderun<*t*>et u[130]aris m[11 *a magist*]ratibus, eques-
13 tre ordin[*e, plebe populoque Romano* 130 *frugibus*]in corv[*ibus aeboreis p*][13]ositis.
14 Inde XV vir m[130 *trib*]unali ad[*scenso*] fruges, quae a po-
15 pulo plebe m[*agistratibus datae erant,* 130 *Pompei*]us Ru[*so*]nian[*us*] magister Tarentum
16 lustravit s[*ic precatus:* 130 *lus*]trandi piandique saecularis sacri
17 ludorumqu[*e causa, qui edentur imp. Caes.* 130 *L. Septimio Severo Pio Pertinace Aug. Arab. Adiab. Parthico maximo et imp. Cae*]s. M. Aurellio Antonino Pio Aug. ! ! ! sic!
18 ! ! ! ! ! ! ! [130 *quod faus*]t. felix salutaraeque sit
19 Imp. Caes. L. Septim[*io Severo Pio Pertinaci Aug.* 130 *Arab. Adiab. Parthico maximo et imp. Caes. M. Aurellio Antonino Pio Aug. ! ! ! ! ! !*] quorum iussu mandatuque hanc
20 rem divina[*m perficimus* 130 *quo melius haec sacra perfic*]i poss(*i*)nt, lustre[*ti*]s pie[*t*]is purgetis
21 quam optim[*e* 130]! ! ! ! ! ! ! imper[*io eiu*]s m[*ih*]ique
22 eorum lus[*tratio* 130 *ludis saecularib*]us ius<*f*>as meliusque fuit h[*unc*] locum
23 lustrari p[*iari purgari* 132 *o*]ptimoque ritu ab omni contamination[*e arceatis* 132 *P*]io Aug. ! ! ! ! ! ! ! ! ! !
25 imperio [132 *Tum edictum propositum est in haec verba:*]

---

10 *populi Romani Quiritium* дополнилъ **я**]os[**M²**,]o[**H²**, /OV **H¹**, /OS/ **камень** **11**]ca[**M²** и **H²**, /C *A*| **камень** и **H¹** (C, какъ кажется, составляетъ конецъ какого то слова, а неясное, фрагментарное A—начало другого) **12** SCENDERVN/ET[sic] / **камень** и **H¹**, scenderunt et ![**M²**, scenderunt et [**H²** предлогъ *a* предъ *magist*]ratibus дополнилъ **я** **13** ordin ![130] **M²** и **H²**, ORDIN/ I/ **камень** и **H¹** *plebe populoque Romano* 130 *frugibus*] дополнилъ **я** in coru [10] **M²**, in coru [12] **H²**, in corv[*ibus aeboreis p*]ositis дополнилъ **я** **14** ad[*scenso f*]ruges **M²** и **H²**, AD) /LI /ERVGES **камень** и **H¹** **15** m[130 *Pompei*]us **M²** и **H²** m[*agistratibus datae erant* дополнилъ **я** **16** s[130 *lus*]trandi **M²** и **H²**, **я** дополнилъ: s[*ic precatus:* 130 *lus*]trandi **18** каменотесъ вырѣзалъ salutaraeque вмѣсто salutareque **20** divina[*m* 130]i **M²** и **H²**, **я** дополнилъ: divina[*m perficimus* 130 *quo melius haec sacra perfic*]i possent **камень** (и **H¹** и **H²**), по ошибкѣ lustre/////is purgetis **M²** **22** lus[*tr* 130]us **M²** и **H²**, **я** дополнилъ: lus[*tratio* 130 *ludis saecularib*]us IVS EAS **камень**, по ошибкѣ **23** lustrari p[**M²** и **H²**, **я** дополнилъ: p[*iari purgari* **24** *arceatis* дополнилъ **я**]mo Aug. **M²** и **H²**, IO AVG **камень** и **H¹**, *P*]io дополнилъ **я** (ср. строку 27) **25** *Tum edictum propositum est in haec verba* дополнилъ **я**

26 Imp. Caes. divi [*Marci Antonini Pii Germanici Sarmatici f., divi Commodi frater, divi Antonini Pii nepos, divi Hadriani pronepos, divi Traiani Parthici abnepos, divi Nervae adnepos L. Septimi*]us Severus Pius Pertinax
27 Aug. Ar[*ab. Adiab. Parthic. max. et imp. Caes. M. Aurellius Antoninus Pius Aug*!!!!!!! *imp. Caes. L. Septimi Seve*]ri Pii Pertinacis Aug. Arab.
28 Adia[*b. Parthici maximi filii, divi Marci Antonini Pii Germanici Sarmatici n., divi Antonini Pii pron., divi Hadriani abn., divi Traiani et divi Nervae adn. cum ceter*]is [*XV vir*]is [*s.*] f. dicunt:
29 Ordinem [120 c]ommu[4] pasioc// populi
30 Rom[*ani* 120] qui praece[8 *pto nostr*]o susce-
31 per[*unt* 120 *in tribunali*]bus suis dist[*r*]ibu[2 *en*]t prae-
32 tex[*tati* 125 *hora no*]ctis secunda pe[3 *r vi*]am
33 sacr[*am* 125 *M*]arcelli porticum i[*ni-*]
34 tio[*facto* 130 *post acceptam ad rip*]am Tiberis laurum
35 cli[*vum Publicium* 135 *virginibus Vesta*]libus Numisia
36 Ma[*ximilla et Terentia Flavola* 14]
37 an[145
38 Iuppiter [*optime maxime* 145]i
39 da[140] Aug.
40 po[*nt max.* 140 *com*]motor-
41 um [*sacrorum?* 140 *uti*] vobis
42 in i[*llis libris scriptum est* 140 • *i*]mpe-

---

30 praece[8]o **M**³ и **H**², **я** дополнилъ: praece[*pto nostr*]o **31** per[120 **M**³ и **H**² dist[*r*]ibu [3] **M**³ и **H**², DIST IBV T **камень**, **я** дополнилъ: dist[*r*]ibu[2 *en*]t **32** tex[*tat* 125] **M**³ и **H**², **я** дополнилъ (**31**—**32**): praetex[*tati hora no*]ctis дополнилъ **я** pe[3]am **M**³ и **H**², PEI AM **камень** и **H**¹, **я** дополнилъ: pe[*r vi*]am **33** sacr[125 **M**³ и **H**², **я** дополнилъ: sacr[*am* porticum **M**³ и **H**², PORTICVM I **камень** и **H**¹ **33**—**34** **я** дополнилъ: i[*ni*]tio **34** *facto* и *post acceptam ad* дополнилъ **я** **35** въ началѣ: CLI **камень** и **H**¹, cii[**M**³ и **H**², cli[*vum Publicium* дополнилъ **я** **38** стоящее на **камнѣ** въ концѣ строки /ı (т. е., какъ кажется, i) пропустили **M**³ и **H**² **40**—**41** *com*]motorum [*sacrorum*? дополнилъ **я** (ср. Cato de re rust. 141, 4 и особ. 134, 2—4, гдѣ выраженіе struem или fertum obmovere (ommovere) или commovere является такимъ же техническимъ терминомъ сакральнаго языка, какъ и sacra commovere у Вергилія (Aen. IV, 301), ancilia commovere у Сервія (Ad Verg. Aen. VIII, 3) и tripodas commovere у Сенеки (Medea 788). Ср. также Buecheler, Umbrica, p. 59 **24** *scriptum est* дополнилъ **я**

43 riu[*m* 140]ate
44 tu[145 *imperium maiestatemque p. R. Q. duelli domique au-*]
45 xit[*is* 145 *et uti huius sacrifici accep-*]
46 tric[*es sitis* 145
47 har[*um rerum ergo* 145
48 et in[145
49 tri[145
50 tiae[145
51 In omni[*bus* 145
52 Moerae uti v[*obis in illis libris scriptum est* 145
53 p. R. Q., XV v[*iris, mihi, domui, familiae* 145
54 additis in[145 *uti huius*]
55 sacrifici [*acceptrices sitis* 145 *harum rerum ergo macte hac . . . immolanda estote*]
56 fitote vo[*lentes propitiae p. R.* 145 *Pom-*]
57 peius Rus[*onianus magister* 145 *Ulpi-*]
58 us Soter c[*os. desig.* 145
59 Severus m[145
60 non erat[145
61 structi[*s* 145
62 vem quae 144 *au-*]
63 rum arg[*entum* 143
64 haec verba [142 *per-*]
65 vigilium c[141 *Iulia Aug.*]
66 coniuge im[*p.* 140
67 isdem verbi[*s* 145
68 prout quis f[*acere voluit* 145
69 in ara lignea [145

---

43 *p*]ace **M**³, ошибочно вмѣсто]ate **44** ta[**M**³ и **H**², на **камнѣ** (и у **H**¹) стоитъ: TV (т. е.: TV) и, вѣроятно, надо дополнить: tu[*telam* **45**—**46** можетъ быть, вмѣсто выше принятаго дополненія **M**³(ommsen'a) и **H**²(uelsen'a) *et uti huius sacrifici accep*]tric[*es sitis* надо скорѣе дополнить: *legiones populi Romani Quiritium* (ср. fragm. IV, 11 и 12) *vic*]tric[*es reddite* **47** haru[*m* **M**³ и **H**² **49** можетъ быть, надо дополнить: tri[*duo* **51** In omni[145 **M**³ и **H**², In omni[*bus* дополнилъ **я** **53** p. R. Q. **M**³, p(opulo) R(omano) Q(uiritibus) **H**² вмѣсто *domo*, какъ пишутъ **M**³ и **H**², **я** пишу: *domui* (ср. v. 78 и 80) **59** на **камнѣ** стоитъ: M., т. е., вѣроятно, m (M) **59**—**60** можетъ быть, надо дополнить: *in scaena, cui theatrum adiectum*] non erat (ср. Comment. lud. saec. V, v. 100) **61** structi[**M**³ и **H**², STRVCTIS/ **H**¹, STRVCTI☰) **камень** нынѣ; можетъ быть, надо дополнить (v. **60**—**61**) *lignis*] structi[*s ad ludos Latinos faciendos* **62**—**63** *au*]rum arg[*entum* дополнилъ **я** **68** QVIS F **камень** и **H**¹, quis f[**M**³, quis[**H**², quis f[*acere voluit* дополнилъ **я**

70 Aug. sumpta t[*oga* 145
71 catione ita pr[*ecatus est:* 158 *imperi-*]
72 um maiestat[*emque populi R. Q.* 160
73 dexteram hos[*tiam* 159
74 acceptor sis bo[*vis* 157 *hos-*]
75 tiam iussit qu[17] iu[135
76 et in secundo [18 *quindeci*]mvir pura[*toga indutus* 135 *preca-*]
77 tus est: Iup[*piter o. m., uti tibi in il*]lis libris scrip[*tum est* 30
tib]i libi[*s immolandis* 95
78 mihi, domui f[*amiliaeque* 20]ius obtemper[25] mox har[*usp*]icatione i//l[95
79 pulchr[*o*]rum [20 *cult*]ro pilum de fron[*te*] hos[*tiae*] secavit [*et ac*]cita corona praeeunte Antonino A[*ug.* 95
80 30 *cor*]onis dandis esto fito volens propi[*t*]ius p. R. Q., XV vir. collegio, mihi, domui, fa[*miliae* 95
81 *aquam* 30 *adlatam da*]pibus per publicos collegi suscepit ternaque aram adsparsit. Deinde inc[*hoata immolatione* 95
82 30 *aquam pete*]re imperavit his verbis: impero vobis aquam integram petatis, qua divis [95
83 35] boum pulcl rorum immola[*ndorum* 20]tu coronis
84 35]o splanchna redder[*e* 25 *i*]ta pri[*mis splanchnis precatus est:* 95
85 35 *spla*]nchna. I. o. m.[130
86 e[159
87 se[158

---

70 t[пропустилъ **H²**, t[*oga* дополнилъ **я**; но слѣды буквы послѣ sumpta скорѣе походятъ на i (I), чѣмъ на t (T) **70—71** можетъ быть, надо дополнить: *invo*]catione или *finita priore pre*]catione ita pr[*ecatus est denuo:* **71—72** *imperi*]um дополнилъ **я** **73** **я** дополнилъ: hos[*tiam* **74** bo[*vis* дополнилъ **я** **74—75** *hos*]tiam дополнилъ **я** **75** tiam iussit qu[17 *p*]ro sal[*ute* 135 **M³**, tiam iussit qu[17 135 **H³**, TIAM ·IVSSIT QV IV (IV не совсѣмъ ясно) **камень** и **H¹** **76** *toga indutus* дополнилъ **я** **77** *tib*]i libi[*s immolandis* дополнилъ **я** **78** haruspicatione **H²**, невѣрно i/i[**M³**, ili[**H²**, I//L **камень** и **H¹**; можетъ быть, надо дополнить: i[*np*]l[*eta* **79** *cult*]ro дополнилъ **я** **80** *cor*]onis дополнилъ **я** **81** *aquam* 30 *adlatam da*]pibus дополнилъ **я**, 30]pibus **M³** и **H²**, ?IBVS **камень** и **H¹** adspersit **H²** inc[*hoata immolatione* дополнилъ **я** **82** *aquam pete*]re дополнилъ **я** **83**]u **M³**,]tu **H²**, на **камнѣ** стоитъ: III ////|||/TV **84** pr[*ecatus est*? **M³** и **H²**, на **камнѣ** стоитъ: PRI **85** Ibi[*m* **M³**, I(*uppiter*) o(*ptime*) m(*axime*) **H²**, IOM **камень** и **H¹** послѣ **85** строки **M³** предполагаетъ промежутокъ въ одну пустую строку, **86**-ую, а слѣдующія затѣмъ строки, обозначенныя у **H²** и у меня нумерами **86**, **87**, **88**, **89** и **90**, онъ обозначаетъ нумерами **87**, **88**, **89**, **90** и **91**

88 quu[157
89 vo[156
90 f[159

Фрагментъ IV = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3256—3257 n. 32329 (= Ephem. epigr. VIII, p. 287—288, fr. IV; p. 288, fr. V) [= Monum. antichi I, tav. F, fr. IX; tav. H, fr. H; tav. F, fr. X]:

1 125]d q[55
2 120]a in ara [52
3 10] aqua sparsa[90]non erat, adscenderu[*nt* 50
4 6]d sellisternia sua o[80] praetextis sumptis et coronis [50
5 *praeeun*]te Antonino Aug. filio [15 *dei*]sque rem divinam fece-[*ru*]nt ad [7 27] br(?) exta adsistentibus G[*eta Caes.*] et pr. pr. et ceteris v. [50
6 13 *manu lae*]va cultrum op[6 *p*]otorium et pateram cum vino retinente praecatione ! ! ! ! ! ! ! ! ! immol[*avit I*]unoni reginae vaccam alb. Graeco Achivo rit[*u* 60
7 35]uti tibi bove femina pulchra sacrum fiat, te quaeso precor[*que*] uti[95
8 *postquam*] Iovi o. m. inter l[*ucos sac*]rificaverunt cum Auggg. Fabius Magnus, Aiacius Modestus, ib[*i religio*]nis causa epul[*ati sunt* 40 *Inde cum*]
9 *XV*] viris ante cellam Iunon[*is regin*]ae venerunt ibique Severus Aug. Iuliae Aug. matri castror. con[*iugi Aug. et*] matronis CX [40 *adstantibus Numisia*]
10 Maximilla et Terentia F[*la*]vola [*v*]irg. Vest. praeit in haec verba: Iuno regina, ast quid est [*quod melius*] siet p. R. [Q., *permitte, uti oremus te matres familiae CX* 30 *p. R.*] Q.nupt[*ae obse-*]
11 sic! cremusquae, uti tu im[*peri*]um maiestatem[*que p. R. Q. du*]elli domique auxis utique semper Latinu[*m nomen tueare* 55 *faveasque*] p. R. Q. legionibu[*sque*]

---

88 (=**89** **M³**) qua[**M³** и **H²**, но на **камнѣ** стоитъ: QV), что, можетъ быть, надо дополнить въ *ae*]quu[*m* **90** (=**91** **M³**) F/ **камень** и **H¹**, f] **H²**, t] **M³**

1]dq[**H²**,]d q[**M³** **3** adscenderunt [50 **M³** **4** въ началѣ: **H²** опускаетъ d передъ sellisternia; на **камнѣ** стоитъ), т. е. или D или O **5** *dei*]sque дополнилъ **я** **6** *manu lae*]va дополнилъ **я**, \FVA **камень**, \IVA **H¹**,]iva **M³** и **H²** далѣе надо дополнить, можетъ быть: cultrum, op[*ertum* 6 *p*]otorium **7** въ началѣ *u*]ti **M³** и **H²**, на **камнѣ**: VTI **8** въ концѣ: *Inde* дополнилъ **я**

12 p. R. Q. remque publicam p. R. Q. salvam serve[*s* 11] faxis sisque volens propitia p. [*R. Q., XV viris s. f., nobis, domibus, familiis* 60 *Haec matres familiae CX*] p. R. Q. nuptae genib[*us nixae*]

13 precamur o[*r*]amus obsecramusque. [12 *Adfuerunt m*]atronae Fl. Pollitta Manili [65] Atili Severi, Rufria [. . . . . *Cal-*]

14 pu<*r*>ni[. . . .]mi, Statilia M[5]apu[14]nia Laeta Enni Marciani, [60 *C*]aecili Aristonis, Ve[8

15 d[8]ia Pia Tibe[20 *A*]viti, Lu[5]elia [65 *P*]onti Paulini, Magia [8

16 9 *Ma*]urici, Fufid[*ia* 100 *D*]emetri, Crepere[*ia* 12

17 125] Pontia Paulina [12

18 125]nis Cl. Eudaem[*onis* 12

19 125]ia Atti Rufin[*i*, 12

20 125] Festi, Postumia[12

21 125]a Calpurni Front[1]n [10

22 125]ensia Polla Ci[12

23]illa Valeri C[3]ci[ ]Calpur[15

24]ucui//i, Iulia Taria Strat[

25]nia Iu/////ana Ulpi Pompeian[*i*], Domitia Flaccilla[

26]i, Ta///a Cornelia Asiana Nummi Faustiniani, C[*l.*] Dryantilla Plato[*nis*

---

12 въ концѣ: p. R. nuptae **M**[3] и **H**[2], /P· R· Q· NVPTAE **камень** и **H**[1] **13** *Adfuerunt* дополнилъ *я* **14** въ началѣ: purn[*i* **M**[3] и **H**[2], PVRNI/ **H**[1], PVPNI/ **камень** (по ошибкѣ каменотеса) aru **M**[3], a Pu **H**[2], APV **камень** и **H**[1] Marcian[*i* **M**[3] и **H**[2] **15** tu[3]ia **M**[3] и **H**[2], D/ |IA **камень** и **H**[1] Tib. P[20 *A*]viti **M**[3] Lu[5]clia **M**[3] Maci[8 **M**[3] **18** 125] nis, Cl. Eudaem[12 **M**[3] и **H**[2] **21** Front[12 **M**[3] и **H**[2], FRONT/N/ **камень** и **H**[1] **23**]illa Valeri C // ci **M**[3]; эти имена пропущены у **H**[2], между тѣмъ какъ у **H**[1] стоитъ ILLA· VALERI C CI въ концѣ строки:]a Ca[3]iu[15 **M**[3] и **H**[2], ·CALPVR (весьма неясно) на **камнѣ** и **H**[1] **H**(uelsen) узналъ, что строки **23—34** этой надписи, напечатанныя у **M**[3] въ видѣ послѣдней строки фрагмента IV и первой строки другого отдѣльнаго фрагмента V(— причемъ **1** строка послѣдняго у **M**[3] содержитъ только имена]illa Valeri C//ci, а **23** строка предыдущаго фрагмента (IV) представляетъ буквы]a Ca[3]iu 15, вмѣсто дѣйствительно читаемыхъ на **камнѣ** буквъ CALPVR—), составляютъ одно цѣлое съ предыдущими строками, и что имена illa Valeri C//ci должны быть соединены въ одну и ту же строку съ [ ]Calpur[15 и такимъ образомъ вмѣстѣ составлять **23**-ю строку соединеннаго цѣлаго **24** можетъ быть, надо дополнить *L*]ucu[*ll*]i **25** (=**V**, **3** у **M**[3])]nia /////ana **M**[3] и **H**[2], /NIA · IV/////ANA **камень** и **H**[1] **26** (=**V**, **4** у **M**[3]) Plato[*ri* **M**[3] и **H**[2], Plato[*nis* пишу *я*, согласно указаніямъ, которыя, на основаніи одной ликійской надписи изъ Oenoanda, изданной Heberdey и Kalinka (въ Denkschr. d. kais. Akad. d. Wiss. zu Wien, Phil.-hist. Classe XLV 1897, p. 41 sqq.), сдѣлали, съ одной стороны, Groag (въ Jahreshefte d. oesterr. Archäol. Inst. in Wien. Bd. II, 1899, p. 208) и Dessau (въ Zeitschr. für

27] Virbiana Flavi Drusiani, Caesennia Tusidiana Livi Rogati, Claudia V[*i*

28] Campani trib., Octavia Athenais Flavi Clementis trib., Semproni[*a*

29]ini primipil., Aelia Gemellina Armeni Iuliani, Antonia Tironilla Iuli Max[*im*

30 *sellistern*]ia eodem more per easdem matronas habita.
Item XV viri s. f. [

31]rnus pr., Aiacius Modestus, Ofilius Macedo, Nonius Arriu[*s*] Mucianus [

32 *Sae*]vinius Proculus, Fulvius Granianus q. Augg., Gargili[*us*] Antiqu[*us*

33]is interfuerunt. o[ ]c

34 . . aiani

Фрагментъ V = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3258 sq. n. 32330 (= Ephem. epigr. VIII, p. 288 sq., fr. VI) [= Monum. ant. I, tav. C, fr. III (первая часть)]:

1]quod cu[*m* . .] hoc et [

Numismatik, vol. XXII, Berlin 1899, p. 203), съ другой. Послѣдній доказалъ, что Platonis не есть тутъ имя (въ родительномъ падежѣ) мужа Клавдіи Дріантиллы, а составляетъ ея собственное прозвище, такъ какъ въ упомянутой ликійской надписи она называется Κλαυδία Δρυάντιλλα Πλατωνὶς ὁπατική. Изъ этого обозначенія ея какъ ὁπατική слѣдуетъ вывести слѣдующее важное заключеніе (котораго самъ Dessau страннымъ образомъ не сдѣлалъ): или утвержденіе Mommsen'a (Ephem. epigr. VIII, p. 300), будто бы мужья 110 матронъ, участвовавшихъ въ священныхъ обрядахъ секулярныхъ игръ Септимія Севера, принадлежали къ низшимъ сословіямъ и уже много, если къ рыцарскому, должно считаться ошибочнымъ, или же, что менѣе вѣроятно, Claudia Dryantilla Platonis сдѣлалась „ὁπατική" только послѣ отпразднованныхъ въ 204 г. по P. X. секулярныхъ игръ и благодаря вторичному браку **27** (=**V**, **5** у **M**[3]) Claudia Vi[**M**[3] и **H**[2], CLAVDIA V **камень** и **H**[1] **29** Iulia **H**[2]; но на **камнѣ** (ср. и **H**[1]) стоитъ ясно: IVLI· **30** viri s.[*f.* **M**[3] и [*viri s. f.* **H**[2], по ошибкѣ **31**]onus pr., **M**[3] **32** Gargil[*ius*] **M**[3] и **H**[2], невѣрно Antiq[*uus*] **M**[3] и **H**[2]; первое u послѣ q не совсѣмъ ясно на камнѣ **33** *sacrificio Terrae matri oblato publi*]co **M**[3], *sacrificio Terrae matri oblato . . .*]is **H**[2]; *я* предлагаю дополнить: *sacro facto a matron*]is въ концѣ: No[ ]c **M**[3] **34**]cinni[**M**[3] Изъ двухъ неузнаваемыхъ нынѣ очертаній, которыя предшествуютъ буквамъ AIANI и обозначены выше въ текстѣ двумя точками, первое, кажется, означало или T или F, такъ что все слово, можетъ быть, нужно дополнить: [*Tr*]aiani

---

1]quod cu//m hoc et[**M**[2],]quod cum . . . hoc et[**H**[2], \QVOD CV LHOC ET **камень** и **H**[1]

2]ulisset ad [..]i prae au[
3 *M*]artias edi[*ct*]um proposi[*tum est in haec verba:* 60
4 *Imp. Caes. divi Marci Antonini Pii Germanici Sarmatici f., divi Commodi frater, divi Antonini*] Pii nep., divi [*Hadr*]iani pron[*ep., divi Traiani Parthici abn., divi Nervae adn. L. Septimius Severus Pius Pertinax*
5 *Aug. Arab. Adiab. Parthicus max. et imp. Caes. M.*] Aurellius An[*toninu*]s Pius Au[*g. ..... imp. Caes. L. Septimi Severi Pii Pertinacis Aug.*
6 *Arabic. Adiab. Parth. maximi f., divi Marci Antonini Pii Germanici Sarmatici nep., divi Anto*]nini Pii pronep., [*divi Hadr*]iani a[*bnepotes, divi Traiani Parthici et divi Nervae adnepotes cum ceteris XV viris s. f. dicunt*
7 60 *principu*]m providentia [10]cta [65
8 60]rum ea quae it[30] . . . [65
9 60]a sit ut in [80
10 60]o primum [80
11 60] [80
12 60] deum [80
13 60] mura [80
14 65]n [80

Фрагментъ VI = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3258 sq. n. 32331 (= Ephem. epigr. VIII, p. 289, fr. VII [= Monum. ant. I, tav. G, fr. XI]):

1]lim[
2]a sua sicut[
3]s Maximus, I[
4]//anus, Umbilius [
5]vianius Baebius M[

---

2 ad//iprae **M**³ и **H**², AD\ /I · PRAE **камень** и **H**¹ **3** *verba* 35] vac. 6 l. [25 **M**³ **4** [*Had*]riani **M**³ и **H**², \IANI **камень** и **H**¹ **5** точки послѣ Au[*g*, указывающія на пробѣлъ съ именемъ Геты), прибавилъ **Я** **7** 60 *principu*]m дополнилъ **Я** **8** въ концѣ строки, обозначенной выше въ текстѣ тремя точками, на **камнѣ** (ср. и **H**¹) видны слѣдующія неясныя очертанія: II\ **9** ASIT · VTIN **камень** и **H**¹

---

1 ᵐᵐ m[**M**³, . . . m **H**², ᵐᵐ M **H**¹, LIM нынѣ на **камнѣ** **2**]a sua **M**³ и **H**², M SVA **H**¹, |⩒A SVA нынѣ на **камнѣ** **3**]s Maximus, '/[**M**³,]s Maximus, [**H**², |S MAXIMVS I/ **камень** и **H**¹ **5**]ulanius Baebius M[**M**³

6]lia Crispina Arri Ant[
7] Maxima Iuniana Flavia[
8] Nepotiana, Domitia Diotim[
9]erunt in theatro ligneo lud[
10]i Augg. nn. et Getae [.]bus suis . .

Фрагментъ VII = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3258 sq. n. 32332 (= Ephem. epigr. VIII, p. 290 sq., fr. VIII A [= Monum. ant. I, tav. G, fr. XII]):

1 22 *cur.*] alv. Tiber., Saevin[*ius Proc*]ulus, Fulvius Fusc[*us Grani*]anus q. Aug[*g.*
2 22 *Ulpius Sote*]r cos. desig.; in odeo P[*ompeius*] Rusonianus magist[*er, Vetin*]a Mamertin[*us*
3 20 *Cassius Piu*]s Marcellinus q. d[*esignatu*]s, Crescens Calpur[*nianus;*] in theatro[6
4 20 *rnu*]s pr., Aiacius Modest[*us, Ofilius*] Macedo, Nonius Arri[*us Mucia*]nus. [
5 *edictum pr*]opositum est in ha[*ec verba:*] Imp. Caes. di[*vi Marci Antoni*]ni Pii Ge[*rm. Sarm.*
6 *filius, divi Commodi frate*]r, divi Antonini Pi[*i nep., di*]vi Hadriani pronep[*os, divi Traia*]ni Parthi[*ci*
7 *abnepos, divi Nervae adnep*]os L. Septimius [*Severus Pi*]us Pertinax Aug. [*Arab. Adia*]b. Parth. m[*ax.*
8 *pont. maximus, trib. potesta*]t. XII, imp. XI, cos II[*I, p. p. et im*[p. Caes. M. Aurelli[*us Antoni*]nus Pius Au[*g.*
9 *trib. pot. VII, cos. .... imp. Ca*]es. L. [*Septimii Severi*] Pii Pertinacis Au[*g. Arabici A*]diab. Part. sic! m[*ax. f.,*
10 *divi M. Antonini Pii Germ. Sarm. n*]epot., divi Antonini Pii pr[*onep., d*]ivi Hadriani a[*bnepot., div*]i Traiani

---

6 въ концѣ: ANi **камень** (послѣдняя буква можетъ быть или T или I **7** Flavn[**M**³ **10**]u Augg. **M**³, M AVGG · **H**¹,]i Augg. **H**², II AVGG нынѣ на **камнѣ** nbus suis n **M**³, nBVS · SVIS I₁ **H**¹, .]bus suis . . . **H**², bVS SvIS II нынѣ на **камнѣ**

---

1 Tiberis **H**², TIBER· **камень** и **H**¹ **2** [*Pompeius*] **M**³ **3**]n theatro[6 **M**³ и **H**², |N IN THEATRO ı| **H**¹, IN THEATRO' нынѣ на **камнѣ** **4** въ началѣ: 20 *onu*]s pr. **M**³; но сравни фрагментъ IV = C. I. L. VI, ', 2, n. 32329, v. 31 въ началѣ, гдѣ тоже упоминается нѣкій]rnus pr. **5** Указаніе, что передъ словами Imp. Caes. на камнѣ оставлено свободное мѣсто для 6 буквъ, пропущено у **H**² **9** *trib. pot. VII, cos.*!!!! *imp. Caes.* 25 *L. Septimii Severi*] **M**³ Parth.[**M**², Part.[**H**², PART· M **камень** и **H**¹

11 [*Parthici et divi Nervae adn. c*]um ceteris XV vir. s. f. dic. Cum
[5] Iun. proximas [9 *p*]orcum m[*actaturi simus*
12 30] die ne quis dissignator eu[*m* 3 *pe*]r ea loca duxi[*sse velit*
pr]oponi v[*olumus*
13 30]idem theatris ludi honor[*arii pr*]aeside [*Geta* 9 *fient*] sicut
supr[*a*
14 36] ! ! ! ! ! ! ! cum pr. pr. [6] XV vir [*s. f.* 9]e e Palatio[
15 40 *p*]ulvinar prae[6*side*] ! ! ! ! ! [9 *as*]sistente imp[*eratore*
16 40] ver/ f[10]a pa[9]ra pulvinari[
17]is [12]icu [Iunoni] Reginae vac[cam
18]m porcum[
19 *im*]molavit im[*p.*
20 *aeb*]orneos r[
21]fex[
22]esa[
23] puer[
24]idem [
25]mfius [
26 *si*]cuti ti[
27] Fuscu[*s*
28]men [
29]isi [
30] t [

Фрагментъ VIII = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3260 n. 32333 (= Ephem. epigr. VIII, p. 291, fr. VIII B [= Monum. ant. I, tav. H, fr. C].

1]lian[
2 *Ma*]rcelli[*nus*

---

11 *p*]orcum n **H²**, ORCVM M **камень** и **H¹** m[*aciaturi simus* дополнилъ *я* **12** eu[*m* 4]s ea **M³**, eu[*m* 4]r ea **H²** v[*olumus* дополнилъ *я* **13** въ началѣ: 30]ᴰem **M³** honor[*ari* **M³** и **H²**, HONO **камень** и **H¹** [*Geta* 9 *fient*] дополнилъ *я* **14** XV vir[9] **M³** и **H²** **15** prae[*side*, далѣе *as*]sistente и наконецъ imp[*eratore* дополнилъ *я* **16** въ началѣ: 40]ver f[**H²**, VERL· F **H¹**, *I*ERI/// F нынѣ на **камнѣ** (четвертая буква скорѣе B чѣмъ L) **17** *po*]rc[*um, Iunoni*] **M³** **19** *im*]molavit дополнилъ *я* въ концѣ строки: im[**M³** **21**]fes[**M³**; можетъ быть, надо дополнить: *arti*]fex[**22**]i sa[**M³**,]e sa[**H²**; можетъ быть, надо дополнить: *Ca*]esa[*r* **23**]puel[**M³** **30**] · [**M³**

1]ian[**M³**

3 Vetina Mam[*ertinus*
4 s[6]es aebornei[*s*
5 q[6]circum vener[
6 so[*lidas ex*]uvias in pulvinari la///i///
7]d . . . . cus mediis pulvin[

Фрагментъ IX = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3260 n. 32334 (= Ephem. epigr. VIII, p. 291, fr. IX [= Monum. ant. I, tav. H, fr. A, B]:

1]slpi[
2]emi[35 *S*]atyrus, Do[
3]s Regu[*lus* 30] Marcius Vic[*tor*
4] Virius [25] Musiarcus, Iunius Vir[
5] Rosc[*ius* 20] Cornelianus, Clodius Mar[
6]rus, Numit[*or* 12]ius Aper, Ocratius Titianus, [
7]us, Bassaeus[10]anus, Alfius Maximus, Sue[
8]s Silianus, Cu[8]atianus, Flav[ ]ce[
9] Placidu[*s*, 8 *Ma*]rcellinus, M[
10]ominu[16 *Ne*]ratius Priscu[*s*
11]i Ba[12]ius, Vettiu[*s*
12] Licini[15]eq. R. fil., C.[

Фрагментъ X = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3260 n. 32335 (= Ephem. epigr. VIII, p. 292) [= Monum. ant. I, tav. H, fr. I, L, M 3—4]

a(=1) [=I]	b(=2) [=L]	c(=4) [=M 3]
IO1	ↄ	RI
OREM	LVM	\ · /

---

3 Vetina Mamer[*tinus* **M³** и **H²** **6** so[*lidas* дополнилъ *я*

1]us i[**M³**,]s lpi[**H²**, SLPI **камень** и **H¹**; вѣроятно, надо читать:]s, L. Pi[**2** *S*]atyrus дополнилъ *я*,]ityrus **M³** **3** Regu[*lus* и Vic[*tor* дополнилъ *я* **4** musiarcus **H²** Vir[пропустилъ **M³** **5** Rosc[*ius* дополнилъ *я* *C*]orneliauus **M³** Marc[**M³** **6** Numit[*or* дополнилъ *я*]nus Aper **M³** **7** Bassaeu[*s* **M³** и **H²** **9**]Placidus, [**M³** и **H²** **10**]omin[**M³** **11** IVS VETTIV **камень** и **H¹**, 12]us, Vettiu[*s* **M³** и **H²** **12** *e*]q. **M³**

11 [*Parıhici et divi Nervae adn.* c]um ceteris XV vir. s. f. dic. Cum
[5] Iun. proximas [9 *p*]orcum m[*actaturi simus*
12 30] die ne quis dissignator eu[*m* 3 *pe*]r ea loca duxi[*sse velit*
pr]oponi v[*olumus*
13 30]idem theatris ludi honor[*arii pr*]aeside [*Geta* 9 *fient*] sicut
supr[*a*
14 36] ! ! ! ! ! ! ! cum pr. pr. [6] XV vir [*s. f.* 9]e e Palatio[
15 40 *p*]ulvinar prae[*side*] ! ! ! ! ! [9 *as*]sistente imp[*eratore*
16 40] ver/ f[10]a pa[9]ra pulvinari[
17]is [12]icu [Iunoni] Reginae vac[cam
18]m porcum[
19 *im*]molavit im[*p.*
20 *aeb*]orneos r[
21]fex[
22]esa[
23] puer[
24]idem [
25]mfius [
26 *si*]cuti ti[
27] Fuscu[*s*
28]men [
29]isi [
30] t [

Фрагментъ VIII = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3260 n. 32333 (= Ephem. epigr. VIII, p. 291, fr. VIII B [= Monum. ant. I, tav. H, fr. C].

1]lian[
2 *Ma*]rcelli[*nus*

---

11 *p*]orcum n **H²**, ORCVM M **камень** и **H¹** m[*actaturi simus* дополнилъ **я** **12** eu[*m* 4]s ea **M³**, eu[*m* 4]r ea **H²** v[*olumus* дополнилъ **я** **13** въ началѣ: 30]ⁿem **M³** honor[*ari* **M³** и **H²**, HONO **камень** и **H¹** [*Geta fient*] дополнилъ **я** **14** XV vir[9] **M³** и **H²** **15** prae[*side*, далѣе *as*]sistente и наконецъ imp[*eratore* дополнилъ **я** **16** въ началѣ: 40]ver f[**H²**, VERL · F **H¹**, *I*ERI/// F нынѣ на **камнѣ** (четвертая буква скорѣе B чѣмъ L) **17** *po*]rc[*um, Iunoni*] **M³** **19** *im*]molavit дополнилъ **я** въ концѣ строки: im[**M³** **21**]fes[**M³**; можетъ быть, надо дополнить: *arti*]fex[**22**]i sa[**M³**,]e sa[**H²**; можетъ быть, надо дополнить: *Ca*]esa[*r* **23**]puel[**M³** **30**] · [**M³**

1]lian[**M³**

3 Vetina Mam[*ertinus*
4 s[6]es aebornei[*s*
5 q[6]circum vener[
6 so[*lidas ex*]uvias in pulvinari la///i///
7]d . . . . cus mediis pulvin[

Фрагментъ IX = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3260 n. 32334 (= Ephem. epigr. VIII, p. 291, fr. IX [= Monum. ant. I, tav. H, fr. A, B]:

1]slpi[
2]emi[35 *S*]atyrus, Do[
3]s Regu[*lus* 30] Marcius Vic[*tor*
4] Virius [25] Musiarcus, Iunius Vir[
5] Rosc[*ius* 20] Cornelianus, Clodius Mar[
6]rus, Numit[*or* 12]ius Aper, Ocratius Titianus, [
7]us, Bassaeus[10]anus, Alfius Maximus, Sue[
8]s Silianus, Cu[8]atianus, Flav[ ]ce[
9] Placidu[*s*, 8 *Ma*]rcellinus, M[
10]ominu[16 *Ne*]ratius Priscu[*s*
11]i Ba[12]ius, Vettiu[*s*
12] Licini[15]eq. R. fil., C.[

Фрагментъ X = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3260 n. 32335 (= Ephem. epigr. VIII, p. 292) [= Monum. ant. I, tav. H, fr. I, L, M 3—4]

a(=1) [=I]	b(=2) [=L]	c(=4) [=M 3]
IO1	ↄ	RI
OREM	LVM	\·/

---

3 Vetina Mamer[*tinus* **M³** и **H²** **6** so[*lidas* дополнилъ **я**

1]us i[**M³**,]s lpi[**H²**, SLPI **камень** и **H¹**; вѣроятно, надо читать:]s, L. Pi[**2** *S*]atyrus дополнилъ **я**,]ityrus **M³** **3** Regu[*lus* и Vic[*tor* дополнилъ **я** **4** musiarcus **H²** Vir[пропустилъ **M³** **5** Rosc[*ius* дополнилъ **я** *C*]ornelianus **M³** Marc[**M³** **6** Numit[*or* дополнилъ **я**]nus Aper **M³** **7** Bassaeu[*s* **M³** и **H²** **9**]Placidus, [**M³** и **H²** **10**]omin[**M³** **11** IVS VETTIV **камень** и **H¹**, 12]us, Vettiu[*s* **M³** и **H²** **12** *e*]q. **M³**

a(=1)	b(=2)	d(=5) [=M 4]
IF II	IS CONO	
	ICIBVS C	L
	POST	ES

e(=7)	f(=8)
\VM	NE

Фрагментъ XI = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3260 n. 32336 (= Ephem. epigr. VIII, p. 302):

te bonas PRECES· POSCO · VTI · S*ies volens propitius*
IMO · I[SQVE · QVI
PRECARI · VO

Фрагментъ XII = C. I. L. VI, 4, 2, p. 3260 n. 32337 (= Ephem. epigr. VIII, p. 292 n. 6) [= Monum. ant. I, tav. H, fr. N]:

ANDO

PE
DIVI!
NC////
5 *I*RI

Λ
/

---

a, 3: вмѣсто II II у **M**[3] стоитъ: II **b, 3**: is cons **M**[3] **b, 5**: oct[s] **M**[3] **c, 3**: у **M**[3] опущено

Фрагментъ **XI, 2**: тутъ предшествовали, можетъ быть, титулы императоровъ, и потому можно дополнить: *Parthico max*]imo

---

Фрагментъ **XII, 3**:]diipi **M**[3] **4**]nc/t **M**[3] **5**]uro **M**[3] Очертанія Λ на предпослѣдней и / на послѣдней строкѣ совсѣмъ опущены у **M**[3]

ДРЕВНЕРИМСКІЯ МОНЕТЫ,

относящіяся къ секулярнымъ играмъ, отпразднованнымъ въ императорскую эпоху [1]).

I

Монеты, относящіяся къ секулярнымъ играмъ Августа, отпразднованнымъ въ 737/17 г.

1. Одна золотая, другая—серебряная монета, отчеканенныя въ 738/16 г. и относящіяся къ возвѣщенію секулярныхъ игръ Августа черезъ герольдовъ. См. таблицу VI, n. 2. [2]).

a) На лицевой сторонѣ находится голова молодого обоготвореннаго Юлія Цезаря, обращенная направо, въ лавровомъ вѣнкѣ,

---

[1]) Для составленія нижеслѣдующаго описанія секулярныхъ монетъ я пользовался превосходными гипсовыми слѣпками, сдѣланными съ тѣхъ экземпляровъ этихъ монетъ, которые имѣются въ берлинскомъ и лондонскомъ нумизматическихъ кабинетахъ. При этомъ я тщательно провѣрилъ прежнія описанія относящихся къ секулярнымъ играмъ нумизматическихъ памятниковъ, которыя находятся какъ въ общихъ нумизматическихъ руководствахъ Eckhel'я (Doctrina nummorum veterum. Vol. I—VIII, Vindob. 1792—98), Froehner'a (Les médaillons de l'empire romain depuis le règne d'Auguste jusqu'à Priscus Attale. Paris 1878), Babelon'a (Description historique et chronologique des monnaies de la république romaine. Vol. I—II, Paris 1885—86) и, въ особенности, Cohen'a (Description historique des monnaies, frappées sous l'empire romain, communément appelées médailles impériales. 2-e édition. Vol. I—VII, Paris 1880—86), такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ различныхъ ученыхъ, какъ, напр., особенно въ статьѣ Dressel'я Nummi Augusti et Domitiani ad ludos saeculares pertinentes, напечатанной въ Ephemeris epigraphica, vol. VIII (Berol. 1892), p. 310—315, а также въ нѣкоторыхъ другихъ, еще болѣе спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, указанныхъ мною ниже при описаніи отдѣльныхъ монетъ.

Чтобы дать возможно лучшую иллюстрацію моего описанія секулярныхъ монетъ и тѣмъ облегчить читателю трудъ изученія ихъ, я помѣстилъ въ концѣ моей книги, на таблицахъ VI—XII, по возможности бо́льшее количество фототипическихъ воспроизведеній важнѣйшихъ, интереснѣйшихъ и рѣдчайшихъ изъ этихъ монетъ.

[2]) Ср. Cohen, l. c., I[2], p. 8 n. 5 и 6, а также Dressel, l. c., p. 314 n. 11.

съ кометою надъ нею. Справа внизъ налѣво вверхъ идетъ кругомъ надпись: M·SANQVI|NIVS·III·VIR.

б) На задней сторонѣ изображенъ стоящій мущина; онъ обращенъ налѣво и одѣтъ въ подобранное верхнее платье, похожее на греческое διπλοΐδιον, какъ полагаетъ Dressel (а не на тогу, какъ думалъ Eckhel, или на столу, какъ полагалъ Cohen); на головѣ его—шлемъ (galea), украшенный двумя длинными перьями (а не крыльями, какъ думалъ Eckhel); въ лѣвой рукѣ онъ держитъ передъ своей грудью небольшой круглый щитъ (clipeus), украшенный звѣздою, похожей на розетку, а въ правой, протянутой рукѣ—жезлъ (caduceus) съ крыльями. Слѣва внизъ направо вверхъ идетъ кругомъ надпись: AVGVST(us) DI|VI F(ilius) LVDOS SAE(culares) [1]) (sc. fecit).

Въ этомъ мущинѣ мы должны усматривать, согласно предположенію Eckhel'я, герольда (praeco), обязанность котораго при секулярныхъ играхъ (ср. наше изслѣдованіе, главу VII) состояла въ приглашеніи народа къ празднеству. (Это – не жрецъ салій, какъ полагалъ, въ особенности, Cohen, или—жрецъ феціалъ, или даже —богиня Минерва, какъ думали другіе; ср. Eckhel V, p. 300 и VI, p. 385).

2. Золотая монета, отчеканенная въ 738/16 г. и относящаяся къ происходившей передъ секулярными играми раздачѣ народу квиндецимвирами средствъ для очищенія. См. таблицу VI, n. 3. [2]).

а) На лицевой сторонѣ находится голова императора Августа, обращенная направо и украшенная лавровымъ вѣнкомъ. Справа внизъ налѣво вверхъ идетъ кругомъ надпись: IMP(erator) CAESAR|TR(ibunicia) POT(estate) IIX.

б) На оборотѣ изображенъ съ правой стороны квиндецимвиръ (Августъ?), одѣтый въ тогу и сидящій на трибуналѣ, передъ которымъ на землѣ стоитъ корзина; обращенный налѣво и нѣсколько наклоняясь впередъ, онъ правой рукою подаетъ что-то (средства для очищенія) въ протянутую правую руку одного изъ стоящихъ передъ нимъ за корзиною двухъ мущинъ, одѣтыхъ въ тогу. На верхнемъ краю монеты помѣщена слѣва направо надпись: L·ME|SCI|NIVS·; на подножіи трибунала написано: LVD(is)|S(aecularibus), а подъ нимъ: AVG(ustus) SVF(imenta) P(opulo) (sc. dedit).

3. Серебряная монета, относящаяся къ жертвоприношеніямъ, устраивавшимся при секулярныхъ играхъ. Ср. таблицу VI, n. 4. [3]).

[1]) не SAEC(ulares), какъ ошибочно утверждаютъ Cohen и Dressel.
[2]) Ср. Cohen I², p. 130 n. 466 и Dressel, l. c., p. 311 n. 1.
[3]) Ср. Cohen I², p. 89 n. 188 и Dressel, l. c., p. 315 n. 13.

а) На лицевой сторонѣ изображена голова Августа, обращенная направо. Слѣва внизъ направо вверхъ идетъ кругомъ надпись: CAESAR|AVGVSTVS.

б) На оборотѣ изображенъ въ серединѣ четырехугольный алтарь, передъ которымъ съ двухъ сторонъ стоитъ по одной фигурѣ: съ лѣвой—фигура одѣтаго въ тогу мущины (вѣроятно, императора), съ покрытой головой, возлагающаго правой рукою на алтарь, повидимому, жертву, а съ правой—фигура одѣтаго въ подобранное длинное платье и, можетъ быть, также въ шлемъ мущины, вѣроятно, герольда (praeco); послѣдній въ лѣвой рукѣ держитъ небольшой продолговатокруглый щитъ, похожій на ancile, а въ правой—поднятый надъ алтаремъ жезлъ (caduceus). На верхнемъ краю монеты между головами обѣихъ фигуръ написано: IMP(erator), а на передней сторонѣ алтаря: LVDI|SAECVL(ares). Край монеты украшенъ вѣнкомъ.

4. Незначительную варіацію предыдущей серебряной монеты представляетъ собою золотая монета (изъ бывшей коллекціи Riccio) [1]), на обѣихъ сторонахъ которой, по описанію Cohen'а, помѣщены тѣ же изображенія и надписи, какъ и на предыдущей, съ тою лишь разницею, что здѣсь на алтарѣ написано не LVDI|SAECVL(ares), а LVDOS|SAEC(ulares) (sc. fecit) [2]).

5. Серебряная монета, отчеканенная въ 738/16 г. и относящаяся къ сооруженію въ память секулярныхъ игръ Августа столба на Марсовомъ полѣ. См. таблицу VI, n. 1. [3]).

а) На лицевой сторонѣ изображена голова Августа, обращенная направо, въ лавровомъ вѣнкѣ. Съ середины лѣваго края внизъ направо вверхъ и опять налѣво идетъ кругомъ надпись: CAESAR|AVGVSTVS·TR(ibunicia)|POT(estate).

б) На оборотѣ изображенъ четырехугольный столбъ (cippus), на передней сторонѣ котораго помѣщена надпись: IMP(erator)|CAE-S(ar)|AVG(ustus)|LVD(os)|SAEC(ulares) (sc. fecit); по обѣимъ сторонамъ столба написано: XV (sc. vir)|S(acris) F(aciundis), а кругомъ на краю монеты слѣва вверхъ направо внизъ идетъ надпись: L·MESCINIVS|RVFVS·III·VIR.

[1]) Ср. Cohen I², p. 79 sq. n. 112 (и Dressel, l. c., p. 315 n. 13).
[2]) Cohen, однако, ошибается, безъ сомнѣнія, въ своемъ описаніи какъ этой, такъ и предыдущей монеты, принимая стоящихъ передъ алтаремъ лицъ за жрецовъ саліевъ.
[3]) Ср. Cohen I², p. 128 sq. n. 461 и Dressel, l. c., p. 315 n. 16.

II.

Монеты, относящіяся къ секулярнымъ играмъ Домиціана, отпразднованнымъ въ 841/88 г.

1. Золотая монета, относящаяся къ возвѣщенію секулярныхъ игръ Домиціана черезъ герольдовъ. См. таблицу VI, n. 5. [1]).

а) На лицевой сторонѣ изображена голова Домиціана, обращенная направо, въ лавровомъ вѣнкѣ. Снизу налѣво вверхъ и направо внизъ идетъ кругомъ надпись: DOMITIANVS AVGVSTVS| GERMANICVS.

б) На оборотѣ изображенъ мущина (praeco), одѣтый (какъ на монетѣ Августа № 1) въ διπλοΐδιον, въ украшенномъ двумя длинными перьями шлемѣ; обращенный налѣво, онъ шагаетъ правой ногою впередъ, держа въ лѣвой рукѣ небольшой круглый щитъ, украшенный обращенной направо головою (Марса?) въ шлемѣ, а въ правой рукѣ—палку (baculum), служащую ему вмѣсто caduceus, т. е. жезла (а не факелъ, какъ ошибочно полагалъ Cohen). Слѣва вверхъ направо внизъ идетъ кругомъ надпись: CO(n)S(ul) XIIII| LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it).

2. Монета съ тѣми же изображеніями, какъ и предыдущая, но отличающаяся отъ ней во 1) тѣмъ, что она серебряная, и во 2) тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Домиціана обращена налѣво, а кругомъ снизу направо вверхъ и налѣво внизъ идетъ надпись: IMP(erator) CAES(ar) DOMITIAN(us) AVG(ustus)|GERM(anicus) P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) VIII. См. таблицу VI, n. 6. [2]).

3. Монета съ тѣми же изображеніями, какъ и предыдущія двѣ, но отличающаяся отъ монеты № 1 тѣмъ, что она серебряная (какъ и № 2) и что надпись, идущая на лицевой сторонѣ ея кругомъ слѣва вверхъ направо внизъ, гласитъ: IMP(erator) CAES(ar) DOMIT(ianus) AVG(ustus)|GERM(anicus) P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) VIII. См. таблицу VI, n. 7. [3]).

---

[1]) Ср. Cohen I², p. 476 n. 75 и Dressel, l. c., p. 314 n. 12.

[2]) Ср. Cohen I², p. 475 n. 71.

[3]) Ср. Cohen I², p. 476 n. 76 (и Dressel, l. c., p. 314 n. 12). Описанныя Cohen'омъ I², p. 476 n. 77 и 78 двѣ серебряныя монеты, которыя, по его словамъ, сходны съ раньше описаннымъ имъ n. 76 (у меня № 3) и отличаются отъ послѣдняго только тѣмъ, что „le prêtre salien (не жрецъ салій, а герольдъ) paraît plutôt marcher que danser; sur le bouclier est représenté le busque casqué de Mars à droite", не были присланы мнѣ изъ парижскаго нумизматическаго кабинета, куда я обратился съ соотвѣтственной просьбою, но, очевидно, ничѣмъ не отличаются отъ n. 76 (у меня № 3), такъ какъ данное Cohen'омъ описаніе ихъ совершенно подходитъ и къ послѣднему.

4. Большая бронзовая монета, относящаяся къ происходившей передъ секулярными играми раздачѣ народу квиндецимвирами средствъ для очищенія [1]).

а) На лицевой сторонѣ изображена голова Домиціана, обращенная направо, въ лавровомъ вѣнкѣ. Кругомъ идетъ надпись снизу налѣво вверхъ и направо внизъ: IMP(erator) CAES(ar) DOMIT(ianus) AVG(ustus) GERM(anicus) P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) VIII CENS(or) PER(petuus) P(ater) P(atriae).

б) На оборотѣ изображенъ съ правой стороны мущина (императоръ или квиндецимвиръ), одѣтый въ тогу и сидящій на трибуналѣ, на которомъ у его ногъ стоятъ двѣ корзины; обращенный налѣво, онъ правой рукою подаетъ что-то (средства для очищенія) въ протянутую правую руку стоящаго передъ нимъ на землѣ и одѣтаго въ тогу мущины (не женщины, что-то приносящей императору, какъ ошибочно полагалъ Cohen); передъ послѣднимъ стоитъ одѣтый въ тогу мальчикъ, съ мольбой поднимающій обѣ руки къ императору. За этими тремя фигурами виднѣется на заднемъ планѣ храмъ съ четырьмя желобчатыми колоннами коринѳскаго ордена. На подножіи трибунала написано: SVF(imenta) P(opulo) D(edit), а кругомъ всей монеты идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: CO(n)S(ul) XIIII|LVD(is) SAEC(ularibus) и внизу: S(enatus) C(onsulto).

5. Небольшую варіацію предыдущей монеты представляетъ собою другая большая бронзовая монета, на обѣихъ сторонахъ которой помѣщены тѣ же изображенія, какъ и на предыдущей, и нѣсколько различны только надписи, гласящія здѣсь на лицевой сторонѣ (снизу налѣво вверхъ и направо внизъ кругомъ): IMP(erator) CAES(ar) DOMIT(ianus) AVG(ustus) GERM(anicus) CO(n)S(ul) XIIII CENS(or) PER(petuus) P(ater) P(atriae), а на оборотѣ (слѣва вверхъ направо внизъ кругомъ): PONT(ifex) MAX(imus) TR(ibunicia) P(otestate) VIII|LVD(is) SAEC(ularibus), а внизу: S(enatus) C(onsulto) и на подножіи трибунала: S(enatui) EQ(uestri)Q(ue) O(rdini)|SVF(imenta) P(opulo) D(edit). См. таблицу VI, n. 11. [2]).

6. Большая бронзовая монета, относящаяся къ принятію квин-

---

[1]) Ср. Cohen I², p. 477 n. 81 и Dressel, l. c., p. 310 n. 2.

[2]) Эта монета не упоминается ни Cohen'омъ, ни Dressel'емъ.

децимвирами плодовъ, приносившихся имъ народомъ передъ секулярными играми. См. таблицу VII, n. 1. [1]).

а) Лицевая сторона этой монеты совершенно сходна съ лицевой стороною монеты № 4.

б) На оборотѣ изображенъ съ лѣвой стороны одѣтый въ тогу мущина (императоръ или квиндецимвиръ), который сидитъ на трибуналѣ и имѣетъ предъ собою три (на другихъ экземплярахъ—двѣ) корзины, поставленныя у его ногъ. Обращенный направо, онъ держитъ въ протянутой правой рукѣ жертвенную чашу (patera) и высыпаетъ изъ нея въ одну изъ корзинъ плоды, которые ему подноситъ двое мущинъ, одѣтыхъ въ тогу и держащихъ по одной чашѣ въ каждой рукѣ. Одинъ изъ этихъ мущинъ, стоя впереди, уже высыпалъ въ чашу императора (или квиндецимвира) содержимое той чаши своей, которую онъ держитъ въ поднятой правой рукѣ. За этими тремя фигурами виднѣется храмъ съ четырьмя (а на другихъ экземплярахъ—съ пятью) желобчатыми колоннами коринѳскаго ордена; во фронтонѣ храма помѣщенъ, какъ кажется, вѣнокъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: CO(n)S(ul) XIIII|LVD(is) SAEC(ularibus) A POP(ulo), а внизу: S(enatus) C(onsulto) и на подножіи трибунала: FRVG(es)|AC(cepit).

7. Варіацію предыдущей монеты представляетъ собою другая большая бронзовая монета, отличающаяся отъ той только тѣмъ, что здѣсь на задней сторонѣ сидящій на трибуналѣ и одѣтый въ тогу мущина (императоръ или квиндецимвиръ) не держитъ въ протянутой правой рукѣ жертвенной чаши, и стоящіе передъ нимъ на землѣ римскіе граждане (на однихъ экземплярахъ—три, а на другихъ—два) не подносятъ ему плодовъ въ чашахъ, а высыпаютъ ихъ передъ нимъ прямо на землю изъ суконки (не изъ сосуда, какъ ошибочно полагали Eckhel и Cohen). См. таблицу VII, n. 2. [2]).

8. Бронзовая монета средней величины, относящаяся къ жертвоприношенію, устраивавшемуся въ первую ночь секулярныхъ игръ. См. таблицу VII, n. 3. [3]).

а) Лицевая сторона совершенно сходна съ лицевой стороною монетъ № 4 и 6.

б) На оборотѣ изображенъ (на заднемъ планѣ) храмъ съ шестью желобчатыми колоннами коринѳскаго ордена и съ вѣнкомъ (а иногда, по мнѣнію Cohen'a и Dressel'я, съ орломъ) во фронтонѣ, а передъ нимъ украшенный гирляндою алтарь, на которомъ горитъ жертвенный огонь. Передъ алтаремъ съ правой стороны стоитъ мущина (императоръ), одѣтый въ длинное, обшитое внизу бахромою, платье съ короткими рукавами, и опустивъ лѣвую руку внизъ, въ протянутой надъ алтаремъ правой держитъ чашу (patera), принося изъ нея жертву. За алтаремъ стоятъ два музыканта, одѣтые въ тогу, изъ которыхъ одинъ, стоящій ближе къ жрецу, играетъ на лирѣ, а другой на двойной флейтѣ; рядомъ съ послѣднимъ, съ лѣвой стороны алтаря, сидитъ на корточкахъ служитель, который привелъ овцу и козу для жертвы. На краю монеты идетъ кругомъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: CO(n)S(ul) XIIII|LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it), а внизу: S(enatus) C(onsulto).

9. Бронзовая монета средней величины, относящаяся къ жертвоприношенію, устраивавшемуся въ первый день секулярныхъ игръ въ честь Юпитера. См. таблицу VII, n. 4 и 5. [1]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетахъ №№ 4, 6, 7 и 8.

б) На оборотѣ изображенъ на заднемъ планѣ храмъ съ шестью колоннами, какъ кажется, коринѳскаго ордена, а впереди—круглый алтарь, украшенный гирляндою, на которомъ горитъ жертвенный огонь. Передъ алтаремъ съ правой стороны стоитъ мущина (императоръ), одѣтый въ длинное, обшитое внизу бахромою, платье съ короткими рукавами (какъ и на предыдущей монетѣ); опустивъ лѣвую руку внизъ, онъ въ протянутой надъ алтаремъ правой держитъ жертвенную чашу. За алтаремъ стоятъ два музыканта: первый, стоящій ближе къ императору, играетъ на лирѣ, а второй на флейтѣ. Налѣво отъ нихъ и отъ алтаря изображены два служителя, изъ которыхъ одинъ, стоя сзади, закалаетъ быка сѣкирою, а другой, стоя впереди на колѣняхъ, держитъ этого быка за голову. Кругомъ помѣщена надпись, идущая слѣва вверхъ направо внизъ: CO(n)S(ul) XIIII|LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

10. Бронзовая монета средней величины, относящаяся, повидимому, къ жертвоприношенію, устраивавшемуся у Тибра во вторую ночь секулярныхъ игръ. См. таблицу VII, n. 6. [2]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетахъ №№ 4, 6, 7, 8 и 9.

---

[1]) Ср. Cohen I², p. 477 sq. n. 88 и Dressel, l. c., p. 310 sq. n. 3a.

[2]) Ср. Cohen I², p. 477 n. 82 и Dressel, l. c., p. 311 sq. n. 3b.

[3]) Ср. Cohen I², p. 478 n. 87 и Dressel, l. c., p. 311 sq. n. 4.

[1]) Ср. Cohen I², p. 478 sq. n. 89 и Dressel, l. c., p. 312 n. 5.

[2]) Ср. Cavedoni въ Ann. d. Inst. arch. 1853, p. 27 и Dressel, l. c., p. 312 n. 6 b. Cohen же не упоминаетъ объ этой монетѣ.

б) На оборотѣ виднѣется на заднемъ планѣ храмъ съ пятью колоннами коринѳскаго ордена и поставленными между ними четырьмя маленькими столбиками. Крыша храма раздѣлена на двѣ, соединенныя въ серединѣ потолочнымъ сводомъ, части, изъ которыхъ каждая имѣетъ треугольный фронтонъ, украшенный вѣнкомъ. На первомъ планѣ изображенъ обвитый гирляндою алтарь, на которомъ горитъ жертвенный огонь. Передъ алтаремъ, съ правой стороны его, стоитъ одѣтый въ тогу мущина (императоръ), который въ лѣвой рукѣ держитъ свертокъ, а въ правой, протянутой надъ алтаремъ, чашу, изъ которой онъ приноситъ жертву. За алтаремъ стоятъ два музыканта, одѣтыхъ въ тогу: первый изъ нихъ (стоящій ближе къ жертвователю) играетъ на двойной флейтѣ, а второй на лирѣ. По лѣвую же сторону алтаря изображена фигура бога Тибра [1]), не то сидящая, не то лежащая на землѣ и держащая въ лѣвой рукѣ рогъ изобилія, а въ правой, какъ кажется, камышъ. На краю монеты кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: CO(n)S(ul) XIIII|LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

11. Маленькую варіацію предыдущей монеты представляетъ собою другая бронзовая монета, отличающаяся отъ той только тѣмъ, что здѣсь на задней сторонѣ изображенъ храмъ съ раздѣленною на три части крышею и съ четырьмя колоннами коринѳскаго ордена, каждая пара которыхъ, вмѣстѣ съ поставленными между нею наверху двумя маленькими столбиками, поддерживаетъ треугольный фронтонъ, украшенный вѣнкомъ, между тѣмъ какъ третья часть крыши, находящаяся между двумя фронтонами, состоитъ изъ соединяющаго послѣдніе свода, который въ свою очередь, какъ кажется, также поддерживается въ серединѣ двумя маленькими столбиками, стоящими, какъ и столбики подъ фронтонами, на поперечной балкѣ [2]).

12. Большая бронзовая монета, относящаяся къ священному обряду, исполнявшемуся во второй день секулярныхъ игръ передъ Капитолійскимъ храмомъ въ честь Юноны. См. таблицу VIII, n. 1. [3]).

---

[1]) а не генія палатинскаго холма, какъ полагалъ Cavedoni, относя изображенія этой монеты къ жертвоприношенію, устраивавшемуся (въ третій день секулярныхъ игръ) передъ храмомъ Аполлона Палатинскаго.

[2]) Ср. Cohen I², p. 479 n. 91 и Dressel, l. c., p. 312 n. 6a.

[3]) Ср. Cohen I², p. 477 n. 80 и Dressel, l. c., p. 313 n. 8. Eckhel, l. c., VI, p. 386 ошибочно говоритъ о „трехъ фигурахъ, одѣтыхъ въ тогу", а Cohen неясно о „трехъ фигурахъ".

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетахъ №№ 4, 6, 7, 8, 9, 10 и 11.

б) На оборотѣ передъ храмомъ съ четырьмя колоннами коринѳскаго ордена и съ фронтономъ, украшеннымъ вѣнкомъ, стоитъ по лѣвую сторону одѣтый въ тогу и обращенный направо мущина (вѣроятно, императоръ). Держа въ лѣвой рукѣ свертокъ, а правую простирая впередъ по направленію къ тремъ женщинамъ (съ закутанными головами), которыя стоятъ на колѣняхъ передъ (тремя) ступенями храма и съ мольбою простираютъ свои руки, онъ, повидимому, обращаетъ къ нимъ рѣчь, читая имъ для повторенія молитву. На краю монеты идетъ кругомъ (слѣва вверхъ направо внизъ) надпись: CO(n)S(ul) XIIII|LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

13. Большая бронзовая монета, относящаяся къ жертвѣ, приносившейся матери Землѣ въ третью ночь секулярныхъ игръ. См. таблицу VIII, n. 4. [1]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетахъ №№ 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12.

б) На оборотѣ въ серединѣ изображенъ украшенный гирляндою алтарь, съ горящимъ на немъ жертвеннымъ огнемъ. Съ лѣвой стороны его стоитъ одѣтый въ тогу мущина (императоръ), который въ протянутой надъ пламенемъ правой рукѣ держитъ чашу, принося изъ нея жертву. За алтаремъ стоятъ два музыканта: одинъ изъ нихъ (находящійся ближе къ императору) играетъ на лирѣ, а другой—на двойной флейтѣ. Передъ послѣднимъ служитель, наклоняясь, приводитъ къ алтарю свинью (супорось), а по лѣвую сторону алтаря на землѣ не то лежитъ, не то сидитъ богиня Земля [2]), съ окутанною въ плащъ нижнею частью тѣла, держа въ своей правой рукѣ (не въ лѣвой, какъ утверждаетъ Dressel) рогъ изобилія, а въ лѣвой, какъ кажется, колосья. На краю монеты идетъ кругомъ надпись (слѣва вверхъ направо внизъ): CO(n)S(ul) XIIII|LVD(os) SAEC(ulares)|FEC(it) [3]), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

14. Къ жертвоприношенію, устраивавшемуся, какъ я думаю, въ третій день секулярныхъ игръ на палатинскомъ холмѣ въ честь

---

[1]) Ср. Cohen I², p. 478 n. 84 и Dressel, l. c., p. 313 n. 9.

[2]) а не богъ Тибръ, какъ ошибочно утверждаетъ Cohen.

[3]) FEC стоитъ на монетѣ, а не FECIT, какъ говоритъ Cohen.

Аполлона и Діаны, относится слѣдующая бронзовая монета средней величины: См. таблицу VIII, n. 2 и 3. [1]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетахъ №№ 4, 6—13.

б) На оборотѣ изображенъ въ серединѣ украшенный гирляндою алтарь, съ горящимъ на немъ жертвеннымъ огнемъ. Передъ нимъ стоитъ съ правой стороны одѣтый въ тогу мущина (императоръ), держащій въ лѣвой рукѣ свертокъ, а въ правой, протянутой надъ огнемъ, чашу, изъ которой приноситъ жертву. На лѣвой сторонѣ отъ алтаря стоятъ два музыканта: изъ нихъ первый, находящійся ближе къ алтарю, играетъ на двойной флейтѣ, а второй на лирѣ. На заднемъ планѣ виднѣется храмъ съ шестью (а на другихъ экземплярахъ—съ пятью) колоннами коринѳскаго ордена и съ фронтономъ, украшеннымъ орломъ (а на другихъ экземплярахъ—вѣнкомъ). По серединѣ лѣваго края монеты идетъ надпись снизу вверхъ: CO(n)S(ul) XIIII, а по серединѣ праваго края сверху внизъ: LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it); внизу же написано: S(enatus) C(onsulto).

15. Къ исполнявшемуся въ третій день секулярныхъ игръ священному обряду процессіи отроковъ и дѣвушекъ, пѣвшихъ гимнъ въ честь Аполлона и Діаны, относится слѣдующая большая бронзовая монета: См. таблицу VIII, n. 5 и 6. [2]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетахъ №№ 4 и 6—14.

б) На оборотѣ изображены по правую сторону два отрока, одѣтыхъ въ тогу, и между ними дѣвушка [3]), которые всѣ шествуютъ направо, держа вѣтки въ поднятыхъ правыхъ рукахъ. За ними слѣдуютъ съ лѣвой стороны двое одѣтыхъ въ тогу мущинъ, изъ которыхъ первый (вѣроятно, императоръ) въ лѣвой рукѣ держитъ свертокъ. На краю монеты идетъ надпись, по серединѣ лѣвой стороны: CO(n)S(ul) XIIII, на верху: LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it), и внизу: S(enatus) C(onsulto).

Къ сооруженію на Марсовомъ полѣ столба въ память состоявшихся при Домиціанѣ секулярныхъ игръ относятся слѣдующія монеты: №№ 16, 17, 18, 19 и 20.

16. Серебряная монета. См. таблицу VI, n. 8. [1]).

а) На лицевой сторонѣ изображена голова Домиціана, обращенная направо, въ лавровомъ вѣнкѣ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) CAES(ar) DOMIT(ianus) AVG(ustus) GERM(anicus) P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) VIII.

б) На оборотѣ изображенъ по лѣвую сторону большой столбъ, на которомъ написано: CO(n)S(ul) | XIIII | LVD(os) | SAEC(ulares) | FEC(it). Направо отъ столба стоитъ высокая треножная ладонница, turibulum (а не канделябръ, какъ говоритъ Cohen), а къ ней съ правой стороны подходитъ одѣтый въ подобранное длинное платье (διπλοΐδιον) и въ украшенный двумя перьями шлемъ мущина (герольдъ), который въ правой рукѣ держитъ палку (вмѣсто жезла), а въ лѣвой—круглый щитъ (clipeus), украшенный изображеніемъ обращенной направо головы (Марса?) въ шлемѣ.

17. Незначительную варіацію предыдущей монеты представляетъ собою другая серебряная монета [2]), отличающаяся отъ той только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Домиціана обращена не направо, а налѣво, и кругомъ слѣва вверхъ направо внизъ идетъ надпись: IMP(erator) CAES(ar) DOMITIAN(us) AVG(ustus) GERM(anicus) P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) VIII, а изображенный на оборотѣ герольдъ держитъ передъ собою палку въ вертикальномъ, а не въ наклонномъ, какъ на монетѣ № 16, положеніи, стоя передъ ладонницей и столбомъ (а не подходя къ нимъ).

18. Бронзовая монета средней величины. См. таблицу VI, n. 9. [3]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетахъ №№ 4 и 6—15.

Изображенія задней стороны тѣ же, что на предыдущихъ монетахъ №№ 16 и 17, и отличаются отъ послѣднихъ только тѣмъ, что здѣсь на столбѣ написаны слова: LVD(os)|SAEC(ulares)|FEC(it),

---

[1]) Ср. Cohen I², p. 478 n. 85 и Dressel, l. c., p. 312 sq. n. 7. Послѣдній сопоставляетъ эту монету съ вышеописанными мною подъ №№ 10 и 11 монетами Домиціана и полагаетъ, что она также, какъ и послѣднія, относится къ жертвоприношенію, устраивавшемуся во вторую ночь секулярныхъ игръ. Однако, различія въ изображеніяхъ, помѣщенныхъ на этихъ трехъ монетахъ, побуждаютъ и Dressel'я нѣсколько усомниться въ достовѣрности своего опредѣленія и наряду съ послѣднимъ высказать предположеніе, что монета № 14, можетъ быть, относится не къ жертвоприношенію второй ночи, а къ жертвоприношенію третьяго дня. Послѣднее предположеніе кажется мнѣ болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ первое, такъ какъ монета № 14 отличается отъ монетъ №№ 10 и 11 не только другимъ видомъ изображеннаго на ней храма, но и отсутствіемъ на ней изображенія бога Тибра.

[2]) Ср. Cohen I², p. 477 n. 79 и Dressel, l. c., p. 313 sq. n. 10.

[3]) Въ этихъ трехъ фигурахъ Eckhel (VI, p. 386) и Cohen ошибочно сматриваютъ, первый трехъ мальчиковъ, а второй трехъ дѣвушекъ.

---

[1]) Ср. Cohen I², p. 476 n. 75 и Dressel, l. c., p. 315 n. 14 (въ концѣ).

[2]) Ср. Cohen I², p. 476 n. 74 и Dressel, l. c., p. 315 n. 14 (въ началѣ). Dressel, описывая эту и предыдущую монету, смѣшиваетъ ихъ

[3]) Ср. Cohen I², p. 476 n. 72 и Dressel, l. c., p. 315 n. 15.

а по лѣвую и правую стороны отъ него въ полѣ стоитъ надпись: CO(n)S(ul) | XIIII, и внизу: S(enatus) C(onsulto).

19. Одна золотая и одна серебряная монета. См. таблицу VI, n. 10. [1]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетѣ № 16.

б) На оборотѣ изображенъ столбъ, на которомъ написано: LVD(os) | SAEC(ulares) | FEC(it), а по лѣвую и правую стороны отъ него стоитъ въ полѣ надпись: CO(n)S(ul) | XIIII. Кругомъ монета украшена лавровымъ вѣнкомъ.

20. Варіацію предыдущихъ монетъ № 19 представляетъ собою серебряная монета [2]), отличающаяся отъ тѣхъ только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Домиціана обращена не направо, а налѣво, и кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) CAES(ar) DOMITIAN(us) AVG(ustus) GERM(anicus) P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) VIII.

За нѣсколько лѣтъ до секулярныхъ игръ, состоявшихся при императорѣ Антонинѣ Піи въ 900 г. ab urbe condita (= 147 г. по Р. Х.), императоромъ были отчеканены нѣкоторыя монеты, которыя, по мнѣнію Froehner'a (Les médailles de l'empire Romain depuis le règne d'Auguste jusqu'à Priscus Attale. Paris 1878, p. 58 sqq.), A. von Sallet'a („Alexandrinische Kaisermünzen des Kgl. Münzkabinets in Berlin", въ Festschrift zur Feier des 50—jährigen Bestehens der Numismatischen Gesellschaft zu Berlin. Berlin 1893, p. 127 sq. и таблица IV, n. 1) и Dressel'я (въ Zeitschrift für Numismatik, vol. XXI 1898, p. 234 sq.), имѣли въ виду предстоявшее секулярное празднество и должны были служить къ прославленію его; изображенія этихъ монетъ относятся къ древнѣйшей легендарной исторіи Рима: къ прибытію Энея и его сына Юла въ г. Лавиній и къ происходившей тамъ встрѣчѣ ихъ съ супоросью, затѣмъ къ хижинѣ Энея и къ нему самому, несущему на плечахъ своего отца Анхиза, а также къ супороси, кормящей своихъ поросятъ у стѣнъ г. Лавинія, далѣе къ авгуру Атту Навію, разсѣкающему своей бритвою оселокъ въ присутствіи Тарквинія Приска, къ Марсу, спускающемуся съ неба къ спящей Реѣ Сильвіи, къ Горацію Коклесу, переплывающему Тибръ въ присутствіи римлянъ и этрусковъ, къ суду Париса, служившему къ прославленію Афродиты, матери

[1]) Ср. Cohen I², p. 475 n. 69 и 70 и Dressel, l. c., p. 315 n. 17.

[2]) Ср. Cohen I², p. 475 n. 71. Dressel не упоминаетъ объ этой монетѣ.

Энея, и къ другимъ предметамъ. Однако ни одна изъ этихъ монетъ не имѣетъ прямого и непосредственнаго отношенія къ секулярнымъ играмъ Антонина Пія, и поэтому онѣ не могутъ быть приняты мною здѣсь во вниманіе.

III.

Монеты, относящіяся къ секулярнымъ играмъ Септимія Севера (а также Каракаллы и Геты), отпразднованнымъ въ 957/204 г. [1]).

А.

Къ жертвоприношенію, устраивавшемуся, вѣроятно, вблизи Тибра (на римскомъ Тарентѣ), какъ я думаю, въ первую или во вторую ночь секулярныхъ игръ, относятся слѣдующія монеты №№ 1—4:

1. Большая бронзовая монета. См. таблицу IX, n. 1. [2]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Септимія Севера, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкой на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: L. SEPTIMIVS SE|VERVS PIVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображенъ въ серединѣ небольшой, украшенный гирляндою алтарь, на которомъ горитъ жертвенный огонь; съ задней, правой и лѣвой сторонъ его стоятъ трое мущинъ (Септимій Северъ, Каракалла и Гета), съ окутанными, по римскому жертвенному обычаю, головами (capite velato); каждый изъ нихъ въ протянутой надъ алтаремъ правой рукѣ держитъ чашу, принося изъ нея жертву [3]). По лѣвую сторону отъ этихъ трехъ мущинъ стоитъ мущи-

[1]) Ср. Cohen IV², p. 14 sq. n. 105—110; p. 65 n. 623—626; p. 147 n. 48—52; p. 201 n. 555—556; p. 272 n. 177—180 и Mommsen, въ Ephemeris epigraphica vol. VIII (Berol. 1892), p. 274 sq. Описанія Mommsen'a весьма неточны.

[2]) Ср. Cohen IV², p. 65 n. 624 и Mommsen, l. c., p. 275.

[3]) Мнѣніе Cohen'a и Mommsen'a, усматривающихъ въ лѣвой и правой изъ этихъ фигуръ Септимія Севера и Каракаллу, а въ задней—богиню Конкордію, едва ли вѣрно. Во первыхъ голова послѣдней фигуры такъ же окутана, какъ и головы двухъ первыхъ, а во вторыхъ она носитъ, повидимому, бороду, сходную съ бородою Септимія Севера; головы же двухъ другихъ фигуръ безъ бородъ (подобно головамъ Каракаллы и Геты на лицевой сторонѣ монетъ №№ 3, 4, 6, 8, 10 и 13); въ третьихъ мы видимъ, что и на другихъ секулярныхъ монетахъ 957/204 г. (см. ниже №№ 5 и 6), которыя во многихъ отношеніяхъ походятъ на монеты №№ 1, 2, 3 и 4, изображены, какъ признаютъ также Cohen и Mommsen относительно № 6, всѣ три указанныя лица вмѣстѣ, а изображенія ихъ здѣсь ничѣмъ не отличаются отъ изображеній трехъ спорныхъ фигуръ на монетахъ №№ 1, 2, 3 и 4.

на, играющій на двойной флейтѣ, а по правую—женщина, играющая на лютнѣ. На переднемъ планѣ съ лѣвой стороны лежитъ на землѣ, полусидя, богъ Тибръ, облокотясь правой рукою на урну, передъ которою, какъ кажется, изображена рыба, и держа въ лѣвой какой-то другой предметъ (камышъ?). На заднемъ планѣ виднѣется поддерживаемое по угламъ двумя колоннами сооруженіе, въ родѣ палатки, съ плоскимъ наметомъ, снабженнымъ сверху завѣсами. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SACRA|SAECV|LARIA (на другихъ экземплярахъ: SAECV|LARIA|SACRA), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

2. Небольшую варіацію предыдущей монеты представляютъ собою одна золотая и одна большая бронзовая монета, отличающіяся отъ той только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ихъ надпись гласитъ: SEVERVS|PIVS AVG(ustus), а на оборотѣ—только: SACRA SAECV|LARIA и S(enatus) C(onsulto). [1]).

3. Другую варіацію монеты № 1 представляетъ собою большая бронзовая монета, отличающаяся отъ той только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея изображенъ бюстъ молодого Каракаллы, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ, а кругомъ слѣва вверхъ направо внизъ идетъ надпись: M. AVREL(ius) ANTONI|NVS PIVS AVG(ustus). См. таблицу IX, n. 2. [2]).

4. Еще другую варіацію монеты № 1 представляетъ собою большая бронзовая монета, отличающаяся отъ той только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея изображенъ бюстъ молодого Геты, обращенный направо, съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ, и кругомъ слѣва вверхъ направо внизъ идетъ надпись: P. SEPTIMIVS GETA CAES(ar); на оборотѣ же идетъ надпись кругомъ слѣва вверхъ направо внизъ: SAECV|LARIA|SACRA, и внизу: S(enatus) C(onsulto). [3]).

Б.

То же жертвоприношеніе, устраивавшееся, какъ я думаю, въ первую или во вторую ночь секулярныхъ игръ, къ которому относятся, вѣроятно, монеты №№ 1, 2, 3 и 4, изображаютъ, можетъ быть, и слѣдующія монеты №№ 5 и 6, могущія, однако, относиться и къ жертвоприношенію, устраивавшемуся въ третій день секулярныхъ игръ:

5. Бронзовая монета средней величины. См. таблицу IX, n. 3. [4]).

---

[1]) Ср. Cohen IV², p. 65 n. 623 и 625.
[2]) Ср. Cohen IV², p. 201 n. 555 и 556.
[3]) Ср. Cohen IV², p. 272 n. 180 и Mommsen, l. c.
[4]) Ср. Cohen IV², p. 65 n. 626.

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Септимія Севера, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SEVERVS|PIVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображенъ украшенный гирляндою алтарь, вокругъ котораго стоятъ трое мущинъ, съ окутанными головами (сзади Септимій Северъ, а слѣва и справа Каракалла и Гета); каждый изъ нихъ держитъ чашу въ протянутой надъ алтаремъ правой рукѣ и приноситъ изъ нея жертву. На заднемъ планѣ виднѣется поддерживаемое по угламъ двумя колоннами сооруженіе, въ родѣ палатки, съ плоскимъ наметомъ, снабженнымъ сверху завѣсами [1]). На лѣвомъ краю монеты снизу вверхъ, на правомъ—сверху внизъ и на нижнемъ—слѣва направо идетъ надпись: SAECV|LARIA| SACRA, а по обѣимъ сторонамъ алтаря написано: S(enatus) | C(onsulto).

6. Варіацію предыдущей монеты представляютъ собою двѣ бронзовыя монеты средней величины (отчеканенныя не раньше 958/205 г., когда Гета сдѣлался консуломъ) и одна большая бронзовая монета, отличающіяся отъ монеты № 5 только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ихъ изображенъ бюстъ молодого Геты, обращенный направо, съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ, а кругомъ идетъ надпись—на первыхъ двухъ монетахъ (слѣва вверхъ направо внизъ): GETA CAES(ar)|PONTIF(ex) CO(n)S(ul), а на третьей (слѣва вверхъ направо внизъ): P. SEPTIMIVS GETA CAES(ar); на оборотѣ же второй (отчеканенной въ Галліи) и третьей изъ этихъ монетъ недостаетъ буквъ: S(enatus) C(onsulto). См. таблицу IX, n. 4. [2]).

В.

Къ жертвоприношенію, устраивавшемуся въ третью ночь секулярныхъ игръ въ честь богини Земли, относятся слѣдующія монеты №№ 7 и 8:

7. Большая бронзовая монета [3]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Септимія Севера, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SEVERVS PIVS AVG(ustus)|P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) XII.

---

[1]) Въ этомъ сооруженіи Cohen и Mommsen усматриваютъ храмъ; но оно совершенно сходно съ тѣмъ, которое изображено также на монетахъ №№ 1—4, и въ которомъ Cohen и Mommsen сами усматриваютъ палатку.
[2]) Ср. Cohen IV², p. 272 n. 177, 178 (отчеканенная въ Галліи) и 179.
[3]) Ср. Cohen IV², p. 14 n. 105.

б) На оборотѣ изображенъ въ серединѣ украшенный гирляндою алтарь, съ жертвеннымъ огнемъ; съ лѣвой стороны стоитъ мущина (Септимій Северъ), съ окутанною головою, держащій въ протянутой надъ огнемъ правой рукѣ чашу; противъ него по правую сторону отъ алтаря стоятъ Геркулесъ, держащій въ правой рукѣ палицу, а въ лѣвой—львиную шкуру, и влѣво отъ послѣдняго Вакхъ, держащій въ правой рукѣ бокалъ (cantharus), а въ лѣвой—тирсъ. На правомъ переднемъ планѣ на землѣ сидитъ, полулежа, богиня Земля, облокотясь правой рукою, въ которой держитъ колосья, на корзину и протягивая лѣвую руку къ алтарю. На заднемъ планѣ стоитъ за алтаремъ музыкантъ, играющій на двойной флейтѣ. Съ середины лѣваго края монеты вверхъ идетъ надпись: CO(n)S(ul) III LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

8. Варіацію предыдущей монеты представляетъ собою большая бронзовая монета, отличающаяся отъ той только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея изображенъ бюстъ молодого Каракаллы, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ, а кругомъ слѣва вверхъ направо внизъ идетъ надпись: ANTONINVS PIVS | AVG(ustus) PONT(ifex) TR(ibunicia) P(otestate) VII; на оборотѣ же приносящій на алтарѣ жертву мущина изображаетъ, вѣроятно, не Септимія Севера, а Каракаллу, и съ середины лѣваго края монеты вверхъ идетъ надпись: CO(n)S(ul) LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto). См. таблицу IX, n. 5. [1]).

Г.

Къ сооруженію столба въ память отпразднованныхъ въ 957/204 г. секулярныхъ игръ относятся, повидимому, слѣдующія монеты №№ 9—13:

9. Бронзовая монета средней величины. См. таблицу IX n. 6. [2]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетѣ № 7.

б) На оборотѣ изображенъ въ серединѣ столбъ (cippus), по лѣвую сторону отъ котораго стоятъ Вакхъ, съ бокаломъ въ правой и съ тирсомъ въ лѣвой рукѣ, и барсъ у его ногъ, а по правую сторону Геркулесъ, съ палицею въ правой и со львиной шкурою въ лѣвой рукѣ. На столбѣ написано: CO(n)S(ul) | III | LVD(os) | SAEC|(ulares) FEC(it), а внизу: S(enatus) C(onsulto).

10. Варіацію предыдущей монеты представляетъ собою бронзовая монета средней величины, отличающаяся отъ той только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея изображенъ бюстъ молодого Каракаллы, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ, а кругомъ слѣва вверхъ направо внизъ идетъ надпись: ANTONINVS PIVS AVG(ustus) PONT(ifex) TR(ibunicia) P(otestate) VII; на оборотѣ же на столбѣ написано: CO(n)S(ul) | LVD(os) | SAEC(ulares) | FEC(it), и внизу: S(enatus) C(onsulto). См. таблицу IX, n. 7. [1]).

11. Двѣ бронзовыя монеты средней величины (одна отчеканенная въ 957/204 г., а другая въ 960/207 г.). См. таблицу IX, n. 8. [2]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Септимія Севера, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SEVERVS PIVS AVG(ustus) P(ontifex) M(aximus) TR(ibunicia) P(otestate) XII (а на другой монетѣ: XV).

б) На оборотѣ изображены по лѣвую сторону Вакхъ, съ бокаломъ въ правой и съ тирсомъ въ лѣвой рукѣ, и у его ногъ барсъ, а по правую сторону—Геркулесъ съ палицею въ правой и со львиной шкурою въ лѣвой рукѣ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: CO(n)S(ul) III LVD(os) SAEC(ulares) FEC(it), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

12. Небольшую варіацію предыдущей монеты представляютъ собою двѣ монеты, отчеканенныя въ 957/204 г. (одна золотая и одна серебряная), которыя отличаются отъ той только тѣмъ, что бюстъ Септимія Севера безъ панцыря и драпировки на плечахъ, и надпись на лицевой сторонѣ ихъ (идущая кругомъ слѣва вверхъ направо внизъ) гласитъ: SEVERVS PIVS AVG(ustus), а на оборотѣ (слѣва вверхъ направо внизъ): CO(n)S(ul) III LVDOS SAECVL(ares) FEC(it). См. таблицу IX, n. 9. [3]).

13. Иную варіацію монеты № 11 представляютъ собою три монеты (отчеканенныя въ 957/204 г.), одна золотая, одна серебряная и одна бронзовая, которыя отличаются отъ той только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ихъ изображенъ бюстъ молодого Каракаллы, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ, и надпись, идущая кругомъ слѣва вверхъ направо внизъ, гласитъ (на золотой и серебряной монетахъ): ANTONINVS PIVS AVG(ustus), или (на бронзовой): ANTONINVS

[1]) Ср. Cohen IV², p. 147 n. 48.
[2] Ср. Cohen IV², p. 14 n. 106.

[1]) Ср. Cohen IV², p. 147 n. 49.
[2]) Ср. Cohen IV², p. 15 n. 110 и 107.
[3]) Ср. Cohen IV², p. 15 n. 108 и 109.

PIVS AVG(ustus) PONT(ifex) TR(ibunicia) P(otestate) VII, а на оборотѣ написано кругомъ: CO(n)S(ul) LVDOS SAECVL(ares) FEC(it) и (на бронзовой) кромѣ того еще внизу: S(enatus) C(onsulto). См. таблицу IX, п. 10. [1]).

IV.

Монеты, относящіяся къ секулярнымъ играмъ Филипповъ, отпразднованнымъ въ 1001/248 г.

A.

Монеты, изображающія или жертвоприношенія, устраивавшіяся при секулярныхъ играхъ Филиппов, или одни только храмы, предъ которыми эти жертвоприношенія происходили.

1. Бронзовая монета средней величины.

а) На лицевой сторонѣ слѣва изображены соединенные бюсты Филиппа отца и Отациліи, обращенные направо, а напротивъ нихъ, бюстъ Филиппа сына, обращенный налѣво. На головѣ Филиппа отца —вѣнокъ, а на головѣ Отациліи—діадема. Всѣ три бюста съ драпировкою на плечахъ, а бюстъ Филиппа отца — кромѣ того еще съ панцыремъ. Съ середины лѣваго края вверхъ кругомъ до середины праваго края идетъ надпись: CONCORDIA AVGVSTORVM.

б) На оборотѣ изображены Филиппъ отецъ и его сынъ, стоящіе передъ горящимъ жертвенникомъ съ лѣвой и правой сторонъ его и приносящіе на немъ жертву; за каждымъ изъ нихъ стоитъ мущина, а за жертвенникомъ (на второмъ планѣ) — музыкантъ en face, играющій на флейтѣ. На заднемъ планѣ виднѣется храмъ съ шестью колоннами, фронтонъ котораго украшенъ статуею Юпитера, стоящею между двумя лежащими фигурами. На верху фронтона стоитъ, какъ кажется, императоръ на четвернѣ, а по обоимъ угламъ крыши—богиня Викторія. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLVM NOVVM. [2]).

2. Бронзовая монета средней величины.

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа сына, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) CAES(ar) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus).

[1]) Ср. Cohen IV², p. 147 n. 50, 51 и 52.
[2]) Ср. Cohen V², p. 139 n. 14.

б) На оборотѣ изображены Филиппъ отецъ и его сынъ, стоящіе передъ украшеннымъ гирляндою и горящимъ жертвенникомъ съ лѣвой и правой сторонъ его и приносящіе на немъ жертву. За каждымъ изъ этихъ лицъ стоитъ воинъ, держащій копье, а за жертвенникомъ (на второмъ планѣ)—музыкантъ en face, играющій на флейтѣ. На заднемъ планѣ виднѣется храмъ съ восемью колоннами, фронтонъ котораго въ серединѣ украшенъ группою изъ двухъ лежащихъ и одной стоящей между ними фигуры. На верху фронтона стоитъ группа изъ трехъ фигуръ, а по обоимъ угламъ крыши—богиня Викторія. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLVM NOVVM. [1]).

3. Большая бронзовая монета. См. таблицу X, п. 1. [2]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа отца, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображенъ храмъ съ восемью колоннами, между которыми въ серединѣ помѣщена статуя сидящаго en face божества, вѣроятно Юпитера (или Рима?), со скипетромъ въ лѣвой рукѣ. На верху фронтона стоитъ группа изъ трехъ фигуръ, а по обоимъ угламъ крыши одна фигура (богиня Викторія?). Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLVM NOVVM, а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

4. Большая бронзовая монета, отличающаяся отъ № 3 только тѣмъ, что фронтонъ храма здѣсь украшенъ фигурою, стоящею между двумя лежащими фигурами, а на верху фронтона и по обоимъ угламъ крыши стоитъ по одной маленькой фигуркѣ (Викторіи?). См. таблицу X, п. 2. [3]).

5. Большая бронзовая монета и бронзовая монета средней величины, отличающіяся отъ № 4 только тѣмъ, что храмъ здѣсь съ шестью колоннами. [4]).

6. Бронзовая монета средней величины, отличающаяся отъ монеты № 5 тѣмъ, что на ней бюстъ Филиппа отца украшенъ діадемою. [5]).

7. Серебряная монета. См. таблицу X, п. 3. [6]).

[1]) Ср. Cohen V², p. 170 n. 82.
[2]) Ср. Cohen V², p. 115 n. 201.
[3]) Ср. Cohen V², p. 115 n. 201.
[4]) Ср. Cohen V², p. 115 n. 202 и 203.
[5]) Ср. Cohen V², p. 115 n. 204.
[6]) Ср. Cohen V², p. 114 n. 198.

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа отца, обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) Задняя сторона отличается отъ задней стороны монетъ №№ 5 и 6 только тѣмъ, что на нижнемъ краю ея недостаетъ буквъ S(enatus) C(onsulto).

8. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Филиппа отца украшена вѣнкомъ, а на оборотѣ крыша храма чѣмъ-то украшена только на верху фронтона. См. таблицу X, n. 4. [1]).

9. Серебряная монета, отличающаяся отъ монеты № 7 только тѣмъ, что на верху фронтона стоитъ не одна фигура, а группа изъ трехъ фигуръ. См. таблицу X, n. 5. [2]).

10. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея идетъ надпись (слѣва вверхъ направо внизъ): IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus). [3]).

11. Серебряная монета, отличающаяся отъ монеты № 7 только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея бюстъ Филиппа отца обращенъ налѣво, и кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus), а на задней сторонѣ между колоннами храма изображена статуя не сидящаго Юпитера (?), какъ думаетъ Cohen, а стоящаго (на жертвенникѣ) божества (генія?). См. таблицу X, n. 6. [4]).

12. Серебряная монета. См. таблицу X, n. 7. [5]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа сына, обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ слѣва вверхъ направо внизъ надпись: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) Задняя сторона такая же, какъ и на монетѣ № 7.

13. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея бюстъ Филиппа сына обращенъ налѣво. [6]).

---

[1]) Cohen не упоминаетъ объ этой монетѣ.

[2]) Ср. Cohen V², p. 114 n. 198.

[3]) Ср. Cohen V², p. 114 n. 199.

[4]) Ср. Cohen V², p. 114 n. 200.

[5]) Cohen не упоминаетъ объ этой монетѣ.

[6]) Ср. Cohen V², p. 170 n. 81. Въ фигурѣ божества, сидящаго между колоннами храма, Cohen усматриваетъ здѣсь скорѣе богиню Roma, чѣмъ Юпитера. Но эта фигура ничѣмъ не отличается отъ фигуры, изображенной и на монетахъ №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 12.

14. Золотая монета. См. таблицу X, n. 8. [1]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Отациліи, обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: OTACIL(ia) SEVERA AVG(usta).

б) Задняя сторона такая же, какъ и на монетѣ № 8.

Б.

Монеты, изображающія столбъ (cippus), воздвигнутый въ память о секулярныхъ играхъ Филипповъ.

15. Большая бронзовая монета.

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа отца, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображенъ столбъ, на которомъ написано: CO(n)S(ul)|III, а влѣво и вправо отъ него стоятъ буквы S(enatus)|C(onsulto). На краю монеты идетъ кругомъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: MILIARIVM SAECVLVM. [2]).

16. Бронзовая монета средней величины, совершенно сходная съ предыдущей. См. таблицу X, n. 9. [3]).

17. Бронзовая монета средней величины, отличающаяся отъ предыдущей (и отъ № 15) только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Филиппа отца украшена не вѣнкомъ, а діадемою. [4]).

18. Большая бронзовая монета.

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Отациліи, обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: MARCIA OTACIL(ia) SEVERA AVG(usta).

б) На задней сторонѣ изображенъ столбъ, и влѣво и вправо отъ него написано: S(enatus)|C(onsulto). Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: MILIARIVM SAECVLVM. [5]).

19. Бронзовая монета средней величины, сходная съ предыдущей. [6]).

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 150 n. 71. По мнѣнію Cohen'a, изображенное здѣсь въ храмѣ божество представляетъ собою богиню Roma. Но это мнѣніе едва-ли вѣрно. Ср. предыдущее примѣчаніе.

[2]) Ср. Cohen V², p. 103 n. 95.

[3]) Ср. тамъ-же, p. 104 n. 96.

[4]) Ср. тамъ-же, n. 97.

[5]) Ср. тамъ-же, p. 146 n. 25.

[6]) Ср. тамъ же, n. 26.

20. Бронзовая монета средней величины, отличающаяся отъ предыдущей (и отъ № 18) только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея изъ-за драпировки бюста Отациліи выступаютъ концы луннаго серпа. [1]).

21. Большая бронзовая монета. См. таблицу X, n. 10. [2]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа отца, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображенъ столбъ, на которомъ написано: CO(n)S(ul)|III. Влѣво и вправо отъ него стоятъ буквы: S(enatus)|C(onsulto), а кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum).

22. Бронзовая монета средней величины, сходная съ предыдущей. [3]).

23. Бронзовая монета средней величины, отличающаяся отъ предыдущей (и отъ № 21) только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Филиппа отца украшена не вѣнкомъ, а діадемою. См. таблицу X, n. 11. [4]).

24. Серебряная монета. См. таблицу X, n. 12. [5]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа отца, обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображенъ столбъ, на которомъ написано: CO(n)S(ul)|III. Кругомъ же идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum).

25. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея надпись гласитъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus). [6]).

26. Золотая монета, отличающаяся отъ монеты № 24 только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Филиппа отца украшена не діадемою, а вѣнкомъ. См. таблицу XI, n. 1. [7]).

27. Серебряная монета, совершенно сходная съ предыдущей. [8]).

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 146 n. 27.
[2]) Ср. тамъ-же, p. 114 n. 195.
[3]) Ср. тамъ-же, n. 196.
[4]) Ср. тамъ-же, n. 197.
[5]) Ср. тамъ-же, n. 193.
[6]) Ср. тамъ-же, n. 194.
[7]) Ср. тамъ-же, n. 191.
[8]) Ср. тамъ-же, n. 192.

28. Большая бронзовая монета. См. таблицу XI, n. 2. [1]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа сына, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображенъ столбъ, на которомъ написано: CO(n)S(ul)|II. Влѣво и вправо отъ него стоятъ буквы: S(enatus)|C(onsulto), а кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum).

29. Бронзовая монета средней величины, совершенно сходная съ предыдущей. См. таблицу XI, n. 3. [2]).

30. Бронзовая монета средней величины, отличающаяся отъ предыдущей (и отъ № 28) только тѣмъ, что голова Филиппа сына украшена не вѣнкомъ, а діадемою. [3]).

31. Золотая монета, отличающаяся отъ монетъ №№ 28 и 29 только тѣмъ, что на задней сторонѣ ея недостаетъ буквъ: S(enatus)|C(onsulto). [4]).

32. Золотая монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея надпись гласитъ: IMP(erator) PHILIPPVS AVG(ustus). [5]).

33. Большая бронзовая монета. Ср. таблицу XI, n. 4. [6]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Отациліи, обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ драпировкою на плечахъ, изъ за которой выступаютъ концы луннаго серпа. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: OTACIL(ia) SEVERA AVG(usta).

б) На оборотѣ изображенъ столбъ, влѣво и вправо отъ котораго написано: S(enatus)|C(onsulto). Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum).

34. Бронзовая монета средней величины, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея надпись гласитъ: MARCIA OTACIL(ia) SEVERA AVG(usta). [7]).

35. Золотая монета, отличающаяся отъ монеты № 33 только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея недостаетъ луннаго серпа, и над-

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 169 n. 78.
[2]) Ср. тамъ-же, n. 79.
[3]) Ср. тамъ-же, n. 80.
[4]) Ср. тамъ-же, n. 76.
[5]) Ср. тамъ-же, n. 77.
[6]) Cohen не упоминаетъ объ этой монетѣ.
[7]) Ср. Cohen V², p. 150 n. 70.

пись гласитъ M(arcia) OTACIL(ia) SEVERA AVG(usta), а на оборотѣ недостаетъ буквъ: S(enatus) | C(onsulto). [1]).

36. Большая бронзовая монета, отличающаяся отъ монеты № 34 только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея недостаетъ луннаго серпа. [2]).

37. Бронзовая монета средней величины, совершенно сходная съ предыдущей. [3]).

---

38. Золотая монета Уранія Антонина, провозглашеннаго въ царствованіе Филиппа императоромъ въ Сиріи и надѣявшагося, повидимому, на то, что послѣдній признаетъ его своимъ соправителемъ. См. таблицу XI, n. 5. [4]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Уранія Антонина, обращенный налѣво, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: L. LVC(ius) AVR(elius) SVL(picius) ANTONINVS.

б) На оборотѣ изображенъ столбъ, на которомъ написано: CO(n)S(ul) | I, а влѣво и вправо отъ числа I еще замѣтны слабые слѣды перевернутой буквы S, т. е. S, и перевернутой C, т. е. Ↄ, оставшіеся, вѣроятно, отъ зачеркиванія слова COS, которое рѣщикъ первоначально врѣзалъ въ штемпель, поставленный имъ по ошибкѣ вверхъ ногами.

B.

Секулярныя монеты Филиппа, изображающія волчицу, кормящую Ромула и Рема.

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 150 n. 67.
[2]) Ср. тамъ-же, n. 68.
[3]) Ср. тамъ-же, n. 69.
[4]) При описаніи монетъ Уранія Антонина Cohen (IV², p. 503) не приводитъ этой монеты и упоминаетъ о ней вкратцѣ только въ своихъ indices (Table des legendes des revers), vol. VIII², p. 429. За то она была подробно описана Froehner'омъ (въ Annuaire de la société française de numismatique 1886, p. 189), который первый и установилъ хронологію и исторію императора Уранія Антонина, доказавъ, что послѣдній не жилъ при Северѣ Александрѣ, какъ думали прежде на основаніи немногихъ и неточныхъ указаній древнихъ авторовъ (Зосима, Георгія Синкелла и Авреліи Виктора), а при Филиппѣ, и что, будучи провозглашенъ императоромъ въ Сиріи, онъ тамъ царствовалъ по крайней мѣрѣ съ 1001/248 до 1006/253 или 1007/254 г. Къ замѣчаніямъ Froehner'a, касающимся вышеописанной монеты, прибавили нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній еще A. v. Sallet, въ Zeitschrift für Numismatik, vol. XVII (1890), p. 242 sq. и Dressel, тамъ-же, vol. XXI (1898), p. 243.

39. Большая бронзовая монета. См. таблицу XI, n. 6. [1]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа отца, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображена волчица, обращенная налѣво и кормящая Ромула и Рема. Съ середины лѣваго края вверхъ и затѣмъ внизъ до середины праваго края идетъ надпись: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

40. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Филиппа отца украшена не вѣнкомъ, а діадемою, и надпись гласитъ: IMP(erator) PHILIPPVS AVG(ustus), а на оборотѣ внизу недостаетъ буквъ: S(enatus) C(onsulto) и вмѣсто нихъ тамъ написано число II. См. таблицу XI, n. 7. [2]).

41. Большая бронзовая монета, отличающаяся отъ монеты № 39 только тѣмъ, что на задней сторонѣ ея волчица обращена направо, а внизу вмѣсто буквъ S(enatus) C(onsulto) написано число II. [3]).

42. Серебряная монета, отличающаяся отъ монеты № 40 только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Филиппа отца украшена не вѣнкомъ, а діадемою, и на оборотѣ волчица обращена направо. [4]).

Г.

Монеты, относящіяся къ звѣринымъ боямъ и конными ристаніямъ секулярныхъ игръ 1001/248 г.

43. Большая бронзовая монета. См. таблицу XI, n. 8. [5]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа отца, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображенъ левъ, идущій направо. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

44. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей толь-

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 112 n. 179.
[2]) Ср. тамъ-же, n. 178.
[3]) Ср. тамъ-же, n. 176.
[4]) Ср. тамъ-же, n. 177.
[5]) Cohen не упоминаетъ объ этой монетѣ.

ко тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея голова Филиппа отца украшена діадемою, и надпись гласитъ: IMP(erator) PHILIPPVS AVG(ustus), а на оборотѣ вмѣсто буквъ S(enatus) C(onsulto) написано число I, или же (на другихъ экземплярахъ) изображена звѣзда. См. таблицу XI, n. 9. [1]).

45. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на ея оборотѣ левъ изображенъ идущимъ налѣво. [2]).

46. Серебряная монета, отличающаяся отъ монеты № 44 только тѣмъ, что на ея оборотѣ внизу написано число II. [3]).

47. Золотая монета, которая не совсѣмъ точно описана въ старомъ каталогѣ парижскаго кабинета (Cabinet de France). Согласно этому описанію, лицевая сторона ея отличается отъ лицевой стороны монеты № 44 только тѣмъ, что на ней голова Филиппа отца украшена вѣнкомъ, а задняя сторона сходна съ задней стороною или монеты № 44 или же монеты № 45. [4]).

48. Большая бронзовая монета. См. таблицу XI, n. 10. [5]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетѣ № 43.

б) На оборотѣ изображена антилопа, идущая налѣво. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto).

49. Серебряная монета.

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетѣ № 44.

б) Задняя сторона отличается отъ задней стороны монеты № 48 только тѣмъ, что на ней вмѣсто буквъ S(enatus) C(onsulto) внизу написано число VI. [6]).

50. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на задней сторонѣ ея антилопа изображена идущей направо. [7]).

51. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что изображенное на ея задней сторонѣ животное есть лань или коза, идущая налѣво. [8]).

52. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что изображенное на ея задней сторонѣ животное есть газель (capra silvestris) или же, по предположенію Cohen'a, можетъ быть, лось (какъ и на монетѣ № 49), и что внизу написано число V. [1]).

53. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея надпись гласитъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus), а на оборотѣ подъ изображеніемъ газели, идущей направо, написано число III. [2]).

54. Серебряная монета, отличающаяся отъ монеты № 52 только тѣмъ, что изображенное на ея задней сторонѣ животное есть олень, идущій направо. См. таблицу XII, n. 1. [3]).

55. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на ея задней сторонѣ олень изображенъ идущимъ налѣво. См. таблицу XII, n. 2. [4]).

56. Большая бронзовая монета.

а) Лицевая сторона такая же, какъ и на монетѣ № 43.

б) На оборотѣ изображенъ олень, обращенный направо. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum), а внизу написано: S(enatus) C(onsulto.) [5]).

57. Бронзовая монета средней величины, совершенно сходная съ предыдущею. [6]).

58. Серебряная монета, отличающаяся отъ монеты № 55 только тѣмъ, что изображенное на ея задней сторонѣ животное есть гиппопотамъ, идущій направо, и подъ нимъ внизу написано число IIII. [7]).

59. Серебряная монета. См. таблицу XII, 3. [8]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа сына, обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) На оборотѣ изображена коза, идущая налѣво. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum), а внизу написано число III.

60. Большая бронзовая монета.

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 112 n. 173.
[2]) Ср. тамъ-же, n. 172.
[3]) Ср. тамъ-же, n. 175.
[4]) Ср. тамъ-же, n. 174.
[5]) Ср. тамъ-же, p. 114 n. 190.
[6]) Ср. тамъ-же, p. 113 n. 189. Cohen высказываетъ предположеніе, что изображенное на этой монетѣ животное представляетъ собою, можетъ быть, не антилопу, а лось, о каковомъ упоминаетъ Capitolinus.
[7]) Ср. Cohen, V², p. 113 n. 188.
[8]) Ср. тамъ-же, n. 187.

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 113 n. 186.
[2]) Ср. тамъ-же, p. 112 n. 180.
[3]) Ср. тамъ-же, p. 113 n. 182.
[4]) Ср. тамъ-же, n. 185.
[5]) Ср. тамъ-же, n. 183.
[6]) Ср. тамъ-же, n. 184.
[7]) Ср. тамъ-же, p. 112 n. 181.
[8]) Ср. тамъ-же, p. 169 n. 72.

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Филиппа сына, обращенный направо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ панцыремъ и драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP(erator) M. IVL(ius) PHILIPPVS AVG(ustus).

б) Оборотъ тотъ же, что на предыдущей монетѣ, но внизу написано: S(enatus) C(onsulto). [1]).

61. Бронзовая монета средней величины, сходная съ предыдущей. [2]).

62. Большая бронзовая монета.

а) Лицевая сторона такая-же, какъ на монетѣ № 60.

б) На оборотѣ гиппопотамъ, идущій направо. Кругомъ надпись: SAECVLARES AVGG., а внизу: S. C. [3]).

63. Большая бронзовая монета.

а) На лицевой сторонѣ бюстъ Отациліи, обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ драпировкою на плечахъ. Кругомъ надпись: MARCIA OTACIL(ia) SEVERA AVG(usta).

б) На оборотѣ гиппопотамъ, обращенный направо и смотрящій вверхъ. Кругомъ надпись: SAECVLARES AVGG, а внизу: S. C. [4]).

64. Золотая монета.

а) Лицевая сторона, какъ на предыдущей монетѣ, но надпись гласитъ: OTACIL(ia) SEVERA AVG(usta).

б) На оборотѣ гиппопотамъ, обращенный направо. Кругомъ надпись: SAECVLARES AVGG., а внизу: III. [5]).

65 Серебряная монета.

а) Лицевая сторона такая же, какъ на предыдущей монетѣ, но подъ бюстомъ изображенъ еще лунный серпъ.

б) Оборотъ такой же, какъ на предыдущей монетѣ, но гиппопотамъ смотритъ внизъ на землю, и внизу написано: III. [6]).

66. Серебряная монета. См. таблицу XII, n. 4. [7]).

а) Лицевая сторона такая же, какъ на монетѣ № 64.

б) Оборотъ такой же, какъ на монетѣ № 63, но внизу недостаетъ буквъ: S(enatus) C(onsulto).

67. Большая бронзовая монета.

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Отациліи, съ діадемою на головѣ и съ драпировкою на плечахъ, а кругомъ идетъ надпись: MARCIA OTACIL(ia) SEVERA AVG(usta).

б) На оборотѣ газель, обращенная налѣво. Кругомъ надпись: SAECVLARES AVGG., а внизу: S. C. [1]).

68. Большая бронзовая монета. См. таблицу XII, n. 5. [2]).

а) На лицевой сторонѣ слѣва изображены соединенные бюсты Филиппа отца и Отациліи, которые обращены направо, а напротивъ нихъ—бюстъ Филиппа сына, который обращенъ налѣво. На головѣ какъ Филиппа отца, такъ и Филиппа сына—вѣнокъ, а на головѣ Отациліи—діадема. Всѣ три бюста—съ драпировкою на плечахъ, а бюсты обоихъ Филипповъ, кромѣ того, еще съ панцырями. Съ середины лѣваго края вверхъ кругомъ до середины праваго края идетъ надпись: CONCORDIA AVGVSTORVM.

б) На оборотѣ изображенъ римскій циркъ, на заднемъ планѣ котораго виднѣются наполненные зрителями ярусы трибунъ, между которыми выдающееся мѣсто занимаетъ, повидимому, императорское pulvinar (влѣво отъ верхней части ствола пальмы). Передъ этими трибунами на второмъ планѣ изображена spina цирка, обозначенная въ серединѣ большой пальмою (съ четырьмя листьями), а также тремя зданіями неизвѣстнаго характера и назначенія и двумя колоннами, съ поставленными на нихъ статуями; въ правомъ углу стоятъ тріумфальныя ворота и carceres, а въ лѣвомъ—аркады. Изъ послѣднихъ выѣзжаетъ четверня (представленная en face), а на переднемъ планѣ скачутъ три другихъ четверни (представленныя сбоку), изъ которыхъ средняя опрокинулась. На верху и внизу монеты идетъ надпись слѣва направо: SAECVLARES | AVGG (т. е. Augustorum).

69. Большая бронзовая монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея бюстъ Филиппа сына безъ панцыря. [3]).

Послѣ секулярныхъ монетъ обоихъ Филипповъ и Отациліи я опишу еще секулярныя монеты Этруссциллы (№№ 70—71), Гостиліана (№№ 72—74), Требоніана Галла (№№ 75—76) и Волузіана

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 169 n. 73.
[2]) Ср. Cohen V², p. 169 n. 74.
[3]) Ср. Cohen V², p. 169 n. 75.
[4]) Ср. Cohen V², p. 149 sq. n. 65.
[5]) Ср. Cohen V², p. 149 n. 62.
[6]) Ср. Cohen V², p. 149 n. 63.
[7]) Ср. Cohen V², p. 149 n. 64.

[1]) Ср. Cohen V², p. 150 n. 66.
[2]) Ср. Cohen V², p. 138 n. 13. Гораздо подробнѣе, чѣмъ Cohen'омъ, эта монета была описана Friedlaender'омъ (въ Abhandl. d. kgl. Akad. d. Wiss. zu Berlin aus d. Jahre 1873. Philos.-hist. Kl., Berlin 1874, p. 67 sqq.) и Froehner'омъ (Les médailles de l'empire Romain etc., Paris 1878, p. 197 sq.).
[3]) Ср. Cohen V², p. 138 n. 12.

(№№ 77—78), относящіяся къ новому saeculum'у, наступившему послѣ секулярныхъ игръ, отпразднованныхъ Филиппами.

70. Серебряная монета. [1]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Этрусциллы, жены Траяна Деція, провозглашеннаго при Филиппахъ въ 1002/249 г. въ Галліи императоромъ и убитаго во Оракіи въ 1004/251 г. Бюстъ этотъ, съ діадемою на головѣ, обращенъ направо и помѣщенъ надъ луннымъ серпомъ.

б) На оборотѣ изображенъ храмъ съ шестью колоннами, въ серединѣ котораго помѣщена сидящая фигура какого-то божества (можетъ быть, богини Roma). Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLVM NOVVM.

71. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что подъ головою Этрусциллы помѣщены еще двѣ точки. [2]).

72. Серебряная монета. [3])

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Гостиліана (провозглашеннаго императоромъ, вмѣстѣ съ Требоніаномъ Галломъ и Волузіаномъ, въ 1004/251 г. и умершаго въ слѣдующемъ году). Бюстъ этотъ, съ діадемою на головѣ, обращенъ направо, а подъ нимъ помѣщены четыре точки. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: C. VAL. HOSTIL. MES. QVINTVS CAESAR.

б) На оборотѣ изображенъ храмъ съ шестью колоннами, въ серединѣ котораго помѣщена сидящая статуя, вѣроятно, богини Roma [4]). Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLVM NOVVM.

73 Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея подъ бюстомъ начертано: IIV или же четыре точки, а надпись гласитъ: C. OVAL. OSTIL. MES. COVINTVS CAESAR. [5]).

74. Серебряная монета, отличающаяся отъ двухъ предыдущихъ только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея подъ бюстомъ нѣтъ точекъ, а надпись гласитъ: C. VALENS HOSTIL. MES. COVINTVS AVG. [6]).

75. Серебряная монета. См. таблицу XII, n. 6. [7]).

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 211 n. 28.
[2]) Ср. Cohen V², p. 211 n. 29.
[3]) Ср. Cohen V², p. 231 n. 53.
[4]) по мнѣнію Cohen'a, или Juno Monetalis или Roma.
[5]) Ср. Cohen V², p. 231 n. 54.
[6]) Ср. Cohen V², p. 231 n. 55.
[7]) Ср. Cohen V², p. 250 sq. n. 110.

а) На лицевой сторонѣ изображенъ украшенный діадемою и обращенный направо бюстъ Требоніана Галла (сдѣлавшагося императоромъ въ 1004/251 г. и умершаго, вѣроятно, въ 1007/254 г.), Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: IMP. C. C. VIB. TREB. GALLVS P. F. AVG.

б) На оборотѣ изображенъ храмъ съ шестью колоннами, въ серединѣ котораго помѣщена сидящая статуя, вѣроятно, богини Roma. На нѣкоторыхъ экземплярахъ этой монеты внизу начертаны двѣ, три или четыре точки, или же написано: VI или VII. Кругомъ идетъ надпись: SAECVLVM NOVVM.

76. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что какъ на лицевой, такъ и на задней сторонѣ внизу написаны числа IV или IIV или VI, или же начертана одна точка. [1]).

77. Серебряная монета. См. таблицу XII, n. 7. [2]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ украшенный діадемою и обращенный направо бюстъ Волузіана (назначеннаго Цезаремъ въ 1004/251 г. и умершаго, вѣроятно, одновременно со своимъ отцомъ Требоніаномъ въ 1007/254 г.). Подъ бюстомъ помѣщены двѣ точки (или число VII). Кругомъ идетъ надпись: IMP. C. V. AF. GAL. VEND. VOLVSIANO AVG.

б) На оборотѣ изображенъ храмъ съ шестью колоннами, въ серединѣ котораго помѣщена сидящая статуя, вѣроятно, богини Roma [3]). Кругомъ идетъ надпись: SAECVLVM NOVVM.

78. Серебряная монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея надпись гласитъ: IMP. C. C. VIB. VOLVSIANVS AVG. [4]).

Въ видѣ прибавленія я помѣщу ниже еще описаніе „секулярныхъ монетъ" Галліена (№№ 1—4), Постума (№ 5), Максиміана Геркулеса (№№ 6 и 7) и Караузія (№№ 8 и 9), отчеканенныхъ по неизвѣстному намъ поводу и въ неизвѣстные намъ годы. По моему мнѣнію, онѣ относятся не къ какимъ-то, не упомянутымъ въ другихъ источникахъ, дѣйствительнымъ секулярнымъ играмъ, какъ полагали Eckhel (VII, p. 409 sq. и VIII, p. 20 sqq.), Cohen (V², p. 431 nota) и другіе, а скорѣе, вѣроятно, къ воцаренію отчеканившихъ ихъ императоровъ, которое, должно быть, праздновалось осо-

---

[1]) Ср. Cohen V², p. 251 n. 111.
[2]) Ср. Cohen V², p. 277 n. 115.
[3]) по мнѣнію Cohen'a, или Roma или Juno Martialis.
[4]) Ср. Cohen V², p. 277 n. 116.

бенно торжественно и въ тѣ времена принималось какъ бы за начало новаго saeculum'a. [1]).

1. Маленькая бронзовая монета. [2]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Галліена (царствовавшаго съ 1006/253 до 1021/268 г.), обращенный налѣво. Кругомъ идетъ надпись: GALLIENVS AVG.

б) На оборотѣ изображенъ олень, обращенный направо, а подъ нимъ вѣтка. Кругомъ идетъ надпись: SAECVLARES AVG. (на двухъ экземплярахъ: SAECVLARHS AVG.).

2. Маленькая бронзовая монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея изображенъ бюстъ Галліена, обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ панцыремъ на плечахъ. [3]).

3. Маленькая бронзовая монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что панцырь Галліена покрытъ еще драпировкою. [4]).

4. Маленькая бронзовая монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея надпись гласитъ: IMP. GALLIENVS AVG., а на оборотѣ вмѣсто оленя изображена антилопа (или газель?), обращенная налѣво. [5]).

5. Большая бронзовая монета. [6]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Постума (провозглашеннаго императоромъ въ Галліи и царствовавшаго тамъ съ 1011/258 до 1020/267 г.), обращенный направо, съ діадемою на головѣ и съ драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись: IMP. C. M. CAS. LAT. POTVMVS (sic!).

б) На оборотѣ изображенъ левъ, идущій направо. Кругомъ идетъ надпись: SAECVLVM AVGG.

6. Маленькая бронзовая монета. [7]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Максиміана Геркулеса (царствовавшаго вмѣстѣ съ Діоклетіаномъ съ 1038/285 до 1058/305 г.) en face, съ вѣнкомъ на головѣ и съ драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись: MAXIMIANVS AVG.

б) На оборотѣ изображенъ слонъ, идущій налѣво, съ корнакомъ, ѣдущимъ на немъ. Кругомъ идетъ надпись: SAECVLARES AVGG.

[1]) См. послѣднюю главу нашего изслѣдованія, а также стр. XCVIII приложен.
[2]) Ср. Cohen V², p. 431 n. 922.
[3]) Ср. Cohen V², p. 431 n. 923.
[4]) Ср. Cohen V², p. 431 n. 924.
[5]) Ср. Cohen V², p. 431 n. 925.
[6]) Ср. Cohen VI², p. 52 n. 335.
[7]) Ср. Cohen VI², p. 546 n. 506.

7. Маленькая бронзовая монета. [1]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Максиміана, обращенный налѣво, съ діадемою на головѣ и съ панцыремъ на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись: MAXIMIANVS P. F. AVG.

б) На оборотѣ изображенъ столбъ (cippus), на которомъ написано: COS .... Кругомъ идетъ надпись: SAECVLARES AVGG, а внизу стоитъ: IAXX (?).

8. Маленькая бронзовая монета. [2]).

а) На лицевой сторонѣ изображенъ бюстъ Караузія (провозглашеннаго императоромъ въ Британіи въ 1040/287 г., при Діоклетіанѣ и Максиміанѣ, и убитаго въ 1046/293 г.); онъ обращенъ направо, съ діадемою на головѣ и съ драпировкою на плечахъ. Кругомъ идетъ надпись: IMP. CARAVSIVS P. F. AVG.

б) На оборотѣ изображенъ левъ, идущій направо. Кругомъ идетъ надпись: SAECVLARES AVG.

9. Маленькая бронзовая монета, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что на лицевой сторонѣ ея надпись гласитъ: IMP. CARAVSIVS P. F. AV. [3]).

„СЕКУЛЯРНЫЯ" ЛАМПАДКИ.

Какъ въ городѣ Римѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ римской имперіи было найдено много лампадокъ, lucernae (изданныхъ Dressel'емъ въ C. I. L. XV, 2, 1, p. 787—789 n. 6221, 1—57), которыя снабжены нацарапанною или написанною на днѣ или на бокахъ ихъ надписью SAECVL или SAECVLI или SAECVLO и сверхъ того большею частью украшены различными изображеніями. Послѣднія представляютъ во 1) божества и другія миѳическія существа, а именно: Солнце (Sol) или Аполлона и Луну или Діану Луциферу (10 и 17; ср. также 20), Вакха (9), Плутона съ Цербером (16), Марса и Венеру (14), Венеру и Амура (18), Эскулапія и Гигіею (8), Гигіею со змѣею (12), Изиду, Гарпократа и Сераписа (13), Орфея, окруженнаго 12 животными и звѣрьми (15), Беллерофонта съ

[1]) Ср. Cohen VI², p. 546 n. 507.
[2]) Ср. Cohen VII², p. 31 n. 305.
[3]) Ср. Cohen VII², p. 31 n. 306.

Пегасомъ (1), Горгону (33), Геркулеса (11), Одиссея и Сиренъ (19) и наконецъ Добраго Пастыря съ овцою, окруженнаго солнцемъ, луною и семью звѣздами (20),

во 2) трагическихъ актеровъ (25), циркъ съ четвернями (2 и 21), возницъ и гладіаторовъ (7α, 22—ср. также 21—и 23) и различныхъ звѣрей, а именно львицу (3), голову льва (32), слоновъ (30 и 31), медвѣдя (31), верблюда (24) и вепрей, преслѣдуемыхъ собакою (29) или убитыхъ звѣроборцемъ (23),

и въ 3) бочку, носимую носильщиками (26), и четверики, окруженные или наполненные колосьями (35 и 7α) или цвѣтами (15).

Такъ какъ эти лампадки, какъ можно заключить изъ указанныхъ изображеній, были несомнѣнно изготовлены (въ императорскую эпоху, но неизвѣстно, когда именно) по случаю какихъ-то празднествъ религіознаго характера, сопровождавшихся не только сценическими, цирковыми и гладіаторскими играми, но и раздачею народу различныхъ подаяній, и такъ какъ помѣщающіяся на нихъ надписи (SAECVLI или SAECVLO на ряду съ гораздо чаще встрѣчающимся сокращеніемъ SAECVL) не допускаютъ дополненія SAECVLAR(is), предложеннаго G. B. de Rossi (въ Bullet. di archeol. crist. 1871, p. 87) вмѣсто общепринятаго прежде, но также невѣрнаго дополненія SAECVL(aria), то Dressel самымъ рѣшительнымъ образомъ присоединяется ко мнѣнію тѣхъ ученыхъ, согласно которымъ эти лампадки употреблялись при секулярныхъ играхъ. Однако это мнѣніе кажется мнѣ не достаточно обоснованнымъ и достовѣрнымъ, такъ какъ большинство изображенныхъ на указанныхъ лампадкахъ божествъ и другихъ миѳическихъ существъ не играло, насколько намъ извѣстно, никакой роли на тѣхъ ludi saeculares, исторію которыхъ мы прослѣдили въ нашемъ изслѣдованіи, и я скорѣе склоненъ усматривать въ этихъ лампадкахъ предметы, изготовлявшіеся по случаю восшествія на престолъ какого-нибудь новаго императора, которое, какъ мы выше видѣли (ср. заключительную главу нашего изслѣдованія), принималось въ тѣ времена какъ-бы за начало новаго saeculum'a. Весьма возможно, что эти лампадки употреблялись при иллюминаціяхъ, устраивавшихся, какъ должно предположить, въ годовщины такого восшествія на престолъ или даже въ дни рожденія императора. Въ пользу этого предположенія говоритъ, какъ я думаю, также то обстоятельство, что на одной лампадкѣ, найденной близъ г. Antium (C. I. L. X, 8053, 4), помѣщена надпись SAEC· AV· DOM., которую, по всей вѣроятности, слѣдуетъ дополнить SAEC(ulum) AV(reum) DOM(inorum).

Хронологическій обзоръ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ по источникамъ.

1) *Учрежденіе культа въ римскомъ „Тарентѣ", поэтически-произвольно отнесенное ко временамъ царя Ромула (къ 1/753 г.?).*

Martialis, Epigramm. IV, 1, 7 sq. (ed. Friedlaender, Lpz. 1886), поздравляя Домиціана 24 октября 88 г. по Р. Х. съ днемъ рожденія, восклицаетъ:

Hic colat ingenti redeuntia saecula lustro
Et quae Romuleus sacra Tarentos habet.

2) *Игры, произвольно приписанныя царю Нумѣ Помпилію и отнесенныя, можетъ быть, къ 78/676 г.*

Commentator Cruquianus (**Scholia Cruquiana**) ad Horatii carmen saeculare, v. 1. См. на стр. XXX.

3) *Игры, отнесенныя легендою ко временамъ Тулла Гостилія, т. е., вѣроятно, къ 105/649 г.*

Zosimus II, 3, 1—2. См. на стр. XII.

ср. также **Festus**, s. v. saeculares ludi (съ дополненіями Müller'a или Roth'a). См. на стр. XX.

4) *Игры, отнесенныя легендою ко времени между Тулломъ Гостиліемъ и учрежденіемъ республики, т. е., вѣроятно, къ 205/549 г.*

Valerius Maximus II, 4, 5. См. на стр. VI—VIII.

Iulius Paris, Epitoma II, 4, 5. См. на стр. VIII—IX.

Nepotianus, Epitoma XI, 7. См. на стр. IX.

Zosimus II, 1—3. См. на стр. X—XII.

5) *Игры, отнесенныя легендою къ 245/509 г.*

Valerius Maximus II, 4, 5 extr. См. на стр. VIII.

Censorinus 17, 10. См. на стр. IV.

Zosimus II, 3, 3. См. на стр. XII.

ср. также **Festus**, s. v. saeculares ludi, съ дополненіями Müller'a (p. 329 M.). См. на стр. XX.

6) *Игры, отнесенныя легендою къ 250/504 г.*

Plutarchus, Poplicola c. 21 initio (ed.[2] Sintenis, Lps. 1884): Τῷ δ'ἑξῆς ἔτει πάλιν ὑπάτευε Ποπλικόλας τὸ τέταρτον· ἦν δὲ προσδοκία πολέμου Σαβίνων καὶ Λατίνων συνισταμένων. Καί τις ἅμα δεισιδαιμονία τῆς πόλεως ἥψατο· πᾶσαι γὰρ αἱ κυοῦσαι τότε γυναῖκες ἐξέβαλλον ἀνάπηρα, καὶ τέλος οὐδεμία γένεσις ἔσχεν. Ὅθεν ἐκ τῶν Σιβυλλείων ὁ Ποπλικόλας ἱλασάμενος

τῷ Ἄιδῃ καί τινας ἀγῶνας πυθοχρήστους ἀναλαβὼν καὶ ταῖς ἐλπίσι πρὸς τὸ θεῖον ἡδίονα καταστήσας τὴν πόλιν, ἤδη τοῖς ἀπ' ἀνθρώπων φοβεροῖς προσεῖχε.

7) *Игры, отнесенныя въ комментаріяхъ квиндецимвировъ къ 298/456 г.*

Commentarii XV virorum (**Censorinus** 17, 10). См. на стр. IV.

Commentarium ludorum saecularium septimorum, fragm I, v. 14—15. См. на стр. XLVI.

8) *Игры, отнесенныя легендою къ 305/449 г.*

Eusebii Chronica, ed. Schoene (Berl. 1866) II, p. 104 sq.: Syncellus, ed. Bonn. I (1829), p. 470, 12: Ἐν Ῥώμῃ Κλαρίων [слѣдуетъ читать: σηκλαρίων, какъ указалъ еще Скалигеръ] ἀγὼν ἑκατονταετὴς ἤχθη πρῶτος.—Versio Armenia: Romae Calariorum [cod. A: Clariorum; нужно, вѣроятно, читать: saeclaris] agon C annorum primum institutus est.—Hieronymus: Romae Clario [cod. F: clarior; надо, вѣроятно, читать: saeclaris] agon centenarius primum actus. Эту замѣтку Евсевія versio Armenia относитъ то къ 1565 г. послѣ Авраама (=олимпіадѣ 82, 1 = 302 г. по основаніи Рима = 452 г. до P. X.), то, согласно изданію Z(ohrab), къ 1567 г. послѣ Авраама (= олимп. 82, 3 = 304 г. по основаніи Рима = 450 г. до P. X.), а Іеронимъ къ 1564 г. послѣ Авраама (= олимп. 81, 4 = 301 г. по основаніи Рима = 453 г. до P. X.); на самомъ же дѣлѣ Евсевій имѣлъ въ виду 305 г. по основаніи Рима (согласно Варроновой эрѣ) = 449 г. до P. X., такъ какъ изгнаніе римскихъ царей, по его опредѣленію (vol. II, p. 100 изд. Schoene), случилось въ 1504 г. послѣ Авраама, т. е. за 61 годъ до „перваго празднованія секулярныхъ игръ".

9) *Игры, отнесенныя легендою къ 406/348 г.*

Festus, s. v. saeculares ludi (съ дополненіями Roth'a). См. на стр. XX.

Censorinus 17, 10 (съ дополненіями и поправками Лахманна). См. на стр. IV.

Zosimus II, 4, 1 extr. (съ предложенными мною дополненіями). См. на стр. XIII.

10) *Игры, отнесенныя въ комментаріяхъ квиндецимвировъ къ 408/346 г.*

Commentarii XV virorum (**Censorinus** 17, 10, съ поправкою Лахманна). См. на стр. IV.

11) *Игры, состоявшіяся въ 505/249 г.*

Valerius Antias (**Censorinus** 17, 10). См. на стр. IV.

Varro (**Censorinus** 17, 8). См. на стр. III.

Livius (**Censorinus** 17, 10). См. на стр. IV.

Livius, Epitome 49 initio (ed. Weissenborn, Lps. 1882): . . . altero et sexcentesimo anno ab urbe condita [= 605 г. Варроновой эры = 149 г. до P. X.] . . . ludi Diti patri ad Tarentum ex praecepto librorum Sibyllinorum facti, qui *ante* annum centesimum, primo Punico bello, quingentesimo et altero anno ab urbe condita [= 605 г. Варроновой эры = 249 г. до P. X.] facti erant.

Verrius Flaccus (въ **Scholia Cruquiana** или **Commentator Cruquianus** ad Horatii carmen saeculare, v. 8). См. на стр. XXX sq.

Festus, s. v. saeculares ludi (съ дополненіями Roth'a). См. на стр. XX.

Augustinus, De civitate Dei III, 18 initio (ed. Dombart², Lps. 1877): Iam vero Punicis bellis . . . . magno metu perturbata Romana civitas ad remedia vana et ridenda currebat. Instaurati sunt ex auctoritate librorum Sibyllinorum ludi saeculares, quorum celebritas inter centum annos fuerat instituta felicioribusque temporibus memoria neglegente perierat.

Zosimus II, 4, 1—2 (съ поправкою Mendelssohn'a). См. на стр. XII sq.

12) *Игры, отнесенныя въ комментаріяхъ квиндецимвировъ къ 518/236 г.*

Commentarii XV virorum (**Censorinus** 17, 10, съ дополненіями Cholodniak'a). См. на стр. IV.

Fasti consulares Capitolini (C. I. L. I², p. 29) отмѣчаютъ на поляхъ къ 518 г. ab urbe condita слѣдующее [1]):

LVD[I · SAECVLARES · TERT
M/· AIMILIO · M/ · F · MAG · X · VIR
M · LIVIO · M · F · M · N · SAL[NATORE

13) *Игры, состоявшіяся, согласно нѣкоторымъ авторамъ, въ 605/149 г.*

Antias, Varro и Livius (**Censorinus** 17, 11). См. на стр. IV.

Livius, Epitome 49 initio. См. выше подъ № 11.

---

[1]) Замѣтка объ этихъ ludi saeculares, также какъ и несохранившаяся замѣтка о другихъ фиктивныхъ ludi saeculares, отпразднованныхъ, согласно комментаріямъ квиндецимвировъ, въ 298/456 г., въ 408/346 г. и въ 628/126 г., была прибавлена къ фастамъ, вѣроятно, одновременно съ замѣткою объ играхъ 737/17 г., внесенною въ фасты скоро послѣ этого года, какъ доказали Dressel и Mommsen, а вслѣдъ за ними также Henzen и Huelsen (ср. C. I. L. I², p. 11 sq.).

Zosimus II, 4, 2 (съ поправками и дополненіями Mendelssohn'a). См. на стр. XIII.

14) *Игры, состоявшіяся, по другимъ авторамъ, въ 608/146 г.*

Piso Censorius, Gn. Gellius и Cassius Hemina (**Censorinus** 17, 11). См. на стр. IV sq.

15) *Игры, отнесенныя въ комментаріяхъ квиндецимвировъ къ 628/126 г.*

Commentarii XV virorum (**Censorinus** 17, 11). См. на стр. V.

16) *Игры, состоявшіяся при Августѣ въ 737/17 г.*

Commentarium ludorum saecularium quintorum. См. на стр. XXXIII sqq.

Монеты. См. на стр. LXV—LXVII и на таблицѣ VI, 1—4.

Fasti consulares Capitolini (C. I. L. I², p. 29):

LVDI · SAECVLARES · QVINCT
IMP · CAESARE · DIVI · [C////:] · AVGVSTO
C · SENTIO · C · F · C · N · SATVRNINO
M · CLAVDIO · M · F · M · N · MARCELLO
M · FVFIO · M · F · STRIGONE — MAG · XV · VIR
D · LAELIO · D · F · D · N · BALBO

Res gestae divi Augusti, ed.² Mommsen (Berol. 1883):

Latin. 4, 36 - 37: [*Pr*]o conlegio XV virorum magis[*ter conl*]e[*gi*]i colleg[*a*] M. Agrippa lud[*os s*]aecl[*are*]s C. Furnio C. [*S*]ilano cos. [*feci*].

Graec. 12, 9—12: Ὑπὲρ τῶν δεκαπέντε [ἀνδρ]ῶν, ἔχων συνάρχοντα Μᾶρκον Ἀγρίππ[αν, τὰς θ]έας [δ]ιὰ ἑκατὸν ἐτῶν γεινομένας ὀν[ομαζομένα]ς σ[αι]κλάρεις ἐπόησα Γαίῳ Φουρνίῳ κ[αὶ] Γαίῳ Σε[ι]λανῷ ὑπάτοις.

Horatius, carmen IV, 6. См. на стр XXVI sqq.

Horatius, carmen saeculare. См. на стр. XXIII sqq.

Статуя Августа изъ Porta Prima. См. таблицы I и II на заглавныхъ листахъ [1]).

---

[1]) Ср. наше описаніе этой статуи, сдѣланное въ VII главѣ нашего изслѣдованія.—Въ гораздо болѣе слабой связи съ воспѣтыми въ Гораціевомъ гимнѣ религіозными представленіями, которыя были вызваны секулярными играми Августа, и откликомъ которыхъ является отчасти статуя Августа изъ Porta Prima, находятся рельефныя изображенія, помѣщенныя на одномъ ватиканскомъ пиластрѣ (наилучше изданномъ Michaelis'омъ въ тюбингенской программѣ 1865 г., а также въ вѣнскихъ Vorlegeblätter für archaeol. Uebungen IV, 10 и подробно описанномъ, въ особенности, Brunn'омъ въ Sitzungsberichte d. philos.-philol. u. hist. Classe d. k. b. Akad. d. Wiss. zu München, vol. II, München 1881, p. 112—119): они представляютъ въ среднемъ полѣ богиню плодородія (Tellus или Abundantia), окруженную аллегорическими фигурами четырехъ временъ года, въ верхнемъ полѣ — Аполлона съ лирою, и Марсія, окруженныхъ четырьмя музами, а въ нижнемъ полѣ — Аполлона, держащаго лукъ въ лѣвой и лавровую вѣтку въ правой рукѣ и окруженнаго обвитымъ змѣею треножникомъ, грифами, крылатыми мальчиками, лебедемъ и вороном.

Ovidius, Tristia II, 25 sq. (ed.² Merkel, Lps. 1889):

iusserat [*sc. Augustus*] et Phoebo dici [*sc. carmina*], quo tempore ludos
fecit, quos aetas adspicit una semel.

Fragmenta commentarii ludorum saecularium a Claudio factorum, I v. 6 sqq. См. на стр. XLIII.

Plinius, Nat. Hist. VII, 48, 159. См. на стр. CIV.

Tacitus, Annales XI, 11. См. на стр. CIV.

Suetonius, Vita Horatii (De viris illustribus c. 40 med., ed. Reifferscheid, Lps. 1860, p. 46): Scripta quidem eius [т. е. *Horatii*] usque adeo probavit [*sc. Augustus*] mansuraque perpetuo opinatus est, ut non modo saeculare carmen conponendum iniunxerit, sed et Vindelicam victoriam Tiberii Drusique, privignorum suorum, eumque coegerit propter hoc tribus carminum libris ex longo intervallo quartum addere.

Suetonius, Divus Claudius c. 21 initio. См. на стр. CIV.

Cassius Dio LIV, 18, 1—2 (ed. Boissevain, Berol. 1895—98): (§ 1) ταῦτα μὲν ἐν ἐκείνῳ τῷ ἔτει [736/18 г.] ἐγένετο · ἐπὶ δὲ δὴ [τοῦ (del. Bekker)] Γαΐου τε Φουρνίου καὶ Γαΐου Σιλανοῦ ὑπάτων [737/17 г.] υἱὸν αὖθις ὁ Ἀγρίππας ἀνείλετο τὸν Λούκιον ὀνομασθέντα, καὶ αὐτὸν εὐθὺς ὁ Αὔγουστος μετὰ τοῦ ἀδελφοῦ τοῦ Γαΐου ἐποιήσατο, μὴ ἀναμείνας σφᾶς ἀνδρωθῆναι, ἀλλ' αὐτόθεν διαδόχους τῆς ἀρχῆς ἀποδείξας, ἵν' ἧττον ἐπιβουλεύηται. (§ 2) τήν τε τῆς τιμῆς καὶ τῆς ἀρετῆς πανήγυριν ἐς τὰς νῦν ἡμέρας μετέστησε καὶ τοῖς τὰ ἐπινίκια πέμπουσιν ἔργον ἐκ τῶν λαφύρων εἰς τὴν τῶν πράξεων μνήμην ποιεῖν προσέταξε, τά τε σαικουλάρια τὰ πέμπτα ἐπετέλεσε, κ. τ. λ.

Censorinus 17, 9 и 17, 11. См. на стр. III и V.

Zosimus II, 4, 2. См. на стр. XIII.

Scholia ad Horatii carmen IV, 6. См. на стр. XXXI sq.

Scholia ad Horatii carmen saeculare. См. на стр. XXVIII sqq.

17) *Игры, состоявшіяся при Клавдіи въ 800 г. отъ основанія Рима (= 47 г. по P. X.).*

Senatus consultum Hosidianum (см. Orelli, Inscript. lat. sel., vol. II, n. 3115 = C. I. L. X, 1401), составленное въ 797/44 или 798/45 или 799/46 г., т. е. незадолго до состоявшихся въ 800/47 г. секулярныхъ игръ Клавдія, говоритъ о

felicitas saeculi instantis.

Fragmenta commentarii ludorum saecularium a Claudio factorum (C. I. L. VI, 4, 2 n. 32324 [= VI, 1 n. 877a] и 32325). См. на стр. XLIII—XLIV.

Plinius, Nat. Hist. VII, 48, 159 (ed. Mayhoff, Lps. 1875), разсуждая о долго жившихъ людяхъ, говоритъ: Minus miror Stephanionem, qui primus togatus saltare instituit, utrisque saecularibus ludis saltavisse, et divi Augusti et quos Claudius Caesar consulatu suo quarto [800/47] fecit, quando LXIII non amplius anni interfuere, quamquam et postea diu vixit.

Martialis, Epigramm. X, 63, 3 (съ моими примѣчаніями къ этому мѣсту). См. на стр. CV.

Tacitus, Annales, XI, 11 (ed. Ritter, Lps. 1864): Isdem consulibus [800/47 r.] ludi saeculares octingentesimo post Romam conditam *anno*, quarto et sexagensimo, quam Augustus ediderat, spectati sunt. Utriusque principis rationes praetermitto, satis narratas *in* libris, quibus res imperatoris Domitiani composui. Nam is quoque edidit ludos saeculares, iisque intentius adfui sacerdotio quindecimvirali praeditus ac tunc praetor [841/88 r.]. Quod non iactantia refero, sed quia collegio quindecimvirum antiquitus ea cura, et magistratus potissimum exsequebantur officia caerimoniarum. Sedente Claudio circensibus ludis, cum pueri nobiles equis ludicrum Troiae inirent interque eos Britannicus imperatore genitus et L. Domitius adoptione mox in imperium et cognomentum Neronis adscitus, favor plebis acrior in Domitium leco praesagii acceptus est. Vulgabaturque adfuisse infantiae eius dracones in modum custodum, fabulosa et externis miraculis adsimilata: nam ipse, haud quaquam sui detractor, unam omnino anguem in culiculo visam narrare solitus est.

Suetonius, Divus Claudius c. 21 (ed. Roth, Lps. 1890): Fecit et saeculares, quasi anticipatos ab Augusto nec legitimo tempori reservatos, quamvis ipse in historiis suis prodat, intermissos eos Augustum multo post diligentissime annorum ratione subducta in ordinem redegisse. Quare vox praeconis irrisa est, invitantis more sollemni ad ludos, *quos nec spectasset quisquam nec spectaturus esset*, cum superessent adhuc qui spectaverant, et quidam histriones producti olim tunc quoque producerentur.

Къ этимъ-же секулярнымъ играмъ относится, вѣроятно, и то, что Свѣтоній сообщаетъ нѣсколько дальше (c. 21 extremo): Circo vero maximo marmoreis carceribus auratisque metis, quae utraque et tofina ac lignea antea fuerant, exculto, propria senatoribus constituit loca promiscue spectare solitis, ac super quadrigarum certamina Troiae lusum exhibuit et Africanas, conficiente turma equitum praetorianorum, ducibus tribunis ipsoque praefecto; praeterea Thessalos equi-

tes, qui feros tauros per spatia circi agunt insiliuntque defessos et ad terram cornibus detrahunt.

Suetonius, Vitellius c. 2 extr. (разсказывая объ отцѣ императора Вителлія, L. Vitellius, человѣкъ miri in adulando ingenii) говоритъ: Huius et illa vox est: Saepe facias! cum saeculares ludos edenti Claudio gratularetur.

Censorinus 17, 11. См. на стр. V.

Aurelius Victor, De Caesaribus 4, 14 (ed. Gruner, Coburg. 1757): Huius [т. е. Claudii] anno sexto, cum quatuordecim regnarit, octingentesimus urbis mire celebratus.

Zosimus II, 4, 3. См. на стр. XIII.

18) *Игры, состоявшіяся при Домиціанѣ въ 841/88 г.*

Fasti consulares Capitolini (C. I. L. I², p. 29) отмѣчаютъ къ 841 г. ab urbe condita (по Варроновой эрѣ):

A(nno) P(ost) R(omam) C(onditam) DCCCXLI.

///\ ////////////E//A////////////////
//////////////////////////
///\\///A////AC/////////XVSF
EX · S · C · LVDI · SAECVLARES · FACTI

Монеты. См. на стр. LXVIII—LXXVI и на таблицахъ VI, 5—11, VII, 1—6 и VIII, 1—6.

Martialis, Epigramm. IV, 1, 7 sq. (ed. Friedlaender, Lpz. 1886), поздравляя Домиціана съ днемъ рожденія, 24 октября 841/88 г., говоритъ:

Hic colat ingenti redeuntia saecula lustro
Et quae Romuleus sacra Tarentos habet.

Martialis, въ эпиграммѣ X, 63, 3, сочиненной между 95 и 98 г. по P. X. (ср. изданіе Friedlaender'a), намекаетъ на ludi saeculares 841/88 и 800/47 г., влагая одной умершей римской матронѣ въ уста слѣдующія слова [1]), составляющія часть ея надгробной надписи:

Bis mea Romano spectata est vita Tarento.

---

[1]) Правда, по мнѣнію Scaliger'a (Animadvers. Eusebian. ad num. 2108) и Pagi (Critica histor.-chronol. in Annales Baronii. Vol. I, Antverp. 1727, p. 147), эти слова Марціала должны быть поняты въ переносномъ смыслѣ, и поэтъ хотѣлъ де ими выразить, что умершая женщина прожила сто лѣтъ, т. е. столько, сколько нужно прожить, чтобы можно было два раза увидѣть Тарентинскія или секулярныя игры. Но это толкованіе я считаю въ высшей степени неправдоподобнымъ какъ потому, что оно приписываетъ Марціалу черезчуръ смѣлое и неясное выраженіе, не соотвѣтствующее даже тому факту, что тогда уже не соблюдали столѣтнихъ промежутковъ между празднованіями секулярныхъ игръ, такъ, въ особенности, потому, что, согласно дальнѣйшимъ словамъ сочиненной Марціаломъ надгробной надписи этой женщины, всѣ ея дѣти, которыхъ она имѣ-

Papinius Statius, Silvae I, 4, 15—18 (ed. Baehrens, Lps. 1876), прославляя городского префекта Галлика, выздоровѣвшаго, вѣроятно, въ 842/89 г. послѣ тяжкой болѣзни, говоритъ о немъ:

quippe manet longumque aevo redeunte manebit,
quem penes intrepidae mitis custodia Romae.
nec tantum induerint fatis nova saecula crimen
aut instaurati peccaverit ara Tarenti.

Papinius Statius, Silvae IV, 1, 37 sq., привѣтствуя 17 консулатъ Домиціана въ 848/95 г., говоритъ,

mecum altera saecula condes
et tibi longaevi reparabitur ara Tarenti [1]).

ла десять, были въ живыхъ, когда она скончалась, и даже присутствовали при ея смерти. Трудно допустить, чтобы такое счастье могло выпасть на долю женщины, прожившей сто (или больше) лѣтъ. Гораздо болѣе правдоподобнымъ я считаю буквальное толкованіе вышеприведеннаго стиха, опирающееся на весьма знаменательномъ выраженіи spectata est: „Дважды моя жизнь была испытана римскимъ Тарентомъ“. Если принять во вниманіе слѣдующія за этими словами указанія умершей, что она ничего не потеряла до своей кончины, что всѣ ея дѣти остались въ живыхъ, и что она, какъ цѣломудренная матрона, была замужемъ лишь за однимъ мужемъ, то нельзя не притти къ заключенію, что въ этихъ обстоятельствахъ заключается объясненіе того „испытанія“ со стороны Тарента, т. е. Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, о которомъ говорилось раньше, и что эта женщина именно за цѣломудріе и плодородіе свое была дважды удостоена чести принять дѣятельное участіе въ торжественныхъ обрядахъ Тарентинскихъ или секулярныхъ игръ, отпразднованныхъ въ 800/47 г. при Клавдіи и въ 841/88 г. при Домиціанѣ. Участвовала ли она въ этихъ обрядахъ оба раза какъ замужняя женщина, или же только второй разъ какъ таковая, а первый разъ какъ дѣвица, принадлежа къ хору virgines patrimae et matrimae, пѣвшихъ секулярный гимнъ вмѣстѣ съ хоромъ отроковъ (pueri patrimi et matrimi), этого мы, конечно, не въ состояніи рѣшить.

[1]) Хотя „Tarenti“ представляетъ собою только конъектуру, предложенную Turnebus'омъ („Terenti“) и затѣмъ Becker'омъ („Tarenti“), вмѣсто рукописнаго чтенія parentis, но эта конъектура, принятая вслѣдъ за Becker'омъ всѣми новѣйшими издателями „Сильвъ“ Папинія Стація, за исключеніемъ одного только Vollmer'а, можетъ считаться почти достовѣрною, такъ какъ въ приведенномъ мѣстѣ стихотворенія Стація несомнѣнно идетъ рѣчь объ ara (Ditis et Proserpinae), находившейся на римскомъ Tarentum, и выраженіе ara Tarenti подтверждается тѣмъ, что оно употребляется Папиніемъ Стаціемъ, какъ мы выше видѣли, и въ другомъ стихотвореніи (Silv. I, 4, 18). Если тѣмъ не менѣе новѣйшій издатель Стація Vollmer (Lpz. 1898) сохраняетъ рукописное чтеніе ara parentis и въ защиту его приводитъ объясненіе (на стр. 445 своего изданія), что подъ словомъ parentis подразумѣвается Юпитеръ, какъ божество, получавшее de жертвоприношенія на упомянутомъ жертвенникѣ въ Tarentum раньше другихъ божествъ, то это объясненіе не только противорѣчитъ всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ древнихъ, согласно которымъ ara въ Tarentum была посвящена Диту и Прозерпинѣ, и на ней приносились, по крайней мѣрѣ со временъ Августа,

Tacitus, Annales XI, 11. См. на стр. CIV.

Suetonius, Domitianus c. 4 med. (ed. Roth, Lps. 1890):

Fecit et ludos saeculares, computata ratione temporum ad annum, non quo Claudius proxime, sed quo olim Augustus ediderat; in iis circensium die (надо, вѣроятно, читать: diebus), quo facilius centum missus peragerentur, singulos a septenis spatiis ad quina corripuit.

Censorinus 17, 11. См. на стр. V.

Zosimus II, 4, 3. См. на стр. XIII sq.

Ср. наконецъ еще одинъ маленькій мраморный треножникъ, главныя изображенія котораго—символы Аполлона и Діаны; грифъ съ лирою, большая птица (лебедь?), съ лирою, и олень, преслѣдуемый собакою, а также двѣ танцующихъ дѣвушки—издателемъ Visconti (Museo Pio Clementino VI, p. 279 sq. и VII, tav. XLII) приводятся въ связь съ секулярными играми Домиціана. Согласно мнѣнію профессора G. Loeschcke и Dr. Delbrück'a, которыхъ я письменно спросилъ о характерѣ и значеніи этого tripode d'Apollo, послѣдній, въ виду изящества его работы, дѣйствительно можетъ быть отнесенъ къ эпохѣ Домиціана, но едва-ли находится въ какой-нибудь непосредственной связи съ отпразднованными этимъ императоромъ секулярными играми.

жертвы только Паркамъ, Иліоіямъ и Землѣ, но и опровергается значеніемъ эпитета longaevus, не могущаго считаться подходящимъ къ верховному божеству. За то выраженіе longaevum при Tarentum представляется вполнѣ естественнымъ и вѣрнымъ эпитетомъ названія мѣстности, славившейся своимъ древнимъ жертвенникомъ и служившей центромъ религіозныхъ обрядовъ секулярныхъ игръ (ср. выраженіе [ara] secularis Ditis patris у феста, s. v. [Terentum] p. 351. M.).— Единственная возможность защищать въ разсматриваемомъ нами стихѣ Стація рукописное чтеніе ara parentis заключается, по моему, въ предположеніи, что словомъ parens здѣсь обозначается Dis pater, называвшійся нерѣдко также Juppiter Stygius (ср. Vergil., Aen. IV, 638; Ovid., Fast. V, 448 и др.) и имѣвшій, поэтому, какъ и Олимпійскій Юпитеръ (напр., у Горація, Carm. I, 12, 13), право на титулъ parens. По справедливости, вѣдь, замѣчаетъ Варронъ (De l. L. V, 66 Müller), что idem hic [т. е. Juppiter] Dispater [dies pater: cod. Flor.] dicitur, infimus qua est coniunctus terrae, ubi omnia ut oriuntur ita aboriuntur [omnia oriuntur vi aboriuntur: cod. Flor.], а Цицеронъ (De nat. Deor. II, 26, 66) подобнымъ образомъ говоритъ: Terrena autem vis omnis atque natura Diti patri dedicata est, qui Dives, ut apud Graecos Πλούτων, quia et recidunt omnia in terras et oriuntur e terris. (cf. также Firmicus Maternus, De errore profan. relig. c. 17). Какъ на аналогію къ названію Dis pater или parens, можно указать, наконецъ, и на названіе dei parentes, встрѣчающееся въ надгробныхъ надписяхъ (напр. C. I. L. V, 3233 sqq. и VI, 9659), которымъ древніе римляне возвеличивали своихъ покойниковъ, почитавшихся ими въ особенности къ концу (стараго) года въ т. наз. dies parentales. (ср. Preller-Jordan, Röm. Myth. I³, 98 sqq.).

19) *Игры, состоявшіяся при Антонинѣ Піи въ 900/147 г.*

Aurelius Victor, De Caesaribus 15, 4 (rec. Gruner, Coburg 1757): Denique annis, quibus publica egit [*sc. Antoninus Pius*], viginti idem mansit, celebrato magnifice urbis nongentesimo.

Къ этому празднеству относится, вѣроятно (ср. Clinton, Fasti Romani I, p. 136), также слѣдующее дѣяніе Антонина, сообщенное въ **Chron. Pasch.** p. 256 C ed. Dindorf (vol. I = Corpus scriptorum historiae Byzantinae, vol. VI, Bonn 1832, p. 478) подъ олимп. 231, 3, т. е. подъ 147 г. по Р. Х., въ консульство Л. Валерія Ларга и М. Валерія Мессалина: τούτοις τοῖς ὑπάτοις ἄφεσις ἐγένετο τῶν χρεοφειλετῶν παρὰ Ἀντωνίνου Εὐσεβοῦς καὶ οἱ ταμιακοὶ χάρται δωρεὰν ἐκαύθησαν.

Къ секулярнымъ же играмъ Антонина Пія относится, можетъ быть, и слѣдующее свѣдѣніе, которое сообщаетъ **Iulius Capitolinus** (Scriptores historiae Augustae, ed. Peter, Lpz. 1884, I, p. 44), Antoninus Pius c. 10, 9: Edita munera (именно Антониномъ Піемъ), in quibus elephantos et corocottas et tigrides et rhinocerotes, crocodillos etiam atque hippopotamos et omnia ex toto orbe terrarum exhibuit. centum etiam leones cum tigridibus una missione edidit.

20) *Игры, состоявшіяся при Септиміи Северѣ въ 957/204 г.*

Commentarium ludorum saecularium septimorum. См. на стр. XLIV—LXIV.

Монеты. См. на стр. LXXVII—LXXXII и на таблицѣ IX, 1—10.

Censorinus 17, 11. См. на стр. V.

Herodianus III, 8, 10 (ed. Mendelssohn, Lps. 1883):

εἶδομεν δὲ ἐπ' αὐτοῦ [т. е. τοῦ Σεβήρου] καὶ θέας τινῶν παντοδαπῶν θεαμάτων ἐν πᾶσι θεάτροις ὁμοῦ, ἱερουργίας τε καὶ παννυχίδας ἐπιτελεσθείσας ἐς μυστηρίων ζῆλον· αἰωνίους δὲ αὐτὰς ἐκάλουν οἱ τότε, ἀκούοντες τριῶν γενεῶν διαδραμουσῶν ἐπιτελεῖσθαι. κήρυκες γοῦν κατά τε τὴν Ῥώμην καὶ τὴν Ἰταλίαν διεφοίτων καλοῦντες ἥκειν καὶ θεάσασθαι πάντας ἃ μήτε εἶδον μήτε ὄψονται. οὕτως ὁ μεταξὺ χρόνος τῆς παρελθούσης ἑορτῆς καὶ τῆς μελλούσης ἐδηλοῦτο πᾶσαν ἡλικίαν ἀνθρώπων ὑπερβαίνων.

Zosimus II, 4, 3. См. на стр. XIV.

21) *Игры, состоявшіяся при Филиппахъ въ 1001/248 г.*

Монеты. См. на стр. LXXXII—XCV и на таблицахъ X, XI и XII.

C. I. L. VI, 1 n. 488: Praesentiae Matris deum P. Septimius Felix ob coronam millesimi urbis anni.

C. I. L. VII, 645 и 646: двѣ надписи изъ Британіи, относящіяся къ серединѣ 3-го вѣка по р. Х. (на н. 646 отмѣчены консулы 252 г. по Р. Х.), посвящены Deus Sol invictus Mithra saecularis

и, по всей вѣроятности, этимъ эпитетомъ saecularis намекаютъ на секулярное празднество, состоявшееся въ 1001/248 г. [1]).

Iulius Capitolinus (Scriptores historiae Augustae, ed.[2] Peter, Lps. 1884, vol. II, p. 55), Gordiani tres c. 33, 1—3:

(§ 1) Fuerunt sub Gordiano Romae elefanti triginta et duo, quorum ipse duodecim (но вмѣсто duodecim нужно, по моему, читать, согласно предположенію Casaubonus'a: XXII) miserat, Alexander decem, alces decem, tigres decem, leones mansueti sexaginta, leopardi mansueti triginta, belbi, id est yaenae decem, gladiatorum fiscalium paria mille, hippopotami sex, rinoceros unus, arcoleontes decem, camelopardali decem, onagri viginti, equi feri quadraginta et cetera huius modi animalia innumera et diversa. [quae omnia Philippus ludis saecularibus vel dedit vel occidit.] (§ 2) has autem omnes feras mansuetas et praeterea efferatas parabat ad triumphum Persicum. (§ 3) quod votum publicum nihil valuit. nam omnia haec Philippus exhibuit saecularibus ludis et muneribus atque circensibus, cum millesimum annum in consulatu suo et filii sui celebravit.

Eusebii Chronica, ed. Schoene (Berlin 1866), vol. II, p. 180 sq.: Versio Armenia (къ году послѣ Авраама 2262 = олимпіадѣ 256, 2, т. е. 999 г. по основаніи Рима, или 246 г. по Р. Х.): In principio regni Philippi cum filio millesimus annus Romae completus est et bestiae in Circo magno interfectae, ludique theatrales in campo Martio (Aris) per noctem tribus diebus celebrati (constituti) sunt, peragebant autem tres dies per noctem. Theatrum Pompeii vocatum [вмѣсто incensum. Армянскій переводчикъ перевелъ ἐκλήθη вмѣсто ἐκαύθη] et Hecatonstylon. Stadia in encaeniis Romae urbis incedebant.

Hieronymus (къ году послѣ Авраама 2262 = олимпіадѣ 256, 2, т. е. къ 999 г. по основаніи Рима или 246 г. по Р. Х.): Reguantibus Philippis millesimus annus Romanae urbis expletus est, ob quam sollemnitatem innumerabiles bestiae in Circo magno interfectae, ludique in campo Martio theatrales tribus diebus ac noctibus populo pervigilante celebrati.

Hieronymus (къ году послѣ Авраама 2263 = олимпіадѣ 256, 3, т. е. къ 1000 г. по основаніи Рима или 247 г. по Р. Х.): Theatrum Pompei incensum et Ecatonstylon.

Athlamos natali Romanae urbis cucurrit et agon mille annorum actus [Вмѣсто безсмысленнаго Athlamos, что читается въ кодексахъ

---

[1]) Ср. Cumont, Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. Tome II (Bruxelles 1896), p. 161 n. 479 и 480.

B(ernensis) и R(egius), и вмѣсто чего Scaliger предложилъ писать Atlas mons, въ кодексахъ A(mandinus), F(reherianus) и P(etavianus) читается: XL (P. quadraginta) missus, а вмѣсто cucurrit: cucurrerunt (такъ F., а A: cucurrepunt и P.: cucurreF.), и это чтеніе подтверждается также Кассіодоріемъ; см. ниже на стр. CXI его свидѣтельство о празднествѣ тысячелѣтія г. Рима]. —Какъ видно изъ сопоставленія Іеронима съ versio Armenia, данныя, отнесенныя первымъ къ 999/246 г., должны быть соединены съ данными, отнесенными имъ къ 1000/247 г., а всѣ они вмѣстѣ относятся на самомъ дѣлѣ къ 1000/247 г. Капитолійской эры, который соотвѣтствовалъ 1001/248 г. Варроновой эры.

Chronographus anni CCCLIIII, изд. Mommsen'a (въ Abhandlungen d. phil.-hist. Cl. d. sächs. Gesellsch. d. Wiss. I. Lpz 1850, p. 647 и въ Monumenta Germaniae historica, Auctor. antiquiss. vol. IX: Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. Vol. I. Berol. 1892, p. 147): hi [т. е. Philippi] saeculares veros in circo maximo ediderunt.

Aurelius Victor, De Caesaribus c. 28, 1—2 (rec. Gruner, Coburg 1757): (§ 1) annum urbis millesimum ludis omnium generum celebrant [*sc. duo Philippi*]. (§ 2) Et quoniam nomen admonuit, mea [1]) quoque aetate post mille centesimus, consule Philippo, excessit, nullis, uti solet, sollemnibus frequentatus: adeo in dies cura minima Romanae urbis.

Aurelius Victor, Epitome c. 28, 3 (rec. Gruner, Coburg 1757): Filius eius [*sc. Philippi patris*] C. Julius Saturninus [2]), quem potentiae sociaverat, Romae occiditur [въ 249 г. по P. X.] agens vitae annum duodecimum; adeo severi et tristis animi, ut iam tum a quinquenni aetate nullo prorsus cuiusquam commento ad ridendum solvi potuerit, patremque ludis saecularibus petulantius cachinnantem, quamquam adhuc tener, vultu notaverit aversato.

Eutropius IX, 3 (ed. Ruehl, Lps 1887):

His [т. е. *Philippis duobus*] imperantibus millesimus annus Romae urbis ingenti ludorum apparatu spectaculorumque celebratus est.

Orosius, Adversus paganos VII, 20, 2—3 (ed. Zangemeister, Lps. 1889): (§ 2) hic [т. е. *Philippus*] primus imperatorum omnium Christianus fuit, ac post tertium imperii eius annum millesimus a conditione Romae annus impletus est. ita magnificis ludis augustissimus omnium praeteritorum hic natalis annus a Christiano imperatore celebratus est. (§ 3) nec dubium est, quin Philippus huius tantae devotionis gratiam et honorem ad Christum et Ecclesiam reportarit, quando vel ascensum fuisse in Capitolium immolatasque ex more hostias nullus auctor ostendit.

Prosper Tiro, Epitoma chronicon (ed. Mommsen въ Monumenta Germaniae historica. Auctor. antiquiss. vol. IX: Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. Vol. I, Berol. 1892, p. 439) отмѣчаетъ подъ CCXXI годомъ послѣ смерти Христа слѣдующее: Regnantibus Philippis millesimus Romanae urbis annus expletur.

Chronica Gallica (ed. Mommsen въ Monumenta Germaniae historica. Auctor. antiquiss. vol. IX: Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. Vol. I, Berol. 1892, p. 642): His [т. е. *Philippis*] regnantibus annus urbis Romae millesimus expletur.

Cassiodorius, Chronica (изд. Mommsen'a въ Sitzungsber. d. phil.-hist. Cl. d. sächs. Ges. d. Wiss., vol. III, 1861, p. 643) отмѣчаетъ къ консульству Эмиліана и Аквилина (въ 1002/249 г.): His consulibus millesimus annus urbis Romae expletus est, ob quam sollemnitatem Philippus cum filio suo bestias in circo magno interfecit ludosque in campo Martio theatrales tribus diebus ac noctibus populo pervigilante celebravit. Quadraginta etiam missus natali Romae urbis cucurrerunt et agon mille annorum actus.

Iordanes, De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum, c. 283 (ed. Mommsen въ Monumenta Germaniae historica, vol. V pars I: Iordanis Romana et Getica, Berol. 1882, p. 37): tertioque anno imperii sui festivitatem Romanae urbis, millesimo anno quod expleverat, caelebravit [*sc. Philippus*].

Iordanes, De origine actibusque Getarum XVI, 89 (ed. Mommsen, l. c., p. 81): Philippo namque ante dicto regnante Romanis, qui solus ante Constantinum Christianus cum Philippo idem filio fuit, cuius et secundo anno regni Roma millesimum annum explevit, Gothi .... de amicis effecti sunt inimici.

*

---

[1]) mea я пишу, согласно чтенію лучшей рукописи O(xoniensis)—ср. Mommsen, Zu den Caesares des Aurelius Victor, въ Sitzungsber. d. k. preuss. Akad. d. Wiss. zu Berlin. XXXIX (1884), p. 956; nostra пишутъ Gruner и другіе издатели Авреліи Виктора, согласно худшей рукописи P(ulmann'a) въ Брюсселѣ.

[2]) Въ 1000/247 г. этотъ сынъ Филиппа, будучи десяти лѣтъ, получилъ титулъ Augustus. Ср. Clinton, Fasti Romani I, p. 264.

*) Надпись изъ Casinum, приведенная сперва Manutius'омъ, а впослѣдствіи также Gruter'омъ (Inscript. antiq. totius orbis Romani, p. 926, 8), какъ подлинная, и гласящая:

memoriae | sex. vigellI aquinat. qui | ann. attigit centens | sed alterum
et nonagens | perpet. inoffensa valetud | exegit reliquos septem
et d. XIIX | decubuit et occubuit | nat. lud. saecul. VIII obilt
sequenT.

несомнѣнно подложна и, поэтому, помѣщена Mommsen'омъ въ C. I. L. X, 1 p. 30* n. 64* въ числѣ подложныхъ надписей. Въ виду этого представляются совершенно неосновательными и ложными также тѣ прежнія толкованія этой

22) *Игры, ожидавшіяся, но упущенныя въ 1057/304 г.*
Zosimus II, 7, 2 (съ дополненіями Mendelssohn'a). См. на стр. XIX.

23) *Игры, ожидавшіяся, но упущенныя въ 1067/314 г.*
Zosimus II, 7, 2. См. на стр. XIV.

24) *Игры, ожидавшіяся, но упущенныя въ 1101/348 г.*
Aurelius Victor, De Caesaribus c. 28, 2 (rec. Gruner, Coburg 1757). См. выше на стр. CX.

25) *Игры, ожидавшіяся, но, вѣроятно, упущенныя въ 1157/404 г.*
Claudius Claudianus XXVIII (Panegyricus de VI consulatu Honorii Augusti [изданный въ началѣ 1157/404 г.], v. 388 sqq. ed. Birt, Berol. 1892, p. 249):

Iam flavescentia centum
Messibus aestivae detondent Gargara falces
Spectatosque iterum nulli celebrantia ludos
Circumflexa rapit centenus saecula consul.
His annis, qui lustra mihi bis dena recensent,
Nostra ter Augustos intra pomeria vidi
Temporibus variis.

надписи (приведенныя еще Pagi въ его Critica histor.-chron. in Annales Baronii, vol. I, Antverp. 1727, p. 147), согласно которымъ она находится въ связи или съ секулярными играми Антонина Пія, съ одной стороны, и съ играми обоихъ Филипповъ съ другой, или же съ секулярными играми Септимія Севера (обозначаемыми у Цензорина 17, 11 какъ восьмыя) и съ тѣми, которыя должно было бы отпраздновать черезъ сто лѣтъ послѣ первыхъ, т. е. въ 304 г. по Р. Х., но которыя на самомъ дѣлѣ тогда не состоялись.

Хронологическая таблица секулярныхъ игръ,

какъ фактически отпразднованныхъ, такъ и не состоявшихся въ дѣйствительности, а только предполагавшихся или ожидавшихся, или же совсѣмъ вымышленныхъ *).

---

*) Всѣ даты указаны по эрѣ Варрона отъ основанія города Рима (ab u. c.) и по эрѣ до или послѣ Рождества Христова (a. Chr. или p. Chr.). Даты и №№ фактически отпразднованныхъ игръ напечатаны жирнымъ шрифтомъ; даты предполагавшихся или ожидавшихся, но не состоявшихся игръ поставлены въ угловатыя скобки такого вида: [ ]; даты игръ, вымышленныхъ легендою, поставлены въ угловатыя скобки такого вида: <>; даты игръ, вымышленныхъ жреческою коллегіею квиндецимвировъ, напечатаны *курсивомъ*, а тѣ даты вымышленныхъ легендою или только предполагавшихся, какъ кажется, игръ, которыя въ источникахъ не указаны точнѣе, снабжены вопросительными знаками, поставленными впереди и позади ихъ въ скобкахъ. Иныя даты игръ помѣщены одновременно въ нѣкоторыхъ изъ рубрикъ, установленныхъ мною для игръ, соотвѣтствовавшихъ 100- или 110-лѣтнимъ saecula, чтобы указать на возможность того, что эти игры устроены были соотвѣтственно различнымъ исчисленіямъ времени; поставленныя при этомъ круглыя скобки ( ) означаютъ, что исчисленія данной даты только предположительно принадлежатъ къ указанной рубрикѣ.

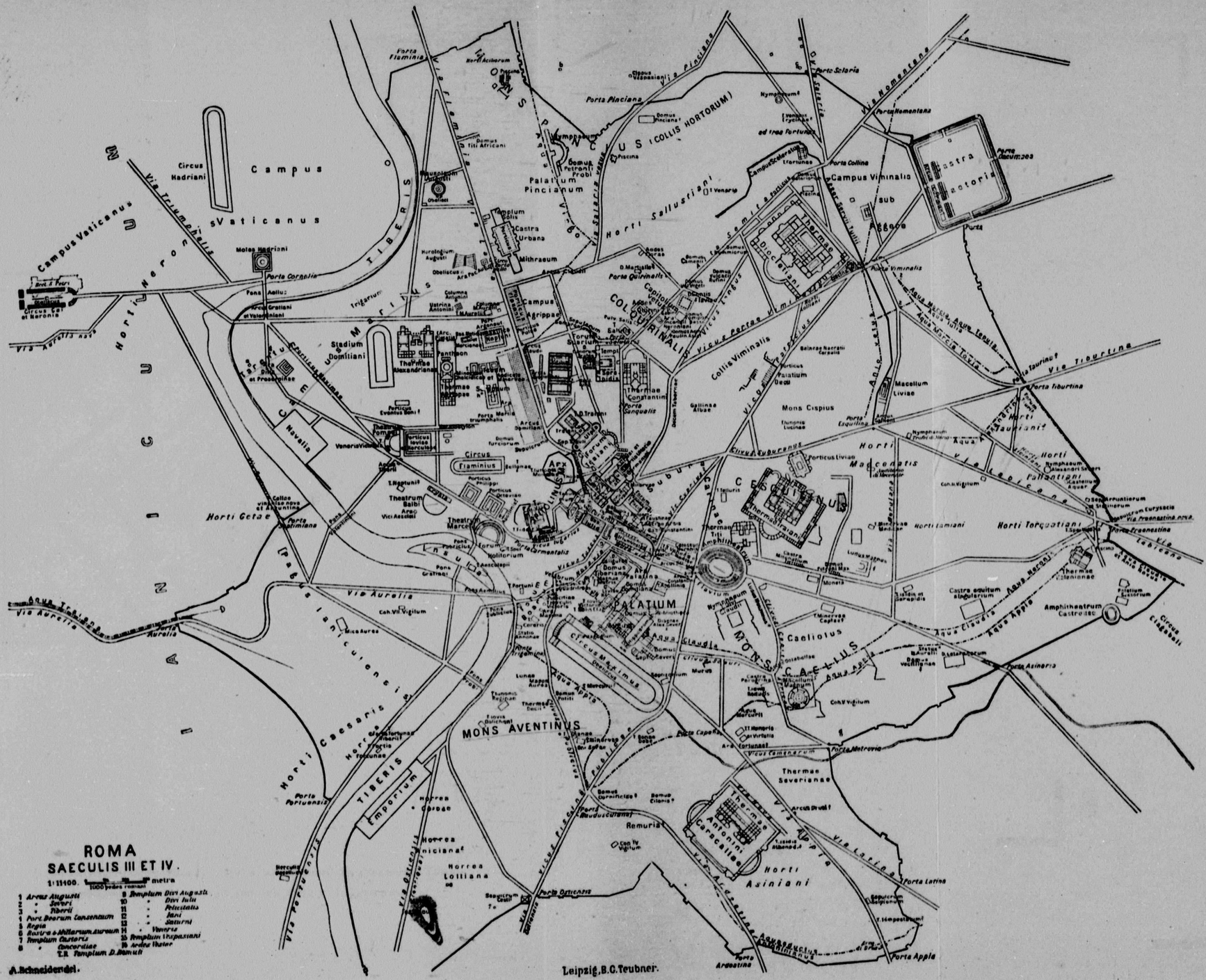
№№ секулярныхъ игръ				A. Игры, соотвѣтствовавшія 100-лѣтнимъ saecula				B. Игры, соотвѣтствовавшія 110-лѣтнимъ saecula						C. Игры, не соотвѣтствовавшія другимъ опредѣленіямъ saeculum'a.	
всѣхъ вообще (какъ состоявшихся, такъ и не состоявшихся), о которыхъ упоминаютъ древніе источники. (Ср. составленный нами на стр. XCIX—CXII хронологическій обзоръ ихъ по этимъ источникамъ)	согласно счету, сдѣланному квиндецимвирами	согласно счету, сдѣланному Цензориномъ на основаніи указаній различныхъ источниковъ или на основаніи собственныхъ исчисленій	дѣйствительно состоявшихся	ab u. c.	a. Chr.	ab u. c.	a. Chr.	ab u. c.	a. Chr.	ab u. c.	a. Chr.	ab u. c.	a. Chr.	ab u. c.	a. Chr.
1								<?1	753?>						
2												<?78	676?>		
3				<?105	649?>										
4				<?205	549?>										
5		1 (по указаніямъ неизвѣстныхъ источниковъ)												<245	509>
6													<250	504>	
7	1	1 (по указаніямъ квиндецимвировъ)										*298*	*456*		
8				<305	449>										
9		2 (по указаніямъ неизвѣстныхъ источниковъ)		406 вмѣсто 405	348 вмѣсто 349										
10	2	2 (по указаніямъ квиндецимвировъ)										*408*	*346*		
11		3 (по указаніямъ Аниата и Ливія)	1	**505**	**249**										
12	3	3 (по указаніямъ квиндецимвировъ)										*518*	*236*		
13		4 (по указаніямъ Аниата, Варрона и Ливія)	2 (или 2 и 3?)	**605** и (или?)	**149**										
14		4 (по указаніямъ Пизона Цензорія, Гн. Геллія и Кассія Гемины)		**608** вмѣсто 605	**146** вмѣсто 149										
15	4	4 (по указаніямъ квиндецимвировъ)										*628*	*126*	[?731	23?]
16	5	5	3 (или 4?)									**737** вмѣсто 738	**17** вмѣсто 16		
				ab u. c.	p. Chr.	ab u. c.	p. Chr.	ab u. c.	p. Chr.	ab u. c.	p. Chr.	ab u. c.	p. Chr.	ab u. c.	p. Chr.
17		6	4 (или 5?)											**800**	**47** [1]
18	(6)	7	5 (или 6?)			(**841**	**88**) [2]	(**800**	**47**)			(**841** вмѣсто 847	**88**)	**841**	**88** [3]
19			6 (или 7?)					**900**	**147**						
20	7	8	7 (или 8?)									**957**	**204**		
21			8 (или 9?)					**1001** вмѣсто 1000	**248** [4] вмѣсто 247						
22										[1057	304]				
23												[1067	314]		
24								[1101	348]						
25										[1157	404]				

[1]) т. е. черезъ 550 лѣтъ (или 5 стодесятилѣтнихъ saecula) послѣ 250/504 г., въ которомъ родъ Клавдіевъ, по традиціи, переселился въ Римъ.

[2]) т. е. черезъ 600 лѣтъ (или 6 столѣтнихъ saecula) послѣ освященія Капитолійскаго храма, которое древнѣйшими анналистами отнесено было къ 241 г. ab urbe condita, соотвѣтствовавшему 245 году Варроновой эры.

[3]) т. е. черезъ 110 лѣтъ послѣ предполагавшихся Августомъ, можетъ быть, еще въ 731/23 г. игръ, или черезъ 550 лѣтъ (= 5 стодесятилѣтнихъ saecula) послѣ большой моровой язвы 291/463 г., когда въ Капитолійскій храмъ былъ вбитъ гвоздь.

[4]) т. е., вѣроятно, въ 1000/247 г. согласно Капитолійской эрѣ.


ROMA
SAECULIS III ET IV.
1:11400. 1000 pedes romani 0 100 200 300 400 metra
1 Arcus Augusti
2 " Severi
3 " Tiberii
4 Port. Deorum Consentium
5 Regia
6 Rostra e Philippum Aureum
7 Templum Castoris
8 " Concordiae
T.D. Templum D. Romuli
9 Templum Divi Augusti
10 " Divi Iulii
11 " Palatinae
12 " Matris
13 " Saturni
14 " Veneris
15 Templum Vespasiani
16 Ardea Vestae
A. Schneiderus.
Leipzig, B.G. Teubner.
Circus Hadriani
Campus Vaticanus
Vaticanus
Mons Janiculensis
Horti Neronis
Via Triumphalis
Via Aurelia
Via Cassia
Via Flaminia
Via Labicana
Via Tiburtina
Via Praenestina
Via Appia
Via Ostiensis
Via Portuensis
Via Lata
Via Nomentana
Via Salaria
Via Collina
Via Quirinalis
Via Sacra
Via Nova
Via Sublicia
Via Cassia
Via Aurelia
Via Aurelia Nova
Via Triumphalis
Via Cornelia
Via Aurelia
Via Aurelia
Via Aur

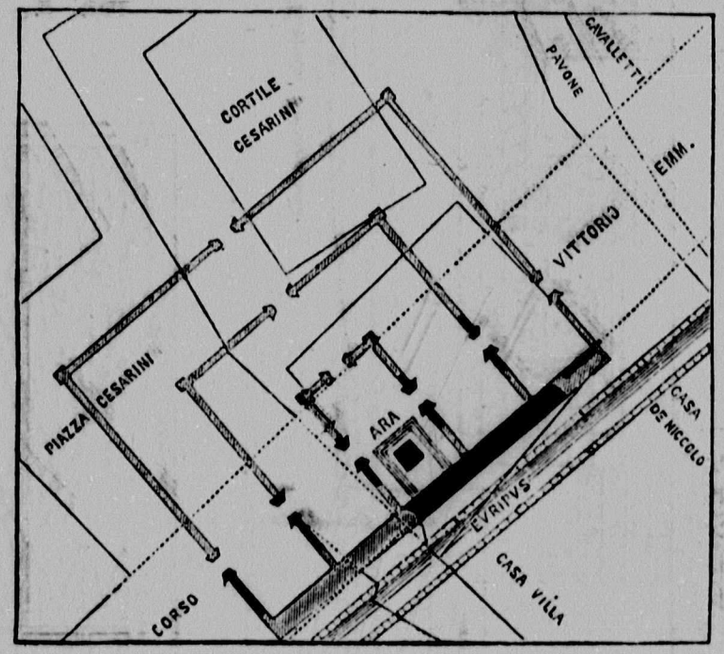


Рис. 1.

ARA DITIS ET PROSERPINAE.

Рисунокъ 1. Планъ нынѣшней мѣстности г. Рима, прозванной въ древности Tarentum, и найденнаго въ ней жертвенника Дита и Прозерпины.

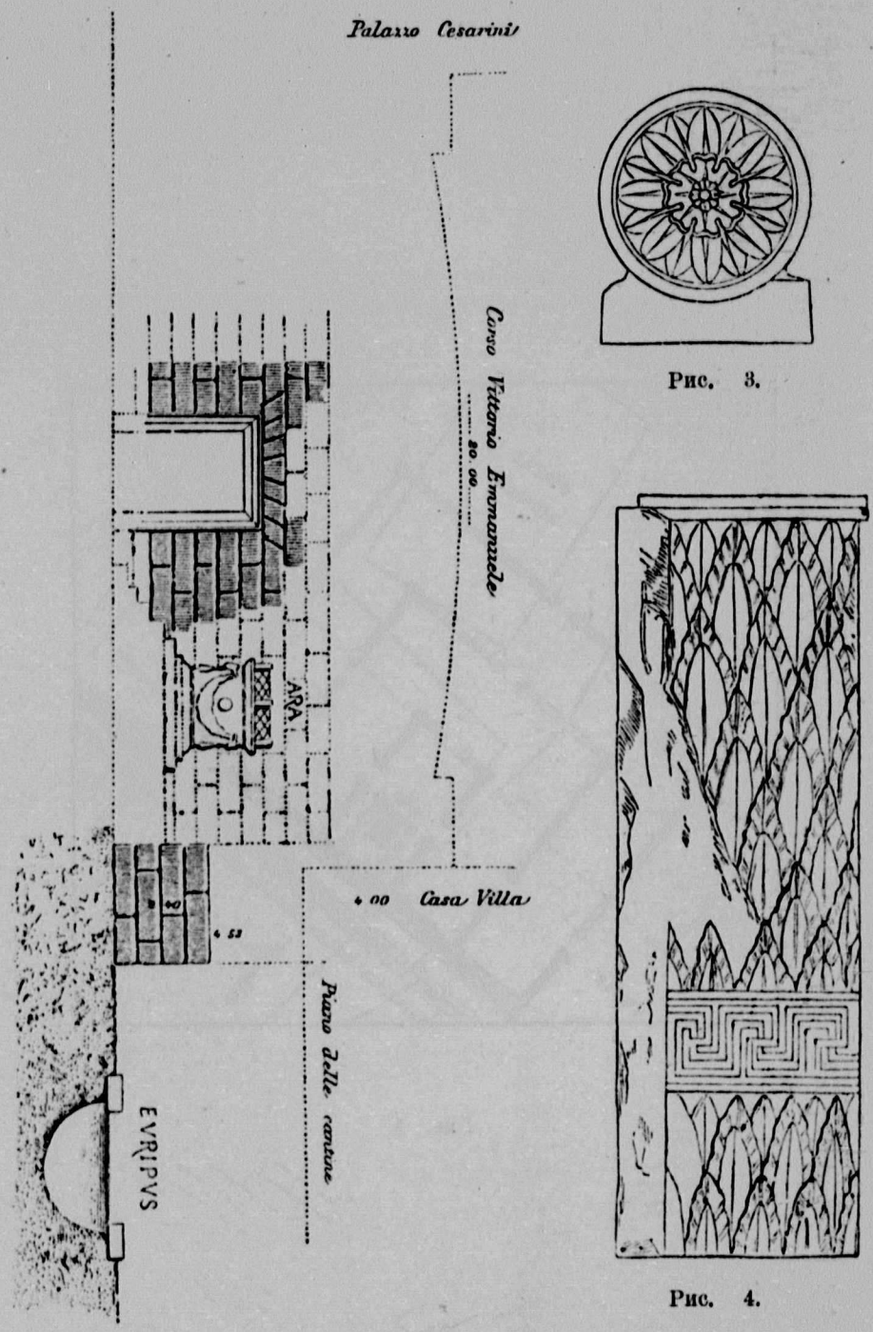


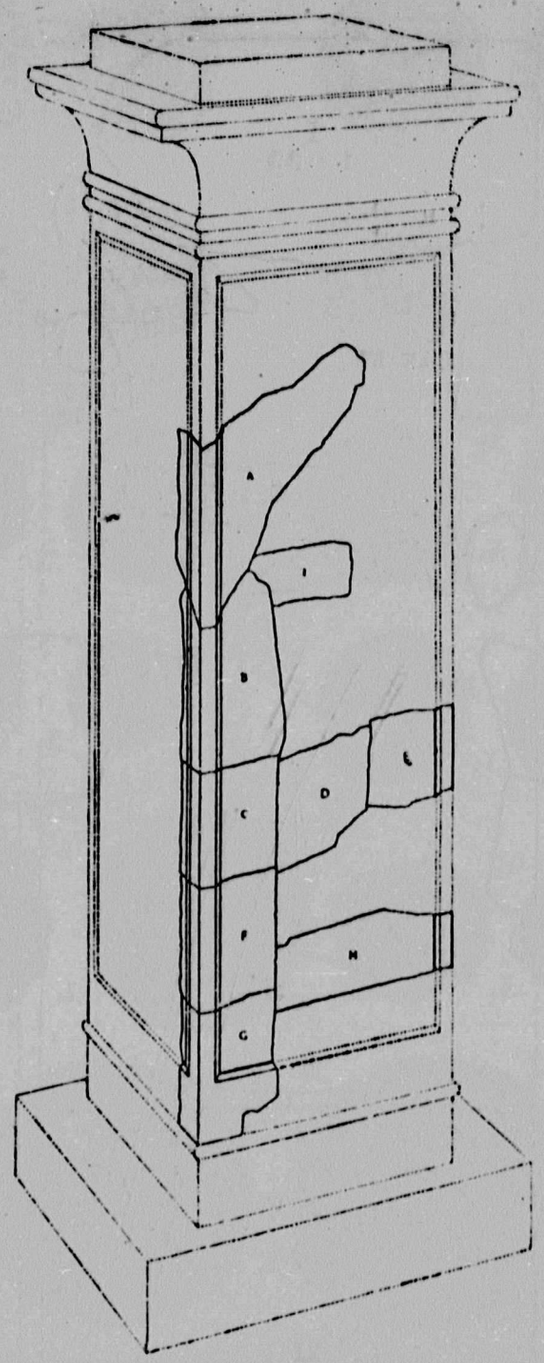
Рис. 2.

Рис. 3.

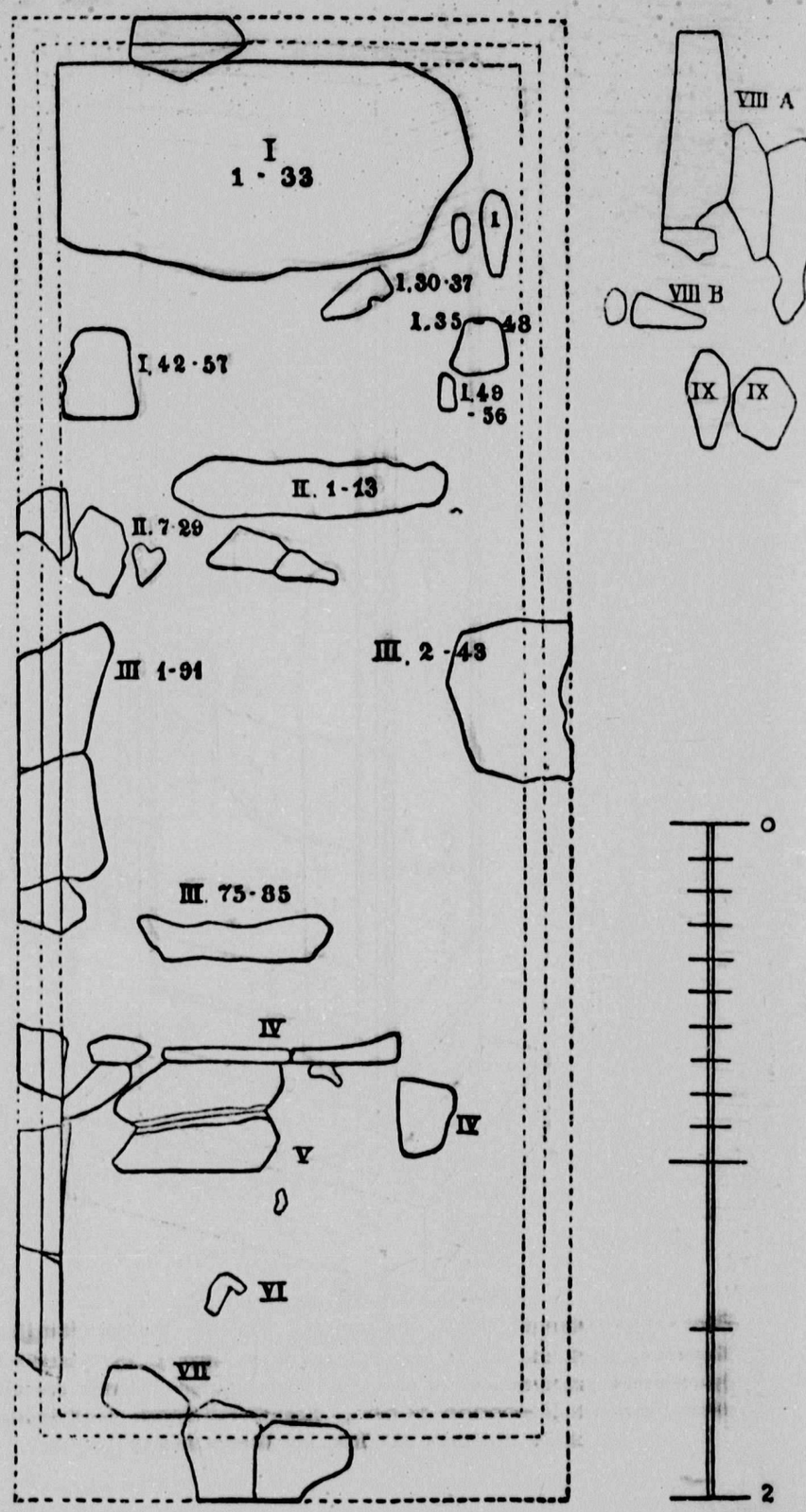
Рис. 4.

ARA DITIS ET PROSERPINAE.

Рис. 2. Реставрированный видъ самого жертвенника.
Рис. 3 и 4. Фрагменты нѣкоторыхъ украшеній его.



Реставрированный видъ мраморнаго столба, воздвигнутаго на древнемъ Марсовомъ полѣ въ память секулярныхъ игръ Августа, съ обозначеніемъ тѣхъ фрагментовъ украшавшей его надписи (commentarium ludorum saecularium quintorum), которые сохранились до насъ. Количество буквъ, помѣщенныхъ на полныхъ строкахъ надписи, колеблется между 76—95.



Реставрированный видъ мраморнаго столба, воздвигнутаго на древнемъ Марсовомъ полѣ въ память секулярныхъ игръ Септимія Севера, съ обозначеніемъ (согласно счету, установленному въ изданіи Моммзена въ Ephem. epigr.) тѣхъ фрагментовъ украшавшей его надписи (commentarium ludorum saecularium septimorum), которые сохранились до насъ. На верху столба строки надписи заключаютъ въ себѣ около 150 буквъ (какъ видно изъ фрагмента I, v. 27); начиная же съ середины столба (фрагм. IV), гдѣ буквы становятся меньше, строки заключаютъ въ себѣ сперва около 180 буквъ, а затѣмъ (на нижней части столба) даже около 200 буквъ. На боку столба строки состоятъ приблизительно изъ 85 буквъ.

Секулярныя монеты Августа (n. 1—4) и Домиціана (n. 5—11).

Буквы Б. и Л. означаютъ Берлинскій и Лондонскій нумизматическіе кабинеты, гдѣ хранятся оригиналы оттисковъ, воспроизведенныхъ какъ на этой, такъ и на слѣдующихъ таблицахъ.

1

Л.

2

Л.

3

Л.

4

Л.

5

Б.

6

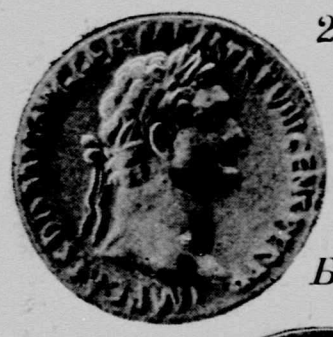
Л.

Секулярныя монеты Домиціана.

1

Л.

2



Б.

3

Л.

4

Л.

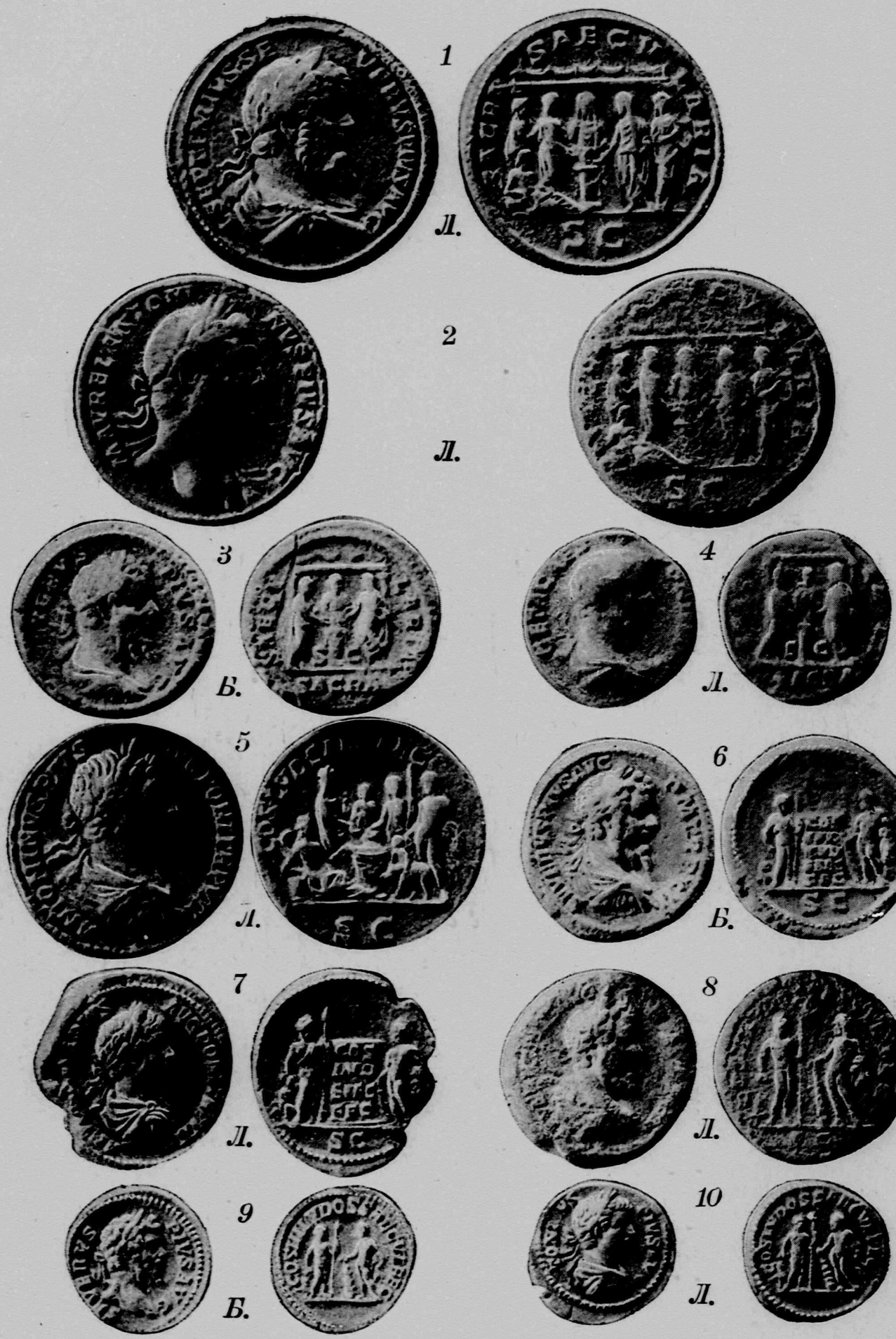
5

Б.

6

Л.

Секулярныя моносты Домиціана.



Секуляр ныя м онеты Септимія Севера (n. 1, 3, 6, 8, 9), Каракаллы (n. 2, 5, 7, 10) и Геты (n. 4).

Секулярныя монеты Филиппа отца (п. 1—6 и 9—12), Филиппа сына (п. 7) и Отацилiи (п. 8).

Секулярныя монеты Филиппа отца (п. 1 и 6—10), Филиппа сына (п. 2—3, Отациліи (п. 4) и Уранія Антонина (п. 5).

Секулярныя монеты Филиппа отца (п. 1—2), Филиппа сына (п. 3), Отациліи (п. 4), всѣхъ этихъ трехъ лицъ вмѣстѣ (п. 5), Требоніана Галла (п. 6) и Волузіана (п. 7).

Оглавленіе.

Таблица I. Статуя Августа изъ Primaporta.
Таблица II. Панцырь статуи Августа изъ Primaporta.
Посвященіе Францу Бюхелеру.
Предисловіе.

Изслѣдованіе.

СТРАН.

Введеніе . . . . . 1—4
Обработка древними и новѣйшими учеными вопроса о ludi saeculares.

Глава I. О значеніи, этимологіи и происхожденіи слова saeculum . . . . . 4—21
Правописаніе этого слова (стр. 4). Производства его, предложенныя Моммзеномъ (5), Энманномъ (7), Корссеномъ (9), Бюхелеромъ (10) и др. Древнѣйшее этрусско-римское понятіе о saeculum'ѣ (18) и примѣненіе его къ ludi saeculares (20).

Глава II. Происхожденіе римскихъ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ . . . . . 21—92
Учрежденіе этихъ игръ въ 505/249 г. (22). Греческіе элементы въ ихъ культахъ (23). Обозначеніе игръ названіемъ ludi Tarentini, а мѣстности, гдѣ онѣ происходили, названіемъ Tarentum (27) указываетъ на тарентинское происхожденіе ихъ (35). Культурное вліяніе греческаго города Тарента на Римъ (36). Сходства между секулярными или Тарентинскими играми и амиклейско-тарентинскими Гіакиноіями (42). Первоначальное значеніе Гіакинѳа и Аполлона, а также Артемиды и сестры Гіакинѳа Полибеи, почитавшихся на Гіакиноіяхъ (56). Основное тождество религіознаго значенія тарентинскихъ Гіакиноій и римскихъ ludi saeculares или Tarentini, указываемое двойственнымъ характеромъ того и другого празднества (84).

Глава III. Связь римскихъ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ съ родовымъ культомъ Валеріевъ, и происхожденіе и значеніе послѣдняго . . . . . 93—177
Легендарное преданіе о древнѣйшихъ секулярныхъ или Тарентинскихъ играхъ, косвенно почерпнутое Валеріемъ Максимомъ (97) и Зосимомъ (98) изъ лѣтописей Валерія Анціата (104). Критика этого преданія (107). Достовѣрные историческіе элементы его, указывающіе на нѣкогда существовавшій культъ Валеріевъ, который послѣдніе перенесли изъ своей сабинской родины въ Римъ (115). Сабино-фалисскій источникъ этого культа: почитаніе Сорана и Фероніи (119). Первоначальное значеніе этихъ божествъ и двойственный характеръ ихъ; миѳологическое тождество Сорана и Фероніи съ Аполлономъ и Юноною (или Діаною), съ одной стороны, и съ Дитомъ (Плутономъ) и Прозерпиною—съ другой (120). Почитаніе Валеріями божествъ солнца и луны (146).

Глава IV. Слияніе гентильнаго культа Валеріевъ съ такъ называемыми Тарентинскими или секуляр-

СТРАН.

ными играми, т. е. (тарентинскими) Гіакинѳіями, и празднованіе первыхъ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ въ Римѣ . . . . . 177—211
Близкія отношенія, установившіяся задолго до 505/249 г. между тарентинцами, съ одной стороны, и самнитянами-сабинянами, а также римлянами—съ другой (177). Смѣшеніе и сліяніе сабинскаго родового культа Валеріевъ съ тарентинскими Гіакинѳіями, какъ послѣдствіе распространившагося тогда мнѣнія, что тарентинцы родственны сабинянамъ; превращеніе этого культа въ sacra publica римскаго народа (179). Вѣроятное участіе въ этомъ дѣлѣ самихъ Валеріевъ, а также II. Клавдія Пульхра (183), Ливія Андроника (187), его патрона, магистра децемвировъ Ливія Салинатора (189) и понтифика Тиберія Корунканія (194). Учрежденіе въ 505/249 г. общегосударственнаго празднества секулярныхъ игръ, въ которое вошелъ родовой культъ Валеріевъ, смѣшанный съ тарентинскими Гіакинѳіями, и пріуроченіе даты первыхъ секулярныхъ игръ къ концу пятаго 100-лѣтняго saeculum'а Рима, т. е. къ пятисотой годовщинѣ города (200), основаннаго, согласно принятому, вѣроятно, въ то время хронологическому разсчету, въ 748 г. до Р. Х. (204).

Глава V. Критика традиціи о секулярныхъ играхъ, отпразднованныхъ будто бы раньше 505/249 г. . 211—216
Фиктивный характеръ этой традиціи, основанной на позднѣйшихъ хронологическихъ конструкціяхъ.

Глава VI. Секулярныя игры 605/149 и (или?) 608/146 г. 216—220
Критика различныхъ датировокъ этихъ игръ.

Глава VII. Секулярныя игры Августа въ 737/17 г. . . 220—284
Новый сивиллинъ оракулъ о секулярныхъ играхъ (221). Критика высказанныхъ Bergk'омъ, Diels'омъ, Mommsen'омъ и др. мнѣній о времени возникновенія его (223). Доводы въ пользу моего предположенія, что онъ возникъ въ Сулланскую эпоху (226). Отношенія ритуала секулярныхъ игръ, предписаннаго этимъ оракуломъ, къ ритуалу древнѣйшихъ секулярныхъ игръ (232). Египетское происхожденіе ученія о 110-лѣтнемъ saeculum'ѣ (233). Секулярныя игры Августа, предполагавшіяся сперва, какъ кажется, въ 731/23 г. (240), но дѣйствительно состоявшіяся въ 737/17 г. (245). Новонайденные оффиціальные акты этого празднества (248). Составленное по нимъ и другимъ источникамъ описаніе игръ Августа (249). Секулярный гимнъ Горація (266). Статуя Августа изъ Primaporta (281).

Глава VIII. Секулярныя игры Клавдія въ 800/47 г. . 284—290
Хронологическіе разсчеты Клавдія. Нѣкоторыя подробности его празднества.

Глава IX. Секулярныя игры Домиціана въ 841/88 г. 290—296
Хронологическіе разсчеты Домиціана. Нѣкоторыя подробности его празднества.

Глава X. Секулярныя игры Антонина Пія въ 900/147 г. . . . . 296—299

Глава XI. Секулярныя игры Септимія Севера въ 957/204 г. . . . . 299—310
Описаніе этого празднества по новонайденнымъ фрагментамъ оффиціальныхъ актовъ его.

СТРАН.

Глава XII. Секулярныя игры Филипповъ въ 1001/248 г. 310—317
Дата этихъ игръ (310) и хронологическіе разсчеты Филипповъ (312). Нѣкоторыя подробности устройства этого празднества (314).

Заключеніе . . . . . 317—326
Ожидавшіяся въ IV и V вѣкахъ по Р. Х., но не состоявшіяся секулярныя игры (318). Опроверженіе общепринятаго мнѣнія, будто при Галліенѣ, Постумѣ, Максиміанѣ Геркулесѣ и Караузіи состоялись секулярныя игры (319). Вѣроятное значеніе отчеканенныхъ этими императорами „секулярныхъ" монетъ (320). Вліяніе традиціи о древнеримскихъ ludi saeculares на учрежденіе папою Бонифаціемъ VIII юбилейнаго года римской церкви и на возникновеніе обычая праздновать также свѣтскіе юбилейные годы (324).

Приложенія.

Литературные (стр. I — XXXII), эпиграфическіе (стр. XXXII—LXIV) и нумизматическіе (стр. LXV—XCV) источники исторіи секулярныхъ игръ . . . . . I—XCV
„Секулярныя" монеты Галліена, Постума, Максиміана Геркулеса и Караузія . . . . . XCV—XCVII
„Секулярныя" лампадки . . . . . XCVII—XCVIII
Хронологическій обзоръ секулярныхъ или Тарентинскихъ игръ по источникамъ . . . . . XCIX—CXII
Хронологическая таблица секулярныхъ игръ . . . . . CXIII—CXV

ТАБЛИЦЫ.

Карта древняго Рима конца имперіи, съ особымъ обозначеніемъ (красными чертами) мѣстностей, упомянутыхъ въ источникахъ по поводу секулярныхъ игръ III
Ara Ditis et Proserpinae . . . . . IV а и б
Реставрированный видъ мраморныхъ столбовъ, воздвигнутыхъ въ память секулярныхъ игръ Августа и Септимія Севера, съ обозначеніемъ тѣхъ фрагментовъ украшавшихъ ихъ надписей (commentaria ludorum saecularium quintorum et septimorum), которые сохранились до насъ . . . . . V а и б
Секулярныя монеты Августа и Домиціана VI
Секулярныя монеты Домиціана VII
Секулярныя монеты Домиціана VIII
Секулярныя монеты Септимія Севера, Каракаллы и Геты. . IX
Секулярныя монеты Филиппа отца, Филиппа сына и Отациліи X
Секулярныя монеты Филиппа отца, Филиппа сына, Отациліи и Уранія Антонина XI
Секулярныя монеты Филиппа отца, Филиппа сына, Отациліи, всѣхъ этихъ трехъ лицъ вмѣстѣ, Требоніана Галла и Волузіана . . XII

Важнѣйшія опечатки.

СТРАНИЦА:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
3	1 (снизу)	VI-ой главѣ	VII-ой главѣ
32	13 (сверху)	qni	qui
70	16 (снизу)	луннаго	солнечнаго
188	15 (снизу)	Домиціанѣ	Августѣ
„	„	841/88	737/17
205	13 (снизу)	Cn. Elavius	Cn. Flavius
XXXIII	17 (сверху)	обыкновеннымъ шрифтомъ и курсивомъ	курсивомъ
LXV	4 (снизу)	фототипическихъ	автотипическихъ
LXXXVIII	20 (снизу)	вверхъ ногами.	вверхъ ногами. Кругомъ идетъ надпись слѣва вверхъ направо внизъ: SAECVLARES AVGG (т. е. Augustorum).
CXII	5 (сверху)	стр. XIV	стр. XIX
CXV	1 (снизу)	1000/247 г.	1000/248 г.

BIBLIOTEKA NARODOWA

Цѣна 2 руб. 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжныхъ магазинахъ Н. П. КАРБАСНИКОВА
(С.-Петербургъ, Москва, Варшава и Вильна).

BN
BIBLIOTEKA NARODOWA
137217

BAZINER, OSZKAR

LUDI SAECULALES.

DREVNERIMSZKIJA

SZEKULJARNÜJA IGRÜ.

VARSAVA, 1901. 326, CXV p.

VÉGE